МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра археологии, этнографии и музеологии
Музей археологии и этнографии Алтая

Археологические памятники Алтая
Выпуск 6

В. В. Горбунов, А. А. Тишкин

КУРГАНЫ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИОБСКОМ ПЛАТО

Монография

Под научной редакцией А. В. Харинского и А. Л. Кунгурова

Барнаул
Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

УДК 930.26(571.1)
ББК 63.48(2Рос-4Алт-6Г)
Г 676

Серия основана в 2016 году

Рецензенты:
доктор исторических наук ***С. А. Васютин;***
доктор исторических наук ***П. К. Дашковский;***
кандидат исторических наук ***Г. Г. Король***
Научные редакторы:
доктор исторических наук ***А. В. Харинский;***
кандидат исторических наук ***А. Л. Кунгуров***

Г 676 **Горбунов, В. В.**
Курганы сросткинской культуры на Приобском плато [Текст] : монография / В. В. Горбунов, А. А. Тишкин; науч. ред. А. В. Харинский, А. Л. Кунгуров. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. – 320 с. : ил. – (Археологические памятники Алтая. Вып. 6).
ISBN 978-5-7904-2673-5 (вып. 6)
ISBN 978-5-7904-2159-4

Публикуются результаты исследований погребальных памятников сросткинской археологической культуры, расположенных на территории Приобского плато. Рассматривается история их изучения. Дается полное описание всех объектов, раскопанных экспедициями АГУ с 1997 по 2004 г. На основе типологического анализа сопроводительного инвентаря установлена датировка некрополей в рамках 2-й половины VIII – XII в. н.э. (с разделением на этапы). Характеризуются особенности погребального обряда, позволяющие выделить различные этнические и социальные группы среди населения, оставившего изученные могильники. Определяется значение территории Приобского плато в ареале распространения памятников сросткинской культуры в качестве своеобразного политического центра самостоятельного объединения тюрко-самодийских племен на юге Западной Сибири. Книга снабжена картами-схемами, планами, рисунками и фотоснимками археологических материалов, иллюстрирующих результаты проделанной работы.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, этнографии, музеологии и средневековой истории.

УДК 930.26(571.1)
ББК 63.48(2Рос-4Алт-6Г)

Монография подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования»), типографские расходы осуществлялись за счет личных средств авторов

ISBN 978-5-7904-2673-5 (вып. 6)
ISBN 978-5-7904-2159-4

© Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2022
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2022

ВВЕДЕНИЕ

Памятники сросткинской археологической культуры были оставлены крупным объединением племен, проживавших на юге Западной Сибири в конце раннего – начале развитого Средневековья. На протяжении длительного периода (2-я половина VIII – XII в.) это население играло заметную роль в военно-политических и этнокультурных процессах на границе с разными регионами Центральной Азии. Также с ним в немалой степени связано начало активной тюркизации лесостепных районов Западно-Сибирской равнины [Горбунов, 2003а, с. 37, 40–42].

Наиболее ранние материалы, отнесенные впоследствии к сросткинской культуре, были получены Первой Академической экспедицией в 1733–1744 гг., а первые раскопки ее памятников осуществлялись Л.И. Шренком (1856 г.), Г. Менье (1861 г.) и В.В. Радловым (1862 г.). Наименование культуре дано по курганному могильнику Сростки-I, который исследовался в 1925 и 1930 гг. М.Д. Копытовым, М.Н. Комаровой и С.М. Сергеевым [Савинов, 1998, с. 175–176]. Инициатором уже устоявшегося названия стал М.П. Грязнов [1949, с. 119], обосновавший ее выделение, учитывая имевшиеся материалы и опираясь на результаты своих работ на комплексе памятников в урочище «Ближние Елбаны» (у с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края). В обобщающей монографии «История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка» он написал, «…что сросткинская культура на Алтае представляет собой продукт местного развития и что примерно в VIII в. население с этой культурой распространилось из Алтая на север по лесостепным районам р. Оби» [Грязнов, 1956, с. 151]. Позднее им были обозначены четыре локальных варианта сросткинской культуры: бийский, барнаульско-каменский, новосибирский и кемеровский [Грязнов, 1960, с. 24].

Во 2-й половине XX в. и в первые десятилетия XXI в. раскопками, изучением и интерпретацией памятников рассматриваемой археологической культуры занимался целый ряд исследователей: А.П. Уманский, Д.Г. Савинов, В.А. Могильников, С.В. Неверов, Т.Н. Троицкая, А.А. Адамов, А.С. Васютин, А.М. Илюшин и другие археологи [Горбунов, 2012, с. 550–551]. Определенный вклад был внесен и авторами настоящей монографии, под руководством или при непосредственном участии которых раскопано 27 могильников и идентифицировано 21 поселение сросткинской культуры [Тишкин, 1991; 1993а–б; Тишкин, Тишкина, 1991; Горбунов, 1996; 2013; Тишкин, Горбунов, 1998; 2000а–б; 2002а; Горбунов, Тишкин, 1999; 2001; 2014; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016; и др.].

К настоящему времени, по нашим подсчетам, выявлено 163 памятника (138 погребальных и 25 поселенческих), которые можно с полным основанием отнести к сросткинской культуре. Стоит отметить, что разработаны хронология и периодизация этого зафиксированного исторического явления [Неверов, 1991; Неверов, Горбунов, 2001; Тишкин, Горбунов, 2002б], а также наполняется его содержание, так как благодаря предпринятым усилиям накоплена обширная источниковая база. Археологические памятники сросткинской культуры (курганные и грунтовые могильники, поселения и городища, местонахождения и случайные находки) известны на всей территории Лесостепного Алтая: в пределах Предалтайской равнины, Приобского плато и восточной части Кулундинской равнины (левобережье Оби), а также в предгорной

зоне Бийско-Катунского междуречья, Предсалаирской равнине, Бийско-Чумышской возвышенности и севернее нее (на правобережье Оби). Они присутствуют в Новосибирском Приобье и отмечены в западных районах Кузнецкой котловины.

На современном этапе изучения сросткинской культуры основным направлением в процессе изучения остается полная публикация исследованных археологических объектов. Хотя многие из них уже в определенной мере введены в научный оборот, причем некоторые давно и достаточно полно, но не меньшее их число еще ждет своего часа. Особенно важным представляется издание сводных монографий по крупным районам ареала распространения сросткинских памятников, как это было сделано, например, для Новосибирского Приобья [Адамов, 2000] и западной части Предалтайской равнины [Могильников, 2002]. Результаты подобного плана представлены в публикуемой монографии. Основная цель предпринятого исследования – обобщение, анализ и интерпретация данных о погребальных памятниках сросткинской культуры, расположенных на территории Приобского плато. В процессе ее реализации была рассмотрена история изучения таких памятников начиная с середины XIX в. и до начала XXI в. При этом по возможности приводились их характеристики, важные для дальнейшего рассмотрения и учета мнения ученых на их хронологию, культурную и этническую принадлежность. Также были выполнены морфологические описания найденных изделий, осуществлены классификация и типология серийных категорий и видов обнаруженного инвентаря, определена датировка грунтовых погребений, курганов и могильников, установлено их место в разработанной периодизации, рассмотрены особенности погребального обряда и выявлены различные этнические и социальные группы среди населения, оставившего публикуемые некрополи.

Приобское плато, на территории которого расположены рассматриваемые археологические памятники, является самостоятельным географическим регионом, примыкающим к левому берегу Оби, в ее верхнем течении. На юге оно ограничено устьем Чарыша (левый приток Оби), а на севере оканчивается у истока Бурлы. Вдоль левобережной узкой части поймы Оби высота плато достигает 300 м над уровнем моря. Постепенно понижаясь с востока на запад, оно переходит в Кулундинскую равнину. Основную часть плато в направлении с юго-запада на северо-восток прорезают три левых притока Оби: Алей (самая крупная река), Барнаулка и Касмала. Имеются также цепочки озер и более мелкие речки. В северной части плато разрезается на отдельные участки поймой истока Кулунды и ее притоков (рис. 1). Подробное физико-географическое описание указанного региона исследований с опорой на специальную литературу уже приводилось в одной из наших работ [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 37–38].

Во время существования сросткинского объединения, особенно в период его расцвета во 2-й половине IX – 1-й половине XI в., Приобское плато являлось географическим центром всего ареала культуры. Как показали наши раскопки, а также работы археологов Барнаульского государственного педагогического университета под руководством А.Н. Телегина [1998–2000; 2004], именно там находятся самые крупные и «богатые» курганы. Это позволяет считать Приобское плато политическим центром сросткинского объединения. Поэтому обобщение информации по всем раннесредневековым могильникам с этой территории в одном издании представляется актуальным.

Важное место в монографии занимает всесторонняя публикация результатов целенаправленных раскопок сросткинских курганных могильников экспедициями Алтайского государственного университета в 1997–2004 гг. в разных местах Приобского плато. Благодаря им, помимо обычных курганных насыпей, удалось исследовать серию из четырех таких объектов крупных размеров («элитных»). Эти работы потребовали применения более сложной методики раскопок и позволили получить разнообразные, в том числе и уникальные материалы. Именно они послужили в дальнейшем основой для многих типологических построений и реконструкций.

Значительная часть иллюстраций, представленных в монографии (приложение I), воспроизводит указанные результаты. Графические рисунки находок выполнены А.Л. Кунгуровым, фотоснимки вещей сделаны С.В. Семеновым. Приводимые реконструкции разработаны В.В. Горбуновым и нарисованы О.С. Лихачевой. Рентгенофлюоресцентный анализ изделий из цветных металлов осуществлен А.А. Тишкиным. Все прочие материалы подготовлены авторами совместно.

Полученные коллекции находок сданы на хранение в Музей археологии и этнографии Алтая ИИМО АГУ (КП №164, 165, 166, 167, 168, 169, 179, 186). Они активно используются в стационарной экспозиции и выставочных проектах музея. Отчеты о проведении полевых работ хранятся в Научно-отраслевом архиве Института археологии и этнографии РАН (Москва) и в архивном фонде Музея археологии и этнографии Алтая АГУ (АФ № 155, 159, 186, 187, 208). В ходе раскопок получена существенная коллекция антропологических материалов, определения которых выполнены С.С. Тур и Д.В. Поздняковым. Они частично опубликованы в специальной монографии [Поздняков, 2006, с. 18, 20–21]. Также найдена представительная серия археозоологических находок (в основном от скелетов лошадей, кости крупного и мелкого рогатого скота). Отбирались образцы для радиоуглеродного датирования, а также пробы древесины для дендрохронологического анализа. Эти результаты опубликованы в отдельных статьях [Быков, Малышева, Горбунов, Тишкин, 2013; Тишкин, Быков, Горбунов, Серегин, 2016]. Имеются перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований обнаруженных археологических материалов.

За время раскопок курганов, кроме авторов, в экспедициях неизменно принимали участие студенты-практиканты ИФ АГУ. В разные годы в них участвовали школьники из с. Киприно под руководством П.Л. Рудометова, из средней школы №120 г. Барнаула под руководством К.Ю. Кирюшина, а также магистрант ИФ Барнаульского государственного педагогического университета А.С. Боровков, аспиранты и преподаватели кафедры археологии, этнографии и источниковедения (музеологии) ИФ АГУ, сотрудники Музея археологии и этнографии Алтая АГУ и НПЦ «Наследие»: П.К. Дашковский, Я.В. Фролов, Е.А. Артюх, О.Г. Лыжникова и др. Авторы выражают признательность всем, кто принимал участие в полевых работах и в подготовке к изданию данной монографии.

Стоит отметить вклад жителя с. Безголосово Уколова Геннадия Павловича, который способствовал выявлению археологических объектов сросткинской культуры в Алейском районе Алтайского края. Слова особой благодарности выражаем А.Л. Кунгурову (к.и.н.), который внес большой вклад в фиксацию и обработку полученных материалов, а также А.В. Кондрашову (к.и.н.), С.С. Матренину (к.и.н.), Д.Е. Сарафанову (к.и.н.), А.С. Федоруку (к.и.н.), В. Циху, Е. Маслову, А. Сингаевскому, которые составляли эффективное ядро в курганных бригадах наших экспедиций.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИОБСКОГО ПЛАТО

На сегодняшний день в пределах Приобского плато известны и в разной степени исследованы 34 погребальных (рис. 1) и 11 поселенческих комплексов, которые можно датировать концом раннего – началом развитого Средневековья (VIII–XII вв.) и отнести к сросткинской археологической культуре [Горбунов, 2009а]. Помимо этого, на рассматриваемой территории выявлены случайные местонахождения, относящиеся к указанному периоду [Горбунов, 1991; Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001; Горбунов, Кирюшин, 2014; и др.]. История изучения памятников и отдельных предметов насчитывает около 150 лет. Она может быть разделена на три периода, отличающихся количеством открытых и раскопанных объектов, а также уровнем их осмысления. В данной главе основное внимание будет уделено изложению обстоятельств выявления и исследования погребальных памятников. Будут упомянуты и случайные находки, найденные при них. Информация о поселениях опубликована в специальной обобщающей статье [Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016].

1.1. Исследования 1860–1910-х гг.

Первые работы по изучению средневековых погребальных памятников Приобского плато были проведены в начале 1860-х гг. в окрестностях Барнаула. В конце сентября 1861 г. приехавшие на Алтай французские исследователи доктор Г. Менье и барон Л. Эйхталь по совету местного краеведа С.И. Гуляева предприняли раскопки нескольких курганов на Туриной горе [Тишкина, 2010, с. 44]. К ним присоединился преподаватель Барнаульского окружного училища, доктор философии В.В. Радлов [Артюх, 2010].

Информация о произведенных вскрытиях с разной степенью подробностей была оставлена всеми названными участниками работ. Позднее она неоднократно рассматривалась и анализировалась современными исследователями [Неверов, 1980, с. 95; Артюх, Кунгуров, 2006, с. 139–142; Кунгуров, Сингаевский, 2006, с. 8–12, рис. 26–27; Артюх, 2010, с. 64–68, рис. 1–5; Тишкина, 2010, с. 44–48, рис. 1–3; и др.]. Суммируя имеющиеся сведения, можно представить следующую картину расположения и содержания археологического памятника.

Это был курганный могильник, насчитывавший порядка 96 земляных насыпей и протянувшийся по так называемой Туриной горе от почтовой дороги в г. Томск до деревни (поселка) Гоньба на расстоянии около 8,5 км [Артюх, 2010, с. 66]. Учитывая слишком большую общую протяженность памятника, можно предположить расположение там не одного некрополя, а нескольких курганных групп [Кунгуров, Сингаевский, 2006, с. 9]. Непосредственно для раскопок французской экспедицией были вы-

браны четыре кургана, которые образовывали цепочку вдоль левого берега Оби. Они имели насыпи округлой формы, высотой до 0,7 м [Тишкина, 2010, с. 45; Артюх, 2010, с. 66, рис. 1, 4–5].

Число могил, исследованных в том или ином кургане, имеет существенное расхождение между сведениями С.И. Гуляева (в передаче его сына Н.С. Гуляева) и В.В. Радлова [Тишкина, 2010, с. 45–46]. Стоит отметить, что информация, приводимая В.В. Радловым, заслуживает большего доверия, так как подтверждается его зарисовками курганов и могил, которые, в свою очередь, по числу могил полностью соответствуют планам-схемам из публикации Г. Менье и Л. Эйхталя [Артюх, 2010, рис. 1, 4–5].

Курган №1 (самый северный) достигал диаметра немногим более 5 м и содержал четыре погребения, расположенных в ряд и находившихся на глубине чуть более 1,5 м. В могиле-1 расчищен скелет взрослого человека, лежавшего вытянуто на спине, головой на восток и без инвентаря. Могила-2 содержала скелет взрослого человека, также уложенного вытянуто на спину, головой на восток. При нем найдены две медные «розетки» (вероятно, так названы половинки игольника), зеленая и черная бусины, «подвеска» из кварца, железное изделие с длинным черешком, обернутым берестой, и кусок шерстяной ткани [Тишкина, 2010, с. 45, рис. 1.-4, 2.-2, 5–6, 3.-11–12, 16–18]. Судя по составу инвентаря, там была погребена женщина. В могиле-3 находился скелет умершего ребенка 4–5 лет, лежавшего вытянуто на спине, головой на восток. На его груди располагались медный колокольчик-бубенчик, обломок «иглы» (вероятно, фрагмент булавки с навершием) и сердцевидная ажурная подвеска [Артюх, 2010, с. 67; Тишкина, 2010, с. 45, рис. 3.-9–10, 13]. Могила-4 также содержала скелет ребенка, но в возрасте 2–3 лет и без инвентаря. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на восток.

Курган №2 имел диаметр около 5 м. Под его насыпью оказались два параллельных погребения, сооруженных на глубине чуть более 1 м. В могиле-1 зафиксирован скелет взрослого человека (по инвентарю – мужчина), лежавшего вытянуто на спине, головой на северо-восток. Из вещей найдены наконечник копья (видимо, только его железная втулка с торчащим из нее фрагментом древка) и «костяное украшение» (возможно, прямоугольная пластина с прорезью посередине и двумя круглыми отверстиями ближе к коротким сторонам) [Артюх, 2010, с. 67; Тишкина, 2010, с. 45, рис. 1.-1, 3.-3]. Могила-2 также содержала скелет взрослого человека (по инвентарю – мужчина), который лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. С ним найдены железный и костяной наконечники стрел и железный нож [Артюх, 2010, с. 67; Тишкина, 2010, с. 45–46, рис. 2.-1, 3–4, 3.-1-2].

Курган №3 имел диаметр несколько больше 10 м и содержал три погребения в ряд, зафиксированные на глубине от 1 до 1,5 м. В могиле-1 (самой мелкой) оказался скелет ребенка 2–3 лет, лежавшего вытянуто на правом боку, головой на северо-восток. В области груди у него находилось «костяное украшение», за которое В.В. Радловым были приняты отдельные кости детского скелета [Тишкина, 2010, с. 46, рис. 1.-2, 3.-4–8]. Современные исследователи почему-то посчитали эти косточки без отверстий [Артюх, 2010, с. 67] просверленными раковинами корбикул (*Corbicula)*, видимо, руководствуясь сходством их формы [Кунгуров, Сингаевский, 2006, с. 12, рис. 26.-2–6, 9]. Могила-2 содержала скелет взрослого человека (по инвентарю – мужчина), уложенного вытянуто на спину, головой на восток. Возле черепа обнаружены железный наконечник копья и остатки деревянной чаши или керамического сосуда [Артюх, 2010, с. 67; Тишкина, 2010, с. 46]. В могиле-3 (самой глубокой) также находился скелет взрослого человека, лежавшего вытянуто на спине, головой на восток и без инвентаря.

Курган №4 достигал диаметра несколько больше 5 м и содержал одно погребение по центру на глубине около 1,9 м. В могиле расчищен скелет взрослого пожилого человека (по инвентарю – женщина), уложенного вытянуто на спину, головой на северо-восток. В районе груди найдены две медные крупные кольчатые серьги, связанные полоской шерстяной ткани [Артюх, 2010, с. 67; Тишкина, 2010, с. 46, рис. 3.-15].

Среди рисунков французской экспедиции есть два предмета, скорее всего, из меди или бронзы, которые не соотносятся с конкретными могилами. Это целая булавка с навершием, близким по форме к обломку булавки из могилы-3 кургана №1, и кольчатая серьга более мелких пропорций, чем серьги из могилы кургана №4 [Тишкина, 2010, рис. 1.-3, 3.-14].

Погребения в раскопанных объектах были снабжены внутримогильными конструкциями в виде продольно-поперечных перекрытий из березовых стволов и плах, опиравшихся на деревянные рамы. В двух могилах зафиксированы берестяные конверты. Помимо этого, все умершие снабжались заупокойной пищей. Отмечено по пять позвонков овцы, лежавших у груди или в ногах человека [Артюх, 2010, с. 66–67; Тишкина, 2010, с. 46–47].

М.П. Грязнов отнес исследованные курганы к сросткинской археологической культуре, которая была им выделена и обоснована. Сам памятник он назвал «Гоньба» [Грязнов, 1956, с. 151]. Это же название указывали В.А. Могильников и С.В. Неверов. Первый из них отнес курганный могильник Гоньба ко второму этапу сросткинской культуры, который определил IX–X вв. [Могильников, 1981а, с. 45]. Второй исследователь использовал этот памятник для обозначения гоньбинского этапа сросткинской культуры с такой датировкой: 1-я половина IX в. [Неверов, 1990, с. 171; 1991, с. 182]. В дальнейшем Е.А. Артюх и А.Л. Кунгуров предложили переименовать группу раскопанных в 1861 г. курганов в «Казачий Взвоз». Основанием для этого послужила информация из французского отчета о том, что так именуется часть Туриной горы, покрытая курганами. Сам памятник они отнесли к шадринцевскому этапу сросткинской культуры, который датируется 2-й половиной X – 1-й половиной XI в. [Артюх, Кунгуров, 2006, с. 143].

Спустя почти год после работ французской экспедиции, в августе 1862 г., В.В. Радлов предпринял самостоятельные раскопки курганов под Барнаулом. Информация о полученных результатах, содержащаяся в книге «Из Сибири», весьма краткая [Радлов, 1989, с. 453]. Из нее следует, что ученый раскопал четыре кургана диаметром 4–6 м, высотой 0,35 м, в которых было по одному центральному погребению. Могилы имели длину около 2 м, ширина трех из них составляла 1 м, а одной – 1,7 м. Глубина могильных ям не превышала 1 м. В двух могилах отмечено наличие деревянного перекрытия, а в двух – берестяного. Могилы-1 и 2 содержали одиночные трупоположения, а могилы-3 и 4 – парные. Все умершие люди располагались вытянуто на спине, головой на северо-восток. На груди находилась заупокойная пища, от которой остались четыре-пять позвонков овцы. В двух могилах в районе живота погребенных найдены медные пряжки и сбоку ножи. Они определяются как мужские. Помимо этого, упоминаются «незначительные украшения» без привязки к могилам и какого-либо их описания [Радлов, 1989, с. 453].

В отчетных материалах В.В. Радлова информация об инвентаре из погребений оказалась более подробной: у скелета 1 – бронзовая пряжка на поясе; у скелета 2 – медное украшение (видимо, тоже пряжка) на поясе и часть истлевшего кушака (т.е. остатки кожаного ремня); у скелета 3 – между ног круглый камень с отверстием (пряслице); у скелета 4 – сбоку обломок железного предмета; у скелета 5 – остатки кожи на ногах; у скелета 6 – истлевший фрагмент резного дерева [Артюх, 2010, с. 77–78].

Сходство этих курганов с объектами, раскопанными годом ранее, очевидно, и логично предположить, что В.В. Радлов продолжил изучение уже известного ему памятника [Кунгуров, Сингаевский, 2006, с. 13]. С.В. Неверов [1988, с. 17] использовал для курганов, раскопанных в 1862 г., продолжающуюся нумерацию, а сами объекты отнес к раннему периоду сросткинской культуры (конец VII – VIII в.). Придерживаясь данной нумерации, можно выстроить следующую схему соответствия раскопанных объектов (по В.В. Радлову): курган №5 – это могила-1 и скелет 1, курган №6 – могила-2 и скелет 2, курган №7 – могила-3 и скелеты 3 и 4, курган №8 – могила-4 и скелеты 5

и 6. Таким образом, всего в 1861 и 1862 гг. на курганном могильнике Гоньба (Казачий Взвоз) были исследованы восемь курганов, содержавших 14 могил по обряду одиночной и парной ингумации.

После указанных раскопок в изучении сросткинских погребальных памятников на Приобском плато наступает долгая пауза. Лишь в начале XX в. на данной территории зафиксированы материалы случайного происхождения.

В 1910 г. Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III приобрел у крестьянина З. Кузьмина коллекцию вещей, полученную при грабительских раскопках кургана у с. Заковряшино (у самой северной границы Приобского плато). Предметы этой коллекции были изучены и опубликованы А.А. Казаковым [1995, с. 162], который отметил, что в районе с. Заковряшино известны три курганные группы, но сказать к какой из них относился «раскопанный» курган не представляется возможным.

В составе коллекции из Заковряшино есть кости человека и лошади, что позволяет предположить наличие в кургане погребения по обряду ингумации с конем [Казаков, 1995, с. 161]. Сопроводительный инвентарь также представлен предметами от костюма человека и снаряжения верхового коня. Это бронзовая позолоченная поясная пряжка с сердцевидной рамкой (судя по ней, погребение было мужским), бронзовый с позолотой (обломанный) наконечник уздечного ремня с геометрическим орнаментом, бронзовая с остатками позолоты уздечная бляха-накладка с растительным орнаментом, грушевидная бусина из синего стекла и цилиндрическая бусина из зеленого стекла с красными вставками [Казаков, 1995, рис. 1.-2–6]. Автор публикации датировал комплекс вещей IX–X вв. и отнес его к сросткинской культуре [Казаков, 1995, с. 164].

Можно сказать, что изучение средневековых погребальных памятников на Приобском плато в дореволюционный период носило эпизодический характер. Ими занимались не профессионалы, а, скорее всего, любители или в лучшем случае исследователи, которые лишь начинали осваивать методику археологических раскопок, такие как Г. Менье и В.В. Радлов. Вероятно, значительной была доля грабительских проникновений в курганы, но от них сохранились только единичные сведения и материалы.

Тем не менее раскопки могильника Гоньба были проведены на относительно хорошем методическом уровне, так как археологические объекты исследовались целиком. Однако подобный подход применялся лишь для небольших курганов. Тот же В.В. Радлов в других своих работах чаще использовал метод вскрытия крупных насыпей колодцем [Артюх, 2010, с. 74].

Хронологическая и этнокультурная атрибуция раскопанных в тот период памятников была проведена уже во 2-й половине XX в. Сами исследователи, их изучавшие, редко пытались это выяснить. Правда, Г. Менье и Л. Эйхталь пришли к выводу, что скелеты людей из курганов на Туриной горе принадлежат к переходному типу между финским и тюрко-татарским населением, что в некоторой степени подтверждается современными данными по антропологии сросткинской культуры [Тишкина, 2010, с. 47]. В.В. Радлов относил раскопанные им около Барнаула курганы «к более позднему времени, чем насыпные погребения Южного Алтая» (Катанда, Берель). Он затруднялся определить «…оставлены ли… тюрками погребения железного века на Северном Алтае… или же они принадлежали угро-самоедским племенам или енисейцам» [Радлов, 1989, с. 451, 477]. Однако названные им этнические группы населения (тюрки, угры и самодийцы, кыргызы) оказались актуальными для дальнейших исследований. Созданные впоследствии концепции культурогенеза в эпоху Средневековья на Алтае отводили этим народам важные роли, хотя, конечно же, были выявлены и другие «действующие лица».

Несмотря на небольшое число исследованных в дореволюционный период погребений (15) сросткинской культуры на Приобском плато, они создали необходимый задел на будущее. Благодаря раскопкам на памятнике Гоньба при выделении сросткинской культуры территория Приобского плато включалась в ее ареал.

1.2. Исследования 1960–1980-х гг.

Первые десятилетия советского периода не принесли открытий новых погребальных памятников сросткинской культуры на самом Приобском плато. Однако по соседству с этим регионом (в северных предгорьях Алтая и на правобережье Оби) в 1920–1940-х гг. были проведены существенные по объему раскопки, которые позволили М.П. Грязнову сначала обозначить, а затем и обосновать выделение новой археологической культуры. Он назвал ее «сросткинской» по курганному могильнику Сростки-I, исследовавшемуся в 1925 и 1930 гг. на горе Пикет (Бийский район Алтайского края). Материалы этого памятника были существенно дополнены результатами раскопок в урочище Ближние Елбаны у с. Большая Речка [Грязнов, 1949, с. 119; 1956, с. 151].

Только в начале 1960-х гг. на Приобском плато, в среднем течении Алея, были выявлены новые погребальные памятники сросткинской культуры. На этой территории в 1962 г. работала археологическая экспедиция Алтайского краевого краеведческого музея под руководством А.П. Уманского. В результате были раскопаны или доисследованы шесть могил у совхоза «Поспелихинский», в с. Мало-Панюшово и у с. Нечунаево. Материалы этих работ большей частью опубликованы [Уманский, Неверов, 1982; Уманский, 1997].

Недалеко от совхоза «Поспелихинский» А.П. Уманским был доисследован разрушенный хозяйственными работами земляной курган диаметром около 15 м и высотой более 1 м, окруженный рвом. Он содержал центральное погребение с каменной наброской сверху и внутримогильной деревянной конструкцией. На дне могилы обнаружены кости человека и лошади [Уманский, Неверов, 1982, с. 176]. Сопроводительный инвентарь представлен снаряжением верхового коня (железные удила с кольчатым псалием, бронзовая сердцевидная бляха-колокольчик, две пятиугольные бляхи-накладки, килевидный наконечник ремня от узды) и орудием труда в виде железного ножа [Уманский, Неверов, 1982, рис. 1].

В с. Мало-Панюшово А.П. Уманский доисследовал разрушенную при строительстве могилу, содержавшую погребение взрослого человека и ребенка. Она имела деревянную конструкцию, особенности которой не установлены [Уманский, Неверов, 1982, с. 182]. В погребении оказался весьма многочисленный инвентарь, представленный украшениями костюма (шесть сердцевидных ажурных подвесок, подвеска в виде пары птиц (позолочена), подвеска в виде копытного животного, две рельефные подвески ромбовидной конфигурации, два перстня из бронзы), предметами быта (керамический сосуд, бронзовые ложка, гребень и игольник в виде пары рыб), деталями от конского снаряжения (бронзовый обломок бляхи-тройника и прямоугольная бляха-накладка от узды), а также предметом неясного назначения из железного несомкнутого кольца [Уманский, Неверов, 1982, рис. 4–7]. Состав инвентаря указывает на то, что погребение взрослого человека было женским.

У с. Нечунаево были раскопаны две могилы на дюне, получившей обозначение Елбан-2, выявленные в кромке песчаного карьера. Могила-1 (глубиной 0,8 м) содержала погребение ребенка 5–6 лет, который лежал на спине в вытянутом положении, головой на юг. Под нижней челюстью у него найдена белая бусина, на груди лежала бронзовая серьга, у правой руки зафиксирован железный наконечник стрелы, около левого бедра – железный нож, на кистях рук – шесть черных бусин, в области таза – остатки кожаного пояса с бронзовым набором из пряжки, наконечника, шести прорезных блях-накладок и двух малых наконечников, украшенных растительным орнаментом. Могила-2 обвалилась в карьер. На ее месте собраны железный наконечник стрелы, нож и три фрагмента серебряных пластинок с отверстиями [Уманский, Неверов, 1982, с. 178–179, рис. 2, 3].

Поспелихинский курган, могила в Мало-Панюшово и погребения Нечунаевского Елбана-2 датированы авторами публикации IX–X вв. [Уманский, Неверов, 1982, с. 178, 181, 183].

Тогда же А.П. Уманским к северо-востоку от с. Нечунаево выявлена курганная группа Нечунаево-3, состоявшая из трех земляных насыпей. В ней был раскопан курган №1 (диаметром 12 м, высотой около 0,8 м). Под его насыпью исследованы две параллельно расположенные могилы. Могила-1 имела размеры 1,2×0,72 м при глубине 0,8 м. Ближе к дну сужающейся ямы зафиксировано продольное перекрытие из бревен, застланных берестой. Под ним найден скелет ребенка, который лежал вытянуто на спине, головой на восток и без инвентаря. Могила-2 (размерами 2,4×1,4 м и глубиной 1,2 м) оказалась ограбленной. Она имела деревянное перекрытие и содержала погребение взрослого человека 40–60 лет, первоначально уложенного вытянуто на спину, головой на восток (по инвентарю – женщина). Умершую сопровождала заупокойная пища (сохранились крестец и позвонки коровы), а также следующий инвентарь: железный нож и удила, две бронзовые крупные кольчатые серьги и три изделия в виде летящей птицы от двухсоставных застежек [Уманский, 1997, с. 154, рис. 1, 2]. Автор раскопок отнес исследованный курган к последним векам I тыс. до н.э. [Уманский, 1997, с. 156]. Однако все признаки погребального обряда и облик инвентаря свидетельствуют о его принадлежности к сросткинской культуре.

Спустя 10 лет (в 1972 г.) А.П. Уманский исследовал еще один памятник сросткинской культуры на Приобском плато – грунтовый могильник Ильинка. Этот археологический комплекс располагался в пойме Оби, на елбане, севернее одноименного села. Он содержал разнокультурные погребения 1-й половины II тыс. н.э., два из которых оказались сросткинскими. Материалы памятника были опубликованы сначала в кратком [Уманский, Караваев, 1992], а затем в полном виде [Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001].

Могила-2 имела размеры 2,1×1,2 м и глубину до 1 м. Внутримогильная конструкция представляла собой деревянную раму с перекрытием из бересты. На дне могильной ямы находился скелет мужчины 25–30 лет, который лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток–восток. Справа от него располагался скелет лошади (на животе с подогнутыми ногами, головой на юго-запад–запад). Инвентаря не было. Могила-3 находилась на поверхности выдува и представляла собой коллективное погребение из пяти человек, уложенных вытянуто на спину, головами на северо-восток–восток. Два скелета принадлежали мужчинам 25–30 лет, один – мужчине 35–40 лет, еще два – детям 5–6 и 6–10 лет. Мужчин сопровождали два комплекта железных крюков и колец от крепления сапог к поясу, двое удил с кольчатыми псалиями, тесло, наконечник стрелы, нож, а детей – восемь стеклянных бус и кости овцы [Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001, с. 150, рис. 3.-1, 2, 4.-1–14].

В более полной публикации эти могилы отнесены к змеевскому этапу сросткинской культуры, который датируется 2-й половиной XI – XII в. [Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001, с. 160]. С этим памятником, видимо, связаны находки на выдувах елбана двух бронзовых позолоченных блях-накладок от узды и железного наконечника копья-рогатины [Уманский, Караваев, 1992, с. 85, рис. 5–6; Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001, с. 151, рис. 13].

В середине 1970-х гг. значительные археологические работы, связанные с мелиоративным строительством, были предприняты в северо-западной и северной части Приобского плато (около д. Грязново и у г. Камень-на-Оби). Их возглавлял В.А. Могильников, сотрудник Института археологии АН СССР, при активном участии сотрудников из Барнаульского пединститута и Алтайского госуниверситета.

К северу–северо-востоку от д. Грязново были выявлены четыре курганных группы, включавших 20 земляных насыпей, из которых 11 раскопаны в 1974 г. и один в 1976 г. [Неверов, 1980, с. 103–104; Памятники истории…, 1990, с. 117–120]. Все объекты оказались сросткинскими. Материалы памятников большей частью опубликованы [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980].

В группе Грязново-I были три кургана, два раскопаны.

Курган №1 имел размеры 13,2×11,2 м, высоту 0,85 м. Под насыпью исследованы три погребения, расположенных в ряд. Могила-1 размерами 2,35×1 м и глубиной

0,7 м была частично нарушена грабителями. Внутримогильная конструкция состояла из продольного перекрытия бревнами. На дне могильной ямы находился скелет женщины 35–40 лет, которая лежала вытянуто на спине (судя по сохранившим первоначальное положение костям ног и правой руки), головой на северо-восток. Из инвентаря сохранились фрагменты керамического пряслица и железного ножа [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 106–108, рис. 2.-1–2]. Могила-2 (центральная) размерами 2,3×0,85 м и глубиной 0,85 м также была нарушена грабителями. Погребение имело надмогильное перекрытие из ряда продольно расположенных бревен. В могильной яме обнаружен скелет женщины 30–35 лет. Судя по положению костей ног, ее положили вытянуто и на спину, головой на северо-восток. Из инвентаря найден железный нож [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 108, рис. 3.-12]. Могила-3 размерами 2,13×1,15 м и глубиной 1,2 м оказалась перекрыта продольным рядом горбылей. На дне ямы расчищено два скелета: мужчины 35–40 лет (слева) и женщины 25 лет (справа), уложенных вытянуто на спине, головами на северо-восток. С внутренней стороны левой лучевой кости мужчины найден железный нож [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 108–109, рис. 2.-3].

Курган №2 имел размеры 12,2×11 м и высоту 0,65 м. Его насыпь окружал ров (глубиной до 0,55 м), имевший перемычки с северо-востока и юго-запада. По центру кургана находилось погребение, перекрытое поперечным рядом бревен. К востоку от него обнаружены два деревянных столба, вкопанных рядом. Могила имела размеры 1,85×1,65 м и глубину 0,92 м. Она подверглась ограблению. На дне ямы находился скелет мужчины 40–45 лет, который лежал вытянуто на спине (судя по положению ног), головой на юго-запад. В заполнении могилы найдено несколько позвонков овцы [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 109].

Группа Грязново-II состояла из шести курганов, пять из которых раскопаны.

Курган №1 имел размеры 9×8,4 м и высоту 0,6 м. Под насыпью исследована одна могила размерами 2,25×1,95 м и глубиной 1,15 м, нарушенная ограблением. Могильная яма была перекрыта продольным рядом бревен. Погребение содержало кости трех человек: мужчина 40–50 лет (его скелет полностью сохранил первоначальное положение) по центру, ребенок 6–7 лет справа и еще один ребенок (?) слева. Умершие лежали вытянуто на спине, головами на северо-восток–восток. У локтя левой руки мужчины расчищен железный нож, а на левой тазовой кости – костяная пряжка. В заполнении ямы найдены позвонки овцы. К востоку от могилы четко в изголовье погребенных зафиксирован ряд из трех деревянных столбов [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 111–112, рис. 2.-4–5].

Курган №2 размерами 9,2×8,5 м и высотой 0,5 м содержал два погребения, в изголовье которых были вкопаны два деревянных столба. Могила-1 имела размеры 1,6×0,75 м и глубину 1,5 м. Внутримогильная конструкция включала поперечное перекрытие из жердей. Под ней находился скелет юноши 16–18 лет, уложенного вытянуто на спину, головой на северо-восток. Могила-2 (центральная) размерами 2×1,3 м и глубиной 1,6 м была разграблена. В ней найдены скелеты мужчины 35–40 лет и женщины 25–35 лет. Судя по положению отдельных костей, умершие лежали вытянуто на спине, головами на северо-восток. Среди костей обнаружен железный наконечник стрелы [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 112].

Курган №3 имел размеры 9,5×9 м и высоту 0,5 м. Насыпь окружал сплошной ров глубиной 0,2 м в материке. В центре кургана находилось одно погребение, частично нарушенное грабителями. Могила размерами 1,94×1,18 м, глубиной 1,3 м, была перекрыта продольным рядом из пяти бревен. На дне ямы находился скелет мужчины 50–60 лет, который лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. В районе бедренных и тазовых костей у него найдены сланцевый оселок, железный нож и заклепка, костяное изделие с двумя отверстиями (псалий), а между бедер – крестец овцы [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 112–113, рис. 2.-6–9].

Курган №4 диаметром 10 м, высотой 0,8 м содержал одно центральное погребение. Могила имела размеры 2,2×1,3 м, глубину 1,57 м и была сильно разрушена грабителями. В заполнении ямы в беспорядке лежали кости взрослого человека, астрагал овцы и кости собаки. Судя по положению берцовых костей правой ноги, умерший был уложен вытянуто на спине, головой на северо-восток [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 113–115].

Курган №5 имел диаметр 10 м и высоту 0,6 м. Под насыпью исследовано одно центральное погребение-кенотаф. Могила имела размеры 2×0,9 м и глубину 0,85 м. Она была ориентирована по линии ЮЗ–СВ. На дне могильной ямы (вдоль юго-восточной стенки) лежал железный меч с перекрестием и бронзовым навершием-колпачком. Напротив него зафиксированы железный нож, заклепка, наконечник стрелы и костяная пряжка. У северо-восточной стенки обнаружены три наконечника ремней и две бляхи-накладки от узды, а у юго-западной – железная пряжка и удила [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 115, рис. 4.-12–13].

В группе Грязново-III находились пять курганов, из которых три раскопаны.

Курган №1 размерами 12×11 м и высотой 0,5 м содержал одно центральное погребение, подвергшееся частичному ограблению. Могила имела размеры 2,3×1,22 м и глубину 1,7 м. Она была перекрыта продольным рядом из пяти бревен. На дне ямы находился скелет женщины 35 лет, а вдоль ее левой ноги – скелет ребенка в возрасте 1 года. Умершие были уложены вытянуто на спине, головами на северо-восток–восток. У левого колена женщины располагался железный нож. Среди ребер ребенка обнаружены стеклянная бусина и бисер, половинка бронзового колокольчика, двухсоставная каплевидная подвеска. Между женщиной и ребенком лежал хребет овцы [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 116, рис. 2.-10–14].

Курган №2 имел размеры 11,6×9,4 м и высоту 0,4 м. Под насыпью находились два погребения. Могила-1 размерами 2,4×1,2 м и глубиной 1,25 м была внутри перекрыта пятью продольными горбылями, опиравшимися на поперечные перекладины в торцах ямы. На дне ямы находился скелет женщины 25 лет, а вдоль ее левой руки располагались кости годовалого ребенка. Умершие лежали вытянуто на спине, головами на северо-восток–восток. Рядом с лобной частью черепа женщины обнаружены обломки двух янтарных бусин, под правым плечом – фрагмент бронзового зеркала, возле правого локтя – керамический сосуд, вдоль правого бедра – железный нож, а выше него – крестец овцы, возле правого таза – скопление из шести стеклянных и двух янтарных бусин [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 116–118, рис. 4.-1–11]. Могила-2 (центральная) имела размеры 2,3×1,2 м и глубину 1,35 м. Она была сильно разграблена. В заполнении ямы встречены куски древесины от перекрытия, кости овцы и разрозненные скелеты трех человек: женщины 30–35 лет, женщины, возраст которой не определен, и еще одного субъекта неустановленного пола (вероятно, мужчина). Среди костей найдены железный кинжал, бронзовая половинка двухсоставной застежки, биметаллическая булавка с зооморфным навершием, четыре стеклянных и одна янтарная бусины [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 118–119, рис. 3.-1–8].

Курган №3 диаметром 9 м и высотой 0,55 м содержал два погребения. Могила-1 (центральная) размерами 2,2×0,9 м и глубиной 1,2 м подверглась частичному ограблению. Ее внутримогильная конструкция включала продольное перекрытие из шести бревен, на которое была уложена лошадь, ориентированная головой на юго-запад. От скелета животного первоначальное положение сохранили череп и шейные позвонки. На дне могилы находился скелет взрослого человека (по инвентарю – мужчина), который лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. У его левой плечевой кости найден железный наконечник стрелы, а между стоп – пять позвонков овцы [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 119–120]. Могила-2 имела размеры 2,15×0,85 м и глубину 1,7 м. Она была разрушена при ограблении. На дне ямы в первоначальном положении зафиксированы кости левой ноги и часть позвоночника

взрослого индивида (по инвентарю – вероятно, женщина). Судя по всему, умерший человек лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Среди костей были найдены две бронзовые бусины-пронизки [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 120, рис. 3.-10–11].

Группа Грязново-IV включала шесть курганов, из которых два раскопано.

Курган №1 имел размеры 17×13 м и высоту 1 м. Вокруг насыпи прослежен ров глубиной до 0,75 м. В центре кургана, со смещением к западу, находилось одно погребение. К востоку от него, в изголовье могилы, был вкопан деревянный столб, южнее которого располагалось большое зольное пятно. Могила размерами 1,9×1,15 м и глубиной 0,9 м была ограблена. В ней зафиксированы остатки продольного перекрытия из бревен и разрозненный скелет мужчины 25–30 лет, видимо, лежавшего головой на северо-восток–восток. Среди костей человека найдены железный наконечник стрелы, два черешка от таких же изделий, нож, удила с кольчатыми псалиями, роговой кочедык и костяная пряжка [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 120–121, рис. 5.-1–7].

Курган №2 размерами 6,6×6 м и высотой 0,18 м содержал одно центральное погребение, разрушенное при ограблении. Могила имела размеры 1,5×1,18 м и глубину 1,35 м. К востоку от нее были вкопаны два деревянных столба. В заполнении могильной ямы и на дне встречены кости от скелетов мужчины 50 лет и женщины 30–35 лет, видимо, лежавших головами на северо-восток–восток, а также кости животного (?). Под тазовой костью человека найден обломок каменного оселка [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 121–123, рис. 5.-9].

Всего на могильниках Грязново-I–IV в 12 курганах были исследованы 17 погребений по обряду одиночной (8), парной (5) и коллективной (2) ингумации, а также одиночной ингумации с конем (1) и кенотаф (1). В публикации авторов раскопок данные погребения датированы IX–X вв. и отнесены к сросткинской культуре [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 127]. В дальнейшем эти материалы послужили основой для выделения грязновского этапа сросткинской культуры, датированного сначала 1-й половиной X в. [Неверов, 1988, с. 17], а затем 2-й половиной IX – 1-й половиной X в. [Неверов, 1990, с. 171; 1991, с. 182].

Два сросткинских кургана были исследованы южнее Камня-на-Оби. Один из них раскопан в 1974 г. на памятнике Камень-I, а другой – в 1976 г. на памятнике Камень-II [Памятники истории..., 1990, с. 35–36]. Материалы первого введены в научный оборот полностью [Могильников, Уманский, 1998], а второго – лишь в краткой форме [Куйбышев и др., 1977], поэтому для его описания привлечены данные научного отчета [Могильников, Куйбышев, 1977].

Курганная группа Камень-I насчитывала четыре земляных насыпи, плохо различимые из-за распашки. Курган №1 имел размеры 12,8×9,5 м и высоту 0,4 м. По центру кургана, на уровне древнего горизонта, расчищена деревянная рама размерами 2,2×1,4 м, ориентированная по линии ЮВВ–СЗЗ. Внутри рамы, на том же уровне, лежали разрозненные кости скелета человека, инвентаря не было. К востоку от рамы зафиксирован вкопанный деревянный столб. По аналогиям данный объект был датирован концом I – началом II тыс. н.э. и отнесен к сросткинской культуре [Могильников, Уманский, 1998, с. 184–185, рис. 1].

Могильник Камень-II состоял из 26 земляных курганов. Из них только один содержал средневековые погребения, а все остальные были сооружены в раннем железном веке [Могильников, Куйбышев, 1982, с. 113]. Курган №13 имел размеры 20×18 м и высоту 0,3 м. Вокруг насыпи прослежен ров глубиной до 0,5 м, в заполнении которого встречен череп лошади без нижней челюсти. Под земляной наброской исследованы четыре погребения. Могила-1 размерами 2,1×0,72 м и глубиной 1,7 м имела внутреннее продольное перекрытие из досок. Под ними на дне ямы находился скелет человека (по инвентарю – мужчина), который лежал вытянуто на спине, головой на восток. Возле левого бедра умершего располагалось железное тесло, у правого – же-

лезный нож, а в ногах – несколько позвонков овцы. Могила-2 размерами 1,3×0,7 м и глубиной до 1,56 м имела подбой в северной стенке, отделенный от ямы вертикальным рядом из кольев и плах. В подбое обнаружен скелет ребенка 10–12 лет, который лежал вытянуто на спине, головой на восток. Около костей его ступней обнаружена костяная пряжка. Могила-3 размерами 1,9×0,75 м и глубиной 1,9 м была перекрыта деревянным продольным настилом. На дне ямы зафиксирован скелет человека (по инвентарю – мужчина), который лежал вытянуто на спине, головой на восток. Справа от него расчищен железный меч, а слева – берестяной колчан с железными наконечниками стрел. Под ними, а также между них и руками человека находились остатки кожаных поясов с гарнитурой. Несколько бронзовых блях расчищено в области колен. Всего обнаружено 70 рельефных блях из цветного металла, три бронзовые, костяная и железная пряжки, медный тренчик, железное кольцо и железное шило. На костях груди и таза человека лежал позвоночник овцы. Могила-4 (центральная) имела размеры 3,1×1,95 м и глубину 2,45 м. Внутри фиксировалось перекрытие из плах. В яме находилось погребение двух человек (по инвентарю – мужчины) и захоронение лошади, подвергшиеся ограблению. Судя по положению отдельных костей, люди лежали в южной половине могилы, головами на восток, а конь – в северной половине, головою на запад. В разных местах найдены две костяные пряжки, три костяные накладки на рукоять лука, железный стержень со шляпкой, обломки бронзовой проволоки (?). К востоку от могил зафиксированы два зольных пятна, большее из которых оказалось с костями овцы и остатками дерева [Могильников, Куйбышев, 1977, с. 3–5, рис. 7–8, 80–81; Могильников, 1981а, рис. 27.-73, 76–77].

Авторы раскопок курган №13 из Камня-II датировали VIII–IX вв. и отнесли его к сросткинской культуре [Могильников, Куйбышев, 1982, с. 113; Могильников, 1981а, с. 45]. Позднее эта датировка была скорректирована до 2-й половины IX – начала 1-й половины X в. [Неверов, 1991, с. 181].

В 1983 г. археологические работы в северной части Приобского плато, у с. Быково, осуществляла экспедиция Алтайского государственного университета под руководством Ю.Ф. Кирюшина. Одним из результатов стало исследование средневекового кургана №5 на могильнике Быково-IV, состоявшем из девяти земляных насыпей. Материалы средневекового объекта большей частью опубликованы [Кирюшин, Горбунов, Алехин, 1999].

Курган №5 имел диаметр 12 м и высоту 0,25 м. Он содержал одно погребение, восточнее которого был вкопан деревянный столб. Могила размерами 2,83×2,2 м и глубиной 1,59 м сверху оказалась снабжена продольным перекрытием из бревен, частично разрушенном при ограблении. Дно могильной ямы было оформлено ступенькой. На ее верхней части (на приступке) находился скелет взрослого мужчины. Судя по костям, сохранившим первоначальное положение, умерший человек располагался вытянуто на спине, головой на северо-восток. Справа от него, в углубленной части ямы, зафиксирован скелет лошади, уложенной на живот, с подогнутыми ногами, грудью на северо-восток. Череп был развернут в противоположную сторону. У костей передних ног лошади найдены железные удила с псалиями. Между колен человека расчищены девять железных наконечников стрел, у правой стопы – железный наконечник копья, у правого бедра – бронзовый наконечник ремня, на крестце – костяная пряжка, у пальцев левой руки – три костяных накладки на рукоять лука и железный нож, а на мизинце этой руки – бронзовое кольцо [Кирюшин, Горбунов, Алехин, 1999, с. 174–175, рис. 1–3].

Авторами публикации курган №5 могильника Быково-IV отнесен к грязновскому этапу (2-я половина IX – 1-я половина X в.) сросткинской культуры [Кирюшин, Горбунов, Алехин, 1999, с. 177].

В 1985 г. в Барнаульский пединститут поступили находки из еще одного средневекового кургана, находившегося в окрестностях с. Быково. Это четыре бронзовые бляхи-накладки от узды, украшенные растительным орнаментом. Вещи были случайно

обнаружены в грабительской яме (на глубине до 1,3 м), располагавшейся в земляной насыпи кургана размерами 15×10 м и высотой около 1 м, вместе с фрагментами керамического сосуда [Уманский, 1991, с. 129–130, рис. 1]. Автор публикации датировал данные находки IX–X вв. и связал их с культурой кыргызов [Уманский, 1991, с. 132]. Стоит отметить, что достаточно большое количество аналогичных изделий найдено и в сросткинских памятниках, а собственно кыргызских погребений на территории Приобского плато не зафиксировано.

Весной 1985 г. в нижнем течении Алея, на юго-восточной окраине с. Хабазино (Топчихинский район Алтайского края) был случайно обнаружен еще один средневековый погребальный объект. Там на мысовидном выступе надпойменной террасы овраг разрушил половину могилы, которую «доисследовали» местные жители. В стенке оврага просматривалось перекрытие из жердей, а под ними кости скелета человека (по инвентарю – мужчина) и лошади. Могильная яма была длинной стороной ориентирована по линии ЮЗ–СВ. При ее вскрытии местные жители нашли остатки берестяного колчана со стрелами и стремя, переданные на хранение в сельскую школу. В 1992 г. данное место было обследовано одним из авторов монографии, и памятник получил название «Хабазино-4». Из коллекции вещей к тому времени уцелели шесть железных наконечников стрел и железное стремя, которые впоследствии были опубликованы [Горбунов, 2013, с. 98–99, рис. 1]. По облику предметного набора и особенностям погребального обряда погребение памятника Хабазино-4 отнесено к началу грязновского этапа сросткинской культуры и датировано 2-й половиной IX в. [Горбунов, 2013, с. 101].

В том же 1985 г. совместная экспедиция Алтайского госуниверситета и Барнаульского пединститута провела хоздоговорные раскопки курганного могильника Рогозиха-1, попадавшего в зону строительства оросительной системы в центральной части Приобского плато. Памятник располагался северо-западнее с. Рогозиха и представлял собой некрополь из 18 земляных курганов, 14 из которых содержали материалы каменской культуры раннего железного века, а четыре оказались сросткинскими. Материалы могильника Рогозиха-1 полностью опубликованы, за исключением планов нескольких могил [Неверов, 1990; Тишкин, Горбунов, 2000; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005].

Курган №9 имел диаметр 15 м и высоту 0,15 м. Его насыпь окружал ров (глубиной до 0,5 м) с перемычкой шириной 2 м в западной части. В заполнении рва, в восточной половине, найдены кости лошади. В центре кургана зафиксирована грабительская яма, разрушившая, вероятно, наземные безынвентарные погребения взрослого мужчины и ребенка, оконтуренные деревянной рамой. К востоку от него находилась округлая ямка от несохранившегося деревянного столба [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 108, рис. 35.-1].

Курган №10 размерами 18,5×17 м и высотой 0,4 м был оконтурен сплошным рвом глубиной до 1,3 м. Под насыпью выявлены три погребения, расположенных в ряд. Могила-1 имела размеры 1,8×0,9 м и глубину 1,27 м. Внутримогильная конструкция состояла из поперечного бревенчатого перекрытия, опиравшегося на уступы. В центре перекрытие оказалось разрушено грабителями, но находившийся под ним скелет человека (по инвентарю – мужчина) большей частью сохранил первоначальное положение. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на запад. Слева у грудного отдела позвоночника найден железный черешок от наконечника стрелы, а на крестце – железный клинок ножа. Могила-2 размерами 2,1×1,9 м и глубиной 2,2 м имела внутреннее перекрытие из продольного ряда бревен и жердей. На дне ямы зафиксирован двойной продольно-поперечный настил из досок, на котором находился скелет человека (по инвентарю – женщина), уложенного вытянуто на спину, головой на восток. Справа и слева от черепа найдены две бронзовые серьги, у левого плеча – фрагмент бронзового зеркала, на груди – пять стеклянных бусин, слева в ногах – позвоночник овцы. Могила-3 (центральная) имела размеры 2×1,05 м и глубину 1,1 м. Она сверху

была перекрыта продольным рядом бревен. На перекрытии лежал скелет лошади, разрушенный грабителями. Там же среди костей найдены обломки железных стремян и меча с перекрестием, бронзовый наконечник ремня и наносный султан от узды. В заполнении и на дне могилы обнаружены разрозненные кости человека (по инвентарю – мужчина), обломки железного меча и две бронзовые бляхи-накладки от пояса [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 114, рис. 34].

Курган №11 диаметром 20 м и высотой 0,3 м был окружен сплошным рвом (глубиной до 0,3 м). Под земляной насыпью выявлены два параллельных погребения, подвергшихся ограблению. Могила-1 размерами 2,56×1,31 м и глубиной 1,65 м имела внутреннее перекрытие из продольных плах. В ее заполнении обнаружены отдельные кости человека и овцы. Судя по положению некоторых костей человека на дне ямы, умерший был ориентирован головой на восток. Инвентаря не найдено. Могила-2 имела размеры 3×1,65 м и глубину 3 м. В ее заполнении обнаружены остатки деревянного перекрытия и частично обожженной рамы, а также разрозненные кости человека. Инвентарь отсутствовал [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 113–114, рис. 33.-6–8].

Курган №15 имел диаметр 25 м и высоту 0,7 м. Его насыпь окружал сплошной ров глубиной до 0,5 м. По центру кургана находилось одно погребение. Могила размерами 2,8×1,9 м и глубиной 2,55 м подвергалась ограблению. В заполнении ямы расчищены остатки двойного продольно-поперечного перекрытия из бревен, а на дне – пол из деревянных плах, на котором находился скелет человека. Судя по костям, сохранившим первоначальное положение, умерший располагался вытянуто на спине, головой на восток. Часть человеческих костей оказалась перемешана с костями лошади и овцы, разбросанными по могиле. Среди них найдены обломки железных удил с псалиями и бронзовый позолоченный наконечник уздечного ремня [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 114–115, рис. 35.-2–7].

Материалы из курганов №10 и 15 позволили датировать эти объекты X – началом XI в. [Неверов, 1990, с. 116]. Позднее они были отнесены к шадринцевскому этапу (2-я половина X – 1-я половина XI в.) сросткинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2000, с. 56]. Курганы №9 и 11 оказались безынвентарными, но со сросткинскими объектами их сближают размеры насыпей, планиграфия и устройство могил, а главное наличие рвов, которых не было ни у одного кургана каменской культуры на этом памятнике.

В 1987 г. в окрестностях с. Плотниково (на севере Приобского плато) случайно обнаружили комплект предметов конского снаряжения, явно происходящий из разрушенного погребального памятника. Он состоял из бронзовых позолоченных изделий от узды: пять четырехугольных блях-накладок с колечком, наконечник ремня и обломанная трехлучевая бляха-распределитель, украшенные зооморфным орнаментом [Памятники истории…, 1990, с. 55, рис. 9.-1–4; Тишкин, Горбунова, 2010]. Недалеко от с. Плотниково известно несколько одиночных курганов и курганных групп, насыпи которых активно распахивались в 1970–1980-е гг. [Памятники истории…, 1990, с. 31–33, рис. 1]. Велика вероятность того, что указанный уздечный комплект был подобран на месте распаханного захоронения лошади, совершенного над могилой человека, как это зафиксировано на ряде памятников сросткинской культуры [Горбунов, Тишкин, 1999, с. 140; Горбунов, Ситников, 2001, с. 9]. Сами найденные вещи вполне вписываются в контекст сросткинского инвентаря и могут быть отнесены к инскому этапу (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.) этой культуры [Горбунов, 2012, с. 552].

Всего за советский период на территории Приобского плато были исследованы 16 могильников сросткинской культуры, содержавших 41 погребение. Почти половина из них обнаружена случайно, в результате антропогенного или природного разрушения, а остальные изучены благодаря хоздоговорным работам, в основном связанным с мелиоративным строительством. Доисследования или полные раскопки проводились профессиональными археологами как из центральных учреждений страны (Институт археологии АН СССР), так и из вузовских и музейных центров Алтайского края, на которые постепенно переходила основная нагрузка в проведении подобных научных мероприятий.

По разным причинам памятники сросткинской культуры на Приобском плато не стали объектом целенаправленного изучения. Они раскапывались совместно с другими объектами, попадавшими в зону работ. Лишь половина из полученных материалов была введена в научный оборот еще в советское время, основные публикации вышли в 1990–2000-е гг.

Исследователи в большинстве случаев достаточно уверенно определяли датировку и культурную атрибуцию средневековых погребальных объектов, лишь иногда путая их с памятниками раннего железного века. Сама территория Приобского плато воспринималась уже как неотъемлемая часть основного ареала сросткинской культуры. Определенным итогом рассмотренного периода можно считать диссертацию С.В. Неверова «История племен сросткинской культуры в VIII–XII вв. н.э.». В ней автор привлек для анализа большинство изученных к тому времени памятников с территории Приобского плато и использовал для обозначения двух этапов культуры (гоньбинского и грязновского) их названия [Неверов, 1988, с. 14–17].

1.3. Исследования 1990-х – начала 2000-х гг.

Современный период изучения погребальных памятников сросткинской культуры на Приобском плато связан уже исключительно с деятельностью местных археологических центров. В основном исследования осуществляли сотрудники Алтайского госуниверситета и Барнаульского педуниверситета.

Летом 1990 г. археологической экспедицией АГУ проводились хоздоговорные работы у с. Кучук в Шелаболихинском районе Алтайского края. В результате был раскопан курганный могильник Кучук-1, находившийся к югу от одноименного села. Памятник состоял из семи земляных насыпей, пять из которых образовывали дугообразную цепочку объектов раннего железного века, а два кургана к западу от нее оказались сросткинскими. Описание и инвентарь этих объектов опубликованы [Шамшин, Лузин, Неверов, Изоткин, 1992, с. 72–73, рис. 2].

Курган №6 диаметром 19 м был окружен кольцевым рвом. Под насыпью находился ряд из трех погребений. Могила-1 (центральная) имела размеры 3×1,9 м и глубину 0,88 см. Внутримогильная конструкция включала поперечное перекрытие из плах, частично разбитое грабителями. Под ним находились скелеты трех человек (по инвентарю – мужчины), уложенных вытянуто на спину, головами на восток. У левой ноги южного скелета найдены три железных наконечника стрел и железная пряжка, а у правой ноги – бронзовые бляха и кольчатая серьга. Около правой ноги центрального скелета расчищен железный наконечник стрелы и еще один у правой ноги северного скелета. Между ними найдены бронзовые изделия (пряжка и тренчик). В разрушенном изголовье могилы обнаружены два железных наконечника от стрел, клинок железного ножа и бронзовый наконечник ремня. Могила-2 размерами 1,5×0,93 м и глубиной 1,25 м была полностью разграблена. В заполнении и на дне ямы найдены несколько костей человека и обломки деревянного перекрытия. Инвентарь отсутствовал. Могила-3 имела размеры 2,41×0,92 м и глубину 0,9 м. Внутри яма оказалась перекрыта продольным рядом бревен, под которыми расчищен скелет человека, лежавшего вытянуто на спине, головой на восток и без инвентаря [Шамшин, Лузин, Неверов, Изоткин, 1992, с. 72–73, рис. 2.-3–10, 12–17].

Курган №7 диаметром 15 м также был окружен сплошным рвом. Под его насыпью зафиксирован ряд из трех погребений. Могила-1 (центральная) имела размеры 2,45×1,55 м и глубину 1,16 м. Она была ограблена. Над ямой сохранились остатки продольного перекрытия из бревен и досок. Дно оформлено ступенькой. В заполнении и на дне найдены разрозненные кости человека (мужчина) и лошади, бронзовая бляха-накладка от узды и фрагменты железного ножа. Могила-2 размерами

2×1,15 м и глубиной 1,19 м имела внутреннее деревянное перекрытие. На дне расчищен скелет человека, лежавшего вытянуто на спине, головой на восток. У таза найден железный нож, а между ребрами и костями правой руки зафиксированы фрагменты железного изделия. Могила-3 размерами 1,26×0,56 м и глубиной 0,95 м была полностью разграблена. В юго-восточной части ямы встречен обломок черепа человека, инвентарь отсутствовал [Шамшин, Лузин, Неверов, Изоткин, 1992, с. 73, рис. 2.-1–2, 11].

Авторы публикации датировали средневековые курганы памятника Кучук-1 2-й половиной – концом IX – X в. и отнесли их к сросткинской культуре [Шамшин, Лузин, Неверов, Изоткин, 1992, с. 73].

В 1991 г. в том же районе Приобского плато экспедиция Алтайского госуниверситета продолжила хоздоговорные работы западнее с. Шелаболиха. Там на могильнике Шелаболиха-3 были раскопаны два кургана сросткинской культуры, располагавшиеся северо-восточнее объектов раннего железного века. Эти материалы большей частью опубликованы [Горбунов, 1996].

Курган №6 имел земляную насыпь диаметром 18 м и высотой 0,3 м. Вокруг нее выявлены два сомкнутых рва, образовавших своеобразную восьмерку. Стратиграфией установлено, что сначала был выкопан основной ров, охватывавший насыпь округлой формы, а затем с северо-запада к нему пристраивался дополнительный. На площади, ограниченной основным рвом, располагался ряд из трех погребений, восточнее которых оказались вкопаны три деревянных столба. Западнее них находилось зольное пятно. Одно погребение зафиксировано в пристройке, образованной дополнительным рвом, и еще одно погребение было совершено на дне северной части основного рва. Могила-1 (во рву) имела размеры 0,8×0,4 м и глубину 0,1 м. В яме расчищена П-образная рама из брусьев, перекрытая пятью продольными досками. Под ними найдены остатки черепа младенца. Могила-2 (в пристройке) размерами 1,7×0,5 м и глубиной 0,2 м имела конструкцию из дощатой рамы, перекрытой поперечными плахами. На дне ямы расчищен скелет человека, лежавшего вытянуто на спине, головой на северо-восток и без инвентаря. Могила-3 размерами 1,95×0,72 и глубиной 0,2 м была частично разрушена грабителями. Над ямой зафиксировано перекрытие из продольно уложенных горбылей. На дне находился скелет человека, который лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Череп отсутствовал, инвентаря не было. Могила-4 (центральная) имела размеры 2,3×1 м и глубину 0,35 м. Она была сильно разграблена. В заполнении и на дне ямы найдены разрозненные кости человека и обломки деревянного перекрытия. Судя по положению отдельных костей, умерший был ориентирован головой на северо-восток. Инвентарь отсутствовал. Могила-5 размерами 2,3×0,75 м и глубиной 0,2 м также оказалась полностью разграблена. Кости человека были перемешаны с остатками деревянного перекрытия. Можно предполагать ориентацию умершего головой на северо-восток. Инвентарь не обнаружен [Горбунов, 1996, с. 162–163, рис. 1.-2].

Курган №7 имел земляную насыпь диаметром 16 м и высотой 0,2 м. Под насыпью находились два параллельных погребения. Восточнее большего из них был вкопан деревянный столб. Могила-1 имела размеры 1,85×1 м и глубину 0,4 м. На ее дне расчищен скелет молодой женщины, уложенный вытянуто на спину, головой на северо-восток. Инвентарь отсутствовал. Могила-2 размерами 3,05×1,35 м и глубиной 0,4 м подверглась частичному разграблению. В нетронутой юго-западной части ямы зафиксировано трехслойное продольно–поперечно-продольное перекрытие из досок, опиравшееся на двойную раму из брусьев. В заполнении и на дне ямы встречены кости человека (по инвентарю – мужчина) и лошади. Судя по отдельным костям, сохранившим первоначальное положение, человек лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток, а лошадь располагалась справа от него, головой в ту же сторону. Среди костей найдены обломок железного ножа, костяная и бронзовая пряжки [Горбунов, 1996, с. 163–165, рис. 1.-3–5].

Средневековые курганы памятника Шелаболиха-3 датированы IX – 1-й половиной XI в. и отнесены к сросткинской культуре [Горбунов, 1996, с. 166].

Осенью 1994 г. П.Л. Рудометов к северо-востоку от с. Киприно провел сбор подъемных материалов на разрушениях крупного останца-елбана в пойме левого берега Оби. Там в одном из пунктов, получившем название Кипринский Борок-1, им был найден железный наконечник стрелы, датируемый VIII–XII вв., т.е. временем существования сросткинской культуры [Горбунов, Рудометов, 2003, с. 55–56, рис. 1.-51]. В пункте Кипринский Борок-7 собрана коллекция керамики и несколько бронзовых предметов (две уздечные бляхи-накладки, фрагмент бляхи-нашивки и перстень) [Горбунов, Рудометов, 2003, с. 56, рис. 1.-53–56]. Особенности орнамента найденной керамики позволили отнести ее к сросткинской культуре, а форма и декор предметов характерны для погребальных комплексов этой культуры. Эти находки свидетельствуют о том, что на Кипринском Борке-7 существовали сросткинское поселение и, возможно, грунтовый могильник. Учитывая аналогии бронзовым вещам, он был отнесен к инскому этапу (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.) сросткинской культуры [Горбунов, Рудометов, 2003, с. 56].

В июле 1997 г. археологическим отрядом Барнаульского педуниверситета и НПЦ «Наследие» были проведены аварийные раскопки на курганном могильнике Барчиха, расположенном юго-западнее одноименного села в Шипуновском районе Алтайского края. В результате был исследован один объект, часть которого оказалась под полотном дороги. Информация о работах опубликована в кратком виде [Телегин, 1998].

Курган имел земляную насыпь овальной формы (длина по линии З–В – 32 м), окруженную кольцевым рвом. Зафиксировано два погребения. Могила-1 имела перекрытие из четырех рядов бревен и досок. На дне ямы, на дощатом полу, расчищен скелет зрелого мужчины, лежавшего вытянуто на спине, головой на северо-восток. Справа от него была положена шкура лошади (череп и кости ног), головой на юго-запад. В могиле найден разнообразный инвентарь: железные наконечники стрел, меч, кинжал, нож, удила; бронзовые пряжки и бляхи. Могила-2 оказалась разграбленной. В ней встречены кости скелета зрелого мужчины и ног лошади, а также много вещей: железные наконечники стрел, наконечник копья, нож, фрагменты сабли, обломки котла; бронзовые бляхи; костяная пряжка [Телегин, 1998, с. 182, рис. 1].

Автор публикации датировал курган из группы Барчиха IX–XI вв. и отнес к сросткинской культуре [Телегин, 1998, с. 182].

В июле 1998 г. археологический отряд Барнаульского педуниверситета продолжил работы в Шипуновском районе Алтайского края. Там к юго-востоку от полевой дороги с. Родино – д. Объездное еще ранее была известна курганная группа Объездное-2, состоявшая из четырех земляных курганов. Раскопан распахиваемый курган №2. Информация о нем частично опубликована [Телегин, 1999; 2000; Алтай в зеркале веков, 2001].

Курган №2 имел размеры 35×32 м и высоту 0,55 м. Его насыпь окружал кольцевой ров глубиной до 1,3 м, в заполнении которого обнаружены кости ног лошади. Западнее центра кургана зафиксировано одно погребение. Недалеко от его северо-восточного края расчищены три вкопанных деревянных столба. Могила размерами 3×2,3 м и глубиной 1,74 м подверглась частичному ограблению. Могильная яма была перекрыта двумя рядами продольно уложенных бревен, а внутри нее имелась деревянная рама. Перекрытие вдоль северо-западной стенки могилы оказалось непотревоженным и на нем расчищен скелет лошади, которая была ориентирована головой на юго-запад–запад. Лошадь была взнуздана. От узды сохранились железные удила и остатки кожаных ремней с бронзовыми позолоченными бляхами-накладками, наконечниками, пряжками и тренчиками (всего 43 предмета) [Телегин, 2000, рис. 44; Алтай в зеркале веков, 2001, с. 60]. На дне ямы обнаружены разбросанные кости человека (по инвентарю – мужчина), обрывки кожаных ремней и железные вещи: наконечник стрелы, два стремени, мотыга (?), фрагменты котла [Телегин, 1999, с. 145, рис. 1].

Автор раскопок датировал курган №2 памятника Объезное-2 X–XI вв. и отнес его к сросткинской культуре [Телегин, 1999, с. 145; 2000, с. 341].

Еще один погребальный объект сросткинской культуры был исследован в том же 1998 г. в южной части Приобского плато. Он был раскопан археологической экспедицией Алтайского госуниверситета, проводившей работы в нижнем течении Чарыша. Там на курганном могильнике Коловый Мыс, расположенном юго-западнее одноименного села и состоявшем из трех земляных насыпей, был вскрыт курган №1. Информация о нем большей частью опубликована [Фролов, 1999].

Курган №1 имел диаметр 9 м и высоту 0,12 м. Под центром насыпи обнаружено одно погребение. Могила размерами 1,6×1,2 м и глубиной 1,6 м была разрушена при ограблении. У борта основной ямы находилась яма помельче (глубиной до 0,35 м), где расчищен скелет лошади. У черепа животного найдены железные удила, а в районе таза – пять железных наконечников стрел, железный пробой от седла и керамика. В заполнении ямы встречены обломки дерева от перекрытия, угли, череп и позвонки человека (по инвентарю – мужчина), а также железный наконечник стрелы и нож [Фролов, 1999, с. 14, рис. 12]. Данный объект датирован IX–XI вв. и отнесен к сросткинской культуре [Фролов, 1999, с. 10, 14].

В 2001 г. одним из авторов монографии были предприняты археологические обследования в Калманском и Алейском районах Алтайского края (Тишкин, 2002). В ходе работ выявлены памятники сросткинской культуры (курганные могильники Прудской и Успеновка-II, а также крупный одиночный курган Поповская Дача), на которых затем осуществлялись раскопки экспедициями Алтайского госуниверситета. Результаты этих исследований представлены в следующих главах.

В 2003 г. археологическая экспедиция Барнаульского педуниверситета под руководством А.Н. Телегина продолжила раскопки курганов в окрестностях бывшей деревни Объездное. Наряду с объектами раннего железного века исследован средневековый курган №15, который оказался крайним в северо-восточной части могильника Объездное-I. Информация об этих работах опубликована в кратком виде [Телегин, 2004, с. 473].

Периметр насыпи кургана №15 был оконтурен кольцевым рвом. В его заполнении зафиксированы черепа лошадей и скелет собаки. По центру кургана находилась ограбленная могила-1, содержавшая разрозненные кости человека (по инвентарю – мужчина), череп, позвонки и кости ног лошади. Из находок зафиксированы железные черешковые наконечники стрел и бронзовые позолоченные детали от конского снаряжения. К северо-западу от первого погребения располагалась могила-2, в которой находились скелеты женщины и ребенка, лежавших вытянуто на спине, головами на северо-восток. Рядом с женским черепом обнаружены две кольчатые серьги. Исследованный курган датирован X–XI вв. и отнесен к сросткинской культуре [Телегин, 2004, с. 473].

В конце лета – начале осени 2004 г. археологическая экспедиция Алтайского госуниверситета проводила раскопки на курганном могильнике Боровиково-IV в Павловском районе Алтайского края. Во время этих работ А.В. Кондрашовым при осмотре кромки обского берега обнаружено частично обвалившееся грунтовое погребение. Данный пункт получил обозначение Боровиково-V, и на нем были проведены аварийные работы, информация о которых полностью опубликована [Горбунов, Кондрашов, 2005].

Могила имела размеры 2,05×1 м и глубину до 0,57 м. Она была перекрыта продольным рядом бревен. На дне ямы расчищен скелет мужчины 30–35 лет, лежавшего вытянуто на спине, головой на северо-восток–восток. У него отсутствовали кости правой ноги ниже колена и левой ноги ниже голени, которые упали в обрыв. Сопроводительный инвентарь представлен костяной пряжкой (у локтя правой руки), клинком железного ножа (на груди), железными удилами (слева напротив таза) [Горбунов, Кондрашов, 2005, с. 40, рис. 1]. Погребение датировано 2-й половиной XI в. и отнесено к змеевскому этапу сросткинской культуры [Горбунов, Кондрашов, 2005, с. 41–42].

Помимо перечисленных выше памятников, исследования которых носили сопутствующий и в большей степени аварийный характер, на территории Приобского плато в 1997–2004 гг. проводились и целенаправленные раскопки погребальных объектов сросткинской культуры. Они были связаны с исследовательскими грантами и научными проектами, осуществлявшими сотрудниками Алтайского госуниверситета. В результате удалось изучить восемь новых могильников (Боровиково-IV, Грань, Поповская Дача, Прудской, Успеновка-II, Филин-I, Яровское-III, Яровское-V) и исследовать на них 17 курганов, содержавших 31 погребение. Информация об этих работах неоднократно публиковалась в кратком виде [Тишкин, Горбунов, 1998; 2000; 2002а; Горбунов, Тишкин, 1999; 2001; 2018б; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001; Тишкин, Горбунов, Дашковский, 2003; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004; Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005а]. Полностью все результаты отражены в данной монографии.

Всего на территории Приобского плато за 1990–2000-е гг. открыты и исследованы 16 могильников сросткинской культуры, а раскопаны 52 погребения. Сохранение и даже увеличение темпов их изучения (на фоне общего сокращения археологических работ по сравнению с советским временем) можно объяснить лишь планомерными усилиями в этом направлении.

На современном этапе изучения все исследователи уже безошибочно могли атрибутировать погребальные комплексы сросткинской культуры. Этому способствовало более четкое определение ее признаков, уточнение датировок и периодизации [Неверов, Горбунов, 2001, с. 176–178]. Новым явлением данного этапа стало открытие на Приобском плато серии крупных (24,5–35 м в диаметре) курганов со сросткинскими погребениями, содержащими «богатый» инвентарь: Барчиха, Грань, Объезное-2, Поповская Дача, Филин-I. Раньше такие курганы воспринимались археологами как объекты раннего железного века. Теперь стало ясно, что самые элитные сросткинские сооружения, как и у ранних кочевников, существенно превосходят по размерам курганы рядового населения. Пока в сросткинском ареале они раскопаны за одним исключением только на территории Приобского плато.

По общему числу исследованных объектов сросткинской культуры (34 могильника и 108 погребений) Приобское плато в настоящее время занимает второе место среди других регионов Лесостепного Алтая, уступая только Предалтайской равнине (56 могильников и 209 погребений). Территория Приобского плато стала восприниматься не просто как часть основного ареала сросткинской культуры, а как ее географический и политический центр [Горбунов, 2009а, с. 34; Горбунов, Тишкин, 2018б, с. 84].

Итоги изучения сросткинской культуры к настоящему времени подведены в специальной статье, где не только отмечено значение Приобского плато как центра сросткинского объединения, но и подчеркнута необходимость полной публикации раскопанных материалов [Горбунов, 2012, с. 551–553]. Обзор, представленный в этой главе, и содержание следующей как раз и призваны восполнить существовавший пробел.

ГЛАВА II

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК СРОСТКИНСКИХ КУРГАНОВ ЭКСПЕДИЦИЯМИ АГУ В 1997–2004 ГГ.

Археологическими экспедициями АГУ (Алтайского государственного университета) с 1997 и по 2004 г. включительно были проведены целенаправленные обследования и раскопки курганов сросткинской культуры на территории Приобского плато в Алейском, Калманском, Шелаболихинском и Павловском районах Алтайского края. Основная информация об этих работах (помимо предварительных публикаций) отражена в научных отчетах [Кунгуров, 2001; Тишкин, 2002; Горбунов, 2002; 2003; 2005]. Ниже в параграфах главы приводятся полные (лишь с необходимыми сокращениями) описания исследованных объектов в хронологическом порядке их изучения.

2.1. Одиночный курган Яровское-III

Летом 1997 г. Алейской археологической экспедицией АГУ полностью был раскопан одиночный курган в пункте, получившем обозначение Яровское-III. Информацию об этом объекте сообщил житель с. Безголосово Геннадий Павлович Уколов. Описание раскопок и рисунки найденных вещей предварительно опубликованы [Тишкин, Горбунов, 1998, с. 194–195, рис. 1; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001, с. 212]. В полном виде они отражены в научном отчете [Кунгуров, 2001, с. 15–18, рис. 2–23].

Памятник находился возле с. Безголосово Алейского района Алтайского края, на надпойменной террасе правого берега Алея, в 500 м восточнее оз. Яровское и в 2800 м северо-восточнее от указанного села (рис. 2.-*1*).

Курган представлял собой земляную насыпь округлой формы диаметром 20 м и высотой 0,35 м. На протяжении нескольких десятилетий он интенсивно распахивался, и насыпь оказалась в значительной степени снивелирована. В центре кургана наблюдалось слабое проседание грунта. По границам насыпи был разбит круглый раскоп диаметром 20 м с двумя бровками, ориентированными по линиям Ю–С и З–В. После разбивки раскопа производилось снятие земляной насыпи, которое осуществлялось по четырем секторам, очерченным бровками: северо-западный, северо-восточный, юго-восточный и юго-западный. Поскольку диаметр кургана был большим, то в каждом секторе вскрывался сначала крайний сегмент шириной 2 м по бровкам. Затем после его отработки исследовался центральный сегмент сектора.

При снятии насыпи в северо-восточном секторе обнаружены пять фрагментов костей животных на глубине от 0,2 до 0,4 м и выявлено небольшое скопление кальцинированных костей (размерами 0,55×0,5 м, мощностью 0,1 м), зафиксированное с глубины 0,45 м. Восточнее него, на глубине 0,55 м, встречены отдельные кальцинированные кости. В центральной части кургана зачищен неправильный контур могильной ямы, к которому примыкали две норы (рис. 2.-*2*).

Структура насыпи прослежена по разрезам бровок. Сверху располагался пахотный слой почвы черно-серого цвета мощностью до 0,3 м. Он накрывал слой сохранившейся

курганной насыпи мощностью до 0,3 м из супеси черного цвета. Ниже располагался древний гумусированный слой, бывший дневной поверхностью во время сооружения кургана, мощностью до 0,3 м из супеси серого цвета. Затем ниже шел материк из супеси бежевого цвета с многочисленными норами более темного цвета (рис. 2.-*2*).

В центре кургана прослежен грабительский шурф, переходивший в могильную яму (рис. 3.-*1*). Он оказался перекрыт пахотным слоем и прорезал курганную насыпь, древний гумусированный слой и материк. Заполнение шурфа и могильной ямы состояло из перемешанного грунта черно-серого цвета с вкраплениями материка. По сторонам от шурфа фиксировались линзы материкового выброса, залегавшие между пахотным слоем и насыпью и образованные, видимо, во время ограбления могилы.

Контур могильного пятна, перекрытый грабительским шурфом, зафиксирован на глубине 0,55 м. Его внешние границы имели аморфную форму с прямым углом в южной части (рис. 3.-*2*). Наибольшие размеры пятна по линии Ю–С составляли 4,12 м, по линии З–В – 4,6 м. На глубине 0,3–0,34 м от уровня материка контур могильной ямы приобрел подпрямоугольные очертания размерами 2,6×2,16 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина могильной ямы от уровня материка составила 2,2 м. Стенки могилы оказались неровными, со ступеньками и небольшими подбоями в северо-западной и юго-западной части (рис. 3.-*3*).

В заполнении могильной ямы с глубины 1,76 м стали попадаться перемешанные (перерубленные и переломанные) человеческие кости и обломки деревянной конструкции (рис. 4.-*1*). Основная глубина их залегания составляла 2–2,2 м. Несмотря на сильные повреждения, удалось установить все основные элементы внутримогильной конструкции. Она состояла из прямоугольной деревянной рамы размерами 2,2×1,8 м, стыки которой были срублены в паз по длинной стороне (рис. 4.-*2*). Фрагмент такого соединения сохранился в восточном углу могилы. Концы рамы заходили друг за друга на 10–12 см. Дно могилы внутри рамы было выстлано деревянным полом из 12 тонких продольно уложенных досок (рис. 4.-*3*). Перекрытие рамы состояло из двух слоев досок: поперечных внизу и продольных вверху (рис. 4.-*4*).

Изучение человеческих костей показало, что погребение было парным: мужчина в возрасте 35–45 лет и женщина 30–40 лет (определения С.С. Тур). Судя по скоплению обломков черепов в северо-восточной части могилы, погребенные люди, скорее всего, были ориентированы головами в ту же сторону.

Сопроводительный инвентарь встречен в могиле на глубине от 2 до 2,18 м. Он представлен железным предметом (вероятно, напильником) (рис. 5.-*1*), двумя фрагментами клинка железного меча (рис. 5.-*2–3*), пятью бусинами из хрусталя (?) (рис. 5.-*4*), сердолика (рис. 5.-*5*), халцедона дымчато-белого (рис. 5.-*6–7*) и дымчато-розового цвета (рис. 5.-*8*), фрагментом бронзового зеркала (рис. 5.-*9*) с остатками сумочки из ткани, кожи и меха (рис. 6.-*1, 6*), обрывком ткани с бронзовой пластиной (рис. 6.-*4*) и фрагментами ткани с узором и без него (рис. 6.-*2–3, 5, 7*), а также мелкими обломками тонкой серебряной фольги.

2.2. Курганная группа Яровское-V

Осенью 2000 г. Алейской археологической экспедицией АГУ раскопана курганная группа, получившая обозначение Яровское-V. Описание этих работ предварительно опубликовано [Тишкин, Горбунов, 2000, с. 405–407; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001, с. 212] и в полном виде приведено в научном отчете [Кунгуров, 2001, с. 18–29, рис. 24–91].

Памятник находился возле с. Безголосово Алейского района Алтайского края, на надпойменной террасе правого берега Алея, в 900 м южнее оз. Яровское и в 2000 м юго-восточнее села. Группа состояла из четырех насыпей, располагавшихся неров-

ной цепочкой по линии Ю–С (рис. 7). Все курганы исследовались круглыми раскопами с оставлением двух бровок по линии Ю–С и З–В и делением на четыре сектора. Небольшой диаметр насыпей курганов (8–12 м) позволял производить вскрытие площади сразу во всем секторе. Структура насыпей всех курганов, прослеженная по разрезам, была практически одинакова: сверху слой темного гумуса, под ним слой курганной насыпи из супеси темно-серого цвета, затем слой древнего гумусированного слоя из супеси светло-серого цвета и под ним материк из супеси желтовато-серого цвета с примесью более темных нор.

Курган №1, самый северный в цепочке, представлял собой земляную насыпь (рис. 8.-*1*) округлой формы диаметром 12 м и высотой 0,35 м. В центре кургана прослеживалась слабо выраженная западина размерами 5×5 м, глубиной до 0,06 м. При выборке секторов раскопа на глубине от 0,25 до 0,45 м обнаружены отдельные находки: в северо-западном секторе – фрагмент кости животного; в северо-восточном секторе – три фрагмента костей животных; в юго-восточном секторе – фрагмент кости животного и фрагмент керамики без орнамента; в юго-западном секторе – фрагмент керамики без орнамента. В центральной части кургана, в северо-западном и юго-западном секторах, зафиксирован контур грабительского шурфа, заложенного мимо могилы. Южнее него выявлено пятно могилы-1, к северо-западу от которого зафиксировано пятно могилы-2, а к юго-востоку – пятно могилы-3. Все три могилы располагались в ряд по линии ЮВ–СЗ (рис. 8.-*2*). Кроме этого, под курганной насыпью зафиксированы четыре ямы, одна из которых оказалась с деревянным столбом (рис. 9.-*1*).

Разрезы бровок дали следующую стратиграфическую картину: гумус мощностью 0,05 м, слой курганной насыпи мощностью до 0,5 м, древний гумусированный слой мощностью до 0,4 м. Прослежены линзы материкового выброса, находившиеся как в насыпи, так и в древнем гумусированном слое, возможно, связанные своим происхождением с норами (рис. 9.-*1*).

Яма-1 находилась юго-восточнее могилы-3 на глубине 0,4 м. Она имела несколько неровный округлый контур размерами 0,42×0,4 м. Заполнение ямы было плотно забито костями коровы и овцы (рис. 9.-*3*). Глубина ямы в материке составила 0,1 м.

Яма-2 зафиксирована на глубине 0,65 м и перекрывала западный угол могилы-1. Она имела подтрапециевидную форму размерами 0,5×0,45 м. Глубина в материке составила 0,15 м. Находок не содержала.

Яма-3 находилась между могилами-1 и 2 на глубине 0,7 м. Она имела аморфную форму размерами 0,5×0,32 м и глубину в материке 0,1 м. Находок не содержала.

Столб в яме находился на расстоянии 2,5 м северо-восточнее могилы-1 на глубине от 0,65 м. Яма оказалась неровно-овальной формы размерами 0,55×0,52 м и глубиной в материке 0,15 м. В ней вертикально стоял слегка обтесанный ствол дерева (рис. 9.-*2*) высотой 0,4 м и диаметром 0,25 м. Его верхняя часть была сломана, а основание ровно срублено.

Грабительский шурф зафиксирован на глубине 0,65 м и представлял собой яму аморфной формы (ближе к прямоугольной) размерами 1,5×0,65 м, ориентированную длинной осью по линии Ю–С. Его заполнение состояло из супеси серого цвета с вкраплениями материка. Шурф прорезал насыпь, древний гумусированный слой и был углублен в материк на 0,15 м.

Могила-1 (центральная) зафиксирована на глубине 0,65 м. Контур могильной ямы имел прямоугольную форму, размеры пятна составляли 1,94×0,63 м, а ориентация оказалась длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина могильной ямы от уровня материка фиксировалась в районе до 0,88 м. В северо-восточной части ямы прослеживалась небольшая ступенька шириной 0,19 м (рис. 10.-*2–3*). На дне могилы расчищен скелет женщины 40–45 лет (здесь и далее определения Д.В. Позднякова), лежавшей вытянуто на спине, головой на северо-восток. Левая рука умершей была согнута в локте, а кисть находилась между костей таза (рис. 10.-*1*). У левого локтя обнаружен железный нож (рис. 16.-*1*). С внешней стороны правой руки располагались крестец и позвонки овцы,

а между правой рукой и позвоночником – фрагмент нижней челюсти овцы. Ниже колена правой ноги зафиксированы остатки берестяного туеска с шелухой от зерен. На дне ямы под костями человека прослеживалась подстилка из бересты и грубой ткани. Остатки такой же ткани покрывали погребенную женщину сверху. Плотная полоска ткани сохранилась на лобной кости черепа (рис. 10.-*2*).

Могила-2 обозначилась на глубине 0,75 м. Ее пятно имело овальную форму размерами 0,95×0,5 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина могильной ямы от уровня материка оказалась до 0,2 м. Северо-западная стенка могильной ямы имела сильный наклон. Вдоль нее зафиксированы остатки продольного перекрытия из трех бревен (рис. 10.-*5–6*). На дне могилы расчищен скелет ребенка, уложенного вытянуто на спину, головой на северо-восток (рис. 10.-*4*). Часть костей скелета была смещена в результате деятельности грызунов, норы которых прорезали могилу. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Могила-3 обозначилась на глубине 0,54 м. Пятно имело подовальную форму с нарушенным контуром, размерами 1,1×0,43 м, ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина могильной ямы в материке составляла до 0,45 м. На дне расчищен скелет ребенка в возрасте трех лет (рис. 11.-*2–3*). Он был уложен вытянуто на спину, головой на северо-восток (рис. 11.-*1*). Из вещей присутствовал лишь деревянный предмет неясного назначения, располагавшийся в районе груди. Кости скелета оказались сильно смещенными в результате деятельности грызунов, норы которых также сильно повредили стенки могилы.

Курган №2 располагался в 8 м южнее кургана №1. Он представлял собой земляную насыпь (рис. 11.-*4*) округлой формы диаметром 9 м и высотой 0,2 м. В центре насыпи прослеживалась слабая западина размерами 3×3 м. При снятии насыпи в северо-восточном секторе раскопа (на глубине 0,45 м) обнаружен фрагмент керамики без орнамента, а в юго-западном секторе (на глубине 0,25 м) – фрагмент кости животного. При разборке бровки в том же секторе найден фрагмент керамики без орнамента (рис. 12.-*2*). В центральной части кургана зачищено пятно могилы-1, а в южной – могилы-2. В восточной части обнаружен деревянный столб в яме (рис. 12.-*3*).

Структура насыпи кургана по разрезам бровок показала следующую стратиграфическую картину: слой гумуса мощностью 0,05–0,07 м, слой курганной насыпи мощностью до 0,5 м, древний гумусированный слой мощностью до 0,3 м. Также прослежены многочисленные материковые линзы (в основном по границе насыпи и древнего гумусированного слоя), связанные с сооружением могил и грабительским шурфом, который прорезал насыпь и большую часть могилы-1, заходя в нее подбоем (рис. 12.-*2*).

Столб в яме находился на расстоянии 1,7 м северо-восточнее могилы-2 на глубине 0,64 м. Яма имела округлую форму диаметром 0,25 м. В ней вертикально стоял обтесанный ствол дерева (рис. 12.-*1*) высотой 0,4 м и диаметром 0,15 м. Верхняя часть столба оказалась сломана, а нижняя срублена немного наискось. Глубина ямы в материке составила 0,1 м.

Могила-1 (центральная) обнаружена на глубине 0,62 м. Она фиксировалась на фоне материка пятном аморфной формы, сохранив прямоугольные очертания в своей восточной части, имела размеры 1,75×1,22 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина в материке достигала до 0,75 м (рис. 13.-*1–2*). Над могилой и в ее заполнении до уровня материка (с глубины 0,25 м) встречены разрозненные кости человека, находившиеся в пределах грабительского шурфа. Ниже уровня материка зачищены кости от скелета взрослой женщины и ребенка в возрасте 6–7 лет, наибольшее скопление которых оказалось в восточном углу. Судя по нахождению там черепа взрослого человека, он был ориентирован головой на северо-восток. Среди скопления костей человека найден позвонок овцы. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Могила-2 зафиксирована на глубине 0,68 м. Ее пятно имело подовальную форму с зауженной юго-западной частью, размерами 1,94×0,85 м и ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина в материке достигала до 0,72 м (рис. 13.-*4–5*). Вдоль

длинной юго-восточной стенки могильной ямы, на приступке, зафиксированы остатки продольного перекрытия из жердей и лопатка овцы. На дне ямы расчищен скелет мужчины 30–35 лет, лежавшего вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 13.-*3*). Фаланги пальцев левой руки и ноги отсутствовали. Часть из них находилась выше на приступке и, возможно, смещена грызунами. Между локтем правой руки умершего и ребрами найдены остатки железного кресала с кремнями (рис. 16.-*2–3*).

Курган №3 располагался в 6 м юго-восточнее предыдущего объекта. Он состоял из земляной насыпи (рис. 14.-*1*) округлой формы диаметром 9 м и высотой 0,25 м. По центру насыпи прослеживалась слабая западина размерами 4×3,5 м. При снятии насыпи в северо-западном секторе кургана найден фрагмент кости животного (на глубине 0,35 м). В центре кургана зачищено могильное пятно, а в восточной части зафиксирована столбовая яма (рис. 14.-*2*).

Разрезы бровок показали следующую стратиграфию: слой гумуса мощностью 0,05–0,06 м, слой курганной насыпи мощностью до 0,45 м, древний гумусированный слой мощностью до 0,3 м. Прослежен грабительский шурф, прорезавший насыпь и полностью захватывавший могильную яму. В пределах шурфа и в слое насыпи присутствовали материковые линзы, часть из которых связана с сооружением столбовой ямы (рис. 14.-*2*), которая находилась на расстоянии 2,75 м восточнее могилы (на глубине 0,55 м). Она имела округлую форму диаметром 0,26 м и была углублена в материк на 0,3 м. Стенки ямы немного расширялись к ровному дну. Столб в яме отсутствовал.

Могила зафиксирована на глубине 0,55 м. Пятно ее имело овальную форму размерами 1,88×0,73 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина ямы в материке достигала до 0,62 м (рис. 15.-*1–2*). Стенки могилы образовывали несколько ступенек. Это, видимо, результаты грабительского проникновения. На дне расчищен потревоженный скелет мужчины в возрасте 50–55 лет. Первоначальное положение сохранили кости рук ниже локтя и ноги. Судя по ним, умерший был уложен на спину в вытянутом положении, головой на северо-восток (рис. 15.-*3*). С внутренней стороны правой бедренной кости обнаружены железные удила с кольчатыми псалиями (рис. 16.-*4*). Ниже фаланг левой руки найден железный нож (рис. 16.-*5*). С внешней стороны правой бедренной кости расчищены бесформенные фрагменты окислившегося железа. Помимо этого, среди перемешанных костей человека найдены обломок деревянного стержня (рис. 16.-*6*), кремень (рис. 16.-*7*), фрагмент черепа и позвонки овцы.

Курган №4 располагался в 14 м южнее предыдущего кургана №3. Он представлял собой земляную насыпь, через которую проходила проселочная дорога (рис. 17.-*1*). Визуально диаметр насыпи составлял 8 м, а высота – 0,35 м. Однако южная часть кургана была повреждена дорогой очень сильно и почти полностью снивелирована. При снятии насыпи в северо-восточном секторе, на глубине 0,15 м, найдена кость животного. Еще две кости животного обнаружены в юго-восточном секторе на глубине 0,1 м. После зачистки юго-западного сектора выявлены могильное пятно и остатки надмогильной конструкции, уходившие в стенку раскопа. Там была осуществлена прирезка сектора (длиной 1 м) для полного оконтуривания погребального сооружения. Видимо, первоначальный диаметр насыпи кургана составлял около 10–14 м, но ее полы были трансформированы при использовании дороги. В юго-восточном секторе кургана зачищена яма со столбом (рис. 17.-*2*).

Структура насыпи прослежена по бровкам: слой гумуса мощностью до 0,05 м фиксировался лишь в северной части, далее шел слой почвы мощностью до 0,2 м, образовавшийся в результате функционирования дороги и оказавшийся немного светлее насыпи кургана, которая под этим слоем достигала мощности до 0,3 м. Под ней отмечен древний гумусированный слой мощностью до 0,25 м, а далее обозначился материк. Между слоями дороги и насыпи фиксировалась линза материкового выброса, связанная с ограблением могилы. Кроме этого, в насыпи имелись отдельные материковые линзы, скорее всего, от нор (рис. 17.-*2*).

Столб в яме находился на расстоянии 3,25 м северо-восточнее могилы (рис. 18.-*1*) на глубине 0,27 м. Яма имела округлую форму диаметром 0,3 м, глубину в материке – 0,2 м. В ней вертикально был установлен обтесанный ствол дерева высотой 0,55 м и диаметром 0,25 м. Верх столба обломан, а низ срублен.

Конструкция погребения состояла из надмогильного деревянного перекрытия и грунтовой ямы. Перекрытие было разрушено грабительским шурфом и сохранилось только по краям могилы (рис. 18.-*2*), зафиксировано на глубине от 0,1 до 0,56 м. Его остатки позволяют заключить, что данная конструкция состояла из одного ряда продольно уложенных плах и жердей. Первоначальная форма перекрытия, видимо, была подпрямоугольной, размерами 2,6×1,7 м, ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильное пятно зафиксировано на глубине 0,56 м. Его контур, нарушенный грабительским шурфом, имел овальную форму с неровными краями, размерами 2,5×1,1 м, ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина в материке достигала до 0,4 м (рис. 19.-*2–3*). На дне могилы расчищены потревоженные кости скелета мужчины 45–50 лет. Судя по их смещению, умерший был уложен вытянуто на спину, головой на северо-восток (рис. 19.-*1*). Остатки сопроводительного инвентаря обнаружены у самого дна на глубине 0,37–0,4 м: каменный диск с отверстием (рис. 20.-*1*), два железных наконечника стрел (рис. 20.-*2–3*), обломок железного ножа (рис. 20.-*4*) и железное шило (рис. 20.-*5*). Помимо костей человека, найдены крестец и позвонки овцы. Вдоль длинных стенок могильной ямы сохранились остатки двойной рамы из бревен и брусьев (рис. 19.-*3*). Первоначальные размеры рамы были такие: длина 2,1 м, ширина 0,9 м, высота 0,15 м. На дне могилы (только под некоторыми костями человека) зафиксированы фрагменты подстилки из органического материала.

2.3. Одиночный курган Грань

Объект, получивший название «Одиночный курган Грань», также был указан одному из авторов монографии жителем с. Безголосово Г.П. Уколовым. Он исследовался отрядом Алейской археологической экспедиции Алтайского госуниверситета осенью 2000 г. Описание раскопок, отдельные планы и некоторые вещи предварительно опубликованы [Тишкин, Горбунов, 2000, с. 407, рис. 1–2; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001, с. 212–213; Горбунов, Тишкин, 2018б, с. 82–83, рис. 2]. Полностью вся информация отражена в научном отчете [Кунгуров, 2001, с. 29–35, рис. 92–141].

Памятник находился на границе Алейского и Топчихинского районов Алтайского края, на надпойменной террасе правого берега Алея, в 1250 м восточнее оз. Яровское, в 4000 м северо-восточнее с. Безголосово (рис. 21.-*1*).

Курган представлял собой земляную насыпь (рис. 21.-*2*) округлой формы диаметром 26 м и высотой 0,7 м. Большая часть насыпи подвергалась распашке, а через ее северо-восточную полу проходила колея проселочной дороги. В центре кургана имелась современная грабительская яма размерами 4×4 м и глубиной до 1,6 м. По сообщению местных жителей, попытка ограбления кургана имела место в середине 1990-х гг.

По периметру насыпи размечался круглый раскоп диаметром 26 м с двумя бровками, ориентированными по линиям Ю–С и З–В. Он был разделен на четыре сектора. Большая площадь раскопа обусловила его вскрытие тремя линиями. Сначала выбирался крайний сегмент (шириной по бровкам 2 м), затем средний (шириной по бровкам 7 м) и потом оставшийся центральный. Каждый отработанный участок служил резервуаром для отвала из следующего сегмента.

При снятии насыпи были сделаны следующие находки: в северо-западном секторе (на глубине 0,03–0,7 м) обнаружены шесть фрагментов костей животных и два точильных камня (рис. 23.-*1–2*); в юго-западном секторе (на глубине 0,3–0,7 м) – шесть фрагментов костей животных; в юго-восточном секторе (на глубине от 0,38 до

0,6 м) – два фрагмента костей животных и остатки (на глубине 0,87 м, в древнем гумусированном слое) древесной коры. Больше всего находок зафиксировано в северо-восточном секторе. Там на глубине от 0,12 до 0,85 м оказалось 30 костей и зубов животных (преимущественно от лошадей), которые образовывали своеобразный шлейф по северо-восточной дуге. Кроме того, в восточной части того же сектора (на глубине 0,5–0,65 м) отмечено скопление кальцинированных костей в виде пятна неправильно-овальной формы (размерами 1,5×1,7 м и мощностью до 0,15 м), находившегося на уровне древней поверхности. После зачистки крайних сегментов секторов был выявлен контур рва, который во многих местах уходил в стенки раскопа. Его полный охват стал невозможен из-за большого объема земляных работ. Поэтому с целью получения разрезов рва вдоль бровок были пробиты траншеи, которые также позволили установить его протяженность и возможную форму. Наиболее полно ров зафиксирован в северо-западном секторе, и его существенная часть попала в юго-западный сектор (рис. 22.-*1*).

В центре кургана выявлены могильное пятно и остатки надмогильного перекрытия. Могила оказалась подвергнута древнему ограблению, а современная яма прошла мимо нее. К северо-востоку от могилы (на расстоянии 4,8 м) зафиксирована яма с поваленным деревянным столбом (рис. 22.-*2–3*).

Структура кургана прослежена по разрезам бровок. Она состояла из слоя гумуса (мощностью 0,05–0,07 м), который фиксировался лишь в северо-восточной части кургана, где накрыл пахотный слой. Далее по остальной поверхности кургана шел только пахотный слой без дерна. Он представлял собой супесь темно-серого цвета (мощностью до 0,4 м) и перекрывал слой собственно курганной насыпи, состоявшей из супеси серого цвета мощностью до 0,9 м. Насыпь подстилал гумусированный слой, состоявший из супеси светло-серого цвета (мощностью до 0,5 м), который служил дневной поверхностью в период сооружения кургана. Ниже шел материк – супесь бледно-желтого цвета (рис. 22.-*1*).

В обеих бровках прослежены ров и могила. Заполнение рва состояло из супеси черного цвета. Ров прорезал древний гумусированный слой и материк. В двух разрезах над ним фиксировались материковые линзы. Заполнение могильной ямы по цвету не отличалось от насыпи. Не просматривались в разрезах следы древнего ограбления, которому явно подвергалась могила. По сторонам могилы, строго на уровне древнего гумусированного слоя, находились линзы материкового выброса.

Ров четко зафиксирован на глубине 0,35–0,6 м, но по его разрезам в бровках прослежено, что он начинался с глубины 0,15–0,4 м от уровня современной поверхности. Средняя ширина рва на уровне материка составляла 1,3 м, а на уровне пахотного слоя – 1,8 м. Глубина рва в материке доходила от 0,55 до 1 м. Контур рва имел овальную форму размерами по внешним границам 30×26,5 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Следовательно, первоначальные размеры насыпи, которая начиналась, судя по бровкам, сразу за внутренними границами рва, составляли 28,5×24 м. Насыпь имела овальную форму и также была ориентирована длинной осью по линии ЮЗ–СВ. При выборке заполнения рва до уровня материка сделаны следующие находки: в северо-западном секторе (на глубине 0,46–0,5 м) обнаружены скопление костей животного и отдельная кость животного; в юго-западном секторе (на глубине 0,5 м) – две нижние челюсти лошади (рис. 22.-*1*).

Яма со столбом зафиксирована на глубине 0,7–1 м. Она представляла собой пятно округлой формы диаметром 0,35 м и была углублена в материк на 0,3 м. Рядом с ямой (на глубине 0,5–0,7 м) лежал столб на уровне древней поверхности (рис. 22.-*2–3*). Он был сделан из обтесанного ствола дерева и изначально установлен в яму в вертикальном положении. Затем до сооружения насыпи кургана столб сломали и перекрыли насыпью. В яме сохранились фрагменты основания столба длиной 0,36 м и шириной 0,21–0,3 м. Поваленная часть столба имела длину 2,74 м и ширину 0,14–0,3 м. Ее нижняя часть оказалась при поломке повреждена на длину 0,3 м. Первоначальная длина

столба (и, соответственно, его высота в вертикальном положении вместе с частью, углубленной в яму) равнялась 3 м (рис. 23.-*3*).

Конструкция погребения состояла из надмогильного перекрытия и грунтовой ямы. Перекрытие было разрушено грабительским шурфом. Оно зафиксировано на глубине 0,4–0,8 м и сохранилось вдоль северо-восточного края могилы, но частично обвалилось в саму могилу (рис. 24.-*1*). Имевшиеся остатки позволили заключить, что данная конструкция состояла из одного ряда продольно уложенных бревен и брусьев (рис. 25.-*4*). Первоначальная форма перекрытия, видимо, была подпрямоугольной со средними размерами 5×2 м и ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. В юго-западной части могилы, выше уровня материка и на глубине 0,62–0,82 м, зачищены скелеты двух лошадей. Вероятно, они были свалены туда древними грабителями. Часть костей сохранилась в сочленении, что указывает на время ограбления, когда связки туш лошадей еще не распались. Первоначально, видимо, эти лошади располагались на перекрытии. В положении сваленных скелетов сохранилась одна изначальная деталь ориентации животных головами по антитезе: одна – на северо-восток, другая – на юго-запад (рис. 24.-*2*).

Могильное пятно зафиксировано на глубине 1,1 м. Его контур практически не нарушен ограблением, имел овальную форму со средними размерами 3,32×1,97 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина могильной ямы в материке достигала 1,32 м (рис. 24.-*3–4*). В заполнении могилы ниже уровня материка встречены поврежденные и целые кости от скелета мужчины в возрасте 20–25 лет и от лошади. Судя по положению шейных и хвостовых позвонков, верховой конь был уложен на дно могилы вдоль ее юго-восточной стенки, слева от человека, и был ориентирован головой на северо-восток (рис. 25.-*1*). Вероятно, что и погребенный человек был ориентирован головой в ту же сторону.

В заполнении могилы, выше уровня материка (на глубине 0,9 м), найден фрагмент железного меча (рис. 26.-*1*), а ниже его уровня (на глубине от 0,4 до 1,32 м) встречен следующий сопроводительный инвентарь: железные наконечники стрел (рис. 26.-*2–3*), бронзовая поясная пряжка (рис. 26.-*4*), бронзовая позолоченная бляха от пояса (рис. 26.-*5*), фрагменты серебряной фольги от одежды (рис. 26.-*6–7*), обломки железных удил и псалиев (рис. 27.-*1*), железная подпружная пряжка (рис. 27.-*2*), фрагмент лобной кости конского черепа с окислом от налобной бляхи (рис. 28.-*1*), остаток кожаного ремня (рис. 25.-*3*; 28.-*2*), бронзовые позолоченные бляхи (рис. 28.-*3–8*) и наконечники (рис. 28.-*9–10*) от узды. Кроме этого, возле северного угла могилы, под обвалившимся перекрытием и на раме, найден железный наконечник копья, сохранивший первоначальное положение и лежавший в «изголовье» человека (рис. 25.-*2*; 29).

На дне могилы также сохранились остатки внутримогильного сооружения, позволившие реконструировать его устройство. Оно состояло из деревянной рамы, длинные стенки которой были двойными, причем крайние доски оковывались обоймами из серебряной фольги (рис. 25.-*5–7*). От них сохранились фрагменты вдоль северо-западной стенки могилы. Поперечная доска рамы в «изголовье» имела секторное сечение и была установлена в виде «подушки». Рама устанавливалась на пол из продольных деревянных досок (рис. 25.-*4*). Их следы зафиксированы под остатками рамы и некоторыми костями на дне могилы.

2.4. Курганная группа Филин-I

Информация о двух разрушаемых курганах в окрестностях оз. Филин в Шелаболихинском районе Алтайского края поступила в мае 1998 г. в Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края «Наследие» от жителя с. Новообинцево Алексея Сергеевича Тагильцева. В июне того же года

памятник был осмотрен авторами монографии. А.С. Тагильцев показал нам место его расположения, рассказал о разрушении и передал предметы, собранные местными жителями: железные удила с псалиями (рис. 35) и стремена (рис. 36.-*1–2*), а также серию деталей из цветного металла от конской узды: ладьевидная бляха и крупная каплевидная бляха, крепившаяся к ремню тремя мелкими бляхами (рис. 37.-*1*); бляха-псевдоколокольчик (рис. 37.-*2*); тренчик (рис. 37.-*4*); 13 блях-накладок (рис. 37.-*3*; 38.-*1–9, 13–14, 19*) и три наконечника ремней (рис. 38.-*10–12*). Помимо этого, еще три предмета от данного набора (наконечник ремня и две бляхи-накладки) попали в собрание Шелаболихинского районного музея [Тишкин, Семкина, Черепанова, 2015, с. 251–253, рис. 1.-1–3; 2.-1–3].

Осмотр места разрушения показал, что на распахиваемом поле находятся два земляных кургана. Эта курганная группа получила название Филин-I. Указанные объекты разрушались ежегодной распашкой, пока в мае 1998 г. плугом не были задеты деревянная конструкция и костяки лошадей в кургане №1 и часть сооружения в кургане №2. При скелете одного животного местные жители и нашли предметы из железа и цветного металла. Кроме этого, в центральной части кургана №1 была перекопана площадь 3×3 м и заложен грабительский колодец в могилу, достигший материка. В нем находились кости человека и черен от железного ножа. В кургане №2 площадь разрушения составила в центре насыпи 1×1 м и затронула верхнюю часть надмогильного перекрытия.

Материалы, полученные при разрушении памятника Филина-I, оперативно введены в научный оборот авторами монографии [Горбунов, Тишкин, 1999, с. 137–141, рис. 1–2], а аварийные курганы было решено полностью исследовать. Раскопки осуществил Шелаболихинский археологический отряд Алтайского госуниверситета, который осенью 2000 г. раскопал объект №1, а летом 2001 г. – курган №2. Краткое описание произведенных работ и отдельные планы предварительно опубликованы [Тишкин, Горбунов, 2000, с. 407–409; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001, с. 213; Горбунов, Тишкин, 2001, с. 281; 2018б, с. 81–82, рис. 1]. Полная информация отражена в двух научных отчетах [Кунгуров, 2001, с. 36–42, рис. 142–229; Горбунов, 2002, с. 13–17, рис. 3–64].

Памятник Филин-I находился в Шелаболихинском районе Алтайского края, на водораздельной террасе правого берега р. Чесноковки, в 265 м юго-западнее оз. Филин и в 7250 м к югу от с. Новообинцево. Он состоял из двух курганов с земляными насыпями, образовывавших цепочку по линии ЮЮВ–ССЗ и расположенных друг от друга на расстоянии в 24 м (рис. 30.-*1*).

Курган №1 имел земляную насыпь (рис. 30.-*2*) овальной формы размерами 30×25 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЮВ–ССЗ, высотой 0,6 м. Внешние границы раскопа сразу не очерчивались, поскольку работы на одиночном кургане Грань выявили недостаток методики разметки большого раскопа по визуально фиксируемой насыпи. Внешние границы такого участка не захватили полностью ров, окружавший насыпь. Его доисследование путем прирезок было связано с большими трудностями из-за образовывавшихся отвалов. Данный опыт был учтен при работах на памятнике Филин-I, курганы которого по своим параметрам соответствовали Грани и можно было ожидать присутствие рвов.

При разметке раскопа кургана №1 памятника Филин-I сразу были размечены только две бровки (по 30 м длиной каждая), ориентированные по линиям Ю–С и З–В, с определенным запасом по отношению к визуально фиксируемой насыпи. Сначала вдоль окончания бровок были заложены траншеи 2×2 м с целью выявления рва. После его фиксации во всех секторах дальнейшая выборка крайнего сегмента каждого сектора производилась с учетом полного исследования соответствующего участка рва. Одновременно с работами по периметру раскопа была начата выборка центральных сегментов каждого сектора (шириной по бровкам 5 м). Грунт из центральных сегментов выносился за край раскопа. Таким способом удалось заодно и в то же время ис-

следовать все имевшиеся в кургане объекты. После отработки крайних и центральных сегментов были вскрыты средние участки секторов, которые раскрывались сразу на две стороны, что существенно облегчило земляные работы и позволило полностью исследовать площадь кургана, ограниченную рвом.

При снятии насыпи кургана №1 в северо-восточном секторе (на глубине 0,4–0,6 м) выявлены три небольших скопления кальцинированных костей. Остальные находки концентрировались в центре кургана: в северо-восточном секторе на глубине 0,25–0,4 м – четыре бронзовые бляхи (рис. 38.-*15–17, 20*) и два наконечника (рис. 38.-*21–22*) от узды, фрагмент кожаного ремня (рис. 38.-*23*); в северо-западном секторе на поверхности насыпи – бронзовая бляха от узды (рис. 38.-*18*); в юго-западном секторе на глубине 0,08–0,2 м – целый железный псалий, звено удил и фрагменты псалия и звена удил (рис. 39); в юго-восточном секторе на глубине 0,05–0,6 м – дужка (рис. 40.-*1*) и подножка (рис. 40.-*2*) железного стремени, развал железного казана (рис. 31.-*3*; 40.-*3*) и клинок железного ножа, очевидно, от того же экземпляра, что и найденный ранее черен (рис. 40.-*4*). По периметру кургана зафиксирован контур рва, а в центре – могильное пятно с остатками надмогильного перекрытия, а также остатки скелетов от двух лошадей (рис. 31.-*1*).

Структура кургана прослежена по разрезам бровок. Она включала пахотный слой мощностью до 0,25 м из супеси черного цвета. Под ним шел слой курганной насыпи мощностью до 0,5 м из супеси темно-серого цвета. Его подстилал древний гумусированный слой из супеси серого цвета мощностью до 0,55 м, под которым находился материк из супеси темно-желтого цвета с вкраплениями нор серого и черного цвета. В четырех местах разрезов прослежен ров. Его заполнение состояло из супеси темно-серого цвета, несколько более темной, чем насыпь. Ров прорезал древний гумусированный слой и материк. Также в разрезах прослежена двухкамерная могильная яма с материковой перемычкой и грабительский шурф, перекрывавший «южную» камеру. Могильная яма прорезала древний гумусированный слой и материк, а перекрывающий ее грабительский шурф прошел через насыпь, древний слой и заходил в могилу ниже уровня материка. Заполнение грабительского шурфа состояло из мешаной супеси черно-серого цвета с вкраплениями материка. В его пределах имелась линза материкового выброса. Еще такие же линзы наблюдались к югу и западу от шурфа на уровне древнего гумусированного слоя. В западной части могилы, на уровне древнего гумусированного слоя, зафиксированы остатки надмогильного перекрытия из бревна и плах. Заполнение «северной» камеры могилы, не затронутой шурфом, аналогично насыпи (рис. 31.-*1*).

Ров зафиксирован на глубине 0,55–0,9 м и по его разрезам в бровках прослежено, что он начинался с глубины от 0,15 до 0,25 м. Средняя ширина рва на уровне материка составляла 1,5–1,6 м, а на уровне древнего горизонта – 1,8–2,4 м. Глубина рва в материке составила 0,7–1 м. Контур рва (рис. 31.-*2, 4*) имел овальную форму размерами по внешним границам 28×25 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Насыпь, судя по разрезам бровок, начинавшаяся сразу за рвом, имела также овальную форму размерами 24,5×22 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Эти данные не соответствовали ее визуальному восприятию до раскопок, что, видимо, связано с направлением распашки курганов. При выборке заполнения рва (на глубине 0,25–0,75 м) сделаны следующие находки: в северо-восточном секторе – шесть костей, четыре нижние челюсти и два черепа лошади; в юго-восточном секторе – четыре кости лошади и ее лопатка. В северо-восточном секторе во рву зафиксирована материковая приступка-перемычка трапециевидного профиля, размерами 2,1×1 м (на глубине 0,5 м от уровня материка) и высотой 0,4 м от дна рва в том же месте (рис. 32.-*1*).

Конструкция погребения состояла из надмогильного перекрытия и грунтовой двухкамерной ямы. Над «южной» камерой перекрытие было частично разрушено грабительским шурфом. Целая часть его над могилой просела в яму ниже уровня материка (рис. 32.-*3–4*). Выше уровня материка перекрытие зафиксировано на глубине от

0,1 до 1 м. Оно состояло из одного слоя продольно уложенных бревен и брусьев. Первоначальная форма перекрытия была прямоугольной, размерами 5×4 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. На перекрытии или рядом с ним выше материка на глубине 0,2–0,27 м зафиксированы остатки двух скелетов лошадей (рис. 32.-*2*). По ним установлено, что «северная» лошадь лежала головой на северо-восток, а «южная» – головой на юго-запад. С «северной» лошадью можно связать найденные рядом с могилой бронзовые детали узды (рис. 38.-*15–18, 20–22*), которые однотипны комплекту из сборов 1998 г. (рис. 38.-*1–14, 19*). К экипировке «южной» лошади явно относятся обломки удил, псалиев и стремени (рис. 39; 40.-*1–2*). Из этого следует, что обе лошади были взнузданы и оседланы, но узда «северной» лошади оказалась более парадной и украшенной произведениями торевтики.

Могильное пятно зафиксировано на глубине 1 м. Оно имело подпрямоугольную форму с двумя выемками и нарушенным ограблением юго-восточным краем. В среднем размеры могилы составляли 2,75×2,35 м, с ориентацией короткой осью по линии ЮЗ–СВ (рис. 33.-*1*). Могильная яма состояла из двух камер, разделенных материковой перемычкой. Глубина до нее в материке составила 0,12–0,15 м. Средняя ширина перемычки 0,5 м (рис. 33.-*2*).

«Северная» камера могилы оказалась нетронутой и имела размеры 2,35×0,8 м при глубине в материке до 0,65 м. В ней на глубине 0,05–0,5 м зафиксированы остатки провалившегося надмогильного перекрытия. Под ними зачищен скелет мужчины 25–30 лет, уложенный вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 34.-*1–2*). За головой погребенного находились позвонки и ребро животного, а также крупный фрагмент кожи (рис. 34.-*3*; 41.-*1*). В ногах – железный казан (рис. 34.-*4*; 41.-*2*) и крестец крупного копытного животного. Поверх костей левой руки лежал железный меч в ножнах (рис. 42.-*1*), от которых сохранились остатки дерева и бересты. У перекрестия меча находилась фигурная железная накладка (рис. 42.-*2*). На торцевой стороне ножен, где спинка клинка, у устья и ближе к середине, зафиксированы две железных накладки в виде фиксирующих пластин с кольцами, вставленными в петли-пробои (рис. 42.-*3, 6*). Ближе к окончанию клинка на ножнах находилась железная обойма (рис. 42.-*7*). По обе стороны меча у середины клинка обнаружены бронзовые пряжка (рис. 42.-*4*) и тренчик (рис. 42.-*5*) от портупейного ремня. Под мечом, ниже устья его ножен, лежал железный нож (рис. 42.-*8*). На правой половине скелета зачищен берестяной колчан плохой сохранности с семью железными наконечниками стрел. Три из них лежали остриями вверх у устья (рис. 43.-*1–3*), а четыре – остриями вниз у дна (рис. 43.-*5–8*). С внешней стороны костей правой руки найден железный нож (рис. 43.-*4*). На тазовых костях и верхней части бедренных костей обнаружена железная гарнитура от двух поясов. Основной пояс состоял из пряжки (рис. 44.-*1*), четырех блях (рис. 44.-*2–5*), наконечника (рис. 44.-*6*) и двух железных крюков на кольцах (рис. 44.-*7–8*). Ко второму (стрелковому) поясу относились пряжка (рис. 44.-*9*) и наконечник ремня (рис. 44.-*10*). Умерший человек был помещен в конструкцию из тонких досок очень плохой сохранности, но в ней можно было различить стенки и пол.

«Южная» камера могилы оказалась полностью разграблена. Ее размеры составили 2,3×1,4 м при глубине в материке до 0,85 м. В северо-восточной части ямы, на глубине до 0,26–0,3 м, зафиксированы остатки провалившегося перекрытия. Под ними сохранились остатки рамы из брусьев. Поперечная стенка рамы соединялась с продольной впритык, заходя за ее край (рис. 33.-*1*). Первоначальная высота рамы достигала 0,3 м, а ее ширина – 0,8 м. В заполнении «южной» камеры обнаружены кости от скелетов женщины 45–50 лет и ребенка, а также несколько костей лошади, провалившихся в грабительский шурф. Судя по нахождению черепа, умершая женщина была ориентирована головой на северо-восток. Фрагменты железного казана и ножа (рис. 40.-*3–4*), найденные рядом с могилой, очевидно, происходят из «южной» камеры.

Курган №2 состоял из насыпи овальной формы размерами 30×25 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЮВ–ССЗ, высотой 0,5 м. С учетом визуальных размеров

насыпи был размечен раскоп из двух бровок по 30 м длиной, ориентацией по линиям Ю–С и З–В. Внешние границы раскопа сразу не очерчивались, а определялись по мере оконтуривания рва, в результате чего бровка по линии З–В удлинилась до 32 м. Методика раскопок соответствовала такой же, как и для кургана №1.

При снятии насыпи кургана №2 сделаны следующие находки: в юго-восточном секторе (на глубине 0,15–0,4 м) – две кости и зуб лошади, кость и нижняя челюсть овцы, а также уздечная налобная бляха (рис. 48.-*1*); в северо-восточном секторе (на глубине 0,2–0,7 м) – четыре кости лошади и уздечная пряжка (рис. 48.-*2*); в юго-западном секторе (на глубине 0,1–0,45 м) – отдельно кость и зуб лошади, а также скопление конских костей с нижней челюстью; в северо-западном секторе (на глубине 0,2–0,35 м) – кость лошади и еще одна уздечная пряжка (рис. 48.-*3*). Все находки стратиграфически находились в распаханном слое, слое курганной насыпи и грабительском выбросе. В результате зачистки крайних сегментов раскопа выявлен контур рва. При исследовании средних сегментов раскопа в северо-восточном секторе зафиксированы остатки деревянного столба в столбовой яме, а в юго-западном секторе найдены остатки обугленного бревна. В центре кургана обнаружены могильное пятно и остатки надмогильного перекрытия (рис. 45.-1).

Структура кургана, прослеженная по разрезам бровок, по цветности слоев совпадает с курганом №1. Также сверху шел пахотный слой мощностью до 0,28 м, под ним располагался слой курганной насыпи мощностью до 0,3 м, а далее ниже – древний гумусированный слой (мощностью до 0,45 м) и материк. Разрезы рва прослежены в четырех местах. По ним видно, что ров прорезает древний гумусированный слой и материк. В разрезы попадали могильная яма и перекрывавший ее грабительский шурф, который прорезал насыпь, древний гумусированный слой и заходил в могилу ниже уровня материка. Заполнение шурфа состояло из мешаной супеси черно-серого цвета с вкраплениями материка. К северу, югу и западу от шурфа и могилы на уровне древнего гумусированного слоя имелись линзы материкового выброса. С севера у могилы прослежено бревно от перекрытия, лежавшее на уровне древнего гумусированного слоя (рис. 45.-*1*).

Ров зафиксирован на глубине 0,4–0,8 м, но, судя разрезам, он начинался с глубины 0,2–0,3 м. Ширина рва на уровне материка составляла 0,7–1,8 м, на уровне древнего горизонта – 1,4–2,6 м, глубина в материке – 0,7–0,9 м (рис. 46.-*1, 5–6*). Контур рва имел овальную форму размерами по внешним границам 28×25 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Насыпь, судя по разрезам бровок, там, где она не была полностью уничтожена распашкой, начиналась сразу за рвом и имела овальную форму размерами 24,5×22 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Эти данные не соответствовали ее визуальному восприятию до раскопок, что связано с другим направлением распашки курганов. При выборке заполнения рва (рис. 46.-*4*), на глубине 1–1,55 м, были сделаны следующие находки: в северо-восточном секторе – девять костей лошади; в юго-восточном секторе – одна кость лошади; в юго-западном секторе – кость лошади и нижняя челюсть овцы. В северо-восточном секторе во рву на глубине 0,2 м от уровня материка зафиксирована материковая приступка-перемычка (рис. 46.-*2–3*) трапециевидного профиля размерами 0,9×0,7 м и высотой 0,9 м от дна рва.

Нижняя часть деревянного столба была выявлена на глубине 0,61–0,9 м на расстоянии 5,7 м от северо-восточного края могилы. Она находилась вертикально в яме округлой формы (диаметром 0,25 м), углубленной в материк на глубину 0,1 м. Остатки столба представляли собой фрагмент обтесанного ствола дерева высотой 0,29 м и диаметром 0,15 м. Верхняя часть столба была сломана и обуглена, а основание ровно срублено. Помимо указанной находки, в юго-западном секторе раскопа на глубине 0,35–0,45 м зафиксирован поваленный ствол дерева с сильно обугленной поверхностью. Его длина составляла 0,81 м, а диаметр – 0,1 м. Он лежал на уровне древнего горизонта и был перекрыт курганной насыпью. Велика вероятность того, что это верх-

няя часть столба, стоявшего в северо-восточном секторе кургана. Его до возведения насыпи подожгли, потом сломали и оставили в таком виде на зафиксированном при раскопках месте.

Конструкция погребения состояла из надмогильного перекрытия и грунтовой ямы. Перекрытие большей частью оказалось разрушено грабительским шурфом. Его первоначальное положение сохранилось к северу и северо-западу от могилы (рис. 45.-*2–3*). Значительная часть разбитого перекрытия находилась в заполнении могильной ямы ниже уровня материка. Выше уровня материка перекрытие зафиксировано на глубине 0,2–0,8 м. Оно состояло из одного слоя продольно уложенных бревен. Первоначальная форма перекрытия была прямоугольной, размерами 4×3 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. На перекрытии и рядом с ним выше материка располагались остатки скелета от одной лошади и часть уздечной гарнитуры. Они обнаружены на глубине 0,2–0,45 м в пределах грабительского выброса. Судя по концентрации костей черепа к юго-западу от могилы, лошадь лежала головой на юго-запад.

Могильное пятно зафиксировано на глубине 0,8 м. Оно имело овальную форму с нарушенным при ограблении контуром (размеры 2,6×1,24 м) и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма была углублена в материк до 0,86 м. Погребение подверглось полному ограблению (рис. 47.-*1–2*). В заполнении могилы ниже уровня материка находились вперемешку части разбитого перекрытия, кости лошади и скелета мужчины 45–50 лет. Концентрация тазовых костей лошади в северо-восточной части могилы подтверждает ее ориентацию головой на юго-запад. Части человеческого черепа лежали там же. Это свидетельствует об ориентации умершего головой на северо-восток. Из инвентаря в заполнении могилы найдены три железных предмета: седельный пробой (рис. 48.-*4*) и две петли-пробои с кольцами от ножен меча (рис. 48.-*5–6*). На дне могилы зачищены остатки деревянного пола из продольного ряда горбылей (рис. 47.-*3–4*).

2.5. Одиночный курган Поповская Дача

Крупный курган, получивший название Поповская Дача, житель с. Безголосово Г.Е. Уколов указал одному из авторов монографии во время проведения обследований части территории Алейского района Алтайского края. Данная информация нашла отражение в соответствующем отчете [Тишкин, 2002, с. 45, рис. 16, 46–48]. Летом 2001 г. Алейской археологической экспедицией Алтайского госуниверситета этот археологический объект был исследован. Описание раскопок и отдельные вещи предварительно опубликованы [Горбунов, Тишкин, 2001, с. 285–286, рис. 1–2; 2018б, с. 83–84; Тишкин, Горбунов, 2022], а полная информация приведена в научном отчете [Горбунов, 2002, с. 36–46, рис. 212–286].

Обозначенный памятник располагался в 3250 м северо-восточнее с. Безголосово Алейского района Алтайского края на правом коренном берегу Алея, в 600 м северо-северо-восточнее оз. Яровское (рис. 49). Одиночный курган имел земляную насыпь овальной формы размерами 30×25 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ и высотой 0,8 м. На поверхности кургана визуально фиксировались три западины. Центральная яма имела размеры 6×3 м и глубину 0,4 м. Южнее к ней примыкала западина поменьше (размерами 3×2 м и глубиной 0,25 м). Южнее второй западины находилась третья диаметром 3,5 м и глубиной 0,45 м. С учетом визуальных размеров насыпи был размечен раскоп из двух бровок длиной по 30 и 25 м, с ориентацией по линиям Ю–С и З–В. Внешние границы раскопа сразу не очерчивались, а определялись по мере оконтуривания рва, в результате чего бровка по линии Ю–С удлинилась до 27 м. Методика раскопок представленного объекта была аналогична той, которая применялась при исследовании курганов памятника Филин-I.

При снятии насыпи кургана зафиксированы следующие находки: в северо-восточном секторе (на глубине 0,6–0,85 м) – скопление и семь отдельных костей животных, зуб лошади, два скопления и три отдельные кальцинированные кости; в юго-восточном секторе (на глубине 0,5–0,59 м) – три кости животных; в северо-западном секторе (на глубине 0,7–0,77 м) – две кости животных. Все находки стратиграфически располагались в слое курганной насыпи. В результате зачистки крайних сегментов раскопа выявлен контур рва. При исследовании средних сегментов зафиксировано следующее: в северо-восточном и юго-восточном секторах оказались нижние части пяти деревянных столбов в ямах; в северо-восточном секторе лежали остатки одного поваленного столба; в юго-восточном секторе обнаружено захоронение ребенка на уровне древнего горизонта; в юго-восточном и юго-западном секторах выявлены пятна могил-1 и 2, а в северо-западном – пятно могилы-5. В центре кургана находились остатки перекрытия и пятно могилы-4. Помимо археологических объектов, в кургане оказались две «современные» ямы. В первой из них, под центральной западиной, находились 23 скелета коров, а во второй яме, под южной западиной, – два скелета собак (рис. 50.-*1*).

Структура кургана прослежена по разрезам бровок. Она состояла из гумуса мощностью 0,06–0,1 м, под которым шел слой курганной насыпи мощностью до 1 м из супеси серого цвета. По краям от него, надо рвом, фиксировался наносной слой мощностью до 0,7 м из супеси черного цвета. Насыпь подстилал древний гумусированный слой из супеси светло-серого цвета мощностью до 0,45 м, а под ним шел материк – супесь желтовато-серого цвета с вкраплениями нор серого и черного цвета. В четырех местах разрезов зафиксирован ров. Его заполнение состояло из супеси темно-серого цвета. Ров прорезал древний гумусированный слой и материк (рис. 50.-*1*).

В разрезы попали три ямы современного происхождения из супеси черного цвета. Первая (скотомогильная) прорезала насыпь, древний гумусированный слой и углублялась в материк на 0,1 м, перекрывая могилу-4. Вторая (с захоронением собак) прорезала насыпь, древний гумусированный слой, углубляясь в материк на 0,2 м. Третья небольшая пустая ямка фиксировалась только в насыпи.

Также в разрезы попали три могильные ямы. В центральной части фиксировалась двухкамерная яма могилы-4 с материковой перемычкой. Грабительский шурф (мешанка темно-серого цвета с вкраплениями материка) прорезал «северную» камеру. Заполнение могилы, незатронутое поздним проникновением, состояло из мешаной супеси серого цвета с вкраплениями материка. Над «южной» камерой, на уровне древнего гумусированного слоя, находились бревна перекрытия. Аналогичные бревна лежали над целой частью «северной» камеры. По краям от могилы-4, на уровне древнего гумусированного слоя, прослежены материковые линзы. В южной части фиксировалась яма могилы-2, перекрытая грабительским шурфом (его заполнение аналогично шурфу в могиле-4). К северу и югу от могилы-2, на уровне древнего гумусированного слоя, отмечены материковые линзы. С юга линза материкового выброса из могилы-2 перекрывала яму могилы-1, заполнение которой аналогично целой части могилы-4.

Ров зафиксирован на глубине 0,6–0,88 м, но по разрезам в бровках прослежено, что он начинался с глубины 0,35–0,45 м. Ширина рва на уровне материка составляла 0,9–1,7 м, а на уровне наносного слоя – 1,5–1,9 м. Глубина рва в материке составляла 0,75–0,9 м. Контур рва оказался овальной формы размерами 29×25,5 м (по внешним границам), с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Насыпь, начинавшаяся сразу за рвом, имела также овальную форму размерами 26×22 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Эти данные немного отличались от ее визуального восприятия до раскопок. При выборке заполнения рва на глубине 0,85–1,95 м (рис. 50.-*2*) были сделаны следующие находки. В северо-восточном секторе зафиксированы 16 костей животных, 11 нижних челюстей лошади, три черепа лошади и один череп овцы, расположенных семью скоплениями (рис. 50.-*3*). В юго-восточном секторе обнаружены пять костей животных, два зуба лошади, две

нижние челюсти лошади и череп овцы. В юго-западном секторе найдены три кости животных, а в северо-западном – две. Самая узкая часть рва (с вогнутой внешней стороной) оказалась в северо-восточной части, напротив могилы-4. Вполне возможно, что в том месте был проход-перемычка, который находился выше уровня материка и поэтому не фиксировался (рис. 50.-*1*).

Столб-1 обнаружен на глубине 1–1,7 м и на расстоянии 4,2 м от северо-восточного края могилы-4. Он являлся самым северным в ряду из пяти столбов. Столб-1 стоял вертикально в яме округлой формы диаметром 0,5 м (углубленной в материк на 0,4 м) и представлял собой обтесанный ствол дерева (рис. 50.-*4*) высотой 0,7 м и диаметром 0,3 м. Его верхняя часть была сломана, а основание ровно срублено.

Столб-2 зафиксирован на глубине 0,95–1,65 м. Он располагался на расстоянии 4,15 м от северо-восточного края могилы-4 и в 0,35 м к югу от столба-1. Столб-2 стоял вертикально в яме округлой формы диаметром 0,5 м (углубленной в материк на 0,3 м) и также представлял собой обтесанный ствол дерева (рис. 50.-*4*) высотой 0,7 м и диаметром 0,4 м. Его верхняя часть была сломана, а основание ровно срублено.

Столб-3 выявлен на глубине 1,05–1,55 м. Он находился на расстоянии 4 м от северо-восточного края могилы-4 и в 0,3 м южнее столба-2. Столб-3 стоял вертикально в яме округлой формы диаметром 0,45 м (углубленной в материк на 0,2 м) и представлял собой обтесанный ствол дерева (рис. 50.-*4*) высотой 0,5 м и диаметром 0,25 м. Его верхняя часть была сломана, а основание ровно срублено.

Столб-4 зафиксирован на глубине 1,2–1,5 м. Он обнаружен на расстоянии 4,55 м от северо-восточного края могилы-4 и в 0,3 м юго-восточнее столба-3. Столб-4 стоял вертикально в яме округлой формы диаметром 0,25 м (углубленной в материк на 0,2 м) и представлял собой обтесанный ствол дерева высотой 0,3 м и диаметром 0,15 м. Его верхняя часть была сломана, а основание ровно срублено.

Столб-5 располагался на глубине 1,15–1,5 м, на расстоянии 4,9 м от северо-восточного края могилы-4 и в 0,5 м юго-восточнее столба-4. Он являлся самым южным в ряду из пяти столбов. Столб-5 стоял вертикально в яме округлой формы диаметром 0,3 м (углубленной в материк на 0,2 м) и представлял собой обтесанный ствол дерева высотой 0,35 м и диаметром 0,2 м. Его верхняя часть была сломана, а основание ровно срублено.

Помимо указанного в северо-восточном секторе раскопа, на глубине 0,7–0,85 м обнаружен поваленный столб (рис. 50.-*1*). Его длина составляла 2,45 м, а ширина – 0,15 м. Столб лежал на уровне древнего горизонта и был перекрыт курганной насыпью. Возможно, он являлся верхней частью одного из столбов, установленных к северо-востоку от могилы-4. Но после его сломали и отбросили в сторону до возведения насыпи.

Могила-1 являлась самой южной в ряду из четырех погребений, расположенных по линии ЮЮВ–ССЗ. Могильное пятно зафиксировано на глубине 1,3 м. Его контур имел прямоугольную форму размерами 1,85×0,92 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина могильной ямы в материке составила 1,18 м. В заполнении ямы с глубины 0,94 м встречена внутримогильная конструкция из двухвенцовой рамы с продольным перекрытием (рис. 51.-*1*). Перекрытие размерами 1,7×0,16×0,09 м было сделано из деревянных горбылей. Рама имела размеры 1,82×0,9 м при высоте 0,23 м. Перекрытие опиралось на поперечные стенки рамы, а затем просело внутрь конструкции. Под просевшим перекрытием, на дне могилы, расчищено ложе, перекрытое продольным рядом из четырех досок плохой сохранности (рис. 51.-*2, 4*). Пол ложа и его продольные стенки оказались сделанными из цельного куска дерева, а поперечные стенки были вставными из отдельных досок (рис. 52.-*2*). Размеры ложа – 1,35×0,43 м, высота – 0,08 м.

В ложе находился скелет ребенка, который лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 52.-*1*). На лицевой части раздавленного черепа зафиксирован большой кусок шелковой ткани, расшитой мехом, золотой и серебряной фольгой

(рис. 51.-*3*; 53). Справа от него расчищено еще два кусочка подобной ткани без отделки (рис. 54.-*1–2*). На фрагментах перекрытия ложа сохранились отпечатки орнамента (рис. 52.-*3–4*; 54.-*3–6*), возможно, также связанные с тканью. С внешней стороны левых берцовых костей находился обломок железного ножа (рис. 54.-*7*). Между левой плечевой костью и стенкой ложа лежал фрагмент бронзового зеркала (рис. 55.-*1*). У височных костей черепа найдены две серебряные серьги, покрытые позолотой (рис. 55.-*2–3*). У правой плечевой кости, над стенкой ложа, встречена бронзовая застежка из двух половинок (рис. 55.-*4–5*). Еще две аналогичные половинки от разных застежек найдены на раме и ее перекрытии (рис. 55.-*6–7*). В северо-восточном углу ложа, за черепом, обнаружена шелуха от кедровых орехов (рис. 51.-*2*).

За ложем, слева от первого погребенного, расчищен скелет второго ребенка, также лежавшего вытянуто на спине, головой на северо-восток. Кости его ног, за исключением фрагмента правой бедренной, не сохранились. В ногах второго погребенного, у юго-западного угла ложа, расчищено по семь позвонков овцы и коровы в сочленении (рис. 51.-*2*; 52.-*1*).

Могила-2 находилась в 0,9 м северо-северо-западнее предыдущей. Могильное пятно зафиксировано на глубине 1,3 м. Оно имело неправильную овально-прямоугольную форму (контур нарушен ограблением) размерами 2,52×1,5 м и ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма была углублена в материк до 0,97–1,35 м. Ее дно образовывало ступеньку-приступку. Ширина углубленной части составляла 0,66 м (рис. 56.-*1–2*). В грабительском перекопе могилы, на глубине 1,05–1,1 м, зафиксировано скопление костей собаки, которая первоначально могла лежать на надмогильном перекрытии или приступке. В заполнении могильной ямы ниже уровня материка, с глубины 0,8 м и до дна, обнаружены разрозненные кости скелета женщины 25–30 лет и два фрагмента деревянного перекрытия. Большая часть костей человека оказалась смещена к северо-восточной стенке могилы. В юго-западной части могилы, на дне, сохранили первоначальное положение малая берцовая кость и кости стопы правой ноги. Судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 56.-*4*). Из инвентаря среди костей человека найдены два фрагмента от железного ножа (рис. 54.-*8*).

Могила-3 находилась в 1,8 м к северо-востоку от могилы-1 и в 2,2 м к юго-востоку от могилы-2, впереди от общего ряда могил. Погребение обнаружено на глубине 0,85–0,9 м. Оно было оставлено до сооружения курганной насыпи. Там расчищены кости ребенка, представленные фрагментом черепа и плечевой костью (рис. 56.-*3*). Ориентация и положение умершего по ним не устанавливаются, следы могильной ямы или какой-либо конструкции не зафиксированы, инвентарь отсутствовал.

Могила-4 находилась в центре кургана на расстоянии 3,7 м северо-северо-западнее могилы-2. Конструкция погребения состояла из надмогильного перекрытия и грунтовой двухкамерной ямы (рис. 57.-*1*). Перекрытие над «северной» камерой было разрушено грабительским шурфом. От него уцелели несколько фрагментов бревен на уровне древнего гумусированного слоя и часть фрагментов, просевших в камеру ниже уровня материка. Над «южной» камерой перекрытие сохранилось полностью на уровне древнего гумусированного слоя и просевшим в камеру ниже уровня материка (рис. 57.-*2*). Выше уровня материка перекрытие зафиксировано на глубине 0,7–1,3 м. Оно состояло из одного слоя продольно уложенных 11 бревен. Первоначальная форма перекрытия была прямоугольной, размерами 4,5×3,7 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ.

Могильное пятно зафиксировано на глубине 1,3 м. Оно имело овальную форму с двумя выемками, делившими могилу на разные части. Наибольшие размеры могилы составляли 3,6×3,16 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма состояла из двух камер, разделенных материковой перемычкой. Глубина до нее в материке составила 0,11–0,2 м. Ширина верха перемычки ниже уровня материка была 0,07–0,18 м (рис. 57.-*1–2*).

«Южная» камера могилы оказалась нетронутой. Она имела размеры 2,3×0,86 м при глубине в материке до 0,53 м. В ней на глубине от 0,05 до 0,35 м зафиксированы остатки провалившегося надмогильного перекрытия. Под ними зачищены скелеты двух лошадей, уложенных на животе с подогнутыми ногами, головами на северо-восток (рис. 58.-*2*).

«Северная» камера могилы оказалась разграбленной. Она имела размеры 3,6×2,18 м, при глубине в материке до 1,4 м. По краям камеры, на глубине до 0,95–1,31 м, зафиксированы остатки провалившегося перекрытия, упавшего на внутримогильную конструкцию. Последняя состояла из рамы, установленной на пол и перекрытой поперечным рядом досок размерами 1,5×0,28×0,07 м. Стенки рамы были сделаны из брусьев. Поперечные стенки рамы соединялись с продольными впритык. Общие размеры рамы составляли 3,35×1,8 м (при высоте 0,3 м). Деревянный пол фиксировался фрагментарно под брусьями рамы, отдельными костями и предметами, лежавшими у дна. Его толщина составляла 0,01 м (рис. 57.-*2*).

В заполнении «северной» камеры с глубины 0,85 м обнаружились перемешанные кости от двух скелетов взрослых мужчин и одного ребенка, а также предметы сопроводительного инвентаря, большей частью поврежденные. Первоначальное положение на полу камеры сохранили большая и малая берцовые кости ноги взрослого человека и конец клинка меча рядом с ними (рис. 58.-*1*). Это свидетельствует о том, что погребенные люди лежали вытянуто на спине, головами на северо-восток. В заполнении камеры на глубине 0,85–1,38 м обнаружено много разных предметов (рис. 58.-*3*). Среди них находились целые и обломанные вещи в основном из железа: два меча (рис. 59.-*1–2*); две накладки-пластины с кольцами, вставленными в петли-пробои (рис. 59.-*3–4*); обойма от ножен меча (рис. 59.-*5*); пять наконечников стрел (рис. 60.-*1–3, 5–6*); костяная накладка на колчан (рис. 60.-*4*); нож (рис. 60.-*7*), удила с псалиями (рис. 61.-*1*) и три фрагмента еще от двух псалиев (рис. 61.-*2–4*); налобная бляха (рис. 62.-*1*); втулка наносного султанчика (рис. 62.-*2*); фрагменты от двух колец (рис. 62.-*3, 5*) и двух наконечников ремней (рис. 62.-*4, 7*); крупная пластина (рис. 62.-*6*), служившая, вероятно, передней лукой ленчика седла; четыре распределителя ремней с зажимами (рис. 63.-*1–4*); фрагменты не менее чем от трех стремян (рис. 64.-*1–2*; 65). Отметим также изделия из цветного металла: пять лепестковых (рис. 66.-*1–5*), три круглых (рис. 66.-*6–8*) и две подокруглых (рис. 66.-*9–10*) бляхи-накладки от украшений пояса; целая и фрагментированная зооморфные бляхи (рис. 66.-*11–12*); позолоченная сложнофигурная бляха (рис. 66.-*14*) и подобный ей фрагмент (рис. 66.-*13*) от украшения сумки; два наконечника от поясных или уздечных ремней (рис. 66.-*15–16*). И наконец, укажем находки из серебряной фольги в виде пластинок (рис. 66.-*17–24*) и гвоздиков к ним (рис. 66.-*25–35*), а также очень мелкие кусочки аналогичной фольги.

Могила-5 находилась на расстоянии 4 м к северо-северо-западу от предыдущей. Могильное пятно зафиксировано на глубине 1,3 м. Оно имело овальную форму размерами 1,36×0,69 м. После выборки заполнения могилы до дна (глубина 0,5–0,75 м) обнаружилось, что юго-восточная стенка могильной ямы имела подбой, перегороженный деревянной конструкцией (рис. 67.-*1–2*). При расчистке перегородки материковая крыша подбоя дала трещину и ее пришлось удалить. Все данные о высоте подбоя фиксировались через каждые 10 см по мере удаления материковой крыши. После снятия последней размеры могильной ямы увеличились до 1,54×1,43 м. Деревянная перегородка (глубина 0,37–0,55 м) подбоя состояла из двухъярусной клети – на два бревна клалась плаха, затем еще два бревна и плаха. Общая высота конструкции была 0,23 м, длиной 1,15 м и шириной 0,25 м. Наибольшая высота подбоя составляла 0,52 м, наименьшая – 0,2 м. Подбой заканчивался углублением, на дне которого расчищен скелет ребенка (рис. 67.-*3*). Дно оказалось неровным, с двумя ступеньками. Ширина первой (верхней) ступеньки – 0,38 м, второй – 0,73 м. Ширина углубленной части – 0,32 м (рис. 67.-*5*). Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 67.-*4*). Вдоль правой плечевой кости находились крестец и позвон-

ки овцы в сочленении. Стопы и фаланги ног отсутствовали. Кости рук ниже локтей и часть ребер были смещены грызунами. Одно ребро находилось за головой погребенного. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

2.6. Курганная группа Прудской

Курганы были обнаружены местным жителем, который сообщил о них в тогдашний Научно-производственный центр «Наследие» (Барнаул). На осмотр и картографирование археологического объекта в 1998 г. выезжали сотрудник указанного учреждения Д.А. Пугачев и представитель от АГУ Я.В. Фролов. В 2001 г. курганная группа обследовалась одним из авторов монографии в связи с предполагаемой подготовкой строительной площадки для нужд рыбного хозяйства предприятия «Алтайэнерго». Результаты этих работ отражены в научном отчете [Тишкин, 2002, с. 11–12, рис. 2–8].

Памятник находится в Калманском районе Алтайского края, на мысовидном выступе водораздельной террасы (рис. 68.-*1*) левого берега р. Шадриха (приток Оби), в 250 м севернее русла, в 4000 м юго-восточнее пос. Прудской и в 5500 м северо-западнее с. Шадрино. Через территорию археологического комплекса проходят ЛЭП и полевая дорога, по которой можно доехать от Змеиногорского тракта. С северо-восточной стороны мыс ограничен лесополосой, за которой находится пашня. По сведениям информаторов, на этом поле также располагались курганы, но в настоящее время они полностью снивелированы распашкой. Кроме этого, указывалось, что при закладке лесополосы в 1950-е гг. были задеты погребения, так как рабочие находили там человеческие кости.

Зафиксированная группа курганов состояла из шести насыпей, располагавшихся неровной цепочкой по линии ЮЗЗ–СВВ (рис. 68.-*2*). К югу и юго-западу от них, под мысом, находятся пруд, домик сторожей, подстанция и сооружение для отлова рыбы в русле реки при спуске искусственного водоема. Участок памятника порос степной растительностью.

Летом 2001 г. Калманский археологический отряд Алтайского госуниверситета полностью исследовал выявленные курганы памятника, получившего название «Прудской». Описание этих работ предварительно опубликовано [Горбунов, Тишкин, 2001, с. 281–285]. Все полученные материалы отражены в научном отчете [Горбунов, 2002, с. 18–35, рис. 64–211].

Большинство курганов исследовались круглыми раскопами, с оставлением двух перпендикулярных бровок (по линиям Ю–С и З–В) и делением на четыре сектора. В курганах №3–6 вскрытие площади производилось сразу во всех обозначенных участках. В кургане №1 в каждом секторе вскрывался сначала крайний сегмент (шириной 2 м по бровкам), после отработки которого исследовался центральный сегмент сектора. Курган №2, отличавшийся от других объектов наибольшими размерами насыпи и ее формой, раскапывался также в две линии. Однако сначала там выбирались центральные сегменты (шириной 12 м по бровкам). Затем вдоль бровок были заложены траншеи шириной 1 м для фиксации рва, после чего раскапывались крайние сегменты по его контуру.

Структура насыпей всех курганов, прослеженная по разрезам, была практически одинакова: сверху слой темного гумуса, под ним слой курганной насыпи из супеси темно-серого цвета, затем слой древнего гумусированного слоя из супеси серого цвета и под ним материк из супеси желтовато-серого цвета с примесью более темных нор.

Курган №1, самый восточный в цепочке, представлял собой земляную насыпь округлой формы диаметром 12 м и высотой 0,35 м. Северо-восточная пола насыпи оказалась разрушена лесополосой. При выборке секторов раскопа находок

не обнаружено. В центральной части кургана зафиксирован контур могильной ямы. К северо-востоку от нее зафиксированы остатки деревянного столба в яме (рис. 69.-*1*).

Представление о структуре курганной насыпи дают разрезы бровок. Они состояли из гумуса (мощностью до 0,12 м), слоя курганной насыпи (мощностью до 0,3 м), древнего гумусированного слоя (мощностью до 0,6 м) и материка. В разрезы попадала могильная яма с перекрывавшим ее грабительским шурфом с заполнением из мешанки черно-серого цвета с вкраплениями материка. Шурф прорезал слой насыпи и древний гумусированный слой. В его пределах отмечались линзы материкового выброса (рис. 69.-*1*).

Обнаруженные остатки от столба зафиксированы на глубине 0,7–0,95 м в 2,55 м к северо-востоку от могилы. Нижняя часть его стояла вертикально в яме округлой формы диаметром 0,35 м (глубина ее в материке – 0,15 м). Фрагмент столба представлял собой обтесанный ствол дерева высотой 0,25 м и диаметром 0,2 м. Его верхняя часть была сломана, а основание ровно срублено.

Могильное пятно выявлено на глубине 0,8 м. Контур могильной ямы имел подпрямоугольную форму с границами, нарушенными грабительским прокопом. Размеры могильного пятна – 2,06×1,03 м, ориентация – длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина ямы в материке была до 0,81 м (рис. 69.-*3–4*). В заполнении могилы встречены небольшие куски дерева от перекрытия вперемешку с костями женщины 20–25 лет. Основная часть человеческого скелета была смещена в северо-восточную часть могилы, что указывает на первоначальную ориентацию погребенной головой на северо-восток (рис. 69.-*2*). На дне могильной ямы также расчищен крестец овцы, лежавший *in situ*. Вещей не обнаружено.

Курган №2 располагался в 43 м южнее предыдущего объекта. Он представлял собой земляную насыпь (рис. 70.-*1*) овальной формы (размерами 15,7×12,3 м и высотой 0,25 м). Сначала был размечен раскоп из двух бровок по 16 м длиной каждая. Затем по мере оконтуривания рва бровка по линии З–В увеличилась до 17 м. При снятии насыпи в центральной части кургана зачищены перекрытие и пятно могилы-1. В южной части выявлен контур могилы-2, а в восточной части обнаружены остатки деревянного столба в яме. В результате зачистки крайних сегментов раскопа обозначился контур рва с разъемом (рис. 70.-*2*).

Структура насыпи кургана прослежена по разрезам бровок, которая включала слой гумуса мощностью до 0,07 м, слой курганной насыпи мощностью до 0,3 м, древний гумусированный слой мощностью до 0,45 м и материк. В разрезы попал грабительский шурф, перекрытый дерном и прорезавший насыпь и древний гумусированный слой. Западнее шурфа на уровне древнего гумусированного слоя прослежена материковая линза. В четырех местах разрезов зафиксирован ров, заполнение которого состояло из супеси темно-серого цвета, несколько более темной, чем насыпь. Ров прорезал древний гумусированный слой и материк (рис. 70.-*2*) и выявлен на глубине 0,4–0,55 м. Но по разрезам в бровках прослежено, что он начинался сразу под дерном (с глубины 0,05–0,07 м). Ширина рва на уровне материка составляла 0,5–0,95 м, под дерном – 0,95–1,3 м, а глубина в материке доходила до 0,55 м. Контур рва имел овальную форму размерами (по внешним границам) 15,7×12,3 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Насыпь начиналась сразу за рвом, исключая северо-восточную сторону, где она заканчивалась в 1,5 м до рва. Насыпь была овальной формы размерами 12,5×10,5 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. При выборке заполнения рва на глубине 0,95 и 1,04 м в северо-западном секторе раскопа найдены кость животного и крышка черепа с нижней челюстью ребенка. При зачистке контура рва в северо-восточном секторе раскопа на уровне материка зафиксирован проход шириной 0,4 м (рис. 71.-*1*).

Остатки столба обнаружены на глубине 0,75–1 м и на расстоянии 2,6 м северо-восточнее могилы-1. Яма имела неровную округлую форму диаметром 0,4 м и глу-

биной 0,25 м. В ней находились фрагменты сломанного деревянного ствола общей высотой 0,25 м и шириной 0,05–0,08 м, частично сохранившие вертикальное положение.

Могила-1 состояла из надмогильного перекрытия и грунтовой ямы (рис. 71.-*1–3*). Перекрытие большей частью оказалось разрушено грабительским шурфом. Его фрагменты сохранились к северо-западу и юго-востоку от могилы (рис. 71.-*2*) на глубине 0,2–0,75 м и частично в заполнении могильной ямы ниже уровня материка. Перекрытие состояло из одного слоя продольно уложенных бревен и первоначально имело прямоугольную форму размерами 2,7×1,3 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильное пятно, зафиксированное на глубине 0,75 м, оказалось подовальной формы с нарушенным при ограблении контуром. Его размеры – 2,21×0,83 м, ориентация длинной осью – по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма была углублена в материк до 0,9 м. В юго-западной стенке она имела небольшой подбой (рис. 72.-*1–2*). Могила подверглась ограблению, однако значительная часть скелета женщины 40–45 лет сохранила свое положение: череп, длинные кости рук, ног и таза. По ним было видно, что погребенная лежала вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 72.-*1*). Кости позвоночника, ребра, конечности рук и ног оказались перемешаны, а часть их отсутствовала. Кроме этого, в могиле зафиксированы позвонки и крестец овцы, находившиеся между ног человека. Два позвонка лежали *in situ* возле правой бедренной кости. Инвентарь отсутствовал.

Могила-2 зафиксирована на глубине 0,75 м. Обозначилось пятно овально-прямоугольной формы (размерами 1,92×0,64 м), ориентированное длинной осью по линии ЮЗ–СВ (рис. 71.-*3*). Глубина могильной ямы в материке составила 0,6 м (рис. 72.-*6*). На дне ямы находился скелет ребенка, лежавшего вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 72.-*4–5*). Часть позвонков, ребер и костей рук была смещена, вероятно, грызунами. Ниже костей правой руки умершего найден железный нож (рис. 73.-*1*). У правой височной кости, под черепом, обнаружена серебряная серьга с фрагментом уха (рис. 73.-*2*), а под нижней челюстью – стеклянная бусина (рис. 73.-*3*). За черепом погребенного лежали кости овцы.

Курган №3 располагался в 46 м юго-западнее предыдущего объекта. Он представлял собой земляную насыпь (рис. 74.-*1*) округлой формы диаметром 11 м и высотой 0,25 м. При снятии насыпи в центре кургана обнаружена деревянная рама, внутри которой зафиксированы перекрытие и яма могилы-1. Под южной стенкой рамы находились перекрытие и яма могилы-2 (рис. 74.-*2*).

Структура кургана прослежена по разрезам бровок. Она включала слой гумуса мощностью 0,05–0,08 м, слой курганной насыпи мощностью до 0,4 м, древний гумусированный слой мощностью до 0,4 м и материк. В четырех местах в разрез попадали брусья рамы, лежавшие на уровне древнего гумусированного слоя. В центральной части разреза зафиксирована яма могилы-1, над которой на уровне древнего гумусированного слоя прослеживались брусья перекрытия. Кроме того, в заполнении могилы и по сторонам от нее (в пределах рамы) присутствовали материковые линзы. В южную часть разреза попала яма могилы-2. Ее северная стенка перекрыта брусом ограды. Заполнение могилы состояло из супеси темно-серого цвета и отличалось от насыпи лишь большей насыщенностью материковых вкраплений (рис. 74.-*2*).

Рама-ограда зафиксирована на глубине 0,2–0,6 м, имела общие размеры 5×5 м и высоту 0,15–0,18 м. Ее стенки были ориентированы по сторонам света с небольшим отклонением по оси ЮЗ–СВ (рис. 75). Рама оказалась сделана из деревянных брусьев, соединявшихся между собой в паз. Их сохранившиеся параметры такие: северная стенка – 5,36×0,12–0,2 м, восточная – 5,17×0,1–0,2 м, южная – 4,4×0,06–0,18 м, западная – 4,5×0,1–0,17 м. Восточный брус перекрывал северный и южный, а северный и, вероятно, южный перекрывали западный. Рама сооружена вокруг могилы-1 (рис. 75.-*1–3*), однако ее установка произошла после того, как были готовы обе могилы. Это определяется характером перекрытия южной стенкой

могилы-2. Там не наблюдался подкоп под брус. Раму установили поверх уже сооруженного погребения, а затем она слегка просела в заполнение могильной ямы (рис. 75.-*4*).

Могила-1 состояла из перекрытия и грунтовой ямы. Перекрытие зафиксировано на глубине 0,2–0,89 м. Оно представляло собой продольный ряд пяти деревянных брусьев, уложенный поверх могильной ямы на уровне древнего горизонта. Первоначально перекрытие имело прямоугольную форму размерами 3×1,5 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Часть перекрытия просела в заполнение могильной ямы (рис. 76.-*1*). Могильное пятно зафиксировано на глубине 0,65 м. Оно имело овальную форму размерами 2,34×0,8 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма была углублена в материк до 0,53 м (рис. 76.-*3–4*). На дне найден скелет мужчины 45–50 лет, который лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 76.-*2*). Фаланги пальцев рук и ног отсутствовали, правая ключица оказалась смещенной в противоположную сторону. С погребенным обнаружен следующий инвентарь: между левой плечевой костью и ребрами – черешок от железного наконечника стрелы (рис. 77.-*1*); у костей правой руки и рядом с тазовыми – железный нож (рис. 77.-*4*); на позвонках выше крестца – костяная (роговая) пряжка (рис. 77.-*2*); с внешней стороны правой бедренной кости – еще одна костяная (роговая) пряжка, но подпружная (рис. 77.-*3*); ниже предыдущей пряжки – железные удила с остатками деревянных псалиев (рис. 78); возле левой бедренной кости – седельный железный пробой (рис. 77.-*5*). Над берцовыми костями ног лежал крестец лошади.

Могила-2 состояла из перекрытия и грунтовой ямы. Перекрытие зафиксировано на глубине 0,75–0,84 м и почти целиком просело в заполнение могилы (рис. 76.-*5*). Оно имело прямоугольную форму размерами 1,5×0,5 м, ориентацию длинной осью по линии ЮВВ–СЗЗ и было сложено из продольного ряда деревянных жердей. Могильное пятно зачищено на глубине 0,75 м. Оно имело прямоугольную форму размерами 1,5×0,52 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮВВ–СЗЗ. Могильная яма была углублена в материк на 0,14–0,17 м (рис. 76.-*7–8*). На дне могилы расчищен скелет ребенка, лежавшего вытянуто на спине, головой на юго-восток-восток (рис. 76.-*6*). Часть костей скелета оказалась смещенной (нижняя челюсть отсутствовала) – кости рук ниже локтей, кроме левой лучевой, фаланги ног. Сопроводительный инвентарь не обнаружен.

Курган №4 располагался в 75 м юго-западнее предыдущего объекта. До раскопок он представлял собой земляную насыпь округлой формы диаметром 10 м и высотой 0,2 м. При снятии насыпи в северо-восточном секторе (на глубине 0,2–0,25 м) найдены две кости и зуб лошади. Еще две кости от животного обнаружены в северо-западном секторе на глубине 0,3 м. В центре кургана выявлены перекрытие и пятно могилы-1, к югу от которого оказалось пятно могилы-2. Кроме того, в юго-восточном и юго-западном секторах зафиксированы остатки деревянной рамы. От нее сохранилась только часть южной стенки (рис. 79.-*1*).

Структура насыпи прослежена по бровкам и включала слой гумуса мощностью 0,05–0,15 м, слой насыпи мощностью до 0,3 м, древний гумусированный слой мощностью до 0,38 м и материк. В разрезы попала яма могилы-1, прорезавшая древний гумусированный слой и материк. Над могилой, на уровне древнего гумусированного слоя, обнаружены бревна перекрытия. По сторонам могилы отмечены линзы материкового выброса. В разрез также попала яма могилы-2. В ее заполнении выше уровня материка оказались материковые линзы (рис. 79.-*1*).

Рама-ограда зафиксирована в южной части кургана на уровне древнего гумусированного слоя (на глубине 0,2–0,35 м). Сохранился деревянный брус, распавшийся на пять частей. Его общая длина – 5 м, ориентация – по оси ЮЗ–СВ, ширина и высота – по 0,15 м. Первоначально рама ограждала могилу-1, перекрывая южной стенкой могилу-2 (рис. 79.-*2*). Ситуация аналогична той, которая отмечена при исследовании целой рамы в кургане №3.

Могила-1 состояла из перекрытия и грунтовой ямы. Перекрытие зафиксировано на глубине 0,2–1,3 м и представляло собой продольный ряд из семи деревянных бревен, уложенных поверх могильной ямы на уровне древнего горизонта (рис. 79.-*3*). Оно имело прямоугольную форму размерами 2,7×1,35 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Часть перекрытия просела в заполнение могильной ямы (рис. 80.-*1–2*). Могильное пятно зафиксировано на глубине 0,55 м. Оно имело овальную форму (размерами 1,98×0,89 м) и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма оказалась углублена в материк до 0,9 м (рис. 80.-*4–5*). На дне расчищен скелет женщины 25–30 лет, которая лежала вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 80.-*3*). Кости рук ниже локтей смещены, вероятно, грызунами. Ноги в коленях были согнуты на правую сторону. Из инвентаря в погребении найдены две бронзовые серьги (рис. 73.-*4–5*). Одна лежала слева от черепа, рядом с нижней челюстью, а вторая найдена справа от черепа, но выше его уровня на просевшем перекрытии и, скорее всего, перемещена туда грызунами.

Могила-2 состояла из перекрытия и грунтовой ямы. Перекрытие зафиксировано на глубине 0,55–1,2 м и почти целиком просело в заполнение могилы (рис. 81.-*1–2*). Первоначально оно имело прямоугольную форму размерами немного большими, чем могильная яма. Перекрытие состояло из поперечного ряда деревянных досок и плах (всего не менее 10). Могильное пятно зачищено на глубине 0,6 м. Оно имело прямоугольную форму размерами 2,32×1,61 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма была углублена в материк до 0,8 м (рис. 81.-*4–5*). На дне могилы расчищен скелет мужчины 55–60 лет, лежавшего вытянуто на спине, с небольшим завалом на правый бок, головой на северо-восток (рис. 81.-*3*). У левой лопатки погребенного человека найден железный предмет (видимо, напильник) (рис. 73.-*6*). Вдоль костей правой руки, частично под крылом таза, находился железный нож (рис. 73.-*7*). С внешней стороны правой плечевой кости располагались три позвонка овцы и еще один обнаружен выше по уровню за черепом погребенного.

Курган №5 расположен в 19 м западнее предыдущего объекта. До раскопок он представлял собой земляную насыпь (рис. 82.-*1*) округлой формы диаметром 12 м и высотой 0,3 м. При снятии насыпи на глубине 0,3–0,57 м сделаны следующие находки: в северо-восточном секторе – две кости от животных и фрагмент керамики без орнамента; в юго-восточном секторе – фрагмент керамики без орнамента; в юго-западном секторе – кость животного и фрагмент керамики без орнамента; в северо-западном секторе – две кости от животных и четыре фрагмента керамики без орнамента. Все находки залегали в древнем гумусированном слое и к кургану никакого отношения не имеют. Вероятнее всего, на этом месте располагается памятник более раннего времени. В центре кургана зачищены остатки перекрытия и могильная яма (рис. 82.-*2*).

Структура насыпи кургана прослежена по разрезам бровок. Она отражала слой гумуса мощностью 0,05–0,08 м, слой курганной насыпи мощностью до 0,25 м, древний гумусированный слой мощностью до 0,6 м и материк. В разрезы попала могильная яма, перекрытая грабительским шурфом. Шурф прорезал насыпь и древний гумусированный слой. В нем имелись материковые линзы. Севернее шурфа прослежен фрагмент перекрытия. Над западным краем могилы, на уровне древнего гумусированного слоя, фиксировалась плаха перекрытия, под которой заполнение могильной ямы не было затронуто ограблением (рис. 82.-*2*).

Конструкция погребения состояла из перекрытия и грунтовой ямы. Перекрытие зачищено на глубине 0,17–0,55 м. Большая его часть оказалась разрушена при ограблении могилы. Неповрежденной осталась юго-западная сторона из четырех продольно уложенных деревянных плах (рис. 83.-*1*). Первоначально перекрытие имело прямоугольную форму размерами 3,7×1,7 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильное пятно зафиксировано на глубине 0,8 м. Оно имело овальную форму размерами 2,3×0,97 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма была углублена в материк до 0,56 м (рис. 83.-*4–5*). В заполнении могилы встречены

перемешанные кости женщины (?) 50–55 лет. Большая их часть, включая череп, находилась в северо-восточной половине могилы, что указывает на северо-восточную ориентацию погребенного человека (рис. 83.-*3*). На дне ямы сохранились фрагменты деревянного пола и продольные доски деревянной рамы. Первоначально рама имела длину 1,93 м, ширину 0,48 м и высоту 0,15 м. В центральной части могилы, внутри рамы и частично за ней, обнаружен разный инвентарь: обломки железного меча (рис. 84.-*1*), бронзовая подвеска для серьги и половина такой подвески (рис. 84.-*2–3*), две перламутровые пластинки с отверстиями для нашивания (рис. 84.-*4–5*), четыре бусины (рис. 84.-*6–9*), железный седельный пробой (рис. 84.-*11*). Между рамой и юго-восточной стенкой могилы находилось компактное скопление железных предметов конской амуниции (рис. 83.-*2*): небольшие фрагменты от удил (рис. 84.-*10*) и псалий (рис. 84.-*12*), четыре кольца-распределителя ремней (рис. 84.-*13–16*), налобная бляха (рис. 85.-*1*) и две похожие бляхи поменьше (рис. 85.-*2*; 86.-*1*), наносный султанчик (рис. 86.-*2*), 15 блях-накладок (рис. 86.-*3–17*), два тренчика (рис. 87.-*1–2*) и шесть наконечников ремней (рис. 87.-*3–8*). У северо-западной стенки могилы, за рамой, находились три позвонка овцы в сочленении.

Курган №6 расположен в 14 м южнее предыдущего объекта и в 22 м юго-западнее кургана №4. Он состоял из земляной насыпи (рис. 88.-*1*) округлой формы диаметром 10 м и высотой 0,35 м. При снятии насыпи на глубине от 0,19 до 0,7 м сделаны следующие находки: в северо-восточном секторе – три кости от животных, фрагмент керамики с орнаментом, камень и раковина-подвеска; в юго-восточном секторе – три фрагмента керамики с орнаментом и развал керамического сосуда; в юго-западном секторе – три кости животных и три фрагмента керамики с орнаментом; в северо-западном секторе – кость животного и два фрагмента керамики без орнамента. Почти все находки залегали в древнем гумусированном слое и не связаны с сооружением кургана. В центральной части раскопа обнаружены перекрытие и пятно могилы-1. Южнее него зачищено пятно могилы-2. Кроме того, в северо-восточном секторе зафиксированы остатки деревянной рамы, от которой сохранилась часть восточной стенки. В восточной части кургана, в изголовье могил-1 и 2, найдены остатки деревянных столбов в ямах. В юго-восточном секторе раскопа, между могилой-2 и столбом-2, обнаружено пятно могилы-3 (рис. 88.-*2*).

Структура насыпи прослежена по бровкам и включала слой гумуса мощностью 0,05–0,1 м, слой насыпи мощностью до 0,45 м, древний гумусированный слой мощностью до 0,45 м и материк. В разрез попала яма могилы-2, прорезавшая древний гумусированный слой и углубленная в материк. Над ней фиксировалась материковая линза. В северной части разреза, между насыпью и древним гумусированным слоем, тоже прослежена линза материкового выброса (рис. 88.-*2*).

Остатки рамы-ограды зафиксированы в восточной части кургана на уровне древнего горизонта (на глубине 0,2–0,3 м). Сохранилась восточная стенка из деревянного бруса, распавшегося на две части, общей длиной 3,55 м и толщиной 0,1 м. Она была ориентирована по линии ЮЮВ–ССЗ. Первоначально рама была сооружена вокруг могилы-1 и, возможно, южной стенкой перекрывала могилу-2, аналогично ситуациям, как в курганах №3 и 4.

Столб-1 найден на глубине 0,45–0,8 м и на расстоянии 2,25 м от северо-восточного края могилы-1, за рамой. Он был вертикально установлен в яме округлой формы (диаметром 0,15 м), углубленной в материк на 0,1 м. Остался нижний фрагмент обтесанного ствола дерева высотой 0,35 м и диаметром 0,07 м. Основание его оказалось ровно срублено. Верхняя часть столба была сломана.

Столб-2 зафиксирован на глубине 0,4–0,8 м и на расстоянии 1,3 м от восточного края могилы-2. Он был вертикально установлен в яме округлой формы (диаметром 0,22 м), углубленной в материк на 0,1 м. Столб представлял собой обтесанный ствол дерева со сломанной верхней частью и ровно срубленным основанием. Сохранился нижний фрагмент высотой 0,4 м и диаметром 0,15 м.

Могила-1 состояла из перекрытия и грунтовой ямы. Перекрытие зафиксировано на глубине 0,2–1,35 м. Оно состояло из пяти березовых плах (с неошкуренной верхней частью), уложенных продольно в ряд поверх могильной ямы на уровне древнего горизонта. Перекрытие имело прямоугольную форму размерами 2,25×1,5 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Половина перекрытия просела в заполнение могильной ямы (рис. 89.-*1*). Могильное пятно зафиксировано на глубине 0,7 м. Оно имело овальную форму размерами 2,26×0,86 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма была углублена в материк до 0,88 м. Юго-западная стенка могилы имела подбой шириной до 0,12 м (рис. 89.-*3–4*). На дне расчищен скелет мужчины 35–40 лет, который лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 89.-*2*). Умерший человек был помещен в конструкцию из деревянной рамы (сохранилась фрагментами), перекрытой тонкими продольными досками, от которых сохранился только тлен на костях скелета. Длина рамы составляла 1,8 м, ширина – 0,6 м, высота – 0,11 м. В погребении найден следующий инвентарь: на позвонке, выше крестца человека, лежала бронзовая поясная пряжка (рис. 90.-*1*); с внутренней стороны правой бедренной кости располагалась костяная (роговая) подпружная пряжка (рис. 90.-*2*); между костями правой руки и тазом зафиксирован железный нож (рис. 90.-*3*); с внешней стороны левых берцовых костей лежал железный пробой (рис. 90.-*4–5*); в изголовье погребенного, за рамой, оказался камень для кресала (рис. 90.-*6*); ниже костей правой руки, вдоль стенки рамы, зафиксирован железный меч с остатками ножен из дерева и бересты (рис. 89.-*5*; 91.-*1*), двумя накладками-пластинами с петлями-пробоями для портупейных колец (рис. 91.-*2, 4*) и обоймой от ножен (рис. 91.-*3*), с хорошо сохранившейся рукоятью (рис. 92); между рукоятью меча и правой бедренной костью выявлена костяная накладка на рукоять лука (рис. 93.-*1*) с остатками деревянной кибити (рис. 93.-*2*), обмотанной берестой (рис. 93.-*5*), а ниже нее расчищены остатки деревянного колчана (рис. 93.-*3–4*) с тремя железными (рис. 94.-*1–3*) и одним деревянным (рис. 94.-*4*) наконечниками стрел, лежавшими остриями вверх; ниже них, на расстоянии 0,73 м, оказался еще один железный наконечник стрелы (рис. 94.-*5*). В колчане сохранилось несколько фрагментов от древков стрел (рис. 94.-*6–11*). В ногах погребенного мужчины, за рамой, отмечены три позвонка овцы, лежавшие в сочленении.

Могила-2 выявлена на глубине 0,7 м. Могильное пятно имело прямоугольную форму размерами 1,83×1,06 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Яма была углублена в материк до 0,8 м. Дно оформлено ступенькой, ширина углубленной части – 0,61 м (рис. 95.-*2–3*). Там находился скелет мужчины 30–35 лет, лежавшего вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 95.-*1*). Большая часть костей от человеческих кистей рук отсутствовала. У левой берцовой кости погребенного и частично на ней найдены обломки железных удил и псалиев (рис. 95.-*4–8*).

Могила-3 содержала погребение андроновской культуры эпохи бронзы с материалами, которые аналогичны находкам, обнаруженным в раскопе ниже уровня кургана. Информация о них опубликована отдельно [Тишкин, Позднякова, 2001, с. 460–462, рис. 1–2].

2.7. Курганная группа Успеновка-II

Археологический памятник Успеновка-II обнаружен в 2001 г. одним из авторов монографии в ходе плановых обследований. Информация об этом нашла отражение в научном отчете [Тишкин, 2002, с. 25, рис. 21–25]. Летом 2002 г. отрядом Алейской археологической экспедиции Алтайского госуниверситета на нем были проведены раскопки. Информация об этих работах предварительно опубликована [Тишкин, Горбунов, 2002а, с. 458–460, рис. 2.-1; Тишкин, Горбунов, Дашковский, 2003, с. 416–417], а в полном виде она приведена в научном отчете [Горбунов, 2003, с. 11–18, рис. 3–80].

Курганная группа находится возле с. Успеновка Алейского района Алтайского края, на левом коренном берегу Алея, в 1750 м северо-восточнее указанного села и в 3500 м юго-западнее с. Новоколпаково. Памятник состоял из трех земляных насыпей, расположенных цепочкой по линии Ю–С (рис. 96.-*1*). Курган №1, самый северный в группе, имеет насыпь округлой формы диаметром 23 м и высотой 1,7 м. В центре его прослеживается грабительская западина диаметром 8 м и глубиной до 1 м. У восточной полы кургана также имеется западина диаметром 5 м и глубиной до 0,5 м. Курган №2, центральный в группе, находится в 65 м южнее предыдущего и представляет собой насыпь округлой формы диаметром 17 м и высотой 0,7 м. В центре есть западина от грабительской ямы диаметром 3,5 м, глубиной до 0,2 м.

Для раскопок был выбран курган №3, самый южный в группе. Он находился в 18 м юго-юго-западнее предыдущего объекта и имел земляную насыпь округлой формы диаметром 17 м, высотой до 0,7 м. Вокруг насыпи прослеживалась полоса едва различимой западины – визуальные следы от рва (рис. 96.-*2*). С учетом этого факта был размечен раскоп из двух бровок по линиям Ю–С и З–В, длиной 24 м каждая. Внешние границы раскопа сразу не очерчивались, а определялись по мере оконтуривания рва. В результате бровка по линии З–В увеличилась в длину до 26,5 м, а бровка по линии Ю–С – до 25 м. В целом, курган №3 исследовался по методике, ранее отработанной при раскопках курганов Филина-I и Поповской Дачи. Одновременно раскапывались периметр со рвом и центр, а затем раскрывались средние сегменты.

При снятии насыпи кургана были сделаны следующие находки: в северо-восточном секторе на глубине 0,5–0,8 м – семь фрагментов керамики, из которых три без орнамента, три орнаментированных стенки (рис. 98.-*1–2*), один венчик (рис. 98.-*3*), восемь фрагментов костей животных и зуб лошади; в юго-восточном секторе на глубине 0,55–0,6 м – шесть фрагментов керамики, из которых пять от стенок тулова без орнамента и один от днища (рис. 98.-*4*), а также три фрагмента костей животных; в юго-западном секторе на глубине 0,45–0,62 м – шесть фрагментов керамики, из которых четыре были от стенки без орнамента, один – от венчика (рис. 98.-*5*), один – от днища, фрагмент кости животного и зуб лошади; в северо-западном секторе на глубине 0,4–0,65 м – пять фрагментов керамики, из которых два оказались от стенки без орнамента, два – от орнаментированной части (рис. 98.-*6*), один – от венчика, и три фрагмента костей животных (рис. 97.-*1*). Все находки стратиграфически находились в пределах древнего горизонта, незначительно проникая в нижнюю часть насыпи и верхнюю часть древнего гумусированного слоя. Колотые кости животных и битая керамика свидетельствуют о том, что это остатки тризны, проводившейся до сооружения кургана.

В результате зачистки крайних сегментов раскопа выявлен контур рва (рис. 97.-*3*). При исследовании средних сегментов раскопа в северо-восточном секторе зачищено пятно от столбовой ямы, в юго-восточном и юго-западном секторах выявлено пятно от могилы-3, а в северо-западном секторе оказались остатки перекрытия и пятно могилы-2. В центральных сегментах раскопа находились перекрытие и пятно могилы-1 (рис. 97.-*2*).

Структура кургана прослежена по разрезам бровок. Она включала слой гумуса мощностью до 0,1 м, слой курганной насыпи мощностью до 0,5 м из супеси темно-серого цвета, древний гумусированный слой из супеси серого цвета мощностью до 0,5 м и материк (супесь темно-желтого цвета с вкраплениями от нор серого цвета). В четырех местах разрезов отмечен ров, заполнение которого состояло из супеси темно-серого цвета (более темной, чем насыпь). Он прорезал древний гумусированный слой и материк. В разрез попала яма могилы-3 и перекрывавший ее грабительский шурф. Заполнение шурфа состояло из мешаной супеси черно-серого цвета с вкраплениями от материка. Могильная яма и грабительский шурф прорезали древний гумусированный слой и материк. Сверху их перекрывал просевший слой насыпи. В центральной части разрезов имелись линзы материкового выброса. В составе одной из них нахо-

дился фрагмент бревна от перекрытия могилы-1. Также в разрез попала современная костровая яма, прорезавшая насыпь и перекрытая дерном (рис. 97.-*1*).

Ров зафиксирован на глубине 0,38–0,55 м. По разрезам в бровках прослежено, что он начинался сразу под дерном. Ширина рва на уровне материка составляла 1–1,85 м, а на уровне дерна – 1,45–2,2 м. Глубина рва в материке – 0,7–1,05 м. Контур рва имел овальную форму размерами по внешним границам 22,5×20,7 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Насыпь также была овальной формы (размерами 17,1×16), с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Она отстояла от рва с юго-запада и северо-запада на 0,6–1,9 м, а с юго-востока и северо-востока – на 1–4,4 м, образуя с востока значительную свободную площадку.

При выборке заполнения рва на глубине 0,9–2,1 м были сделаны следующие находки: в северо-восточном секторе – 14 костей животных, три нижних челюсти и череп лошади (рис. 99.-*2–3*; 100.-*1–2*); в юго-восточном секторе – семь костей животных и частично нарушенный скелет собаки, лежавшей на левом боку и ориентированной головой на северо-восток (рис. 100.-*3*); в юго-западном секторе – четыре кости животных, зуб лошади, череп овцы плохой сохранности и две неорнаментированные стенки от керамического сосуда; в северо-западном секторе – четыре кости животных и две неорнаментированные стенки от керамического сосуда. Кости животных и фрагменты керамики, обнаруженные во рву, как и находки под насыпью кургана, являются остатками поминальной тризны, накапливавшимися постепенно, о чем свидетельствует различная глубина их залегания. Захоронение во рву собаки также было совершено через определенный промежуток времени, когда во рву образовался слой земли мощностью до 0,3 м.

В северо-восточном секторе во рву выявлены и зачищены две материковые приступки-перемычки (рис. 99.-*1–2*; 100.-*1*). Южная имела трапециевидный профиль размерами 1×0,75 м и глубину 0,3 м от уровня материка (высотой 0,6–0,8 м от дна рва). Северная перемычка, более низкая и выпуклая, имела размеры 1,3×0,95 м и глубину 0,7 м от уровня материка (высота 0,25–0,3 м от дна рва). Обе перемычки располагались напротив могилы-1 и маркировали вход-выход.

Столбовая яма зафиксирована на глубине 1,1 м и на расстоянии 7,6 м от северо-восточного края могилы-1. Она имела округлую форму диаметром 0,3 м, с углублением в материке на 0,1 м. Столб в яме отсутствовал.

Могила-1 состояла из надмогильного перекрытия и грунтовой ямы. Перекрытие оказалось разрушено грабительским шурфом. Его первоначальное положение сохранилось с юго-запада, юго-востока и частично с северо-востока. Перекрытие зафиксировано на глубине от 0,35 до 1,15 м и почти не встречалось в заполнении могилы ниже уровня материка. Оно состояло из одного слоя продольно уложенных бревен. Общая форма перекрытия была прямоугольной, размерами 4×2,2 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильное пятно выявлено на глубине 1,1 м. Оно имело подпрямоугольную форму с нарушенным контуром, размеры 2,82×1,8 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма была углублена в материк до 1,5 м (рис. 101.-*1–2*). В ее заполнении с глубины 0,9 м ниже уровня материка находились перемешанные кости женщины (?) 25–30 лет. Большая их часть обнаружена возле дна могилы внутри остатков рамы (рис. 101.-*3*). Нижняя челюсть оказалась у юго-восточной стенки могилы, над приступкой. Возле нее найден фрагмент кожи, вероятно, от ремня плохой сохранности. Череп, его отдельные фрагменты и большинство длинных костей рук, позвонков и ребер лежали в северо-восточной части могилы, что может свидетельствовать о первоначальной ориентации умершей головой на северо-восток. Длинные кости ног, таза, фаланги ног и рук расчищены в центральной и юго-западной части могилы. Среди них, у дна могилы, найдены немногочисленные остатки инвентаря: обломки железного меча с прикипевшей тканью и следами дерева от ножен (рис. 102.-*1*); железный предмет (предположительно напильник) (рис. 102.-*2*) и фрагменты костяного (рогового) орнаментированного футляра (рис. 102.-*3*) с железным

стержнем в нем (рис. 102.-*4*). Там же обнаружены отдельные позвонки овцы – остатки заупокойной пищи.

На дне могилы обнаружены остатки деревянной рамы в виде двух продольных стенок длиной 0,42–1,17 м и высотой до 0,2 м. Расстояние между досками составляло 0,58 м. Конструкция могильной ямы представляла собой неровное сооружение. В северо-восточной части имелась невысокая приступка шириной до 0,7 м. Дно могилы было оформлено ступенькой, углубленная (северо-западная) часть которой имела прямоугольную форму размерами 2,07×0,85 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. В ней и устанавливалась деревянная рама. Северо-восточный и северо-западный углы этой части могилы были оформлены подбоем. Высокая часть ступеньки (юго-восточная) имела размеры 2,14×0,77 м и высоту до 0,25 м (рис. 101).

Могила-2 находилась на расстоянии 3,8 м к северо-западу от могилы-1. Конструкция погребения состояла из надмогильного перекрытия и грунтовой ямы. Перекрытие большей частью просело в заполнение могильной ямы ниже уровня материка (рис. 103.-*1*). Оно зафиксировано на глубине 0,9–1,7 м и состояло из одного слоя продольно уложенных бревен. Первоначальная форма перекрытия была прямоугольной, размерами 2,2×1,3 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильное пятно зафиксировано на глубине 1,1 м. Его контур имел подпрямоугольную форму размерами 2×1,22 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина могилы в материке достигала 0,94 м. Дно могильной ямы оформлено ступенькой. Углубленная (юго-восточная) часть имела прямоугольную форму размерами 1,65×0,6 м. Ее юго-восточный и юго-западный углы сделаны подбоем (рис. 103.-*3–4*). В этой части расчищен скелет женщины 50–55 лет, которая лежала вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 103.-*2*). Некоторые кости (ключица, грудина, фаланги рук) оказались смещены со своих мест грызунами. Высокая (северо-западная) часть ступеньки имела средние размеры 1,46×0,4 м и высоту до 0,08 м. У юго-западной стенки ее расчищен развал керамического сосуда (рис. 104).

Могила-3 находилась в 3,5 м юго-восточнее могилы-1. Могильное пятно зафиксировано на глубине 1,1 м. Оно имело аморфную форму со средними размерами 2,2×1,85 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма была углублена в материк до 1,45 м. В ее заполнении ниже уровня материка, с глубины 1,03 м и до дна, обнаружены разрозненные кости скелета женщины 18–19 лет и два позвонка овцы (рис. 105.-*1*). Кости человека находились в северо-восточной половине могилы, что свидетельствует о первоначальной ориентации погребенной на северо-восток. Из инвентаря среди костей человека найден один фрагмент кожаного ремня плохой сохранности. Конструкция могильной ямы представляла собой сильно нарушенное сооружение. В юго-восточной части имелась неглубокая приступка (высотой 0,2 м от уровня материка) подтреугольной формы шириной до 0,62 м. Дно могилы было оформлено ступенькой. Ее углубленная (северо-западная) часть имела прямоугольную форму размерами 1,95×0,71 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ. В ней и была первоначально помещена умершая. Северо-западная стенка могилы и примыкавшие к ней углы сделаны подбоем. Высокая часть ступеньки (юго-восточная) имела средние размеры 1,95×0,23 м и высоту до 0,18 м. Часть костей человека была выброшена грабителями на эту приступку (рис. 105.-*2–3*).

2.8. Курганная группа Боровиково-IV

Исследования на курганном могильнике, обозначенном Боровиково-IV, проводились в летний полевой сезон 2004 г. Павловской археологической экспедицией Алтайского госуниверситета. Описание этих работ и отдельные находки предварительно опубликованы [Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004, с. 410–412, рис. 1.-29–31; Гор-

бунов, Дашковский, Тишкин, 2005а, с. 420–421]. Полностью вся информация отражена в научном отчете [Горбунов, 2005, с. 11–17, рис. 2–41].

Обозначенный памятник находится возле с. Боровиково Павловского района Алтайского края в основании мысовидного выступа левого коренного берега Оби, в 500 м северо-восточнее указанного села и в 9500 м юго-западнее с. Елунино. Курганный могильник состоял из двух земляных насыпей, расположенных цепочкой почти по линии Ю–С (рис. 106.-*1*).

Курган №1, южный в группе, представлял собой насыпь (рис. 106.-*2*) округлой формы диаметром 11,5 м и высотой до 0,5 м. Курган №2 находился в 12 м севернее первого объекта. Его округлая насыпь имеет диаметр 10 м и высоту 0,4 м.

Для исследований был выбран курган №1. При разметке раскопа были оставлены две пересекавшиеся в центре бровки (по линиям Ю–С и З–В) по 14 м длиной каждая, что превышало визуальные размеры насыпи. Внешние границы раскопа сразу не очерчивались. Сначала вдоль окончания бровок (с восточной и южной стороны) были заложены траншеи размерами 3×2 м с целью выявления рва. После того как траншеи показали отсутствие рва, были обозначены внешние границы всего раскопа (округлой формы по визуальному контуру насыпи).

Снятие насыпи осуществлялось сразу по четырем секторам раскопа. При этом были сделаны следующие находки: в юго-восточном секторе на глубине от 0,25 до 0,6 м – три фрагмента керамики без орнамента, фрагмент нижней челюсти животного с двумя зубами и две колотые трубчатые кости животных. Все находки стратиграфически находились либо в составе курганной насыпи, либо в пределах древнего горизонта и лишь одна кость обнаружена в древнем гумусированном слое. Колотые кости животных и битая керамика свидетельствуют о том, что это остатки тризны, проводившейся между совершением погребений и возведением кургана. В результате зачистки юго-западного и юго-восточного секторов раскопа выявлен контур центральной могилы-1. При исследовании северо-восточного сектора зачищено пятно боковой могилы-2. В том же секторе обнаружены остатки двух деревянных столбов в ямах (рис. 107.-*1*).

Структура кургана прослежена по разрезам бровок, которые состояли из гумуса мощностью до 0,1 м, слоя курганной насыпи мощностью до 0,6 м из супеси светло-серого цвета, древнего гумусированного слоя из супеси темно-серого цвета мощностью до 0,6 м и материка (супесь темно-желтого цвета с вкраплениями нор серого цвета). В разрезах прослеживались могилы-1 и 2. По сторонам от них, между насыпью и древним гумусированным слоем, имелись линзы материкового выброса. Могилу-1 перекрывал грабительский шурф, прорезавший насыпь и древний гумусированный слой. Заполнение грабительского шурфа и могилы-1 состояло из мешаной супеси серого цвета с вкраплениями материка. Заполнение могилы-2 было таким же. Могила-2 прорезала древний гумусированный слой и материк, а сверху ее перекрывал слой курганной насыпи (рис. 107.-*1*).

Столб-1 зафиксирован на глубине 0,3–0,85 м и на расстоянии 2,6 м к северо-востоку от могилы-1. Он стоял вертикально в яме округлой формы размерами 0,33×0,32 м, углубленной в материк на 0,22 м. Столб представлял собой обтесанный ствол дерева (рис. 107.-*3*) высотой 0,55 м и диаметром 0,15 м. Его верхняя часть была сломана, а основание ровно срублено.

Столб-2 расчищен на глубине 0,4–0,75 м. Он располагался на расстоянии 2,8 м к северо-востоку от могилы-1 и в 0,25 м к северу от столба-1. Столб стоял вертикально в яме округлой формы размерами 0,3×0,27 м, углубленной в материк на 0,13 м. Это был фрагмент обтесанного ствола дерева (рис. 107.-*3*) высотой 0,35 м и диаметром 0,1 м. Его основание оказалось ровно срублено, а сломанная верхняя часть отсутствовала.

Могила-1 состояла из надмогильного перекрытия и грунтовой ямы. Значительная часть перекрытия была разрушена при ограблении. На уровне древнего горизонта сохранился только один фрагмент деревянной плахи у северо-восточного угла могилы

(рис. 107.-*2*). Часть надмогильного перекрытия зафиксирована непосредственно в могильной яме (на глубине 0,68–0,86 м) в виде четырех продольных бревен. Они просели в заполнение могилы, перекрыв северо-восточную часть между продольными стенками рамы (рис. 108.-*1–2*). Более мелкие фрагменты перекрытия встречались в заполнении могилы с глубины 0,5 м вперемешку с костями человека и инвентарем, не образуя какого-либо порядка. Видимо, перекрытие состояло из одного слоя продольно уложенных бревен и плах, закрывавших могильную яму на уровне древнего горизонта.

Могильное пятно зафиксировано на глубине 0,95 м. Оно имело подпрямоугольную форму с закругленными углами размерами 2,53×1,52 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма была углублена в материк до 1,01 м, а ее глубина от уровня древнего горизонта составляла около 1,5 м. Могила подверглась почти полному ограблению. Нетронутым оказался лишь небольшой участок вдоль ее северо-восточной торцевой стенки, закрытой просевшим перекрытием. В заполнении ямы с глубины 0,5 м находились перемешанные кости от скелета мужчины старше 55 лет (определение С.С. Тур). Большая их часть обнаружена ближе к дну могилы внутри рамы (рис. 108.-*2*). Нижняя челюсть человека и разбитый череп находились в центральной части и у северо-западной стенки ямы. Значительная часть длинных костей оказалась сдвинутой к юго-западной стенке могилы. Ключица, отдельные ребра и позвонки зафиксированы в северо-восточной части могилы, некоторые из них располагались сверху перекрытия. Помимо костей человека, найден крупный крестец животного. Основная часть сопроводительного инвентаря обнаружена ближе к северо-западному углу могилы. Это были железные предметы: нож (рис. 110.-*1*), седельный пробой (рис. 110.-*2*), удила (рис. 110.-*3*), подпружная пряжка (рис. 110.-*4*). Найдены изделия из кости и рога: тыльная накладка лука (рис. 109.-*1*), наконечник стрелы (рис. 109.-*2*) и поясная пряжка с железным язычком (рис. 109.-*3*).

Под просевшим перекрытием, в юго-восточном углу могилы, расчищена часть скелета женщины 14–18 лет: череп, ключица, шейные позвонки и несколько ребер, сохранившие первоначальное положение (рис. 108.-*3*). Судя по ним, умершая была ориентирована головой на северо-восток. Справа от нижней челюсти и позвонков расчищен ряд из трех стеклянных бус: одна двойная (рис. 109.-*4*) и две одинарные (рис. 109.-*5–6*).

По бокам могильной ямы зафиксированы остатки деревянной рамы на глубине 0,47–0,99 м. Рама была изготовлена из деревянных брусьев, углы которых соединялись встык. Хорошо сохранился продольный брус вдоль северо-западной стенки. Его длина 2,3 м, ширина 0,25 м, высота 0,41 м. Также почти полностью сохранился поперечный брус (размерами 1,08×0,18×0,12 м) вдоль северо-восточной стенки. Вдоль юго-восточной стенки продольный брус сохранился более чем наполовину и имел размеры 1,35×0,17×0,52 м. В юго-западной торцевой части могильной ямы остатков рамы не зафиксировано. Расстояние между продольными стенками рамы составляло в среднем 1,11 м. На дне могильной ямы расчищены остатки деревянного пола. Он состоял из продольно уложенных досок толщиной 0,01–0,03 м. Древесина очень плохо сохранилась. К тому же пол во многих местах был разрушен норами и, вероятно, при ограблении могилы. В связи с этим удалось зачистить лишь его отдельные участки. Точное количество досок трудно восстановить. Можно предположить, что их было около десяти. Лучше всего сохранились крайние доски, на которых стояли продольные стенки рамы. В северо-восточной части могилы пол заканчивался перед поперечной стенкой рамы, не заходя под нее (рис. 108.-*4*).

Могила-2 находилась на расстоянии 3,6 м к северо-северо-востоку от предыдущей. Конструкция погребения состояла из грунтовой ямы. Могильное пятно зафиксировано на глубине 0,3–0,5 м. Оно имело подпрямоугольную форму размерами 1,1×0,81 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Контур могилы оказался сильно нарушен многочисленными норами. Могильная яма была углублена в материк до 0,2 м, а ее глубина от уровня древнего горизонта достигала до 0,7 м. На дне могилы

обнаружены три детских скелета. Каждый умерший лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 111.-*1*). Часть костей была смещена со своего первоначального положения грызунами. Самый северный скелет (№1) принадлежал ребенку в возрасте 3,5–4,5 года. Бедренная и большая берцовая кости его левой ноги находились над позвоночником и тазом, рядом с ними располагались лучевые и локтевые кости рук. Большая берцовая кость правой ноги лежала поверх бедренной, рядом с ней находились коленные чашечки и сломанная малая берцовая кость. Ниже располагались малая берцовая кость левой ноги, отдельные ребра и мелкие фрагменты костей. Центральный скелет (№2) принадлежал ребенку в возрасте 3–4 года. Лицевая часть его черепа не сохранилась. Кости рук ниже локтей были смещены к тазу. Берцовые кости правой ноги отсутствовали. Самый южный скелет (№3) принадлежал ребенку в возрасте 2–2,5 года. Его череп был сильно раздавлен, лицевая часть разрушена. Один фрагмент черепа смещен ближе к тазу скелета №2. Правая часть скелета практически отсутствовала. Нижняя челюсть, крылья таза и отдельные ребра лежали поверх бедренных костей. Ниже располагались фрагмент малой берцовой кости и локтевая кость левой руки. Недостающие кости детских скелетов были, вероятно, растащены грызунами за пределы погребения. Инвентарь в могиле не обнаружен (рис. 111.-*2–3*).

Таким образом, за период с 1997 по 2004 г. археологическими отрядами и экспедициями Алтайского госуниверситета на восьми могильниках были полностью раскопаны 17 земляных курганов, в которых исследованы 31 могила и различные сопроводительные объекты: рвы, рамы-ограды, столбы и ямы, а также найден вещественный материал, насчитывающий до трех сотен предметов. Их типологический анализ с учетом ранее сделанных находок открывает новые возможности для датировки сросткинских памятников на Приобском плато и определения их хронологических позиций в рамках всей культуры. Рассмотрение же особенностей погребального обряда, зафиксированного в изученных объектах, позволит уточнить вопросы происхождения, этнического содержания и социальной иерархии сросткинского объединения, о чем речь пойдет в следующих главах данной монографии.

ГЛАВА III
ИНВЕНТАРЬ И ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ

Вещественные находки, обнаруженные в курганах сросткинской культуры на Приобском плато, представлены обширной серией изделий из различных материалов. Среди них преобладают предметы из железа, меди и бронзы. Встречаются находки из серебра и золота, но чаще благородные металлы использовались в виде добавок или для покрытия. Гораздо меньше найдено артефактов, сделанных из кости, рога, камня, стекла, керамики, древесины, коры, кожи и ткани (включая шелк). Конечно, сказалась худшая сохранность части органических материалов, но и многие металлические находки сохранились неудовлетворительно, что вызвано как условиями их нахождения в могилах, так и повреждениями при ограблении данных объектов. Благодаря реставрационным работам удалось выявить форму и декор большинства металлических вещей, а также некоторых органических изделий.

В целом вещи найдены в 76 могилах. Только в 32 погребениях они отсутствовали. Таким образом, оснащенность инвентарем охватывает 70,3% исследованных объектов, что весьма информативно, учитывая ограбление или современное разрушение 58 могил.

По функциональному назначению сопроводительный инвентарь можно разделить на четыре крупных комплекса: вооружение, снаряжение верхового коня, костюм, орудия труда и предметы быта.

3.1. Вооружение

Из 108 сросткинских погребений, исследованных на Приобском плато, в 35 найдены предметы вооружения и сопутствующего им снаряжения, что составляет 32,4% от общей совокупности указанных объектов (табл. 1). Все они относятся к категории оружия, куда входят средства индивидуального применения, предназначенные для поражения противника [Горбунов, 2006, с. 4]. По дистанции поражения найденные средства делятся на оружие дальнего боя, таранного удара и ближнего боя [Горбунов, 2006, с. 8].

Оружие дальнего боя в рассматриваемой серии представлено двумя видами – луками и стрелами. Остатки сложносоставных *луков* найдены в четырех погребениях (табл. 1.-*3–4, 16, 27*). В основном от них сохранились костяные (роговые) накладки и лишь в одном погребении могильника Прудской зафиксированы фрагменты деревянной кибити, обклеенные берестой (рис. 93.-*2, 5*). Судя по ним, наибольшая ширина плеч этого лука составляла 5,2 см.

Серию костяных (роговых) накладок по их общему расположению и месту крепления на кибити лука, а также по форме можно разделить на три типа.

Тип 1. Срединные боковые накладки трапециевидной формы. Накладки расположены в средней части кибити лука, называемой рукоятью, и укрепляют ее с широких сторон. Они сделаны из пластин, близких по абрису к трапеции: Камень-II, курган №13,

могила-4 – 2 экз. от одного лука, длина 16,5–18 см, ширина 2,2 см (рис. 112.-*1, 3*). Накладки данного типа встречаются в сросткинских памятниках 2-й половины VIII – 1-й половины X в. и происходят от аналогичных изделий, характерных для тюркских луков 2-й половины V – 1-й половины X в. [Горбунов, 2006, с. 17; 2014а, с. 506, рис. 1.-3–4]. Можно констатировать факт, что для территории Алтая и Западной Сибири изделия типа 1 не известны позднее середины X в.

Тип 2. Срединные боковые накладки трапециевидно-шестиугольной формы. Этот тип образуют накладки, пластины которых в продольной плоскости также имеют трапециевидную форму, но за счет срезанных под углом окончаний они приобретают вид шестиугольной фигуры: Быково-IV, курган №5, могила – 2 экз. от одного лука, 13–14,5×1,9–2,2 см (рис. 112.-*4, 6*). Такие накладки являются модификацией предыдущего типа в местной среде и встречаются в сросткинских памятниках на всем протяжении существования культуры во 2-й половине VIII – XII в. [Горбунов, 2006, с. 18; 2014а, с. 506, рис. 1.-1–2, 5–6, 10, 12, 13, 15, 17, 19, 22, 24; 2.-2, 4, 17–18].

Тип 3. Срединные тыльные центральные накладки прямоугольной формы. Эти накладки крепятся на рукоять лука с внутренней узкой стороны и изготовлены из пластин, которые в продольной плоскости имеют прямоугольный абрис: Боровиково-IV, курган №1, могила-1 – 1 экз., 10,3×1,6 см (рис. 109.-*1*; 112.-*7*); Быково-IV, курган №5, могила – 1 экз., 11,3×1,7 см (рис. 112.-*5*); Камень-II курган №13, могила-4 – 1 экз., 11×2 см (рис. 112.-*2*); Прудской, курган №6, могила-1 – 1 экз., 11,5×2 см (рис. 93.-*1*; 112.-*8*). Изделия данного типа обнаружены в сросткинских памятниках 2-й половины IX – XII в. Они сформировались на основе похожих накладок тюркских луков, бытовавших во Внутренней и Средней Азии во 2-й половине V – 1-й половине IX в., за счет увеличения в два раза толщины накладки и большего спрямления ее окончаний [Горбунов, 2006, с. 19; 2014а, с. 506, рис. 1.-11, 14, 23; 2.-7, 9; Горбунов, Тишкин, 2016, с. 16, рис. 2.-1, 5.-3].

По числу и составу накладок в одном комплекте можно выделить два типа луков.

Тип 1. Лук с тремя срединными накладками. На рукояти кибити располагались две боковые накладки типов 1 или 2 и одна тыльная накладка типа 3. Известны два лука из Быково-IV и Камня-II (рис. 112.-*1–6*). Луки данного типа происходили от тюркской традиции [Горбунов, 2006, с. 25]. Их *вариант а* – с более длинной рукоятью (боковые накладки типа 1), встречается в сросткинских памятниках 2-й половины IX – 1-й половины X в., а *вариант б* – с короткой рукоятью (боковые накладки типа 2), известен в памятниках 2-й половины IX – XII в. [Горбунов, 2014а, с. 509].

Тип 2. Лук с одной срединной накладкой. На рукояти кибити располагалась только одна тыльная накладка типа 3. Найдены два лука из Боровиково-IV и Прудского (рис. 112.-*7–8*). Происхождение таких луков связано с модификацией предыдущего типа путем отказа от боковых накладок. Данная конструкция появилась у луков байырку Забайкалья в IX–X вв. и затем распространилась на западные территории. Сросткинские луки указанного типа имели более короткую рукоять, чем забайкальские, и их накладки оформлены в местной традиции. Луки типа 2 найдены в сросткинских памятниках 2-й половины X – XII в. [Горбунов, 2014а, с. 509].

Стрелы обнаружены на 20 сросткинских памятниках Приобского плато. Они представлены либо целыми железными черешковыми наконечниками, либо их отдельными фрагментами и изредка обломками древков диаметром 5–9 мм (рис. 94.-*6–11*). По двум могилам точных данных о количестве наконечников и их изображений нет (табл. 1.-*1, 22*). В остальных 22 погребениях насчитывается 72 наконечника стрел (табл. 1.-*2, 4, 6, 8–10, 12–15, 17–18, 20–21, 23–25, 27–28, 31, 33, 35*), из которых 58 экземпляров пригодны для анализа.

По поперечному сечению пера наконечники рассматриваемой серии можно разделить на отделы, а по силуэту пера в продольной плоскости – на типы, дополняемые вариантами по присутствию упора и его конструкции.

Отдел I. Трехлопастные. Перо наконечника состоит из трех лопастей, в поперечном сечении имеющих форму трехлучевой звезды.

Тип 1. Треугольные. Абрис пера в продольной плоскости напоминает треугольную фигуру. *Вариант а* – с шайбовым упором. Перо при переходе в черешок снабжено монолитным упором, высота которого меньше или равна его ширине: Камень-II, курган №13, могила-3 – 1 экз., длина наконечника, включая черешок, 4,6 см, длина пера 4 см, наибольшая ширина пера 1,8 см (рис. 112.-*9*); Коловый Мыс, курган №1 – 3 экз., 8–9×5–7×1,6–1,8 см (рис. 112.-*10*); Хабазино-4, могила – 2 экз., 7,2–9,2×5–6×1,7–2,3 см (рис. 112.-*11*); Кучук-I, курган №6, могила-1 – 1 экз., 6×3,7×1,6 см (рис. 112.-*12*); Филин-I, курган №1 – 2 экз., 7,2–7,3×3,9–4,3×1,6–1,7 см (рис. 43.-*1, 8*; 112.-*13*); Ильинка, могила-3 – 1 экз., 15,7×7,4×1,8 см (рис. 112.-*14*).

Тип 2. Асимметрично-ромбические. Абрис пера напоминает ромб, у которого стороны преломляются ближе к острию. *Вариант а* – с шайбовым упором: Гоньба, курган №2, могила-2 – 1 экз., 7×5×2,5 см (рис. 112.-*16*); Быково-IV, курган №5 – 5 экз., 5–7×3,5–5×1,7–2,2 см (рис. 112.-*15*); Коловый Мыс, курган №1 – 2 экз., 7,2–7,8×4,6–5,6×2–2,2 см (рис. 112.-*17*).

Тип 3. Ромбические. Абрис пера представляет ромб, стороны которого преломляются примерно посередине. *Вариант а* – с шайбовым упором: Поповская Дача, курган, могила-4 – 1 экз., 7,1×4,6×1,8 см (рис. 60.-*3*; 112.-*18*). *Вариант б* – с цилиндрическим упором. Перо при переходе в черешок снабжено монолитным упором, высота которого больше его ширины: Поповская Дача, курган, могила-4 – 1 экз., 7,3×5×1,6 см (рис. 60.-*2*; 112.-*19*).

Тип 4. Вытянуто-ромбические. Абрис пера похож на ромб, у которого стороны преломляются ближе к основанию. *Вариант а* – с цилиндрическим упором: Филин-I, курган №1 – 2 экз., 8–9,6×4–5×1,8 см (рис. 43.-*2–3*; 112.-*20*).

Тип 5. Пятиугольные. Абрис пера напоминает пятиугольную фигуру. *Вариант а* – с шайбовым упором: Быково-IV, курган №5 – 1 экз., снабжен округлыми прорезями в лопастях и роговой свистункой, 8,5×3,5×3 см (рис. 112.-*22*); Поповская Дача, курган, могила-4 – 1 экз., 9,2×5,8×1,8 см (рис. 60.-*1*; 112.-*21*).

Тип 6. Листовидные. Перо напоминает растительный лист и составляет фигуру, у которой боковые стороны сходятся по дуге, образуя острие. *Вариант а* – с шайбовым упором: Грязново-IV, курган №1 – 1 экз., 8,1×4×2 см (рис. 112.-*23*); Кучук-I, курган №6, могила-1 – 1 экз., 4,5×4×1,4 см (рис. 113.-*1*). *Вариант б* – с цилиндрическим упором: Кучук-I, курган №6, могила-1 – 1 экз., 7,2×4,7×1,4 см (рис. 113.-*2*).

Тип 7. Килевидные. Перо напоминает киль корабля и составляет фигуру с параллельными боковыми сторонами, плавно сходящимися к острию. *Вариант а* – с шайбовым упором: Филин-I, курган №1 – 2 экз., 8–9,8×5×1,6 см (рис. 43.-*5–6*; 113.-*3*); Барчиха, курган, могила-2 – 1 экз., 6×1,6 см (рис. 113.-*4*).

Отдел II. Трехгранные. Перо наконечника представляет собой трехгранное тело, треугольное в поперечном сечении.

Тип 8. Треугольные. *Вариант а* – с шайбовым упором: Камень-II, курган №13, могила-3 – 1 экз., 5×3,4×1,6 см (рис. 113.-*5*); Кучук-I, курган №6, могила-1 – 1 экз., 5,5×3,3×1,7 см (рис. 113.-*6*). *Вариант б* – с цилиндрическим упором: Грань, курган – 1 экз., 6,7×4,5×1,6 см (рис. 26.-*2*; 113.-*7*).

Тип 9. Асимметрично-ромбические. *Вариант а* – с шайбовым упором: Коловый Мыс, курган №1 – 1 экз., 6×4×1,7 см (рис. 113.-*8*); Барчиха, курган, могила-2 – 1 экз., 9,6×4,7×1,8 см (рис. 113.-*9*).

Тип 10. Ромбические. *Вариант а* – с шайбовым упором: Барчиха, курган, могила-2 – 1 экз., 8,1×4×1,7 см (рис. 113.-*10*).

Тип 11. Листовидные. *Вариант а* – с шайбовым упором: Кучук-I, курган №6, могила-1 – 1 экз., 4,4×4,2×1,8 см (рис. 113.-*11*); Барчиха, курган, могила-2 – 1 экз., 5×1,7 см (рис. 113.-*12*).

Тип 12. Килевидные. *Вариант а* – с шайбовым упором: Хабазино-4, могила – 4 экз., 5,1–7,7×4–5,7×1,6–2 см (рис. 113.-*13*).

Отдел III. Четырехгранные. Перо наконечника представляет собой четырехгранное тело, имеющее в поперечном сечении форму ромба, квадрата или прямоугольника.

Тип 13. Треугольные. *Вариант а* – с шайбовым упором: Грязново-III, курган №3, могила-1 – 1 экз., 6,7×3,7×2,2 см (рис. 113.-*14*). *Вариант б* – с цилиндрическим упором: Грань, курган – 1 экз., 8,1×4,5×2 см (рис. 26.-*3*; 113.-*15*).

Тип 14. Асимметрично-ромбические. *Вариант а* – с шайбовым упором: Грязново-II, курган №2, могила-2 – 1 экз., 9,4×6×2 см (рис. 113.-*16*).

Тип 15. Ромбические. *Вариант а* – с шайбовым упором: Прудской, курган №6, могила-1 – 1 экз., 6,7×4×2 см (рис. 94.-*5*; 113.-*17*).

Тип 16. Вытянуто-ромбические. *Вариант а* – без упора: Нечунаевкий Елбан-2, могила-1 – 1 экз., 10,8×4×0,8 см (рис. 113.-*18*), могила-2 – 1 экз., 9,8×3,5×0,7 см (рис. 113.-*19*). *Вариант б* – с цилиндрическим упором: Кучук-I, курган №6, могила-1 – 2 экз., 4,7–6,5×3,8×1,2–1,6 см (рис. 113.-*20*).

Тип 17. Листовидные. *Вариант а* – с шайбовым упором: Филин-I, курган №1 – 1 экз., 7,7×4,5×1,3 см (рис. 43.-*7*; 113.-*21*).

Тип 18. Килевидные. *Вариант а* – с шайбовым упором: Прудской, курган №6, могила-1 – 2 экз., 10,2–10,6×5–6×1,4–1,6 см (рис. 94.-*1, 3*; 113.-*22*).

Отдел IV. Двухлопастные. Перо наконечника состоит из двух лопастей, разделенных конусовидным стержнем, и имеет в поперечном сечении форму двухлучевой звезды.

Тип 19. Шестиугольные. Абрис пера близок к шестиугольнику. *Вариант а* – с шайбовым упором: Барчиха, курган, могила-2 – 1 экз., 8,3×4,6×2,6 см (рис. 113.-*23*).

Отдел V. Однолопастные. Перо наконечника представляет собой одну лопасть, имеющую в поперечном сечении форму линзы.

Тип 20. Треугольные. *Вариант а* – с шайбовым упором: Яровское-V, курган №4 – 2 экз., 9,3–13×6–6,3×2,9 см (рис. 20.-*2–3*; 113.-*24*).

Тип 21. Асимметрично-ромбические. *Вариант а* – без упора: Прудской, курган №6, могила-1 – 1 экз., 10,1×4,8×2,6 см (рис. 94.-*2*; 113.-*25*).

Тип 22. Овальные. Абрис пера близок по форме к овалу. *Вариант а* – без упора: Барчиха, курган, могила-2 – 1 экз., 11,2×5,4×2,7 см (рис. 113.-*26*).

Среди выделенных типов наконечников стрел преобладают трехлопастные (типы 1–7, 30 экз.). Они являются основными небронебойными экзмплярами и лишь изредка дополняются двухлопастными (тип 19, 1 экз.) и однолопастными (типы 20–22, 4 экз.) изделиями. Отличительной чертой данной серии является разнообразие бронебойных наконечников стрел с пером трехгранного и четырехгранного сечения (типы 8–18, 23 экз.).

Большинство рассматриваемых наконечников стрел (типы 1–16) датируется 2-й половиной VIII – XII в. и встречается во многих памятниках сросткинской культуры. Своим происхождением они связаны с наследием тюркской и в меньшей мере одинцовской культуры [Горбунов, 2006, с. 38–42, рис. 78.-1–4]. Типы 17–18 происходили от тюркских образцов и бытовали в сросткинском объединении во 2-й половине VIII – 1-й половине XI в. [Горбунов, 2006, с. 41, рис. 78.-1–3]. Типы 19–22 восходят к сяньбийско-киданьско-монгольской линии развития. Из них типы 20–21 могут быть отнесены ко 2-й половине X – 1-й половине XI в., а типы 19 и 22 – ко 2-й половине XI – XII в. [Горбунов, 2006, с. 42–43, рис. 78.-3–4]. В целом для наконечников стрел сросткинской культуры характерно уменьшение пропорций пера, увеличение доли бронебойных экземпляров и широкое внедрение шайбовых и цилиндрических упоров, что полностью отражают и находки, сделанные на Приобском плато.

Помимо стрел, в шести погребениях зафиксированы *колчаны* для их хранения и ношения (табл. 1.-*5, 15, 24, 27, 31, 33*). Найдены целые футляры либо отдельные де-

тали от них. У колчанов из Камня-II, Филина-I и Хабазино футляры были сделаны из бересты, но сохранились фрагментарно. В могиле кургана №1 Филина-I берестяной футляр достигал длины 80 см и наконечники стрел в нем имели разное положение: три лежали остриями вверх в устье, видимо, на кармане, а четыре – остриями вниз у дна (рис. 33.-*1*).

В погребении могильника Прудской футляр колчана был изготовлен из древесины. От него тоже остались лишь фрагменты, по которым видно, что стенки сделаны из плашек толщиной 3–5 мм. На торцах плашки имеют П-образное сечение и ширину 3–3,5 см (рис. 93.-*3–4*). Очевидно, что футляр такого колчана представлял собой деревянный короб прямоугольного сечения со свободным внутренним пространством (около 2,5 см). Судя по положению наконечников стрел (четыре лежали в ряд остриями вверх на горловине, а один – внизу у дна), длина футляра составляла 78 см, и он имел выступающий карман длиной около 15 см (рис. 89.-*3*). Два колчана с деревянной основой в виде короба, покрытые с лицевой стороны берестой, с четырьмя и шестью стрелами, были найдены в кимакских погребениях на могильниках Восточного Казахстана Акчий-III (2-я половина IX – 1-я половина X в.) и Карашат-I (2-я половина X – 1-я половина XI в.) [Археологические памятники…, 1987, с. 170–171, 215, рис. 88.-12, 104.-8].

Вероятно, все колчаны, обнаруженные на Приобском плато, можно отнести к одному типу (с карманом), который абсолютно преобладал у населения сросткинской культуры во 2-й половине VIII – 1-й половине XI в. [Горбунов, 2006, с. 46, рис. 40].

Деталями крепления колчана являлись костяные изделия из могилы-1 кургана №2 памятника Гоньба и могилы-4 одиночного кургана Поповская Дача. В Гоньбе найдена прямоугольная пластина (размерами 5,8×2,7 см) со слегка вогнутыми сторонами и тремя отверстиями посередине: два круглых ближе к торцам и одно овальное в центре (рис. 113.-*27*). Она могла крепиться на боку колчана и служила для продевания портупейного ремня, который подвешивал колчан к стрелковому поясу. Такая система крепления реконструируется у тюркского колчана из могильника 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. Юстыд-XII, где найдены две подобные накладки [Кубарев, 2005, с. 88, рис. 26–27, табл. 33.-10–11]. Более точную аналогию изделию из Гоньбы представляют две костяные накладки (целая и фрагмент) из сросткинского погребения 2-й половины X – 1-й половины XI в. могильника Восход-I на Предалтайской равнине. Они находились среди остатков плохо сохранившегося берестяного колчана на расстоянии 20 см друг от друга. Целая накладка имеет аналогичную овальную прорезь, но отличается четырьмя круглыми отверстиями по углам [Кирюшин, Горбунов, 1998, с. 198–199, рис. 1.-1, 5–6]. Аналогичная фрагментированная накладка происходит из синхронного могильника Гилево-VII [Могильников, 2002, рис. 49.-12]. Еще две таких накладки от колчана с овальными прорезями, но без круглых отверстий, найдены на кимакском могильнике 2-й половины IX – 1-й половины X в. Джартас в Восточном Казахстане [Археологические памятники…, 1987, с. 119–121, рис. 64.-12–13]. Похожие накладки с разным числом округлых отверстий есть среди материалов могильника IX–X вв. Третье Отделение-2 в Барабе и могильника XI–XII вв. Усть-Канда-1 в Кузнецкой котловине [Бараба в тюркское время, 1988, с. 75, рис. 30.-5; Илюшин, 2005, с. 101, табл. 13.-68].

На Поповской Даче найден фрагмент костяной накладки-планки (размерами 8,7×0,7×0,2 см) с выраженным расширением до 1 см по длинным сторонам и двумя круглыми отверстиями диаметром 0,2 см (рис. 60.-*4*; 113.-*28*). Такие узкие планки служили для вертикального скрепления берестяной конструкции колчана, как это было зафиксировано авторами монографии в тюркском кургане 2-й половины V – 1-й половины VI в. на могильнике Усть-Бийке-III [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 142, рис. 26.-1, 8–12]. Фрагменты подобных изделий известны и позднее, например, в памятниках X–XIII вв. Среднего Причулымья и Кузнецкой котловины [Беликова, 1996, с. 79, рис. 13.-9–13, 17.-6, 21.-9, 54.-4, 67.-19–21, 71.-12–13; Илюшин, 2014, с. 44,

рис. 74.-18]. На могильнике Ишаново в Кузнецкой котловине обломок похожей планки найден вместе с удлиненной орнаментированной пластиной на бок колчана, имеющей овальную прорезь, как у гоньбинского экземпляра [Илюшин, 2014, рис. 74.-21]. Следует отметить, что памятник Ишаново по погребальному обряду явно относится к сросткинской культуре, а по комплексу инвентаря датируется 2-й половиной X – 1-й половиной XI в. Две похожие удлиненные накладки от колчана с овальными прорезями найдены в уже упоминавшемся кимакском могильнике Джартас [Археологические памятники..., 1987, с. 124, рис. 66.-1–2].

Оружие таранного удара из сросткинских памятников Приобского плато представлено одним видом – копьями. Их вещественные остатки найдены в пяти погребениях и один раз в сборах с территории могильника (табл. 1.-*2, 4–5, 7–8, 14а*). Это шесть железных наконечников, у двух во втулках сохранились остатки деревянных древков. На памятнике Гоньба в могиле-1 кургана №2 от наконечника копья осталась только нижняя часть втулки длиной 5 см и диаметром 4,4 см [Тишкина, 2010, с. 45, рис. 3.-3], а в могиле-2 кургана №3 – наконечник копья только упоминается в описании, находился он возле черепа человека [Тишкина, 2010, с. 46]. В могиле кургана №5 памятника Быково-IV наконечник копья найден у правой стопы умершего, а в погребении одиночного кургана Грань – в изголовье человека. Для анализа пригодны четыре экземпляра.

Все наконечники копий снабжены втульчатым насадом. Древко копья вставлялось в наконечник, снабженный для этого приемником в виде конического раструба. У двух втулок прослеживается соединительный шов, иногда разомкнутый к основанию (Быково-IV, Ильинка). Три втулки ближе к основанию снабжены двумя или четырьмя сквозными отверстиями, через которые продевались железные стержни, дополнительно закреплявшие древко в насаде (Быково-IV, Грань, Ильинка).

По таким признакам, как абрис пера в продольной плоскости и форма его поперечного сечения, наконечники копий можно разделить на типы, а по соотношению длины пера и втулки и оформлению перехода между ними – на варианты.

Тип 1. Килевидные, ромбовидные. Абрис пера в продольной плоскости имеет почти параллельные боковые стороны, плавно сходящиеся к острию. В поперечном сечении перо представляет собой четырехгранное тело, имеющее форму ромба. *Вариант а* – равновеликие, с прямыми плечиками. Длина втулки и пера примерно равна, а стороны пера переходят во втулку под почти прямым углом: Грань, одиночный курган – 1 экз., общая длина наконечника 24,8 см, длина пера 11,2 см, наибольшая ширина пера 2 см, наибольшая толщина пера 1,6 см, длина втулки 13,6 см, ее диаметр 3,3–3,5 см (рис. 29; 114.-*1*). Данный тип имеет аналогии среди других сросткинских памятников 2-й половины IX – XII в. и явно происходит от тюркских образцов VIII в., которые восходят к еще более ранней сяньбийской традиции [Горбунов, 2006, с. 51, рис. 42.-6, 43.-5–11].

Тип 2. Килевидные, треугольные. Абрис пера аналогичен предыдущему типу. В поперечном сечении перо представляет собой трехгранное тело, имеющее форму треугольника. *Вариант а* – равновеликие, без плечиков, где перо плавно переходит во втулку: Барчиха, курган, могила-2 – 1 экз., общая длина 27,6 см, перо – 13×2×1,8 см, втулка – 14,6×4 см (рис. 114.-*2*). Этот редкий тип по сечению пера восходит к согдийским и алано-болгарским образцам VIII–X вв. [Распопова, 1980, рис. 49.-11; Кочкаров, 2008, с. 47, табл. XXI.-2]. Более близки ему экземпляры из монгольских городов Укек и Каракорум XIII–XIV вв. [Худяков, 1991, рис. 74.-3; Недашковский, 2000, рис. 12.-2]. Пока датировку копья из Барчихи можно определить 2-й половиной XI – XIV в. [Горбунов, 2006, с. 52].

Тип 3. Вытянуто-ромбические, уплощенно-ромбовидные. Абрис пера похож на ромб, у которого стороны преломляются ближе к основанию. В поперечном сечении перо представляет собой четырехгранное тело, имеющее форму ромба, вытянутого по горизонтали. *Вариант а* – равновеликие, с наклонными плечиками, образо-

ванными преломлением сторон пера: Ильинка, сборы – 1 экз., общая длина 22,6 см, перо – 12×4,6×1,2 см, втулка – 10,6×4,3 см (рис. 114.-*3*). *Вариант б* – коротковтульчатые, с наклонными плечиками. Длина втулки заметно короче длины пера: Быково-IV, курган №5 – 1 экз., общая длина 24 см, перо – 15,4×4,2×1,6 см, втулка – 8,6×3 см (рис. 114.-*4*). К данному типу следует также отнести еще три случайные находки, сделанные на Приобском плато: целые наконечники из с. Верх-Кучук (рис. 114.-*5*) и с. Суслово (рис. 114.-*6*), а также экземпляр без втулки с поселения Черная Курья-VI (рис. 114.-*7*) [Горбунов, 1991, с. 47–48, рис. 1; Иванов, 2000, с. 167, рис. 1.-1; 2001, с. 95, рис. 40.-1]. Наконечники копий данного типа имеют широкие аналогии от Забайкалья до Восточной Европы в памятниках IX–XVI вв. и известны по другим районам сросткинской культуры в объектах 2-й половины IX – XII в. [Горбунов, 2006, с. 51–53, рис. 44.-1, 3, 6].

Сросткинские наконечники копий с Приобского плато по функциональной специализации делятся на пики (типы 1–2) и рогатины (тип 3), причем последние явно преобладают в количественном отношении. Для наконечников пик характерно узкое компактное перо, рассчитанное на глубокое проникновение. Рассмотренные образцы относятся к разновидности бронебойных пик, на что указывают ромбовидное и треугольное сечение и килевидная форма пера, имеющие наибольшие пробивающие качества. Наконечники рогатин имеют широкое массивное перо, способное наносить значительные по площади повреждения. Экземпляры с уплощенно-ромбовидным сечением, вытянуто-ромбической формы для этого оптимальны. Те и другие копья использовались в конном бою при нанесении таранного удара, но для пик это была узкоспециализированная функция, тогда как рогатины являлись более универсальным оружием и конницы, и пехоты, а также могли служить и орудиями охоты [Горбунов, 2006, с. 53].

Оружие ближнего боя в сросткинских памятниках Приобского плато представлено несколькими видами: мечи, сабли, боевые ножи, кинжалы.

Мечи и сабли обнаружены в погребениях 10 могильников (табл. 1.-*1–2, 8, 10, 15, 24, 26–27, 29–31, 34*). Это относительно целые железные клинки с черенами и перекрестиями, а также фрагменты подобных изделий, которые иногда дополнены деталями рукоятей и ножен из железа, древесины и бересты.

Всего найдено 13 образцов длинно-клинкового оружия, а в могиле кургана №2 Филина-I сохранились только детали ножен (табл. 1.-*32*). Как правило, в погребении находится по одному экземпляру оружия с длинным клинком и лишь в могиле-4 кургана Поповская Дача обнаружены два меча для обоих похороненных там взрослых мужчин (табл. 1.-*24*).

Среди указанного оружия лишь экземпляр из могилы-2 кургана Барчиха определяется в публикации как сабля, но поскольку ее изображение не приведено, то судить об этом достаточно сложно, тем более что речь идет о фрагментированном изделии [Телегин, 1998, с. 182]. В могиле-1 этого памятника упоминается меч, но его рисунок также не опубликован.

Остальные 11 экз. можно определить как мечи, поскольку они имеют прямые клинки. Правда, часть фрагментов однолезвийных и полуторалезвийных клинков относится к мечам условно и нельзя полностью исключить их принадлежность к слабоизогнутым саблям.

Для системного анализа мечей привлечены полные изделия, частично разрушенные экземпляры, сохранившие большинство основных параметров, и отдельные части клинков и черенов, реконструируемые на основе сопоставления с целыми. По количеству лезвий на клинке выделяются разделы, по положению рукояти относительно оси клинка – отделы, по наличию перекрестия и его форме – типы, по деталям, способствующим закреплению обкладки на черене рукояти и фиксации рукояти в руке, – варианты.

Раздел I. Двухлезвийные. Обе стороны клинка по всей длине снабжены лезвиями. В поперечном сечении полотно клинка имеет форму линзы. К данному разделу от-

носится один клинок без рукояти и перекрестия: Грань, одиночный курган – 1 экз., фрагмент клинка – 6×3,2×1 см (рис. 26.-*1*).

Отдел I. С прямой рукоятью. Черен рукояти расположен на одной оси с клинком, который в месте перехода в черен образует два плечика.

Тип 1. Без перекрестия. Меч не снабжен перекрестием. *Вариант а* – с гладким череном. Рукоять не имеет дополнительных деталей: Камень-II, курган №13, могила-3 – 1 экз., общая длина 78,5 см, длина клинка 59 см, наибольшая ширина клинка 4 см, наибольшая толщина клинка 1,2 см, длина черена 19,5 см, наибольшая ширина черена 2,5 см (рис. 115.-*1*). На территории Алтая двухлезвийные мечи с прямой рукоятью известны с VI в. до н.э. до середины XI в. н.э., а экземпляры без перекрестия, аналогичные типу 1, восходят еще к хуннуской традиции, сформировавшейся ко II в. до н.э. В памятниках сросткинской культуры двухлезвийные мечи с перекрестием и без него встречаются редко, и пока их хронология не выходит за рамки 2-й половины VIII – 1-й половины XI в. [Горбунов, 2006, с. 61–63].

Раздел II. Однолезвийные. Клинок снабжен лезвием только по фронтальной стороне, а тыльная его сторона откована в виде прямой спинки, постепенно сужающейся к острию. В поперечном сечении полотно клинка имеет треугольную или килевидную форму. К этому разделу относятся две находки клинков без других деталей: Яровское-III, курган – 1 экз., два фрагмента клинка – 11,4×2,4×0,4 см (рис. 5.-*2–3*); Успеновка-II, курган №3, могила-1 – 1 экз., фрагмент клинка – 16,8×2,4×0,5 см (рис. 102.-*1*).

Отдел I. С прямой рукоятью.

Тип 2. Прямоугольные. На основании клинка надето железное цельное перекрестие, абрис которого в продольной плоскости напоминает прямоугольник. *Вариант а* – с колпачковым навершием. На торец рукояти надевался колпачок, снабженный для крепления штырем: Грязново-II, курган №5 – 1 экз., общая длина 82,4 см, клинок – 72,8×3,2×0,8 см, черен – 9,6×2,8 см, перекрестие – длина (в целом виде) 12,8 см, ширина по центру в продольной плоскости 1,2 см, толщина по центру в поперечной плоскости 1,6 см (рис. 115.-*2*). Однолезвийные мечи появляются на Алтае в середине IV в. и восходят к хуннуско-ханьской традиции [Горбунов, 2006, с. 63]. Экземпляры с прямой рукоятью и прямоугольным перекрестием повторяют собой образцы тюркского оружия 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. и близки оружию кимаков 2-й половины IX – 1-й половины X в. [Горбунов, 2014, с. 396–397, рис. 1.-5; 2016, с. 144, рис. 1.-1–3]. В памятниках сросткинской культуры они не известны позднее середины X в. [Горбунов, 2006, с. 65, рис. 62].

Отдел II. С наклонной рукоятью. Черен рукояти расположен под тупым углом к оси клинка и наклонен в сторону фронтального лезвия. Клинок при переходе в черен образует два плечика.

Тип 3. Крестовидные. Меч снабжен железным цельным перекрестием, имеющим в продольной плоскости форму узкого прямоугольника с округлым выступом посередине и расширенными окончаниями, что придает всему абрису определенную крестообразность. *Вариант а* – с одним штырем. К одной плоскости черена приварен железный стержень с округлой шляпкой для фиксации обкладки рукояти: Филин-I, курган №1 – 1 экз., общая длина 92 см, клинок – 81,6×2,8×1 см, черен – 10,4×2,4 см, перекрестие – 10,6×2,4×2,2 см (рис. 42.-*1*; 115.-*3*). Однолезвийные мечи с наклонной рукоятью появились у тюрок во 2-й половине VII – 1-й половине VIII в. [Горбунов, 2014, с. 396]. Экземпляры с крестовидным перекрестием встречаются в памятниках сросткинской культуры 2-й половины IX – 1-й половины XI в. [Горбунов, 2006, с. 66]. Следует отметить, что у тюрок и кимаков форма такого перекрестия становится известна у мечей и сабель не ранее середины IX в. [Горбунов, 2014, с. 397, рис. 2.-3; 2016, с. 144, рис. 2.-2–3, 5].

Раздел III. Полуторалезвийные. Большая часть клинка имеет лезвие на фронтальной стороне, тогда как тыльная его сторона откована в виде прямой спинки. Нижняя же часть клинка (от одной трети длины или меньше) раскована на два лезвия. В по-

перечном сечении однолезвийное полотно клинка имеет треугольную или килевидную форму, а его двухлезвийная часть – форму ромба.

Отдел II. С наклонной рукоятью.

Тип 4. Без перекрестия. *Вариант а* – с гладким череном: Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 1 экз., общая длина в целом виде 72 см, клинок из четырех фрагментов – 58×3,2×0,8 см, черен из двух фрагментов – 6×1,6 см (рис. 59.-*2*; 115.-*4*). *Вариант б* – с одним штифтом. Черен снабжен сквозным отверстием, в которое вставлялся железный стержень с двумя округлыми шляпками для фиксации обкладки рукояти: Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 1 экз., общая длина в целом виде 72 см, клинок из шести фрагментов 64,4×3,2×1 см, черен – 7,2×2 см (рис. 59.-*1*; 115.-*5*); Прудской, курган №5 – 1 экз., клинок из трех фрагментов – 16×2,4×0,6 см, черен – 7,1×2 см (рис. 84.-*1*). Полуторалезвийные мечи появились в тюркской военной среде во 2-й половине VIII – 1-й половине IX в. [Горбунов, 2014, с. 397]. Аналогии типу 4 есть среди сросткинских экземпляров 2-й половины IX – XII в. [Горбунов, 2006, с. 66, рис. 53.-5, 54.-1].

Тип 5. Прямоугольные. Меч снабжен железным цельным перекрестием, по форме близким типу 2. *Вариант а* – с двумя штифтами, нижний из которых имеет круглую шляпку и загнутое противоположное окончание, а верхний – загнутое окончание и крюк с кольцом: Прудской, курган №6, могила-1 – 1 экз., общая длина 84,5 см, клинок – 71,5×3,4×1,2 см, рукоять – 13×3,5 см, перекрестие – 10,8×1,6×2,8 см (рис. 91.-*1*; 115.-*6*). *Вариант б* – с одним штырем: Рогозиха-1, курган №10, могила-3 – 1 экз., клинок из трех фрагментов – 12×3×1,6 см, черен – 6,5×2 см, перекрестие – 8,4×2,1×2,4 см (рис. 115.-*7*). Аналогии данному типу известны по памятникам сросткинской культуры 2-й половины IX – 1-й половины XI в. [Горбунов, 2006, с. 66–67, рис. 54.-6, 55.-4].

В целом серия длинно-клинкового оружия с Приобского плато отражает тенденции, присущие сросткинскому комплексу вооружения на всей территории культуры. Для него характерна малая доля двухлезвийных мечей и существенное преобладание однолезвийных и полуторалезвийных мечей над саблями. В этом он сближается с тюркским комплексом и отличается от кимакского, для которого характерно доминирование сабель над мечами [Горбунов, 2016, с. 145]. Развитие сросткинского длинно-клинкового оружия шло по пути замены прямой рукояти наклонной и однолезвийного клинка полуторалезвийным.

Находки, сделанные в курганах Приобского плато, дали важную информацию о дополнительных деталях мечей. Так, в могиле-1 кургана №6 памятника Прудской сохранилась целая рукоять. Ее обкладка была изготовлена из одного куска древесины, что хорошо видно на торце. Она надета на черен, обернута берестой и закреплена на нем через два сквозных отверстия. В нижнее отверстие, ближе к перекрестию, продет железный стержень с округлой шляпкой на одном окончании и с загнутым другим окончанием. В верхнее отверстие, ближе к навершию, вставлен стержень, также загнутый на одном окончании, а на другом оформленный в крюк, в который вставлялось кольцо для темляка (рис. 92). Близкая конструкция крепления рукояти есть у меча из сросткинского кургана Дмитротитово на Бийско-Чумышской возвышенности и у кимакской сабли из могильника Джартас в Верхнем Прииртышье [Горбунов, 2006, рис. 55.-4; 2016, рис. 2.-1].

Не менее важны данные о креплении ножен мечей. В той же могиле памятника Прудской от ножен сохранились остатки деревянного корпуса, обернутого берестой (рис. 89.-*5*). Там в 1 см ниже устья ножен, на их торце со стороны спинки клинка, была найдена железная петля-пробой с остатками кольца внутри, которая была продета в накладку-пластину прямоугольной формы и зафиксирована под ней овальной шляпкой. Общая высота изделия 3 см, ширина петли 2,2 см, размеры пластины 2,5×2×0,3 см, размеры шляпки 1,7×1,4×0,6 см. Между пластиной и шляпкой сохранились лист бересты и волокна от древесины (рис. 91.-*2*). Это свидетельствует о том, что петля с кольцом крепилась непосредственно на торце корпуса ножен. С наруж-

ной стороны находилась пластина-накладка, а с внутренней – шляпка. На расстоянии 14,5 см от устья ножен (11 см от первой петли) был найден фрагмент второй аналогичной железной петли (рис. 91.-*4*). Уже при изъятии меча из могилы на стороне, обращенной к дну, был обнаружен фрагмент железной обоймы шириной 1,2 см, частично прикипевший к берестяному листу (рис. 91.-*3*). Он находился в 55 см ниже устья ножен.

В северной камере могилы кургана №1 памятника Филин-I вместе с мечом также были зафиксированы остатки ножен из древесины и бересты с аналогичными крепежными деталями (рис. 116). Там в 1,5 см от устья, на торце, найдена железная петля-пробой с кольцом и прямоугольной пластиной-накладкой. Окончание стержня петли либо расплюснуто, либо имеет небольшой фиксатор. Общая высота изделия 1,7 см, ширина петли 1,8 см, диаметр кольца 2,5 см, размеры пластины 2,5×2×0,2 см. На внутренней стороне пластины сохранились остатки древесины (рис. 42.-*3*). На расстоянии 22 см от устья ножен (18 см от первой петли) найден фрагмент аналогичной петли с пластиной (рис. 42.-*6*), а в 61 см от устья найден фрагмент железной обоймы шириной 1,8 см с прикипевшей изнутри берестой (рис. 42.-*7*). Вместе с ножнами этого меча зафиксированы и детали портупейных ремней. Так ниже перекрестия, напротив первой петли, лежала железная фигурная накладка (размерами 4,2×2,3×0,3 см) со штифтом от крепления верхнего портупейного ремня (вероятно, глухого) к поясу (рис. 42.-*2*). По обеим сторонам меча, в районе второй петли, находились бронзовые пряжка и тренчик от нижнего портупейного ремня, явно регулируемого (рис. 42.-*4–5*).

В ограбленной могиле кургана №2 Филина-I также обнаружены остатки от двух железных петель-пробоев с кольцами (высота изделий 2,4–2,6 см, ширина петель 1,5 см, диаметр кольца 2,2 см) аналогичного назначения (рис. 48.-*5–6*). Еще один комплект деталей ножен из двух петель-пробоев с кольцами на прямоугольных пластинах-накладках (высота изделий 2,3–2,9 см, ширина петель 1,8–2 см, диаметр колец 2,2 см, размеры пластин 2,5×1,5×0,3 см) и железной обоймы (ширина 1,2 см) с берестой происходит из потревоженной могилы-4 одиночного кургана Поповская Дача (рис. 59.-*3–5*). Видимо, такое же крепление было у ножен меча из сросткинского могильника 2-й половины X – 1-й половины XI в. Ивановка-III, исследованного на Предалтайской равнине [Горбунов, 2006, рис. 54.-4].

Обнаруженная на Приобском плато система крепления ножен (рис. 116) существенно отличается от способа подвешивания ножен к поясу при помощи парных обойм и скоб, хорошо известного тюркам, кимакам и населению самой сросткинской культуры [Горбунов, 2006, рис. 52; 2014, рис. 3.-2; 2016, рис. 1.-2, 4, 2.-2–3]. Отличается она и от кыргызской системы, где использовались петли-пробои с кольцами, крепившиеся к обоймам, а не непосредственно к ножнам [Худяков, 1980, табл. VI.-2; Кызласов, 1983, рис.19].

Коротко-клинковое оружие представлено на Приобском плато малым числом экземпляров. Это два боевых железных ножа и два железных кинжала (табл. 1.-*1, 6, 11, 19*).

К боевым ножам отнесены экземпляры с наиболее крупными параметрами. Нож из Гоньбы имеет общую длину 20,5 см, клинок – 19×3,6 см, черен (обломан) – 1,5×2,6 см (рис. 115.-*8*). Нож из Кучука-1 имеет общую длину 19,2 см, клинок – 16×2×0,5 см, черен – 3,2×1,3 см (рис. 115.-*9*). Оба они принадлежат к типу изделий с однолезвийным клинком треугольного сечения и прямой рукоятью, которая при переходе в клинок образует плечико со стороны лезвия или два плечика, большее со стороны лезвия и меньшее со стороны спинки. Аналогичные ножи известны в памятниках сросткинской культуры 2-й половины IX – 1-й половины XI в. [Горбунов, 2006, с. 77, рис. 64.-8–9].

Кинжал из Барчихи только упоминается в публикации, а кинжал из Грязново-III сохранился фрагментарно. Его общая длина 8 см: клинок – 4,5×4×0,7 см, черен – 3,5×2 см (рис. 115.-*10*). Этот кинжал относится к типу изделий с двухлезвийным клинком линзовидного сечения и прямой рукоятью с покатыми плечиками. Такие экземпляры вос-

ходят к тюркскому оружию 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. и встречаются в памятниках сросткинской культуры на всем протяжении ее существования во 2-й половине VIII – XII в. [Горбунов, 2006, с. 81, рис. 66.-5, 9, 11–12].

Редкость коротко-клинкового оружия в погребальных памятниках сросткинской культуры наблюдается на всей территории ее распространения, и район Приобского плато вполне вписывается в имеющуюся тенденцию.

Предметы защитного вооружения (доспеха) на сросткинских памятниках Приобского плато пока не обнаружены. Это можно списать на случайный фактор или на ограбление многих объектов, но общее число исследованных могил довольно значительно, а оружие, хотя бы поврежденное, весьма часто присутствует и в ограбленных погребениях. Между тем остатки доспехов в виде панцирных пластин, пусть и редко, но встречены во всех остальных районах ареала сросткинской культуры [Горбунов, 2021а, табл. I.-5–19, II.-44, III.-3–4]. Может быть, ситуация с Приобским плато объясняется его центральным (внутренним) положением в сросткинском объединении, где не было необходимости использования в погребальном ритуале средств защиты, в отличие от периферийных территорий. Данное предположение возможно, если доспех выполнял в сросткинском обществе не только функцию профессионального маркера в погребальном обряде, но еще и охранную, которая переходила из реальной практики в чисто обрядовую сферу.

3.2. Снаряжение верхового коня

Из общего числа сросткинских погребений, которые исследованы на Приобском плато (всего 108), предметы, связанные со снаряжением верхового коня, найдены в 33 объектах (табл. 2), что составляет 30,5% от числа всех могил. Они относятся к двум категориям: узда и седло.

Узда – это часть конского снаряжения, предназначенная для управления лошадью, которая состоит из суголовья, удил и поводьев [Гуревич, Рогалев, 1991, с. 214–215]. В курганах Приобского плато от узды сохранились главным образом металлические изделия нескольких видов: удила с псалиями, пряжки, наконечники ремней, тренчики, распределители ремней, бляхи-накладки и султанчики. Только в отдельных наборах уцелели фрагменты кожаных ремней суголовья шириной 1,3–2,3 см (рис. 28.-*8*; 37.-*1д*; 38.-*1–5, 23*; 66.-*16*).

Удила и псалии найдены в 20 погребениях на 17 памятниках (табл. 2.-*1–3, 5–9, 11, 14, 18, 20, 22–25, 27, 29–30, 33*). В девяти могилах находился один комплект удил и псалиев, в трех погребениях, содержавших парные и коллективные захоронения, было по два таких комплекта (в могиле-4 одиночного кургана Поповская Дача от второго комплекта сохранились лишь фрагменты псалиев), в семи могилах оказались только удила и в одном погребении обнаружен псалий.

Удила сделаны из железа и представляют собой либо целые изделия, либо их отдельные фрагменты. Большинство псалиев также изготовлено из железа, и сохранились они либо целиком, либо во фрагментах. Погребение в кургане №3 памятника Грязново-II содержало единственный фрагмент рогового псалия. В могиле-1 кургана №3 на Прудском во внешних окончаниях звеньев удил сохранился деревянный тлен от псалиев (рис. 78). Не исключено, что у удил без псалиев они тоже были деревянными.

Сведения об удилах из трех объектов известны только по упоминанию в публикациях (табл. 2.-*1, 18, 20*). 18 удил и 23 псалия могут быть использованы для анализа. Фрагментированные экземпляры реконструируются на основе сопоставления с целыми.

По конструкции звеньев удил выделяются типы, а по материалу и конструкции псалиев – варианты.

Тип 1. Двукольчатые удила с крюковым соединением. Конструктивно состоят из пары гладких стержней-звеньев четырехугольного или округлого сечения, одно из которых, как правило, немного длиннее другого. Между собой звенья соединяются расположенными в разных плоскостях крюками, в которые загнуты внутренние окончания стержней. Их внешние окончания состоят из двух неравных колец, образованных перекручиванием исходной заготовки в виде крупного кольца таким образом, чтобы получилась 8-видная форма. Чаще кольца лежат в одной плоскости, но есть экземпляры, где малое и большое кольцо перпендикулярны. В большое кольцо этой восьмерки вставлялся псалий, а в малое – дополнительное кольцо для крепления повода. Всего укажем 10 удил: Боровиково-IV, курган №1, могила-1 – 1 экз. (два звена), длина звеньев 6,2–10,4 см, средняя ширина звеньев 1,4 см, диаметр большого кольца 2,8 см, диаметр малого кольца 2,4 см, диаметр поводного кольца 3,7 см (рис. 110.-*3*; 117.-*1*); Боровиково-V, могила – 1 экз. (два звена), 8,7–11,2×1,5×3,2×2×3,5 см (рис. 117.-*2*); Быково-IV, курган №5 – 1 экз. (два звена), 8,7–11,6×1,4×3×2×3,2 см (рис. 117.-*3*); Грань, одиночный курган – 1 экз. (два звена), 11,2×1,3×2,5×2×2,8 см (рис. 27.-*1*); Коловый Мыс, курган №1 – 1 экз. (два звена), 13–13,3×1,8×3,6×2,1×3,8 см (рис. 117.-*4*); Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 1 экз. (два звена), 11,4–12,3×1,1×3,2×2,6×2,4 см (рис. 61.-*1*; 117.-*5*); Прудской, курган №3, могила-1 – 1 экз. (два звена), 9,7–11,3×1,1×3×2,5×3,2 см (рис. 78; 117.-*6*); Рогозиха-1, курган №15 – 1 экз. (два звена), 9,6–13×0,9×2,7×2,2×3,8 см (рис. 117.-*7*); Филин-I, курган №1 – 2 экз. (четыре звена), 9,6–10,3×1,1×2,4×2×3,5 см (рис. 35; 39; 117.-*8*). *Вариант а* – с железными S-видными скобчатыми псалиями. Псалий сделан из стержня четырехугольного сечения, окончания которого загнуты в разные стороны, но в одной плоскости. В средней части у него два отверстия для закрепления скобы, к которой пристегивался или пришивался нащечный ремень суголовья. Окончания псалия имеют фигурное оформление. Чаще всего одно из них раздвоено в виде сапожка или рыбьего хвоста, а другое – уплощенное с прямым, закругленным, заостренным или кеглевидным концом. Всего 13 псалиев: Быково-IV, курган №5 – 2 экз., длина псалиев 14,9–15,3 см, средняя ширина стержня 1 см, высота скобы 2,6 см (рис. 117.-*3*); Грань, одиночный курган – 1 экз., 14,8×1×? см (рис. 27.-*1*); Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 4 экз. (от двух удил), 14–16×1,3×1,9 см (рис. 61.-*1–4*; 117.-*5*); Рогозиха-1, курган №15 – 2 экз., 7,5–9×0,8×? см (рис. 117.-*7*); Филин-I, курган №1 – 4 экз., 15,2–18,8×1×2,5 см (рис. 35, 39; 117.-*8*). *Вариант б* – с деревянными псалиями, которые, скорее всего, были стержневыми двудырчатыми. В данном варианте учтены удила с остатками деревянного тлена от псалиев, а также удила, от псалиев которых ничего не сохранилось: Боровиково-IV, курган №1, могила-1; Боровиково-V, могила; Коловый Мыс, курган №1; Прудской, курган №3, могила-1.

Тип 2. Однокольчатые удила с крюковым соединением. Конструктивно аналогичны предыдущему типу, но внешние окончания звеньев удил раскованы и сварены в одно кольцо, в которое вставлялся только псалий. Всего шесть удил: Грязново-II, курган №5 – 1 экз. (два звена), 11,2×1,7×3,8 см (рис. 118.-*1*); Грязново-IV, курган №1 – 1 экз. (два звена), 9,6–11×1,2×3,5 см (рис. 118.-*2*); Поспелихинский, курган – 1 экз. (два звена), 5,7–8,8×0,8×1,9 см (рис. 118.-*3*); Прудской, курган №5 – 1 экз. (одно звено), 7×1×? см (рис. 84.-*10*); Прудской, курган №6, могила-2 – 1 экз. (одно звено), 8,8×1,5×3,7 см (рис. 95.-*7–8*); Яровское-V, курган №3 – 1 экз. (два звена), 9,7–10,5×1×2,4 см (рис. 16.-*4*; 118.-*4*). *Вариант а* – с железными кольчатыми псалиями. Псалий сделан из гладкого прута округлого или прямоугольного сечения, образующего замкнутое кольцо. Всего восемь псалиев: Грязново-IV, курган №1 – 2 экз., диаметр псалиев около 5 см, средняя ширина кольца 1,2 см; Поспелихинский, курган – 1 экз., 4,8×0,9 см (рис. 118.-*2*); Прудской, курган №5 – 2 экз., 4–5×1,2 см (рис. 84.-*12*); Прудской, курган №6, могила-2 – 2 экз., 4,5×1,1 см (рис. 95.-*4–6*); Яровское-V, курган №3 – 2 экз., 4,2×1 см (рис. 16.-*4*; 118.-*4*). *Вариант б* – с деревянными псалиями: Грязново-II, курган №5.

Тип 3. Крюковые удила с крюковым соединением. Отличаются от предыдущего типа тем, что внешние окончания звеньев так же, как и внутренние, загнуты в виде крюков: Ильинка, могила-3 – 2 экз. (четыре звена), 10,2–10,3×0,6–1,4×1,5–2,7 см (рис. 118.-*5–6*). *Вариант а* – с железными кольчатыми псалиями: Ильинка, могила-3 – 3 экз. (от двух удил), 4–6,5×0,7–1,5 см (рис. 118.-*5–6*).

Двукольчатые удила появились во 2-й половине VII в. и бытовали у многих народов Евразии (в отдельных районах до XII в.) [Овчинникова, 1990, с. 92; Неверов, 1992, с. 146]. На Алтае первые такие находки фиксируются в памятниках катандинского этапа (2-я половина VII – 1-я половина VIII в.) тюркской культуры, видимо, ближе к рубежу VII–VIII вв. Одни из них имеют сварные кольца в виде восьмерки и кольчатое соединение звеньев [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 118, рис. 2.-4], а другие – крюковое соединение и крученую восьмерку, как у типа 1 [Кубарев, 2005, с. 121, табл. 27.-1]. Удила с гладкими звеньями считаются характерными для тюркской и сросткинской линии развития, тогда как наличие у удил витых (ложновитых) звеньев считается признаками кыргызской традиции, которая получила распространение с середины IX в. [Неверов, 1992, с. 147–150]. Среди удил типа 1 нашей серии только одно звено возможно ложновитое (Боровиково-IV), что свидетельствует о незначительной степени кыргызского влияния в зоне Приобского плато.

Железные S-видные псалии со скобой известны достаточно широко в VII–XI вв. [Овчинникова, 1990, с. 94–99]. Оформление их окончаний в виде сапожка (рыбьего хвоста), уплощенной простой фигуры или кегля характерно для тюркской традиции середины VII – IX в. [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, с. 166, 175, рис. 2.-6; Кубарев, 2005, с. 119–121, рис. 34.-3, 7–8, 10, 14]. Во 2-й половине IX – 1-й половине XI в. такие псалии активно применялись кыргызами, кимаками и населением сросткинской культуры [Грязнов, 1956, табл. LV.-21; LVI.-7; Археологические памятники…, 1987, рис. 95.-13, 105.-27, 112.-9, 116.-19; Тишкин, 1991, рис. 1.-1; 1993а, рис. 5.-12; 1993б, рис. 5.-8; Неверов, Горбунов, 1996, с. 169, рис. 6.-10; Могильников, 2002, с. 87, рис. 208.-2, 9, 12, 16].

Суммируя приведенные данные, удила с псалиями типа 1а можно датировать VII/VIII–XI вв., а для территории Лесостепного Алтая – 2-й половиной IX – 1-й половиной XI в. У типа 1б предполагается наличие деревянных псалиев. Они, судя по сохранившимся изделиям из тюркского памятника 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. Юстыд-XII, имели стержневую форму и два широких отверстия для крепления в них ремней суголовья [Кубарев, 2005, с. 120–121, 139, табл. 30.-1–3]. Могли такие псалии снабжаться и железной скобой [Могильников, 2002, с. 86], но в нашей серии их нет. Видимо, архаичный вариант деревянных псалиев с отверстиями без скобы сохранялся очень долго и тип 1б можно датировать VII/VIII–XII вв.

Железные однокольчатые удила были распространены очень широко, а на Алтае они известны с пазырыкского времени и сначала имели кольчатое соединение звеньев [Овчинникова, 1990, с. 93; Неверов, 1992, с. 143]. Со II в. такие удила получили комбинированное (кольчато-крюковое), а с III в. – крюковое соединение звеньев, что демонстрируют находки из памятников булан-кобинской культуры [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 112, табл. 30.-2, 5, 7, 31.-1–2; Тишкин, Горбунов, 2020, с. 39, рис. 2.-26]. В дальнейшем они применялись тюрками, населением одинцовской, а затем сросткинской культуры до XI в. [Грязнов, 1956, табл. XLV.-35; Уманский, 1974, рис. 5.-32; Овчинникова, 1990, с. 94; Кубарев, 2005, с. 121, рис. 34.-1, 7–8, 12; Могильников, 2002, с. 83–85, рис. 208.-3, 18–20; Серегин, Абдулганеев, Степанова, 2019, с. 20, рис. 3.-1].

Кольчатые псалии стали использоваться в западной части Евразии уже в 1-й половине I тыс. до н.э., а в ее восточной части с последней четверти этого тысячелетия [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 68]. На Алтае они известны на всем протяжении существования булан-кобинской культуры (II в. до н.э. – 1-я половина V в. н.э.), а на юге Западной Сибири – в памятниках фоминского этапа (III – 1-я половина IV в.) ку-

лайской культуры и сошниковского этапа (2-я половина IV – V в.) одинцовской культуры [Грязнов, 1956, табл. XXXVIII.-3; Егоров, 1993, рис. 1.-6; Ширин, 2003, с. 53, табл. XXXVI.-1; Тишкин, Горбунов, 2006, с. 34, рис.1.-44; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 113–114, табл. 31.-4–5]. Крупные кольчатые псалии, часто витые и ложновитые, обнаружены в ранних тюркских памятниках до середины VIII в., а обычные гладкие – в IX–XI вв. [Овчинникова, 1990, с. 99, рис. 43.-13–16; Васютин, 1994, рис. 1.-15–16; Кубарев, 2005, с. 122, табл. 31.-8, 111.-1, 119.-1]. С середины IX в. кольчатые псалии распространились у кимаков, кыпчаков, кыргызов и населения сросткинской культуры [Грязнов, 1956, табл. LV.-23; Археологические памятники…, 1987, рис. 66.-8, 73.-19, 34, 96.-4, 98.-5, 100.-30; Бараба в тюркское время, 1988, рис. 10.-1, 36.-19; Неверов, Горбунов, 1996, рис. 3.-16–17; Кирюшин, Горбунов, 1998, рис. 1.-2; Савинов, 1998, рис. 6.-8, 7.-7; Могильников, 2002, с. 87, рис. 208.-1, 3, 5, 14]. В развитом и позднем Средневековье такие псалии являлись господствующими. Исходя из сочетания удил и псалиев, тип 2а может быть датирован 2-й половиной IX – XI в., а тип 2б, с учетом вышесказанного о деревянных псалиях, – III–XI вв.

Крюковые удила с таким же соединением звеньев известны с середины I тыс. до н.э. в древностях скифского круга Восточной Европы и в 1-й половине I тыс. н.э. постепенно распространились на восток [Неверов, 1992, с. 150–151]. На Алтае и юге Западной Сибири они есть среди материалов булан-кобинской, кулайской и одинцовской культур III–V вв. [Грязнов, 1956, табл. XLI.-30; Егоров, 1993, рис. 1.-6; Ширин, 2003, с. 52–53, табл. XXXVI.-1, XLIX.-2, L.-3–3, LV.-1, С.-1; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 112, табл. 30.-4, 31.-4–5]. Затем наступил длительный перерыв, и лишь с X в. такие удила отложились в памятниках тюркской и сросткинской культур, а также продолжали бытовать на той же территории и в монгольское время [Овчинникова, 1990, с. 99; Неверов, 1992, с. 152; Неверов, Горбунов, 1996, рис. 3.-16–17, 6.-10; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 66, табл. 1.-1–2; Кубарев, 2005, с. 122, рис. 34.-11; Могильников, 2002, с. 87, рис. 208.-1]. Сочетание крюковых удил с кольчатыми псалиями являлось преобладающим, а начиная с XII в. – вообще единственным вариантом. В датировке типа 3а следует выделять несколько стадий: раннюю – III–V вв., среднюю – X–XI вв. и позднюю – XII–XIV вв. и далее. Какие-то однозначные признаки различия между ними выявить достаточно сложно. Можно лишь отметить, что более поздние экземпляры этого типа имеют псалии большего диаметра.

Отдельно следует остановиться на фрагменте рогового псалия из могилы кургана №3 в Грязново-II. Он представлял собой стержень длиной 5,8 см, шириной до 1,4 см, толщиной до 0,7 см с двумя круглыми отверстиями диаметром 0,5 см, находящимися друг от друга на расстоянии 2,6 см. Оба его окончания обломаны (рис. 118.-7). Данный фрагмент можно сопоставить с роговыми псалиями, массово встречающимися в сросткинских памятниках Предалтайской равнины [Савинов, 1998, рис. 1.-15, 2.-9, 8.-14; Могильников, 2002, рис. 6.-7, 63.-1–2, 91.-16, 154.-2, 188.-5–6, 193.-10–11; Горбунов, Тишкин, 2018а, рис. 2.-23]. Только на могильнике Сростки-I с учетом неопубликованных материалов М.Д. Копытова найдено 9 экз. таких псалиев. В меньшем числе они известны из погребений тюрок, кимаков и кыпчаков [Гаврилова, 1965, табл. XXXI.-73; Мажитов, 1981, рис. 38.-20, 70.-2; Археологические памятники…, 1987, рис. 91.-1; Бараба…, 1988, рис. 4.-5, 5.-5; Савинов, 1994, табл. XI.-9; Самашев, 2016, рис. 212.-2, 222.-1]. Все эти псалии имеют более или менее выраженную S-видность, копируя железные образцы. Одно их окончание чаще оформлено сапожком (рыбьим хвостом), реже просто расширено и скруглено. Другое окончание часто подрезано с заострением или скруглением, но бывает и кеглевидным. Длина псалиев составляет 12,5–16,8 см, ширина 1,2–1,8 см, диаметр круглых отверстий 0,3–0,6 см, расстояние между ними 1–2 см. Бытует мнение, что в их отверстия вставлялись железные скобы, которые иногда подрисовывают штрих-пунктиром [Гаврилова, 1965, с. 82, рис. 11.-4, 16.-6, табл. XXXI.-73; Могильников, 2002, с. 61, рис. 193.-10–11]. Однако нам не известно ни одного экземпляра, где бы сохранилась такая скоба, а осмотр

отверстий 18 псалий данного типа не выявил никаких следов железа. Остается предполагать, что у них применялось архаичное ременное крепление к суголовью, аналогично двудырчатым деревянным и более ранним роговым псалиям, несмотря на меньший размер отверстий.

Время бытования S-видных роговых псалиев определяется IX–XI вв. [Могильников, 2002, с. 88], но хронологические рамки, видимо, можно сузить до 2-й половины IX – X в. Исходной территорией появления таких псалиев, учитывая количество находок, следует считать северные предгорья Алтая.

Пряжки, с помощью которых застегивались ремни суголовья, представлены шестью изделиями из двух могил (табл. 2.-*20, 31*). Все они сделаны из бронзы, а лицевая поверхность экземпляров из Объездного еще покрыта позолотой. Пряжки цельнолитые, рельефные, состоят из рамки и щитка. Место перехода щитка в рамку выделено валиком и там имеется отверстие для железного подвижного язычка, который у большинства изделий сохранился фрагментарно. На внутренней стороне щитка есть по два шпенька для прикрепления к ремню. Рамка снабжена прорезью для продевания свободного окончания ремня. По форме рамки и щитка все пряжки относятся к одному типу – с сердцевидной рамкой и овально-прямоугольным щитком. Абрис рамки на ассоциативном уровне напоминает условное изображение сердца. Щиток похож на фигуру с прямым основанием, параллельными длинными сторонами и закругленной короткой стороной. По декоративному оформлению носика рамки их можно разделить на два варианта. *Вариант а* – с острым носиком. Внешняя сторона рамки посередине имеет простое заострение: Объездное-2, курган №2 – 4 экз. [Алтай в зеркале веков, 2001, с. 60]. *Вариант б* – с раздвоенным носиком. Посередине внешней стороны рамки имеется фигурный выступ из двух валиков с желобком между ними: Филин-I, курган №2 – 2 экз., длина пряжек 4,1–4,2 см, ширина рамки 3–3,1 см, ширина щитка 1,7–1,8 см (рис. 48.-*2–3*; 119.-*1*).

Рассмотренные пряжки восходят к тюркским изделиям, имевшим овальную рамку. Начиная со 2-й половины VIII в. у части тюркских уздечных пряжек рамка стала приобретать сердцевидную форму за счет выделения носика [Савинов, 1982, рис. 13.-8]. Более широко пряжки с сердцевидной рамкой распространились с середины IX в. у кимаков, кыпчаков и кыргызов [Могильников, 2002, с. 99–100]. В материалах сросткинской культуры уздечные пряжки с острым носиком (*вариант а*) встречены в памятниках 2-й половины IX – 1-й половины XI в., а пряжки с раздвоенным носиком (*вариант б*) – в памятниках 2-й половины X – 1-й половины XI в. [Горбунов, Ситников, 2001, рис. 3.-10–14; Могильников, 2002, рис. 44.-17, 51.-1, 69.-13, 85.-3, 138.-1, 167.-3].

Наконечники, укреплявшие и украшавшие окончания ремней суголовья, насчитывают 31 экз. из 11 погребений (табл. 2.-*6, 8, 10, 20–23, 25, 28–30*). Еще в одной могиле их число не известно (табл. 2.-*19*). В конструкции наконечников уздечных ремней выделяются корпус, шпеньки и фиксаторы. Корпус чаще всего сделан в виде рельефной пластины с широкой центральной частью и короткими бортиками, значительно реже – из плоской пластины. Наконечники крепились к ремням при помощи шпеньков из цилиндрических стерженьков, отливаемых или привариваемых к тыльной поверхности корпуса или вставляемых в сквозные отверстия пластины. Шпеньков может быть два (один у верхнего, а другой у нижнего края корпуса) (рис. 38.-*21*) или три (два у верхнего и один у нижнего края) (рис. 28.-*10*). Их стерженьки имели плоские окончания, которые после продевания в отверстия, пробитые в ремне, могли расплющиваться, образуя небольшие шляпки. На шпеньки некоторых наконечников с тыльной стороны ремня надевался фиксатор из крупной пластины, по форме повторяющей корпус. При этом окончания шпеньков расклепывались, прижимая фиксатор к кожаной основе (рис. 87.-*3–8*).

По материалу изготовления наконечники ремней нашей серии можно разделить на группы, по наличию или отсутствию бортиков – на отделы, по общему абрису – на типы, а по особенностям декора – на варианты.

Группа I. Из цветных металлов. Наконечники могли быть изготовлены из меди, бронзы, латуни и серебра, а часть из них еще и позолочена (амальгамирование).

Отдел I. С бортиками. Края наконечника загнуты под прямым или тупым углом, образуя неширокие бортики.

Тип 1. Овально-прямоугольные. Абрис наконечника напоминает фигуру с прямым верхним краем, параллельными боковыми сторонами и закругленным нижним краем. *Вариант а* – фигурно-скобчатые, фестончатые с зооморфным орнаментом. Верхний край наконечника имеет выемку в виде фигурной скобки, боковые стороны оформлены полукруглыми выступами – фестонами, на лицевой поверхности изображение крылатого оленя: Плотниково – 1 экз., длина 3,7 см, ширина 2,2 см (рис. 119.-*2*). *Вариант б* – фестончатые с растительным орнаментом. Бортики наконечников со всех сторон имеют по одному полукруглому выступу-фестону, на лицевой поверхности изображение раскрытых и закрытых цветочных бутонов и побегов: Объездное-2, курган №2 – 6 экз. [Алтай в зеркале веков, 2001, с. 60]; Рогозиха-1, курган №15 – 1 экз., 3,5×2,4 см (рис. 119.-*3*).

Тип 2. Пятиугольные. Абрис наконечника близок к пятиугольной фигуре. *Вариант а* – фестончатые с растительным орнаментом. Верхний край и боковые стороны наконечника оформлены полукруглыми выступами, на лицевой поверхности имеются изображения цветочных бутонов, трилистников и семилистников, расположенных друг над другом по три или по пять штук: Грязново-II, курган №5 – 3 экз., 5,7–6×2 см (рис. 119.-*4*); Филин-I, курган №1 – 6 экз., 5,4×2 см (рис. 38.-*10–12, 21–22*; 119.-*5*).

Тип 3. Килевидные. Абрис наконечника напоминает килевидную фигуру. *Вариант а* – фигурно-скобчатые с растительным орнаментом. Верхний край наконечника оформлен выемкой в виде фигурной скобки, на лицевой стороне три нервюры-линии, между которыми симметрично расположенные листья: Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 1 экз., 5,3×1,2 см (рис. 66.-*16*; 119.-*6*). *Вариант б* – фигурно-скобчатые с орнитоморфным орнаментом. Верхний край такой же, как у предыдущего варианта. Под ним на лицевой стороне расположено изображение ромба с двумя циркульными кругами, похожее на личину птицы (совы?): Рогозиха-1, курган №10, могила-3 – 1 экз., 7,6×1,7 см (рис. 119.-*7*). *Вариант в* – фигурно-скобчатые с геометрическим орнаментом. Верхний край аналогичен предыдущим, на лицевой стороне три смыкающиеся нервюры: Грань, одиночный курган – 2 экз., 7,5×1,9–2 см (рис. 28.-*7, 10*; 119.-*8*). *Вариант г* – V-образные с геометрическим орнаментом. Верхний край наконечника оформлен выемкой в виде латинской буквы «V», на лицевой стороне сделаны нервюры, вписанные друг в друга: Заковряшино, курган – 1 экз. (обломан), 4,7×2 см (рис. 119.-*9*); Поспелихинский, курган – 1 экз., 7×1,6 см (рис. 119.-*10*).

Группа II. Железные. Наконечники изготовлены из железа.

Отдел I. С бортиками.

Тип 4. Пятиугольные. *Вариант а* – ровные. Стороны изделия не имеют выступов или выемок: Прудской, курган №5 – 6 экз., 6,2–6,4×2,6–2,8 см (рис. 87.-*3–8*; 119.-*11*).

Отдел. II. Без бортиков. Наконечник сделан из простой пластины с прямыми или завальцованными краями.

Тип 5. Килевидные. *Вариант а* – ровные: Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 2 экз. (обломаны), 4,5–5×2,4 см (рис. 62.-*4, 7*).

Среди наконечников уздечных ремней из курганов Приобского плато типологически наиболее ранним является экземпляр типа 1а. Он восходит к изделиям тюркской традиции 2-й половины VII – 1-й половины IX в., сначала имевшим овально-прямоугольную форму с ровными боковыми сторонами и прямым верхним краем, которые затем, видимо с VIII в., стали оформляться фестончатыми выступами и фигурно-скобчатой выемкой [Савинов, 1982, рис. 13.-1–3; Овчинникова, 1990, с. 89, рис. 40.-19–21]. Во 2-й половине VIII – 1-й половине IX в. такие наконечники отложились в ранних погребениях сросткинской культуры, на них появился и зооморфный орнамент [Бородаев, Горбунов, 1995, с. 155–157, рис. 2.-3–4, 9]. Четыре точных

аналогии типу 1а есть в коллекции П.К. Фролова из района г. Змеиногорска, которая содержит крупную серию предметов от уздечной и поясной гарнитуры, добытых в средневековых курганах [Король, 2008, с. 192–193, 213, рис. 63.-4, табл. 25.-9]. Завершают рассматриваемую линию развития наконечники типа 1б, встречающие аналогии в памятниках Алтае-Саянской горной страны, северо-западных предгорий Алтая и Восточного Казахстана 2-й половины IX – X в. [Овчинникова, Длужневская, 2000, рис. 15.-5; Могильников, 2002, рис. 32.-20; Король, 2008, табл. 23.-17–22; Самашев, 2016, рис. 213.-9–13].

Наконечники ремней типа 2 происходят от типа 1, но представляют собой уже новую линию развития уздечной гарнитуры, которая основана на более удлиненных пропорциях с обязательным заострением нижнего края. Аналогии типу 2а известны от Минусинской котловины до Семиречья в памятниках 2-й половины IX – 1-й половины XI в. [Археологические памятники..., 1987, рис. 97.-37; Могильников, 2002, рис. 48.-16; Король, 2008, с. 165–166, рис. 39.-1, 40.-2–4, табл. 23.-31–32, 34–35].

Изделия типа 3 являются дальнейшим развитием типа 2 и наиболее многочисленны в материалах сросткинской культуры 2-й половины X – 1-й половины XI в. Аналогии типу 3а есть в Шадринцево-1, типу 3б – в Гилево-XV, типу 3в – в Ивановке-III, типу 3г – в Шадринцево-1 [Неверов, Горбунов, 1996, рис. 5.-13, 6.-1–4; Памятники истории..., 1996, рис. 12; Алехин, 1998а, рис. 3.-1–2]. Наконечники типа 3а также известны в тюркском памятнике 2-й половины X – 1-й половины XI в. из Минусинской котловины, а типа 3г – в памятниках кимаков, кыпчаков и тюрок 2-й половины X – XI в. [Археологические памятники..., 1987, рис. 100.-12; Бараба в тюркское время, 1988, рис. 30.-7; Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, рис. 3.-2–4, 9–11; Худяков, 2004, рис. 81.-2–3, 6–9, 82.-1–6; Король, 2008, с. 174–175, рис. 49.-2].

Наконечники ремней типов 4 и 5 повторяют своей формой, соответственно, типы 2 и 3 в железном материале. Аналогии типу 4а известны в погребениях Предалтайской равнины на могильниках Гилево-I – середина IX – 1-я половина X в. и Гилево-XIII – конец X – 1-я половина XI в. [Могильников, 2002, с. 91, рис. 4.-2, 106.-7, 216.-17], а также в погребении Кузнецкой котловины на могильнике Конево – 2-я половина XI – XII в. [Илюшин, 2012, рис. 13.-4]. Аналогии типу 5а есть на памятниках Гилево-XIII, Балтарган – 2-я половина X – XI в., Ближние Елбаны-XVI – 2-я половина XI – XII в. [Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995, рис. 3.-6; Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, рис. 2.-3; Могильников, 2002, рис. 106.-1, 107.-19].

Тренчики, служившие для продевания и закрепления ремней суголовья, представлены восемью изделиями из трех могил (табл. 2.-20, 25, 30). В погребении кургана №2 могильника Объездное-2 были найдены пять таких изделий из цветного металла, позолоченные на лицевой стороне. Они цельные и отлиты из довольно узких полос, образующих прямоугольник [Алтай в зеркале веков, 2001, с. 60]. В кургане №1 могильника Филин-I среди конского снаряжения найден один тренчик из бронзы. Он сделан из металлической полосы (частично повреждена), согнутой в прямоугольник со скругленными углами и небольшими вдавлениями посередине. Ширина полосы тренчика 1 см, толщина 0,1 см, размеры окаймляемого пространства 2,4×0,9 см (рис. 37.-*4*; 119.-*12*). В погребении кургана №5 могильника Прудской, среди комплекта конского снаряжения, найдены два тренчика, откованных из железных полос. Оба повреждены. Они были согнуты в прямоугольник со скругленными углами. Ширина полос тренчиков 1,3 см, толщина 0,2–0,3 см, размеры окаймляемого пространства, судя по наконечникам ремней, 2,7×1,5 см (рис. 87.-*1–2*; 119.-*13*).

В эпоху Средневековья тренчики из цветных металлов и железа имели весьма широкое распространение как в уздечных, так и поясных наборах. Их форма в большинстве случаев была самой простой. Поэтому типологический анализ не даст результатов. Можно лишь отметить, что в материалах сросткинской культуры (и Приобское плато здесь не исключение) тренчики из цветных металлов использовались вместе с другой гарнитурой из того же материала, а железные – с железной гарнитурой. От-

носительно небольшое количество найденных тренчиков, видимо, указывает на то, что их часто делали из кожаных полос.

Распределители ремней насчитывают 10 экз. из двух могил (табл. 2.-*22, 25*). Все они сделаны из железных стержней овального или округлого сечения, сомкнутых в кольцо. По отсутствию и наличию дополнительных деталей их можно разделить на два типа.

Тип 1. Кольчатые. Распределитель состоит только из простого кольца: Прудской, курган №5 – 4 экз. от одной узды, диаметр кольца 3,2 см, диаметр стержня 0,5–0,7 см (рис. 84.-*13–16*; 119.-*14*); Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 2 экз. от одной узды (неполный комплект, обломаны), 3,7–4,4×0,6–0,9 см (рис. 62.-*3, 5*).

Тип 2. Кольчатые однолопастные. Кольца распределителей снабжены одной лопастью-зажимом, которая перегнута через кольцо и снабжена шпеньком со шляпкой для фиксации ремня. Окончания лопастей имеют оформление в виде ромбовидной фигуры: Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 4 экз. от одной узды (второй комплект, одно изделие обломано), размеры кольца 3,9–4,7×0,5–1 см, длина лопасти 5,7–6,3 см, наибольшая ширина 2,2–3 см, толщина 0,5–0,7 см (рис. 63.-*1–4*; 119.-*15*).

Кольчатые железные распределители уздечных ремней из двух экземпляров известны по материалам тюркской культуры 2-й половины VII – 1-й половины VIII в., где они имели по три фигурных лопасти-зажима [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 7.-12–13]. Однако гораздо чаще такие распределители (в количестве трех штук) использовались тюрками в составе стрелковых поясов [Кубарев, 2005, с. 95–96]. Применение в составе узды четырехкольчатых распределителей стало характерным для периода XI–XIV вв., и такие комплекты встречаются от Западной Сибири до Восточной Европы [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 71]. Наиболее точные соответствия типу 1 есть в погребении XI–XII вв. Змеинкинского могильника (Среднее Причулымье) [Беликова, 1988, с. 117–119, 123, рис. 4, 5.-3, 7, 6.-1, 6], а типу 2 – в погребениях могильника 2-й половины X – 1-й половины XI в. Ишаново (Кузнецкая котловина) [Илюшин, 2014, рис. 29.-4, 6, 84.-11].

Бляхи-накладки на функциональные и декоративные ремни суголовья являются самой многочисленной серией среди деталей узды в курганах Приобского плато. 103 экз. различных блях найдено в 15 могилах (табл. 2.-*4, 6, 8, 10, 13, 15–17, 20–23, 25, 30–31*), 2 экз. происходят со сборов (табл. 2.-*11а*). И еще в одном объекте их число неизвестно (табл. 2.-*19*). Конструктивно бляхи-накладки близки к наконечникам ремней и также состоят из корпуса, шпеньков и фиксаторов. Большинство блях накладывалось на ремень полностью, но некоторые изделия могли крепиться лишь к краю ремня и свешивались с него. В зависимости от размеров бляхи-накладки снабжались шпеньками от одного до пяти. Их стерженьки могли иметь плоские окончания и в этом случае продевались через отверстия, пробитые в ремне, или имели острые окончания, протыкая ремень. В последнем случае они круто загибались, вонзаясь в тыльную сторону ремня (рис. 28.-*6*). На плоские шпеньки с тыльной стороны ремня могли надеваться фиксаторы, а окончание шпенька расклепывалось. Встречаются фиксаторы в виде пластин на каждый шпенек (рис. 37.-*1*), в виде одной пластины на два шпенька (рис. 38.-*13*) и в виде крупной пластины, повторяющей форму корпуса бляхи, сразу на все шпеньки (рис. 85).

По материалу изготовления бляхи-накладки делятся на группы, по наличию или отсутствию бортиков – на отделы, по общему абрису корпуса – на типы, по декоративному оформлению – на варианты.

Группа I. Из цветных металлов. 84 бляхи-накладки. Они изготовлены из меди, бронзы и латуни, часть вещей позолочена.

Отдел I. С бортиками. Центральная часть бляхи, плоская или рельефная, по краям снабжена бортиками, расположенными к ней под углом.

Тип 1. Прямоугольные. Абрис бляхи представляет собой фигуру, близкую к прямоугольнику. *Вариант а* – фигурно-скобчатые, фестончатые с зооморфным орнаментом

и кольчатым ушком. Боковые стороны бляхи имеют выемки в виде фигурной скобки, верхний и нижний края оформлены полукруглыми выступами – фестонами, на лицевой поверхности изображение крылатого оленя с раздвоенным побегом. Нижний край бляхи снабжен выступающим кольцом: Плотниково – 5 экз. (частично обломаны), длина 3,9–4 см, ширина 2,5 см, диаметр кольца 1,6 см (рис. 119.-*16*). *Вариант б* – фестончатые. Бортики бляхи со всех сторон имеют по одному полукруглому выступу: Мало-Панюшово, могила – 1 экз. (обломан), 3,6×2,4 см (рис. 119.-*17*). *Вариант в* – фестончатые с растительным орнаментом. Бляхи со всех сторон и иногда по углам имеют полукруглые выступы. Их лицевая поверхность украшена раскрытыми и закрытыми цветочными бутонами и побегами: Быково, курган – 4 экз., 5,5×3 см (рис. 119.-*18*); Заковряшино, курган, могила – 1 экз., 3,9×2,5 см (рис. 119.-*19*); Объездное-2, курган №2 – 13 экз. [Алтай в зеркале веков, 2001, с. 60]. *Вариант г* – ровные, с растительным орнаментом. Стороны изделия не имеют выступов или выемок, лицевая поверхность украшена изображением шести лепестков: Грань, одиночный курган – 1 экз., 2,1×1,7 см (рис. 28.-*6*; 119.-*20*).

Тип 2. Пятиугольные. Абрис бляхи представляет собой фигуру с пятью выраженными углами. *Вариант а* – V-образные с геометрическим орнаментом. Верхний край бляхи оформлен выемкой в виде латинской буквы «V», на лицевой стороне нервюры, образующие линейное орнаментальное поле из трех зон (вверху «галочка», внизу два «окошка»): Грань, одиночный курган – 1 экз., 1,9×1,6 см (рис. 28.-*5*; 119.-*21*); Поспелихинский, курган, могила – 2 экз., 2,1×1,5 см (рис. 119.-*22*). *Вариант б* – V-образные, с растительным орнаментом. Лицевая поверхность бляхи украшена симметричными побегами: Кучук-1, курган №7, могила-1 – 1 экз., 1,7×1,4 см (рис. 119.-*23*). *Вариант в* – V-образные, фестончатые, с орнитоморфным орнаментом. Лицевая поверхность бляхи украшена изображением летящей утки и двумя цветочными бутонами по верхним углам: Филин-I, курган №1, могила – 16 экз., 1,9–2,2×1,5–1,6 см (рис. 38.-*1–9, 13–18*; 119.-*24*). *Вариант г* – фестончатые, с антропоморфным орнаментом. Лицевая поверхность бляхи украшена изображением, напоминающим фигурку человека: Ильинка – 1 экз., 1,8×1,4 см (рис. 119.-*25*).

Тип 3. Ярусно-ромбовидные. Абрис бляхи напоминает два ромба, в месте соединения которых имеется выраженный перехват. *Вариант а* – фестончатые, с растительным орнаментом. Лицевая поверхность бляхи украшена изображением цветочных бутонов и побегов: Объездное-2, курган №2 – 2 экз. [Алтай в зеркале веков, 2001, с. 60].

Тип 4. Ладьевидные. Абрис бляхи напоминает схематичное изображение ладьи, где изогнутая часть ассоциируется с корпусом, выступ по центру – с мачтой, а хвостовидные окончания – с носом и кормой. *Вариант а* – фестончатые, с растительным орнаментом. Лицевая поверхность бляхи украшена изображением пятилистника, трилистников и побегов: Филин-I, курган №1 – 2 экз., 3,6×1,6 см (рис. 37.-*1б*; 119.-*26*).

Тип 5. Сердцевидные. Абрис бляхи напоминает условное изображение сердца. *Вариант а* – фестончатые, пятидольные. Поверхность бляхи рельефом разделена на пять частей: Кипринский Борок-7 – 2 экз., 1,6×0,9 см (рис. 119.-*27*). *Вариант б* – ровные, с растительным орнаментом. Лицевая поверхность бляхи украшена изображением цветочного бутона или трилистника, а также симметричными побегами: Грань, одиночный курган – 3 экз., 2,1–2,2×1,6–2 см (рис. 28.-*3–4, 9*; 119.-*28–29*); Грязново-II, курган №5 – 2 экз., 1,9–2×1,6–1,8 см (рис. 119.-*30*); Объездное-2, курган №2 – 9 экз. [Алтай в зеркале веков, 2001, с. 60]. *Вариант в* – фестончатые, с растительным орнаментом. Лицевая поверхность бляхи украшена изображением пятилистника и побегов: Филин-I, курган №1 – 4 экз., 1,6–1,7×1,4 см (рис. 37.-*1в–г*; 38.-*19–20*; 119.-*31*). *Вариант г* – ровные, с орнитоморфным орнаментом. На лицевой стороне изображение двух глаз и ромбовидного носа, в целом похожее на личину птицы (совы?): Ильинка – 1 экз., 1,5×1,3 см (рис. 119.-*32*).

Тип 6. Сердцевидные, с псевдоколокольчиком. От предыдущего типа отличается наличием в центре рельефного выступа, имитирующего половинку колокольчика с проре-

зью. *Вариант а* – ровные, с ложнозернистым орнаментом. По периметру бляхи с лицевой поверхности располагаются небольшие выпуклины, имитирующие зернь: Поспелихинский, курган – 1 экз., 3,8×3,6 см (рис. 119.-*33*). *Вариант б* – фестончатые, с ложнозернистым орнаментом: Филин-I, курган №1 – 1 экз., 3,5×2,8 см (рис. 37.-*2*; 119.-*34*).

Тип 7. Трехлопастные. Абрис бляхи напоминает трехлучевую звезду. *Вариант а* – Y-образные, фестончатые. Лопасти бляхи расходятся от круглого центра под тупым, иногда почти прямым, углом и оформлены полукруглыми выступами: Мало-Панюшово, могила – 1 экз. (обломан), 3,7×2,5 см (рис. 119.-*35*). *Вариант б* – Y-образные, фестончатые, с зооморфным орнаментом. На лицевой поверхности бляхи – изображения трех крылатых оленей: Плотниково – 1 экз. (обломан), 5,8×3 см (рис. 119.-*36*). *Вариант в* – Т-образные, фигурно-скобчатые, с растительным орнаментом. Лопасти бляхи расходятся от центра под прямым углом, а сам центр слабо выступает за границу верхних лопастей. Каждая сторона лопасти имеет по одному выступу в виде фигурной скобки. Лицевая поверхность украшена изображениями цветочных бутонов, листьев и побегов: Объездное-2, курган №2 – 4 экз., 7,8×5,8 см (рис. 119.-*37*).

Отдел. II. Без бортиков. Бляха представляет собой уплощенную или рельефную пластину с прямыми или завальцованными краями.

Тип 8. Прямоугольные. *Вариант а* – ровные, с растительным и ложнозернистым орнаментом. Лицевая поверхность бляхи украшена побегами с листьями и выпуклинами, имитирующими зернь: Грань, одиночный курган – 1 экз. (обломан), 1×1 см (рис. 28.-*2*; 119.-*38*); Кучук-1, курган №6, могила-1 – 1 экз. (обломан), 2×1 см (рис. 119.-*39*); Филин-I, курган №1 – 2 экз. (один обломан), 1–2×0,8 см (рис. 37.-*1е, 3*; 119.-*40*).

Тип 9. Круглые. Абрис бляхи соответствует правильному кругу. *Вариант а* – ровные, с умбоном. В центре изделия находится полусферический выступ округлой формы: Филин-I, курган №2 – 1 экз., диаметр 1,5 см (рис. 48.-*1б*; 119.-*41*).

Тип 10. Сердцевидные. *Вариант а* – с выемкой по верхнему краю: Филин-I, курган №2 – 1 экз., 6,7×6 см (рис. 48.-*1а*; 120.-*1*). *Вариант б* – ровные: Филин-I, курган №1 – 1 экз., 10×9,3 см (рис. 37.-*1а*; 120.-*2*).

Группа II. Железные. 19 блях-накладок, изготовленных из железа.

Отдел. II. Без бортиков.

Тип 11. Сердцевидные. *Вариант а* – ровные: Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 1 экз., 9,8×8,2 см (рис. 62.-*1*; 120.-*3*). *Вариант б* – двойные, ровные, с умбоном. Бляха состоит из двух одинаково профилированных пластин, каждая из которых имеет полусферический выступ. Между ними находился металлический шарик: Прудской, курган №5 – 3 экз. (частично обломаны), 6,7–8,8×5,9–8,8 см (рис. 85.-*1–2*; 86.-*1*; 120.-*4–6*). *Вариант в* – ровные, с умбоном: Прудской, курган №5 – 15 экз. (часть фрагментирована), 2–2,8×1,9–2,4 см (рис. 86.-*3–17*; 120.-*7–9*).

Бляхи-накладки прямоугольной формы (тип 1) появились в составе узды у тюрок с VIII в. [Кубарев, 2005, табл. 128.-1, 138.-4–11] и в дальнейшем активно применялись кыргызами, а также населением сросткинской культуры. Типы 1а и 1б не имеют точных аналогий, но такие их признаки, как кольчатое ушко, фестоны, зооморфный декор и отсутствие или неразвитость растительного орнамента, находят соответствия в ранних сросткинских памятниках 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. [Бородаев, Горбунов, 1995, рис. 2.-6, 9]. Типам 1в и 1г аналогии есть среди кыргызских и сросткинских материалов середины IX – X в. [Нечаева, 1966, рис. 24.-4; Овчинникова, Длужневская, 2000, с. 37, рис. 11.-16; Могильников, 2002, рис. 23.-25, 91.-1; Король, 2008, табл. 17.-1, 23.-1–16].

Пятиугольные бляхи-накладки (тип 2) входили в состав узды у средневековых кочевников Алтае-Саянской горной страны и юга Западной Сибири с середины IX в. Тип 2а имеет точные аналогии в тюркских и сросткинских памятниках 2-й половины X – XI в. [Неверов, Горбунов, 1996, рис. 5.-11; Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, рис. 3.-14–19, 22–24, 26–28, 31–33; Худяков, 2004, рис. 81.-9, 82.-7–13, 83.-5–8]. Тип 2б распространен в сросткинских материалах середины X – 1-й половины XI в. [Могильников,

2002, рис. 54.-2]. Тип 2в встречает точные соответствия в сросткинском памятнике 2-й половины IX – 1-й половины X в. [Горбунов, Тишкин, 2018а, рис. 2.-20], а также в кыпчакском памятнике XI в., где такие бляхи использовались для пояса [Бараба…, 1988, с. 89, рис. 40.-3]. Типу 2г аналогий пока не найдено.

Бляхи ярусной ромбовидной формы (тип 3), видимо, происходят от тюркских листовидных изделий с перехватом VIII–IX вв. [Овчинникова, 1990, рис. 40.-17; Кубарев, 2005, табл. 138.-12]. Аналогии типу 3а встречаются в материалах из кыргызских, тюркских и сросткинских памятников 2-й половины IX – 1-й половины XI в. [Неверов, Горбунов, 1996, рис. 5.-10; Горбунов, Ситников, 2001, рис. 2.-3–4; Худяков, 2004, рис. 78.-2–3, 81.-8, 83.-9; Король, 2008, рис. 23.-4–7].

Ладьевидные бляхи-накладки (тип 4) стали использоваться в уздечной гарнитуре населением Алтае-Саянской горной страны, юга Западной Сибири и Восточного Казахстана с X в. Близкие соответствия типу 4а есть в материалах из кимакских, тюркских и сросткинских памятников X–XI вв. [Кирюшин, Шамшин, Нехведавичюс, 1994, рис. 6.-7; Неверов, Горбунов, 1996, рис. 6.-1–6; Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, рис. 3.-7; Трифонов, Илюшин, Алехин, 1998, рис. 8.-8–9; Могильников, 2002, рис. 69.-1; Худяков, 2004, рис. 78.-1, 5, 83.-14].

Сердцевидные бляхи (тип 5) были весьма популярными у средневековых кочевников Евразии. Населением сросткинской культуры они использовались и в узде, и в поясах с середины VIII в. Тип 5а имеет аналогии в материалах из памятников 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. [Грязнов, 1956, табл. LVII.-8–9; Бородаев, Горбунов, 1995, рис. 2.-7]. Тип 5б находит соответствия среди обнаруженных артефактов середины IX – 1-й половины XI в. [Тишкин, 1993а, рис. 3.-12, 14; 1993б, рис. 4.-15, 18; Могильников, 2002, рис. 41.-2, 44.-2, 6–7]. Тип 5в встречает точные аналогии в находках из памятника 2-й половины IX – 1-й половины X в. [Горбунов, Тишкин, 2018а, рис. 2.-19, 21]. Тип 5г близок к изделиям из археологического комплекса 2-й половины X – 1-й половины XI в. [Памятники истории…, 1996, рис. 12; Алехин, 1998а, рис. 3.-14].

Бляхи сердцевидной формы с имитацией колокольчика (тип 6), увеличенных пропорций (по сравнению с предыдущим типом) появились у кыргызов с IX в. [Евтюхова, 1948, с. 72, рис. 144] и весьма разнообразны. Типы 6а и 6б не имеют точных аналогий, но близкие им изделия есть в материалах из кимакских и сросткинских памятников 2-й половины IX – 1-й половины XI в. [Археологические памятники…, 1987, рис. 97.-41; Кирюшин, Шамшин, Нехведавичюс, 1994, рис. 6.-10; Неверов, Горбунов, 1996, рис. 6.-5–6; Трифонов, Илюшин, Алехин, 1998, рис. 7.-2, 8.-8–9, 11; Могильников, 2002, рис. 69.-8, 12, 85.-11, 138.-9].

Трехлопастные бляхи (тип 7) обычно называют в литературе тройниками и относят к распределителям ремней [Овчинникова, 1990, с. 89; Григоров, 1998, с. 152]. Они действительно помещались на ремни суголовья в месте их пересечения, но крепятся к ним как обычные бляхи, а не служат для соединения разных ремней, как настоящие распределители. Данные изделия стали появляться в составе тюркской узды во 2-й половине VII – 1-й половине VIII в. [Кубарев, 2005, с. 124, табл. 28.-1–2, 128.-1, 138.-13, 140.-1] и затем широко распространились от Алтае-Саянского региона до Южного Урала. Бляхи Y-образной формы характерны для VIII – середины IX в., а T-образной формы – для 2-й половины IX – X в. [Григоров, 1998, с. 158, рис. 1–2]. Тип 7а находит аналогии в раннесросткинских материалах 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. [Бородаев, Горбунов, 1995, рис. 2.-5; Григоров, 1998, рис. 1.-2]. Тип 7б не имеет точных аналогий, но по оформлению лопастей также близок к раннесросткинским образцам [Григоров, 1998, рис. 1.-2, 4]. Тип 7в встречает точные аналогии в материалах из кыргызских и сросткинских памятников 2-й половины IX – X в. [Могильников, 2002, рис. 131.-1–2; Король, 2008, рис. 35, табл. 23.-1–7].

Узкие прямоугольные бляхи (тип 8) появились в составе уздечной гарнитуры у населения Алтае-Саянской горной страны и юга Западной Сибири с X в. Изделия, сходные с типом 8а, есть в тюркских и сросткинских археологических комплексах X–XI вв.

[Неверов, Горбунов, 1996, рис. 5.-6, 6.-1-2; Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, рис. 3.-25, 29–30; Могильников, 2002, рис. 171.-6; Худяков, 2004, рис. 81.-8–9, 83.-9–10].

Бляхи-накладки круглой формы (тип 9), весьма распространенные в тюркской узде VI–VIII вв. [Овчинникова, 1990, с. 88, рис. 40.-1–2, 4–5, 10], у населения сросткинской культуры чаще применялись на поясах. Единственная уздечная находка этого типа на Приобском плато служила для крепления к налобному ремню более крупной бляхи (рис. 48.-*1*). Подобная конструкция встречается среди кимакских и сросткинских материалов 2-й половины IX – 1-й половины XI в. [Боровков, 2001, рис. 4; Могильников, 2002, рис. 85.-8, 138.-6]. Тип 9а имеет точную аналогию в памятнике середины X – 1-й половины XI в. с Предалтайской равнины [Могильников, 2002, рис. 48.-12].

Сердцевидные бляхи крупных размеров (тип 10) в литературе называются налобными, так как действительно часто крепились к налобному ремню суголовья [Могильников, 2002, с. 89]. Они получили распространение у кочевников Восточного Казахстана и юга Западной Сибири с середины IX в. Тип 10а имеет аналогии в кимакских и сросткинских материалах 2-й половины IX – 1-й половины XI в. [Археологические памятники…, 1987, рис. 97.-42; Горбунов, Ситников, 2001, рис. 2.-1; Могильников, 2002, рис. 85.-8, 193.-8]. Исходные изделия типа 10б есть среди находок из тюркских и кыргызских археологических объектов VIII–IX вв. [Овчинникова, 1990, с. 88, рис. 40.-14], а близкие аналогии – из кимакских и сросткинских памятников 2-й половины IX – 1-й половины XI в. [Археологические памятники…, 1987, рис. 81.-2; Кирюшин, Шамшин, Нехведавичюс, 1994, рис. 6.-8; Боровков, 2001, рис. 4].

Сердцевидные бляхи из железа (тип 11), как украшения налобного ремня, стали применяться тюрками во 2-й половине VII – 1-й половине VIII в. [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117, рис. 7.-10]. Однако более широкое распространение они получили лишь с X в., в том числе и в виде мелких блях, подобных типу 5. Тип 11а не имеет точных аналогий, но, кроме материала, вполне сопоставим с типом 10б. Тип 11б находит близкие соответствия в кимакских и сросткинских археологических материалах X–XII вв. [Археологические памятники…, 1987, рис. 81.-12; Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995, рис. 3.-18; Могильников, 2002, рис. 105.-2–5, 107.-3–5]. Тип 11в встречает точные аналогии среди предметов сросткинской культуры, датируемых серединой X – 1-й половиной XI в. [Могильников, 2002, рис. 106.-2, 4]. Похожие изделия есть в кыпчакских материалах 2-й половины XI – XII в. [Илюшин, 2012, рис. 5.-6, 7.-3–8].

Султанчики служили для украшения наносного ремня суголовья. В памятниках Приобского плато обнаружено только три таких изделия (табл. 2.-*22, 25, 28*). Конструктивно они состоят из двух деталей, расположенных перпендикулярно друг другу: это вертикальная втулка, в которую помещался пучок волос, и бляха-накладка, крепившаяся горизонтально на ремень с помощью шпеньков. Втулка обычно сворачивалась из листа металла, вставлялась в отверстие посредине бляхи и расклепывалась с ее внутренней стороны. Найденные султанчики по материалу изготовления можно разделить на группы, а по форме тела втулки и силуэту бляхи-накладки в продольной плоскости – на типы.

Группа I. Из цветного металла.

Тип 1. Цилиндрические, шестиугольные. Тело втулки представляет собой цилиндр, а абрис бляхи-накладки имеет шесть выраженных углов, с небольшими поджатиями коротких сторон и более выраженными у длинных сторон: Рогозиха-1, курган №10, могила-3 – 1 экз., длина втулки 6,3 см, диаметр 0,8 см, длина накладки 4,2 см, ширина 2,2 см (рис. 120.-*10*).

Группа II. Железные.

Тип 2. Цилиндрические, линзовидные. Тело втулки как у предыдущего типа, абрис накладки напоминает сильновыпуклую линзу: Прудской, курган №5, могила – 1 экз., втулка 5,4×1,1 см, накладка – 3,3×2,5 см (рис. 86.-*2*; 120.-*11*). К этому же типу можно условно отнести поврежденную цилиндрическую втулку из могилы-4 одиночного кургана Поповская Дача, размерами 4,8×1,2 см (рис. 62.-*2*; 120.-*12*).

Составные длинновтульчатые султанчики с Приобского плато более многочисленные (7 экз.). Они находят соответствия в материалах из памятников шадринцевского этапа сросткинской культуры – 2-я половина X – 1-я половина XI в. Экземпляры, близкие типу 1, происходят из комплексов Кайгородка-V, Корболиха-VIII, Нижний Кучук-VII, Шадринцево-1, а типу 2 – из Гилево-XIII и Шестаки-I [Кирюшин, Шамшин, Нехведавичюс, 1994, рис. 6.-11; Неверов, Горбунов, 1996, рис. 6.-7–8; Горбунов, Ситников, 2001, рис. 2.-2; Могильников, 2002, рис. 105.-1, 106.-3, 107.-2, 167.-1; Кузнецов, 2004, рис. 12.-10]. Кроме этого, можно указать бронзовый и железный султанчики из тюркских курганов 2-й половины X – 1-й половины XI в., биметаллический и железный султанчики из кыргызских объектов конца X – начала XI в. и железную втулку из кыпчакского погребения 2-й половины XI – XII в. [Кызласов, 1983, табл. VI.-3–4; Скобелев, 1990, рис. 5; Худяков, 2004, рис. 83.-13; Илюшин, 2012, рис. 7.-2].

Происхождение султанчиков нашей серии справедливо связывается исследователями с бронзовыми цельнолитыми экземплярами, имевшими короткую коническую втулку [Кызласов, 1983, с. 30–31; Неверов, 1990, с. 115; Могильников, 2002, с. 90–91]. Они появились у кимаков и кыргызов в середине IX в. и бытовали до XI в., а также использовались тюрками и населением сросткинской культуры [Нечаева, 1966, рис. 5.-5; Кызласов, 1983, с. 31, табл. VI.-1; Археологические памятники..., 1987, рис. 97.-40, 106.-1; Суворова, Ткачев, 1995, рис. 5.-1; Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, рис. 3.-5; Алехин, 1998а, рис. 2.-3, 3.-8; Трифонов, Илюшин, Алехин, 1998, рис. 6.-3, 7.-2; Могильников, 2002, с. 91, рис. 44.-1, 69.-2, 85.-2, 177.-6; Худяков, 2004, рис. 78.-4]. Важно отметить, что для ареала распространения сросткинских памятников эти султанчики зафиксированы лишь в западной части Предалтайской равнины, т.е. на территории, где наблюдаются результаты прямых контактов с кыргызами и кимаками [Горбунов, 2003а, с. 41; Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005б, с. 146].

Очевидно, формирование составных султанчиков происходило в сросткинской культурной среде во 2-й половине X в. под влиянием кимакских или кыргызских образцов. Это хорошо демонстрирует изделие из Рогозихи-1, бляха-накладка которого имеет свою слегка выступающую втулку со вставленной в нее высокой втулкой (рис. 120.-*10*). Сначала при изготовлении составных султанчиков продолжала применяться бронза, но, судя по датировке кыргызских экземпляров, на рубеже X–XI вв. произошел переход на железный материал, и в таком виде эти изделия доживали до XII в. Исходя из вышеизложенного, тип 1 можно датировать 2-й половиной X – 1-й половиной XI в., а тип 2 – XI–XII вв.

В середине XI в. появилась еще одна модификация составных султанчиков из железа, имевших длинную изогнутую по ремню накладку и укороченную раструбную втулку [Кызласов, 1983, с. 31, рис. 10–11]. Такие изделия известны в материалах из кыпчакских и кыргызских памятников 2-й половины XI – XII в. и из более поздних объектов монгольского времени (XIII–XIV вв.) [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 72, табл. 1.-5, рис. 20.-6; Илюшин, 2012, 5.-3, 35.-2]. В сросткинских комплексах они пока не найдены.

Судить о том, как выглядели полные *уздечные наборы*, применявшиеся населением сросткинской культуры, можно по нескольким находкам из курганов Приобского плато. Прежде всего, это уздечный комплект, сохранившийся в первоначальном положении на голове лошади, которая сопровождала погребение человека в кургане №2 на памятнике Объездное-2 [Телегин, 1999, с. 145; Алтай в зеркале веков, 2001, с. 60]. Его украшали и скрепляли 43 предмета из цветного металла. Судя по их расположению, суголовье этого набора включало два нащечных, затылочный, налобный, наносный и подбородочный ремни. Между налобным и наносным ремнем проходил дополнительный срединный ремень (рис. 121). Окончания нащечных ремней крепились к псалиям парой наконечников (тип 1б) и тренчиков. Очевидно, ремни перегибались через псалии и наконечники просто продевались в тренчики. За наконечниками находилось по одной бляхе типа 3а. Перекрестия нащечных ремней с налобным и наносным

украшали четыре трехлопастных бляхи (тип 7в), между которыми располагались по три других бляхи (тип 1в). Одна такая бляха украшала центр налобного ремня и еще шесть таких же блях накладывались на срединный ремень. Налобный ремень скреплялся с подбородочным при помощи пары пряжек, наконечников (тип 1б) и тренчиков. Выше наконечников располагались по три сердцевидные бляхи (одна утрачена) типа 5б. Нащечные ремни также соединялись с затылочным парой пряжек, тренчиков (один утрачен) и наконечников (тип 1б), за которыми было по две сердцевидных бляхи (тип 5б).

Второй уздечный комплект, когда-то находившийся на голове лошади, но разрушенный, происходит из могилы кургана №1 памятника Филин-I. От него остались 33 предмета из цветного металла, часть которых сохранилась на ремнях (рис. 37–38). Можно предложить реконструкцию этого набора, опираясь на числовые соответствия типов предметов и известные аналогии (рис. 122). Наличие шести наконечников (тип 2а) позволяет полагать их такое же назначение, как и у предыдущего набора: два служили для соединения нащечных ремней с псалиями, два располагались в местах перехода нащечных ремней в затылочный и два – в местах перехода налобного ремня в подбородочный. Полное отсутствие среди находок пряжек может свидетельствовать о том, что все соединения осуществлялись без них. Крепление нащечных ремней со скобами псалиев, видимо, производилось перегибом и продеванием наконечников в тренчики, из которых сохранился всего один. Затылочный и подбородочный ремни могли быть продолжением нащечных и налобного и просто связывались свободными концами. В этом случае их наконечники использовались как обычные накладки. Перекрестия таких ремней могли скреплять и украшать бляхи типа 5в. Их должно было быть четыре штуки, но в наличии только две. 16 блях с изображением утки (тип 2в), вероятно, распределялись по схеме три (рис. 38.-*1–3*) и две (рис. 38.-*4–5*) на один наконечник затылочного и подбородочного ремня. Аналогичная схема известна в уздечных наборах для лошадей тюрок и населения сросткинской культуры. Иногда она дополнялась узкими прямоугольными бляхами, имитировавшими тренчик (тип 8а) [Неверов, Горбунов, 1996, рис. 6.-1–4; Могильников, 2002, рис. 54.-2; Худяков, 2004, рис. 81.-9, 82.-7]. В нашем случае для нее надо 10 блях. Оставшиеся шесть блях типа 2в могли окаймлять перекрестия ремней – две у налобного и четыре у наносного. От срединного ремня сохранился фрагмент с крупной каплевидной бляхой (тип 11а), которая крепилась к нему двумя бляхами типа 5в и одной типа 8а. Этот ремень соединялся с центром налобного ремня ладьевидной бляхой (тип 4а). Второе такое изделие, видимо, крепило срединный ремень по центру наносного ремня, а его окончание могла венчать бляха типа 6б. Подобное использование аналогичной бляхи наблюдается в кимакской узде [Трифонов, Илюшин, Алехин, 1998, рис. 7.-2].

Третий комплект узды, который можно реконструировать (рис. 123), найден в могиле кургана №5 памятника Прудской. Несмотря на то, что захоронение человека оказалось потревожено грабителями, за стенкой рамы сохранился нетронутым 31 железный предмет, безусловно, относящийся к одному суголовью (рис. 85–87). В него опять входят шесть наконечников (тип 4а), что позволяет предположить их размещение аналогично предыдущим наборам. Четыре кольчатых распределителя (тип 1) из этого набора служили для пропускания нащечных, налобного и наносного ремней. Соединение нащечных ремней с псалиями производилось перегибом и продеванием наконечников в тренчики (сохранились 2 экз.). Присоединение подбородочного и затылочного ремней, видимо, осуществлялось перегибом окончаний ремней с наконечниками через распределители и продеванием в тренчики. Учитывая плохую сохранность последних, значительная их часть могла не сохраниться. 15 мелких блях (тип 12в), скорее всего, группировались вокруг распределителей, скрепляя ремни, а также могли применяться чисто декоративно у наконечников, например, подбородочного ремня. Многие из них сохранились фрагментарно и, возможно, их было 16 экз. Три крупные каплевидные бляхи-погремушки (тип 12б) последовательно располагались на срединном ремне. Са-

мая большая из них относится к налобному ремню, а самая малая крепилась ниже наносного ремня, по центру которого располагался султанчик (тип 2).

Уздечные наборы с Приобского плато позволяют заключить, что у населения сросткинской культуры наиболее распространенной была конструкция суголовья из сочетания нащечных, налобного, наносного и затылочного ремней. Это подтверждают изображения взнузданных коней на подвесках в виде всадников из сросткинских памятников [Горбунов, Тишкин, 2019, рис. 3–4, 5.-1–2, 6]. Срединный ремень имел чисто декоративное назначение и, видимо, был не столь обязателен. По крайней мере, на изобразительных материалах он не просматривается. Данных о наличии подгубного ремня нет.

Седло – это приспособление для верховой езды, состоящее из потника, ленчика, нагрудного и хвостового ремней, подпруги и путлищ со стременами [Гуревич, Рогалев, 1991, с. 186–188]. В курганах Приобского плато от седла сохранились металлические и костяные (роговые) изделия следующих видов: стремена, подпружные пряжки, лука ленчика, пробои от полок ленчика.

Стремена обнаружены всего в пяти захоронениях и насчитывают 11 экз. (табл. 2.-*20, 22, 28, 30, 32*). В двух могилах оказалось по паре стремян (Объездное-2, Рогозиха-1), еще в двух могилах – по три стремени (Поповская Дача, Филин-I) и в одной – одно такое изделие (Хабазино-4). Нечетное количество находок связано с ограблением или разрушением объектов, а не с наличием подобной традиции. Все стремена были сделаны из железа и сохранились либо целиком, либо фрагментарно (в этом случае они реконструируются на основе сопоставления с целыми). Дужки стремян в поперечном сечении круглые, овальные и четырехгранные (ромб или квадрат). Причем на одном изделии их сечение может меняться. Контур дужек в основном арочный, иногда округлый, но у поврежденных экземпляров это сложно установить однозначно.

По оформлению ушка стремян выделяются типы, а по оформлению подножек – варианты.

Тип 1. Петельчатые. Ушко стремени изготовлено в виде петли путем выгибания S-образно окончаний дужек и их сварки. У всех экземпляров этого типа петля вытянута по горизонтали, а у некоторых еще и приплюснута к дужкам. *Вариант а* – с прогнутой подножкой и нервюрой. Подножка стремени в продольной плоскости имеет небольшой прогиб. В поперечном сечении она Э-образна, т.е. выгнута и снабжена ребром жесткости или нервюрой как бы продолжающей дужки под ней: Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 1 экз., высота стремени 14 см, наибольшая ширина проема по дужкам 10 см, наибольшая поперечная ширина подножки 6 см, ширина отверстия под путлище 2 см (рис. 64.-*2*; 124.-*1*); Рогозиха-1, курган №10, могила-3 – 1 экз., 13,5×10,5×4,6×3,2 см (рис. 124.-*2*); Филин-I, курган №1 – 2 экз. 14–15×9,5–10,5×5,2–6,4×1,2–2,5 см, у одного стремени в подножке шесть круглых отверстий диаметром 2 мм, расположенных тремя парами (рис. 36.-*1–2*; 124.-*3–4*). *Вариант б* – с прогнутой плоской подножкой. Подножка стремени в продольной плоскости имеет прогиб, а в поперечном сечении она близка к прямоугольнику: Хабазино-4, могила – 1 экз., 15,5×10,5×3,7×2 см (рис. 124.-*5*). *Вариант в* – с прямой плоской подножкой. Подножка стремени в продольной плоскости ровная и в поперечном сечении прямоугольная: Рогозиха-1, курган №10, могила-3 – 1 экз., 13,5×10×4,4×3,2 см (рис. 124.-*6*).

Тип 2. Выделено-пластинчатые. Ушко стремени отковано в виде пластины, переход которой в дужки выделен короткой шейкой. Прорезь для ремня путлища пробита ближе к основанию пластины. *Вариант а* – с прогнутой подножкой с нервюрой: Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 1 экз., 21×11,5×7×2 см (рис. 65; 124.-*7*).

Тип 3. Невыделено-пластинчатые. Ушко стремени отковано в виде пластины, приваренной к замкнутым дужкам. Отверстие для ремня путлища образовано за счет выемки в основании пластины. *Вариант а* – с прямой плоской подножкой: Объездное-2, курган №2 – 2 экз., 16,5×12,5×4,5×2,5 см (рис. 124.-*8*); Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 1 экз., 18×9,5×5,5×2 см (рис. 64.-*1*; 124.-*9*). Условно к этому же типу

можно отнести и два обломка третьего стремени из кургана №1 памятника Филин-I с шириной подножки 5 см (рис. 40.-*1–2*).

Самые первые стремена, появившиеся в начале IV в. у сяньби, имели пластинчатое ушко [Комиссаров, Худяков, 2006, с. 264–266, табл. 1–2]. Стремена с петельчатым ушком распространились ближе к концу V в. у тюрок и подчиненных им племен Южной Сибири [Могильников, 1994, с. 111, рис. 2.-1; Савинов, 1996, с. 20, рис. 1.-1–4]. В дальнейшем две эти линии сосуществовали до начала II тыс. н.э., пока пластинчатое оформление верхней части стремени не вытеснило петельчатое. Изделия с петельчатым ушком, вытянутым по горизонтали (как у типа 1), являются более поздними, характерными для середины IX – XI в. [Неверов, 1998, с. 146]. Сочетание таких признаков стремени, как округлые дужки и горизонтальное петельчатое ушко (тип 1б), возможно для изделий 2-й половины IX в. н.э. [Неверов, 1998, с. 145–146].

Развитие стремян с пластинчатым ушком шло от экземпляров с высокой сплошной пластиной к изделиям с более короткой пластиной на шейке, а потом к стременам с низкой сплошной пластиной, которая затем окончательно сливалась с дужками. Пластинчатые стремена, аналогичные типу 2, появились у тюрок в конце V в. и активно использовались в Евразии до XI в. [Могильников, 1994, с. 111, рис. 7.-1; Неверов, 1998, с. 147–148]. Экземпляры, аналогичные типу 3, применялись в X–XII вв. кимаками, кыпчаками и населением сросткинской культуры под влиянием западных кочевников [Неверов, 1998, с. 149–150].

Подножки ранних стремян IV–VI вв. были прямыми, узкими, с высокой нервюрой – так называемые Т-образные. К концу V в. появились стремена с прямой подножкой без нервюры, а в VI в. – с прогнутой подножкой с небольшой нервюрой или без нее. В дальнейшем прямые и прогнутые подножки сосуществовали, и изменялась главным образом их ширина. Так у стремян IV–VI вв. она не превышает 2 см, а позднее этот показатель возрастал до 3–5 см и больше [Неверов, 1998, с. 144–145].

Учитывая сказанное об эволюции стремян, экземпляры нашей серии можно датировать следующим образом: типы 1а, 1в и 2а – X–XI вв.; тип 1б – 2-я половина IX в.; тип 3а – X–XII вв.

К *подпружным пряжкам* можно отнести пять изделий, найденных в пяти могилах (табл. 2.-*2, 6, 8, 24, 26*). Все они снабжены подвижными железными язычками. Следует отметить, что подпружные пряжки часто похожи на поясные, и в ограбленных могилах однозначно развести их довольно сложно. Пожалуй, основным критерием может быть увеличенная прорезь рамки. У подпружных пряжек длина превышает 2 см. У поясных пряжек она либо близка к этому значению, либо меньше него.

По материалу изготовления подпружные пряжки делятся на группы, по конструкции – на отделы, по общему абрису рамки и щитка – на типы, а по наличию деталей их оформления – на варианты.

Группа I. Железные. Основная часть пряжки изготовлена из железа.

Отдел I. Рамчатые. Конструкция пряжки представляет простую замкнутую рамку, на основание которой надет язычок.

Тип 1. Овальные. Абрис рамки в продольной плоскости близок к овалу. *Вариант а* – без деталей оформления: Боровиково-IV, курган №1, могила-1 – 1 экз., длина пряжки 4 см, ширина 4,2 см, длина прорези рамки 2,4 см (рис. 110.-*4*; 125.-*1*); Грязново-II, курган №5 – 1 экз., 3,7×5,6×3,4 см (рис. 125.-*2*).

Отдел II. Щитковые, слабо выделенные. Конструкция пряжки делится на две части: рамка с прорезью для продевания регулируемого окончания ремня и щиток с прорезью для закрепления неподвижного окончания ремня, которые выполнены из одной основы. Между ними находится перемычка, на узкую центральную часть которой надет язычок. Рамка лишь незначительно выступает за границы щитка.

Тип 2. Овальные, трапециевидные. Абрис рамки близок к овалу, а абрис щитка – к трапеции. *Вариант а* – с треугольными выемками. Основание щитка оформлено как бы двумя острыми зубьями с дугой между ними: Грань, одиночный курган – 1 экз.,

длина пряжки 5,8 см, ширина рамки 5,8 см, длина прорези рамки 3,4 см, ширина щитка 4,4–5,5 см (рис. 27.-*2*; 125.-*3*).

Группа II. Костяные (роговые). Основная часть пряжки изготовлена из кости или рога.

Отдел III. Щитковые, выделенные. Конструкция пряжки делится на рамку и щиток. Последний отделен от рамки выемками, образующими плечики. Прорезь рамки Т-образная и может быть сплошной или с перемычкой. Прорезь щитка овальная. Язычок у такой пряжки надевался на специальный стержень-вертлюгу, который вставлялся в торцевые отверстия на местах выемок.

Тип 3. Сердцевидные, трапециевидные. Абрис рамки близок к сердцевидной фигуре, а абрис щитка – к трапеции. *Вариант а* – с острым носиком. Внешняя сторона рамки посередине имеет заострение: Прудской, курган №3, могила-1 – 1 экз., 7,1×3,9×2,4×2,1–3,1 см (рис. 77.-*3*; 125.-*4*). *Вариант б* – с острым носиком и дуговидной выемкой. Внешняя сторона рамки имеет заострение, а основание щитка вогнуто: Прудской, курган №6, могила-1 – 1 экз., 6,9×3,9×2,5×2,5–3,2 см (рис. 90.-*2*; 125.-*5*).

Железные рамчатые пряжки с подвижным язычком появились у хунну во II в. до н.э. и затем распространились в материальной культуре многих народов Евразии [Матренин, 2017, с. 41–42]. Изделия с овальной рамкой, вытянутой по горизонтали, как у типа 1, восходят к сяньбийской традиции конца I в. н.э. Во II–IV вв. они известны от Забайкалья до Урала [Матренин, 2017, с. 43]. Для эпохи Средневековья данные пряжки, видимо, не имеют датирующего значения [Беликова, 1996, с. 83].

Железные пряжки с подвижным язычком, рамкой и неподвижным щитком, называемые также рамчатыми на цельной вертлюге, стали известны в Евразии с I в. и имели разные модификации [Матренин, 2017, с. 49–50]. Изделия, близкие типу 2, встречаются в памятниках Алтая и Западной Сибири 2-й половины VIII – XII в. [Грязнов, 1956, табл. LV.-17; Гаврилова, 1965, рис. 10.-4; Плетнева, 1997, рис. 105.-2; Илюшин, 2012, рис. 40.-2].

Костяные или роговые пряжки с подвижным язычком, рамкой и неподвижным щитком появились у кочевников Центральной Азии во II в. до н.э. и к III в. распространились до Восточной Европы [Овчинникова, 1990, с. 114; Матренин, 2017, с. 58–59]. В раннем Средневековье массовое использование костяных (роговых) подпружных пряжек наблюдалось в тюркской культурной среде, из которой их заимствовали другие кочевые народы [Овчинникова, 1990, с. 117–119; Кубарев, 2005, с. 133–135]. Среди материалов сросткинской культуры костяные (роговые) пряжки также весьма многочисленны. Но в отличие от тюркской традиции значительная их часть делалась для застегивания пояса, а не для конской подпруги [Неверов, 1985, с. 192]. Костяные (роговые) пряжки с сердцевидной рамкой, как у типа 3, появились на рубеже VIII–IX вв., а основное время их бытования приходилось на IX–XI вв. [Неверов, 1985, с. 202, рис. 2.-3, 6, 10]. Впрочем, нельзя исключать и XII в. [Овчинникова, 1990, с. 118].

Лука ленчика седла обнаружена в одной могиле (табл. 2.-*22*), потревоженной грабителями. Найден фрагмент достаточно массивной железной пластины размерами 11,7×5,8 см и толщиной 0,3 см. Его верхний край завальцован и сохранился в значительной части целым, тогда как нижний край и один бок обломаны. По нижнему краю заметен изгиб пластины под углом около 50° (рис. 62.-*6*). Данное изделие с большой долей вероятности можно определить как переднюю луку ленчика, от которой сохранилась ее верхняя часть в виде широкой пластины арочной формы (рис. 125.-*6*). В этом убеждает находка из кургана №18 (могила-2) двух целых железных посеребренных лук ленчика на могильнике у устья Малой Киргизки в Томском Приобье [Плетнева, 1997, с. 89, рис. 113]. Передняя лука этого комплекта имеет верхнюю арочную часть шириной 14 см, такую же толщину пластины и угол ее изгиба [Зиняков, 1997, с. 154–155, рис. 113.-1]. Могильник у Малой Киргизки датируется в основном XIII–XIV вв. [Плетнева, 1997, с. 111]. Однако появление цельнометаллических лук относится к более раннему времени. На это указывает находка крупного фрагмента железной

задней луки из кыпчакского погребения на могильнике Большие Луки-1 (курган №3, могила-1) в Барабе, датируемого IX–X вв. н.э. [Бараба..., 1988, с. 72–75, рис. 31.-3]. Сказать однозначно, как использовались такие железные пластины (самостоятельно или в качестве облицовки для деревянных лук), достаточно сложно. По крайней мере, на нашем фрагменте никаких следов древесины не имеется.

Пробои от полок ленчика, также называемые в литературе заклепками или штырьками от оковки седла, встречены в девяти могилах (табл. 2.-*2, 7–8, 12, 14, 24–26, 31*). Они представляют собой железные стержни округлого, овального или четырехугольного сечения, оба окончания которых (реже только одно) снабжены шляпками-фиксаторами. На самих стержнях сохранились остатки древесины, свидетельствующие о том, что они пронизывали или скрепляли между собой довольно толстые деревянные детали. Их параметры следующие: Боровиково-IV, курган №1, могила-1 – 1 экз., длина изделия 3,7 см, толщина стержня 0,5 см, размеры шляпки 1,7×1,5 см (рис. 110.-*2*; 125.-*7*); Грязново-II, курган №3 – 1 экз. (фрагмент), 1,3×0,7×2,4×1,1 см (рис. 125.-*8*), курган №5 – 1 экз., размеры неизвестны; Камень-II, курган №13, могила-4 – 1 экз., 4,6×0,6×1,8×1,6 см (рис. 125.-*9*); Коловый Мыс, курган №1, могила – 1 экз., 5,7×0,7×2,4–2,1×1,7 (рис. 125.-*10*); Прудской, курган №3, могила-1 – 1 экз., 5,9×0,7×2,2×1,4 см (рис. 77.-*5*; 125.-*11*), курган №5, могила – 1 экз., 5,6×0,7×1,8×1,4 см (рис. 84.-*11*; 125.-*12*), курган №6, могила-1 – 1 экз., 6×0,6×2,2–1,8×1,4 см (рис. 90.-*4–5*; 125.-*13*); Филин-I, курган №2 – 1 экз., 3,9×0,6×1,5×1,3 см (рис. 48.-*4*; 125.-*14*).

Пробои, аналогичные перечисленным экземплярам, известны из курганов кимаков, кыпчаков и населения сросткинской культуры 2-й половины IX – XII в. [Археологические памятники..., 1987, рис. 64.-19–20, 34, 95.-15–16, 22, 112.-8, 116.-17–18; Бараба..., 1988, рис. 32.-6–8; Суворова, Ткачев, 1995, рис. 3.-10–11; Тишкин, 1993а, рис. 5.-9–10; 1993б, рис. 2.-16–17; Савинов, 1998, рис. 1.-14; Могильников, 2002, рис. 23.-32, 32.-7–8, 63.-8, 86.-11–12, 111.-4, 186.-2, 197.-8, 200.-8; Илюшин, 2005, табл. 14.-4–6, 16.-60–61, 18.-59; 2012, рис. 52.-2]. Особенностью нашей серии является то, что все пробои представлены единично, тогда как в других районах они часто составляют пары.

В общем, можно отметить, что детали седла встречаются в погребениях Приобского плато гораздо реже, чем детали узды.

3.3. Костюм

Предметы, которые связаны с костюмом человека, обнаружены в 45 погребениях сросткинской культуры на Приобском плато (табл. 3) из 108 изученных. Это почти 41,67% исследованных объектов. Следовательно, имеющиеся находки составляют относительно массовый материал. Их можно соотнести с такими категориями, как пояс, украшения, одежда.

Пояс у средневекового населения Евразии выполнял не только практическую функцию удержания одежды и ношения разных предметов, но и служил «паспортом» владельца, отражающим его социальное и имущественное положение, а также профессиональную принадлежность и др. [Горбунов, 2009б, с. 264]. В погребальных памятниках сросткинской культуры Лесостепного Алтая поясные наборы являются одной из массовых категорий инвентаря. Они обнаружены в 135 могилах на 69 памятниках в числе 180 штук [Горбунов В.В., 2009б, с. 265]. На Приобском плато пояса найдены в 24 погребениях на 18 памятниках в количестве 27 единиц (табл. 3). От них сохранились в основном металлические и костяные (роговые) изделия следующих видов: пряжки, наконечники ремней, тренчики, распределители ремней и бляхи-накладки.

Пряжки, служившие для застегивания основного и портупейных ремней, найдены в 21 могиле. Изделия для портупейных ремней отличаются меньшими размерами.

В 16 погребениях было по одной основной пряжке (табл. 3.-*1–5, 9–10, 12–14, 19–20, 22, 29, 35, 38*). Еще в пяти захоронениях находилось несколько пряжек: две основные и три портупейные зафиксированы в одиночном погребении (табл. 3.-*23*); две основные – в парном (табл. 3.-*24*) и одиночном (табл. 3.-*26*) погребениях; одна основная и одна портупейная – в одиночном погребении (табл. 3.-*43*); две основные и одна портупейная – в коллективном захоронении при одном умершем человеке (табл. 3.-*42*). По двум основным пряжкам есть данные, что они бронзовые, без размеров и изображений (табл. 3.-*9–10*). По двум портупейным пряжкам есть только сведения, что они бронзовые с железными язычками (табл. 3.-*23*). Остальные 26 изделий вполне пригодны для анализа.

Морфологически поясные пряжки ничем не отличаются от уздечных и подпружных. Поэтому для их классификации использован тот же набор признаков. Отметим, что у всех пряжек со щитком этот элемент неподвижен, и все пряжки снабжались подвижным язычком. У 13 пряжек язычок был сделан из железа (табл. 3.-*3, 12, 14, 22–23(2), 26, 35, 38, 42(3), 43*), у двух – из кости (рога) (табл. 3.-*19, 29*), у одной, видимо, – из бронзы (табл. 3.-*1*). У 10 находок он оказался утрачен (табл. 3.-*2, 4–5, 13, 20, 23–24(2), 26, 43*).

Группа I. Железные. Пряжки откованы из железа.

Отдел I. Рамчатые. Конструкция пряжки состоит из замкнутой рамки, на основание которой надет язычок.

Тип 1. Округлые. Абрис рамки близок к кругу. *Вариант а* – без деталей оформления: Камень-II, курган №13, могила-3 – 1 экз., 4,4×4×1,8 см (рис. 126.-*1*); Кучук-1, курган №6, могила-1 – 1 экз., 4×4×1,8 см (рис. 126.-*2*); Филин-I, курган №1 – 1 экз., 4,1×3,8×1,6 см (рис. 44.-*1*; 126.-*3*).

Тип 2. Овально-трапециевидные. Абрис рамки близок к трапеции с одной закругленной стороной. *Вариант а* – без деталей оформления: Филин-I, курган №1 – 1 экз., 4,3×4×2 см (рис. 44.-*9*; 126.-*4*).

Группа II. Костяные (роговые). Пряжка вырезана из костяной или роговой заготовки.

Отдел II. Щитковые, невыделенные. Конструкция пряжки имеет I-образную прорезь и делится на рамку и щиток, которые ровно переходят друг в друга, а границей им служит вертлюга для язычка, вставленная в отверстия посередине пряжки.

Тип 3. Пятиугольные, трапециевидные. Абрис рамки близок к пятиугольнику, а щитка – к трапеции. *Вариант а* – с острым носиком: Грязново-II, курган №5 – 1 экз., 5,3×3,2×2,1×2–3 см (рис. 126.-*5*); Камень-II, курган №13, могила-2 – 1 экз., 5,6×2,8×1,8×1,8–2,4 см (рис. 126.-*6*), могила-4 – 1 экз., 7×3,2×2×2–2,6 см (рис. 126.-*7*).

Отдел III. Щитковые, выделенные. Конструкция пряжки делится на рамку и щиток, отделенные выемками, которые образуют плечики щитка. Пряжка имеет либо две прорези (Т-образную для рамки и овальную для щитка), либо одну (I-образную). Язычок пряжки надевался на вертлюгу, которая вставлялась в отверстия у выемок.

Тип 4. Пятиугольные, трапециевидные. *Вариант а* – с острым носиком: Барчиха, курган, могила-2 – 1 экз., 7×4,8×2×2,9–3,7 см (рис. 126.-*8*); Грязново-II, курган №1 – 1 экз., 6,5×3,9×2×2,7–3,4 см (рис. 126.-*9*).

Тип 5. Сердцевидные, трапециевидные. *Вариант а* – с острым носиком: Боровиково-V, могила – 1 экз., 6,1×2,7×1,5×1,7–2,3 см (рис. 126.-*10*); Быково-IV, курган №5 – 1 экз., 6,5×4,2×1,9×2,5–3,3 см (рис. 126.-*11*); Грязново-IV, курган №1 – 1 экз., 6,8×2,8×1,5×2–2,5 см (рис. 126.-*12*); Камень-II, курган №13, могила-3 – 1 экз., 4,6×2,6×1,4×1,8–2,2 см (рис. 126.-*13*), могила-4 – 1 экз., 6,8×3,8×2×2,6–3,4 см (рис. 126.-*14*); Прудской, курган №3, могила-1 – 1 экз., 5,7×3,2×1,8×2,1–2,7 см (рис. 77.-*2*; 126.-*15*); Шелаболиха-3, курган №7, могила-2 – 1 экз., 6,4×3,6×1,8×2,4–3 см (рис. 126.-*16*). *Вариант б* – с фигурно-скобчатым носиком. Внешняя сторона рамки имеет заострение с двумя симметричными уступами: Боровиково-IV, курган №1, могила-1 – 1 экз., 5,8×4×1,8×2,5–3,4 см (рис. 109.-*2*; 126.-*17*).

Группа III. Из цветных металлов. Пряжки отлиты из бронзы или меди, у некоторых изделий лицевая поверхность позолочена.

Отдел IV. Щитковые, выделенные, сплошные. Конструкция пряжки состоит из рамки и щитка, где первая заметно выступает за границы второго. Рамка снабжена овальной прорезью для ремня, а перед ней есть дополнительное отверстие для язычка, который надевался на узкую центральную часть в основании рамки. Для крепления к ремню щиток вместо прорези снабжен с внутренней стороны шпеньками.

Тип 6. Овальные, овально-прямоугольные. Абрис рамки близок к овалу, а контур щитка – к прямоугольнику с закругленным основанием. *Вариант а* – с растительно-геометрическим орнаментом. Лицевая поверхность щитка, рамки и язычка украшена орнаментом из побегов и цветочных бутонов, насечек и линейных фигур: Нечунаевский Елбан-2, могила-1 – 1 экз., 5,7×3,4×2,6×2,6 см (рис. 128.-*1*).

Отдел V. Щитковые, выделенные, прорезные. Пряжка состоит из рамки и щитка, разделенных выемками и плечиками. И рамка, и щиток имеют овальные прорези для ремня. Язычок надевался на узкую центральную часть перемычки между ними.

Тип 7. Пятиугольные, прямоугольные. Абрис рамки близок к пятиугольнику, а контур щитка – к прямоугольнику. *Вариант а* – с острым носиком и П-образной выемкой. Основание щитка имеет два выступа с прямой линией между ними: Грань, одиночный курган – 1 экз., 5,6×3,4×2×2,2 см (рис. 26.-*4*; 126.-*18*).

Тип 8. Сердцевидные, прямоугольные. *Вариант а* – с острым носиком: Камень-II, курган №13, могила-3 – 1 экз., 6,5×5,4×2,2×4,4 см (рис. 126.-*19*). *Вариант б* – с острым носиком и боковыми выемками. Длинные стороны щитка имеют дуговидные углубления: Барчиха, курган, могила-1 – 1 экз., 4,7×3,4×1,5×2,4 см (рис. 126.-20). *Вариант в* – с острым носиком, П-образной выемкой и валиком. По центру внешней стороны рамки идет один валик: Филин-I, курган №1 – 1 экз., 3,6×2,6×1,5×1,7 см (рис. 42.-*4*; 126.-*21*); Шелаболиха-3, курган №7, могила-2 – 1 экз., 4×2,6×1,5×1,7 см (рис. 126.-*22*). *Вариант г* – с острым носиком, П-образной выемкой и валиками. По центру и бокам внешней стороны рамки идут три валика с желобками: Прудской, курган №6, могила-1 – 1 экз., 4,8×3,2×1,8×2,2 см (рис. 90.-*1*; 126.-*23*). *Вариант д* – с фигурно-скобчатым носиком: Кучук-1, курган №6, могила-1 – 1 экз., 4,5×3,1×1,8×1,8 см (рис. 126.-*24*). *Вариант е* – с растительным носиком и П-образной выемкой. Носик украшен пятилепестковым бутоном: Заковряшино, курган – 1 экз., 5,2×3×1,3×1,8 см (рис. 126.-*25*).

О происхождении железных рамчатых пряжек с подвижным язычком изложено выше. Изделия округлой формы восходят к хуннуской традиции и бытовали очень долго [Матренин, 2017, с. 42]. Для пряжек типа 1 нашей серии можно отметить наличие довольно широкой уплощенной рамки. Такие экземпляры появились у кыргызов в X в. и затем активно применялись на протяжении XI–XIV вв. [Беликова, 1996, с. 83, рис. 98.-2; Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 38, табл. XVIII.-2–4]. В ареале сросткинской культуры их особенно много в памятниках 2-й половины X – 1-й половины XI в. [Илюшин, 1999б, рис. 5.-14, 6.-3, 50.-10, 52.-3; Адамов, 2000, рис. 44.-14; Могильников, 2002, рис. 106.-12, 156.-1; Горбунов, Тишкин, Семибратов, 2020, с. 237, рис. 4.-1–2, 6.-9–10]. Пряжки овально-трапециевидной формы типа 2 встречаются уже в раннетюркских материалах 2-й половины V – 1-й половины VII в. [Гаврилова, 1965, табл. VIII.-6, XIV.-5; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 143, рис. 27.-1]. В дальнейшем их применение фиксируется по памятникам сросткинской и басандайской культур середины X – XIV в. [Плетнева, 1997, рис. 76.-10, 137.-3, 151.-4, 153.-5; Адамов, 2000, рис. 35.-2, 37.-9; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, рис. 107.-9].

Поясные пряжки из кости (рога) практически копируют подпружные пряжки из того же материала. Изделия с невыделенным щитком и пятиугольной рамкой типа 3 получили распространение в тюркской культурной среде ближе к рубежу VII–VIII вв. и затем использовались до XII в. [Неверов, 1982, рис. 3.-6; 1985, с. 201–202; Могильников, 2002, рис. 209.-10, 15; Кубарев, 2005, рис. 38.-1, 5]. Пряжки с выделенным щитком и пятиугольной рамкой типа 4 можно датировать VIII–XII вв., а с сердцевид-

ной рамкой типа 5 – IX–XII вв. [Неверов, 1985, с. 202–203; Могильников, 2002, с. 101, рис. 209.-12–14, 19–20; Кубарев, 2005, с. 135, рис. 38.-7, 9, 17].

Бронзовые пряжки с подвижным язычком и неподвижным щитком появились в Европе, видимо, во II в. и уже в III в. проникли к востоку от Урала [Матренин, 2017, с. 54]. В начале раннего Средневековья наибольшее разнообразие таких пряжек наблюдается в материалах тюркской культуры [Гаврилова, 1965, табл. XII.-1, XV.-3, XVII.-12, XVIII.-23; Овчинникова, 1990, рис. 22.-21–22, 24, 26-31]. Пряжки со сплошным овально-прямоугольным щитком и овальной рамкой, как у типа 6, отмечены у тюрок около середины VII в. [Овчинникова, 1990, рис. 6.-9–11]. Наличие у типа 6а насыщенного растительного орнамента характерно для изделий 2-й половины IX – 1-й половины X в. [Горбунов, Ситников, 2009, с. 21, рис. 1.-1, 3].

Бронзовые пряжки типов 7 и 8, вероятно, происходили от тюркских изделий с прорезным щитком, известных с середины VIII в. [Овчинникова, 1990, с. 28, рис. 6.-2–4, 8, 22.-32–34]. Но они отличаются пятиугольной и сердцевидной рамкой, имеющей широкую внешнюю часть и щиток, что являлось подражанием костяным (роговым) пряжкам. В памятниках сросткинской культуры такие изделия встречаются наиболее часто [Грязнов, 1930, рис. 152; 1956, табл. LIV.-1, LV.-18, LVI.-11, LVII.-15; Савинов, 1976, табл. 1.-19; 1997, рис. 4.-1, 6.-2–4; 1998, рис. 1.-1; Кирюшин, Неверов, 1991, рис. 1.-8; Тишкин, 1993, рис. 5.-11; Кирюшин, Шамшин, Нехведавичюс, 1994, рис. 6.-3; Неверов, Горбунов, 1996, рис. 3.-14–15, 4.-11; Алехин, 1998а, рис. 2.-1, 8, 3.-6–7; Илюшин, 1999б, рис. 5.-15, 58.-2; Адамов, 2000, рис. 34.-7; Могильников, 2002, рис. 47.-26, 57.-9, 85.-10, 111.-5; Кузнецов, 2004, рис. 4.-2, 10.-12, 11.-14; Горбунов, Тишкин, Семибратов, 2020, рис. 5.-1, 6.-14]. Значительно меньше их известно в кимакских курганах Восточного Казахстана [Савинов, 1976, табл. 1.-41; Археологические памятники…, 1987, рис. 66.-7, 102.-3, 106.-29; Суворова, Ткачев, 1995, рис. 5.-14, 19–21; Трифонов, Илюшин, Алехин, 1998, рис. 7.-6], и еще реже они попадаются в материалах других средневековых культур от Алтая до Урала [Мажитов, 1981, рис. 46.-11, 61.-1; Степанова, Горбунов, 1994, рис. 1.-4; Коников, 2005, рис. 7.-5; 2013, рис. 5.-2, 11].

Появление у населения сросткинской культуры пряжек типов 7 и 8 можно отнести к рубежу VIII–IX вв., а наиболее массовое применение – ко 2-й половине IX – 1-й половине XI в. [Неверов, Горбунов, 1996, с. 167; Горбунов, Тишкин, Семибратов, 2020, с. 237]. В памятниках 2-й половины XI – XII в. такие пряжки встречаются единично и зачастую вне ареала сросткинской культуры, представляя собой уже некие подражания классическим вариантам [Могильников, 1981б, рис. 71.-34; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, рис. 12.-3, 53.-6].

Наконечники, служившие для укрепления и украшения окончаний основного пояса и портупейных ремней, насчитывают восемь изделий. Они происходят из пяти погребений (табл. 3.-*5, 26, 29, 33, 42*). Морфологически поясные наконечники сходны с уздечными и для их описания и анализа используется такой же набор признаков.

Группа I. Из цветных металлов.

Отдел I. С бортиками.

Тип 1. Овально-прямоугольные. *Вариант а* – ровные, с растительным орнаментом. На лицевой поверхности имеется изображение парных побегов и многолистника: Нечунаевский Елбан-2, могила-1 – 2 экз., 1,7–1,8×1,3–1,4 см (рис. 127.-*9–10*).

Тип 2. Пятиугольные. Абрис наконечника близок к пятиугольной фигуре. *Вариант а* – фестончатые. Верхний край и боковые стороны наконечника оформлены полукруглыми выступами: Быково-IV, курган №5 – 1 экз., 4,3×1,7 см (рис. 128.-*1*).

Тип 3. Килевидные. Абрис наконечника напоминает килевидную фигуру. *Вариант а* – V-образные, с растительным орнаментом. На лицевой стороне, в верхней части наконечника, в пятиугольном поле имеется изображение пятилистника: Кучук-1, курган №6, могила-1 – 1 экз., 5,4×1,5 см (рис. 128.-*2*). *Вариант б* – фигурно-скобчатые, с прорезью. По центру наконечника находится отверстие килевидной формы: Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 1 экз., 2,8×1,7 см (рис. 66.-*15*; 128.-*3*).

Отдел. II. Двухсоставные. Наконечник сделан из двух пластин, лицевая из которых с бортиками, а тыльная простая. Пластины соединены между собой штифтами.

Тип 4. Овально-прямоугольные. *Вариант а* – ровные, с растительным орнаментом. На лицевой поверхности наконечника имеются изображения побегов и бутонов: Нечунаевский Елбан-2, могила-1 – 1 экз., 3,8×2,2 см (рис. 127.-*8*).

Группа II. Железные.

Отдел. II. Двухсоставные.

Тип 5. Овально-прямоугольные. *Вариант а* – ровные: Филин-I, курган №1 – 2 экз., 5,6–7×2,1–2,3 см (рис. 44.-*6, 10*; 128.-*4*).

Наконечники типов 1 и 4 нашей серии восходят к тюркской традиции, а наличие у них насыщенного растительного орнамента характерно для находок 2-й половины IX – 1-й половины X в. [Могильников, 2002, рис. 116.-6; Горбунов, Ситников, 2009, с. 21, рис. 1.-5]. Типы 2 и 3 представляют собой местную традицию и находят ближайшие аналогии в памятниках 2-й половины IX – 1-й половины XI в. [Могильников, 2002, рис. 32.-20, 47.-19, 48.-16, 129.-12, 171.-7, 206.-11]. Железные двухсоставные наконечники, подобные типу 5, известны на Алтае с IV в. [Матренин, 2017, с. 90]. Они без существенных изменений встречаются в памятниках VIII–XIV вв. [Беликова, 1996, рис. 99.-5; Адамов, 2000, рис. 73.-13; Могильников, 2002, рис. 4.-2: Кубарев, 2005, табл. 100.-8; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 17.-13].

Тренчики найдены в трех могилах (табл. 3.-*23, 26, 42*). Бронзовый тренчик от основного ремня пояса известен из памятника Камень-II, и такой же экземпляр найден на памятнике Кучук-1. Последний свернут из немного деформированной полосы металла овальной формы, окончания которой с изнанки заведены друг за друга. Его высота 2,7 см, ширина до 1,4 см, толщина 0,1 см, размеры окаймляемого пространства 2,3×0,7 см (рис. 128.-*5*). Еще один бронзовый тренчик от портупейного ремня найден на могильнике Филин-I. Он цельнолитой, из полосы овального абриса, украшенной с лицевой стороны двумя резными линиями. Высота тренчика 2,5 см, ширина до 0,8 см, толщина 0,1 см, размеры окаймляемого пространства 2,3×1 см (рис. 42.-*5*; 128.-*6*). На Приобском плато поясных тренчиков встречено еще меньше, чем уздечных, и эта тенденция проявляется и в других районах распространения сросткинской культуры, особенно для памятников позднее середины X в.

Распределители ремней представлены семью изделиями из трех погребений (табл. 3.-*21, 23, 42*). Все они сделаны из железных стержней, сомкнутых в кольцо. По отсутствию и наличию дополнительных деталей делятся на два типа.

Тип 1. Кольчатые. Распределитель состоит только из кольца: Камень-II, курган №13, могила-3 – 1 экз. от одного пояса, диаметр кольца 5 см [Могильников, Куйбышев, 1977, с. 4].

Тип 2. Кольчатые, с крюком. Кольцо снабжено одним крюком S-видной формы, который перегнут через него своим верхним окончанием: Ильинка, могила-3 – 4 экз. от двух поясов (у второго комплекта кольца обломаны и сохранился только один крюк), размеры колец 3,5–4,1×0,6–1,2 см, длина крюков 5,3 см, ширина 0,6–0,8 см, толщина 0,25–0,5 см (рис. 128.-*7–8*); Филин-I, курган №1 – 2 экз. от одного пояса (одно кольцо обломано), размеры колец 3,2–3,5×0,5–0,1 см, крюков – 5,2–5,4×1×0,9 см (рис. 44.-*7–8*; 128.-*9*).

Кольчатые железные распределители от поясных ремней в комплекте по две или три штуки известны в хуннуских памятниках со II в. до н.э. Вскоре они появились на Алтае, где продолжали применяться и в 1-й половине I тыс. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2006, с. 33, рис. 1.-26, 28; 2020, с. 37, рис. 2.-4; Матренин, 2017, с. 94–95, рис. 21.-1–2, 4]. В раннем Средневековье наборы из трех кольчатых распределителей, но, как правило, снабженных лопастями-зажимами, довольно часто встречаются в памятниках VII–XI вв. тюркской культуры как принадлежности стрелкового пояса [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, с. 165–166, рис. 2.-7–10, 7.-9–17; Кубарев, 1998, рис. 1.-9–11, 16–18, 21–23; 2005, с. 95–96]. Подобные изделия бытовали и в монголь-

ское время [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 149–150, рис. 34.-15–16, 77.-3]. Аналогичное назначение можно предполагать и для нашего распределителя типа 1. Однако население сросткинской культуры чаще использовало бронзовые распределители на стрелковые пояса, также восходящие к тюркскому наследию [Кубарев, 1998, рис. 1.-1–5, 13-14; Могильников, 2002, рис. 6.-4, 47.-25, 48.-7, Горбунов, Ситников, 2009, с. 20, рис. 1.-11–13].

Кольца с крюками типа 2 встречаются в погребениях сросткинской культуры 2-й половины IX – XII в. [Савинов, 1998, рис. 1.-9, 5.-13; Илюшин, 1999б, рис. 5.-1–2, 8.-2; Адамов, 2000, рис. 35.-4–5, 41.-4–5, 49.-5–6; Горбунов, Тишкин, Семибратов, 2020, с. 237–238, рис. 4.-3, 6.-11]. Известны они у кыргызов в X–XIII вв. и населения ряда культур Западной Сибири того же времени [Беликова, 1996, с. 84, рис. 66.-10, 80.-15, 18, 84.-5–6; Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 41, табл. XVIII.-21, 28; Адамов, 2000, с. 58, рис. 82.-5–6; Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001, рис. 5.-8].

Парные крюки предназначались для удержания высоких голенищ сапог от сползания по ноге. Для этого они крепились через кольца к поясу и к бедрам при помощи дополнительных ремней [Адамов, 1991, с. 168, рис. 2.-3–4]. Различные варианты такого крепления встречаются на половецких изваяниях XII – начала XIII в. [Плетнева, 1974, с. 71, рис. 10.-54–59].

Бляхи-накладки на основные и портупейные ремни пояса образуют весьма представительную серию из курганов Приобского плато. Найдено 99 экз. блях в семи погребениях (табл. 3.-*1, 12, 23, 29, 33, 40, 42*). В одной могиле их число не известно (табл. 1.-*2*). Морфологически поясные бляхи-накладки сопоставимы с уздечными бляхами, и для их классификации можно использовать одинаковые признаки, добавив сюда раздел, учитывающий наличие или отсутствие прорези в корпусе изделия.

Группа I. Из цветных металлов. 93 бляхи-накладки изготовлены из меди и бронзы, часть из них позолочена.

Раздел I. Прорезные. Корпус блях снабжен сквозным отверстием-прорезью функционального или декоративного назначения.

Отдел I. С бортиками.

Тип 1. Прямоугольные. Абрис блях представляет собой фигуру, близкую к прямоугольнику. *Вариант а* – ровные, с фигурно-скобчатой прорезью и растительным орнаментом. Бортики бляхи ровные, ближе к нижнему краю расположена прорезь, имеющая вид фигурной скобы, лицевая поверхность украшена трехлепестковыми бутонами и побегами: Нечунаевский Елбан-2, могила-1 – 5 экз. от 1 пояса, 2,8–2,9×2–2,1 см (рис. 127.-*2–4, 6–7*).

Тип 2. Сегментовидные. Нижняя сторона изделий прямая, а остальные образуют примыкающую к ней дугу. *Вариант а* – ровные, с фигурно-скобчатой прорезью и растительным орнаментом, как у предыдущего типа: Нечунаевский Елбан-2, могила-1 – 1 экз., 2,2×1,9 см (рис. 127.-*5*).

Раздел II. Сплошные. Корпуса блях представляют собой монолитное изделие.

Отдел I. С бортиками.

Тип 3. Сердцевидные. Формы блях напоминают условное изображение сердца. *Вариант а* – ровные: Барчиха, курган, могила-2 – 1 экз., 1,6×1,6 см (рис. 128.-*10*).

Тип 4. Лепестковые. Форма изделий похожа на раскрывшийся бутон цветка с четко выделенными лепестками. *Вариант а* – с шестью лепестками: Камень-II, курган №13, могила-3 – 70 экз. от двух поясов, 1–1,8×1–1,8 см [Могильников, Куйбышев, 1977, с. 4]; Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 5 экз. от одного пояса, 1,8–1,9×1,7–1,8 см (рис. 66.-*1–5*; 128.-*11*). *Вариант б* – с семью лепестками: Барчиха, курган, могила-1 – 1экз., 1,6×1,6 см (рис. 128.-*12*).

Тип 5. Округлые. Абрис блях образует круг. *Вариант а* – ровные: Поповская Дача, одиночный курган, могила-4 – 5 экз. от двух поясов, 1,2–1,7×1,2–1,5 см (рис. 66.-*6–10*; 128.-*13*); Рогозиха-I, курган №10, могила-3 – 2 экз. от одного пояса, 1,7–1,8×1,7–1,8 см (рис. 128.-*14*). *Вариант б* – ровные, с растительно-геометрическим орнамен-

том. В центре изделия имеется круг в виде умбона, а по периметру расположены 14 кружков из углублений, напоминающих цветочный бутон с раскрытыми лепестками: Грань, одиночный курган – 1 экз., 1,6×1,6 см (рис. 26.-*5*; 128.-*15*).

Группа II. Железные. Четыре бляхи откованы из железа.

Раздел II. Сплошные.

Отдел. II. Без бортиков.

Тип 6. Прямоугольные. *Вариант а* – ровные: Филин-I, курган №1 – 4 экз. от одного пояса, 1,8–1,9×1,5–1,7 см (рис. 44.-*2–5*; 128.-*16*).

Бронзовые прорезные бляхи-накладки типов 1–2 восходят к тюркской традиции. Такие изделия в составе поясов известны с середины VII в. и особенно характерны для периода II Восточно-Тюркского каганата (682–744 гг.). С того времени они получили широкое распространение у многих народов Евразии, испытавших тюркское влияние. Их появление в материалах сросткинской культуры согласуется с переселением части тюрок в Лесостепной Алтай и образованием там новой культурной общности. В середине VIII в. произошло усложнение декора прямоугольных и сегментовидных блях за счет введения фигурно-скобчатых прорезей, а с середины IX в. они стали покрываться растительным орнаментом. К середине X в. такие бляхи вышли из употребления у населения сросткинской культуры [Горбунов, 2009в, с. 125–127, рис. 1]. Следовательно, типы 1а и 2а можно датировать в рамках 2-й половины IX – 1-й половины X в.

Бронзовые сплошные бляхи типов 3–5 также связаны с тюркским наследием. Сердцевидные бляхи типа 3а чаще всего применялись в составе стрелковых поясов, скрепляя ремни с распределителями, но иногда занимали место и в основных поясах. В материалах сросткинской культуры они встречаются на всем протяжении ее существования и могут быть датированы 2-й половиной VIII – XII в. [Горбунов, 2009в, с. 126, 129–130, рис. 1]. Лепестковые бляхи типа 4 являлись продуктом местного развития, восходящим к четырехлепестковым образцам тюркской гарнитуры кудыргинского круга. У населения сросткинской культуры эти бляхи были самыми популярными украшениями мужских поясов. Изделия типа 4а использовались во 2-й половине IX – 1-й половине XI в., а типа 4б – во 2-й половине IX – XII в. [Горбунов, 2009в, с. 129–130, рис. 1]. Округлые бляхи типа 5 очень похожи на уздечные и поясные изделия тюркской культуры 2-й половины VI – 1-й половины VII в. Однако в сросткинских памятниках тип 5а встречается во 2-й половине IX – XII в., а тип 5б – во 2-й половине IX – 1-й половине XI в. [Горбунов, 2009в, с. 126, 129–130, рис. 1].

Железные сплошные бляхи типа 6а, являясь очень простыми изделиями, бытовали у населения сросткинской культуры на протяжении 2-й половины VIII – XII в. [Горбунов, 2009в, с. 129, рис. 1].

Среди 27 поясов, найденных в сросткинских погребениях на Приобском плато, преобладают простые конструкции, которые имели только пряжки на основной ремень (всего 13 экз., из них девять костяных (роговых) пряжек и четыре бронзовых). Остальные пояса снабжались несколькими видами гарнитуры, но о полной их комплектности можно судить лишь по находкам в неограбленных погребениях. Наиболее парадно выглядят наборные пояса, где, помимо пряжек, тренчиков и наконечников, есть бляхи-накладки. Такой пояс найден в детском погребении-1 на могильнике Нечунаевский Елбан-2. Вся его бронзовая гарнитура была украшена богатым растительным орнаментом и включала пряжку (тип 6а), наконечник (тип 4а), шесть блях-накладок (тип 1а, 2а) на основной ремень и два малых наконечника (тип 1а) на подвесные ремешки (рис. 127).

Самый многочисленный комплект поясной гарнитуры был обнаружен в мужском погребении-3 кургана №13 на могильнике Камень-II. Он включал пять пряжек (типы 1а, 5а, 8а), тренчик, распределитель (тип 1) и 70 блях-накладок (тип 4а). Предметы, находившиеся рядом в могиле, позволяют разделить его на два пояса: основной и стрелковый. Первый служил для подвешивания меча в ножнах и состоял из брон-

зовой пряжки, тренчика и 19 блях-накладок. Второй предназначался для ношения колчана со стрелами и состоял из железной пряжки и девяти блях-накладок. К нему же, вероятно, относился железный кольчатый распределитель. Таких должно быть два или три, но остальные могли не сохраниться или не были опознаны. Три оставшиеся пряжки и 42 бляхи-накладки, видимо, относились к портупейным ремням обоих поясов, но точное их распределение не установлено. Похожая ситуация с большим количеством блях на портупейных ремнях наблюдалась в двух курганах на могильнике Сростки-I, где также находились мечи и колчаны [Савинов, 1998, с. 177, 179, рис. 3, 9].

Еще два пояса из железной гарнитуры, судить о составе которых можно однозначно, найдены в захоронении мужчины из кургана №1 на памятнике Филин-I (рис. 44). Первый (основной) пояс располагался в районе таза погребенного в расстегнутом виде. Он включал пряжку (тип 1а), наконечник (тип 5а) и четыре бляхи-накладки (тип 6а). Ниже них, у бедренных костей, лежали два распределителя с крюками (тип 2). Каждый распределитель соединялся с поясом посредством вертикального портупейного ремня, след от которого хорошо сохранился на целом кольце (рис. 44.-*7*). Вероятно, они крепились на самом поясе бляхами-накладками. На другом сломанном кольце распределителя лучше сохранился тлен от горизонтального портупейного ремня (рис. 44.-*8*), который должен был охватывать бедра. К этому поясу на двух портупейных ремнях, видимо, также закрепленных бляхами-накладками, подвешивался меч в ножнах. Один из этих ремешков был глухим и скреплялся железной фигурной накладкой со штифтом, другой являлся регулируемым, застегиваемым на бронзовую пряжку (тип 8в) и тренчик (рис. 116). Второй (стрелковый) пояс состоял из пряжки (тип 2а) и наконечника (тип 5а). Они находились с разных сторон колчана (рис. 33.-*1*). Основная ширина обоих поясов, судя по размерам наконечников, составляла 2 см, а ширина портупейных ремней, исходя из органики на кольцах, – 1 см.

Украшения из курганов Приобского плато представлены разнообразными предметами, которые носились либо непосредственно на теле человека, либо прикреплялись к его одежде и выполняли декоративную функцию. Украшения костюма обнаружены в 22 погребениях (табл. 3). Они сделаны из таких материалов, как цветной металл, камень, стекло, перламутр, и могут быть разделены на следующие виды: серьги, перстни, подвески, нашивки и бусы.

Серьги служили ушными украшениями, и в неограбленных могилах Приобского плато они всегда находятся в районе черепа человека. В 10 погребениях найдено 17 серег (табл. 3.-*8, 26, 28–29, 31–32, 34, 36–37, 39*). Еще одна серьга из Гоньбы не имеет привязки к объекту. 14 изделий составляли семь пар, а остальные обнаружены по одному экземпляру. Все серьги нашей серии отлиты из цветного металла (медь, бронза, серебро), часть вещей позолочена. По таким признакам, как общий абрис в продольной плоскости и наличие дополнительных деталей оформления, серьги можно разделить на типы, а по параметрам и конструкции деталей – на варианты.

Тип 1. Округлые. Серьга сделана из стержня круглого сечения, который изогнут в круг с несомкнутыми и слегка разведенными окончаниями. *Вариант а* – мелкие. Диаметр кольца серьги менее 3 см: Гоньба, без номера объекта – 1 экз., 2,7×0,3 см (рис. 128.-*17*); Прудской, курган №2, могила-2 – 1 экз., 2×0,4 см (рис. 73.-*2*; 128.-*18*), курган №4, могила-1 – 2 экз., 2,3–2,4×0,25 см (рис. 73.-*4–5*; 128.-*19*). *Вариант б* – крупные. Диаметр кольца серьги равен или более 3 см: Гоньба, курган №4 – 2 экз., диаметр кольца 4,2–4,5 см, толщина стрежня 0,4–0,5 см (рис. 128.-*20*); Кучук-1, курган №6, могила-1 – 1 экз., 3×0,3 см (рис. 128.-21); Нечунаево-3, курган №1, могила-2 – 2 экз., 3,4×0,3 см (рис. 128.-*22*); Поповская Дача, одиночный курган, могила-1 – 2 экз., 3,2×0,3–0,4 см (рис. 55.-*2–3*; 128.-*23*); Рогозиха-1, курган №10, могила-2 – 2 экз. (один обломан), 3×0,25–0,3 см (рис. 128.-*24*). К этому же типу относятся две серьги из кургана №15, могилы-2 памятника Объездное-I, размеры которых нам пока не известны.

Тип 2. Овальные, с отростком и подвеской. Серьги сделаны из стержня круглого сечения, который изогнут в овал с несомкнутыми и заведенными друг за друга оконча-

ниями. В верхней части имеется штырек-ограничитель, на который могла надеваться бусина. Нижняя часть серьги снабжена подвеской в виде шарика. *Вариант а* – с неподвижной подвеской. Подвеска припаяна к серьге: Нечунаевский Елбан-2, могила-1 – 1 экз., размеры кольца 2×1,4 см, толщина 0,15 см, длина отростка 0,45 см, длина подвески 1,2 см, диаметр шарика 0,6 см (рис. 128.-*25*). *Вариант б* – с подвижной подвеской. Он выделен условно, так как сами серьги утрачены при ограблении. От них сохранились две шаровидные полые подвески, составленные из спаянных половинок. Внутри подвески находилась органика, через которую продевалась крученая нить, крепившая подвеску к нижнему краю серьги. Этот край, судя по аналогиям, имел два валика с канавкой между ними. Лицевая поверхность половинок декорирована пятью цилиндрическими выступами: один в центре с отверстием и четыре по периметру с углублениями. Цельная конструкция на ассоциативном уровне напоминает морскую мину: Прудской, курган №5, могила – 2 экз. (один сохранился наполовину), диаметр подвески 1,6 см, высота цилиндров 0,2 см, толщина стенок 0,1 см (рис. 84.-*2–3*; 128.-*26*).

Простые кольчатые серьги типа 1 были распространены очень широко во времени и пространстве. Среди изделий нашей серии тип 1а, видимо, восходит к тюркским образцам, бытовавшим в VI–X вв. [Овчинникова, 1990, с. 46, 51, рис. 10.-15–16, 26.-16–18]. Известны такие серьги от Забайкалья до Урала из памятников XI–XIV вв. и более поздних [Кызласов, 1983, табл. XXV.-5; Беликова, 1996, рис. 6.-7; Плетнева, 1990, с. 95, рис. 53.-11; 1997, рис. 97.-9–10, 110.-12–13, 144.-7–8; Адамов, 2000, с. 59, рис. 68.-15, 73.-19–20]. Крупные серьги типа 1б, на наш взгляд, являются продуктом местного развития, получившим распространение у кимаков и населения сросткинской культуры во 2-й половине IX – XII в. [Археологические памятники..., 1987, рис. 74.-10, 15–16, 100.-1–2, 113.-1–4; Горбунов, 1992, рис. 1.-8–9; Илюшин, 1993, рис. 37.-1–2; 1999б, рис. 10.-1–2, 35.-2, 4; Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995, рис. 2.-15; Алехин, 1998, рис. 4.-5; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, табл. XVIII.-4, 10]. Экземпляры данного варианта встречаются в памятниках X – 1-й половины XI в. Среднего Причулымья, 2-й половины XI – XII в. Кузнецкой котловины и XII–XIV вв. Томского Приобья [Беликова, 1996, рис. 83.-13–14; Плетнева, 1997, рис. 98.-18–19, 183.-6–7; Илюшин, 2012, рис. 21.-6–7]. Надо отметить, что для монгольского времени серьги типа 1б не характерны и, скорее всего, верхняя граница их бытования ограничивалась XII в.

Серьги с отростком и подвеской типа 2 появились у тюрок в середине VII в. и в дальнейшем получили широкое распространение в степях Евразии [Овчинникова, 1990, с. 45, 49, рис. 10; Кубарев, 2005, с. 59, рис. 16.-5]. Изделия типа 2а находят ближайшие аналогии в памятниках тюрок, кыпчаков и населения сросткинской культуры 2-й половины VIII – 1-й половины X в. [Уманский, 1970, рис. 7.-27–28; Бараба..., 1988, рис. 39.-1–2, 5; Овчинникова, 1990, с. 50–51, рис. 26.-2–4]. Подвески типа 2б имеют аналогии в тюркском погребении из Минусинской котловины, в кимакском погребении из Восточного Казахстана и в сросткинских памятниках из северных предгорий Алтая и Кузнецкой котловины, которые относятся ко 2-й половине IX – 1-й половине XI в. [Археологические памятники..., 1987, с. 148, рис. 77.-5–6; Бородкин, 1977, с. 141, рис. 2.-2; Илюшин, 1999б, с. 46, рис. 56.-3; Худяков, 2004, рис. 86.-51–52; Горбунов, Тишкин, Семибратов, 2020, с. 239, рис. 5.-8–9, 6.-21–22]. В трех из них подвески найдены в комплекте с серьгами.

Перстни, служившие для украшения пальцев рук человека, найдены всего на трех сросткинских памятниках Приобского плато (табл. 3.-*5, 25, 27*). На могильнике Быково-IV обнаружен бронзовый перстень. Данное изделие (треть его обломана) литое, с округлым абрисом и уплощенной дужкой, верхняя часть которой расширена в небольшой щиток. Диаметр перстня 2 см, ширина щитка 0,5 см, ширина дужки 0,2 см, толщина 0,1–0,15 см (рис. 128.-*27*). У тюрок на кудыргинском этапе бытовали простые бронзовые кольца, не получившие в дальнейшем распространения [Гаврило-

ва, 1965, табл. IX.-10, XX.-3–4, 6; Овчинникова, 1990, с. 53]. Однако они могли послужить основой для появления перстней со слабо выделенным щитком. Именно такие перстни встречены в погребениях сросткинской культуры 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. [Уманский, 1970, с. 61, рис. 7.-24]. Перстни, похожие на экземпляр из Быково-IV, есть в Пенджикенте (конец VII – VIII в.) и в Дмитриевском могильнике салтово-маяцкой культуры (середина VIII – начало X в.) [Распопова, 1980, рис. 76.-13; Плетнева, 1989, рис. 61.-2(30)].

Из разрушенного погребения на памятнике Кипринский Борок-7 происходит бронзовый перстень. У него уплощенная дужка округлого абриса, нижний край которой разорван. Верхняя часть дужки расширяется, образуя ромбовидный щиток. На лицевой поверхности имеется точечная гравировка с растительным мотивом, изображающая пару раздвоенных побегов. Диаметр перстня 1,9 см, наибольшая ширина щитка 0,9 см, ширина дужки 0,1–0,3 см, толщина 0,1–1,5 см (рис. 128.-*28*). Перстни с ромбовидными щитками, но без орнамента, известны в сросткинском могильнике Иня-1 (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.) [Уманский, 1970, рис. 7.-30–31].

В погребении на памятнике Мало-Панюшово были найдены два бронзовых перстня с повреждениями разной степени. Оба изделия имеют округлые уплощенные дужки со спрямленным верхним краем. У одного перстня (размерами 2,1×1×0,2×0,13 см) выделен овальный щиток, в центре которого отлито рельефное изображение раскрывшегося цветочного бутона (рис. 128.-*29*). У второго перстня (размерами 2×1,2×0,3×0,1 см) имеется щиток овально-фестончатой формы, также с рельефным раскрывшимся бутоном в центре (рис. 128.-*30*). Ближайшие аналогии этим экземплярам – два медных (серебряных?) перстня из кургана Корболиха-VII, датируемого IX в. [Могильников, 2002, с. 53, рис. 162.-4]. Похожие изделия есть в материалах Пенджикента конца VII – VIII в. и салтово-маяцкой культуры середины VIII – начала X в. [Распопова, 1980, рис. 77.-11; Плетнева, 1989, рис. 61.-3 (15, 98)].

Подвески могли служить в качестве самостоятельных украшений, носившихся на ремешке отдельно или группами в составе ожерелья, но могли и нашиваться на одежду. Основным признаком этого вида изделий является наличие хотя бы одного отверстия для подвешивания. Если таких отверстий больше, тогда это, скорее всего, *нашивки,* но четкое их разграничение вряд ли возможно без хорошей сохранности органических материалов. В курганах Приобского плато подвески (нашивки) зафиксированы в 10 погребениях (табл. 3.-*7, 11, 12, 15, 25, 27, 30, 33, 37, 44*). Некоторые из них (Грань, Поповская Дача, Яровское-III) представлены незначительными обломками серебряной фольги размерами 1,4–1,6×1,1–1,2 см (рис. 26.-*6–7*) и мельче, и можно лишь предполагать, что они являлись нашивками на одежду. Более определенно на такую роль подходят обломки серебряной фольги с отверстиями из могильника Нечунаевский Елбан-2 [Уманский, Неверов, 1982, рис. 2.-5]. Наконец, явно об этом свидетельствует фрагмент пластинки из цветного металла размерами 1×0,7 см с отверстиями на куске ткани из памятника Яровское-III (рис. 6.-*4*). Вероятно, нашивками являлись и перламутровые пластинки с парными отверстиями (размерами 1,2×1 см) из погребения кургана №5 могильника Прудской (рис. 84.-*4–5*). Также роль нашивки мог выполнять закругленный кусок кварца (размерами 4,2×2,6 см) с двумя отверстиями из могилы-2 кургана №1 памятника Гоньба, а фрагмент резного дерева из могилы кургана №8 того же некрополя мог быть подвеской [Тишкина, 2010, с. 45, рис. 1.-4; Артюх, 2010, с. 78].

Остальные 15 изделий определенно являлись подвесками. Они отлиты из цветных металлов и вполне могут быть подвергнуты систематизации. По особенностям конструкции и формы их можно разделить на несколько типов.

Тип 1. Шаровидный колокольчик с пластинчатым или петельчатым ушком. Изделие состоит из двух спаянных полушарий с валиком посередине, внутрь которых помещался маленький металлический шарик. К верхней половине припаяна пластинка или петелька с отверстием для подвешивания, а нижняя имеет прорезь: Гонь-

ба, курган №1, могила-3 – 1 экз., диаметр 1,7 см (рис. 128.-*31*); Грязново-III, курган №1 – 1 экз. (нижняя половинка), диаметр 2,5 см, длина прорези 2 см, ширина 0,2 см (рис. 128.-*32*). Бронзовые двухчастные, нередко позолоченные колокольчики-бубенчики, определяемые как подвески и даже пуговицы, найдены в тюркских памятниках катандинского этапа (2-я половина VII – 1-я половина VIII в.), а затем были широко распространены по Евразии в пределах VIII–XI вв. [Овчинникова, 1990, с. 53–54, рис. 27.-21–22, 24–25; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 6.-4, 6–7]. Среди ближайших аналогий типу 1 можно отметить находки из памятников кимаков, кыпчаков, населения сросткинской культуры и других общностей Западной Сибири 2-й половины VIII – 1-й половины XI в. [Грязнов, 1956, табл. LV.-4–5, LVI.-6; Уманский, 1970, рис. 7.-25; Археологические памятники..., 1987, рис. 111.-5; Бараба..., 1988, рис. 16.-2, 37.-6–7; Троицкая, Новиков, 1995, рис. 3.-20; Беликова, 1996, рис. 81.-22; Алехин, 1998, рис. 4.-6, 6.-4–5; Адамов, 2000, рис. 44.-4; Могильников, 2002, рис. 9.-8, 82.-17; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004, рис. 1.-14; Илюшин, 2005, табл. 5.-139–140, 9.-75]. В XI–XIV вв. в Западной Сибири преобладание получили цельнолитые колокольчики [Басандайка, 1948, табл. 30.-92–93, 33.-15; Плетнева, 1997, рис. 84.-10–12; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, рис. 75.–6–7; 102.-5].

Тип 2. Сердцевидный медальон с пластинчатым ушком. Изделие состоит из пластины сердцевидного абриса, на верхнем крае которой выступает небольшая пластинка с отверстием для подвешивания. Корпус пластины снабжен пятью или шестью ажурными прорезями. На его лицевой стороне нанесен орнамент из зерни: Мало-Панюшово, могила – 6 экз., длина 3,1–3,6 см, ширина 2,6–2,7 см (рис. 128.-*33*); Гоньба, курган №1, могила-3 – 1 экз., 4,5×3,3 см (рис. 128.-*34*). Аналогичные подвески встречены в памятниках кыпчаков и сросткинской культуры середины VIII – XI в. [Могильников, 1981, рис. 27.-50–51; Бараба..., 1988, рис. 9.-4, 7].

Тип 3. Орнитоморфный медальон с пластинчатым ушком. Изделие состоит из рельефной пластины, изображающей двух противостоящих птиц, на верхнем крае которой выступает пластинка с отверстием для подвешивания: Мало-Панюшово, могила – 1 экз., 3,2×2,9 см (рис. 128.-*35*). Точных аналогий этому предмету не найдено, но по стилю ему близки изображения петухов-фениксов из могильника Гилево-I, датируемого концом VIII – серединой IX в. [Могильников, 2002, рис. 5.-3–4]. Похожие изображения парных птиц встречаются на более сложных подвесках и копоушках из памятников кимаков и сросткинской культуры середины IX – середины XI в. [Грязнов, 1956, табл. LV.-10–11; Археологические памятники..., 1987, рис. 113.-10; Могильников, 2002, рис. 144.-5].

Тип 4. Каплевидный кулон с кольчатым ушком. Изделие состоит из двух выпуклых половинок, в верхней части которых имеется колечко с отверстием для подвешивания. Корпус украшен либо валиками, либо резными линиями: Грязново-III, курган №1 – 1 экз. (две половинки), длина 3,3 см, ширина 1,8 см, толщина 0,1 см (рис. 128.-*36*); Кипринский Борок-7, могила – 1 экз. (обломанная половинка), 2×1,6×0,1 см (рис. 128.-*37*). Аналогичные вещи встречаются в средневековых памятниках Евразии середины VIII – XII в. [Грязнов, 1956, табл. LV.-1–3; Плетнева, 1989, рис. 58; Алехин, 1998, рис. 4.-4; Адамов, 2000, с. 61, рис. 41.-19, 44.-5–6, 46.-22; Могильников, 2002, рис. 133.-5].

Тип 5. Ромбовидный кулон с кольчатым ушком. Изделие представлено одной выпуклой половинкой, в верхней части которой имеется колечко с отверстием для подвешивания. Его края оформлены фигурно-скобчатыми выемками, а лицевая поверхность орнаментирована четырьмя трилистниками: Мало-Панюшово, могила – 1 экз., 4,6×3,1×0,1 см (рис. 128.-*38*). Точных аналогий этому предмету не найдено, но по стилю оформления ему близки вещи из могильника с Предалтайской равнины Корболиха-VII, датируемого IX в. [Могильников, 2002, рис. 162.-1, 10].

Тип 6. Ромбовидный кулон с четырьмя кольчатыми ушками. Изделие представлено одной выпуклой половинкой, по углам которой имеются колечки с отверстиями.

Его края оформлены фигурно-скобчатыми выемками, а лицевая поверхность орнаментирована двумя трилистниками и завитками: Мало-Панюшово, могила – 1 экз., 5,3×4,1×0,1 см (рис. 128.-*39*). Близкая аналогия этому предмету есть на уже упоминавшемся памятнике Корболиха-VII [Могильников, 2002, рис. 162.-1].

Тип 7. Зооморфный амулет. Изделие состоит из рельефной пластины, изображающей животное с тремя ногами, длинными ушами и хвостом: Мало-Панюшово, могила – 1 экз., 2,6×2,1 см (рис. 128.-*40*). Аналогий этой вещи не найдено.

Бусы могли использоваться как в составе ожерелий и браслетов, особенно экземпляры крупных размеров, так и нашиваться на одежду. В сросткинских курганах Приобского плато найдено 56 бусин. Они происходят из 13 погребений (табл. 3.-*3, 6, 15–18, 20–21, 29, 34, 37, 39, 44*). По материалу изготовления бусы нашей серии предварительно можно разделить на группы, по форме – на типы, а по цветности – на варианты.

Группа I. Хрустальные.

Тип 1. Асимметрично-бипирамидальные, восьмигранные. *Вариант а* – бесцветные: Яровское-III, одиночный курган – 1 экз., 1,8×1,2 см (рис. 5.-*4*; 129.-*1*).

Группа II. Сердоликовые.

Тип 2. Цилиндрические, восьмигранные. *Вариант а* – красные: Яровское-III, одиночный курган – 1 экз., 1,6×0,8 см (рис. 5.-*5*; 129.-*2*).

Группа III. Халцедоновые.

Тип 3. Шаровидные. *Вариант а* – дымчато-белые: Яровское-III, одиночный курган – 2 экз., 1,1–1,5×1,1–1,5 см (рис. 5.-*6–7*; 129.-*3–4*).

Тип 4. Призматические, многогранные. *Вариант а* – дымчато-розовые: Яровское-III, одиночный курган – 1 экз., 1,4×1,3×0,9 см (рис. 5.-*8*; 129.-*5*).

Группа IV. Янтарные.

Тип 5. Призматические, шестигранные. *Вариант а* – желтовато-коричневые: Грязново-III, курган №2, могила-1 – 4 экз. (обломаны), 1,4–1,2×1–1,2 см (рис. 129.-*6–7*), Грязново-III, курган №2, могила-2 – 1 экз. (обломан), 1,2×1,2 см (рис. 129.-*8*).

Группа V. Стеклянные.

Тип 6. Шаровидные. *Вариант а* – бежевые: Боровиково-IV, курган №1, могила-1 – 1 экз. (с двумя выступами), 1×0,7 см (рис. 109.-*5*; 129.-*9*); Нечунаевский Елбан-2, могила-1 – 1 экз., 0,5×0,4 см. *Вариант б* – зеленые: Гоньба курган №1, могила-2 – 1 экз., 1,3×1,3 см (рис. 129.-*10*); *Вариант в* – черные: Нечунаевский Елбан-2, могила-1 – 5 экз., 0,4–0,5×0,4–0,5 см (рис. 129.-*11*).

Тип 7. Уплощенно-шаровидные. *Вариант а* – бесцветные: Грязново-III, курган №1 – 1 экз., 0,8×0,5 см; Ильинка, могила-3 – 8 экз., 0,3–0,4×0,2–0,3 см (рис. 129.-*12*). *Вариант б* – черные: Рогозиха-1, курган №10, могила-2 – 1 экз., 1,2×1 см (рис. 129.-*13*); Нечунаевский Елбан-2, могила-1 – 1 экз., 0,7×0,4 см (рис. 129.-*14*).

Тип 8. Двухчастные уплощенно-шаровидные. *Вариант а* – бежевые: Боровиково-IV, курган №1, могила-1 – 1 экз., 1,8×1,2 см (рис. 109.-*4*; 129.-*15*).

Тип 9. Цилиндрические. *Вариант а* – бежевые: Боровиково-IV, курган №1, могила-1 – 1 экз., 0,7×0,7 см (рис. 109.-*6*; 129.-*16*); Прудской, курган №5 – 4 экз. (с выступами), 0,8–1×0,7–0,9 см (рис. 84.-*6–9*; 129.-*17*). *Вариант б* – двухцветные, зеленые с красными глазками: Заковряшино, курган – 1 экз., 2,5×2,2 см (рис. 129.-*18*). *Вариант в* – черные: Рогозиха-1, курган №10, могила-2 – 3 экз. (два с выступами), 0,8–0,9×0,7–0,9 см (рис. 129.-*19–21*).

Тип 10. Биконические. *Вариант а* – бежевые: Прудской, курган №2, могила-2 – 1 экз., 0,6×0,6 см (рис. 73.-*3*; 129.-*22*).

Тип 11. Асимметрично-биконические. *Вариант а* – синие: Заковряшино, курган – 1 экз., 3,9×2,3×1,4 см (рис. 129.-*23*).

Тип 12. Асимметрично-эллипсоидные. *Вариант а* – черные: Гоньба курган №1, могила-2 – 1 экз., 2,7×1,6 см (рис. 129.-*24*). *Вариант б* – бесцветные: Грязново-III, курган №1 – 1 экз., 3×2,1×1,3 см (рис. 129.-*25*), курган №2, могила-2 – 4 экз., 3–3,9×1,5–2,3×0,9–1,2 см (рис. 129.-*26*); курган №2, могила-1 – 4 экз., 1,3–2×0,8–1,1×0,5–1 см

(рис. 129.-*27*). *Вариант в* – коричневые: Грязново-III, курган №2, могила-1 – 1 экз. (обломана), 1,1×0,9×0,8 см (рис. 129.-*28*).

Тип 13. Сердцевидные. *Вариант а* – трехцветные, с желтым кантом, коричневой и белой полосами и коричневыми глазками: Грязново-III, курган №2, могила-1 – 1 экз., 0,9×0,7×0,3 см (рис. 129.-*29*).

Тип 14. Трапециевидные. *Вариант а* – черные: Рогозиха-1, курган №10, могила-2 – 1 экз., 1,7×0,8×0,3 см (рис. 129.-*30*).

Группа VI. Бронзовые.

Тип 15. Кольцевидные: Грязново-III, курган №3, могила-2 – 2 экз., 1,1×0,5 см (рис. 129.-*31*).

Данная классификация бус носит демонстрационный характер. Их датировка через приведение аналогий выделенным типам представляется не очень продуктивной, так как, помимо формы и цвета, существенную роль может сыграть материал и технология изготовления, окончательно судить о которых лучше после специальных исследований. В целом же представленный типовой набор бус из сросткинских курганов Приобского плато вполне сопоставим с имеющимися систематизированными описаниями находок из памятников сросткинской культуры с территории Алейской степи и Новосибирского Приобья [Адамов, 2000, с. 61–63; Могильников, 2002, с. 118–120]. Это позволяет заключить, что бусы нашей серии укладываются в хронологический период 2-й половины VIII – XII в. – время существования сросткинской культуры.

К крепежным элементам одежды можно отнести булавки и застежки, найденные в четырех погребениях (табл. 3.-*7, 17, 28, 32*).

Булавки служили для закалывания волос, скрепления их с головным убором, возможно, как навершия этих уборов, а также могли скреплять и верхнюю одежду. Однако они выполняли не только практическую, но еще и декоративную функцию, чему способствовала отделка их навершия. На Приобском плато найдены три булавки. Одна биметаллическая в погребении могильника Грязново-III и две бронзовые из могильника Гоньба (один экземпляр из погребения, а другой не имеет привязки к объекту). По оформлению навершия их можно разделить на два типа.

Тип 1. Зооморфные. Булавка состоит из округлого стержня-иглы, верхняя часть которого бронзовая, а нижняя железная с остатками дерева. Навершие отлито в виде профильной фигурки животного, ноги которого сведены вместе, пасть открыта, ухо стоит вертикально, хвост S-образно изогнут: Грязново-III, курган №2, могила-2 – 1 экз., общая длина 9 см, размеры навершия 2×1,9×0,2 см, диаметр стрежня до 3 мм (рис. 129.-*32*). Биметаллические булавки весьма характерны для памятников Алтае-Саянской горной страны и Обь-Иртышского междуречья IX–X вв. Чаще всего их навершия выполнены в образе птиц [Кызласов, 1977, с. 99–102, рис. 8–9]. Изображения зверей встречаются гораздо реже. По стилю к типу 1 ближе всего стоят булавки из кимакских могильников 2-й половины IX – 1-й половины XI в. [Археологические памятники..., 1987, рис. 113.-7; Алехин, 1998, рис. 4.-1–2; Арсланова, 1998, рис. 2.-24].

Тип 2. Лировидные. Булавки имеет стержень-иглу с заостренным нижним окончанием, а их верхнее окончание раздваивается, образуя спиральные завитки, обращенные наружу. Сверху к ним примыкает горизонтальная волнообразная композиция, также имеющая завитки: Гоньба, курган №1, могила-3 – 1 экз., общая длина 6,5 см, размеры навершия 3,3×1,9 см, диаметр стержня до 0,4 см (рис. 129.-*33*), без номера объекта – 1 экз. (стержень обломан), общая длина 2,3 см, размеры навершия 2,4×1,6 см, диаметр стержня 0,3 см (рис. 129.-*34*). Изделия обозначенного типа имеют лишь отдаленные аналогии среди кыргызских железных булавок с лировидными навершиями 2-й половины X – XII в. [Кызласов, 1977, с. 96–97, рис. 1.-1–2, 3.-3].

Застежки применялись, судя по нахождению в неограбленных погребениях, для соединения пол и рукавов верхней одежды, а также для скрепления плащей. Сложное оформление этих изделий делало их не только функциональными, но и значимыми декоративными предметами. Застежки состоят из двух отдельных частей, образующих

единую конструкцию. Они имеют одинаковую форму и декор. Но одно из них снабжено прорезью, выполнявшей функцию рамки, а у второго на месте прорези находится сплошной более узкий стержень, выполнявший функцию язычка. Он вставлялся в рамку перпендикулярно, а затем поворачивался в параллельную с ней плоскость, в результате чего изделие замыкается. Для удержания в рамке язычок имеет расширение-щиток на внешнем окончании и более крупное расширение на своем основании. Рамка снабжена такими же щитками. На основании большинства изделий есть отверстия, которые позволяли пришить и рамку, и язычок к противоположным краям одежды, которую они были призваны застегивать.

На Приобском плато такие застежки зафиксированы в погребениях на трех памятниках и насчитывают две полных пары (язычок и рамка) и еще четыре половинки-рамки (всего от шести застежек). По общему виду половинок или по виду характерных деталей, определяемому на ассоциативном уровне, можно выделить два типа изделий.

Тип 1. Орнитоморфные, в виде летящей утки. Половинки застежки реалистично изображают летящую птицу, крылья и хвост которой образуют щитки на основании, а голова и клюв – мелкие внешние щитки. Шея соответствует сплошному или прорезному соединяющему стержню: Нечунаево-3, курган №1, могила-2 – 2 экз. (три половинки: один язычок и две рамки), длина 4,5 см, ширина 3,6 см (рис. 129.-*35*). Аналогичные застежки известны среди находок на территории Верхнего Прииртышья и Минусинской котловины, которые датируются IX–X вв. [Король, 2008, с. 143, рис. 34.-4, табл. 16.-14].

Тип 2. Крыловидные. Щитки на основании половинок застежки напоминают крылья и хвост в форме трилистника, что в сочетании с более мелкими внешними щитками-трилистниками и шейкой дает стилизованный образ летящей птицы: Грязново-III, курган №2, могила-2 – 1 экз. (одна половинка-рамка), 3,5×2,1×0,2 см (рис. 129.-*36*); Поповская Дача, одиночный курган, могила-1 – 3 экз. (четыре половинки: один язычок и три рамки), 3,2–3,5×2,2–2,4×0,3 см (рис. 55.-4–7; 129.-37). Аналогии типу 2 встречаются среди материалов из памятников кимаков Восточного Казахстана и населения Западной Сибири середины IX – XII в. [Басандайка, 1948, с. 104, 153, табл. 50.-58; Археологические памятники..., 1987, с. 207, 246, рис. 102.-5–8; Беликова, 1996, с. 51, 98, рис. 83.-11; Арсланова, 1998, с. 100, рис. 2.-9–10]. Его происхождение можно связать со стилизацией реалистичного образа летящей утки предыдущего типа. Видимо, застежки-утки бытовали в IX–X вв., а крыловидные застежки сменили их в течение X в. и применялись до XII в. включительно.

Сама *одежда* из сросткинских курганов Приобского плато представлена фрагментарно: это либо куски выделанной кожи, либо обрывки текстиля. Такие находки зафиксированы в девяти погребениях (табл. 3.-*6, 8, 11, 17, 32, 41–42, 44–45*).

Из могильника Гоньба происходят кусок шерстяной ткани (табл. 3.-*6*), полоска шерстяной ткани, которой были связаны или просто обернуты две серьги (табл. 3.-*8*), остатки кожи на ногах погребенного, скорее всего, от обуви (табл. 3.-*11*). В могиле-2 кургана №2 памятника Грязново-III на тыльной стороне бронзовой застежки зафиксирована грубая беловато-серая ткань полотняного переплетения из растительных волокон [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 119].

Наиболее важные материалы обнаружены в могиле-1 одиночного кургана Поповская Дача. Там на лицевой части черепа ребенка зафиксирован крупный кусок двойной ткани размерами 24×12 см с металлическими аппликациями (рис. 53), которые определяются как золото и серебро [Тишкин, 2019, с. 149]. Помимо этого, найдены еще два кусочка подобной ткани размерами 13–14,5×3–4 см (рис. 54.-*1–2*) и отпечатки орнамента на перекрытии деревянного ложа, видимо, также связанные с тканью (рис. 52.-*3–4*; 54.-*3–6*).

На могильнике Успеновка-II (в могиле-1 кургана №3) возле нижней челюсти человека был расчищен фрагмент кожи, а на клинке меча зафиксирован прикипевший кусок толстой ткани (рис. 102.-*1*). В неограбленной части могилы кургана №1 памят-

ника Филин-I за головой погребенного лежал крупный фрагмент двухслойной кожи размерами 22×9,5 см (рис. 41.-*1*). В могиле-1 кургана №1 на памятнике Яровское-V зафиксировано наличие подстилки и покрывала из грубой ткани, а также полоска ткани на лбу погребенной (рис. 10.-*2*), которая, возможно, была остатком головного убора (например, в виде ленты-повязки).

Довольно разнообразные органические материалы были обнаружены в могиле одиночного кургана Яровское-III: обрывок ткани с пластиной-нашивкой из цветного металла (рис. 6.-*4*) и четыре фрагмента ткани с выцветшим орнаментом (рис. 6.-*2–3, 5, 7*). Среди этих обрывков есть несколько кусочков шелка, который применялся как тесьма, разрезаясь на узкие полоски, а растительный орнамент был вышит контрастной нитью [Глушкова, 2001, с. 72; Тишкин, 2019, с. 148].

Все находки, связанные с одеждой, конечно же, нуждаются в дальнейшем более углубленном изучении специалистами и лишь тогда станут пригодными для определения датировки и других обобщений.

3.4. Орудия труда и предметы быта

Изделия, предназначенные для производственной деятельности человека, а также для его обслуживания, найдены в 53 могилах сросткинской культуры на Приобском плато (табл. 4). Это составляет 49% от общего количества из 108 погребений. Среди них можно выделить следующие виды предметов: ножи, тесла, охотничьи стрелы, оселки, напильники, шилья, пряслица, посуда, зеркала, гребни, игольники, кресала, сумочки.

Ножи – это универсальные орудия, предназначенные для резания различных органических материалов, незаменимые в производстве и быту [Зиняков, 1988, с. 82]. Хозяйственные ножи отличаются от боевых экземпляров прежде всего меньшей длиной клинка. На Приобском плато такие изделия в количестве 40 штук обнаружены в 38 погребениях (табл. 4.-*1–5, 9–10, 13–21, 23–24, 26–28, 30–32, 34–42, 46–47, 49, 51–52*). Лишь в одной могиле найдено сразу три ножа: два – с мужчиной и один – с женщиной и ребенком (табл. 4.-*46*). В остальных объектах они встречены по одному.

Все ножи откованы из железа, но по пяти экземплярам нет другой информации (табл. 4.-*1–2, 9–10, 32*). Они имеют однолезвийный клинок треугольного или килевидного сечения. Из них у восьми экземпляров сохранился лишь клинок или его фрагменты (табл. 4.-*3–5, 13, 27, 42, 47, 52*). Еще у девяти ножей сохранился черен с частью клинка (табл. 4.-*15–17, 19, 26, 34, 37, 41, 46*). Только 18 ножей оказались относительно целыми (табл. 4.-*14, 18, 20–21, 23–24, 28, 30–31, 35–36, 38–40, 46(2), 49, 51*). У многих изделий остались следы древесины от рукояти и ножен. Большинство ножей имеют прямой клинок, прямую или слегка наклонную рукоять, образующую при переходе в клинок либо одно плечико со стороны лезвия, либо два плечика (со стороны лезвия и со стороны спинки). Судить однозначно об этих признаках у ряда изделий из-за степени сохранности затруднительно. Размеры хозяйственных ножей варьируют в следующих пределах: общая длина 7–16 см, длина клинка 3,5–12 см, наибольшая ширина клинка 1,2–2,8 см, наибольшая толщина клинка 0,3–1 см, длина черена 2–5,4 см, наибольшая ширина черена 0,8–2 см (рис. 130.-*1–18*).

Ножи, похожие на изделия нашей серии, бытовали очень широко, и приведение аналогий им из других регионов и культур не будет иметь датирующего значения. Можно лишь отметить, что в памятниках сросткинской культуры в других районах ее ареала найдены точно такие же образцы [Грязнов, 1956, табл. LVI.-2; Уманский, 1970, рис. 6.-12–14, 17, 19–21; Тишкин, 1993а, рис. 5.-6–7; Неверов, Горбунов, 1996, рис. 3.-7, 4.-14; Савинов, 1998, рис. 1.-10, 5.-7, 6.-4, 7.-4; Илюшин, 1999б, рис. 3.-1, 8.-1, 16.-7, 55.-1, 56.-1, 66.-1; Адамов, 2000, 34.-5, 11, 37.-11, 46.-2; Могильни-

ков, 2002, рис. 18.-9, 37.-7, 45.-10, 68.-5, 120.-17, 133.-3, 188.-9; Горбунов, Тишкин, 2018а, рис. 2.-16–18].

Тесла служили специальными деревообрабатывающими орудиями [Кубарев, 2005, с. 72–74; Соенов, Константинова, 2015, с. 26–28]. Их конструкция включала несомкнутую втулку для насадки на рукоять и рабочее полотно или клинок, заканчивающийся лезвием, которым совершались тешущие и рубящие операции. В курганах Приобского плато найдены три железных тесла (табл. 4.-*23–24, 33*). Предмет из могилы кургана №2 Объездного-2 в публикации назван «мотыгой» [Телегин, 1999, с. 145], что представляется маловероятным, но поскольку его изображения нет, то данная находка отнесена нами к теслам пока условно. Остальные два экземпляра тесел по оформлению перехода втулки в клинок относятся к разным типам.

Тип 1. Со слабовыраженными плечиками. Место перехода втулки в клинок имеет расширение, образующее небольшие плечики: Камень-II, курган №13, могила-1 – 1 экз., общая длина 10 см, клинок 6,4×5,8×0,4 см, втулка 3,6×4,4×2 см (рис. 131.-*1*).

Тип 2. С сильно выраженными плечиками. Переход втулки в клинок оформлен четко выступающими плечиками: Ильинка, могила-3 – 1 экз. (клинок и верхняя кромка втулки обломаны), общая длина 8 см, клинок 3×5,2×0,3 см, втулка 5×3,5×1,4 см (рис. 131.-*2*).

На юге Западной Сибири железные тесла обнаружены в памятниках «эпохи Великого переселения народов», в материалах фоминского этапа (III – 1-я половина IV в.) кулайской культуры. Они имеют либо ровный переход втулки в клинок [Ширин, 2003, табл. XXVI.-6, XLIX.-3, LXXXIII.-49, XCV.-19], либо слабовыраженные плечики, близкие к типу 1 [Ширин, 2003, табл. XXVIII.-1, L.-2, LI.-2, LXXXIX.-3]. Тесла типа 1 найдены при исследовании многих памятников Евразии V–X вв. [Овчинникова, 1990, с. 58–59]. Изделия с сильно выраженными плечиками типа 2 эпизодически встречаются в памятниках VI–IX вв., но массовое их применение приходилось на X–XII вв. [Овчинникова, 1990, с. 59–60; Адамов, 2000, с. 48].

Стрелы, предназначавшиеся для охоты, обнаружены в трех погребениях на Приобском плато (табл. 4.-*3, 7, 41*). От них сохранились наконечники с черешковым насадом, различающиеся материалом изготовления и абрисом пера.

Группа I. Костяные (роговые).

Тип 1. Ромбические. Абрис пера в продольной плоскости напоминает ромб, хотя и с несколько сглаженными углами. Сечение пера по острию трехгранное, а дальше округло-граненное. Перо плавно переходит в округло-граненную шейку и только затем начинается уплощенный черешок: Боровиково-IV, курган №1, могила-1 – 1 экз., общая длина 11,8 см, перо с шейкой 6,4×1,3×0,7 см, черешок 5,4×1×0,7 см (рис. 109.-*3*; 131.-*3*). Наиболее близкие аналогии данному экземпляру есть в сросткинских погребениях на памятниках Ближние Елбаны-IX и Осинки (2-я половина XI – XII в.) [Грязнов, 1956, табл. LXI.-10; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, табл. III.-19–20]. Похожий наконечник происходит из насыпи кургана на могильнике Сопка-2, датируемом XII–XIV вв. [Молодин, Соловьев, 2004, с. 41, табл. IV.-9].

Тип 2. Шестиугольные. Абрис пера у них близок к шестиугольнику. Острие пера в сечении трехгранное, а основное тело шестигранное. Перо через выраженный упор переходит в округло-граненную шейку, которая также через упор переходит в уплощенный черешок: Гоньба, курган №2, могила-2 – 1 экз., общая длина 14 см, перо 4,6×1,3 см, шейка 3,8×0,9 см, черешок 5,6×1×0,6 см (рис. 131.-*4*). Этому изделию аналогий найти не удалось, но оформление его шейки и черешка довольно близкое, как у изделий типа 1.

Группа II. Деревянные.

Тип 3. Асимметрично-ромбические. Абрис пера напоминает ромб с преломлением сторон ближе к острию, но с нарушенными пропорциями из-за деформации основания. Острие пера по сечению ближе к треугольнику со скругленными углами. Черешок изделия разрушен: Прудской, курган №6, могила-1 – 1 экз., 6,7×2,9×1,4 см (рис. 94.-*4*;

131.-*5*). Наконечник похожей формы есть в материалах из могильника Кудыргэ (2-я половина VI – 1-я половина VII в.), пара близких изделий обнаружена в могильнике Усть-Алейка Клуб, датируемом 2-й половиной XIII – началом XIV в. [Гаврилова, 1965, табл. XI.-5; Кунгуров, 1991, рис. 3.-10, 12].

Оселки служили для заточки различных металлических инструментов и оружия, но могли применяться и для шлифовки кости и дерева. На Приобском плато найдены четыре оселка (табл. 4.-*12, 17, 22*). Все они каменные (сланец) и имеют следы сработанности. В одиночном кургане Грань два оселка были обнаружены в насыпи, к северо-западу от погребения (рис. 22.-*1*). Один из них – брусковидный, серого цвета, размерами 5,6×2,4×1,3 см (рис. 23.-*1*), а другой – загнуто-брусковидный, красноватого цвета, размерами 9,7×2,5×1 см (рис. 23.-*2*). В погребении кургана №3 памятника Грязново-II у левого колена умершего человека найден брусковидный оселок серого цвета (размерами 6×2,2×0,7 см) [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 113, рис. 2.-9]. В могиле кургана №2 памятника Грязново-IV под тазовой костью погребенного обнаружен брусковидный оселок зеленоватого цвета (размерами 9×2,7×1 см) [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 123, рис. 5.-9]. Судя по тому, что оселки не имеют отверстий для подвешивания, они могли носиться в сумке, крепившейся к поясу. Похожие изделия достаточно стабильно встречаются в памятниках сросткинской культуры [Грязнов, 1956, табл. LXI.-13; Уманский, 1970, рис. 9.-3; Савинов, 1998, рис. 5.-10; Илюшин, 1999б, рис. 52.-5; 2014, рис. 33.-13; Могильников, 2002, рис. 32.-17, 48.-21–22, 91.-14, 120.-15, 138.-11, 188.-10, 193.-16, 207.-8].

Напильники предназначались для опиловки, шлифовки и заточки металлических орудий и оружия [Зиняков, 1988, с. 94]. В курганах Приобского плато найдены три предмета, которые можно трактовать как напильники (табл. 4.-*40, 44, 48*). Такое железное изделие (размерами 8×1,5×0,7 см) из памятника Прудской имеет брусковидную рабочую часть трехгранного сечения и черен прямоугольного сечения, в месте перехода которых есть небольшие плечики (рис. 73.-*6*; 131.-*6*). Следующий железный предмет (размерами 8,4×1,2×1 см) обнаружен при раскопках памятника Успеновка-II. У него также брусковидная рабочая часть, вверху четырехгранного, а внизу округлого или многогранного сечения. Черен имеет прямоугольное сечение и остатки роговой рукояти (рис. 102.-*2*; 131.-*7*). Наконец, еще один железный предмет (размерами 16×1,3×0,7 см) происходит из одиночного кургана Яровское-III. Он имеет брусковидное тело овально-пятиугольного сечения, где рабочая часть четко не отделена от черена (рис. 5.-*1*; 131.-*8*).

В средневековых памятниках Алтая и юга Западной Сибири напильники встречаются не часто и далеко не всегда правильно опознаются, так как характерные для них насечки редко сохраняются из-за коррозии. Экземпляры, похожие на наши изделия, есть в сросткинских и кыргызских памятниках 2-й половины IX – X в. [Савинов, 1998, рис. 4.-2, 5.-8, 7.-5; Овчинникова, Длужневская, 2000, с. 30, рис. 11.-9, 35; Горбунов, Фролов, 2013, с. 113, рис. 3.-1–3; Горбунов, Тишкин, 2014, с. 60, рис. 7.-12; 2018а, рис. 2.-15].

Шилья служили для проделывания отверстий в плотных эластичных материалах, в основном кожи. Из находок, сделанных на Приобском плато, к шильям можно отнести три изделия (табл. 4.-*25, 44, 52*). Одно из них (размерами 4,2×3,8×0,6 см), обнаруженное на памятнике Камень-II, имело загнутый стержень круглого сечения, заканчивающийся острием, и выделенный небольшими уступами черен (рис. 131.-*9*). Другой предмет (размерами 3×1,1×0,6 см), лежавший в костяном футляре, из памятника Успеновка-II представлял собой четырехгранный стержень с Т-образным навершием и обломанным острием (рис. 102.-*4*; 131.-*10*). Третье изделие (размерами 5,5×1,2×0,6 см) из памятника Яровское-V было сделано в виде конусовидного стрежня с острием, верхняя часть которого оказалась обломана (рис. 20.-*5*; 131.-*11*).

Среди материалов сросткинской культуры шилья встречаются редко. Можно указать на экземпляр с целой рукоятью и фрагмент еще одного экземпляра из могильника Сростки-I [Савинов, 1998, рис. 5.-12; Горбунов, Тишкин, 2014, с. 60, рис. 7.-4].

Пряслица применялись в ткацком производстве и предназначались для надевания специально сделанного утяжелителя на деревянный стержень-прясло, увеличивая инерцию вращения веретена [Кубарев, 2005, с. 77–78]. В погребениях Приобского плато найдены три пряслица (табл. 4.-*11, 13, 52*). Все они имеют дисковидное тело с отверстием посередине. Каменное пряслице (размеры не известны) происходит из памятника Гоньба. Фрагмент керамического пряслица (размерами 5,5×2,2×0,8 см) обнаружен в памятнике Грязново-I (рис. 131.-*12*). Еще одно каменное пряслице светло-охристого цвета (размерами 5×1,2×0,8 см) зафиксировано при раскопках памятника Яровское-V (рис. 5.-*1*; 131.-*13*).

Каменные, керамические и костяные (роговые) пряслица известны по погребальным и поселенческим памятникам сросткинской культуры на всем протяжении ее существования [Уманский, 1970, рис. 9.-5; Грязнов, 1956, табл. LIX.-3; Адамов, 2000, с. 50, рис. 14.-16, 32.-5; Могильников, 2002, рис. 207.-1].

Посуда из сросткинских курганов Приобского плато представлена керамическими, металлическими и берестяными изделиями, которые зафиксированы в девяти погребениях (табл. 4.-*2, 8, 20, 26, 29, 33, 45, 46, 49, 53*). На памятнике Гоньба найдена то ли деревянная чаша, то ли керамический сосуд. Из пяти объектов определенно происходят керамические изделия.

1. Быково, курган, могила – четыре неорнаментированных фрагмента сероватого оттенка и слабого обжига от одного сосуда [Уманский, 1991, с. 130].

2. Грязново-III, курган №2, могила-1 – неорнаментированный сосуд кувшиновидной формы, с плоским дном, трапециевидным туловом с хорошо выраженными плечиками и невысокой шейкой с отогнутым наружу венчиком. Его высота 10,8 см, диаметр дна 4,2 см, диаметр тулова по плечикам 9 см, диаметр горловины 4,8 см (рис. 132.-*1*). Скорее всего, данное небольшое изделие использовалось для питья. Два очень похожих кувшинчика происходят из сросткинского кургана Хлеборобный Елбан-I, датированного 2-й половиной IX – 1-й половиной X в. [Казаков, Горбунов, 1993, рис. 1.-2–3]. Более крупные кувшиновидные сосуды с орнаментом известны в сросткинских памятниках 2-й половины IX – XII в. [Грязнов, 1956, табл. LVI.-4; Алехин, 1990, рис. 8; Могильников, 2002, рис. 207.-9; Горбунов, Тишкин, 2014, рис. 4.-7].

3. Коловый Мыс, курган №1 – два сильно профилированных венчика от разных сосудов. Один из них орнаментирован треугольно-зубчатым штампом и ямкой [Фролов, 1999, рис. 12.-9], что характерно для орнаментальной традиции сросткинской культуры [Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 219].

4. Мало-Панюшово, могила – небольшой горшок с отогнутым наружу округлым венчиком. Изображение не опубликовано.

5. Успеновка-II, курган №3, могила-2 – неглубокая плоскодонная чаша, без плечиков и шейки. Венчик орнаментирован треугольно-зубчатым штампом. Высота предмета 5,6 см, диаметр по дну 5 см, диаметр горловины 12,3 см (рис. 104; 132.-*2*). Ее небольшие размеры, видимо, свидетельствуют о принадлежности к столовой посуде для еды. Похожие, но более крупные чаши известны на сросткинских поселениях 2-й половины IX – XII в. [Адамов, 2000, рис. 10.-4, 20.-9, 28.-8; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 228, рис. 2.-3, 6].

Три сросткинских объекта содержали железную посуду. В могиле-2 кургана Барчиха и в могиле кургана №2 Объездное-2 она обозначена как фрагменты котлов, но их изображения отсутствуют. На памятнике Филин-I в погребении кургана №1 найдены сразу два железных изделия, которые правильнее будет назвать казанами, а не котлами, поскольку у них нет поддонов. Один казан целый. Его тулово сварено и склепано из трех листов железа, а дно образует один лист. На предмете пять приклепанных заплаток, видимо, от починки в процессе эксплуатации. Для подвешивания казан снабжен коромысловидной ручкой с крюковыми окончаниями. С одной стороны ее крюк продет в крюковидную пластину, приклепанную к верхнему краю емкости. С другой стороны крюк ручки просто вставлен в пробитое отверстие. Высота изделия 20,6 см,

размеры горловины 31×33 см, толщина стенок 0,4–0,6 см, длина ручки 33 см, ширина 0,5 см, толщина 0,3 см (рис. 41.-*2*; 132.-*3*). Второй казан был выброшен из ограбленной части могилы и сохранился в обломках. Можно отметить, что его тулово также состояло из трех сварено-склепанных листов, на которых было семь заплаток. Для крепления ручки (отсутствовала) в двух противоположных местах у верхнего края казана были приклепаны дуговидные петли. Предполагаемая высота изделия около 21 см, размеры горловины 28×28,5 см, толщина стенок 0,4–0,6 см (рис. 40.-*3*; 132.-*4*).

Представляется очевидным, что казаны из Филина-I предназначались для варки пищи. Фрагменты такой посуды и ручек от нее встречены в целом ряде сросткинских курганов 2-й половины IX – 1-й половины XI в., а целое изделие обнаружено в кыпчакском погребении XI–XII вв. на территории Барабы [Илюшин, 1998, рис. 17.-7; 2014, рис. 83; Могильников, 2002, с. 122, рис. 5.-8, 57.-1, 86.-10, 142.-13, 167.-5, 12, 186.-7; Молодин, Соловьев, 2004, с. 69, табл. XXI.-6].

В могиле-1 кургана №1 памятника Яровское-V зафиксированы остатки берестяного туеска (размерами 17×10 см) с шелухой от зерен (рис. 10.-*1–2*). Похожий туесок, только с мясной пищей, найден нами на могильнике Сростки-I [Горбунов, Тишкин, 2014, с. 60, рис. 4.-6].

К столовым приборам надо отнести бронзовую ложку из погребения в Мало-Панюшово. Она состоит из овального черпака с острым носиком и ручки, имеющей сложнофигурное навершие. Длина изделия 14 см, размеры черпака 5×3,7×1,6 см, толщина ручки 0,5 см (рис. 132.-*5*). Определенное сходство данный экземпляр имеет с бронзовыми и серебряными ложками из Согда, у части из которых есть фигурные окончания на ручках и которые относятся к VIII в. [Распопова, 1980, с. 126, рис. 80.-5, 7, 84]. Фигурные оформления окончаний ручек характерны также для железных ложек из могильника Саратовка в Кузнецкой котловине (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.) [Илюшин, 1999а, рис. 19.-1, 58.-17]. Среди сросткинских материалов 2-й половины XI – XII в. известна одна железная ложка, но ее конструкция отличается присутствием на окончании ручки подвижного кольца [Грязнов, 1956, табл. LXI.-17].

Зеркала найдены в четырех погребениях (табл. 4.-20, 34, 43, 48). Все они представлены фрагментами. В могиле-1 кургана №2 Грязново-III находился обломок бронзового зеркала размерами 5,1×3,4×0,25 см (рис. 132.-*6*). У него сохранился внешний край, судя по которому, зеркало имело круглую форму диаметром 12 см. Простые круглые зеркала без орнамента характерны в раннем Средневековье для региона Средней Азии, где датируются V–VIII вв. [Распопова, 1980, с. 119, рис. 79.-4–5]. В сросткинских памятниках они встречены в комплексах 2-й половины IX – XII в., отличаясь отсутствием или наличием валика вдоль бортика [Илюшин, 1993, рис. 34.-5; 1999, рис. 35.-1, 42.-1, 60.-2, 63.-3; 2014, рис. 50.-6; Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995, рис. 2.-12].

В могиле-1 одиночного кургана Поповская Дача лежал обломок зеркала размерами 5,6×2,75×0,3 см (рис. 55.-*1*; 132.-*7*). На фрагменте сохранился край фигурного бортика от двух неполных лопастей, оконтуренный на тыльной стороне валиком. Возле бортика осталась половина отверстия для подвешивания диаметром 0,35 см. Внешнее поле отделено валиком-ободком, за которым виден сильно затертый орнамент, напоминающий стилизованные облака. Зеркало изготовлено из бронзы (медно-оловянно-свинцовый сплав) [Тишкин, Серегин, 2011, с. 53, 81, табл. XXVIII.-1–4]. Наш фрагмент относится к зеркалам с восемью полукруглыми лопастями. Довольно точная аналогия ему – это более крупный фрагмент китайского зеркала периода Тан (VIII–IX вв.) из Минусинской котловины [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 60, рис. 37]. Среди сросткинских материалов фрагмент восьмилопастного зеркала с цветочным или даже облачным орнаментом известен из памятника 2-й половины X – 1-й половины XI в. [Неверов, Горбунов, 1996, с. 168, рис. 5.-5].

Третий фрагмент зеркала обнаружен в могиле-2 кургана №10 памятника Рогозиха-1. От него сохранился сегмент размерами 9,15×4,2×0,15 см (рис. 132.-*8*). Ров-

ный бортик зеркала свидетельствует о круглой форме изделия диаметром 11,8 см. Его край немного загнут на тыльную сторону, образуя валик шириной в 0,2 см. Орнамент состоит из семи циркульных окружностей с точкой в центре. Зеркало сделано из бронзы (медно-оловянный сплав) [Тишкин, Серегин, 2011, с. 54, 81–82, табл. XXIX.-1–4]. Круглые зеркала с циркульным орнаментом встречаются в памятниках VIII–IX вв. согдийцев и семиреченских тюрок, а в целом такой орнамент по металлу бытовал и в X–XII вв. [Распопова, 1980, с. 119–120, рис. 79.-6–7; Худяков, Табалдиев, 2009, с. 103, рис. 57.-1]. На территории Лесостепного Алтая фрагмент аналогичного зеркала найден в памятнике одинцовской культуры VI – 1-й половины VII в. [Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995, рис. 2.-9], что указывает на более раннее появление подобных изделий. Два фрагмента таких зеркал известны в памятниках кимаков Верхнего Прииртышья 2-й половины IX – 1-й половины X в. [Археологические памятники…, 1987, рис. 66.-14, 113.-8]. Еще один найден в памятнике сросткинской культуры 2-й половины X – 1-й половины XI в. на территории Кузнецкой котловины [Илюшин, 2014, рис. 45.-1].

Заключительный фрагмент зеркала происходит из могилы одиночного кургана Яровское-III. Он представлен сегментом размерами 7,4×3,35×0,6 см (рис. 5.-*9*; 132.-*9*). Бортик зеркала сделан в виде фигурно-скобчатых лопастей, усиленных на тыльной стороне валиком. Сохранилось две с половиной лопасти из восьми, диаметр зеркала достигает 9,5 см. Внешнее поле отделено валиком-ободком. В нем по центру каждой лопасти расположены чередующиеся изображения нераскрытого бутона с двумя листьями и стилизованная облачная лента. Основное орнаментальное поле содержит изображение облачных лент, головы и части туловища птицы (иволги?). Зеркало изготовлено из бронзы (медно-оловянно-свинцовый сплав) [Тишкин, Серегин, 2011, с. 58, 84–85, табл. XXXIII.-1–4]. Точными аналогиями нашему фрагменту являются два китайских зеркала периода Тан (VIII–IX вв.) из Минусинского музея [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 55–56, рис. 28]. Такое же, но меньшего диаметра, зеркало происходит из Дмитриевского могильника 2-й половины VIII – начала X в. [Плетнева, 1989, с. 104, 106, рис. 54.-1]. Фрагмент восьмилопастного фигурно-скобчатого зеркала с растительно-орнитоморфным орнаментом есть в сросткинском памятнике 2-й половины IX – 1-й половины X в. [Могильников, 1996, рис. 1.-1].

Гребни, в основном изготавливавшиеся из дерева и кости (рога), в курганах Приобского плато отсутствуют, но зато найден один такой предмет, отлитый из бронзы (табл. 4.-*29*). Он происходит из погребения в Мало-Панюшово и представляет собой изделие размерами 5,3×3,7×0,3 см с 17 сильно обломанными зубьями. Обушок гребня венчает круглое ушко с отверстием для подвешивания диаметром 0,3 см. Сам обушок снабжен ажурными прорезями и орнаментирован с обеих сторон. В нижнем узком орнаментальном поясе размещена зигзагообразная лента. Верхнее основное орнаментальное поле украшено изображениями нераскрывшихся цветочных бутонов, побегов и завитков (рис. 132.-*10*). В качестве весьма отдаленной аналогии данному изделию можно указать бронзовый предмет близкой формы с орнитоморфным орнаментом и петлей на широкой стороне обушка, трактуемый как имитация гребня, из могильника Релка (конец VI – начало IX в.) [Чиндина, 1977, с. 48, рис. 35.-23].

Игольники, предназначавшиеся для хранения и ношения игл и шильев, обнаружены в трех погребениях (табл. 4.-*6, 29, 44*). Они различаются по материалу изготовления, а также по конструкции и форме.

Группа I. Костяные (роговые).

Тип 1. Цельные, трубчатые. Игольник представляет собой полую, овальную в сечении трубку, в стенке которой просверлены четыре круглых отверстия: пара (диаметр 0,4 см) ближе к центру с одной широкой стороны и пара (диаметр 0,3 см) ближе к краю с другой. Внешняя сторона с каждой широкой стороны украшена пятью вертикальными канавками (ширина 0,1 см), по три из которых идут от края до края, а по две – от края до отверстий: Успеновка-II, курган №3, могила-1 – 1 экз. (фраг-

ментирован), высота 7 см, ширина 2,8×2,4 см, толщина стенки 0,6 см, ширина полости 1,5×1,2 см (рис. 102.-*3*; 132.-*11*). Внутри футляра находилось железное шило (рис. 102.-*4*). Костяные трубочки-игольники были довольно широко распространены во времени и пространстве, но точных аналогий нашему экземпляру пока не найдено. Определенное соответствие наблюдается с орнаментированным игольником из тюркского погребения в Туве середины VIII – начала IX в. [Овчинникова, 1990, рис. 34.-13; Древние тюрки…, 2013, с. 180, табл. V.-1].

Группа II. Из цветного металла.

Тип 2. Двухсоставные, ихтиоморфные. Игольник собран из двух половинок, каждая из которых отлита в виде парных рыб, примыкающих друг к другу брюхом. У них реалистично показаны головы и хвосты, а спинные плавники переданы спрямленными выступами. Тело рыб заполнено растительным орнаментом из розеток, стеблей и листьев, образующим две зоны: Мало-Панюшово, могила – 1 экз., высота 10,2 см, ширина до 4 см (рис. 132.-*12*). Бронзовые футляры в виде парных рыб известны в памятниках кимаков, кыпчаков и населения сросткинской культуры конца VIII – середины XI в. [Агеева, Максимова, 1959, с. 48, рис. 2.-5; Арсланова, 1968, табл. I.-188; 1998, с. 102, рис. 2.-25; Арсланова, Кляшторный, 1973, с. 307–308, табл. 1.-2; Памятники археологии…, 1987, 102.-1; Плотников, 1987, рис. 1.-3, 5–8; Неверов, Горбунов, 1996, рис. 5.-4; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004, рис. 1.-1]. Они весьма индивидуальны, имеют узнаваемые образы и крайне стилизованные изображения. То, что в них хранились железные иглы или шило, напрямую подтверждает находка из могильника Шадринцево-1 [Неверов, Горбунов, 1996, с. 168]. В материалах сросткинской культуры парные рыбы, помимо игольников, встречаются на поясных бляхах-накладках и подвесках из комплексов 2-й половины VIII – 1-й половины X в. [Могильников, 2002, рис. 144.-4, 217.-31; Горбунов, 2009б, рис. 1; 2009в, с. 126, рис. 1.-15а].

Тип 3. Двухсоставные, фляжковидные. Игольник собран из двух половинок, форма которых на ассоциативном уровне напоминает фляжку с узким горлом и округло-продолговатым туловом, расширяющимся вниз своеобразным веером-хвостом. На тулове изображен орнамент в виде «бесконечного узла», а веерообразная часть украшена «веревочными окончаниями» и перехвачена двойным пояском: Гоньба курган №1, могила-2 – 1 экз., высота 6,5 см, ширина до 4 см, толщина до 1,7 см, диаметр отверстия по горлышку 1 см, размеры прорези внизу 2,7×1 см (рис. 132.-*13*). Точные аналогии данному изделию есть в материалах из кыргызских и сросткинских памятников 2-й половины IX – 1-й половины XI в. [Нечаева, 1966, рис. 6.-4; Митько, 1991, рис. 3.-1; Илюшин, 2014, рис. 21.-3]. Игольник из погребения у с. Тарасово содержал набор железных иголок в кожаном чехле [Митько, 1991, с. 106]. Похожие игольники с веревочным низом, но с другим (орнитоморфным и растительным) орнаментом на тулове известны в кыргызских и сросткинских погребениях 2-й половины IX – 1-й половины X в. [Нечаева, 1966, рис. 12.-3; Горбунов, 1992, рис. 1.-5].

Кресала, служившие для высекания огня, представлены в курганах Приобского плато (табл. 4.-*41, 50–51*) почти исключительно небольшими камушками кремня, которые ударялись о железную основу для получения искры. Один кресальный камень (размерами 2,6×2,2 см) найден в могиле-1 кургана №6 на памятнике Прудской (рис. 90.-*6*), еще один (размерами 1,5×1,1 см) – в могиле-2 кургана №2 на памятнике Яровское-V (рис. 16.-*7*) и два (размерами 2,3–2,6×1,3–1,7 см) – в могиле кургана №3 этого же памятника (рис. 16.-*2–3*). В последнем случае сохранился аморфный фрагмент самого железного кресала длиной 2,6 см, к которому прикипел более крупный камушек (рис. 16.-*3*). В памятниках сросткинской культуры встречаются находки целых железных кресал в основном скобчатой формы [Тишкин, 1993а, рис. 5.-8; Могильников, 2002, рис. 142.-7, 188.-7, 206.-13; Илюшин, 2014, рис. 72.-5; Горбунов, Тишкин, 2018а, рис. 2.-13; Горбунов, Тишкин, Семибратов, 2020, с. 238, рис. 4.-5, 6.-13].

Сумочки предназначались для ношения на поясе небольших вещей. На Приобском плато можно отметить две такие находки (табл. 4.-*26, 48*). Органические остатки су-

мочки, в которой лежал фрагмент бронзового зеркала, сделанной из слоя ткани, кожи и меха, найдены в одиночном кургане Яровское-III (рис. 6.-*1, 6*). К гарнитуре сумки следует отнести ряд предметов из могилы-4 одиночного кургана Поповская Дача. Это восемь кусочков серебряной фольги размерами 0,9–2,3×0,8–1,1 см, на трех есть отверстия и 11 серебряных гвоздиков размерами 0,6–0,8×0,1–0,15 см (рис. 66.-*17–35*). Они могли оковывать верхний край сумки-кошелька, как это наблюдается у некоторых средневековых изделий [Тишкин, 2009, рис. 29–31]. К указанному набору из Поповской Дачи можно отнести две бронзовые бляхи-накладки. Одна их них, размерами 2,5×2,3×0,25 см, сделана в виде фигурки льва или собаки с тремя шпеньками для крепления на тыльной стороне (рис. 66.-*11*). Более детализированная аналогия этому предмету происходит из могильника Екатериновка-3 (2-я половина IX – 1-я половина X в.), где она входила в комплект украшений поясной сумки [История Алтая…, 2019, рис. 3.30.-5]. Еще три таких, но противоположно развернутых фигурки отмечены в составе украшений сумки из кургана Олтарь-1, датируемого XI–XII вв. [Бараба…, 1988, рис. 40.-4; Король, 2008, табл. 16.-5]. Похожая, но стилистически самостоятельная фигурка известна из кургана №10 могильника Пчела [Король, 2008, табл. 16.-4].

Вторая бляха, размерами 2,5×2×0,2 см, имеет форму пальметты с треугольной прорезью. Верхний край образуют четыре круга, а низ – композиция из цветочного бутона, листьев, завитков и ложной зерни. Лицевая сторона позолочена, на тыльной – три шпенька для крепления (рис. 66.-*14*). Точные аналогии этому изделию есть в могильнике Гилево-VII (2-я половина X – 1-я половина XI в.), где две такие бляхи связываются с украшениями колчана [Могильников, 2002, с. 23, рис. 46.-11, 48.-14]. Точно такие же бляхи известны в двух погребениях могильника Ивановка-III (2-я половина X – 1-я половина XI в.) [Алехин, 1998, рис. 2.-4, 3.-20–21]. Упоминается аналогичное изделие из памятника Пчела, а также несколько депаспортизированных находок [Король, 2008, с. 200, рис. 39.-4, 60.-5].

Вероятно, к сумке имеют отношение и небольшие обломки еще двух блях. Не исключено, что одна из них является неким подражанием бляхе в виде льва (рис. 66.-*12*), а другая напоминает своим декором верхний край бляхи-пальметты (рис. 66.-*13*).

Весьма близкий по составу набор вещей из серебряной фольги (орнаментированной) с отверстиями и блях-накладок, среди которых есть фигурка льва, был найден в погребении могильника Гилево-I [Могильников, 2002, рис. 5.-1–6]. Предполагается, что эти вещи служили для облицовки верхней части железного или деревянного сосуда [Могильников, 2002, с. 11]. Однако нельзя исключать, что они могут относиться к гарнитуре сумки.

3.5. Датировка и периодизация

Проведенный типологический анализ инвентаря из курганов Приобского плато помогает установить датировку как отдельных погребений, так и могильников, определив их место в разработанной периодизации сросткинской культуры. Корреляция нижних и верхних дат бытования предметов позволяет сделать это для большинства памятников.

1. Курганный могильник Барчиха. Раскопанный курган этого памятника содержал два погребения, в обоих имеются датирующие находки.

Могила-1: поясная пряжка (тип 8б) – IX – XII вв.; поясная бляха (тип 4б) – 2-я половина IX – XII в.

Могила-2: наконечники стрел (типы 7, 9, 10, 11), поясная бляха (тип 3) – 2-я половина VIII – XII в.; наконечники стрел (типы 19, 22) – 2-я половина XI – XII в.; наконечник копья (тип 2) – 2-я половина XI – XIV в.; поясная пряжка (тип 4) – VIII–XII вв.

Итоговая дата: 2-я половина XI – XII в.

2. Курганный могильник Боровиково-IV. В раскопанном кургане этого памятника находки были в могиле-1. Из них целый ряд имеет датирующее значение: накладка лука (тип 3), седельный пробой – 2-я половина IX – XII в.; лук (тип 2) – 2-я половина X – XII в.; удила и псалии (тип 1б) – конец VII – XII в.; поясная пряжка (тип 5б) – IX–XII вв.; охотничий наконечник стрелы (тип 1) – 2-я половина XI – XIV в.

Итоговая дата: 2-я половина XI – XII в.

3. Грунтовая могила Боровиково-V содержит две позиции датирующих предметов: удила и псалии (тип 1б) – конец VII – XII в.; поясная пряжка (тип 5а) – IX–XII вв.

Итоговая дата: IX–XII вв.

Учитывая близкое нахождение объекта Боровиково-V от могильника Боровиково-IV и их вероятную планиграфическую связь, можно предполагать сужение его датировки до времени последнего (2-я половина XI – XII в.) [Горбунов, Кондрашов, 2005, с. 42].

4. Курган Быково. Сборы из разрушенного погребения этого объекта содержали уздечные бляхи типа 1в, датируемые 2-й половиной IX – X в.

5. Курганный могильник Быково-IV. В погребении раскопанного кургана №5 этого памятника оказались следующие датирующие вещи: накладки лука (тип 2), наконечники стрел (типы 2, 5) – 2-я половина VIII – XII в.; накладка лука (тип 3), лук (тип 1б), наконечник копья (тип 3) – 2-я половина IX – XII в.; удила и псалии (тип 1а), поясной наконечник (тип 2) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.; поясная пряжка (тип 5а) – IX–XII вв.; перстень – конец VII – начало X в.

Итоговая дата: 2-я половина IX – начало X в.

6. Курганный могильник Гоньба (Казачий Взвоз). В пяти погребениях этого памятника обнаружен датирующий инвентарь.

Курган №1, могила-2: игольник (тип 3) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.

Курган №1, могила-3: подвеска (тип 1) – 2-я половина VIII – 1-я половина XI в.; подвеска (тип 2) – 2-я половина VIII – XI в.; булавка (тип 2) – 2-я половина X – XII в.

Курган №2, могила-1: наконечник стрелы (тип 2) – 2-я половина VIII – XII в.; накладка колчана – 2-я половина X – 1-я половина XI в.

Курган №2, могила-2: боевой нож – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.

Курган №4, могила: серьги (тип 1б) – 2-я половина IX – XII в.

Итоговая дата: 2-я половина X – 1-я половина XI в.

7. Одиночный курган Грань. Единственное погребение этого объекта, несмотря на ограбление, содержит много датирующих предметов: наконечники стрел (типы 8, 13), подпружная пряжка (тип 2) – 2-я половина VIII – XII в.; наконечник копья (тип 1) – 2-я половина IX – XII в.; меч (раздел I) – 2-я половина VIII – 1-я половина XI в.; удила и псалии (тип 1а), уздечные бляхи (тип 5б), поясная бляха (тип 5б) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.; уздечные наконечники (тип 3в) – 2-я половина X – 1-я половина XI в.; уздечная бляха (тип 1г) – 2-я половина IX – X в.; уздечная бляха (тип 2а) – 2-я половина X – XI в.; уздечная бляха (тип 8) – X–XI вв.; поясная пряжка (тип 7) – IX – 1-я половина XI в.

Итоговая дата: 2-я половина X в.

8. Курганный могильник Грязново-I. В трех погребениях этого памятника найдены только хозяйственные ножи и пряслице.

9. Курганный могильник Грязново-II. Датирующие вещи обнаружены в четырех погребениях этого памятника.

Курган №1, могила: поясная пряжка (тип 4) – VIII–XII вв.

Курган №2, могила-2: наконечник стрелы (тип 14) – 2-я половина VIII – XII в.

Курган №3, могила: псалий – 2-я половина IX – X в.; седельный пробой – 2-я половина IX – XII в.

Курган №5, могила: меч (тип 2) – 2-я половина VII – 1-я половина X в.; удила и псалии (тип 2б) – III–XI вв.; уздечные наконечники (тип 2), уздечные бляхи (тип 5б) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.; седельный пробой – 2-я половина IX – XII в.; поясная пряжка (тип 3) – конец VII – XII в.

Итоговая дата: 2-я половина IX – 1-я половина X в.

10. Курганный могильник Грязново-III. Датирующие вещи происходят из четырех погребений памятника.

Курган №1, могила: подвеска (тип 1) – 2-я половина VIII – 1-я половина XI в.; подвеска (тип 4) – 2-я половина VIII – XII в.

Курган №2, могила-1: кувшинчик – 2-я половина IX – 1-я половина X в.; зеркало – 2-я половина IX – XII в.

Курган №2, могила-2: кинжал – 2-я половина VII – XII в.; булавка (тип 1) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.; застежка (тип 2) – X–XII вв.

Курган №3, могила-1: наконечник стрелы (тип 13) – 2-я половина VIII – XII в.

Итоговая дата: 1-я половина X в.

11. Курганный могильник Грязново-IV. Датирующие вещи происходят из могилы кургана №1: наконечник стрелы (тип 6) – 2-я половина VIII – XII в.; удила и псалии (тип 2а) – 2-я половина IX – XI в.; поясная пряжка (тип 5а) – IX–XII вв.

Итоговая дата: 2-я половина IX – XI в.

Учитывая близость расположения и сходство погребального обряда, время сооружения всех курганных групп Грязново-I–IV можно определить по самой узкой дате (1-я половина X в.).

12. Курган Заковряшино. Коллекция из разграбленного погребения этого объекта содержит две датирующие позиции: уздечный наконечник (тип 3г) – 2-я половина X – XI в.; поясная пряжка (тип 8е) – IX – 1-я половина XI в.

Итоговая дата: 2-я половина X – 1-я половина XI в.

13. Грунтовый могильник Ильинка. Из раскопанных сросткинских погребений этого памятника датирующие вещи есть в могиле-3: наконечник стрелы (тип 1) – 2-я половина VIII – XII в.; удила и псалии (тип 3а) – XII–XIV вв.; поясные распределители (тип 2) – 2-я половина IX – XIII в.; тесло (тип 2) – X–XII вв.

Итоговая дата: XII в.

14. Курганный могильник Камень-I. Раскопанный курган №1 этого памятника не содержал инвентаря. Его датировку можно определить только по аналогии в погребальном обряде. Так наличие рамы-перекрытия, ограждавшей место наземного захоронения, находит соответствие на памятнике Рогозиха-1 [Горбунов, 2021, с. 168–169, 173], датировка которого приводится ниже.

15. Курганный могильник Камень-II. Все четыре погребения средневекового кургана №13 содержат датирующие вещи.

Могила-1: тесло (тип 1) – III–X вв.

Могила-2: поясная пряжка (тип 3) – конец VII – XII в.

Могила-3: наконечники стрел (типы 1, 8) – 2-я половина VIII – XII в.; меч (тип 1) – 2-я половина VIII – 1-я половина XI в.; поясная пряжка (тип 1) – X–XIV вв.; поясная пряжка (тип 5а) – IX–XII вв.; поясная пряжка (тип 8а) – IX – 1-я половина XI в.; поясной распределитель (тип 1) – VII–XI вв.; поясные бляхи (тип 4а) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.

Могила-4: накладки лука (тип 1) – 2-я половина V – 1-я половина X в.; накладка лука (тип 3), седельный пробой – 2-я половина IX – XII в.; лук (тип 1а) – 2-я половина IX – 1-я половина X в.; поясная пряжка (тип 3) – конец VII – XII в.; поясная пряжка (тип 5а) – IX–XII вв.

Итоговая дата: 1-я половина X в.

16. Грунтовая могила Кипринский Борок-7. Сборы из разрушенного погребения данного объекта имеют датирующее значение: уздечные бляхи (тип 5а) – 2-я половина VIII – 1-я половина IX в.; перстень – 2-я половина VIII – 1-я половина IX в.; подвеска (тип 4) – 2-я половина VIII – XII в.

Итоговая дата: 2-я половина VIII – 1-я половина IX в.

17. Курганный могильник Коловый Мыс. Погребение раскопанного кургана №1 содержит ряд датирующих вещей: наконечники стрел (типы 1, 2, 9) – 2-я половина VIII – XII в.; удила и псалии (тип 1б) – конец VII – XII в.; седельный пробой – 2-я половина IX – XII в.

Итоговая дата: 2-я половина IX – XII в.

18. Курганный могильник Кучук-1. В двух погребениях этого памятника есть датирующие предметы.

Курган №6, могила-1: наконечники стрел (типы 1, 6, 8, 11, 1б) – 2-я половина VIII – XII в.; уздечная бляха (тип 8) – X–XI вв.; поясная пряжка (тип 1) – X–XIV вв.; поясная пряжка (тип 8д) – IX – 1-я половина XI в.; поясной наконечник (тип 3а) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.; серьга (тип 1б) – 2-я половина IX – XII в.

Курган №7, могила-1: боевой нож – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.; уздечная бляха (тип 2б) – 2-я половина X – 1-я половина XI в.

Итоговая дата: 2-я половина X – 1-я половина XI в.

19. Грунтовая могила Мало-Панюшово. Данный объект содержал целый ряд датирующих предметов: уздечные бляхи (типы 1б, 7а) – 2-я половина VIII – 1-я половина IX в.; перстни – IX в.; подвеска (тип 2) – 2-я половина VIII – X в.; подвеска (тип 3) – конец VIII – 1-я половина IX в.; подвеска (тип 5) – IX в.; подвеска (тип 6) – IX в.; ложка – VIII – 1-я половина IX в.; игольник (тип 2) – конец VIII – 1-я половина XI в.

Итоговая дата: 1-я половина IX в.

20. Курганный могильник Нечунаево-3. В раскопанном кургане №1 могила-2 содержала датирующие находки: серьги (тип 1б) – 2-я половина IX – XII в.; застежки (тип 1) – IX–X вв.

Итоговая дата: 2-я половина IX – X в.

21. Грунтовый могильник Нечунаевский Елбан-2. Обе средневековые могилы этого памятника имели датирующие вещи.

Могила-1: наконечник стрелы (тип 1б) – 2-я половина VIII – XII в.; поясная пряжка (тип 6), поясные наконечники (типы 1, 4), поясные бляхи (типы 1, 2) – 2-я половина IX – 1-я половина половина X в.; серьга (тип 2а) – 2-я половина VIII – 1-я половина X в.

Могила-2: наконечник стрелы (тип 1б) – 2-я половина VIII – XII в.

Итоговая дата: 2-я половина IX – 1-я половина X в.

22. Курганный могильник Объездное-I. Материалы средневекового кургана №15 опубликованы кратко и лишь описательно. Поэтому в его датировке приходится опираться на мнение автора раскопок – X–XI вв. [Телегин, 2004, с. 473].

23. Курганный могильник Объездное-2. Погребение раскопанного кургана №2 имеет целый ряд датирующих вещей: уздечные пряжки (вариант а), уздечные бляхи (типы 3, 5б) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.; уздечные наконечники (тип 1б), уздечные бляхи (типы 1в, 7в) – 2-я половина IX – X в.; стремена (тип 3) – X–XII вв.

Итоговая дата: X в.

24. Курган (?) Плотниково. Коллекция из разрушенного погребения этого пункта имеет следующие датирующие позиции: уздечный наконечник (тип 1а), уздечные бляхи (тип 1а) – 2-я половина VIII – 1-я половина IX в.; уздечная бляха (тип 7б) – VIII – 1-я половина IX в.

Итоговая дата: 2-я половина VIII – 1-я половина IX в.

25. Курган Поповская Дача. В двух погребениях этого памятника найдено большое число датирующих вещей.

Могила-1: серьги (тип 1б) – 2-я половина IX – XII в.; застежки (тип 2) – X–XII вв.; зеркало – VIII – 1-я половина XI в.

Могила-4: наконечники стрел (типы 3, 5) – 2-я половина VIII – XII в.; мечи (тип 4), поясные бляхи (тип 5а), бляха-лев – 2-я половина IX – XII в.; удила и псалии (тип 1а), поясной наконечник (тип 3б), поясные бляхи (тип 4а) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.; уздечный наконечник (тип 3а), уздечные распределители (тип 2), бляха-пальметта – 2-я половина X – 1-я половина XI в.; уздечные наконечники (тип 5) – 2-я половина X – XII в.; уздечные распределители (тип 1), султанчик (тип 2) – XI–XII вв.; уздечная бляха (тип 11а) – X – 1-я половина XI в.; стремена (типы 1а, 2) – X–XI вв., стремя (тип 3) – X–XII вв.; седельная лука – IX–XIV вв.

Итоговая дата: 1-я половина XI в.

26. Курган Поспелихинский. В могиле этого объекта находились следующие датирующие вещи: удила и псалии (тип 2а) – 2-я половина IX – XI в.; уздечный наконечник

(тип 3г), уздечные бляхи (тип 2а) – 2-я половина X – XI в.; уздечная бляха (тип 6 а) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.

Итоговая дата: 2-я половина X – 1-я половина XI в.

27. Курганный могильник Прудской. В пяти могилах этого памятника имеются датирующие предметы.

Курган №3, могила-1: удила и псалии (тип 1б) – конец VII – XII в.; подпружная пряжка (тип 3а), поясная пряжка (тип 5а) – IX–XII вв.; седельный пробой – 2-я половина IX – XII в.

Курган №4, могила-2: напильник – 2-я половина IX – X в.

Курган №5, могила: меч (тип 4), уздечные наконечники (тип 4), седельный пробой – 2-я половина IX – XII в.; удила и псалии (тип 2а) – 2-я половина IX – XI в.; уздечные распределители (тип 1), султанчик (тип 2) – XI–XII вв.; уздечные бляхи (тип 11б) – X–XII вв.; уздечные бляхи (тип 11в) – 2-я половина X – XII в.; серьги (тип 2б) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.

Курган №6, могила-1: накладка лука (тип 3), седельный пробой – 2-я половина IX – XII в.; лук (тип 2) – 2-я половина X – XII в.; наконечники стрел (тип 15) – 2-я половина VIII – XII в.; наконечники стрел (тип 18) – 2-я половина VIII – 1-я половина XI в.; наконечник стрелы (тип 21) – 2-я половина X – 1-я половина XI в.; меч (тип 5) – 1-я половина IX – 1-я половина XI в.; подпружная пряжка (тип 3б) – IX–XII вв.; поясная пряжка (тип 8г) – IX – 1-я половина XI в.

Курган №6, могила-2: удила и псалии (тип 2а) – 2-я половина IX – XI в.

Итоговая дата: 1-я половина XI в.

28. Курганный могильник Рогозиха-1. Три средневековых погребения этого памятника содержат датирующие вещи.

Курган №10, могила-2: серьги (тип 1б) – 2-я половина IX – XII в.; зеркало – VI – 1-я половина XI в.

Курган №10, могила-3: меч (тип 5) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.; уздечный наконечник (тип 3б), султанчик (тип 1) – 2-я половина X – 1-я половина XI в.; стремена (типы 1а, 1в) – X–XI вв.; поясные бляхи (тип 5а) – 2-я половина IX – XII в.

Курган №15, могила: удила и псалии (тип 1а) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.; уздечный наконечник (тип 1б) – 2-я половина IX – X в.

Итоговая дата: 2-я половина X в.

29. Курганный могильник Успеновка-II. Датирующий инвентарь встречен в двух могилах раскопанного кургана №3.

Могила-1: меч (раздел II) – 2-я половина VII – 1-я половина X в.; напильник – 2-я половина IX – X в.

Могила-2: чаша – 2-я половина IX – XII в.

Итоговая дата: 2-я половина IX – 1-я половина X в.

30. Курганный могильник Филин-I. В погребениях обоих курганов этого памятника есть датирующие вещи.

Курган №1, могила: наконечники стрел (типы 1, 4, 7), поясные бляхи (тип 6) – 2-я половина VIII – XII в.; наконечник стрелы (тип 17) – 2-я половина VIII – 1-я половина XI в.; меч (тип 3), удила и псалии (тип 1а), уздечные наконечники (тип 2), уздечные бляхи (типы 6б, 10б) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.; уздечные бляхи (тип 2в) – 2-я половина IX – XI в.; уздечные бляхи (типы 4, 8), стремена (тип 1а) – X–XI вв.; стремя (тип 3) – X–XII вв.; поясная пряжка (тип 1) – X–XIV вв.; поясная пряжка (тип 2) – 2-я половина X – XIV в.; поясная пряжка (тип 8в) – IX – 1-я половина XI в.; поясные наконечники (тип 5) – VIII–XIV вв.; поясные распределители (тип 2) – 2-я половина IX – XIII в.; казаны – 2-я половина IX – XII в.

Курган №2, могила: уздечные пряжки (вариант б), уздечная бляха (тип 9) – 2-я половина X – 1-я половина XI в.; уздечная бляха (тип 10а) – 2-я половина IX – 1-я половина XI в.; седельный пробой – 2-я половина IX – XII в.

Итоговая дата: 2-я половина X – 1-я половина XI в.

31. Курган (?) Хабазино-4. Вещи из разрушенного погребения этого объекта, имеющие датирующее значение: наконечники стрел (типы 1, 12) – 2-я половина VIII – XII в.; стремя (тип 1б) – 2-я половина IX в.

Итоговая дата: 2-я половина IX в.

32. Курганный могильник Шелаболиха-3. Из двух раскопанных средневековых курганов на этом памятнике только в одном погребении оказались датирующие предметы.

Курган №7, могила-2: поясная пряжка (тип 5а) – IX–XII вв.; поясная пряжка (тип 8в) – IX – 1-я половина XI в.

Итоговая дата: IX – 1-я половина XI в.

33. Одиночный курган Яровское-III. В погребении этого памятника найдено несколько датирующих вещей: меч (раздел II) – 2-я половина VII – 1-я половина X в.; напильник – 2-я половина IX – X в.; зеркало – VIII – 1-я половина X в.

Итоговая дата: 2-я половина IX – 1-я половина X в.

34. Курганный могильник Яровское-V. В двух погребениях этого памятника оказались датирующие предметы.

Курган №3, могила: удила и псалии (тип 2а) – 2-я половина IX – XI в.

Курган №4, могила: наконечники стрел (тип 20) – 2-я половина X – 1-я половина XI в.

Итоговая дата: 2-я половина X – 1-я половина XI в.

В развитии сросткинской археологической культуры выделяются четыре последовательных этапа [Неверов, Горбунов, 2001, с. 176; Тишкин, Горбунов, 2002б, с. 83–84; Горбунов, 2012, с. 551–553]. Сросткинские могильники, раскопанные на Приобском плато, распределяются согласно этой периодизации следующим образом.

Инской этап, 2-я половина VIII – 1-я половина IX в. К раннему этапу относится только три памятника: Кипринский Борок-7, Мало-Панюшово, Плотниково. Из них памятник Мало-Панюшово более поздний.

Грязновский этап, 2-я половина IX – 1-я половина X в. К этому этапу относится 10 памятников: Быково-IV, Грязново-I–IV, Камень-II, Нечунаевский Елбан-2, Успеновка-II, Хабазино-4, Яровское-III. Из них памятник Хабазино-4 является более ранним, а Грязново-III и Камень-II – более поздними.

Шадринцевский этап, 2-я половина X – 1-я половина XI в. К данному этапу относится 11 памятников: Гоньба, Грань, Заковряшино, Камень-I, Кучук-1, Поповская Дача, Поспелихинский, Прудской, Рогозиха-1, Филин-I, Яровское-V. Из них памятники Грань и Рогозиха-1 являются более ранними, а Поповская Дача и Прудской – более поздними.

Змеевский этап, 2-я половина XI – XII в. К позднему этапу относится четыре памятника: Барчиха, Боровиково-IV–V, Ильинка. Из них памятник Ильинка является более поздним.

Оставшиеся шесть памятников имеют хронологию, выходящую за рамки отдельных этапов. Из них могильники Быково, Нечунаево-3 и Объездное-2, скорее всего, надо отнести к грязновскому этапу, а могильники Коловый Мыс, Объездное-I и Шелаболиха-3 – к шадринцевскому. На это указывает как сходство отдельных вещей с предметами из более узко датированных комплексов, так и близость погребального обряда, который будет рассмотрен в следующей главе.

ГЛАВА IV

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВА

Погребальные памятники сросткинской культуры, выявленные на Приобском плато, представлены курганными могильниками, одиночными курганами, грунтовыми могильниками и отдельными грунтовыми могилами (табл. 5). Все без исключения курганы приурочены к высоким береговым террасам или водоразделам, как правило, занимая самую высокую точку на окружающей местности. Грунтовые погребения, наоборот, находятся в пределах речных пойм на останцах коренного берега (елбанах). Единственным исключением является могила памятника Боровиково-V, планиграфически связанная с курганной группой Боровиково-IV [Горбунов, Кондрашов, 2005, с. 42].

Курганные могильники численно преобладают. Их состав варьируется от двух до восьми объектов. Можно выделить самостоятельные некрополи, где курганы образуют цепочки (часто неровные), вытянутые по общему направлению Ю–С с различными отклонениями: Барчиха, Боровиково-IV, Грязново-I–IV, Камень-I, Коловый Мыс, Нечунаево-3, Прудской, Успеновка-II, Филин-I, Яровское-V (рис. 7; 21.-*1*; 68.-*2*; 96.-*1*; 106.-*1*) [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 106; Уманский, 1997, с. 154; Могильников, Уманский, 1998, рис. 1.-1; Телегин, 1998, с. 182; Фролов, 1999, с. 14]. Также самостоятельными могут быть и одиночные курганы: Грань, Поповская Дача, Поспелихинский, Яровское-III (рис. 2.-*1*; 30.-*1*; 49) [Уманский, Неверов, 1982, с. 176]. В целом, подобная планиграфия характерна для большинства сросткинских могильников из других районов всего культурного ареала. Отличие Приобского плато заключается в отсутствии больших некрополей, насчитывающих по нескольку десятков курганов, например, как на памятниках Иня-1 (37 насыпей) или Сростки-I – (61 насыпь) [Горбунов, Тишкин, 2014, с. 55; Горбунов, 2020а, с. 31]. Также можно отметить более частую встречаемость одиночных объектов на Приобском плато.

Другим вариантом планиграфии сросткинских курганов является их пристройка к могильникам раннего железного века (каменская культура). В этом случае одна, две или три сросткинских насыпи располагаются к востоку, западу или югу от цепочки каменских объектов, иногда практически интегрируясь в ее состав: Быково-IV, Камень-II, Кучук-1, Объездное-1, Рогозиха-1, Шелаболиха-3 [Могильников, Куйбышев, 1982, с. 113; Шамшин, Лузин, Неверов, Изоткин, 1992, рис. 1.-1; Горбунов, 1996, с. 162; Кирюшин, Горбунов, Алехин, 1999, рис. 1.-1; Телегин, 2004, с. 473; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, рис. 1.-3]. Данная ситуация напоминает традицию пристройки курганов тюркской культуры к цепочке погребальных сооружений пазырыкской культуры, отмеченную для Горного Алтая [Кубарев, 2005, с. 12–13].

Грунтовых могильников обнаружено мало. Их планиграфические особенности сложно выявить из-за незначительного количества и разрушенности изученных погребений: Ильинка и Нечунаевский Елбан-2 – по две могилы, Кипринский Борок-7 и Мало-Панюшово – по одной могиле (табл. 5.-*13, 16, 19, 21*). Скорее всего, грунтовые могилы имели рядное расположение (так же, как это наблюдается для нескольких могил под одной курганной насыпью). Грунтовые некрополи и отдельные могилы

датируются в рамках всего периода существования сросткинской культуры. Помимо Приобского плато, они известны на Предалтайской и Предсалаирской равнинах, на Бийско-Чумышской возвышенности, но везде их число невелико [Грязнов, 1956, с. 145; Горбунов, 1992, с. 86; Бородаев, Горбунов, 1995, с. 154; Кирюшин, Горбунов, 1998, с. 198; Могильников, 2002, с. 65–66; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 8–10]. Видимо, данная ситуация связана с преобладанием традиции сооружения курганных захоронений, хотя, возможно, картина слегка искажается из-за случайности обнаружения грунтовых могил.

Более подробно остановимся на характеристике значимых признаков погребального обряда.

4.1. Курганные сооружения

К подобным сооружениям относятся сама насыпь кургана, а также объекты, возводимые вокруг нее: ров и находящиеся внутри деревянные рамы-ограды и столбы.

Все насыпи сросткинских курганов на Приобском плато являются земляными и перекрывают собой либо одну, либо несколько (до пяти) могил одновременно. Они имеют округлую или овальную форму и полусферический профиль. Однако в силу оплывания грунта, а особенно из-за распашки и ограбления, судить о первоначальном виде этих объектов весьма сложно. Более устойчивым признаком, хотя тоже дошедшим до нас с известными искажениями, остается диаметр насыпи (или два диаметра при овальной форме). По этим данным (для овальных насыпей учитывался максимальный показатель) рассматриваемые курганы можно разделить на три группы.

1. Крупные: семь курганов диаметром 24,5–35 м и высотой 0,55–0,8 м (табл. 5.-*1, 13, 34–35, 46, 48–49*). Это самостоятельные одиночные и парные объекты или комплекс, образующий группу с курганами средних размеров, которая пристроена к цепочке насыпей каменской культуры. Число могил под насыпью составляет от одной до пяти. Такие крупные сооружения практически пока не известны в других районах ареала сросткинской культуры. Только на Предалтайской равнине в могильнике Гилево-XVI один курган имел диаметр 28 м и входил в группу с двумя насыпями по 10 и 12 м [Могильников, 2002, с. 44–45].

2. Средние: 13 курганов диаметром 15–20 м и высотой 0,15–1 м (табл. 5.-*3, 24, 28, 30–31, 36, 43–45, 47, 50–52*). Среди них есть одиночные и парные объекты, а также курганы, входящие в состав групп с мелкими насыпями. Они могут располагаться самостоятельно или пристраиваться к цепочкам сооружений каменской культуры. Число могил варьирует от одной до пяти. Встречаются такие курганы (хотя и не часто) по всему ареалу распространения памятников сросткинской общности.

3. Мелкие: 34 кургана диаметром 4–13,2 м и высотой 0,12–0,85 м. Часто они образуют самостоятельные группы от двух до восьми объектов. Иногда один или два объекта интегрированы в цепочку сооружений каменской культуры, могут входить в один некрополь с курганом средних размеров. Число могил составляет от одной до четырех. Преобладают во всех районах сросткинского ареала. По размерам данную группу можно разбить на три подгруппы.

А. Курганы диаметром 11–13,2 м и высотой 0,25–0,85 м – 13 объектов (табл. 5.-*2, 4, 14–15, 21–22, 27, 32, 37–39, 41, 53*).

Б. Курганы диаметром 8–10,6 м и высотой 0,12–0,71 м – 13 объектов (табл. 5.-*7, 16–20, 23, 29, 40, 42, 54–56*).

В. Курганы диаметром 4–6,6 м и высотой 0,18–0,71 м – восемь объектов (табл. 5.-*5–6, 8–12, 25*).

Такой показатель, как высота насыпи, оказался малоинформативным, он сильно зависел от сохранности объекта. Есть средние и даже мелкие курганы, которые превосходят по нему крупные. В большинстве случаев это связано с многолетней распашкой. Так, курганы, исследованные в XIX в., имели весьма высокие насыпи. У курганов, раскопанных в 1970-е гг., они также существенно выше, чем у курганов, сохранившихся к 1990–2000 гг.

Сооружение рва зафиксировано вокруг 21 сросткинского кургана на Приобском плато (табл. 5.-*1, 13, 15, 18, 24, 28, 30–31, 33–36, 38, 43–50*). Ров охватывал насыпь, ограждая площадку вокруг одной или нескольких могил. Форма и размеры рва достаточно тесно связаны с аналогичными параметрами кургана. Рвы округлой формы сопутствуют крупным и средним курганам (Барчиха, Грязново-II, Камень-II, Кучук-1, Объездное-1, Объездное-2, Рогозиха-1). Рвы овальной формы вытянуты по линии ЮЗ–СВ. По своему абрису они могут приближаться к прямоугольнику с сильно скругленными углами. Такие рвы сопровождают крупные, средние и мелкие курганы подгруппы-А (Грань, Грязново-I, Грязново-IV, Поповская Дача, Прудской, Успеновка-II, Филин-I). Один раз выявлен двойной ров 8-видной формы (Шелаболиха-3). У крупных курганов ширина рвов составляет 1,5–2,4 м, а глубина 0,5–1,3 м, у средних курганов – ширина 0,7–1,85 м, глубина 0,3–1,3 м, у мелких курганов – ширина 0,65–0,95 м, глубина 0,2–0,55 м.

Только в одном случае, на памятнике Успеновка-II, удалось зафиксировать, что ров своими размерами (22,5×20,7 м) существенно превышал насыпь (17,1×16 м), образуя с восточной стороны более значительную свободную площадку (рис. 97.-*1*). Во всех остальных случаях насыпь достаточно плотно прилегала ко рву. Видимо, часто данная картина связана с распашкой курганов, которая способствует растаскиванию насыпи по всей площади, ограниченной рвом. Это не позволяет проследить самостоятельный контур насыпи внутри границ рва. Ситуация, аналогичная как на Успеновке-II, отмечена для ряда сросткинских курганов со рвами на памятниках Торопово-1, Ишаново, Шестаки-I в Кузнецкой котловине [Илюшин, 1999б, с. 52; 2014, с. 33; Кузнецов, 2004, с. 44].

Рвы, зафиксированные у курганов, могут быть сплошными (рис. 50.-*1*), а могут иметь обозначенный вход-выход в виде перемычки, которая образуется либо разрывом линии рва еще на поверхности (рис. 70.-*2*), либо представляет собой материковую приступку, оставленную во рву (рис. 31.-*1*; 45.-*1*). На памятнике Успеновка-II таких приступок-перемычек было сразу две (рис. 97.-*1*). В большинстве объектов перемычки расположены в северо-восточной части рва. У кургана №2 на могильнике Грязново-II имелись два разрыва-перемычки (с северо-востока и с юго-запада), а у кургана №9 на некрополе Рогозиха-1 перемычка оказалась в западной части рва [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 109; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, рис. 35.-1].

Заполнения рвов, как правило, содержали остатки поминальной тризны или жертвоприношений: отдельные кости животных, черепа и нижние челюсти лошадей, скелеты собак (рис. 50.-*3*; 99; 100.-*1*). Большая их часть сосредоточена в восточной части рва и, особенно, у перемычки (рис. 22.-*1*; 31.-*1*; 45.-*1*; 50.-*1*; 97.-*1*).

В других районах распространения памятников сросткинской культуры курганы со рвами, имеющими вышеперечисленные признаки, известны на территории Кулундинской равнины – Архангельское, Кирилловка-V, Степной Кучук-1; Бийско-Катунского междуречья – Сростки-I; Новосибирского Приобья – Крохалевка-13; Кузнецкой котловины – Бековo, Ишаново, Озерки-V, Промышленная-1, Торопово-1, Шанда, Шестаки-I [Уманский, 1993, с. 207–208; Илюшин, 1993, с. 29; 1999, с. 51–55; 2014, с. 33–35; Могильников, 1996, с. 159; Бобров, 1997, рис. 2; Адамов, 2000, рис. 47; Кузнецов, 2004, рис. 2.-2, 13.-1; Горбунов, Гельмель, 2007, рис. 4; Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012, рис. 51; Горбунов, Тишкин, 2018а, рис. 1].

На раннем инском этапе сросткинской культуры (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.) курганы со рвами практически не известны. Возможно, сильно разрушенный

позднейшими постройками ров был у одного кургана из 29 раскопанных на могильнике Иня-1 [Горбунов, 2020а, с. 31]. Вроде бы участок рва зафиксирован на памятнике Тузовские Бугры-2, но объект остался недоисследованным [Шмидт, 1999, с. 130–131]. Судя по датировкам памятников, рвы получили распространение в сросткинском ареале на грязновском этапе (2-я половина IX – 1-я половина X в.), а пик их сооружения приходится на шадринцевский этап (2-я половина X – 1-я половина XI в.). На позднем змеевском этапе (2-я половина XI – XII в.) их число стало уже незначительным.

Сама традиция прокапывания рвов была известна на территории Приобского плато и прилегающих районов еще в раннем железном веке у населения каменской культуры [Могильников, 1997, с. 16–17]. Однако с рубежа эр наступил длительный перерыв в сооружении курганных могильников, а с ними исчезли и рвы. Вновь эта традиция возродилась у носителей сросткинской культуры, видимо, ближе к середине IX в. Не исключено, что этому могли способствовать контакты с населением Барабы, у которого зафиксировано использование рвов в курганах 2-й половины VIII – середины IX в., например, на могильнике Чулым-2 [Бараба..., 1988, с. 54, рис. 8].

Еще одним сооружением являются деревянные рамы-ограды. На Приобском плато их остатки зафиксированы на могильнике Прудской в трех малых курганах (подгруппы А и Б). Лучше всего такая ограда сохранилась в кургане №3. Она представляла собой раму из четырех брусьев, образующих конструкцию квадратной формы, размерами 5×5 м, высотой 0,15–0,18 м. Ее стенки ориентированы по сторонам света с отклонением по оси ЮЗ–СВ. Брусья соединялись между собой в паз и имели выступавшие окончания. Восточный брус перекрывал северный и южный, а северный – западный. Рама сооружена вокруг центральной могилы-1, а ее южная стенка перекрывала боковую могилу-2 (рис. 74.-*2*; 75). В кургане №4 от ограды сохранилась только часть южной стенки в виде деревянного бруса, распавшегося на пять частей. Его общая длина 5 м, ориентация по оси ЮЗ–СВ, высота 0,15 м. Ограда первоначально окружала центральную могилу-1 и перекрывала боковую могилу-2 (рис. 79.-*1–2*). В кургане №6 от ограды сохранилась восточная стенка из деревянного бруса, распавшегося на две части, общей длиной 3,55 м, ориентацией по оси ЮЮВ–ССЗ, высотой 0,1 м. Первоначально рама была сооружена вокруг могилы-1 и, вероятно, южной стенкой перекрывала могилу-2 (рис. 88.-*2*).

Аналогичные рамы-ограды квадратной или трапециевидной формы отмечены в сросткинских памятниках Бийско-Чумышской возвышенности (Ближние Елбаны-VI и VIII, Новотроицкое-1), Предалтайской равнины (Гилево-XV) и Кузнецкой котловины (Мусохраново-1, Озерки-I, II и V, Шабаново-3) [Грязнов, 1956, с. 145, табл. LIII.-II; Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995, с. 247–248, рис. 1.-2; Илюшин, 1998, рис. 2–3, 10, 12; 2021, с. 34, рис. 7, 13; Могильников, 2002, с. 75, рис. 128.-1; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 61–62, рис. 40; Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012, рис. 30, 45, 51]. Можно отметить, что они ограничивали в кургане определенное сакральное пространство вокруг центрального погребения. Их конструкция состояла из четырех бревен, брусьев или досок, окончания которых накладывались друг на друга в паз или внахлест, с выступанием или впритык, образуя углы сооружения. Когда в кургане есть боковые могилы, ограда часто перекрывает их. Это свидетельствует о том, что она сооружалась после совершения всех захоронений, за какое-то время до возведения насыпи [Горбунов, 2021б, с. 171].

Судя по датировке памятников, рамы-ограды использовались в погребальном обряде населения сросткинской культуры на грязновском и шадринцевском этапах, т.е. во 2-й половине IX – 1-й половине XI в. Их появление, возможно, связано с влиянием кочевников Кимакского каганата. Собственно кимаки Верхнего Прииртышья возводили вокруг центральных могил каменные ограды-стенки, а кыпчаки Барабы и Западной Кулунды – ограды-стенки из сырцовых кирпичей [Могильников, 2002, с. 71–73]. Другим источником влияния могло стать население Кузнецкой котловины, где с VIII–IX вв. (или даже раньше) существовала традиция использования деревян-

ных рам для кремированных захоронений и сооружения жертвенников в курганах [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 60–62].

Весьма характерными сооружениями являются деревянные столбы. Они обнаружены под насыпями 23 крупных, средних и малых (подгруппы А и Б) курганов (табл. 5.-*2, 4, 13, 15–17, 24–25, 27, 34–35, 37–38, 42–43, 47, 49–51, 53–56*). Столбы фиксируются в восточной части кургана, на некотором расстоянии (1,3–7,6 м) от «изголовья» могилы, т.е. в том направлении, куда ориентирована голова умершего человека. Они изготавливались из ошкуренных и обтесанных стволов деревьев диаметром 0,07–0,4 м и устанавливались вертикально в выкопанную яму глубиной в материке 0,1–0,4 м. Сохранившаяся высота обнаруженных столбов составляет 0,25–0,7 м, что почти не превышает уровня древней поверхности. Основание столбов относительно ровно срублено или спилено, а верхняя часть сломана и бывает обуглена. Встречены столбовые ямы с полностью утраченными столбами (рис. 14.-*2*; 97.-*1*).

В одиночном кургане Грань впервые достоверно был найден длинный столб, который после поломки остался лежать рядом с ямой (рис. 22; 23.-*3*). Видимо, аналогичная ситуация была в Камне-I [Могильников, Уманский, 1998, с. 185, рис. 1.-2]. В курганах Поповской Дачи и Филина-I верхние части сломанных столбов были перемещены далеко от своих ям, но остались в пределах насыпей (рис. 45.-*1*; 50.-*1*). Эти находки указывают на то, что первоначально (до сооружения насыпи) столбы стояли и достигали значительной высоты (до 3 м). Перед возведением насыпи их выступавшая над поверхностью часть ломалась или даже сжигалась.

На Приобском плато встречены следующие вариации расположения столбов относительно могилы:

1. Один столб в «изголовье» одной могилы. Если могил в кургане несколько, то чаще это центральное погребение и редко боковое. В таких могилах, как правило, захоронен взрослый человек, в том числе в сопровождении одного или трех коней, реже – взрослый и ребенок (рис. 9.-*1*; 12.-*2*; 14.-*2*; 17.-*2*; 22.-*1*; 45.-*1*; 69.-*1*; 70.-*2*; 88.-*2*; 97.-*1*) [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 121; Горбунов, 1996, с. 163, рис. 1.-2; Могильников, Уманский, 1998, рис. 1.-2; Кирюшин, Горбунов, Алехин, 1999, рис. 1.-2; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, рис. 35.-1].

2. Два столба в «изголовье» одной или центральной могилы с захоронением одного-двух взрослых людей (рис. 107.-*1*) [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 109, 112, 123].

3. Ряд из трех столбов в «изголовье» одной могилы с захоронением взрослого в сопровождении коня или взрослого и двух детей [Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 111; Телегин, 1999, с. 145].

4. Ряд из пяти столбов в «изголовье» центральной могилы с захоронением двух взрослых и ребенка в сопровождении двух коней (рис. 50.-*1*).

В большинстве случаев число столбов соответствует числу людей в могиле, но иногда на одного погребенного приходится два или три столба.

Традиция сооружения деревянных столбов возле могил фиксируется на Приобском плато в грунтовом некрополе одинцовской культуры Троицкий Елбан-I 2-й половины IV – V в. [Горбунов, 1993, с. 81, рис. 1.-3; 1995, с. 148–149, рис. 1.-2]. Однако в остальных синхронных и более поздних одинцовских памятниках Лесостепного Алтая она не прослежена. Лишь в раннем сросткинском могильнике Иня-1 (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.) наблюдается использование столбов, расположенных в «изголовье» погребения и реже вокруг него [Горбунов, 2011, с. 20; 2020а, с. 31]. Нахождение столбов вокруг могилы также зафиксировано в одном кургане верхнеобской культуры на памятнике Крохалевка-13, синхронном Ине-1 [Троицкая, Новиков, 1998, с. 21, рис. 10.-45]. Вообще столбы встречаются во многих памятниках сросткинской культуры (чаще в курганах, но иногда и у грунтовых могил), являясь одной из отличительных черт погребального обряда изучаемой общности [Грязнов, 1956, с. 145–146, 154; Илюшин, 1993, с. 29; 1998, с. 55–59; 1999б, с. 54; 2014, с. 35; 2021, с. 34; Алехин, 1997, с. 134;

1998б, с. 202; Кирюшин, Горбунов, 1998, с. 199; Могильников, 2002, с. 80; Кузнецов, 2004, с. 63; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 61; Горбунов, Тишкин, 2018а, с. 74–75]. В двух случаях столбы отмечены у оград кимакских курганов Верхнего Приртышья, а в одном – в кыпчакском кургане Барабы, что, видимо, можно объяснить влиянием сросткинской традиции [Археологические памятники..., 1987, с. 158, 185, рис. 82, 95.-10; Бараба..., 1988, с. 10].

Достаточно устойчивый обычай сооружения столбов прослеживается в курганах, оставленных населением Кузнецкой котловины в конце V – 1-й половине X в. (саратовская культура) [Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1990, с. 30; Илюшин, Ковалевский, Сулейменов, 1996, с. 57; Илюшин, 1997, с. 9–10; 1999а, с. 45; Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 60; Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012, с. 114–115]. Там столбы устанавливались рядом с некоторыми могилами по обряду кремации, что близко к ситуации на вышеупомянутом могильнике Троицкий Елбан-I. Они как бы заполняют хронологическую лакуну между ранним этапом одинцовской культуры и ранним этапом сросткинской культуры. Вероятнее всего, традиция установки деревянных столбов восходит к самодийской среде юга Западной Сибири, которая сохранилась и получила дальнейшее развитие в рамках сросткинского объединения.

Кроме указанных сооружений, насыпи курганов содержат различные следы проводившихся поминальных тризн. К ним относятся колотые и целые кости животных, иногда помещенные в специальную яму (рис. 9.-*1, 3*). Это могут быть также скопления (порой обширные) кальцинированных костей животных. Реже встречаются фрагменты битой керамической посуды. Все такие находки в большей степени сконцентрированы в восточной половине кургана либо вокруг могил (рис. 2.-*2*; 12.-*2*; 14.-*2*; 17.-*2*; 22.-*1*; 31.-*1*; 45.-*1*; 50.-*1*; 79.-*1*; 82.-*2*; 88.-*2*; 97.-*1*; 107.-*1*).

Из 56 рассмотренных курганов Приобского плато 36 имели, помимо насыпи, дополнительные сооружения. Они могли использоваться как самостоятельно, так и сочетаться друг с другом: 11 – только ров (табл. 5.-*1, 18, 28, 30–31, 33, 36, 44–46, 48*), 2 – только рама-ограда (табл. 5.-*39–40*), 12 – только столбы (табл. 5.-*2, 4, 16, 17, 25, 27, 37, 51, 53–56*), 10 – ров и столбы (табл. 5.-*13, 15, 24, 34–35, 38, 43, 47, 49–50*), 1 – рама-ограда и столбы (табл. 5.-*42*). Все эти особенности погребального обряда, безусловно, отражают неоднородную этническую и социальную структуру оставившего их населения.

4.2. Конструкция могил

Из 108 могил, раскопанных на Приобском плато, информация об устройстве имеется по 106, хотя и не по всем показателям (табл. 5). Более общим признаком является отсутствие или наличие могильной ямы.

Наземных погребений, совершенных на уровне древнего горизонта, всего три (табл. 5.-*43, 67, 81*). Одно из них – детское в крупном одиночном кургане Поповская Дача со рвом и столбами, без всяких конструктивных элементов (рис. 50.-*1*, 56.-*3*). Аналогичные могилы есть в сросткинских некрополях Торопово-1, Ишаново, Мусохраново-1 на территории Кузнецкой котловины [Илюшин, 1999б, с. 52; 2014, с. 37; 2021, с. 23]. Два других погребения снабжены деревянными рамами с перекрытиями. На памятнике Камень-I (малый курган подгруппы-А со столбом) рама имела прямоугольную форму и состояла из четырех бревен. Продольные бревна (длиной 2,8–3 м) перекрывали поперечные (длиной 1,6 м). Окончания бревен выступали за пределы конструкции. На поперечных бревнах отмечены остатки дерева от продольного перекрытия. Внутри рамы зафиксированы кости скелета человека [Могильников, Уманский, 1998, с. 184, рис. 1.-2–3]. На памятнике Рогозиха-1 (средний курган №9 со рвом

и столбом) была обнаружена аналогичная рама, но сильно разрушенная ограблением, внутри которой найдены кости взрослого мужчины и ребенка [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 108, рис. 35.-1]. Конструкция в виде надмогильной рамы с перекрытием среди сросткинских материалов имеет всего одну аналогию: это курган №1 памятника Ближние Елбаны-IX на Бийско-Чумышской возвышенности, где похожая рама (но только трапециевидная с продольным бревенчатым перекрытием) находилась над могильной ямой с захоронением человека со шкурой коня [Грязнов, 1956, с. 154–155, табл. LX].

Таким образом, в сросткинских курганах узкие рамы прямоугольной или трапециевидной формы ограждали либо место наземного захоронения, либо место непосредственно вокруг могильной ямы. Их конструкция состоит из четырех бревен, наложенных друг на друга внахлест с выступанием окончаний, и служит основанием для размещения надмогильного перекрытия. К востоку от рамы вкапывались деревянные столбы. В одном случае был устроен ров. Сооружения рассмотренного типа прослежены на трех памятниках, два из которых (Камень-I и Рогозиха-1) датируются 2-й половиной X – 1-й половиной XI в., а третий (Ближние Елбаны-IX) – 2-й половиной XI – XII в. [Горбунов, 2021б, с. 170]. Это свидетельствует о том, что рамы с перекрытиями использовались населением сросткинской культуры на шадринцевском и змеевском этапах. Они связаны с захоронениями, которые являются редкими: по обряду наземной ингумации и ингумации со шкурой коня в могильной яме.

Появление на территории Приобского плато, а затем и на Бийско-Чумышской возвышенности захоронений под рамами-перекрытиями можно связать с проникновением туда населения из Среднего Прииртышья и Барабы. Именно там зафиксированы более массовые наземные и ямные погребения с ингумацией и ингумацией со шкурой коня под рамами-перекрытиями и срубами, которые могли сочетаться со рвами, датируемые 2-й половиной VIII – XII в. [Бараба..., 1988, с. 19–20, 70–71, 104–106; Горбунов, 2021б, с. 173]. Традиция надмогильного перекрытия с использованием рамы сохраняется и в монгольское время. Деревянные сооружения похожего типа зафиксированы в курганах 2-й половины XIII – начала XIV в. могильника Телеутский Взвоз-I на том же Приобском плато [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 121–122].

Остальные 103 могилы сооружены в виде углубленных в землю ям. Большинство из них имеет подпрямоугольную или овальную форму с ориентацией длинной осью по линии ЮЗ–СВ, реже З–В и очень редко ЮВ–СЗ. Их параметры вариабельны: длина от 1,1 до 3,32 м, ширина от 0,5 до 3,16 м, глубина от 0,1 до 3 м (табл. 5). Размеры могил напрямую связаны с возрастом умерших людей (взрослый или ребенок), а также с количеством людей и животных, захороненных в одной могиле.

По устройству могильные ямы можно разделить на типы, а по наличию/отсутствию дополнительных внешних и внутренних сооружений – на варианты.

Тип 1 – простая яма. Конструкция представляет собой обычную яму, выкопанную в грунте, с вертикальными или наклонными стенками и относительно ровным дном (рис. 10.-*3, 6*; 11.-*3*; 19.-*3*; 24.-*4*; 47.-*4*; 51.-*4*; 69.-*4*; 72.-*3, 6*; 76.-*4, 8*; 80.-*5*; 83.-*5*; 89.-*4*; 108.-*4*; 111.-*3*). Насчитывается 89 могил (табл. 5.-*1–6, 8–39, 41–42, 44, 46–47, 50–52, 54–63, 65, 70–79, 82–87, 92–105, 107–108*). *Вариант а* (без дополнительных сооружений) включает 20 могил (табл. 5.-*2, 4, 6, 29, 31–33, 37, 39, 42, 55, 59–62, 73, 99, 104–105, 107*). *Вариант б* – с наземным перекрытием. Деревянное перекрытие, возведенное поверх ямы с захоронением, располагалось на уровне древнего горизонта. Оно состояло из продольно уложенного ряда (иногда двойного) бревен, горбылей или брусьев. Центральная часть после гниения древесины проваливалась в яму, а первоначальное положение сохраняла лишь часть конструкции по бортам могилы (рис. 70.-*2*; 74.-*2*; 76.-*1, 4, 5, 8*; 79.-*1*; 80.-*2, 5*). Данная модификация включает 14 могил (табл. 5.-*5, 24–27, 30, 46, 72, 74–77, 84, 96*). *Вариант в* – с наземным перекрытием и внутренним сооружением. Помимо надмогильного перекрытия (изредка в четыре слоя), на дне ямы устанавливалась деревянная (иногда двойная) рама, в которую

и помещался умерший человек. Пол внутри рамы мог выстилаться продольным рядом досок или горбылей, в отдельных случаях на раме могло находиться второе перекрытие (рис. 17.-*2*; 19.-2–3; 24.-*4*; 25.-*4*; 45.-*1*; 47.-*2, 4*; 82.-*2*; 83.-*4–5*; 88.-*2*; 89.-*4*; 108.-*4*). Такая конструкция зафиксирована в восьми могилах (табл. 5.-*1, 3, 22, 63, 78–79, 92, 108*). *Вариант г* – с внутренним сооружением, которое устанавливалось только на дне могилы. Ее основу, как правило, составляла рама (в ряде случаев вместо рамы могли иметься заплечики) с продольным (реже с поперечным) перекрытием из дерева или листов бересты (изредка до трех слоев). Внутри мог быть деревянный пол (редко двойной) или ложе, берестяной конверт или подстилка (рис. 4.-*4*; 10; 51.-*4*). Этот вариант включает 47 могил (табл. 5.-*8–21, 23, 28, 34–36, 38, 41, 44, 47, 50–52, 54, 56–58, 65, 70–71, 82–83, 85–87, 93–95, 97–98, 100–103*).

Тип 2 – яма со ступенькой. Отличается от предыдущего типа тем, что дно могилы оформлено в виде довольно широкой ступеньки-приступки, расположенной вдоль одной из длинных сторон (рис. 13.-*5*; 56.-*2*; 95.-*3*; 101.-*2*; 103.-*4*; 105.-*3*). Насчитывается восемь таких могил (табл. 5.-*7, 53, 66, 80, 88–90, 106*). *Вариант а* – без дополнительных сооружений (рис. 95.-*2–3*; 105.-*2–3*). Он включает две могилы (табл. 5.-*80, 90*). *Вариант б* – с наземным перекрытием (рис. 50.-*1*; 56.-*1–2*; 103.-*2–4*). В этом случае ступенька предназначалась для помещения или животного, или человека, или инвентаря. Исследованы четыре такие могилы (табл. 5.-*7, 53, 66, 89*). *Вариант в* – с наземным перекрытием и внутренним сооружением. Наряду с надмогильным перекрытием использована деревянная рама (рис. 97.-*1*; 101.-*1–2*). Пока обнаружена одна могила (табл. 5.-*88*). *Вариант г* – с внутренним сооружением. На ступеньке находилась заупокойная пища, и частично на нее опиралось продольное перекрытие из жердей (рис. 13.-*4–5*). Выявлена только одна могила (табл. 5.-*106*).

Тип 3 – яма с двумя камерами. Сооружение представляет собой конструкцию из двух частей одинаковой или разной глубины, разделенных материковой перемычкой. В обеих камерах могли находиться захоронения людей или в одной более глубокой располагались человеческие погребения, а в другой более мелкой – лошадей (рис. 33; 57). Насчитывается три могилы (табл. 5.-*49, 68, 91*). *Вариант а* – с наземным перекрытием и внутренним сооружением. Обе камеры сверху были перекрыты продольным деревянным настилом. На дне камер с погребениями людей устанавливалась деревянная рама, которая могла дополняться вторым перекрытием и полом (рис. 31.-*1*; 32.-*3*; 33; 50.-*1*; 57). Выявлены две такие могилы (табл. 5.-*68, 91*). *Вариант б* – с внутренним сооружением. В более глубокой камере над захоронением человека имелось деревянное перекрытие. Этот вариант включает пока одну могилу (табл. 5.-*49*).

Тип 4 – яма с подбоем. Одна из длинных сторон могилы имела глубокую нишу, в которую помещался умерший человек (рис. 67). Насчитывается две могилы (табл. 5.-*45, 69*). *Вариант а* – с внутренним сооружением. Вход в подбой перегораживался деревянной конструкцией в виде вертикального ряда кольев и плах или двухъярусной клети.

Из количества могил видно, что на Приобском плато преобладали обычные ямы типа 1. Однако более ¾ этих могил снабжалось дополнительными сооружениями с применением дерева и реже бересты. Такая же ситуация наблюдается и в других районах сросткинского ареала.

Простые ямы без сооружений (тип 1а) могут встречаться в любых курганах и грунтовых некрополях, но в многомогильных курганах это всегда боковые погребения. Надмогильные перекрытия (тип 1б) зафиксированы в крупных, средних и мелких курганах подгруппы А. Есть они и в грунтовых могильниках. Когда под насыпью кургана было несколько могил, то наземное перекрытие обязательно имелось у центрального захоронения. Сочетание надмогильного перекрытия с сооружениями на дне ямы (тип 1в) встречается нечасто и характерно для одиночных погребений или центральных захоронений курганов. Самый распространенный вариант – наличие в яме только внутреннего сооружения (тип 1г). Оно встречается во всех курганах, а также и в грунтовых погребениях.

Остальные типы могильных конструкций немногочисленны. Из них более представителен и вариативен тип 2. Его можно связать с тюркской традицией, в которой яма со ступенькой-приступкой использовалась для захоронения человека в сопровождении верхового коня [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 118; Могильников, 2002, с. 77; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 137, 139]. У сросткинского населения ступенька могла использоваться как по первоначальному назначению, особенно это видно в ранних памятниках [Горбунов, 2020а, с. 31–32], так и в трансформированном виде как опора для перекрытия или полка для инвентаря. Могилы типа 2 выявлены в крупных, средних и мелких (подгруппы А и Б) курганах.

Двухкамерные ямы типа 3 фиксируются в крупных и мелких (подгруппа Б) курганах и также находят аналоги в тюркских материалах Горного Алтая [Кубарев, 2005, с. 20, рис. 4.-2]. В сросткинском ареале они единичны и, помимо Приобского плато, известны на Предалтайской равнине и в Кузнецкой котловине [Могильников, 2002, рис. 173, 181–182; Илюшин, 1999, рис. 4; 2021, рис. 15, 36].

Ямы с подбоем типа 4 тоже единичны. На Приобском плато в обоих случаях они связаны с боковыми детскими погребениями в крупном и среднем курганах. Подбойные захоронения есть на сросткинском могильнике Шестаки-I (Кузнецкая котловина) [Кузнецов, 2004, с. 63]. Гораздо чаще такие погребения распространены в курганах кимаков Верхнего Прииртышья [Археологические памятники…, 1987, рис. 69, 79, 82, 87, 96, 99, 101, 103]. Возможно, появление такой конструкции как-то связано с влиянием из указанного региона.

Такие элементы внутримогильных конструкций, как рама с перекрытием из дерева и бересты, берестяной конверт или подстилка, деревянный пол, встречаются на территории Приобского плато (и шире – в Лесостепном Алтае) уже в памятниках кулайской и одинцовской культур [Ширин, 2003, с. 130–131; Тишкин, Горбунов, 2012, с. 104, рис. 4; Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017, с. 107], а затем наследуются населением сросткинской культуры. Использование же надмогильного перекрытия – это новый элемент, характерный для сросткинской погребальной традиции.

4.3. Захоронения людей и животных

Применительно к сросткинским могильникам Приобского плато можно рассматривать только один способ погребения людей – ингумацию. Положение и ориентация умерших достаточно стандартны: они лежали вытянуто на спине, головой по направлению на северо-восток, реже на восток и еще реже на юго-восток. Лишь в одном случае (Грязново-I, курган №2) человек был ориентирован головой на юго-запад и располагался по диагонали ограбленной могильной ямы. Подобное отклонение от нормы встречалось на территории Бийско-Чумышской возвышенности. На могильнике Новотроицкое-1 в кургане №27 погребенный был ориентирован головой на запад [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 62, рис. 40]. В обоих указанных случаях к востоку от этих могил находилось по два столба, т.е. они располагались на своем обычном месте, что подчеркивает какое-то особое отношение к погребенным там людям.

Помимо погребений с ингумацией, один раз на Приобском плато зафиксирован кенотаф, символизировавший, судя по сопроводительному инвентарю, захоронение мужчины-воина (Грязново-II, курган №5). Можно отметить, что пустые могилы с верховым конем или только с вещами являются довольно характерными для захоронений тюркской культуры [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 118; Кубарев, 2005, с. 20]. В сросткинских памятниках они встречаются редко. Несколько таких объектов выделяются на территории Предалтайской равнины, Бийско-Катунского междуречья и Кузнецкой котловины [Могильников, 2002, с. 78; Горбунов, Тишкин, 2014, с. 66; Илюшин, 2014, с. 36–37; 2021, с. 36]. Их интерпретация из-за ограбления или полного отсутствия ин-

вентаря не всегда однозначна, но в целом традиция сооружения кенотафов отражает тюркское наследие в сросткинской культуре.

Часть погребений по обряду ингумации сопровождалась захоронениями животных (в основном лошадь и еще собака). Конь в могилах чаще представлен целой тушей и гораздо реже шкурой (голова, конечности, хвост). Он в могиле располагался на животе с подогнутыми ногами. Ту же позу имитировала и шкура. Лошадь или ее шкура могли располагаться слева или справа (реже) от человека на дне могильной ямы на одном с ним уровне (Барчиха, Грань, Ильинка, Камень-II, Поспелихинский, Хабазино-4, Шелаболиха-3), а также в яме со ступенькой ниже по уровню (Быково-IV, Кучук-1) или в отдельной камере выше по уровню (Коловый Мыс, Поповская Дача). Также туши коней могли лежать над людьми на наземном или внутреннем перекрытии могилы (Грань, Грязново-III, Объездное-2, Рогозиха-1, Филин-I). Голова такого животного чаще была ориентирована в ту же сторону, что и человека. Однако встречается и обратная ориентировка, а также противоположная ориентация двух лошадей.

Собаки хоронились целиком и могли располагаться на перекрытии могилы над человеком или на ступеньке ямы выше и слева от него (Грязново-II, курган №4; Поповская Дача, могила-2). Следует упомянуть и захоронения собак во рву (Объездное-1, курган №15; Успеновка-II, курган №3), которые лежали на левом боку, головой в одну сторону с ориентацией людей в курганных могилах (рис. 97.-*1*; 100.-*3*). Их можно рассматривать не только как жертвоприношения, но и как отдельные сопроводительные захоронения. Например, такая картина отчетливо наблюдается на памятнике Иня-1 [Горбунов, 2020а, с. 33].

Помимо «целых» животных, в могилах встречаются отдельные кости или сочленения из костей овцы, реже лошади и коровы, которые являлись остатками заупокойной пищи. Они обнаружены в 33 погребениях Приобского плато, что составляет 30,5% от всей совокупности раскопанных объектов.

По количеству людей и сопогребенных с ними животных могилы с ингумацией можно разделить на типы, а по половозрастным характеристикам людей – на варианты.

Тип 1 – одиночная ингумация. Всего 62 могилы. *Вариант а* – мужчина, 20 могил (табл. 5.-*5, 12–13, 15, 18–19, 26, 28, 30, 38, 44, 46, 74, 77, 79–80, 82, 106–108*). *Вариант б* – женщина, 16 могил (табл. 5.-*9, 17, 23–24, 37, 58, 71–72, 76, 78, 83, 88–90, 99, 102*). *Вариант в* – взрослый, 13 могил (табл. 5.-*8, 16, 43, 51–52, 54–55, 85–86, 95–98*). *Вариант г* – ребенок, 13 могил (табл. 5.-*10–11, 14, 45, 57, 59, 67, 69, 73, 75, 94, 103–104*).

Тип 2 – одиночная ингумация с конем. Всего 14 могил. *Вариант а* – мужчина, 12 могил (табл. 5.-*7, 36, 40–41, 49, 53, 61, 63, 84, 92–93, 100*). *Вариант б* – взрослый, две могилы (табл. 5.-*70, 87*).

Тип 3 – одиночная ингумация с тремя конями. Всего одна могила. *Вариант а* – мужчина (табл. 5.-*22*).

Тип 4 – одиночная ингумация со шкурой коня. Всего две могилы. *Вариант а* – мужчина (табл. 5.-*1–2*).

Тип 5 – одиночная ингумация с собакой. Всего две могилы. *Вариант а* – женщина (табл. 5.-*66*). *Вариант б* – взрослый (табл. 5.-*31*).

Тип 6 – парная ингумация. Всего 14 могил. *Вариант а* – мужчина и женщина, пять могил (табл. 5.-*3, 25, 29, 39, 101*). *Вариант б* – взрослые, две могилы (табл. 5.-*20–21*). *Вариант в* – дети, одна могила (табл. 5.-*65*). *Вариант г* – женщина и ребенок, пять могил (табл. 5.-*33–34, 56, 62, 105*). *Вариант д* – мужчина и ребенок, одна могила (табл. 5.-*81*).

Тип 7 – парная ингумация с конем. Всего одна могила. *Вариант а* – мужчины (табл. 5.-*47*).

Тип 8 – коллективная ингумация. Всего пять могил. *Вариант а* – трое мужчин и два ребенка (табл. 5.-*42*). *Вариант б* – трое мужчин (табл. 5.-*50*). *Вариант в* – мужчина и две женщины (табл. 5.-*35*). *Вариант г* – мужчина и два ребенка (табл. 5.-*27*). *Вариант д* – три ребенка (табл. 5.-*4*).

Тип 9 – коллективная ингумация с двумя конями. Всего две могилы. *Вариант а* – двое мужчин и ребенок (табл. 5.-*68*). *Вариант б* – мужчина, женщина, ребенок (табл. 5.-*91*).

Из 103 могил, учтенных в данной демонстрационной классификации, абсолютное большинство составляют погребения типа 1 по обряду одиночной ингумации – 60,2%. На втором месте находятся погребения типа 2 (одиночная ингумация с конем) и типа 6 (парная ингумация) – по 13,6%. Тип 8 (коллективная ингумация) достигает 4,8%, а типы 3–5, 7, 9 не превышают 2%.

Погребения без сопроводительных животных (типы 1, 6, 8) составляют 78,7%, а захоронения с животными (типы 2–5, 7, 9) – 21,3% (из них с конем (типы 2, 3, 7, 9) – 17,5%, а со шкурой лошади (тип 4) и собакой (тип 5) – по 1,9%).

Захоронения по обряду ингумации (одиночной, парной, редко коллективной) известны на территории Лесостепного Алтая уже в предшествующее время в материалах одинцовской культуры (2-я половина IV – 1-я половина VIII в.) [Горбунов, 2004, с. 94; 2017, с. 272]. Тоже можно утверждать об обряде одиночной ингумации с собакой [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 14–15, табл. X.-3; Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017, с. 107, рис. 1.-2]. Известны одинцовские памятники с захоронениями по обряду одиночной ингумации с одним или двумя конями [Горбунов, 2003а, с. 38–40; Серегин, Абдулганеев, Степанова, 2019, с. 17, 19; Фрибус, Грушин, 2021, с. 340, 344]. Но положение лошади в таких случаях отличается. Она лежала либо на боку, либо нестандартно [Грязнов, 1956, табл. XXXVIII; Уманский, 1974, с. 136; Серегин, Абдулганеев, Степанова, 2019, рис. 2; Фрибус, Грушин, 2021, рис. 2.-1-2, 3–4, 5.-1, 6.-1, 10.-1], а не на животе, как это характерно для сросткинских памятников. Последняя деталь сближает сросткинские могилы прежде всего с погребениями тюркской культуры [Овчинникова, 1990, с. 11; Кубарев 2005, с. 17–19]. Захоронения по обряду ингумации со шкурой коня неизвестны в Лесостепном Алтае до сросткинского времени, и ближайшие ранние аналогии им встречаются в кыпчакских курганах 2-й половины VIII – IX в. [Бараба..., 1988, с. 54].

Относительно половозрастного соотношения (всего 134 чел.) можно отметить преобладание мужчин (54 чел. – 40,3%) над женщинами (30 чел. – 22,4%) и в целом взрослых (104 чел. – 77,6%) над детьми (30 чел. – 22,4%). Внутри типов общая тенденция выражена различно. Обращает внимание большее доминирование мужчин среди захоронений с животными. Так самостоятельных детских могил с ними нет. Только в двух коллективных могилах с детьми (тип 9) были захоронения лошадей, но, даже судя по их числу, они предназначались взрослым. Погребения детей с лошадью и собакой все же изредка встречаются в других районах сросткинского ареала [Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004, с. 413; Горбунов, 2020а, с. 34]. Также мало женских погребений с животными: одна могила с собакой (тип 5а) и коллективное погребение, где женщину сопровождала одна из лошадей (тип 9б). Правда, среди неопределенных взрослых вполне могут находиться женщины, но таких погребений с животными всего три (типы 2б и 5б). В других районах сросткинской культуры женские погребения с конем, шкурой коня и собакой встречаются немного чаще, особенно в ранних памятниках [Могильников, 2002, с. 69; Горбунов, 2020а, с. 34].

4.4. Этнокультурные компоненты

В свое время на основе анализа элементов погребального обряда сросткинской культуры были выделены пять этнокультурных компонентов, принявших участие в формировании и развитии данного объединения. Первый из них связывался с самодийским этносом и главным его маркером служил обряд ингумации, восходивший к наследию одинцовской культуры. Второй компонент, также самодийский, пред-

ставлен обрядом кремации и рассматривался как наследие более древней традиции кулайской культуры, сохранявшейся и в одинцовское время. Следующий, базовый, компонент в образовании сросткинской культуры связывался с тюркским этносом. Для него характерен обряд ингумации с конем. Еще один компонент, представленный обрядом кремации с конем, считался любо тюркским, либо имел смешанное тюрко-самодийское происхождение. И последний компонент, отличавшийся обрядом ингумации со шкурой коня, соотносился с этносом кыпчаков [Неверов, Горбунов, 2001, с. 177–178].

Материалы сросткинских могильников на Приобском плато вполне вписываются в предложенную схему. Однако там пока не выявлены погребения с обрядом кремации (с конем и без него). Эта черта сближает данный район с Кулундинской равниной и Новосибирским Приобьем, но отличает от Предалтайской равнины, Бийско-Чумышской возвышенности и Бийско-Катунского междуречья, где могилы с кремацией представлены в небольшом числе, а также – от Кузнецкой котловины, где их число значительно. Остальные три компонента, в основе которых лежит обряд ингумации, на Приобском плато есть. С учетом проведенной выше систематизации и анализа погребальных элементов их характеристику можно существенно дополнить и детализировать.

Самодийский компонент, как и во всех других районах распространения сросткинской культуры, на Приобском плато численно преобладает. К нему можно отнести погребения с одиночной, парной и коллективной ингумацией (типы 1, 6, 8) и ингумацию с собакой (тип 5). Также к этому компоненту восходит традиция сооружения грунтовых могильников, установка деревянных столбов, использование простых могильных ям, возведение внутримогильных конструкций из древесины и бересты и, вероятно, деревянных рам-оград вокруг центральной могилы.

Памятники, отражающие самодийский компонент, известны на территории Приобского плато на всех этапах существования сросткинской культуры. Это свидетельствует о том, что потомки предыдущего одинцовского населения продолжали составлять часть, причем наиболее многочисленную, и в новом объединении. Погребения самодийской традиции представлены только в одном крупном кургане, но в большинстве средних и малых курганов и на всех грунтовых могильниках. Причем в малых курганах подгруппы В встречаются только такие могилы. Они могут образовывать отдельные некрополи (Боровиково-IV–V, Гоньба, Грязново-I, IV, Мало-Панюшово, Нечунаево-3, Нечунаевский Елбан-2, Прудской, Успеновка-II, Яровское-III, V), но довольно часто входят в одни могильники с другими типами захоронений, а в курганах могут находиться с ними под одной насыпью (Грязново-II–III, Ильинка, Камень-II, Кучук-1, Объездное-1, Поповская Дача, Рогозиха-1, Шелаболиха-3). В последнем случае они занимают по отношению к могилам с погребениями иного типа окраинное (боковое) положение. Нам представляется, что данный факт свидетельствует о том, что автохтонное самодийское население не играло в сросткинском объединении доминирующей роли, а занимало подчиненное положение. Данные наблюдения, сделанные на материалах Приобского плато, вполне согласуются с заключениями по сросткинской культуре в целом [Неверов, Горбунов, 2001, с. 177; Горбунов, 2003а, с. 41].

Тюркский компонент составляет на Приобском плато вторую по численности группу захоронений, что также отражает ситуацию, известную в других районах сросткинского ареала. Для него характерны погребения с одиночной, парной и коллективной ингумацией в сопровождении одного, двух или трех коней (типы 2, 3, 7, 9). С этим компонентом связано возрождение традиции сооружения курганных могильников, пристройка курганов к цепочкам ранних кочевников, возведение насыпи для одной могилы, устройство кенотафов, использование могильных ям со ступенькой и двумя камерами и, возможно, надмогильных перекрытий.

Памятники, отражающие тюркский компонент, известны на Приобском плато на грязновском, шадринцевском и змеевском этапах сросткинской культуры. Их отсут-

ствие на раннем инском этапе обусловлено состоянием источниковой базы. Памятников этого этапа выявлено мало, и среди них лишь по одному есть данные о типе погребения (Мало-Панюшово, парная ингумация), а остальные два (Кипринский Борок-7, Плотниково) представлены вещевыми наборами. Они содержат украшения конской узды, что позволяет нам предполагать там захоронения с конем, поскольку такие вещи встречаются преимущественно в могилах с сопроводительными захоронениями лошадей (табл. 5–6). Особенно это вероятно для находок из Плотниково. Они, скорее всего, происходят из кургана и представлены торевтикой с позолотой. Аналогичные по уровню уздечные наборы на Приобском плато найдены исключительно в могилах с лошадьми (Грань, Объездное-2, Филин-I). В соседних районах (на правобережье Оби, в Кулунде, в предгорьях Алтая) на раннем этапе сросткинской культуры погребения с конем присутствуют, а на самом крупном некрополе этого времени (Иня-1) они составляют половину от общего числа могил [Горбунов, 2020а, с. 32].

Погребения с отражением тюркской традиции есть в шести крупных курганах и почти в половине средних курганов. Всего по разу они представлены в малых курганах подгрупп А и Б и грунтовом могильнике. Такие погребальные объекты образуют либо отдельные курганные группы и одиночные курганы (Быково-IV, Грань, Заковряшино, Коловый Мыс, Объездное-2, Поспелихинский, Филин-I), либо входят в совместные некрополи с самодийскими захоронениями (см. выше). Когда они находятся с ними под одной насыпью, то всегда занимают центральное положение. Данный факт свидетельствует о том, что население тюркского происхождения играло в сросткинском объединении главную (господствующую) роль. К этому можно добавить, что в среднем тюркские погребения богаче самодийских по инвентарю (табл. 5–6).

Кыпчакский компонент на территории Приобского плато малочислен, что также соответствует его положению в общей картине сросткинской культуры. С ним можно отождествить погребения по обряду одиночной ингумации со шкурой коня (тип 4). Также, видимо, с данным компонентом можно связать появление традиции сооружения рвов вокруг курганов и надмогильных рам-перекрытий.

Два погребения, отражающие кыпчакский компонент, есть в крупном кургане со рвом Барчиха, который относится к завершающему змеевскому этапу сросткинской культуры. В других районах сросткинского ареала могилы со шкурой коня известны уже с грязновского этапа [Могильников, 2002, с. 52–53; Горбунов, Тишкин, 2018а, с. 75–76]. По размерам кургана и составу инвентаря могилы из Барчихи сопоставимы с элитными тюркскими погребениями Приобского плато, но более раннего времени. На змеевском этапе могила с конем по тюркскому обряду зафиксирована всего одна на грунтовом могильнике, и она без инвентаря (Ильинка). Это дает основание предполагать, что ведущая роль в то время переходит от тюрок к кыпчакам. Правда, на заключительном этапе сросткинской культуры в предгорной зоне Алтая еще сохранялись захоронения с конем, содержавшие достаточно разнообразный инвентарный набор [Абдулганеев, 2006, с. 180–182, рис. 1–3].

Вероятно, вместе с кыпчаками на территорию Приобского плато проникала и малочисленная группа населения с обрядом наземной ингумации под рамами-перекрытиями. Возможно, она связана с угорским этносом западносибирской лесостепи [Бараба..., 1988, с. 112]. Объектов с такими могилами всего два (Камень-I, курган №1; Рогозиха-1, курган №9). Для них сооружены отдельные курганы средних и малых размеров (подгруппа А) с использованием рва и/или столба, что свидетельствует, с одной стороны, об их самостоятельности, а с другой – об интеграции в местное сообщество. Однако полное отсутствие инвентаря из-за ограбления затрудняет оценку статуса и роли этой группы в сросткинском объединении.

На Приобском плато не прослежено следов пребывания двух самых сильных этносов позднетюркского времени: кимаков и кыргызов. С опосредованным влиянием погребальной обрядности кимаков, как уже было сказано, можно связать появление рам-оград. Однако в сросткинских памятниках все они представлены захоронениями

по обряду ингумации, который отражал самодийский компонент. У кимаков по центру каменных оград-стенок располагались могилы по обряду ингумации с конем. Довольно сложно объяснить, почему в сросткинском объединении это влияние отразилось не на элите, хоронившей умерших также с конем, а на группе более низкого статуса. Поэтому мы склонны относить деревянные рамы-ограды к самодийской традиции [Горбунов, 2021б, с. 171–173]. Также на кимакскую территорию Верхнего Прииртышья указывает обычай сооружения подбойных погребений. Но его редкость на Приобском плато (всего две могилы) и связь только с детскими захоронениями исключает, на наш взгляд, непосредственное участие кимаков в этногенезе сросткинского объединения.

Относительно кыргызов можно отметить, что опять же отсутствие погребений с кремацией сросткинского времени на Приобском плато исключает их присутствие на данной территории или какое-либо влияние. Хотя и наличие таких могил еще не означало бы их кыргызской принадлежности. Пока в пределах сросткинского ареала кыргызские памятники фиксируются лишь в западной части Предалтайской равнины [Могильников, 2002, с. 67–68; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004, с. 413–415; 2005, с. 476–478]. Впрочем, там же присутствуют и памятники, наиболее близкие кимакам [Могильников, 2002, с. 73–74].

В процессе формирования и развития сросткинского объединения на Приобском плато разные этнические компоненты имели неодинаковое значение. Безусловно, основными из них были тюркский и самодийский. Оценивая их реальное соотношение, надо исключить отдельные детские могилы, поскольку у собственно тюрок лошадь с ребенком хоронилась крайне редко [Кубарев, 2005, с. 22]. Также стоит исключить ингумацию со шкурой коня и наземную ингумацию. Остаются 84 могилы: 18 погребений по обряду ингумации с одним или несколькими конями (21,4%), 66 погребений с ингумацией без коня или с собакой (78,6%). Таким образом, тюркский компонент уступает самодийскому по численности почти в четыре раза. Однако появление именно тюркского населения на территории Приобского плато (и шире – Лесостепного Алтая) привело к образованию там нового объединения. Смешение погребальных традиций тюрок и самодийцев в основном и создало тот комплекс, который можно объединить понятием «сросткинская культура/общность». Для него характерны доминирование курганных могильников, рядное расположение могил под насыпью, с выделением центрального погребения, сооружение рвов или рамоград, установка столбов, наземные перекрытия могильных ям, рамы с перекрытием и полом на дне могил, вытянутое положение умерших и их ориентация в восточный сектор. Тем не менее сросткинское общество оставалось полиэтничным объединением и сохраняло многокомпонентный состав, что нашло отражение в существовании разных типов погребений. Слияния его населения в один этнос, по-видимому, так и не произошло, что было, вероятнее всего, обусловлено имевшими место социальными отношениями. Изученные археологические материалы указывают на то, что сросткинское объединение не входило в состав известных раннесредневековых каганатов, а занимало самостоятельную позицию в системе военно-политических и этнокультурных отношений (более детальную реконструкцию см. в заключении данной монографии).

4.5. Социальная структура

Материалы, полученные в ходе исследования погребальных памятников сросткинской культуры на Приобском плато, позволяют предварительно смоделировать социальную иерархию оставившего их населения. Главным образом это может быть достигнуто путем сравнительного анализа инвентарных наборов из могил с типами захоронений и другими элементами погребального обряда.

Сначала рассмотрим распределение инвентаря в могилах для установления условного уровня имущественной дифференциации сросткинского общества на изучаемой территории. При этом важен не количественный фактор, поскольку 58 объектов из 108 подверглись ограблению или разрушению, а разнообразие предметов, сведенное к пяти блокам (табл. 6). Существенным фактором является ценность предметов как материальная, с учетом массы и качества затраченного сырья и сложности его технологической обработки, так и символическая, зависящая от моды или сакральной престижности вещи.

В первый блок включено оружие, разделенное на четыре позиции: стрелковое, куда вошли такие виды, как луки, стрелы с железными наконечниками и колчаны; таранное – копья; длинно-клинковое – мечи или сабли и их ножны; коротко-клинковое – кинжалы или боевые ножи. Наиболее ценным являлось длинно-клинковое оружие.

Второй блок составило конское снаряжение из трех позиций: простая узда, которую маркирует наличие удил и псалий и функциональные детали суголовья: пряжки, тренчики, наконечники и распределители ремней; наборная узда, в которую, помимо указанного, входили декоративные детали: бляхи-накладки и султанчики; седло – к нему отнесены пробои и лука от ленчика, подпружные пряжки и стремена. В этом блоке самой ценной позицией выступает наборная узда, снабженная вещами из цветных сплавов с декорированной поверхностью (так называемая торевтика малых форм).

В третий блок включены предметы от костюма человека, разделенные на пять позиций: простой пояс, который маркируют функциональные детали: пряжки, тренчики, наконечники и распределители ремней; наборный пояс, который, помимо них, включает декоративные бляхи-накладки; украшения – сюда включены серьги, перстни, подвески, нашивки и бусы; крепления – это два функционально-декоративных вида для соединения частей одежды: застежки и булавки; одежда – к ней отнесены любые органические остатки нательных покрытий, обуви и головных уборов. В указанном наиболее ценная позиция – это наборные пояса, имеющие в своем составе изделия из художественного металла, а также некоторые украшения и крепления одежды, представляющие собой произведения торевтики.

Четвертый блок состоит из орудий труда, разделенных на три позиции: охотничьи предметы – стрелы с костяными или деревянными наконечниками; универсальные инструменты, предназначенные для работы с разными материалами – ножи, оселки и напильники; специальные инструменты, предназначенные для конкретного производства – тесла (деревообработка), шилья (работа с кожей), пряслица (ткачество). В данном блоке ценность всех позиций невелика.

Пятый блок представлен предметами быта, разделенными на четыре позиции: различная посуда – керамические горшки, кувшин, чаша и берестяной туесок; металлическая посуда – железные казаны и бронзовая ложка; вспомогательные предметы, предназначенные либо для ношения мелких вещей (игольники, сумочки-кошельки), либо для высекания огня (железное кресало и кремни); туалетные принадлежности – зеркала и гребень. Из представленного набора наиболее ценная позиция – металлическая посуда, а также отдельные игольники, бляхи-накладки сумки и предметы туалета, относящиеся к торевтике.

Отдельно обозначена более общая позиция, особо подчеркивающая высокий имущественный статус: драгоценные металлы (золото и серебро), независимо от того, являлись ли они основой предмета или только его покрытием.

В результате осуществленного распределения моделируются четыре имущественные группы.

1. *«Богатые»* – 15 могил (табл. 6.-*1–2, 22, 40, 56, 59, 61, 63–65, 68, 84, 87, 91–92*). Разнообразие инвентаря в них насчитывает от 1 до 10 позиций или от 2 до 20 видов предметов. Такая вариабельность вызвана разной степенью разрушения захоронений. Только три погребения оказались неограбленными. В группу вошли все объекты, где

есть золото, иногда вместе с серебром, а также объекты без драгоценных металлов, но содержавшие торевтику и не менее двух ценных позиций. Преобладают захоронения мужчин (10), стандартный набор инвентаря, который включает стрелковое оружие, часто меч или саблю, редко копье или кинжал, наборную узду и/или наборный пояс, иногда металлическую посуду. Также в них встречаются седельные детали, нашивки на одежду, ножи, тесло, сумочка-кошелек. В одном случае с мужчиной похоронена женщина с более скромным инвентарем: простая узда, седло, нож, казан, а с нею ребенок без вещей (табл. 5.-*91*). Еще в одной могиле вместе с мужчинами был похоронен ребенок без вещей (табл. 5.-*68*). Единственное отдельное погребение женщины содержало наборную узду, украшения из торевтики, керамическую и металлическую посуду, игольник и гребень из художественного металла. В этой могиле находилось захоронение ребенка без вещей (табл. 5.-*56*). Два отдельных детских погребения (табл. 5.-*59, 65*) имели следующие наборы предметов: у мальчика – стрелковое оружие, наборный пояс, серьга с подвеской, бусы, нож; у девочки – кольчатые серьги, застежки из художественного металла, одежда с металлической аппликацией, нож, зеркало (с ней же погребен другой ребенок без вещей).

Лишь две могилы этой группы (женская и детская) – грунтовые (табл. 5.-*56, 59*), остальные – курганные. Они либо одиночные (табл. 5.-*22, 40, 63, 87, 91–92*), либо центральные (табл. 5.-*2, 61, 68, 84*). Только два курганных захоронения (мужское и детское) являлись боковыми (табл. 5.-*1, 65*). По условной этнической принадлежности девять могил были тюркскими (типы 2, 3, 9), две – кыпчакские (тип 4) и одна – самодийская (тип 6).

2. *«Состоятельные»* – 23 могилы (табл. 6.-*3, 6–7, 9–10, 32–35, 46–48, 50, 53, 58, 60, 70, 78–79, 83, 88, 100–101*). Разнообразие инвентаря составляет 2–7 позиций или 2–11 видов. Шесть погребений неограбленные, остальные нарушены в разной степени. В группу включены объекты, где есть серебро, а также могилы, содержавшие изделия с торевтикой или хотя бы одну ценную позицию, или не менее восьми видов обычных вещей. Захоронения мужчин (12) отличал следующий набор инвентаря: стрелковое оружие; иногда мечи и сабли; редко копья и коротко-клинковое оружие; простая, реже наборная узда; простой, реже наборный пояс; иногда седло; ножи, редко охотничьи или специальные орудия труда; кресала. Стандартный набор вещей в женских (10) погребениях включал простую или наборную узду (редко); украшения; застежки и булавки; игольники и зеркала, многие из которых являются произведениями торевтики; ножи и разную посуду. В двух могилах, определяемых как женские (табл. 5.-*78, 88*), найдены мечи. В совместных захоронениях мужчин и женщин (табл. 5.-*3, 35, 101*) у первых инвентарь либо разнообразнее, либо примерно одинаков по видам предметов. В могилах взрослых с детьми (табл. 5.-*33–34*) дети были без вещей. Единственное самостоятельное детское захоронение (табл. 5.-*10*) – это погребение девочки с украшениями и булавкой из художественного металла. Только две могилы данной группы оказались грунтовые (табл. 5.-*48, 60*), остальные – курганные. Они образуют либо одиночные объекты (табл. 5.-*6–7, 32–33, 70, 78, 101*), либо центральные (табл. 5.-*3, 9, 34, 47, 50, 53, 58, 79, 88, 100*), либо боковые (табл. 5.-*10, 35, 46, 83*). Среди первых и вторых больше мужских погребений, среди третьих – женских. Детская могила была боковая. В условно этническом плане пять могил могут быть тюркскими (типы 2 и 7), а 13 – самодийскими (типы 1, 6, 8).

3. *«Малоимущие»* – 38 могил (табл. 6.-*5, 12–13, 15, 17–21, 23–25, 27, 29–30, 36–39, 42, 44–45, 49, 54, 62, 66, 73–74, 76–77, 80, 82, 89, 93, 102, 106–108*). Разнообразие инвентаря сводится к 1–6 позициям и видам, но в большинстве погребений (33) оно составляет 1–3 позиции. 23 могилы неограбленные, остальные 15 нарушены. В объектах рассматриваемой группы не было драгоценных металлов, торевтики и вещей из ценных позиций. Для мужских (24) захоронений характерен следующий набор: часто стрелковое оружие; редко копья и боевые ножи; простая узда; иногда седло; простой пояс; рабочие ножи; иногда охотничьи стрелы; оселки; тесла и кресала. Женские

(12) погребения содержали такие вещи, как кольчатые серьги, бусы, ножи, пряслица и разную посуду, из которых сочетались не больше двух видов предметов. В совместных захоронениях мужчин и женщин (табл. 5.-*25, 29, 39*) у женщин вещей не было. В захоронениях взрослых с детьми (табл. 5.-*27, 62*) вещи у детей отсутствовали. Но в одной могиле (табл. 5.-42) с детьми были бусы. Самостоятельных погребений детей оказалось всего два (табл. 45, *73*): у мальчика найдена костяная пряжка от простого пояса; у девочки – кольчатая серьга и бусы. Две могилы этой группы грунтовые: мужская и коллективная с тремя мужчинами и двумя детьми (табл. 5.-*5, 42*). Остальные были курганные. Среди них есть одиночные (табл. 5.-*17–21, 27, 30, 38–39, 49, 93, 107–108*), центральные (табл. 5.-*12, 15, 23, 29, 36, 74, 76, 102*) и боковые (табл. 5.-*13, 24–25, 37, 44–45, 54, 62, 66, 73, 77, 80, 82, 89, 106*) объекты. В одиночных и центральных погребениях преобладали мужчины, в боковых – мужчин и женщин было почти поровну, а детские могилы оказались только боковыми. В условно этническом плане три могилы тюркские (тип 2), 33 самодийские (типы 1, 5, 6, 8).

4. *«Неимущие»* – 32 могилы, не содержавшие инвентаря (табл. 6.-*4, 8, 11, 14, 16, 26, 28, 31, 41, 43, 51–52, 55, 57, 67, 69, 71–72, 75, 81, 85–86, 90, 94–99, 103–105*). Из них 17 погребений не нарушено, а 15 подверглись ограблению. Включение ограбленных объектов в эту группу условное. Отдельных мужских погребений – 3, отдельных женских – 4, мужчины и ребенка – 1, женщины и ребенка – 1, отдельных детских – 10, неопределимых взрослых – 13 (табл. 5). Грунтовая могила была одна. Там обнаружено захоронение мужчины с конем (табл. 5.-*41*). Остальные все объекты курганные. Они представлены одиночными (табл. 5.-*26, 31, 43, 71, 81*), центральными (табл. 5.-*72, 86, 97, 105*) и боковыми (табл. 5.-*4, 8, 11, 14, 16, 28, 51–52, 55, 57, 67, 69, 75, 85, 90, 94–96, 98–99, 103–104*) объектами. Среди одиночных погребений больше мужских, среди центральных и боковых – женских. Самостоятельные детские могилы были исключительно боковыми. В условно этническом плане одна могила могла быть тюркской (тип 2), 19 – самодийскими (типы 1, 5, 6) и еще две – угорскими (типы 1в, 6д).

По наличию определенных предметов можно судить и о профессиональной стратификации сросткинского общества. Прежде всего, это касается военного сословия. Среди памятников Приобского плато по взаимовстречаемости видов вооружения в могилах (колчаны приравнены к стрелам, а ножны – к мечам) и с учетом их имущественного деления можно обозначить пять групп воинских погребений.

1. *Легковооруженные воины* – 16 объектов, содержавших один или два вида стрелкового и коротко-клинкового оружия: лук – две могилы (табл. 1.-*3, 16*); стрелы – 11 могил (табл. 1.-*9, 12–14, 17–18, 21, 25, 28, 33, 35*); боевой нож или кинжал – две могилы (табл. 1.-*11, 19*); стрелы и боевой нож – одна могила (табл. 1.-*6*). Это «малоимущие» (10) и «состоятельные» (6) типы погребений, которые можно сопоставить с рядовыми воинами и младшим командным составом на уровне десятников. Их основным оружием являлись лук и стрелы. По наличию и отсутствию лошади или конского снаряжения они могут делиться на всадников (10) и пехотинцев (6). Условная этническая принадлежность для пяти погребенных устанавливается как тюркская (все всадники), а для 11 – как самодийская (пять всадников, шесть пехотинцев). В составе данной группы могли присутствовать и профессиональные дружинники, и ополченцы. К последним, скорее всего, относились более бедные пешие воины.

2. *Командиры легкой конницы и пехоты* – две могилы, содержавшие один вид стрелкового оружия – стрелы (табл. 1.-*22–23*). Это «богатые» погребения, сопоставимые со средним командным составом на уровне сотников, которые руководили отрядами лучников. Сами они являлись всадниками, а по условной этнической принадлежности – тюрками.

3. *Средневооруженные воины* – девять объектов, содержавших от одного до трех видов стрелкового, таранного и длинно-клинкового оружия: копье – одна могила (табл. 1.-*7*); меч – три могилы (табл. 1.-*26, 30, 34*); стрелы, копье или меч – три могилы (табл. 1.-*5, 10, 15*); лук, стрелы, копье или меч – две могилы (табл. 1.-*4, 27*). Это «мало-

имущие» (2) и «состоятельные» (7) погребения, которые могут соотноситься с рядовыми воинами и младшим командным составом в ранге десятников. Их основным оружием являлись копья и мечи. Они также делятся на всадников (4) и пехотинцев (5). Условная этническая принадлежность погребенных в двух могилах тюркская (всадники), а в пяти могилах – самодийская (два всадника, пять пехотинцев). Состав данной группы мог быть более профессиональным, хотя полностью исключать наличия ополчения нельзя, в первую очередь, среди бедных пеших воинов.

4. *Командиры средней конницы и пехоты* – две могилы, содержавшие один вид длинно-клинкового оружия – мечи (табл. 1.-*29, 32*). Это «богатые» погребения, сопоставимые со средним командным составом на уровне сотников, которые руководили отрядами копейщиков и мечников. Они принадлежали конным воинам, а по условной этнической принадлежности являлись тюрками.

5. *Военачальники* – пять объектов, содержавших по два или три вида оружия дальнего, таранного и ближнего боя: стрелы, меч – две могилы (табл. 1.-*29, 31*); стрелы, копье, меч или сабля – две могилы (табл. 1.-*2, 8*); стрелы, меч, кинжал – одна могила (табл. 1.-*1*). Это «богатые» погребения, которые можно сопоставить с высшим командным составом – тысячниками, руководившими подразделениями средней и легкой конницы и пехоты. Захороненные в них воины являлись всадниками. По условной этнической принадлежности погребенные в трех могилах определяются тюрками, а в двух – кыпчаками. Не исключено, что самое богатое погребение данной группы в одиночном кургане Грань следует относить к рангу главнокомандующего.

Военно-иерархическая структура сросткинского общества в целом близка тюркской военной организации [Горбунов, 2007, с. 86–89]. В ней присутствовали те же основные уровни: дружина из рядовых воинов и младших командиров, командный состав среднего и высшего звена, институт главнокомандующего. Поскольку в создании сросткинского объединения главную роль играли тюркские племена, можно предположить, что они принесли свою военную систему и организовали в соответствии с ней покоренное самодийское население. Видимо, несколько большее значение в сросткинской военной организации имело ополчение, которое и формировалось в основном из автохтонных жителей.

Отдельно следует остановиться на определении двух могил с мечами как женских (табл. 5.-*78, 88*). Состав их инвентаря позволяет усомниться в правильности антропологических заключений. Так, в погребении кургана №5 памятника Прудской имеются две подвески на серьги, нашивки, бусы, наборная узда и пробой от ленчика седла. Если парные серьги и бусы характерны для женских могил, то наборная узда, хотя и встречается в женских захоронениях, в мужских присутствует гораздо чаще, а пробои есть только в мужских могилах. Можно также указать, что точная аналогия подвескам (тип 2б) из Прудского была найдена в богатом сросткинском мужском погребении с саблей, стрелами, наборным поясом из пос. Горный, где присутствовали и бусы [Горбунов, Тишкин, Семибратов, 2020, с. 239]. На памятнике Успеновка-II (курган №3, могила-1), кроме меча, есть игольник, шило и напильник. Если игольники из бронзы, а не из кости (рога) характерны для женских могил, то напильники и шилья встречены только в мужских захоронениях. В упомянутом мужском комплексе из Горного тоже был найден фрагмент костяного игольника [Горбунов, Тишкин, Семибратов, 2020, с. 238–239, рис. 4.-4]. Таким образом, гораздо больше оснований считать обе эти могилы мужскими, а «женские вещи» в них рассматривать как подношения. Поэтому они и были учтены в выборке по военной организации.

Определенные, но менее представительные сведения о профессиональном делении сросткинского общества дают находки орудий труда. В памятниках Приобского плато они встречались среди всех имущих групп. Особенно это касается такого универсального вида, как ножи. На втором месте после них по распространенности идут точильные средства (табл. 4). Гораздо меньше найдено орудий охоты, представленных костяными и деревянными наконечниками стрел. Они происходят всего из одного

«состоятельного» и двух «малоимущих» мужских захоронений (табл. 6.-*3, 13, 79*). Это свидетельствует о незначительном отражении занятий охотой в погребальном обряде и, возможно, о малой престижности предназначенных для нее изделий. В двух случаях охотничьи стрелы входили в один комплект с боевыми, часть типов которых могла применяться и на охоте.

Из других орудий труда встречены тесла, предназначавшиеся для плотницкого дела. Они происходят из одного «богатого» и двух «малоимущих» мужских погребений (табл. 4.-*23–24, 33*). В одном «малоимущем» и двух «состоятельных» мужских погребениях найдены шилья, использовавшиеся при изготовлении кожаных вещей (табл. 4.-*25, 44, 52*). Два «малоимущих» женских погребения были снабжены пряслицами – инструментами ткацкого дела (табл. 4.-*11, 13*). Еще одно пряслице находилось в мужской «малоимущей» могиле, видимо, как подношение при захоронении (табл. 4.-*52*). В целом, такие специализированные орудия тоже мало отражены в погребальном обряде. Можно отметить их преобладание у малообеспеченного населения, которое и в реальной жизни занималось этой производственной деятельностью. Такие вещи, как тесла и шилья, мужчинами-воинами наверняка использовались как походный инвентарь, и именно в этом качестве они могли попадать в захоронения более зажиточного населения.

Для воссоздания социальных моделей сросткинского населения Приобского плато данные по его имущественной дифференциации и военной организации следует дополнить сведениями по тем элементам погребального обряда, которые указывают на трудозатраты при его реализации. В результате можно выделить четыре социальных группы.

1. *«Правящая элита»* – представители династийного племени и правящего рода, которому принадлежала верховная политическая, экономическая и, вероятно, сакральная власть на данной территории. К этой группе следует отнести «богатые» одиночные, центральные и боковые погребения в крупных курганах (табл. 5.-*1–2, 22, 61, 63, 65, 68, 87, 91–92*). Самым «элитным» из них является одиночный курган Грань, где большая насыпь, обнесенная рвом, была возведена для захоронения одного человека (молодой мужчина), которого сопровождали сразу три лошади. В «изголовье» его могилы был установлен высокий трехметровый столб, могильная яма имела наземное перекрытие, а на ее дне находилась сложная конструкция из двойной рамы и пола. Длинные стенки рамы имели оковку из полос серебряной фольги. Данный памятник можно трактовать как погребение вождя-правителя. Остальные объекты этого уровня, хотя и имеют не менее сложные элементы обряда, но взрослые люди в них сопровождались только одной лошадью или ее шкурой. В структуре военной организации представители группы занимают место в среднем и высшем командном составе, а также в институте главнокомандующего. По условной этнической принадлежности большая часть погребений является тюркскими, а два – кыпчакскими. Судя по датировке памятников, тюркский компонент господствовал на Приобском плато до середины XI в., а затем роль «правящей элиты» перешла к кыпчакам.

2. *«Племенная аристократия»* – главы родов и племен со своими семьями, которые осуществляли властные отношения в рамках отдельных этнотерриториальных сообществ, связанных с династийным племенем союзными или даннические отношениями. К этой группе надо отнести часть «богатых» и «состоятельные» грунтовые могилы (табл. 5.-*48, 56, 59–60*), а также курганные погребения – одиночные, центральные и боковые могилы в средних и реже в малых курганах (табл. 5.-*3, 6–7, 9–10, 32–35, 40, 46–47, 50, 53, 58, 60, 64, 70, 78–79, 83–84, 88, 100–101*). Эти памятники имели элементы обряда как сходные с первой группой (рвы, столбы, надмогильные и внутримогильные конструкции), так и отличные от нее (рамы-ограды). В военной структуре они занимали место в младшем и среднем командном составе. Выделяется два условных этнических компонента: тюркский (7) и самодийский (14). Присутствие последнего объясняется тем, что в процессе образования сросткинского объединения

часть местной знати («двойная элита») сохранила свою власть, вероятно, признав себя данниками тюркских правителей. На это указывают и самостоятельные самодийские могильники. Аристократия тюркского происхождения, видимо, возглавляла племена, союзные главному племени. Причем в их состав могли быть интегрированы и отдельные самодийские роды или семьи. Об этом свидетельствует смешанный состав некоторых могильников и нахождение под одной насыпью центральных «богатых» или «состоятельных» тюркских погребений и боковых «состоятельных» самодийских могил. Не исключено, что часть самодийцев могла входить в «служилое сословие» при тюркских племенных вождях, достигая достаточно высокого статуса.

3. *«Простой народ»* – лично свободные общинники, осуществляющие основную производственную и служебную деятельность в рамках своих этнотерриториальных сообществ. К данной группе отнесены «малоимущие» и «неимущие» грунтовые (табл. 5.-*5, 41–42*) и курганные погребения, составляющие самостоятельные средние (табл. 5.-*38, 81, 85–86, 94–98*), но чаще малые курганы (табл. 5.-*12–21, 23–31, 36–37, 39, 43, 49, 71–77, 93, 102–108*). В этих сооружениях реже встречались такие элементы обряда, как рвы и столбы, редки рамы-ограды, но надмогильные и внутримогильные конструкции использовались достаточно часто. В военной организации население этой группы занимало место рядовых воинов, часть которых, видимо, была дружинниками на службе у знати (конница), а часть – ополчением (пехота). По условной этнической принадлежности одни погребения являются тюркскими (4), другие – самодийскими (33) и третьи – угорскими (2). Простые общинники не только этнически, но и социально не представляли собой монолитную группу. На это указывают отличающиеся размеры курганов, разной сложности элементы обряда, вариабельность среди инвентаря или его отсутствие. Однако ее ядро, безусловно, составлял самодийский компонент.

4. *«Зависимое население»* – лично несвободные люди, попавшие в результате военных или экономических обстоятельств в неполноправное положение и осуществлявшие различную деятельность в принудительном порядке (как в своих, так и в чужих сообществах). Сюда могут быть отнесены «малоимущие» и «неимущие» боковые погребения в курганах первой и второй групп (табл. 5.-*4, 8, 11, 44–45, 51–52, 54–55, 57, 62, 66–67, 69, 80, 82, 89, 90, 99*). Для большинства из них характерны простые могильные ямы, реже с подбоем или ступенькой, иногда имевшие внутренние несложные конструкции. Данное население не привлекалось к военной службе. Единственное исключение – одно мужское погребение, где найден боевой наконечник стрелы (табл. 1.-*28*). Возможно, это был вооруженный слуга. В условно этническом плане все объекты этой группы самодийские. Судя по их нахождению в курганах, где центральные могилы и тюркские, и самодийские, эта категория людей могла подвергаться эксплуатации по разным причинам. К тюркской знати они могли попасть в зависимость еще в процессе завоевания территории, а в своей этнической среде такая зависимость могла возникнуть чисто экономически.

В целом социальная организация населения сросткинской культуры на Приобском плато отражает модель общества, призванную обеспечить господство пришлого этноса-завоевателя над более многочисленным автохтонным этносом. Тюрко-самодийский дуализм базировался на сохранении части властных полномочий за местной элитой и интеграции ее отдельных представителей в племенную структуру этноса-гегемона, при сохранении верховной власти за его династией. Данная организация, видимо, по политическим причинам была открыта и для участия других этнических групп, роль которых оказывалась различной. Одни из них получали невысокий статус, другие, наоборот, попадали в высший эшелон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что авторы постарались рассмотреть все известные на сегодняшний день погребальные памятники сросткинской культуры на Приобском плато. Для этого были привлечены опубликованные данные, доступные архивные материалы и полевая документация, коллекции музейных предметов, имеющиеся определения костных остатков.

История изучения сросткинских могильников в рассматриваемом регионе позволила обозначить три периода. Первый из них (1860–1910-е гг.) характеризуется началом эпизодических раскопок, создавших определенный задел для дальнейших работ. Второй период (1960–1980-е гг.), несмотря на преобладание попутного (аварийно-спасательного) характера раскопок, привел к значительному росту источниковой базы и включению территории Приобского плато в ареал уже выделенной сросткинской культуры. Третий период (1990–2000-е гг.), помимо охранных работ, отмечен целенаправленными раскопками сросткинских могильников, более активной их публикацией, в том числе и предыдущих результатов. Можно сказать, что к началу второго десятилетия XXI в. информация обо всех памятниках была введена в научный оборот. Однако в большинстве случаев она носила краткий, обзорный характер и была разбросана по разным изданиям, многие из которых представляют сейчас библиографическую редкость.

При описании памятников в первой главе авторы стремились проверить опубликованную о них информацию, дополнить ее, исправить имевшиеся там ошибки, используя научные отчеты и полевую документацию. Для большинства памятников это удалось сделать, но некоторые из них еще ждут своего полного введения в научный оборот.

Анализ сопроводительного инвентаря позволил классифицировать его по комплексам, категориям и видам. Там, где вещи составляли однородные серии, применялась классификация по их важным признакам из одного или нескольких уровней. В отдельных случаях она носила демонстрационный характер, но в основном заканчивалась типологическим анализом. На отдельные, прежде всего малоизвестные предметы, составлялось более подробное морфологическое описание. Эти процедуры сделали возможным представление материалов в систематизированном виде.

Типология инвентаря показала, что вещи из курганов Приобского плато близки и во многих случаях идентичны предметам из других районов распространения памятников сросткинской культуры. Но они также близки аналогичным изделиям из археологических объектов кимаков и кыпчаков и образуют с ними почти единый материальный комплекс, в основе развития которого главным образом лежала тюркская традиция. Правда, удалось установить, что некоторые предметы в ареале сросткинской культуры появились раньше, чем у них: роговые S-видные двухдырчатые псалии, бронзовые пряжки с широкой сердцевидной рамкой, лепестковые поясные бляхи, торевтика с изображением парных рыб. Гораздо меньше связей обнаружилось с кыргызским комплексом. Они исчерпываются деталями оформления одних удил, несколькими типами уздечных блях, одним типом поясных пряжек и игольников. Некоторые находки продемонстрировали этнографические особенности. Речь идет о способе подвешивания ножен мечей к поясу при помощи петель-пробоев с кольца-

ми на пластинах, отличном от подобных систем у кимаков и кыргызов. Дальнейшие исследования в этом направлении, вероятно, приведут к открытию новых фактов, чему могут способствовать и опубликованные нами данные.

Типологический анализ также позволил установить датировку большинства типов предметов, а их корреляция помогла определить даты погребений, курганов и могильников. Все они распределились в рамках уже разработанной периодизации сросткинской культуры, в основном подтвердив, хотя и с определенными уточнениями, установленную хронологию.

1. Инской этап, 2-я половина VIII – 1-я половина IX в., три памятника (Кипринский Борок-7, Мало-Панюшово, Плотниково).

2. Грязновский этап, 2-я половина IX – 1-я половина X в., 13 памятников (Быково, Быково-IV, Грязново-I–IV, Камень-II, Нечунаево-3, Нечунаевский Елбан-2, Объездное-2, Успеновка-II, Хабазино-4, Яровское-III).

3. Шадринцевский этап, 2-я половина X – 1-я половина XI в., 14 памятников (Гоньба, Грань, Заковряшино, Камень-I, Коловый Мыс, Кучук-1, Объездное-I, Поповская Дача, Поспелихинский, Прудской, Рогозиха-1, Филин-I, Шелаболиха-3, Яровское-V).

4. Змеевский этап, 2-я половина XI – XII в., четыре памятника (Барчиха, Боровиково-IV–V, Ильинка).

Процедура классификации и типологии была проведена и для элементов погребального обряда, в результате чего удалось выявить устойчивые признаки, характерные для памятников сросткинской культуры: курганные или гораздо реже грунтовые некрополи; рядное расположение захоронений с выделением центрального погребения; рвы или рамы-ограды; столбы в «изголовье» могил; наземные перекрытия могильных ям; внутримогильные рамы с перекрытием и полом; вытянутое положение умерших людей с ориентацией в восточный сектор. Сочетание всех этих признаков или наличие большинства из них можно объединить понятием «сросткинский погребальный комплекс» в изучаемой культуре.

Рассмотрение происхождения курганных и могильных конструкций, а также типов погребений позволило выделить в составе сросткинского общества четыре условных этнических компонента: тюркский, самодийский, кыпчакский и угорский. В процессе развития сросткинского общества они имели разное значение. Основными являлись тюркский и самодийский, который доминировал численно, но появление именно тюркского населения привело к образованию нового объединения. Слияния населения Приобского плато в один этнос не произошло, что было обусловлено в том числе социальными отношениями.

Сравнительный анализ инвентарных наборов из могил с элементами погребального обряда выявил различные уровни имущественной, профессиональной и социальной стратификации сросткинского общества Приобского плато. Было выделено четыре имущественных группы населения: «богатые», «состоятельные», «малоимущие» и «неимущие». В первой из них преобладали тюрки и кыпчаки, в остальных – самодийцы. Сходная тенденция обозначилась и при выделении пяти групп воинских погребений, где командирами среднего и высшего звена оказались тюрки и кыпчаки, а в рядовом и младшем командном составе было больше самодийцев. Среди четырех социальных групп в составе «правящей элиты» оказались представители тюрок (рис. 133) и кыпчаков, в составе «племенной аристократии» – представители тюркского и самодийского (рис. 134) этносов, при преобладании последнего, в составе «простого народа» – самодийцы и небольшое число тюрок и угров, в составе «зависимого населения» – только самодийцы.

Социальная организация населения сросткинской культуры на Приобском плато представляла собой модель общества, обеспечивавшего господство пришлого тюркского этноса над более многочисленным автохтонным самодийским этносом. При этом местная знать не была полностью уничтожена, а сохранила самоуправление и частично была интегрирована в племенную структуру правящего этноса. Данная модель

оставалась открытой и для участия других этнических групп. Так в ее состав были включены представители угорского этноса (на правах простых общинников) и представители этноса кыпчаков, вошедшие в состав правящей элиты.

Опираясь на полученные результаты, мы можем представить следующую картину поэтапного развития сросткинской культуры на Приобском плато, соотнося изменения на каждом из них с известными, по письменным источникам, событиями в истории Центральной Азии.

1. Начало инского этапа можно связать с гибелью II Восточно-Тюркского каганата (744 г.) и установлением в Центральной Азии господства Уйгурского каганата (745–840 гг.), что послужило причиной масштабного переселения тюркских племен, в том числе и на юг Западной Сибири. В то время происходило формирование сросткинской культуры, и Приобское плато сразу стало одним из районов ее ареала. Об этом свидетельствует расположение первых, пусть и немногочисленных, сросткинских памятников как в северной, так и в южной части плато. Среди них можно предполагать тюркские курганные погребения с конем (Плотниково) и самодийские грунтовые могилы (Кипринский Борок-7, Мало-Панюшово). Очевидно, тюркские племена пришли в лесостепь через предгорья левобережья Оби (Точильное-5) и заняли территорию Приобского плато. Прилегающие к нему земли на этом этапе еще не были освоены полностью, за исключением участка Кулундинской степи (Кулунда, Кулундинская волость, Николаевка) и правобережной поймы Оби напротив плато (Ближние Елбаны-V, Борковский Елбан-6, Иня-1, Тузовские Бугры-2, Чингис-2) [Горбунов, 2009а, с. 33].

2. Начало грязновского этапа можно сопоставить с военной экспансией Кыргызского каганата (840–847 гг.) и образованием Кимакского каганата (ок. 850 г.), чьи интересы пересеклись в междуречье Иртыша и Алея. Там в западной части Предалтайской равнины появляется много сросткинских могильников, часть из которых соседствует с курганами кыргызов (Гилево-III, Чинета-II) [Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005б, с. 146], что позволяет предполагать союз сросткинского объединения с Кыргызским каганатом против кимаков. Это позволило освоить юго-западные рубежи и весь восток Кулундинской равнины (Екатериновка-3, Кириловка-V, Ключи). На данном этапе сросткинские племена занимали уже всю территорию Лесостепного Алтая [Горбунов, 2009а, с. 34], и Приобское плато окончательно стало центральной частью их ареала. Число сросткинских памятников на плато существенно возрастало, концентрируясь по его периметру. На нем преобладали курганные могильники: тюркские (Быково-IV, Хабазино-4), самодийские (Грязново-I, IV, Нечунаево-3, Успеновка-II, Яровское-III) и смешанного состава (Грязново-II–III, Камень-II). Сохранялись и отдельные грунтовые могильники самодийского населения (Нечунаевский Елбан-2). С X в., т.е. во второй половине грязновского этапа, стали сооружаться крупные курганы тюркской элиты (Объездное-2), что указывает на превращение Приобского плато в политический центр сросткинского объединения.

3. На шадринцевский этап пришлась очередная миграция кочевых племен. Ее можно связать с активностью империи киданей Ляо, чьи походы (924–994 гг.) привели к вытеснению крупных групп номадов из Монголии на запад, что повлекло распад Кыргызского каганата на отдельные княжества и ослабление Кимакского каганата. Это, видимо, создало благоприятную внешнеполитическую обстановку для сросткинского объединения, так как наблюдается расширение его границ на север в Новосибирское Приобье (Березовый Остров-1, Высокий Борок, Крохалевка-13) и на восток в Кузнецкую котловину (Ишаново, Торопово-1, Шестаки-I и др.) [Горбунов, 2009а, с. 34]. На Приобском плато число сросткинских памятников несколько возросло, и они занимали новые участки территории на востоке, севере и юге. Для этого времени известны только курганные могильники, оставленные тюркским (Заковряшино, Коловый Мыс, Поспелихинский), самодийским (Гоньба, Прудской, Яровское-V), угорским (Камень-I) населением или имевшие смешанный состав (Кучук-1, Рогозиха-1, Шелаболиха-3). Значительно увеличилось число тюркских «элитных» курганов

(Грань, Объездное-I, Поповская Дача, Филин-I). Место их концентрации – оба берега в среднем течении Алея и водораздел между Обью и Касмалой. Можно отметить, что на данный этап пришелся расцвет сросткинского объединения. Возможно, именно в тот период сросткинские племена попадали в орбиту внимания мусульманских авторов под названием «каи». Племена каи помещались ими к северу от кыргызов (одно из княжеств которых находилось в Горном Алтае), на левом берегу р. Ямар. Эту реку ученые-лингвисты соотносят с Обью, что весьма точно указывает на район Приобского плато [Горбунов, 2020б, с. 334].

4. Начало змеевского этапа соотносится с новыми миграциями кочевых племен из Центральной Азии, что привело к гибели Кимакского каганата (1048–1049 гг.) и усилению племенного союза кыпчаков, который начал активную экспансию как в западном, так и в восточном направлении. Ареал сросткинской культуры в то время сократился до предгорий Алтая и Барнаульско-Бийского Приобья [Горбунов, 2009а, с. 35]. Сильно уменьшилось число сросткинских памятников и на Приобском плато. Среди них поровну курганных и грунтовых некрополей. Они либо самодийские (Боровиково-IV–V), либо тюрко-самодийские (Ильинка). «Элитный» курган всего один (Барчиха), и по типу погребений он кыпчакский. Единственное тюркское погребение оказалось грунтовым, с лошадью и без инвентаря. Это в определенной мере свидетельствует о том, что роль господствующего этноса на данной территории перешла к кыпчакам. Самый поздний сросткинский некрополь на Приобском плато – грунтовый могильник Ильинка – находится в пойме левого берега Оби. Рядом с ним в 1-й половине XIII в. появились захоронения следующей кармацкой культуры монгольского времени, причем они не перекрывают сросткинских могил, в чем наблюдается определенная преемственность. Когда территория Приобского плато, как и весь юг Западной Сибири, была присоединена к Монгольской державе (1207 г.), остатки сросткинского населения стали одним из компонентов нового формировавшегося объединения [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 138–139].

Материалы, представленные в монографии, и опыт их интерпретации расширяют и уточняют имеющиеся представления о сросткинской культуре в отдельно взятом регионе и будут способствовать ее дальнейшему изучению. Они могут привлекаться для сравнительного анализа с другими этнокультурными образованиями позднетюркского и предмонгольского времени на территориях Северной и Центральной Азии и более широко в рамках пояса евразийских степей.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

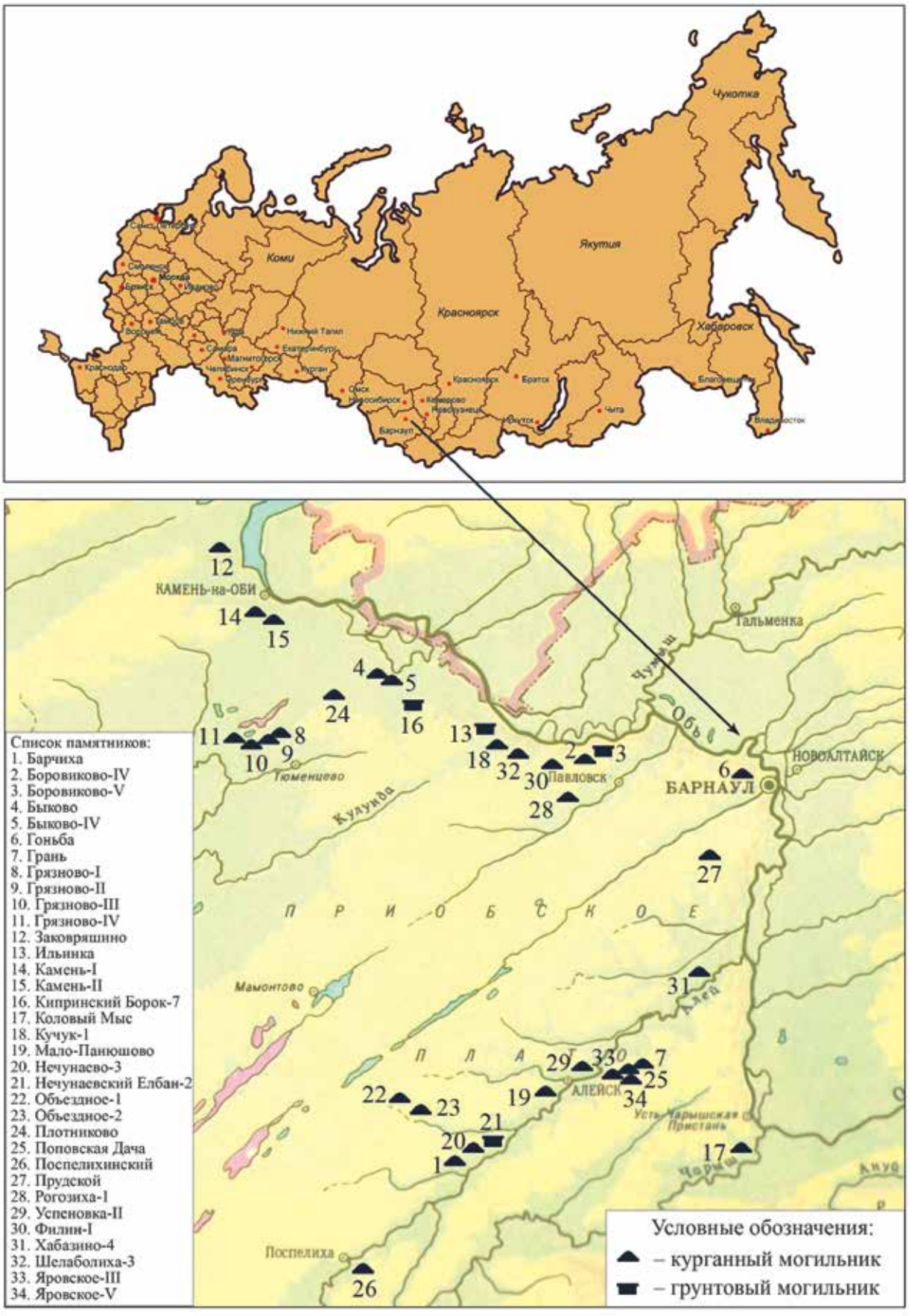


Рис. 1. Карта расположения погребальных памятников сросткинской культуры на Приобском плато

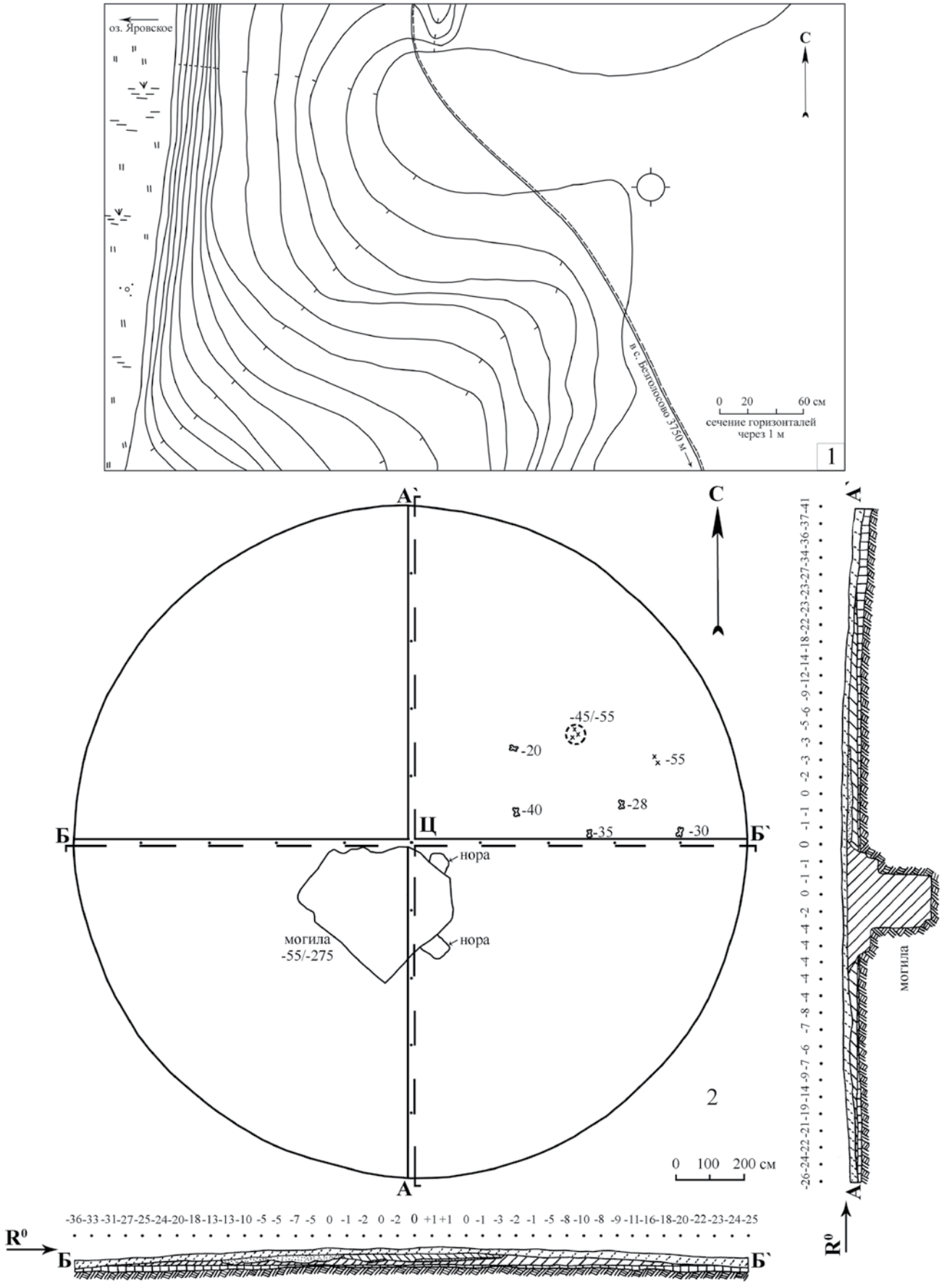


Рис. 2. Яровское-III:
1 – план памятника; *2* – план и разрезы кургана

Рис. 3. Яровское-III: *1* – пятно могилы в юго-западном секторе; *2* – контур могильного пятна после снятия бровок; *3* – могильная яма после выборки заполнения

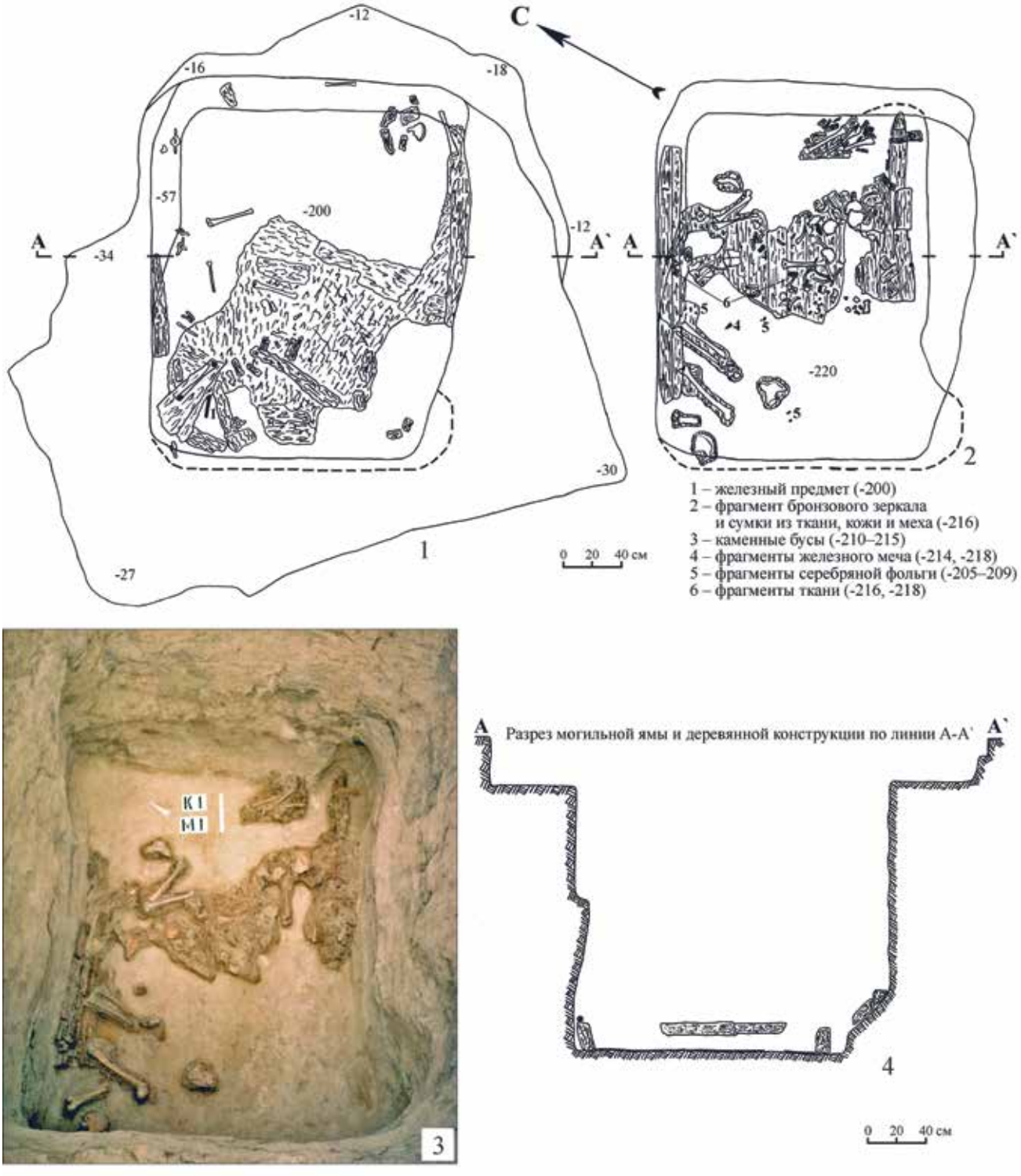


Рис. 4. Яровское-III:
1–2 – планы могилы; *3* – дно могилы после зачистки;
4 – разрез могильной ямы

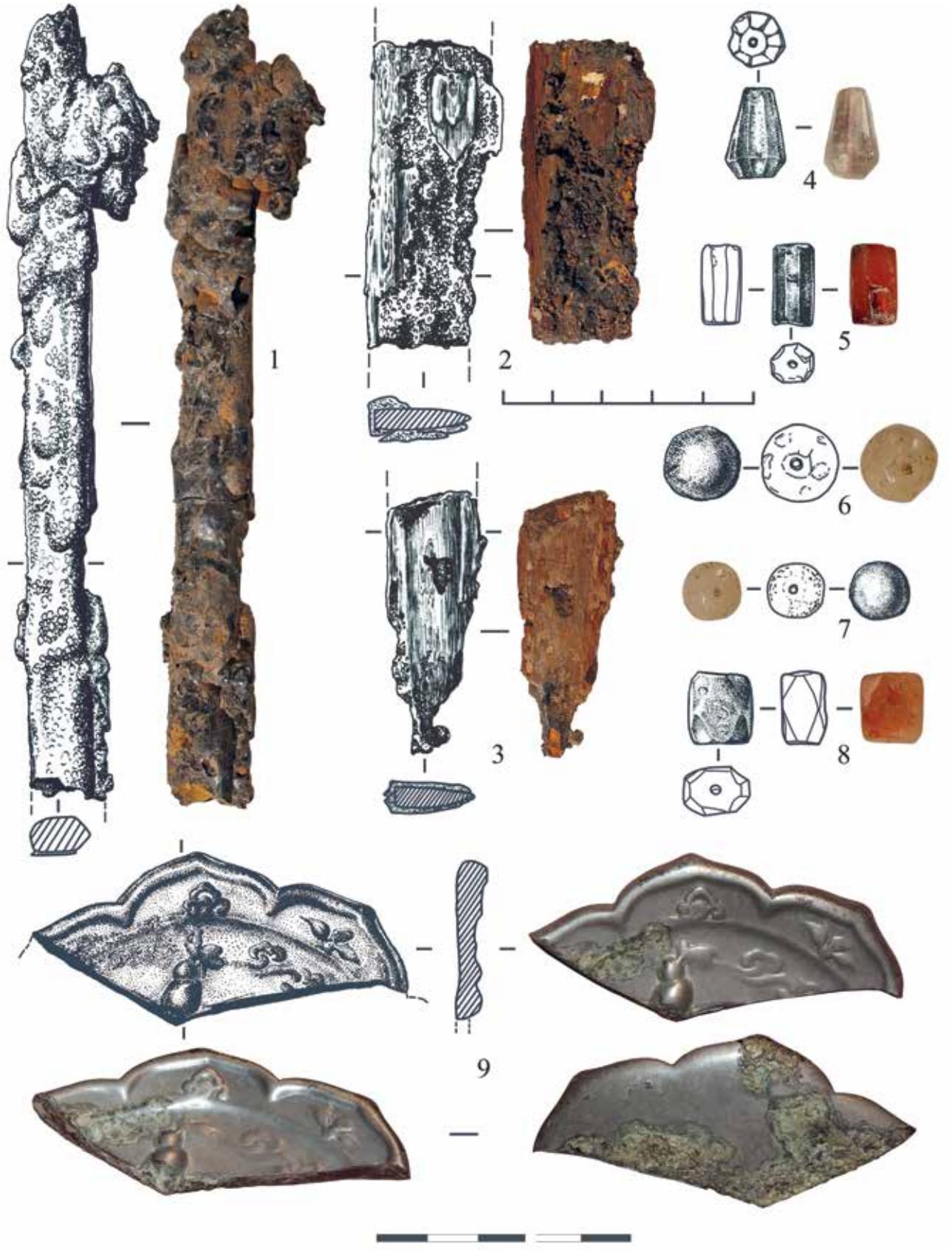


Рис. 5. Яровское-III. Предметный комплекс:
1 – напильник; *2–3* – клинок меча; *4–8* – бусы; *9* – зеркало
(*1 – железо, 2–3 – железо, дерево, 4–8 – камень, 9 – бронза*)

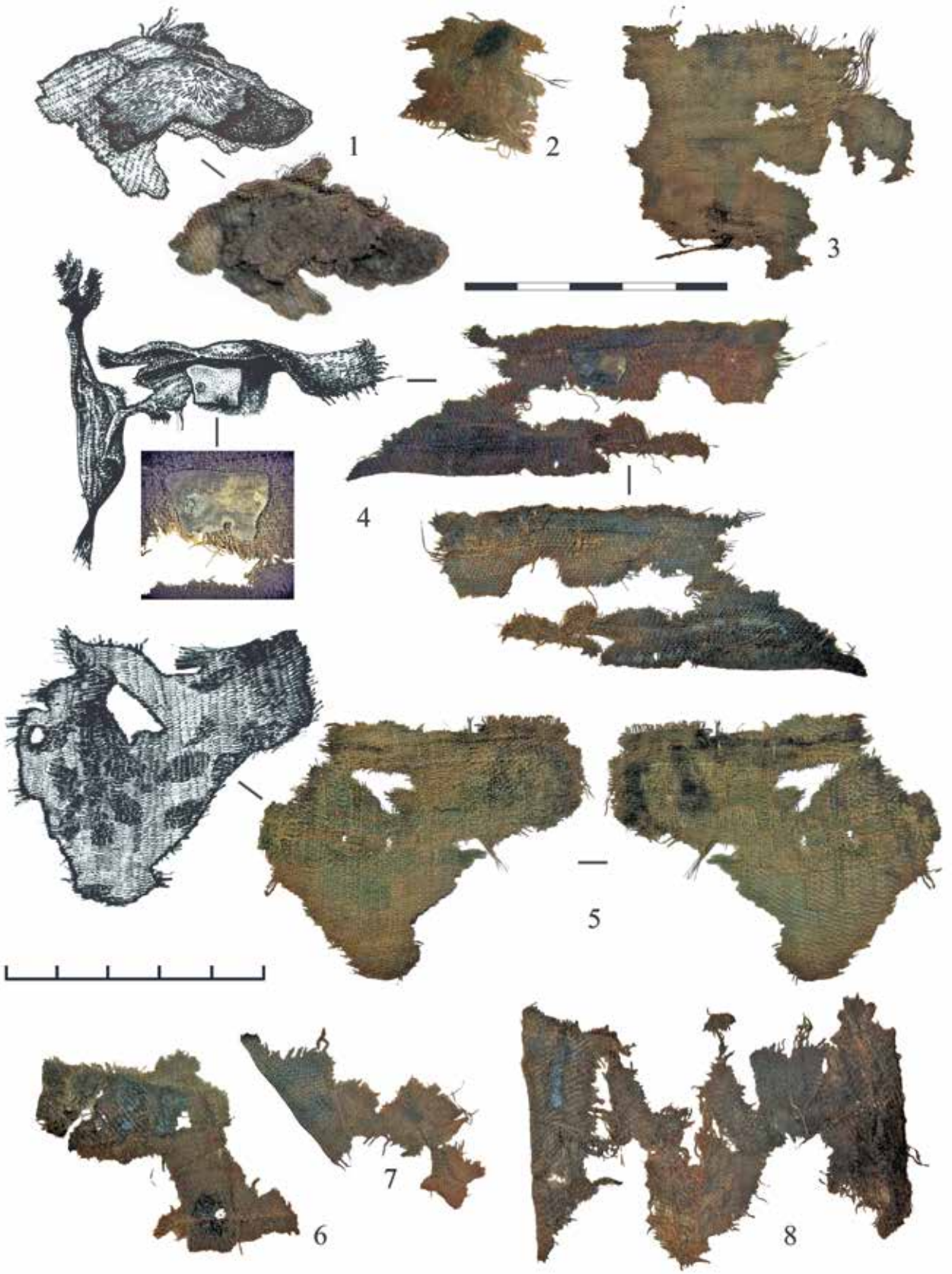


Рис. 6. Яровское-III. Предметный комплекс:
1 – ткань с кожей и мехом от сумочки для зеркала; *2–3, 6–8* – обрывки ткани;
4 – ткань с фрагментом бронзовой бляхи; *5* – ткань с вышивкой

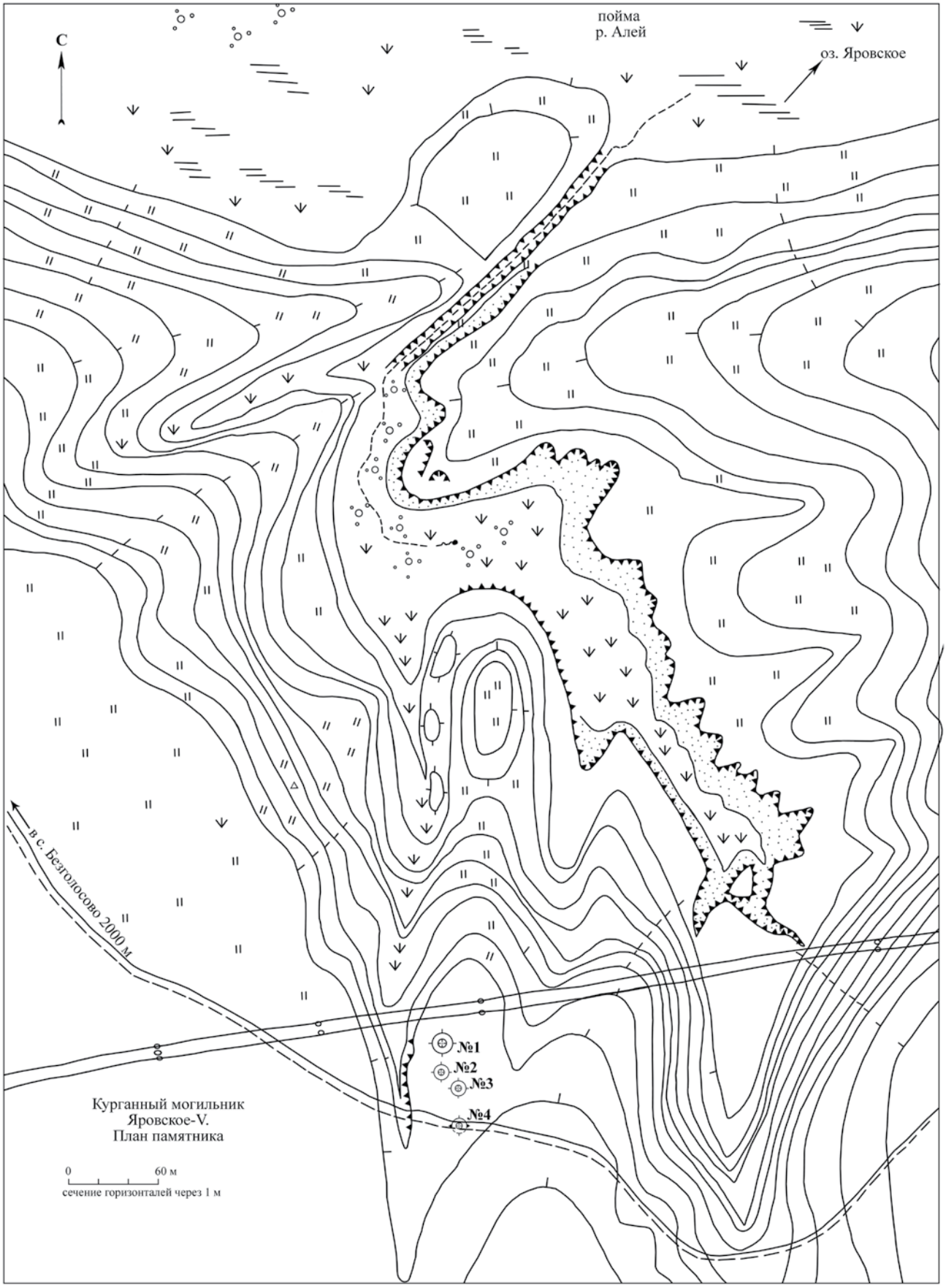


Рис. 7. Яровское-V.
План памятника

Рис. 8. Яровское-V, курган №1: *1* – насыпь до раскопок;
2 – контуры могильных пятен после снятия бровок

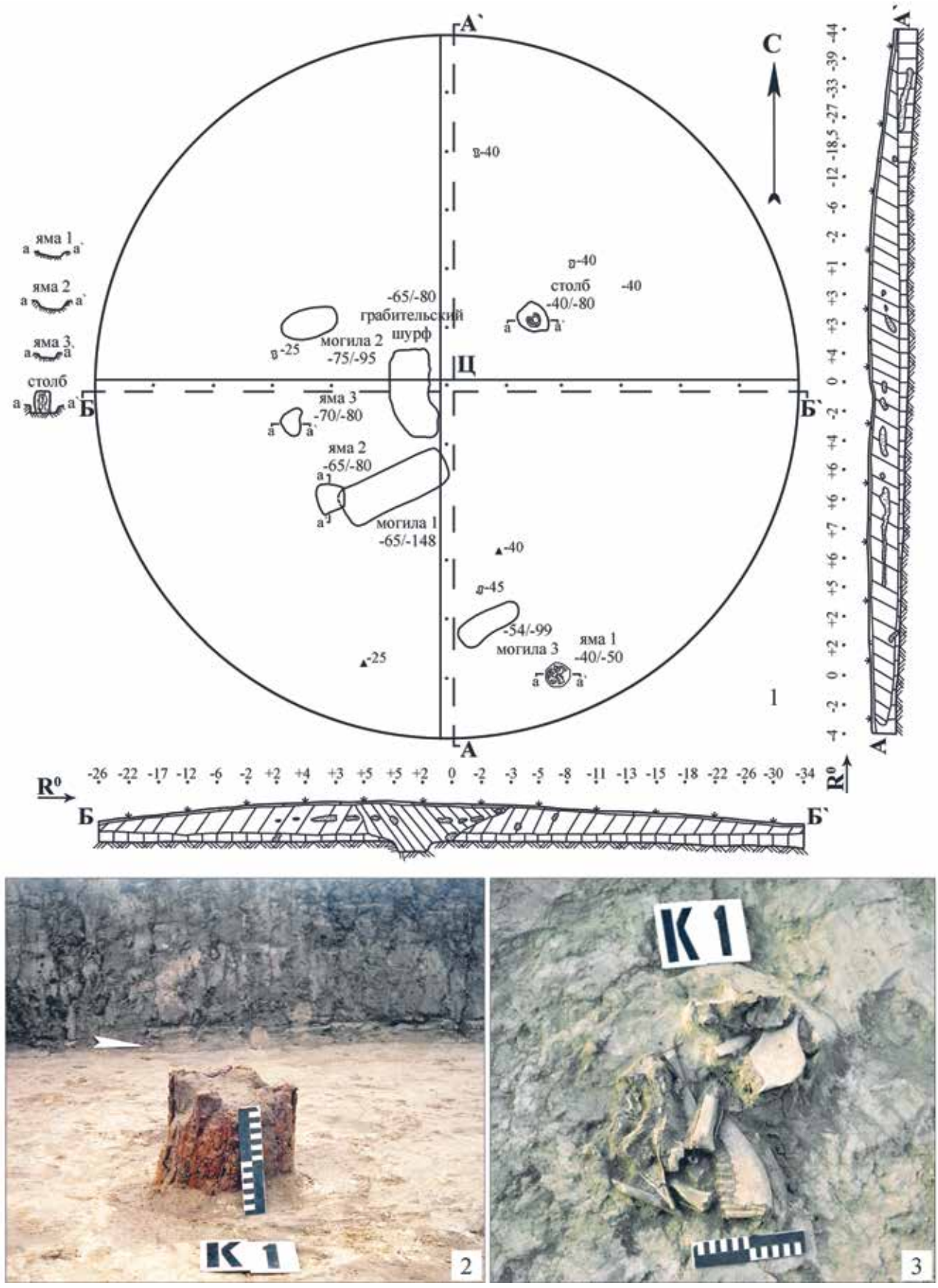


Рис. 9. Яровское-V, курган №1:
1 – план раскопа и разрезы; *2* – деревянный столб;
3 – скопление костей коровы и овцы в яме-1

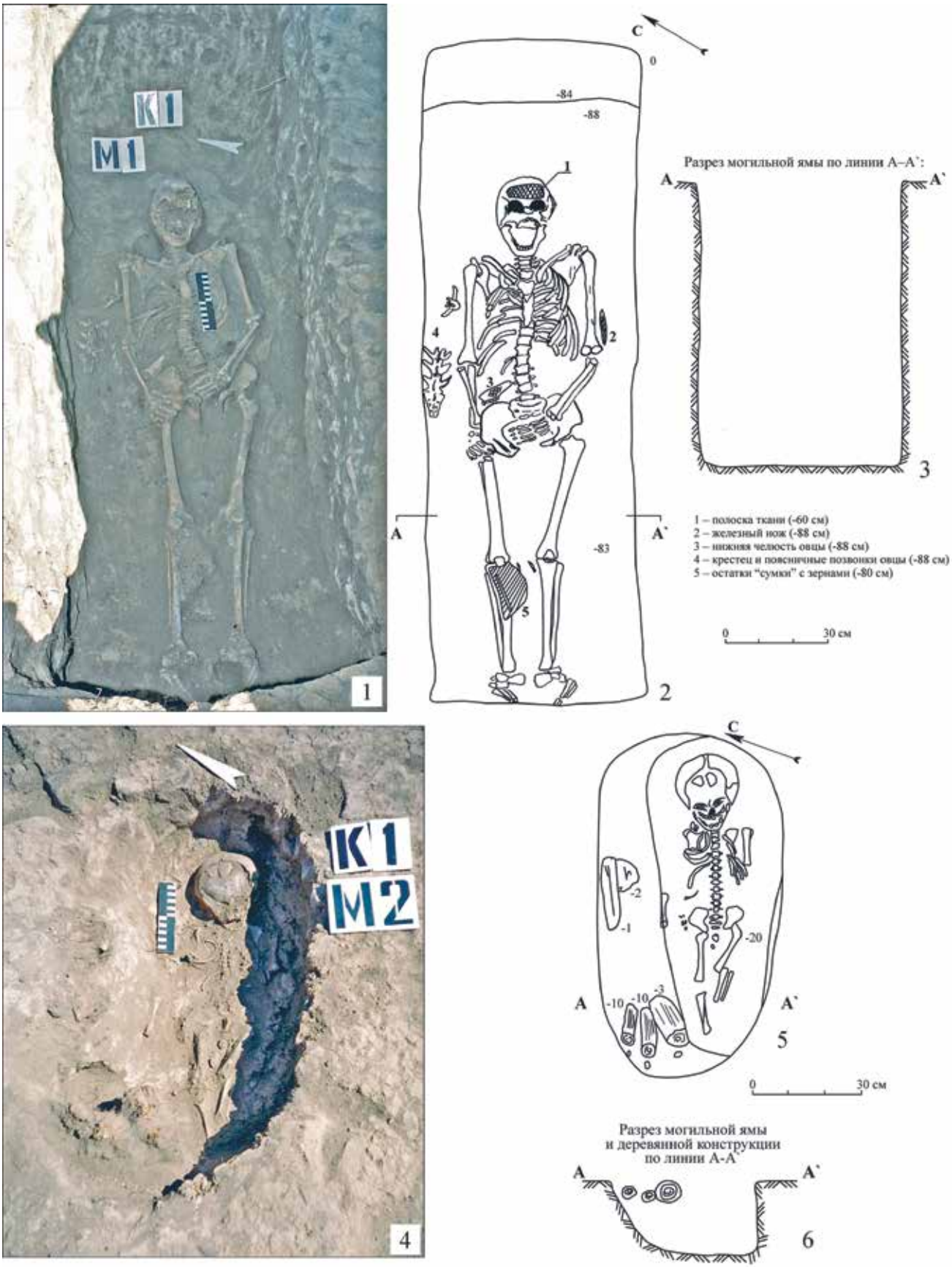


Рис. 10. Яровское-V, курган №1:
1 – скелет человека в могиле-1; *2–3* – план и разрез могилы-1;
4 – скелет ребенка в могиле-2; *4–5* – план и разрез могилы-2

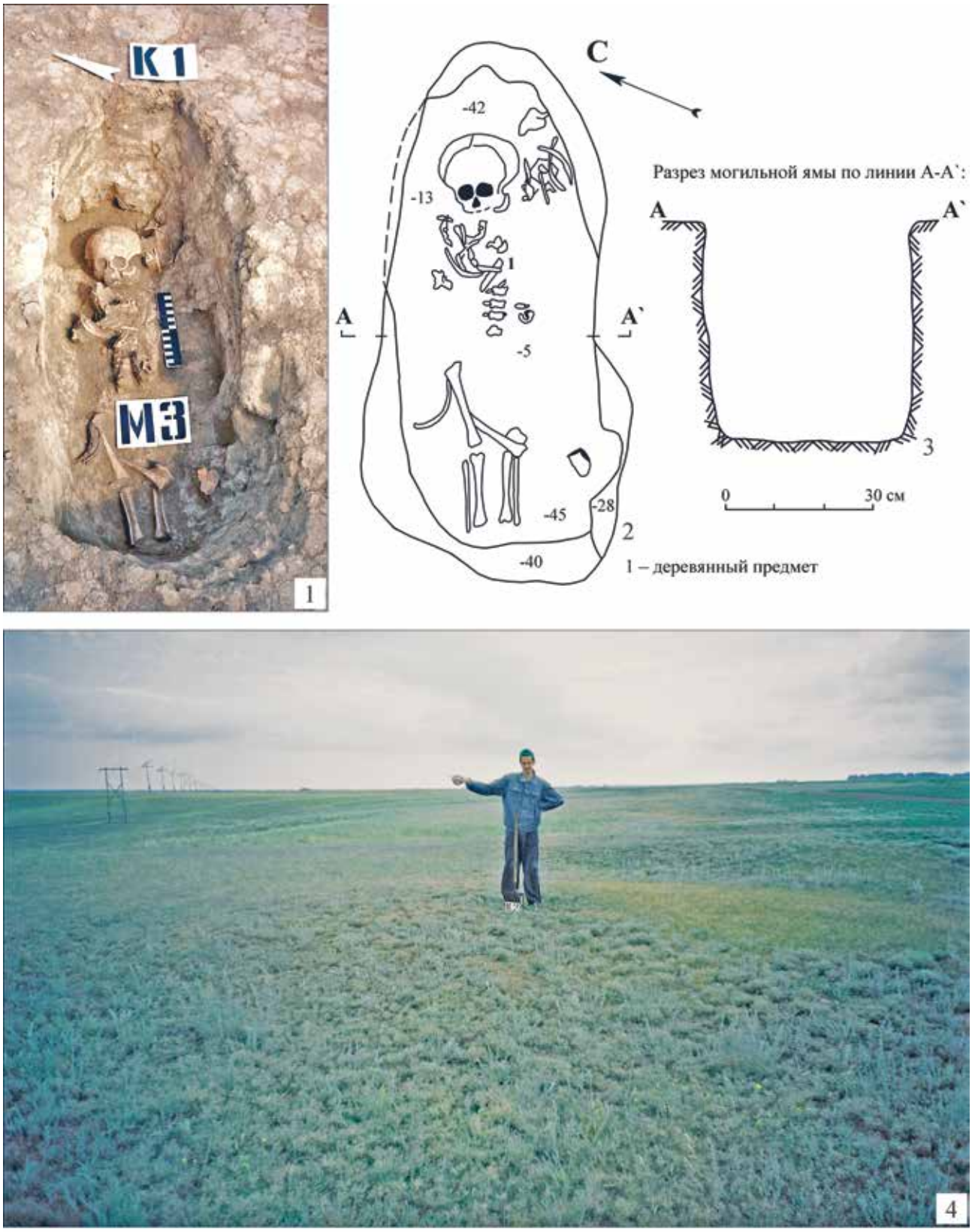


Рис. 11. Яровское-V. Курган №1:
1 – скелет ребенка в могиле-3; *2–3* – план и разрез могилы-3, курган №2; *4* – насыпь до раскопок

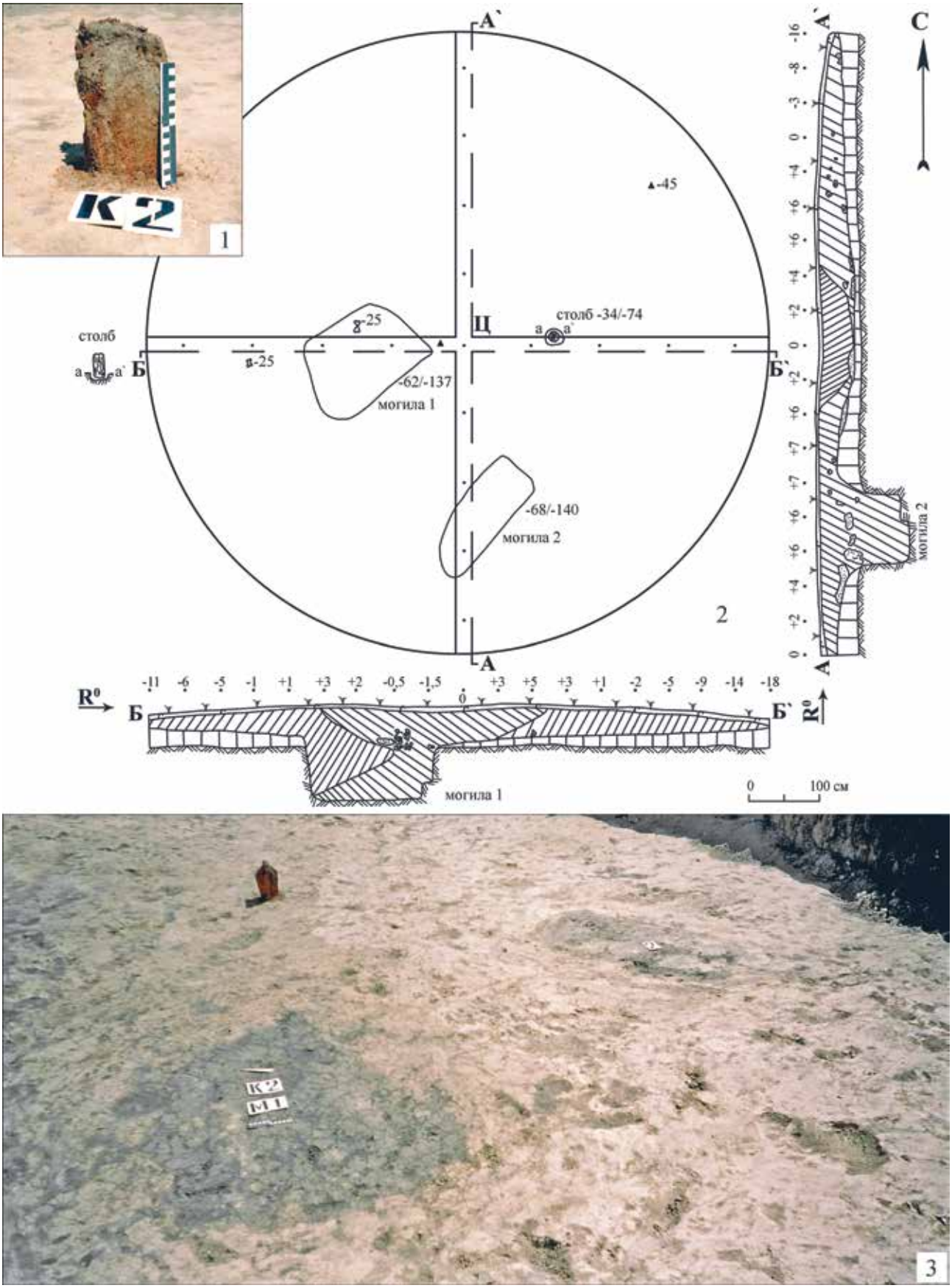


Рис. 12. Яровское-V, курган №2:
1 – деревянный столб; *2* – план раскопа и разрезы;
3 – контуры могильных пятен после снятия бровок

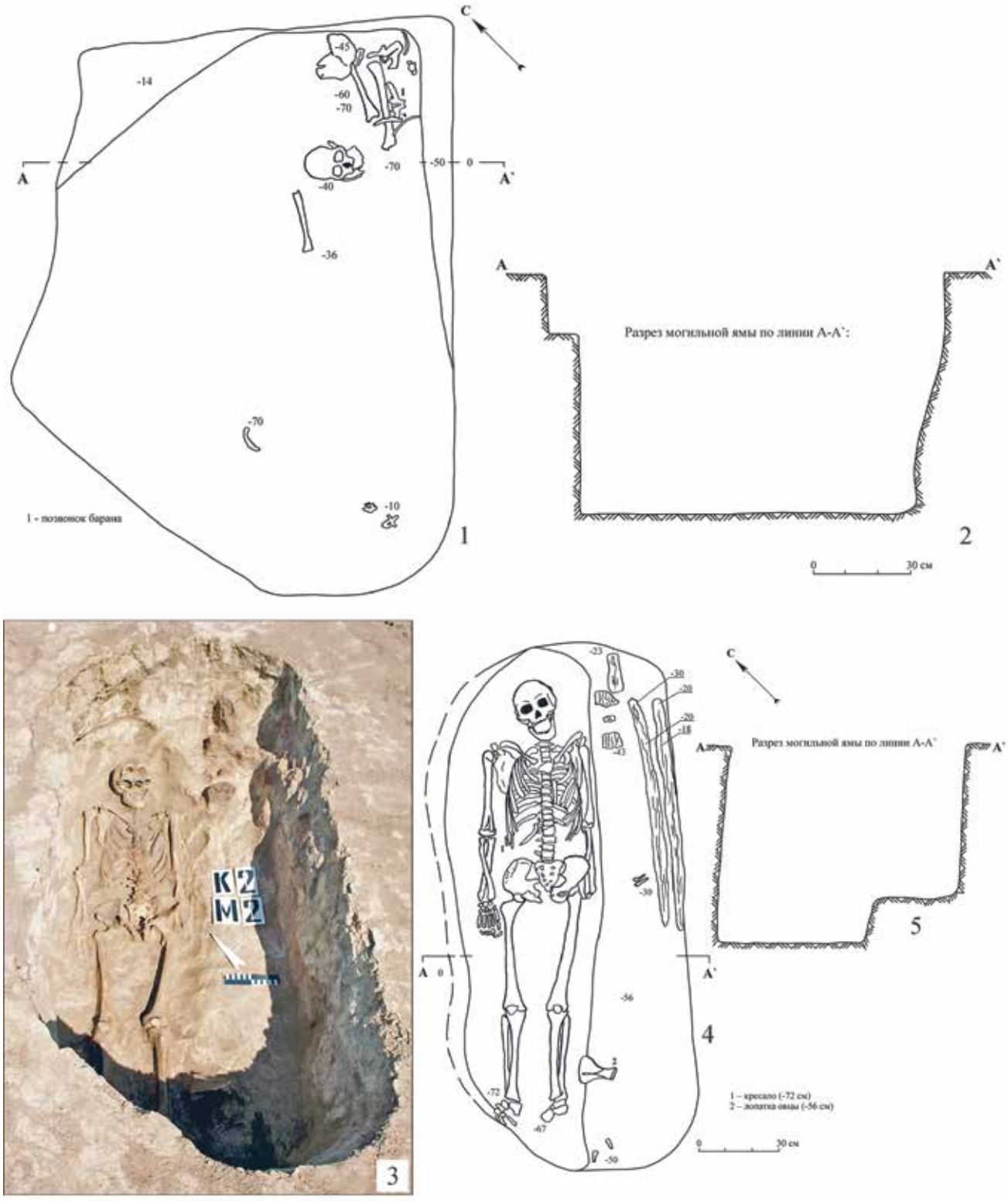


Рис. 13. Яровское-V, курган №2:
1–2 – план и разрез могилы-1; *3* – скелет человека в могиле-2; *4–5* – план и разрез могилы-2

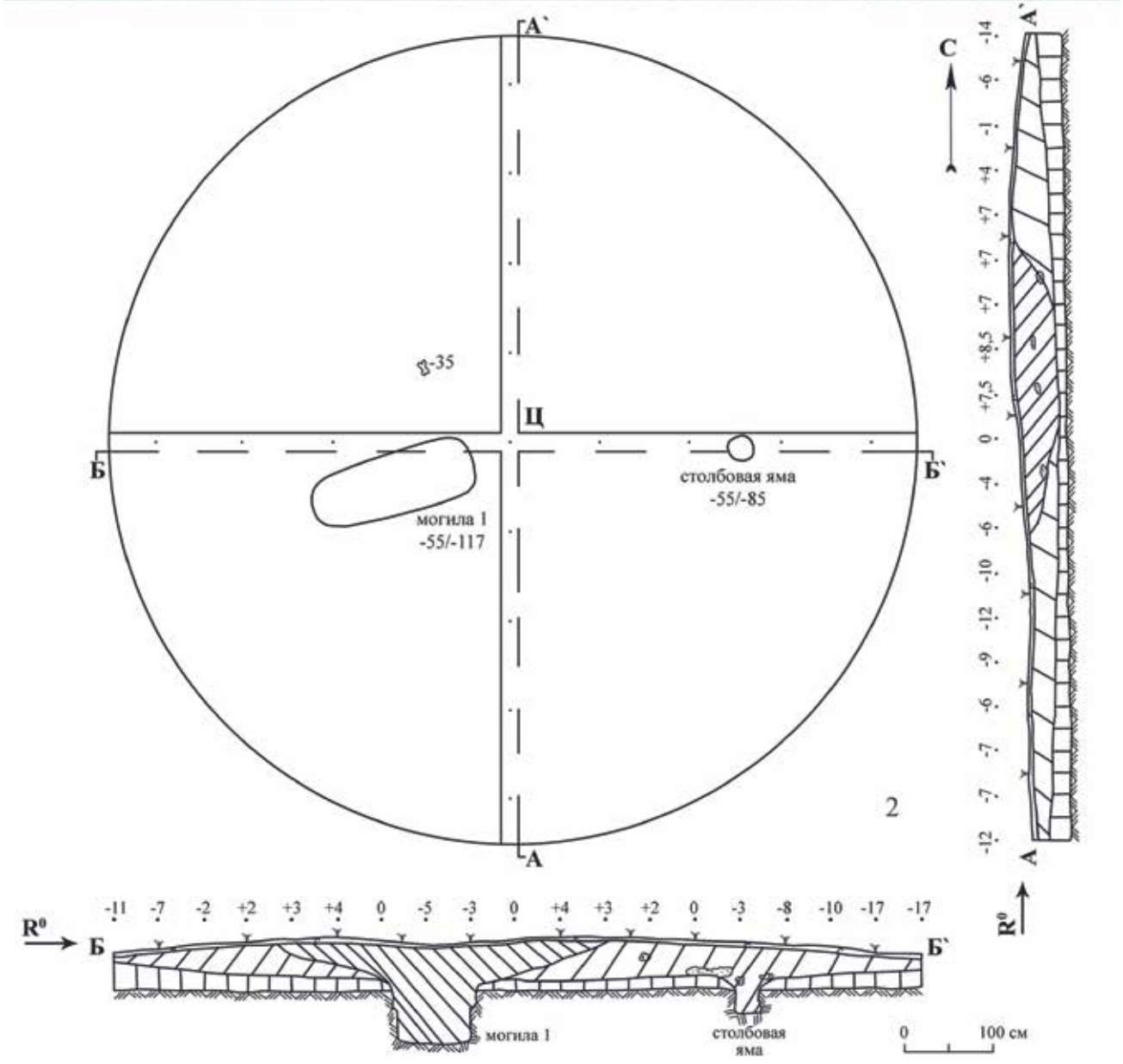


Рис. 14. Яровское-V, курган №3:
1 – насыпь до раскопок; *2* – план раскопа и разрезы

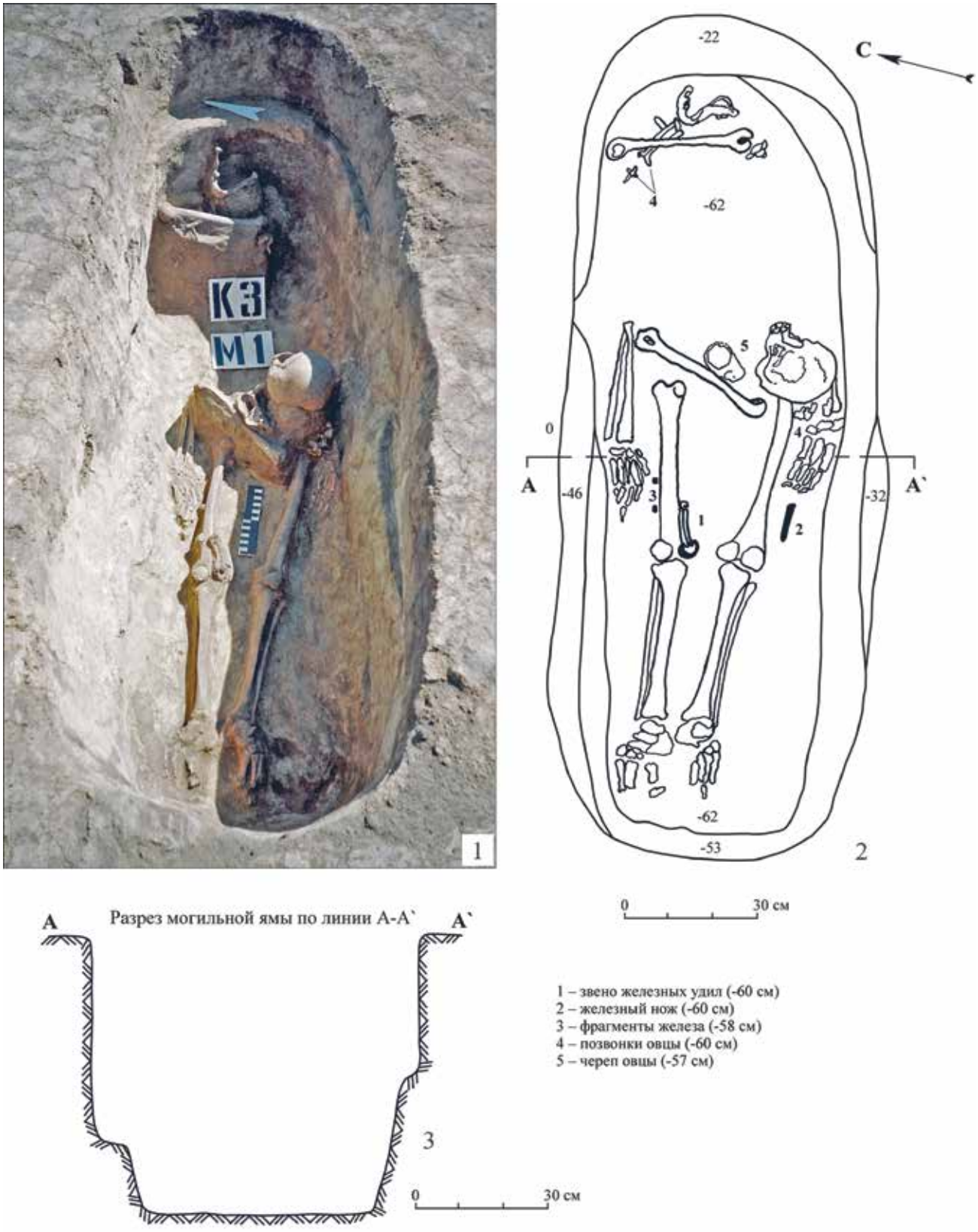


Рис. 15. Яровское-V, курган №3:
1 – скелет человека в могиле-1; *2–3* – план и разрез могилы-1

Рис. 16. Яровское-V. Предметный комплекс:
1, 5 – ножи; *2–3, 7* – кресальные камни; *4* – удила и псалии; *6* – фрагмент стержня
(*1 – курган №1, могила-1, 2–3 – курган №2, могила-2, 4–7 – курган №3, могила;*
1, 5 – железо, дерево, 2, 7 – кремень, 3 – кремень, железо, 4 – железо, 6 – дерево)

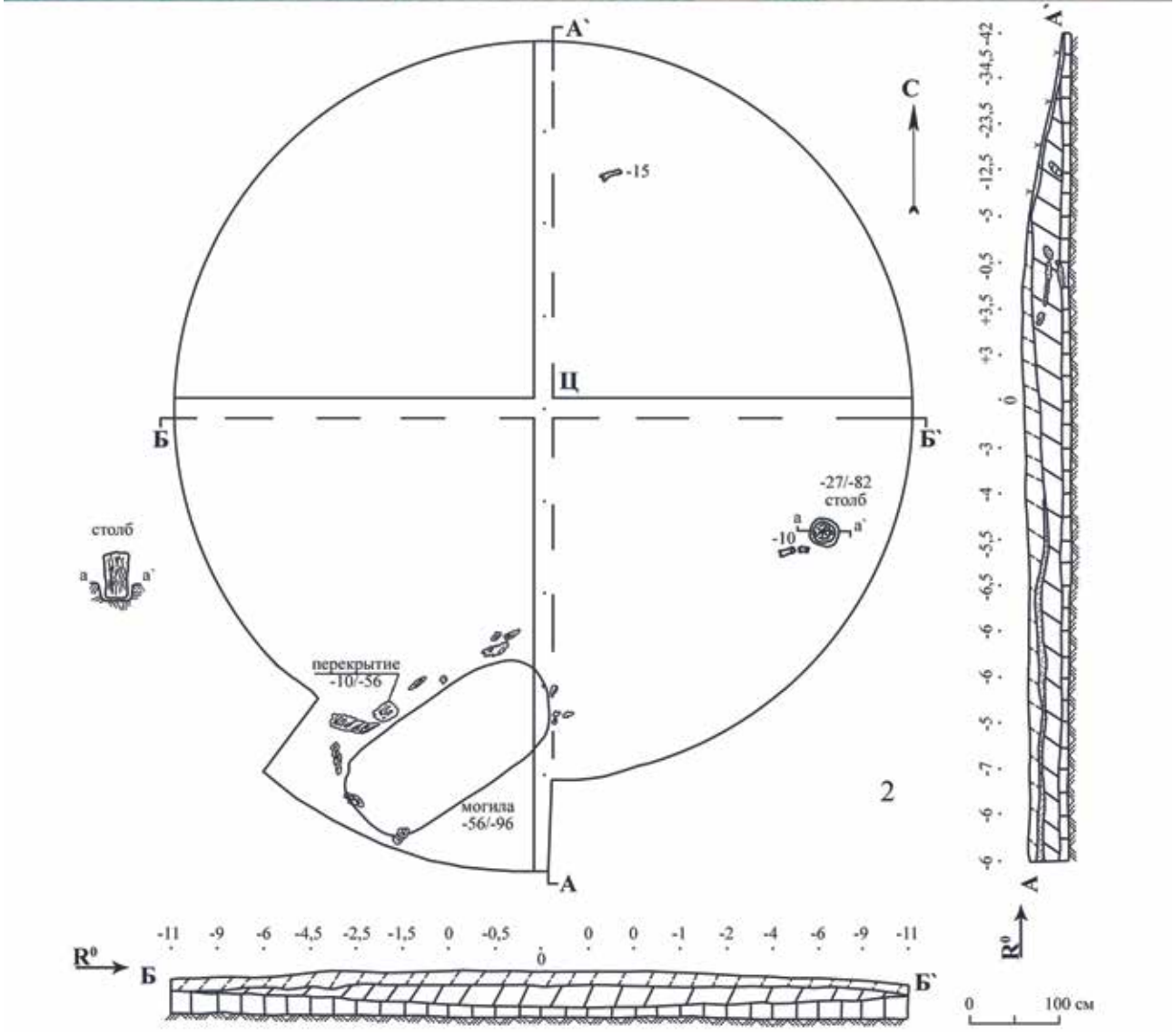
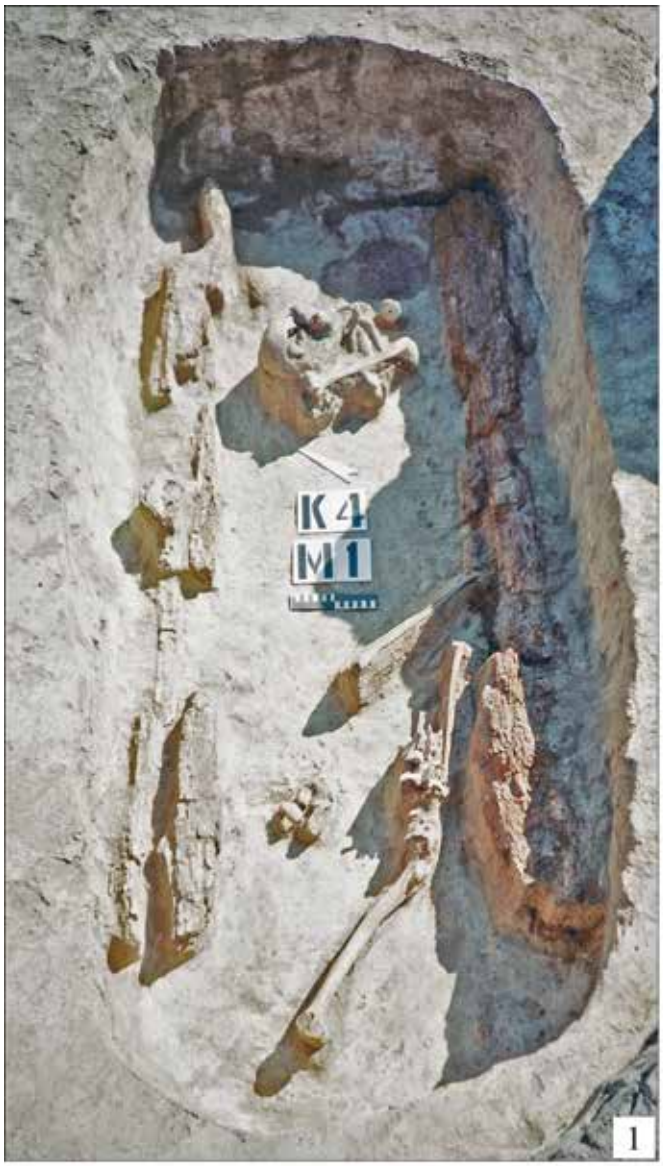
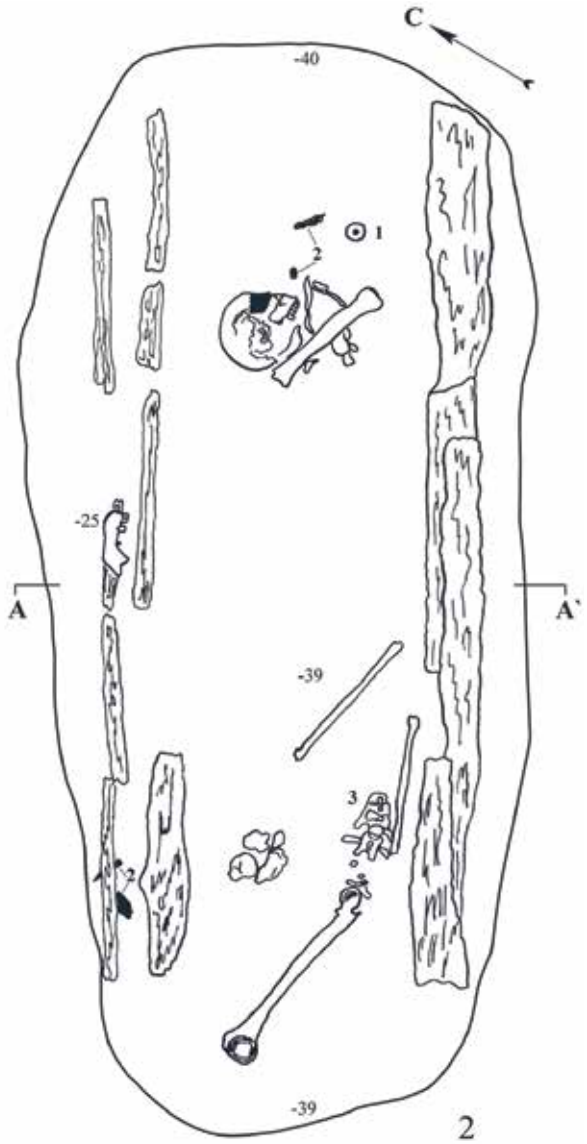
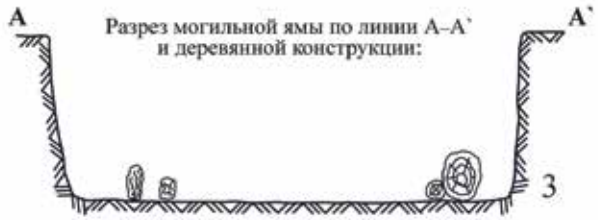


Рис. 17. Яровское-V, курган №4:
1 – насыпь до раскопок; *2* – план раскопа и разрезы

Рис. 18. Яровское-V, курган №4:
1 – юго-восточный сектор с деревянным столбом после зачистки;
2 – юго-западный сектор с остатками перекрытия после зачистки







1 – каменное изделие (-40 см)
2 – фрагменты железных изделий (-37 см)
3 – кости овцы (-38 см)

Рис. 19. Яровское-V, курган №4:
1 – скелет человека в могиле; *2–3* – план и разрез могилы

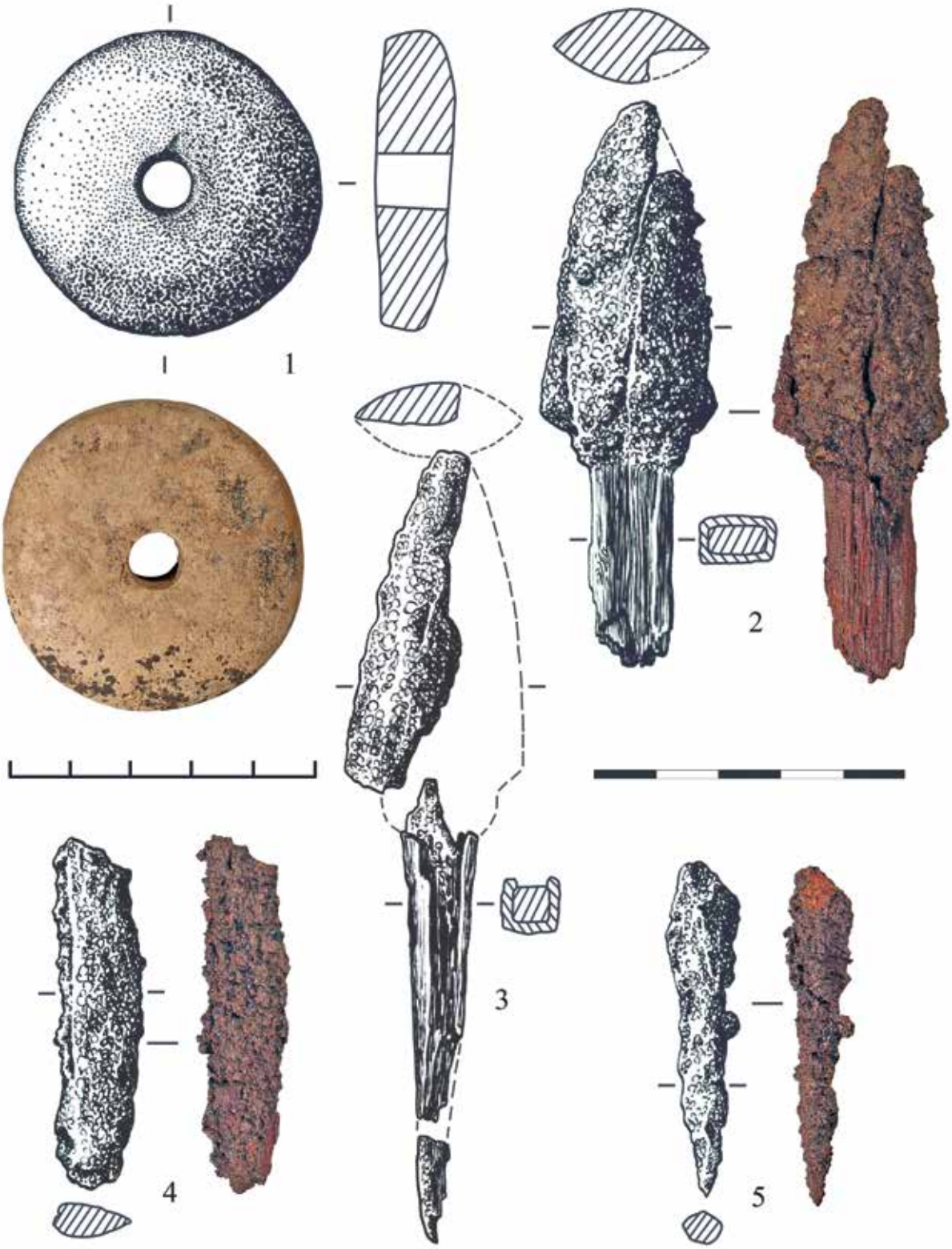


Рис. 20. Яровское-V, курган №4. Предметный комплекс:
1 – пряслице; *2–3* – наконечники стрел; *4* – клинок ножа; *5* – шило
(*1 – камень, 2–3 – железо, дерево, 4–5 – железо*)

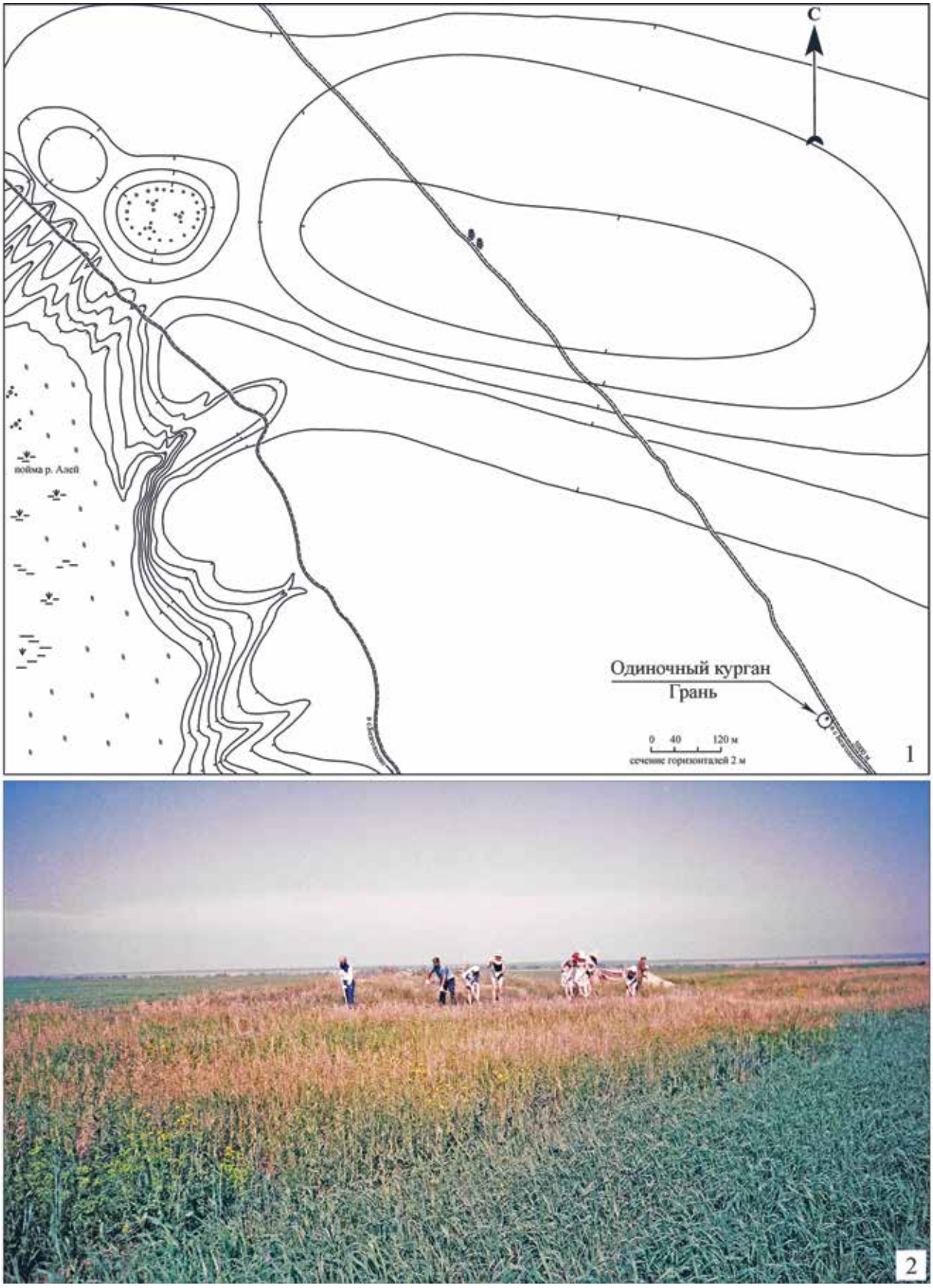


Рис. 21. Грань:
1 – план памятника; *2* – начало раскопок на кургане

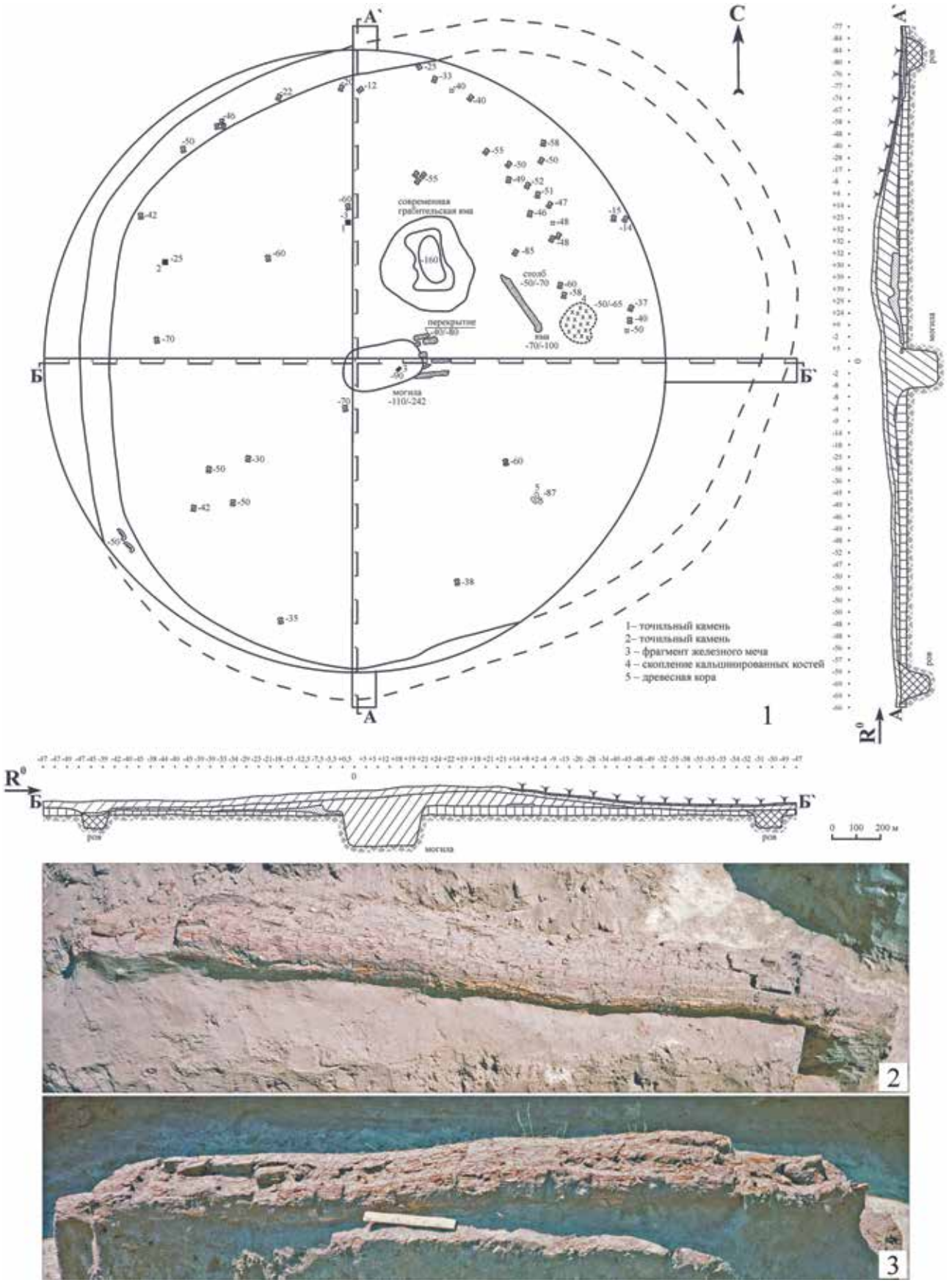


Рис. 22. Грань:
1 – план и разрезы кургана; *2* – деревянный столб

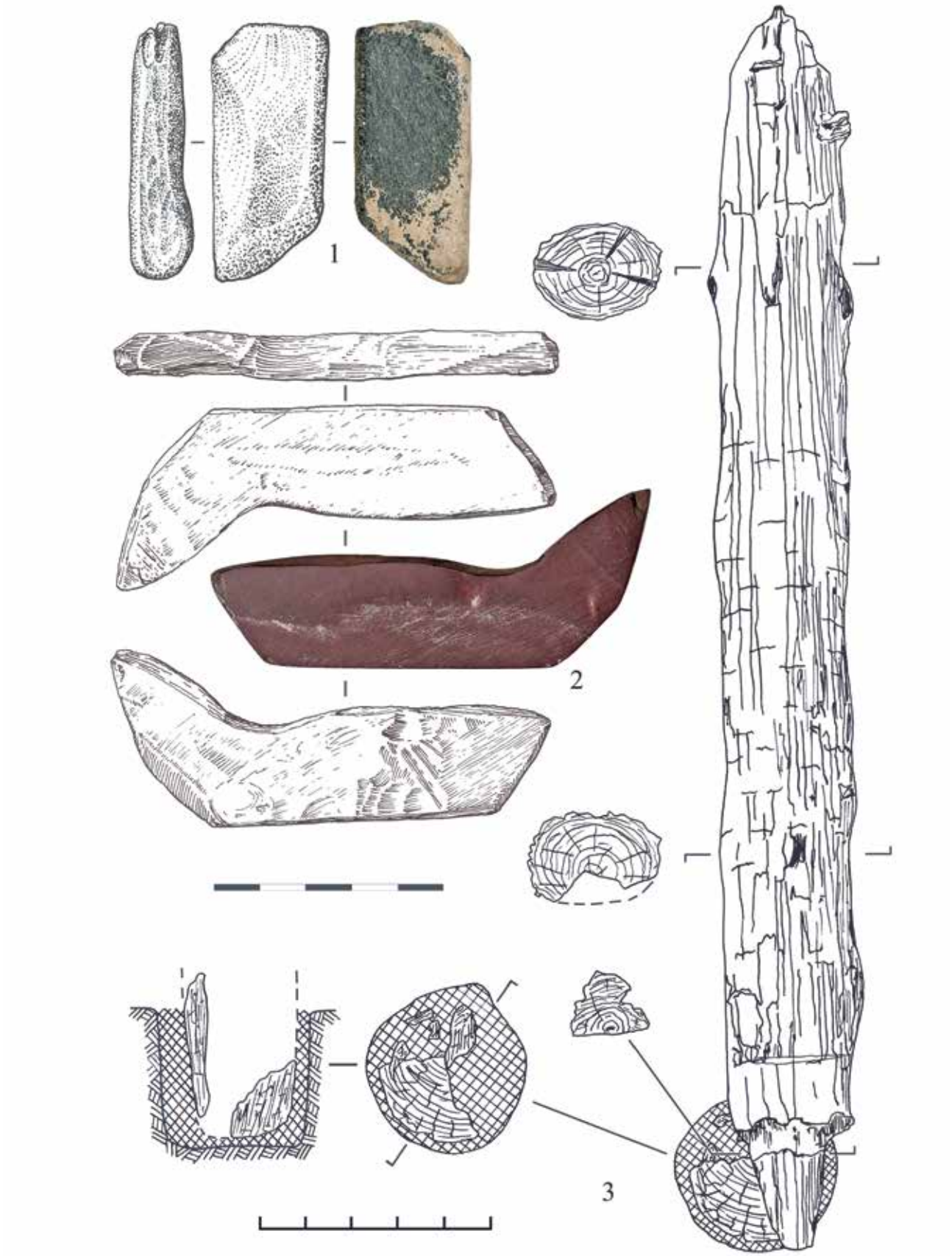


Рис. 23. Грань:
1–2 – точильные бруски из насыпи; *3* – чертеж столба и его ямы

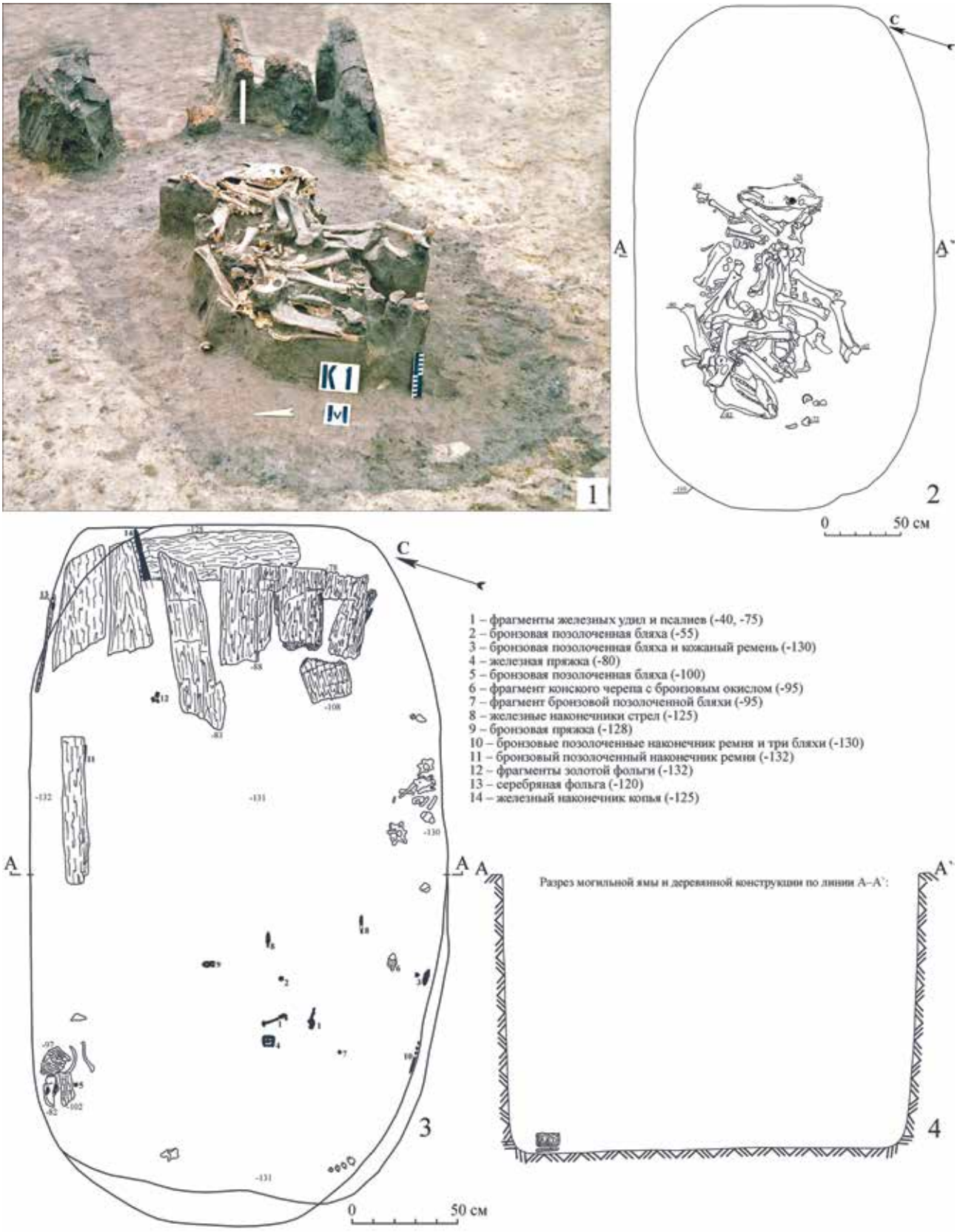


Рис. 24. Грань:
1 – скелеты лошадей и перекрытие над могильным пятном;
2–4 – планы и разрез могилы

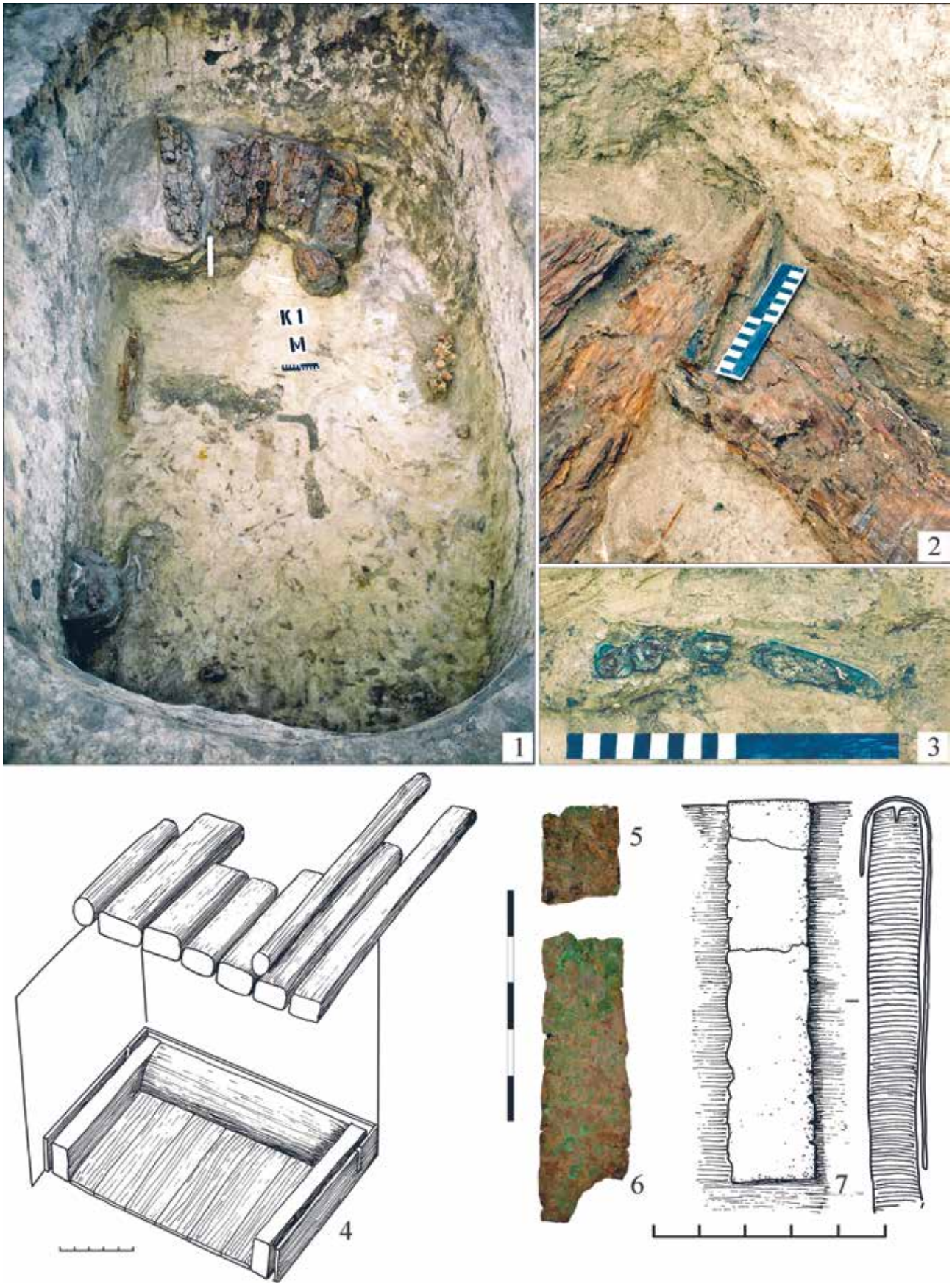


Рис. 25. Грань: *1* – могильная яма после выборки заполнения; *2* – наконечник копья на углу рамы; *3* – уздечный ремень с бляхами и наконечником; *4* – реконструкция перекрытия и внутримогильного сооружения; *5–7* – серебряные оковки рамы

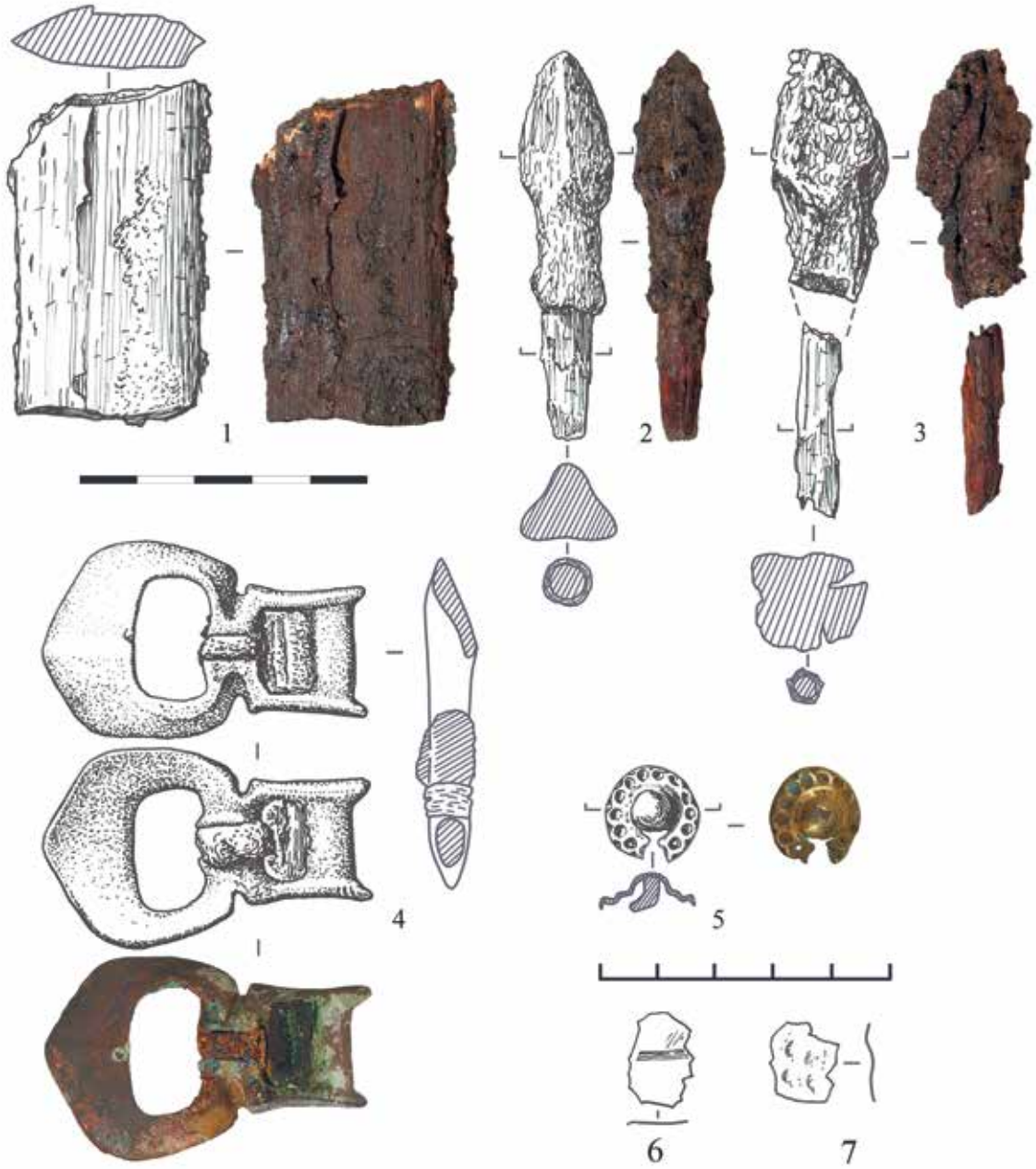


Рис. 26. Грань. Предметный комплекс:
1 – клинок меча; *2–3* – наконечники стрел;
4 – пряжка; *5* – бляха-накладка; *6–7* – обрывки фольги
(*1–3 – железо, дерево, 4 – бронза, железо, кожа,*
5 – бронза с позолотой, 6–7 – серебро)

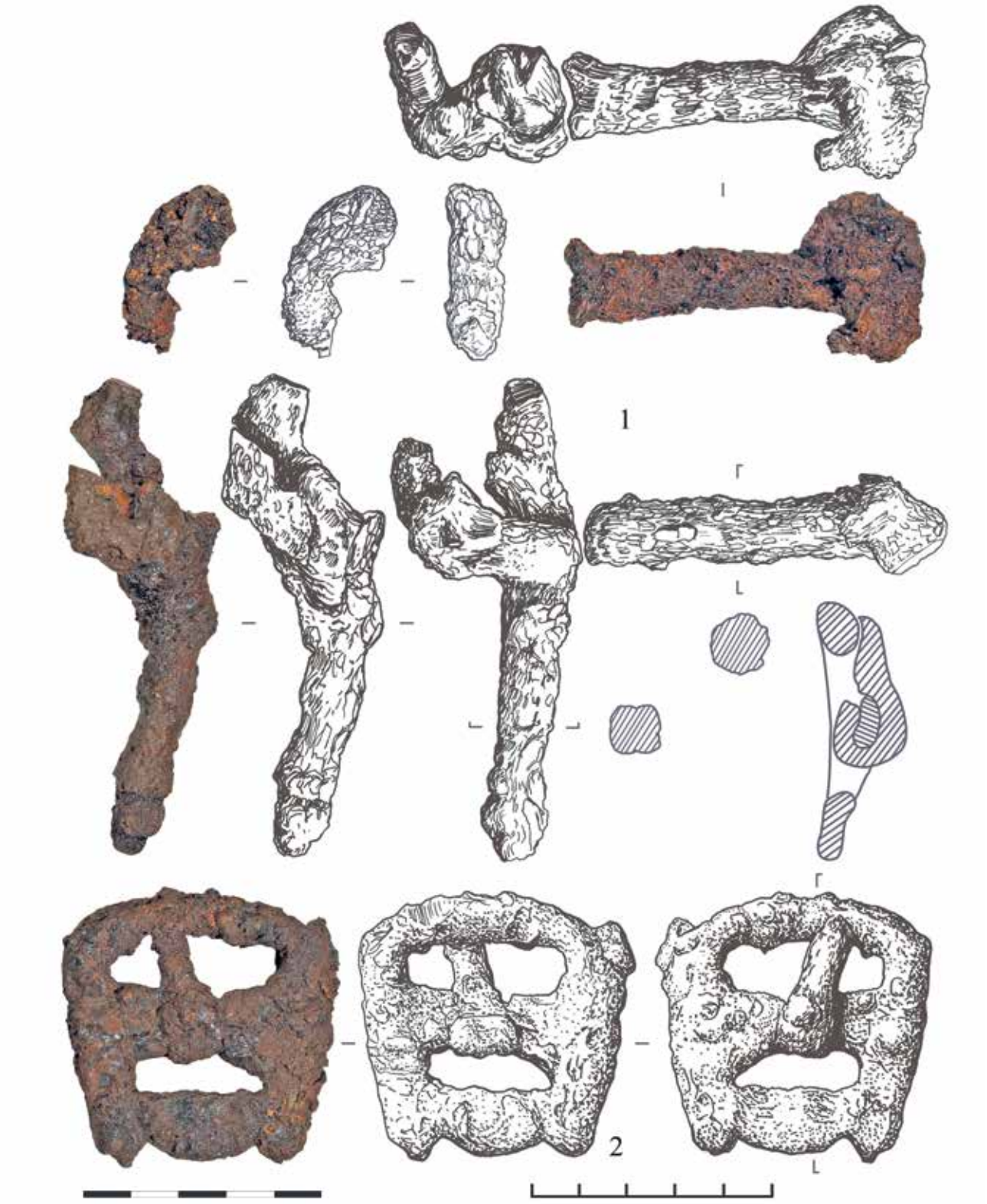


Рис. 27. Грань. Предметный комплекс:
1 – удила с псалиями; *2* – пряжка (*1–2 – железо*)

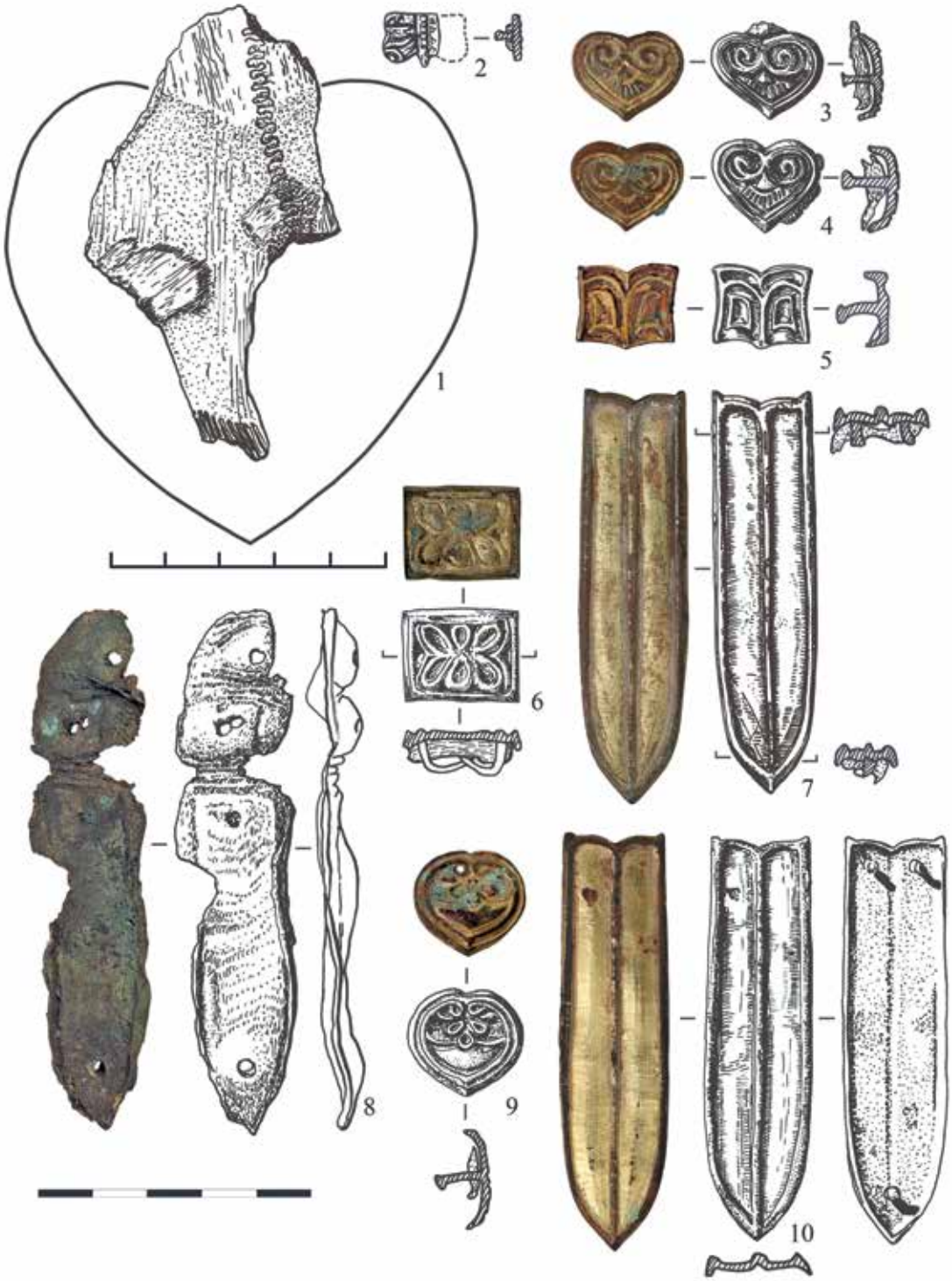


Рис. 28. Грань. Предметный комплекс:
1 – налобная бляха; *2–6, 9* – бляхи-накладки; *7, 10* – наконечники ремней; *8* – ремень
(*1 – кость с бронзовым окислом, 2–7, 9–10 – бронза с позолотой, 8 – кожа*)

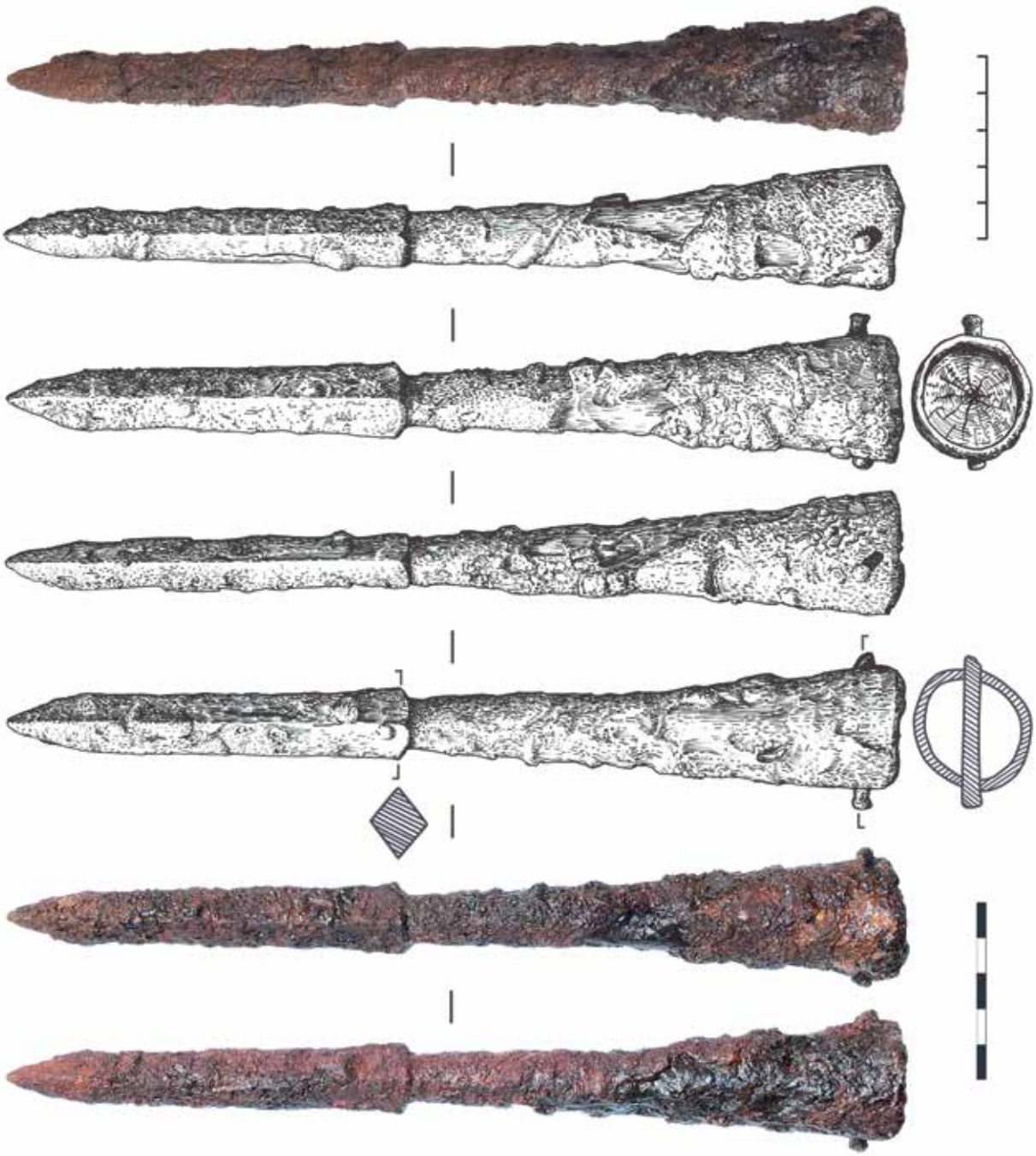


Рис. 29. Грань. Железный наконечник копья с остатками древка

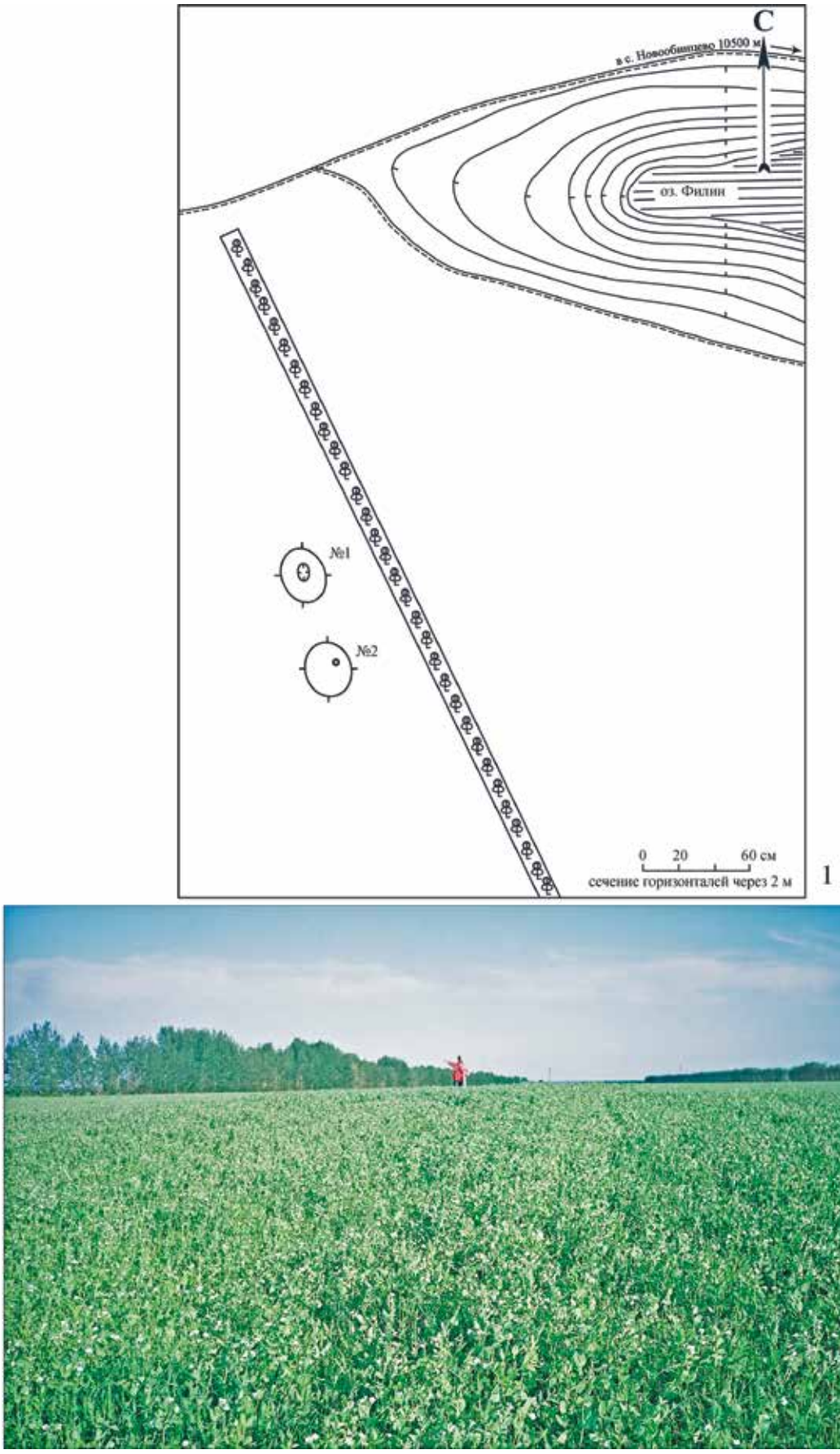


Рис. 30. Филин-I:
1 – план памятника; *2* – вид на могильник до раскопок

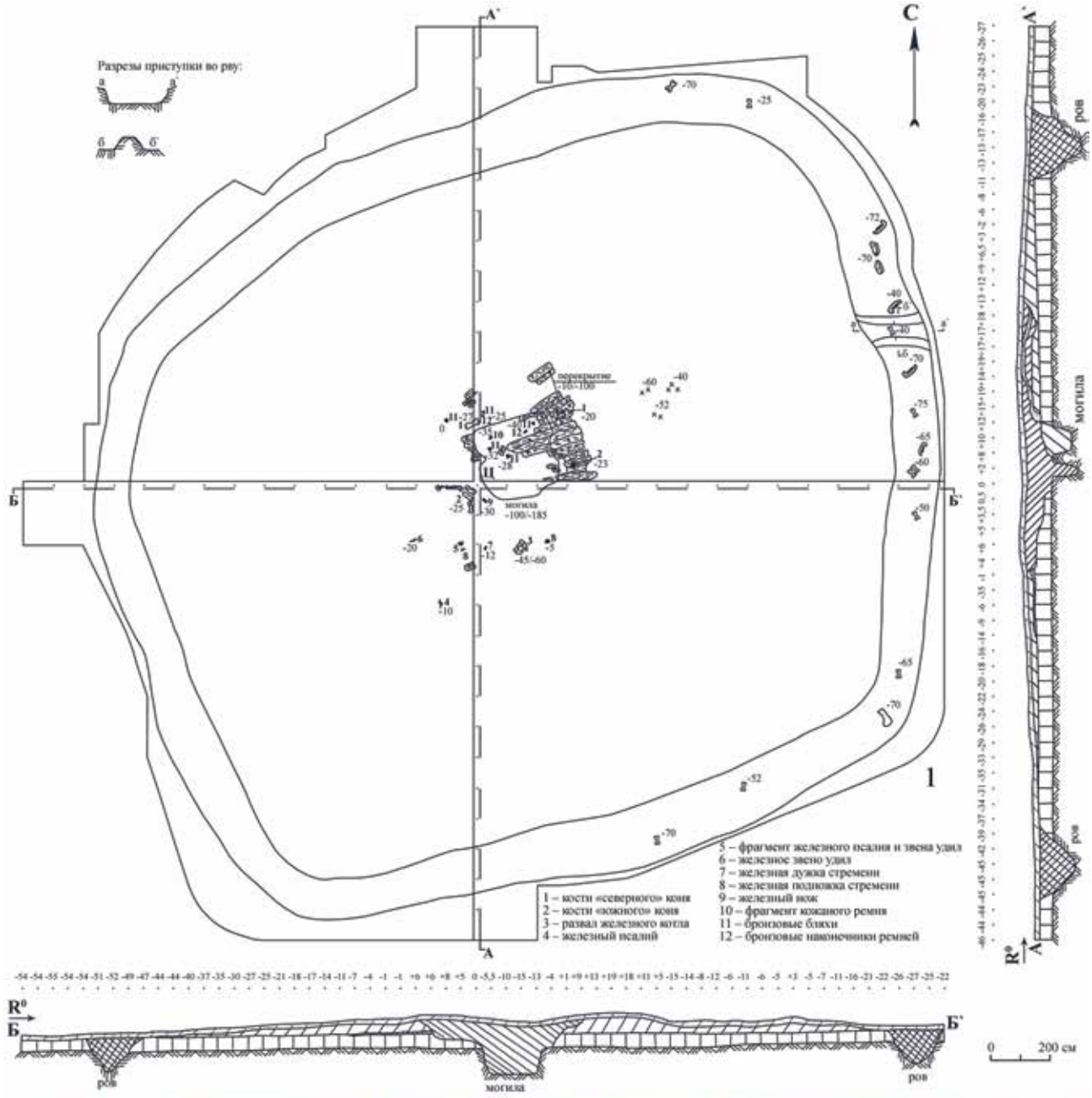


Рис. 31. Филин-I, курган №1:
1 – план раскопа и разрезы;
2, 4 – контуры рва после зачистки; *3* – развал железного казана

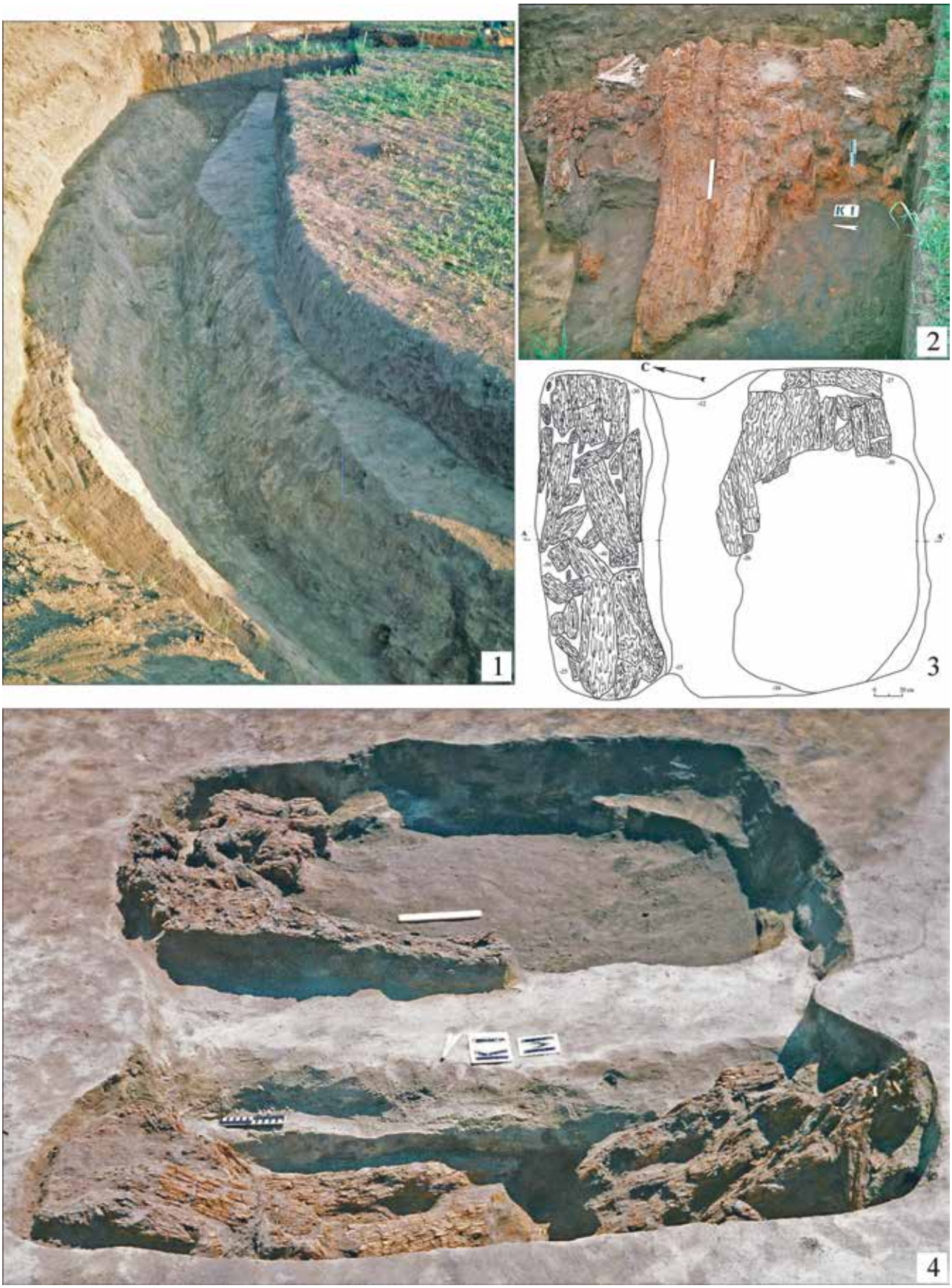
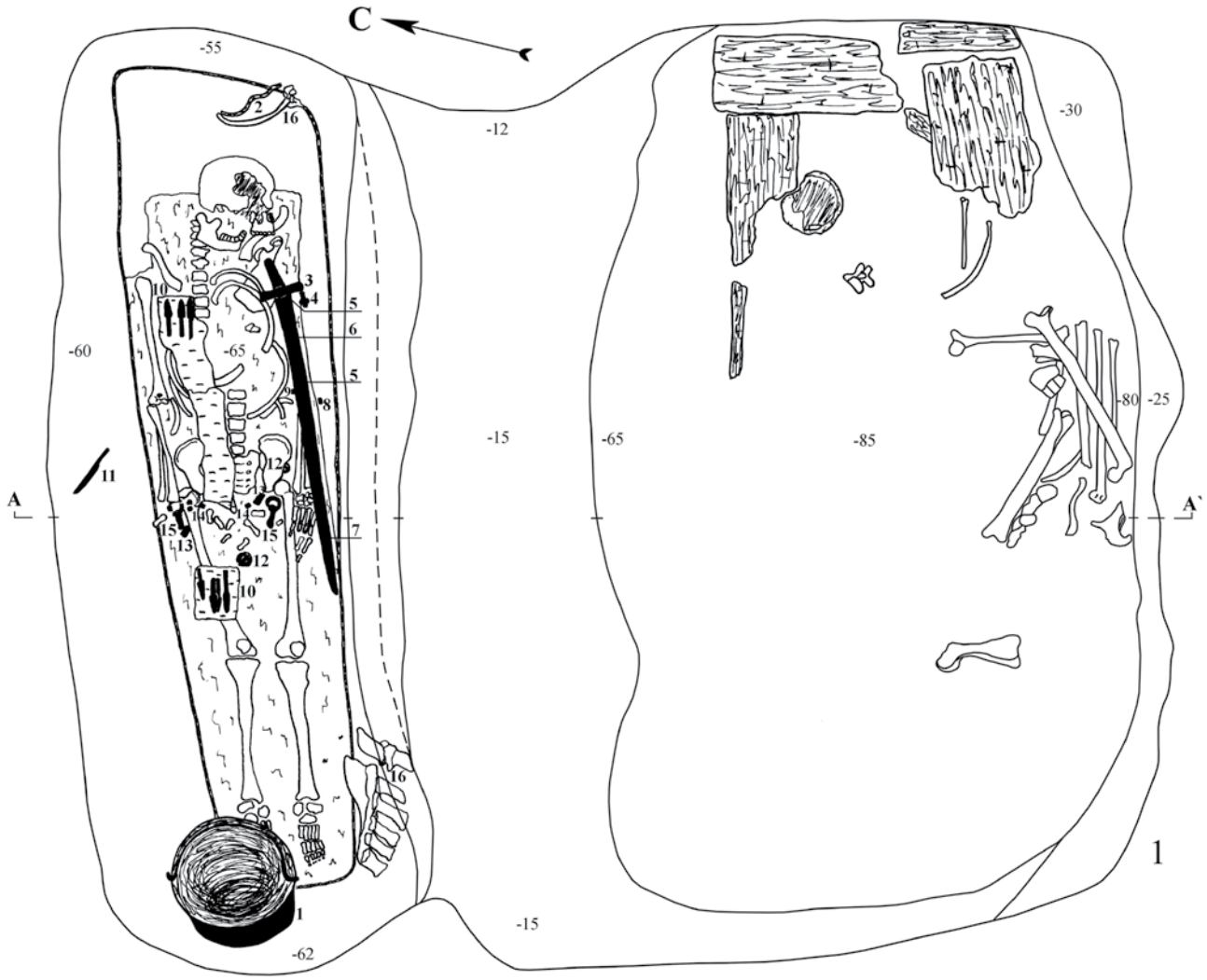


Рис. 32. Филин-I, курган №1:
1 – участок рва после выборки заполнения;
2, 4 – перекрытие могилы после зачистки; *3* – план могилы на уровне перекрытия



1 – железный котел (-42 – -62)
2 – фрагмент кожи (-60)
3 – железный меч (-63)
4 – железная накладка (-63)
5 – железные накладки с кольцами (-64)
6 – железный нож (-64)
7 – железная обойма (-64)
8 – бронзовый тренчик (-65)
9 – бронзовая пряжка (-64)
10 – остатки берестяного колчана с железными наконечниками стрел (-61)
11 – железный нож (-60)
12 – железные пряжки (-64)
13 – железные наконечники ремней (-64)
14 – железные бляхи (-62 – -64)
15 – железные крюки на кольцах (-63, -64)
16 – кости животных (-52 – -62)

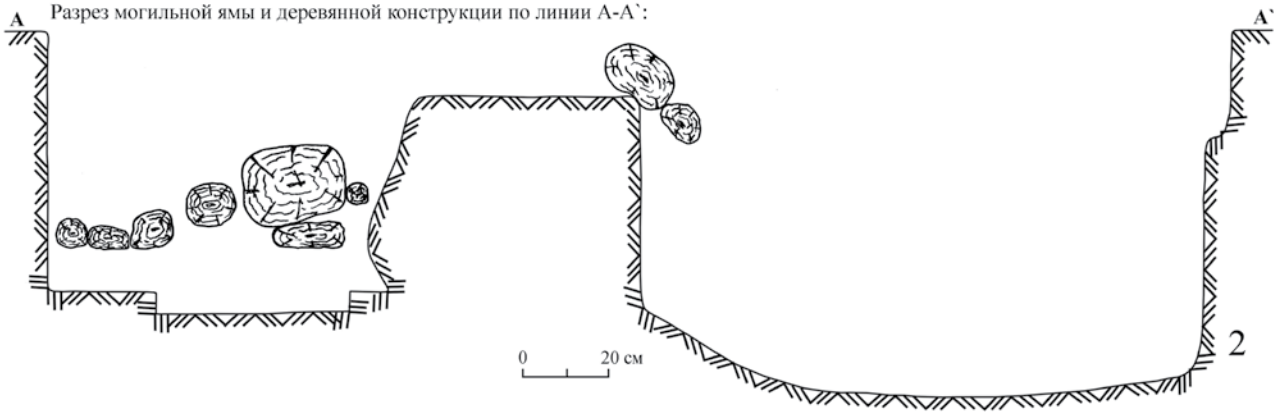


Рис. 33. Филин-I, курган №1:
1 – план могилы на уровне дна; *2* – разрез могильной ямы

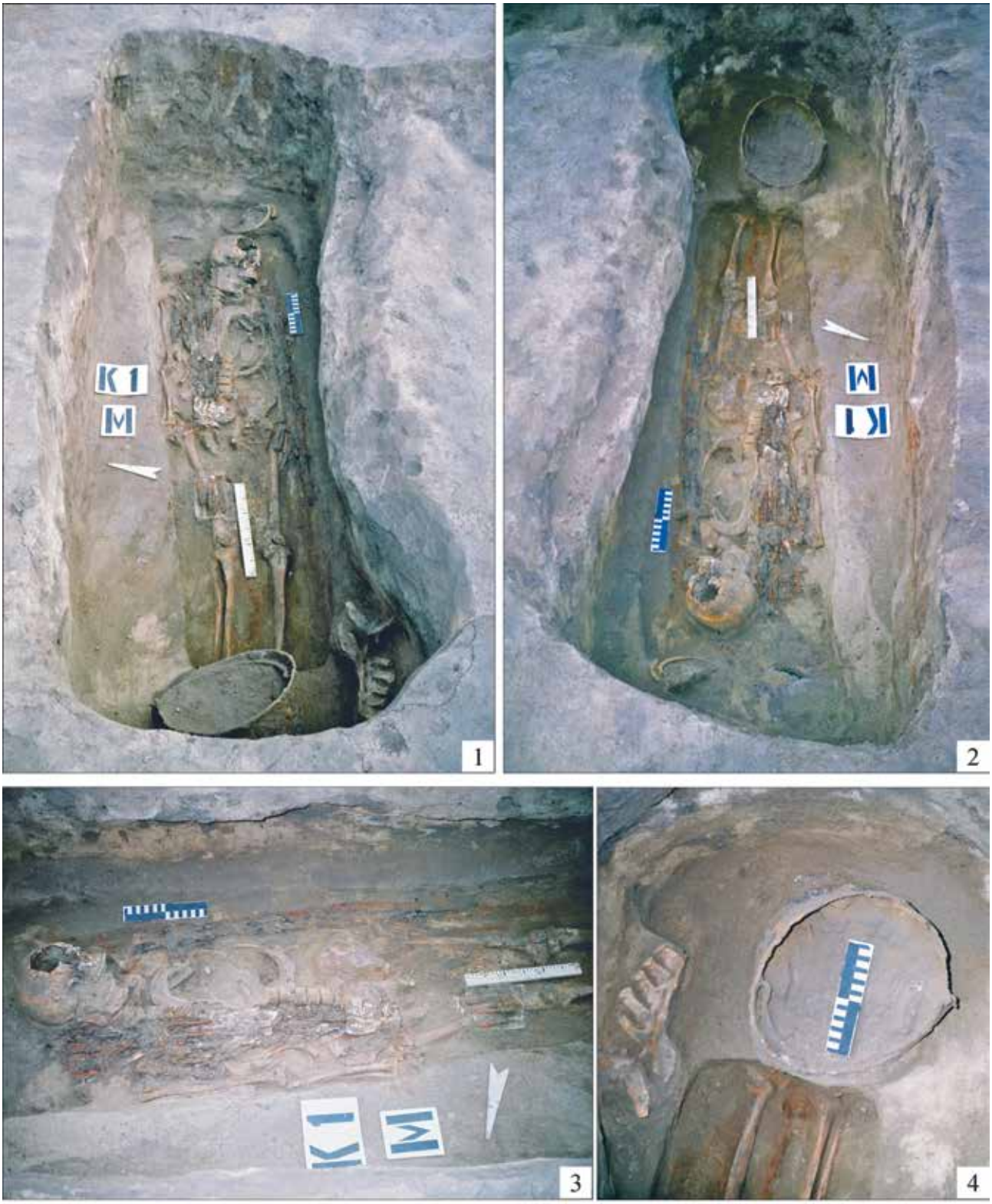


Рис. 34. Филин-I, курган №1:
1–3 – скелет человека в «северной» камере могилы; *4* – железный казан

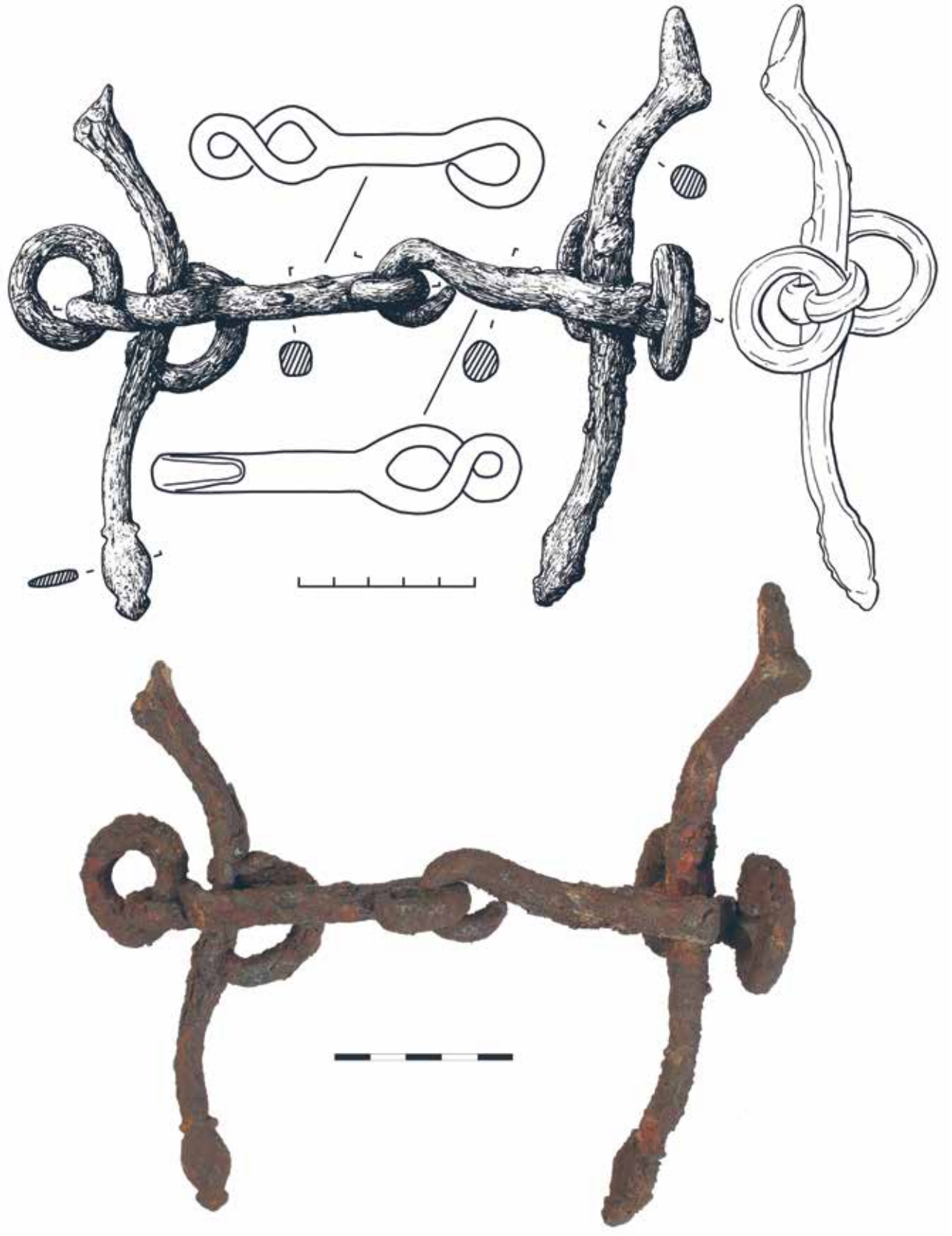


Рис. 35. Филин-I, курган №1.
Железные удила и псалии «северного» коня

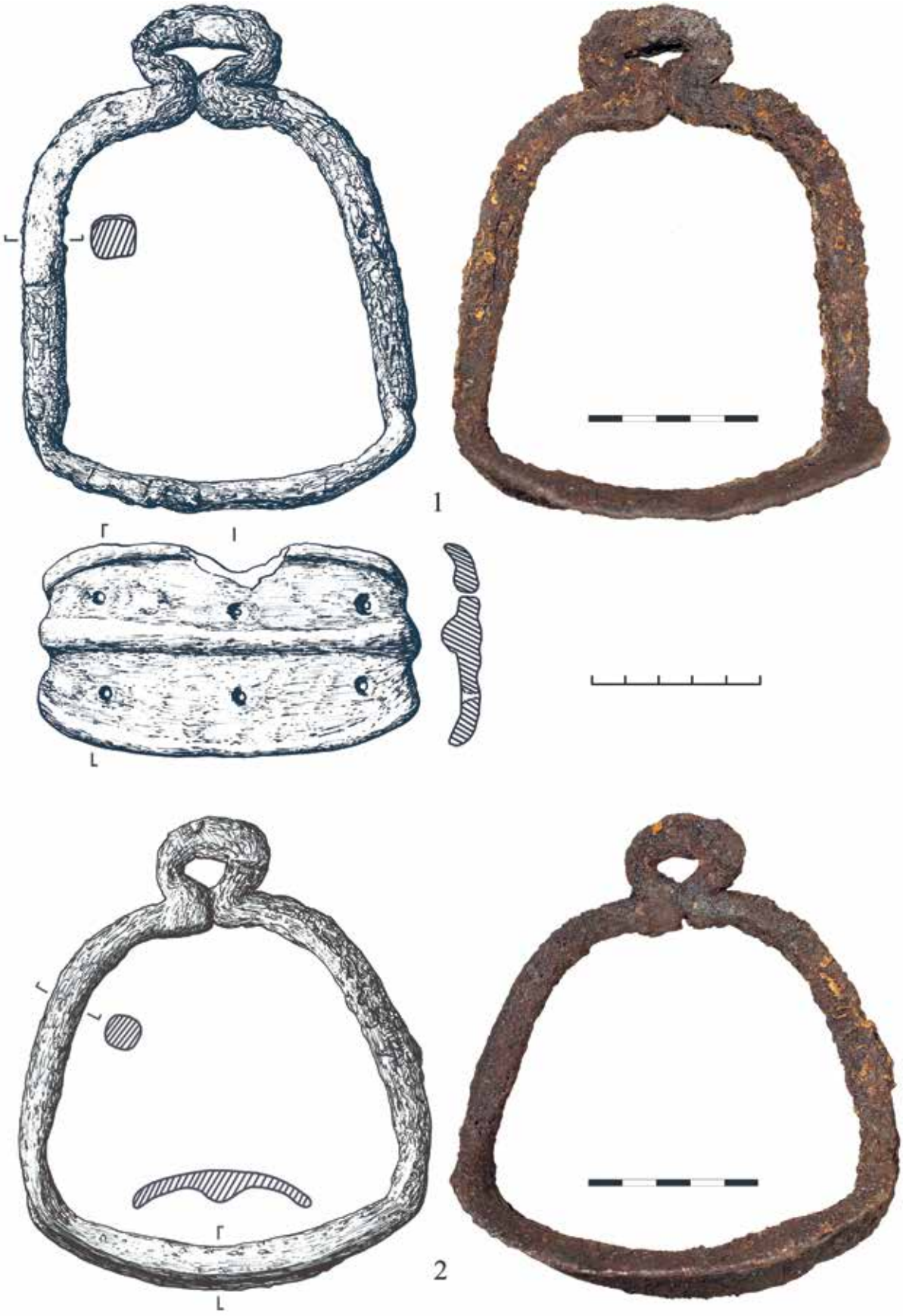


Рис. 36. Филин-I, курган №1:
1–2 – железные стремена «северного» коня

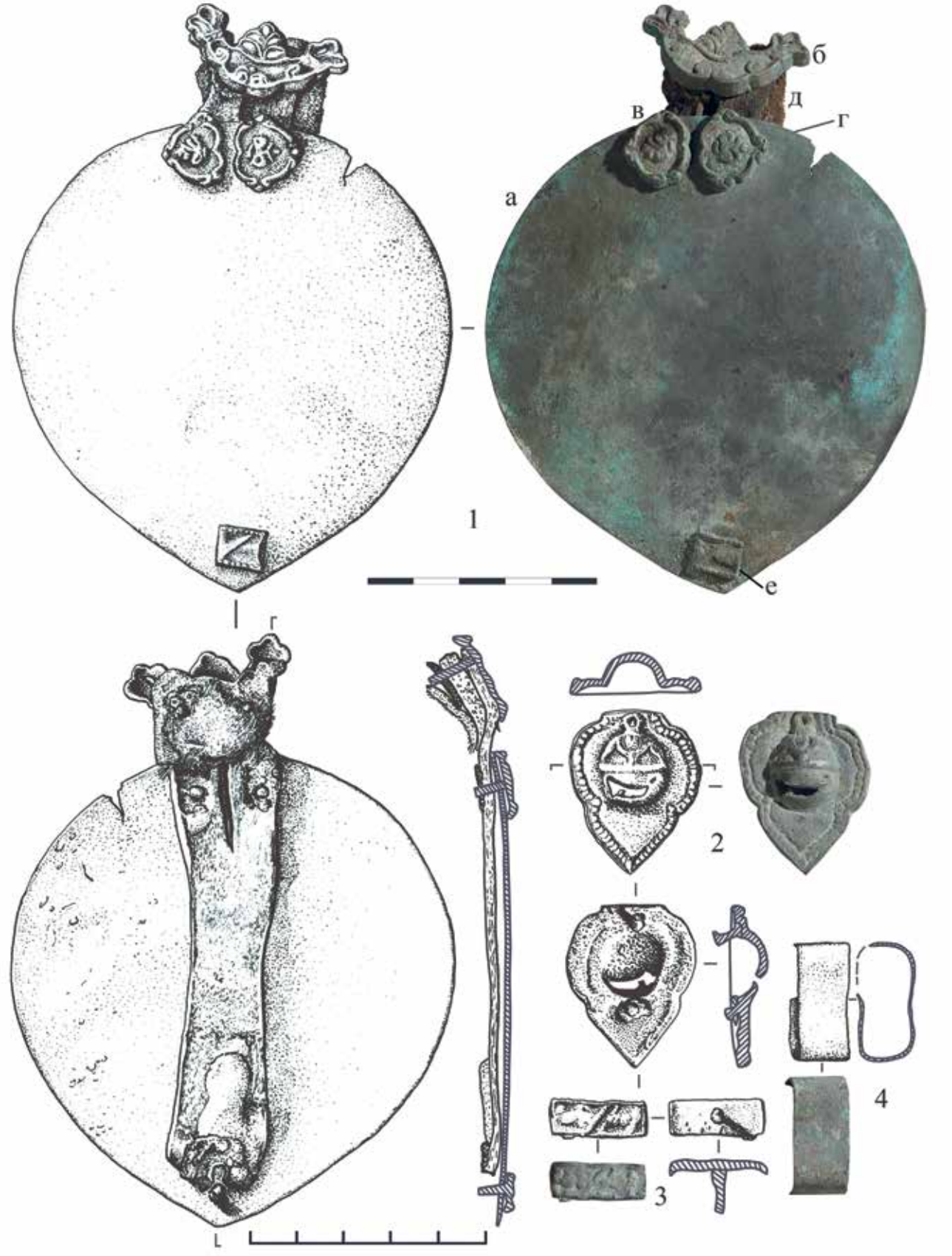


Рис. 37. Филин-I, курган №1. Уздечный набор «северного» коня:
1 – налобная бляха; *2–3* – бляхи-накладки; *4* – тренчик
(*1 – бронза, кожа, 2–4 – бронза*)

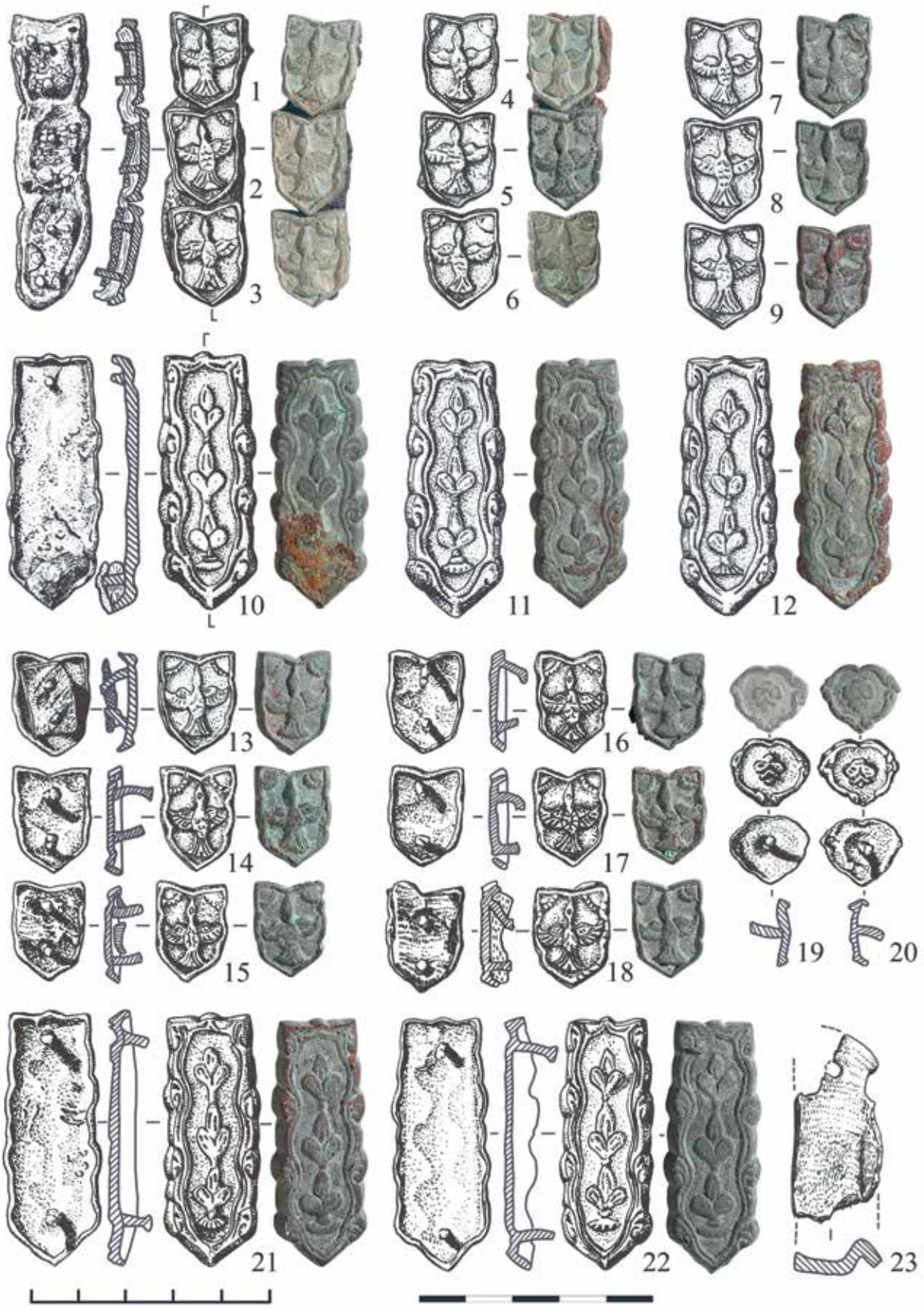


Рис. 38. Филин-I, курган №1. Уздечный набор «северного» коня:
1–9, 13–20 – бляхи-накладки; *10–12, 21–22* – наконечники ремней;
23 – ремень (*1–18 – бронза, кожа, 19–22 – бронза, 23 – кожа*)

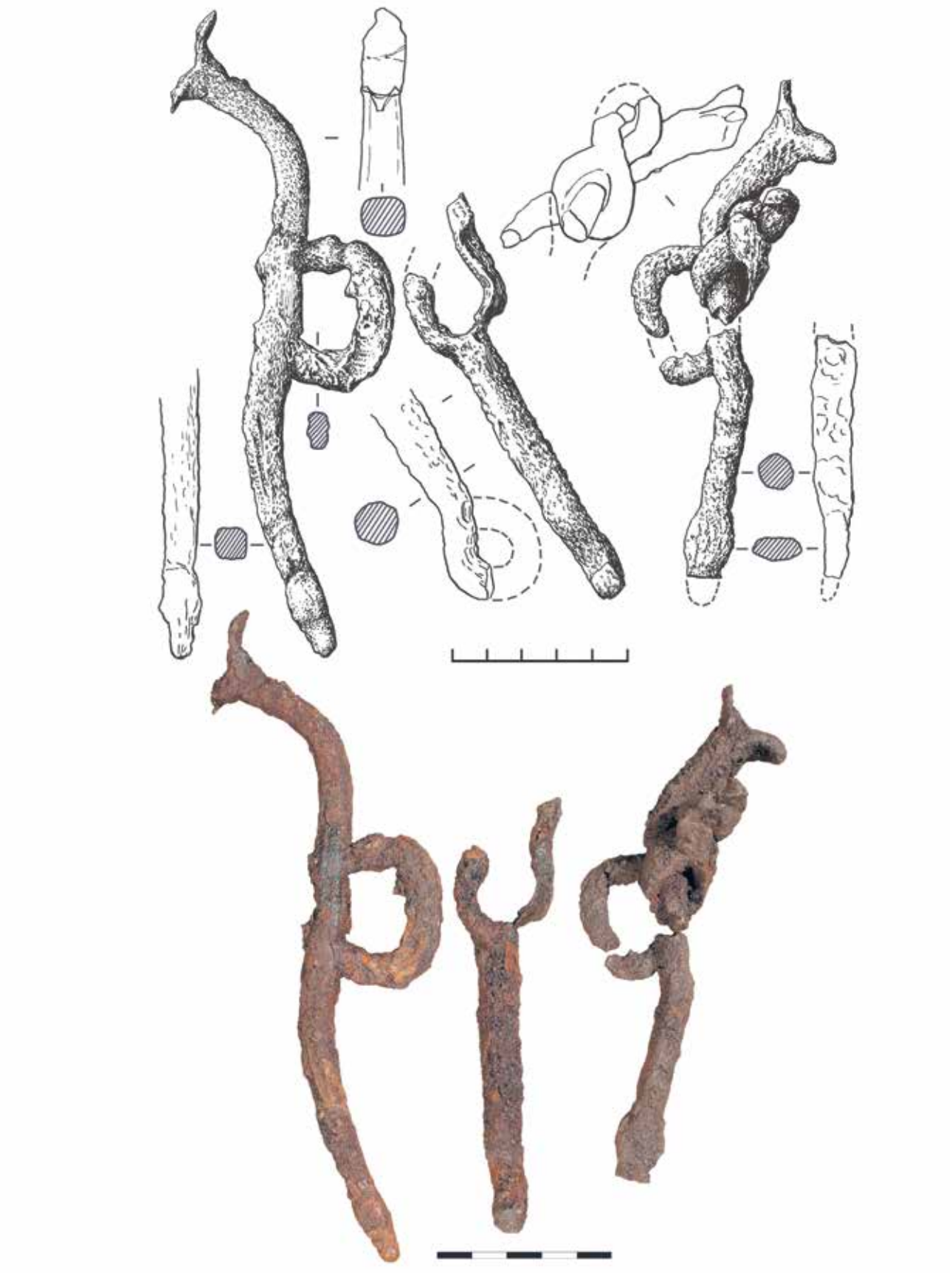


Рис. 39. Филин-I, курган №1.
Железные удила и псалии «южного» коня

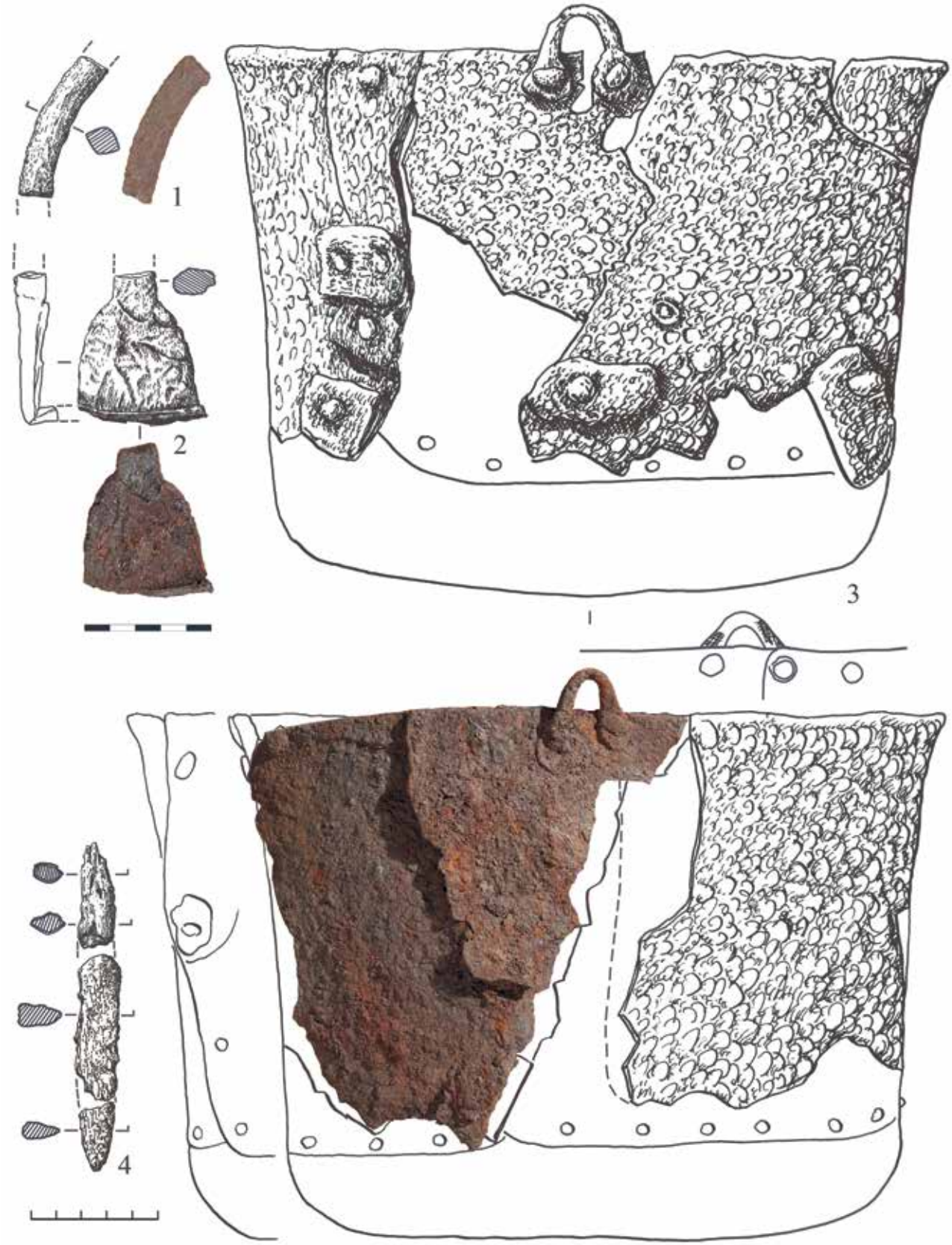


Рис. 40. Филин-I, курган №1. Предметы из «южной» камеры:
1–2 – фрагменты стремени; *3* – казан; *4* – нож (*1–3 – железо, 4 – железо, дерево*)

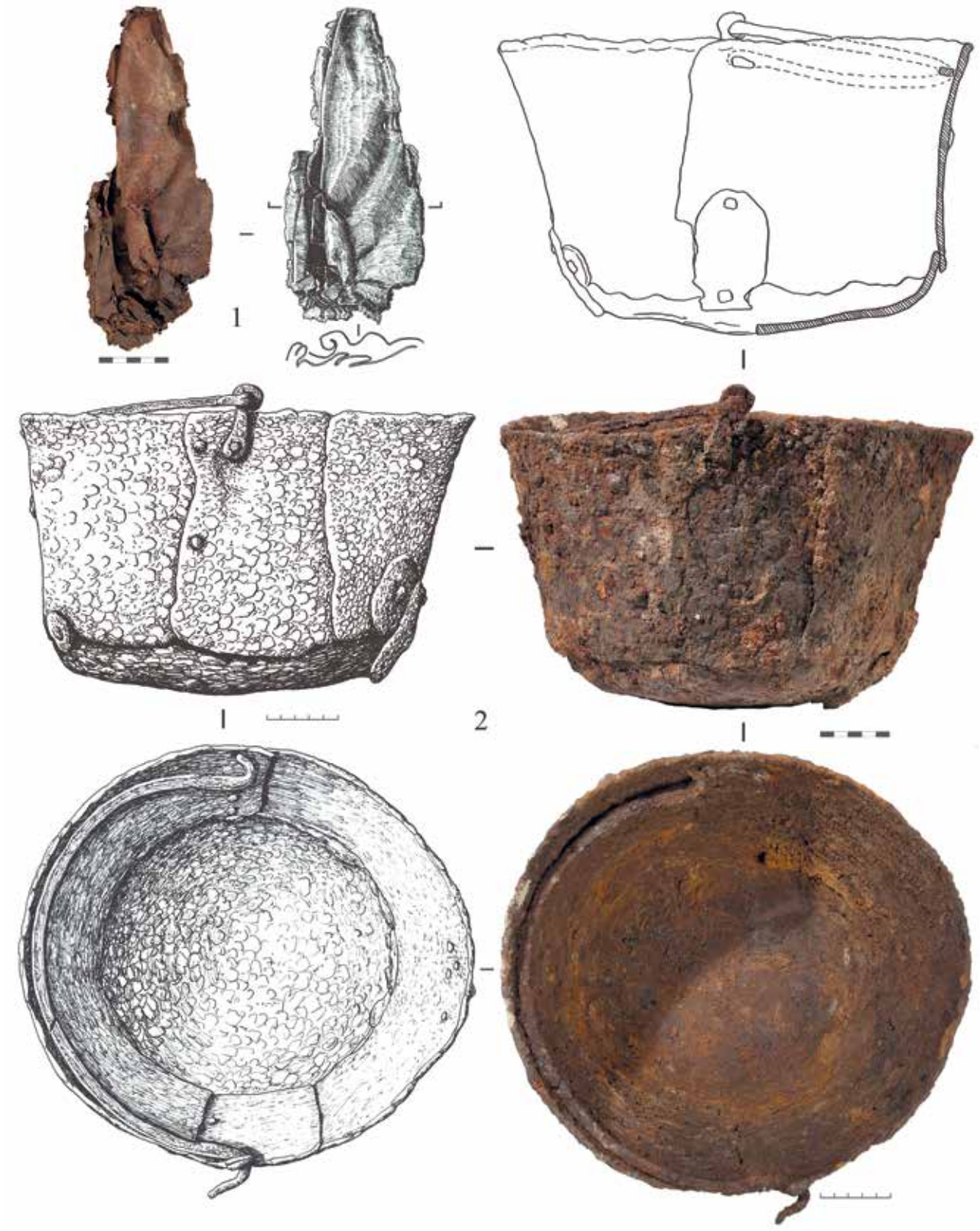


Рис. 41. Филин-I, курган №1. Предметы из «северной» камеры:
1 – фрагмент одежды; *2* – казан
(*1 – кожа, 2 – железо*)

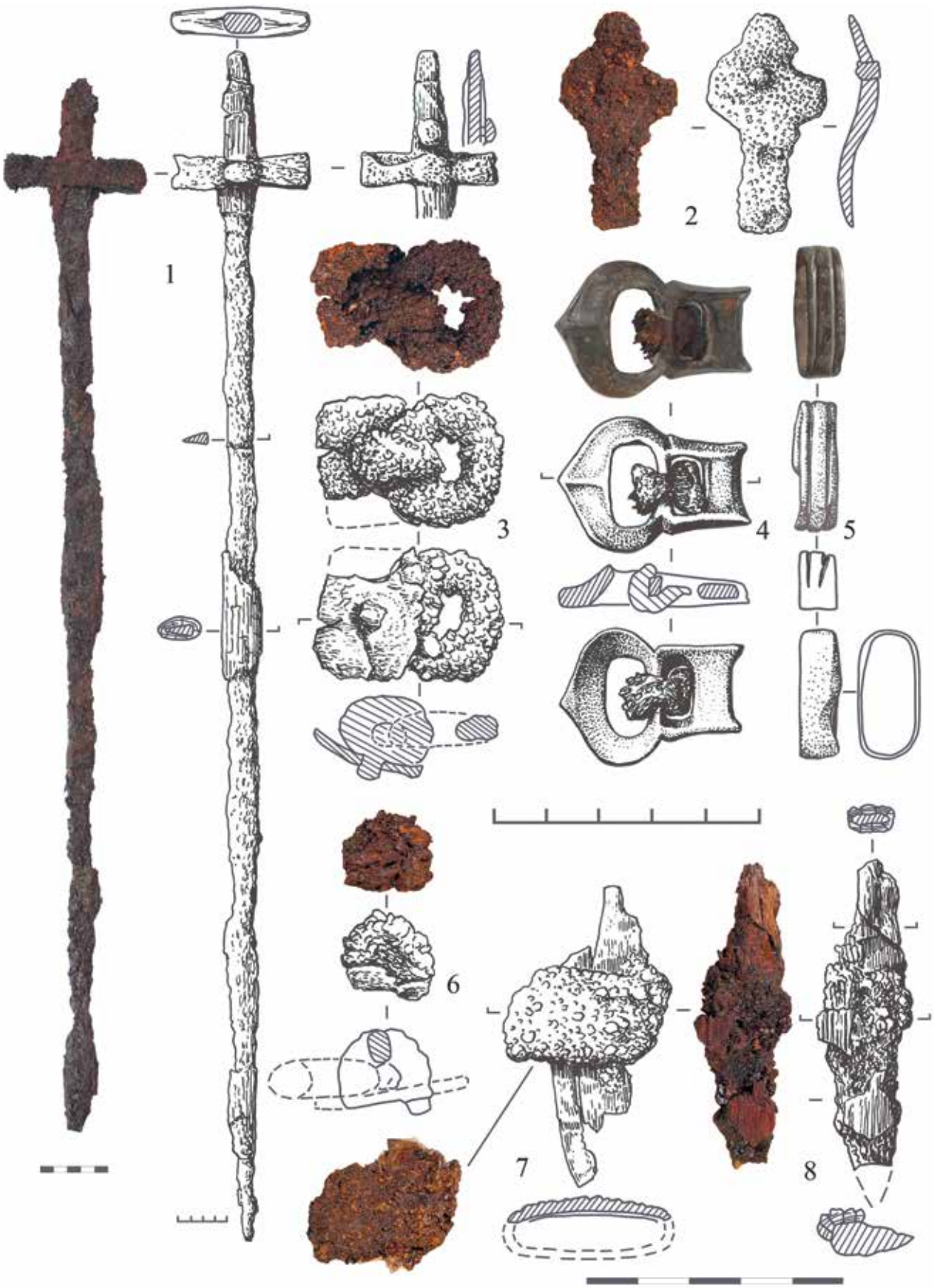


Рис. 42. Филин-I, курган №1. Предметы из «северной» камеры: *1* – меч; *2* – накладка на ремень; *3, 6–7* – детали ножен; *4* – пряжка; *5* – тренчик; *8* – нож (*1, 3, 6–7 – железо, дерево, береста, 2 – железо, 4 – бронза, железо, кожа, 5 – бронза, 8 – железо, дерево*)

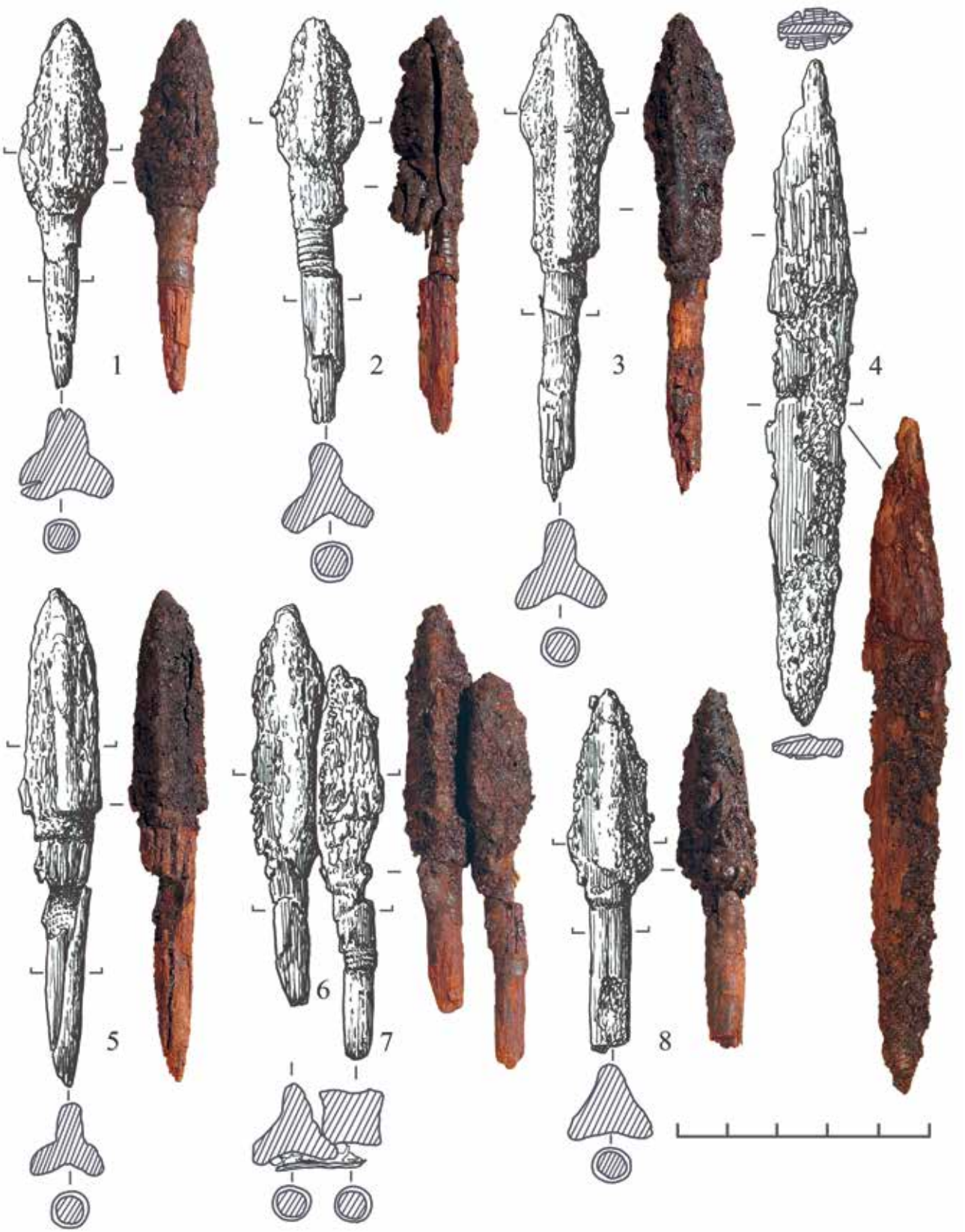


Рис. 43. Филин-I, курган №1. Предметы из «северной» камеры:
1–3, 5–8 – наконечники стрел; *4* – нож (*1–8 – железо, дерево*)

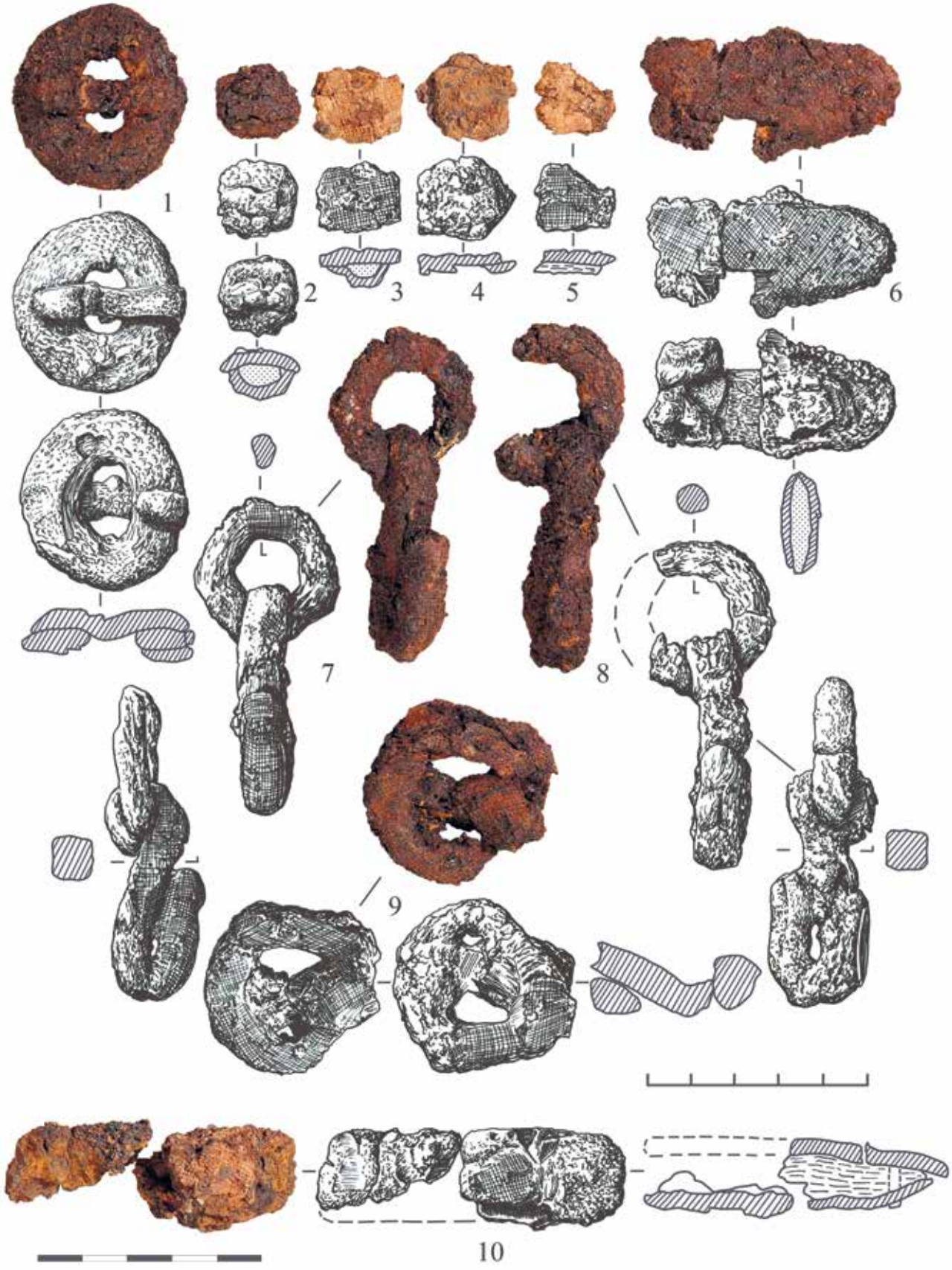


Рис. 44. Филин-I, курган №1. Поясная гарнитура из «северной» камеры:
1, 9 – пряжки; *2–5* – бляхи-накладки; *6, 10* – наконечники ремней;
7–8 – крюки на кольцах (*1–10 – железо, кожа, ткань*)

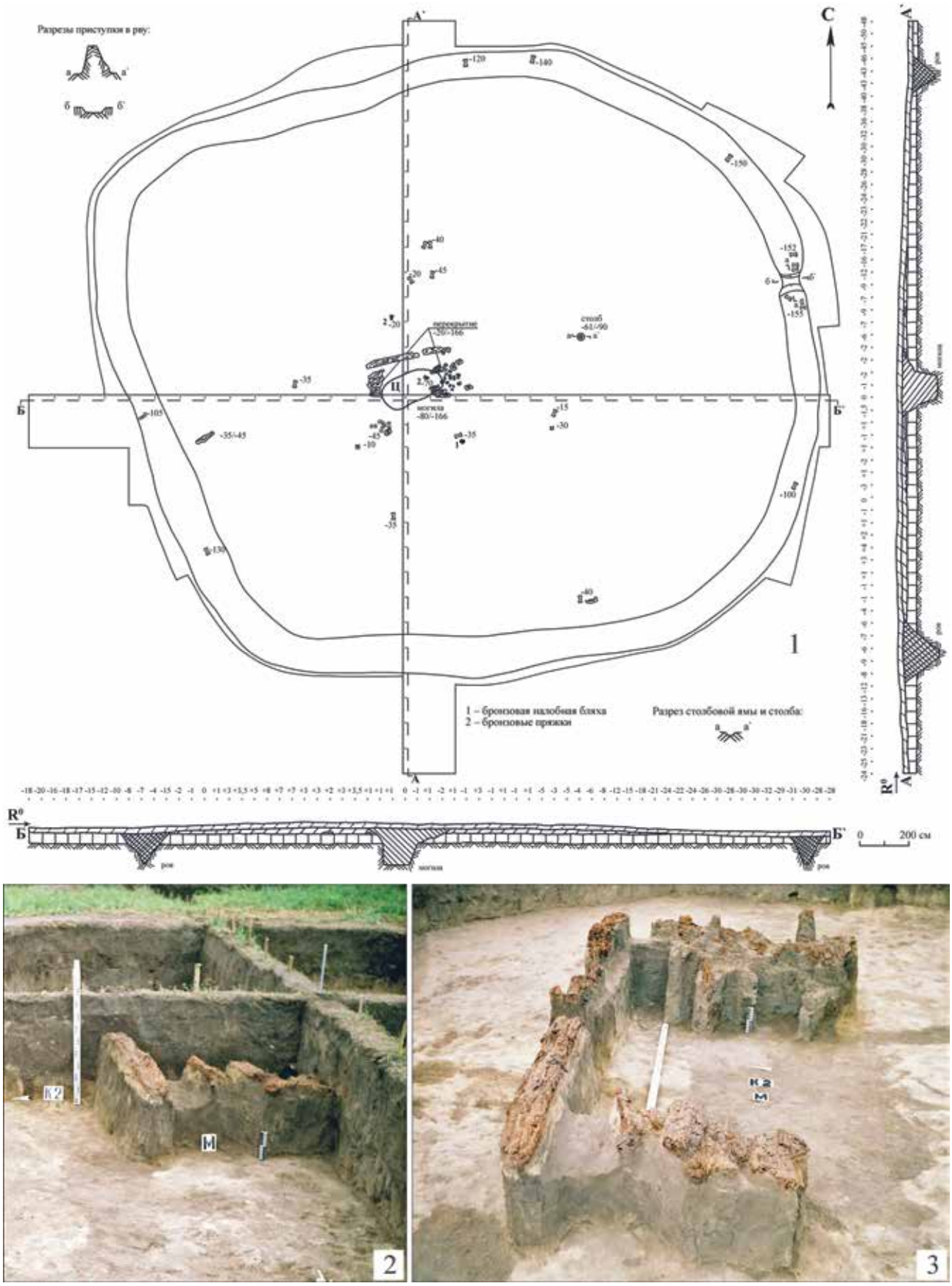
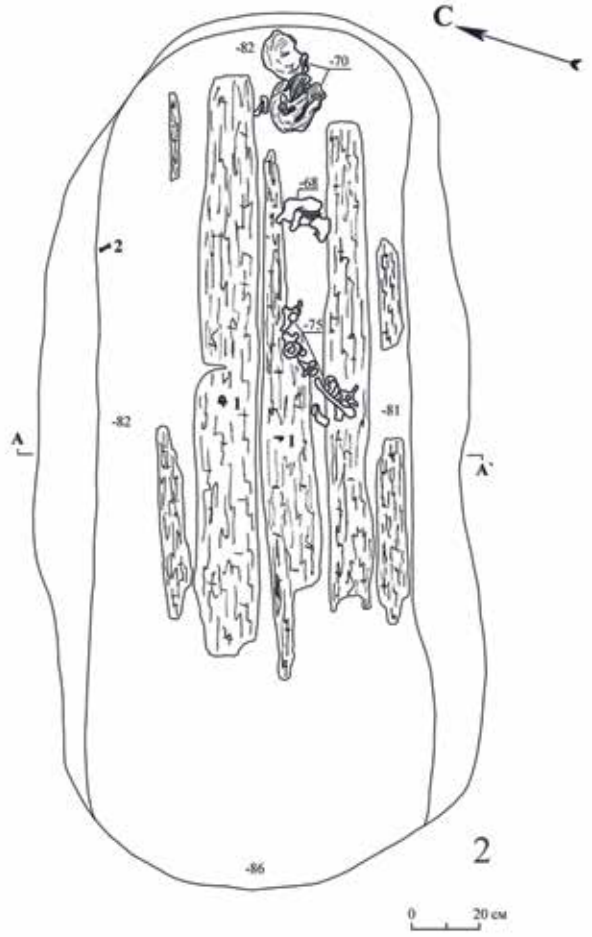


Рис. 45. Филин-I, курган №2:
1 – план раскопа и разрезы; *2* – перекрытие могилы
в северо-западном секторе; *3* – перекрытие после снятия бровок

Рис. 46. Филин-I, курган №2:
1 – контур участка рва после зачистки; *2* – контур рва в районе перемычки;
3 – ров с перемычкой после выборки заполнения;
4 – участок рва после выборки; *5–6* – разрезы рва по бровкам



1 – железные накладки с кольцами (-69, -76)
2 – железный штифт (-70)

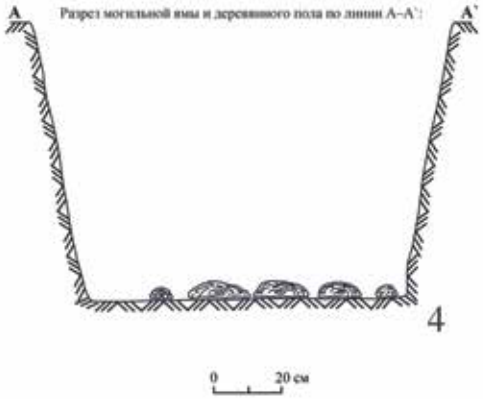


Рис. 47. Филин-I, курган №2:
1 – разрозненные кости человека и лошади в могильной яме;
2 – план могилы; *3* – дно могилы после зачистки; *4* – разрез могильной ямы

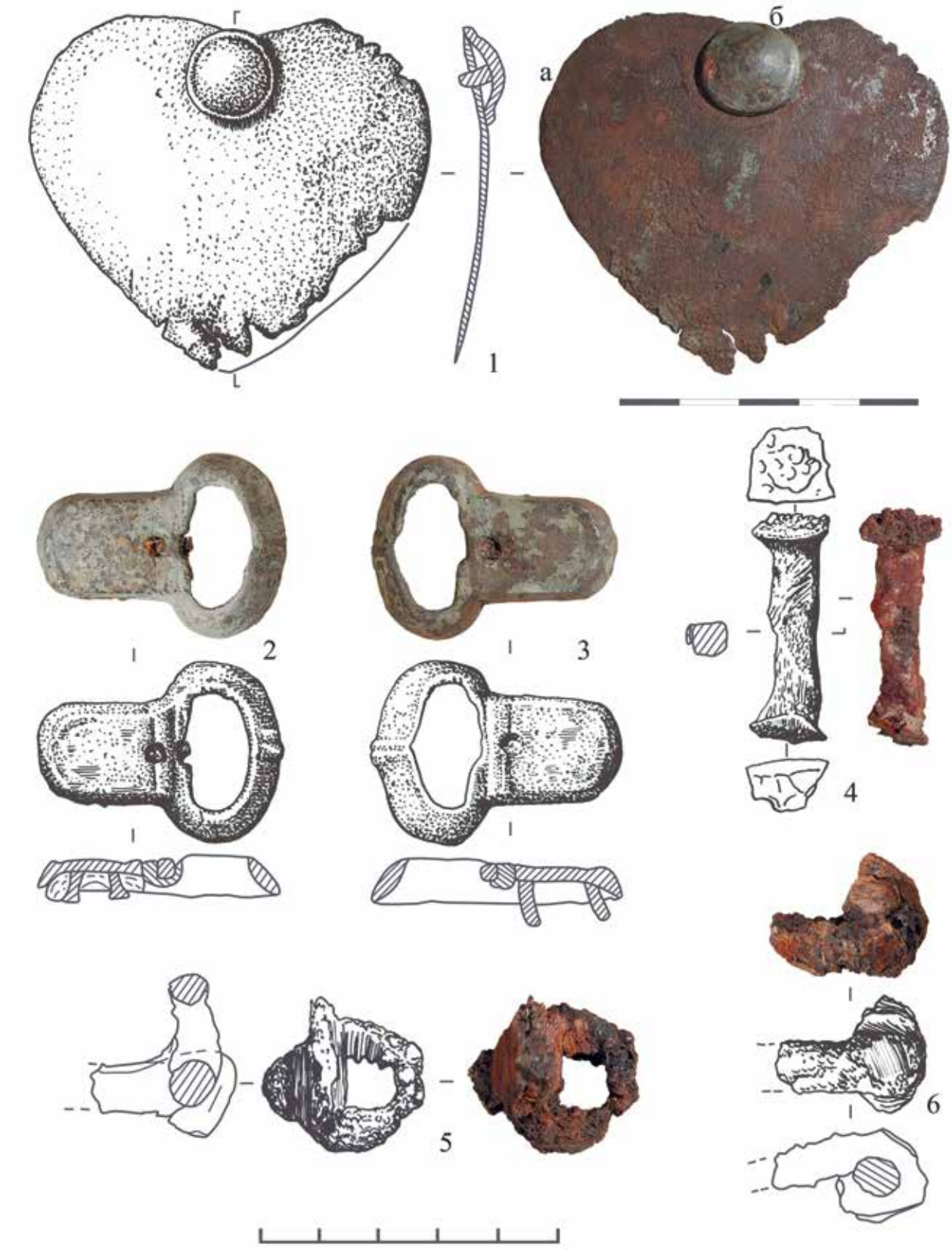


Рис. 48. Филин-I, курган №2. Предметный комплекс:
1а – налобная бляха; *1б* – бляха-накладка; *2–3* – пряжки;
4 – пробой; *5–6* – детали ножен меча
(*1 – бронза, 2–3 – бронза, железо, кожа, 4–6 – железо, дерево*)

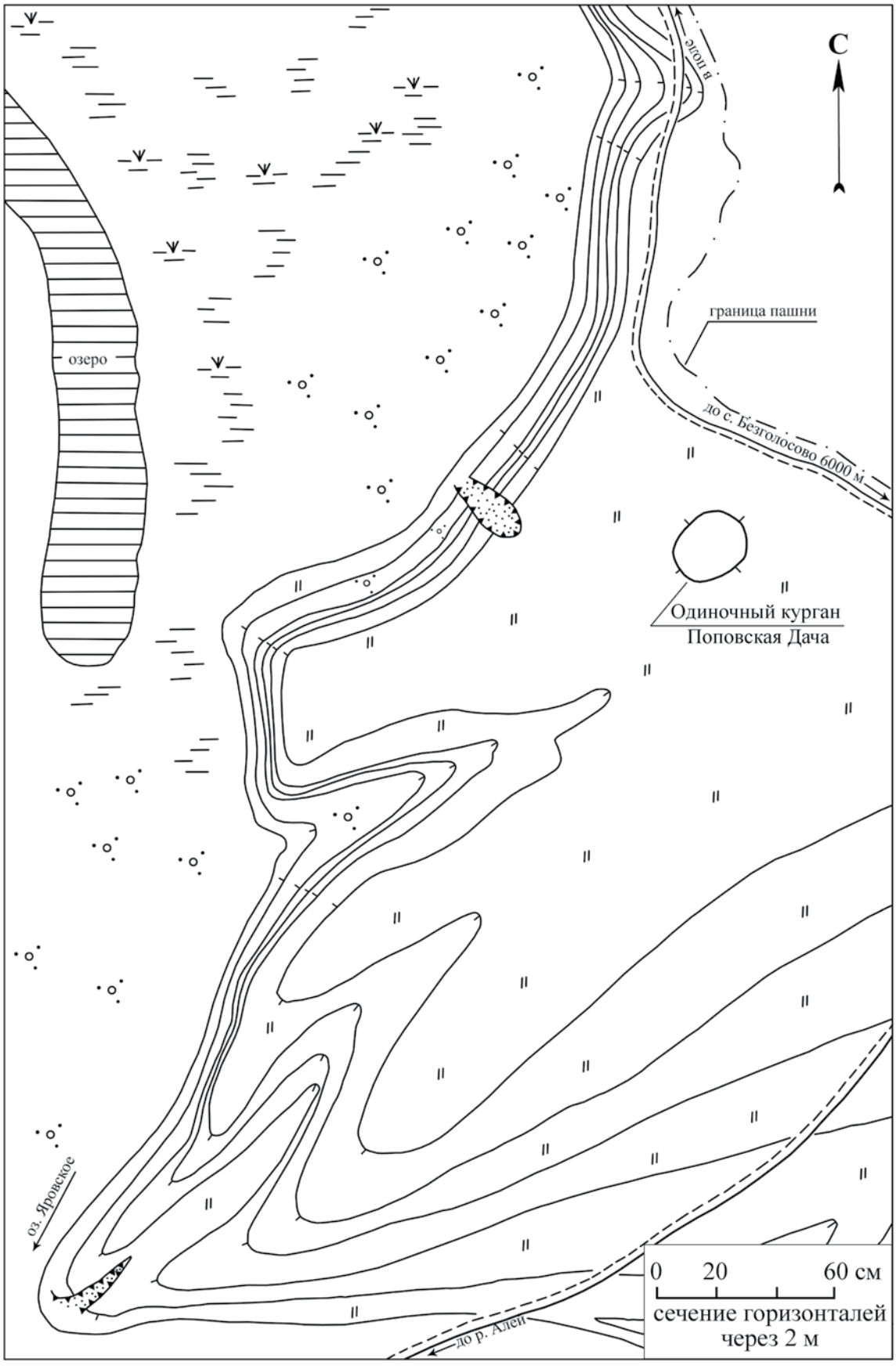


Рис. 49. Поповская Дача.
План памятника

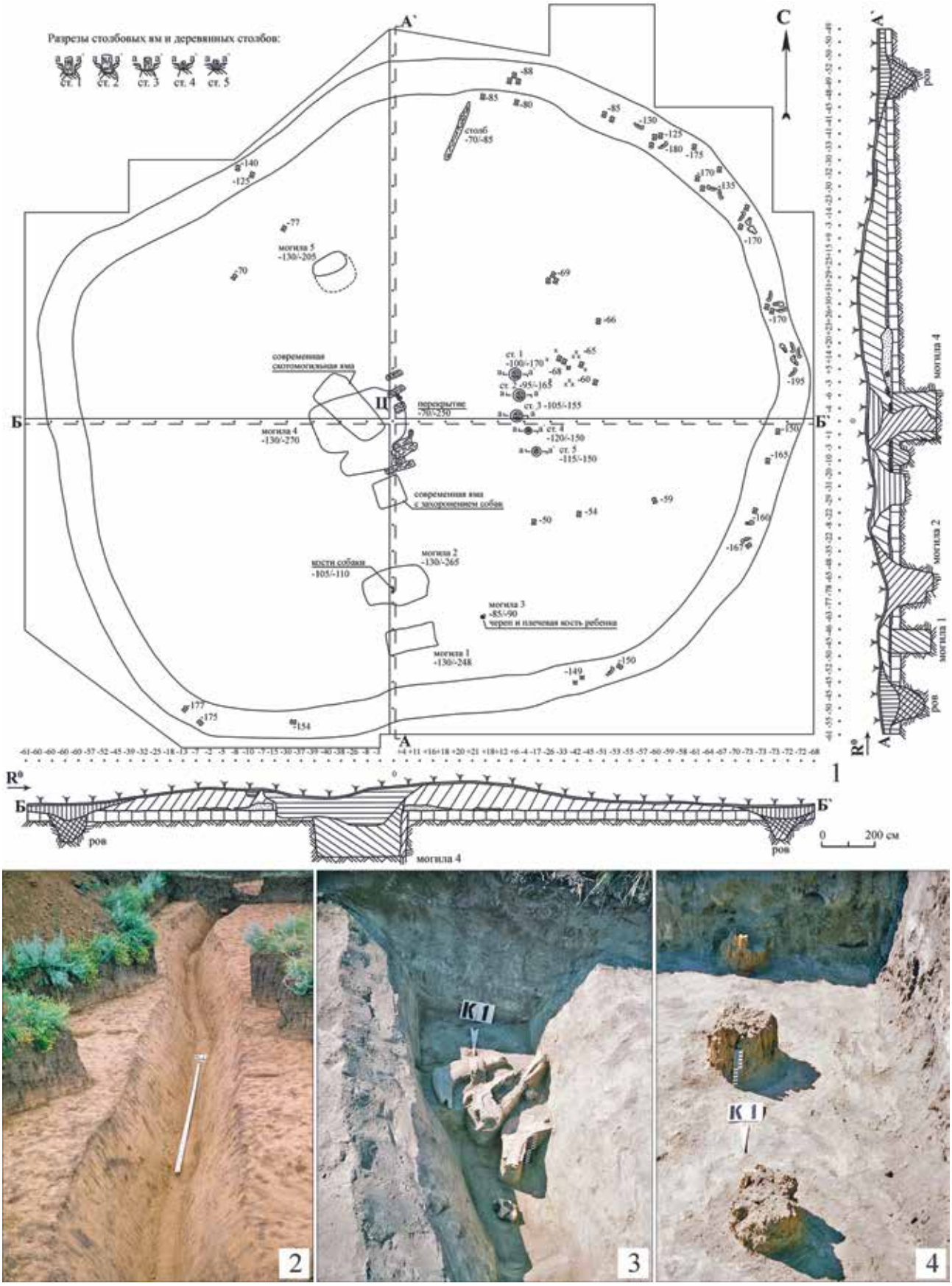


Рис. 50. Поповская Дача:
1 – план и разрезы кургана; *2* – участок рва после выборки заполнения;
3 – кости головы лошади на дне рва; *4* – ряд из деревянных столбов

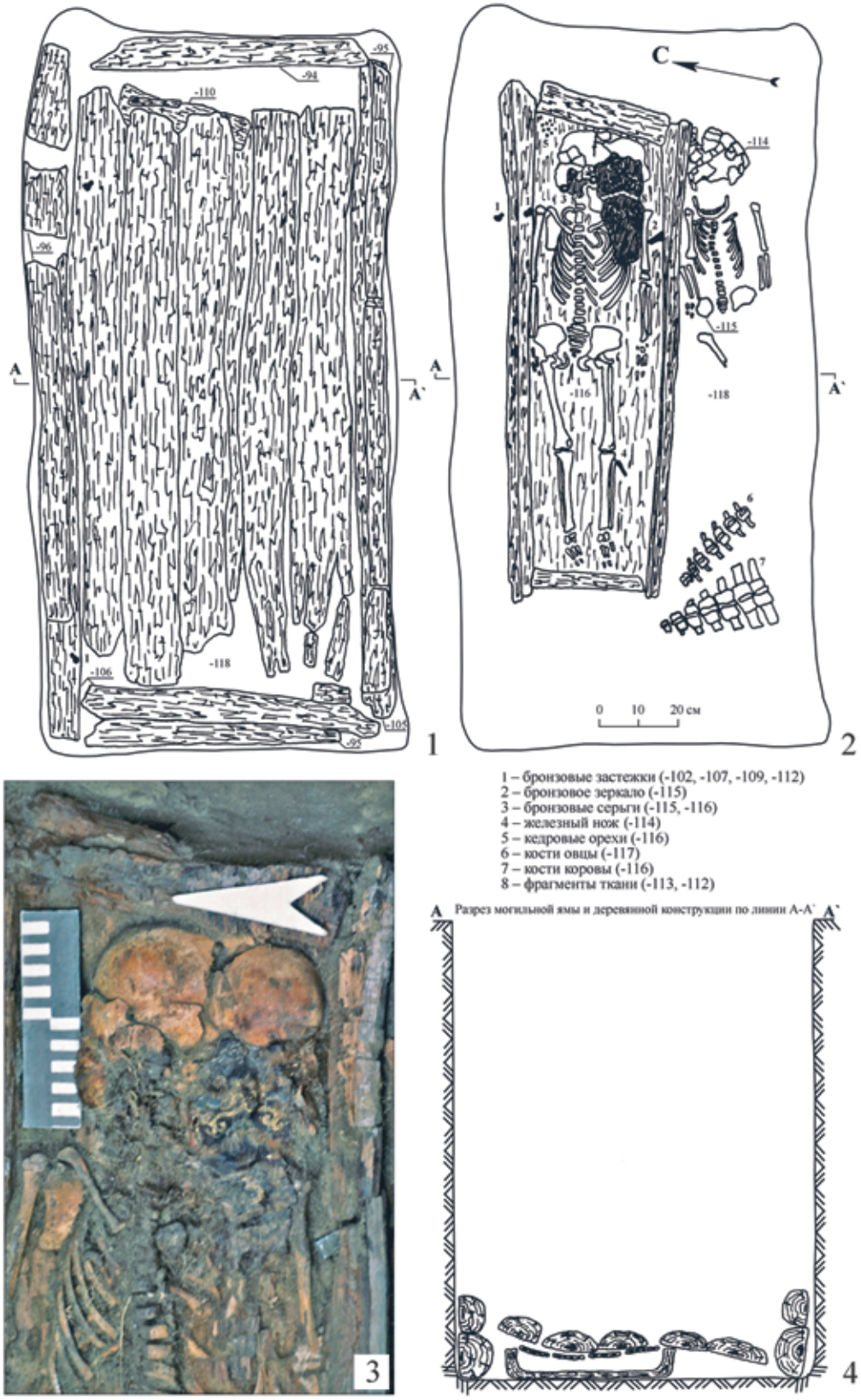


Рис. 51. Поповская Дача, могила-1:
1 – план перекрытия; *2* – план погребения;
3 – ткань на черепе погребенного; *4* – разрез могильной ямы

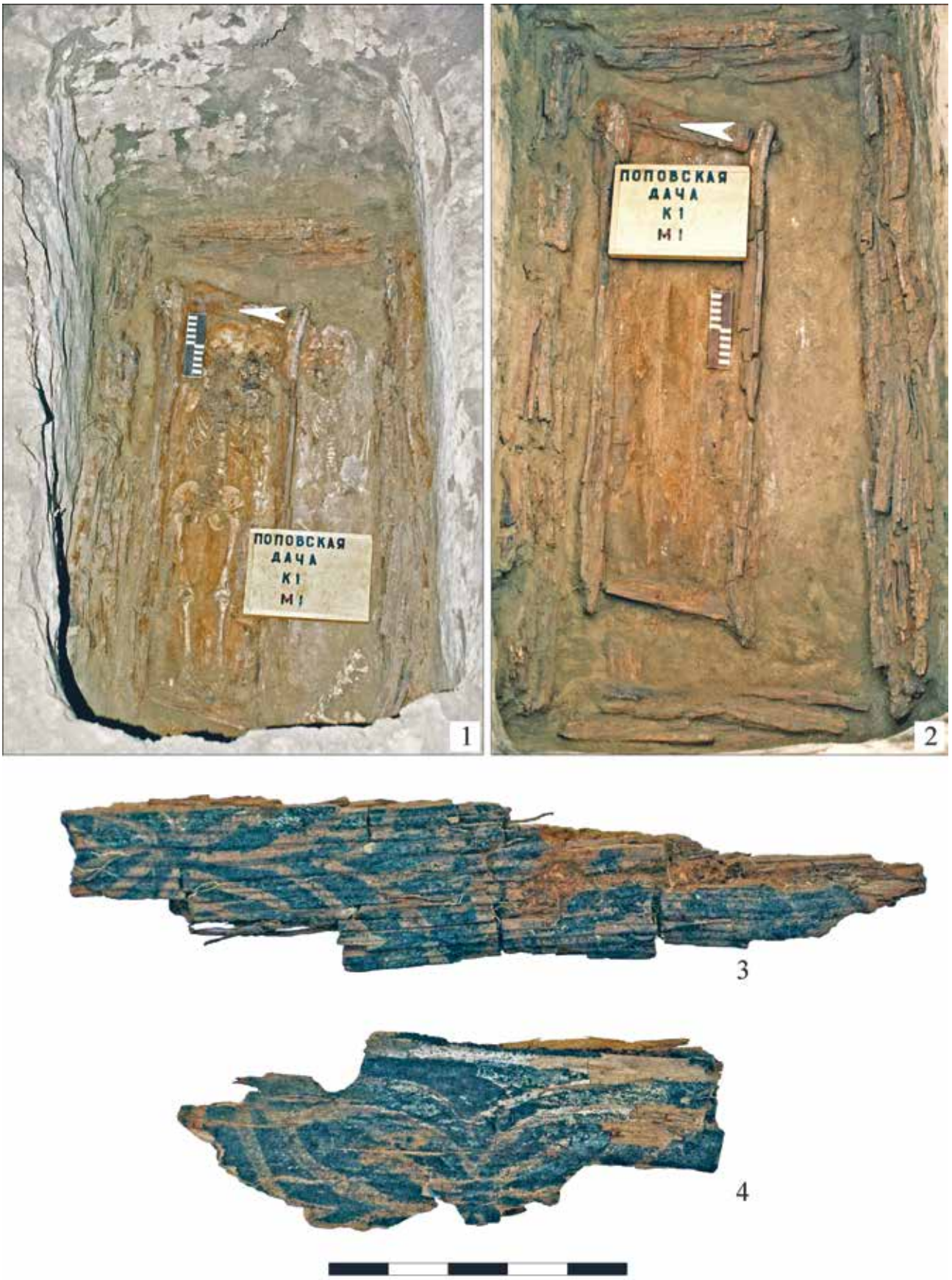


Рис. 52. Поповская Дача, могила-1:
1 – скелеты детей; *2* – деревянная рама и ложе;
3–4 – отпечатки орнамента на деревянных фрагментах перекрытия ложа

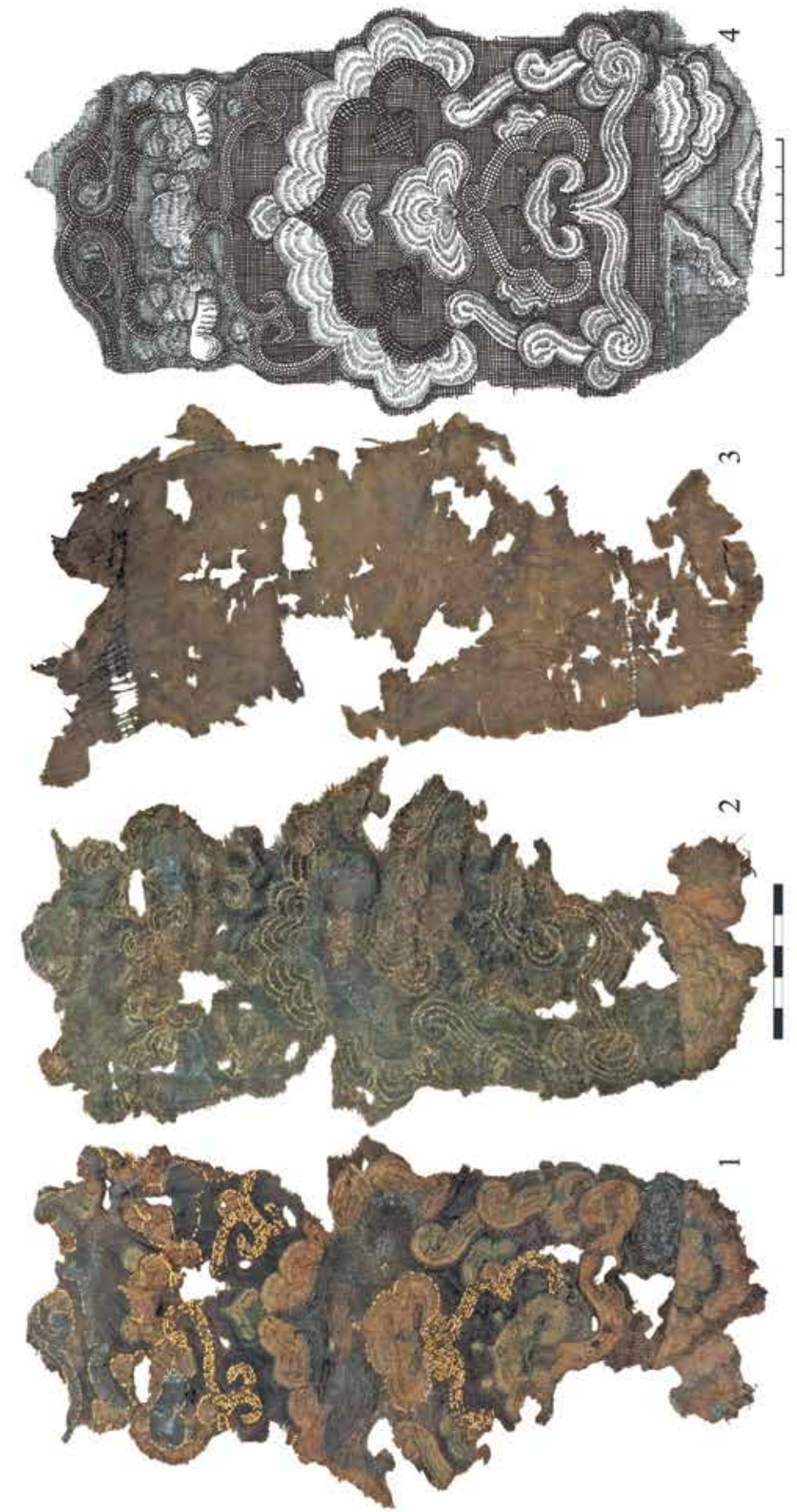


Рис. 53. Поповская Дача, могила-1. Фрагмент одежды или савана:
1 – лицевая часть; *2* – оборот лицевой части; *3* – подкладка;
4 – реконструкция орнамента лицевой части
(*1–2 – ткань, мех, золото, серебро, 3 – ткань*)

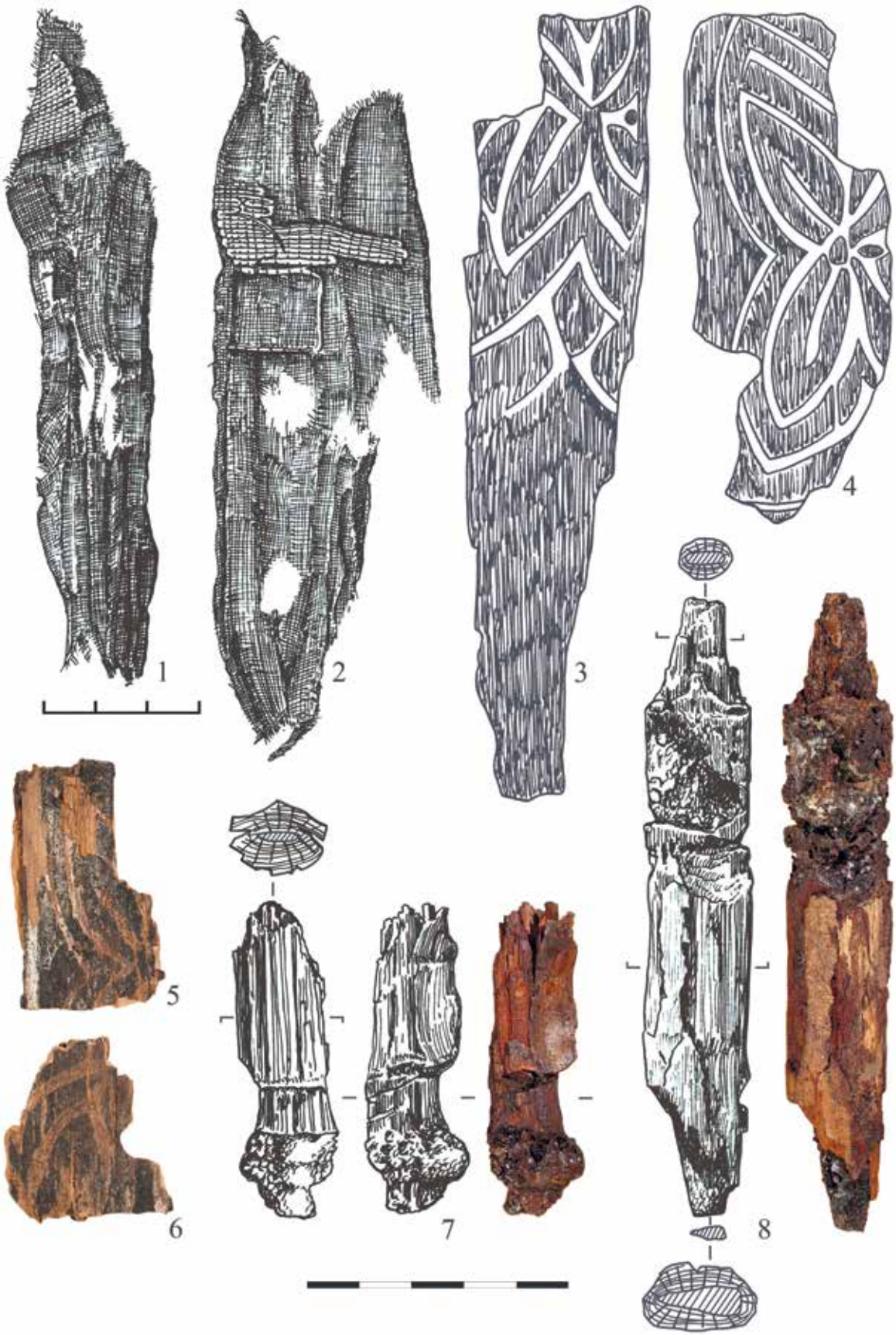


Рис. 54. Поповская Дача. Могила-1:
1–2 – фрагменты одежды; *3–6* – отпечатки орнамента; *7* – нож, могила-2; *8* – нож
(*1–2 – ткань, 3–6 – дерево, 7–8 – железо, дерево*)

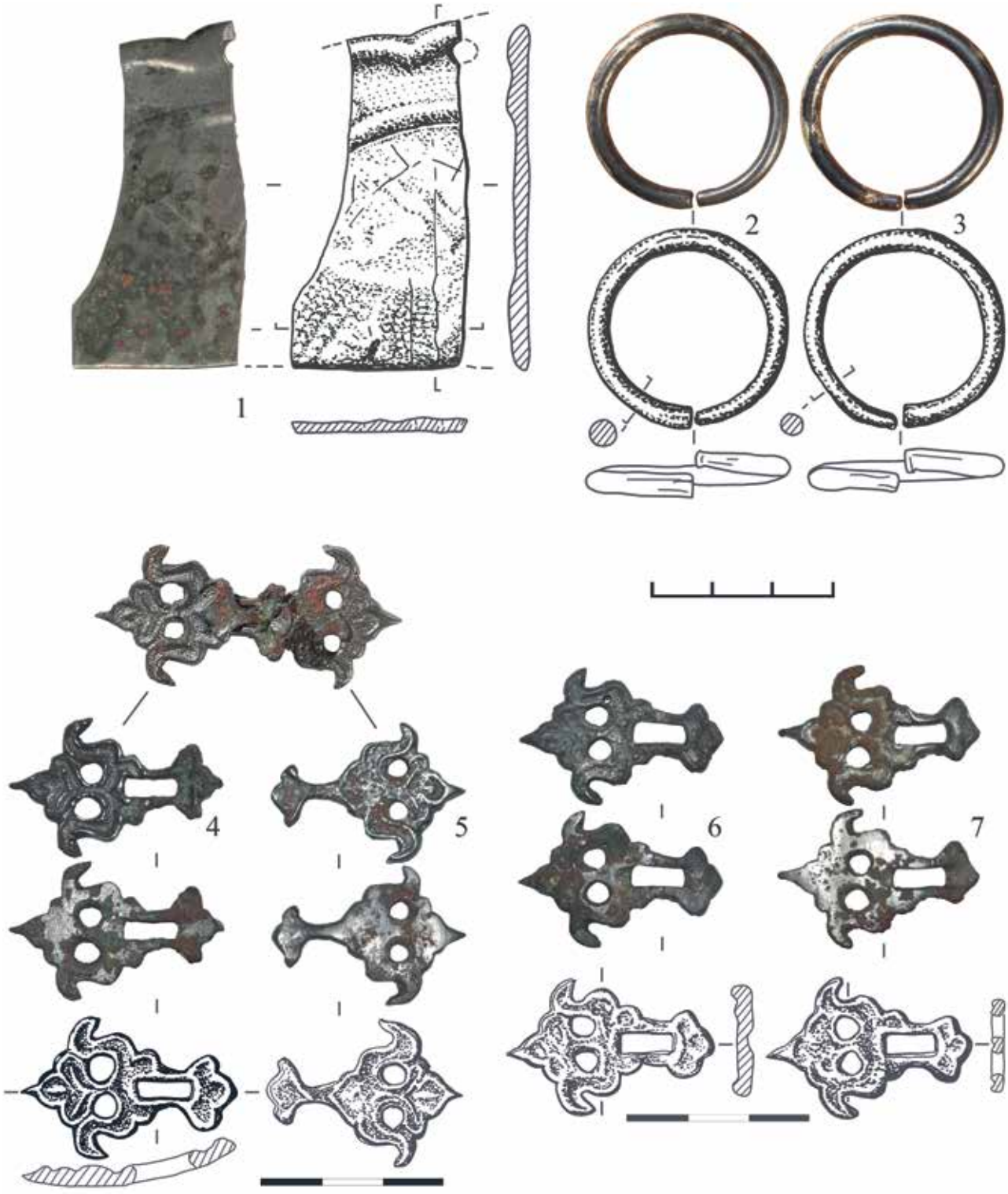


Рис. 55. Поповская Дача, могила-1. Предметный комплекс:
1 – фрагмент зеркала; *2–3* – серьги; *4–7* – застежки
(*1, 4–7 – бронза, 2–3 – серебро, позолота*)

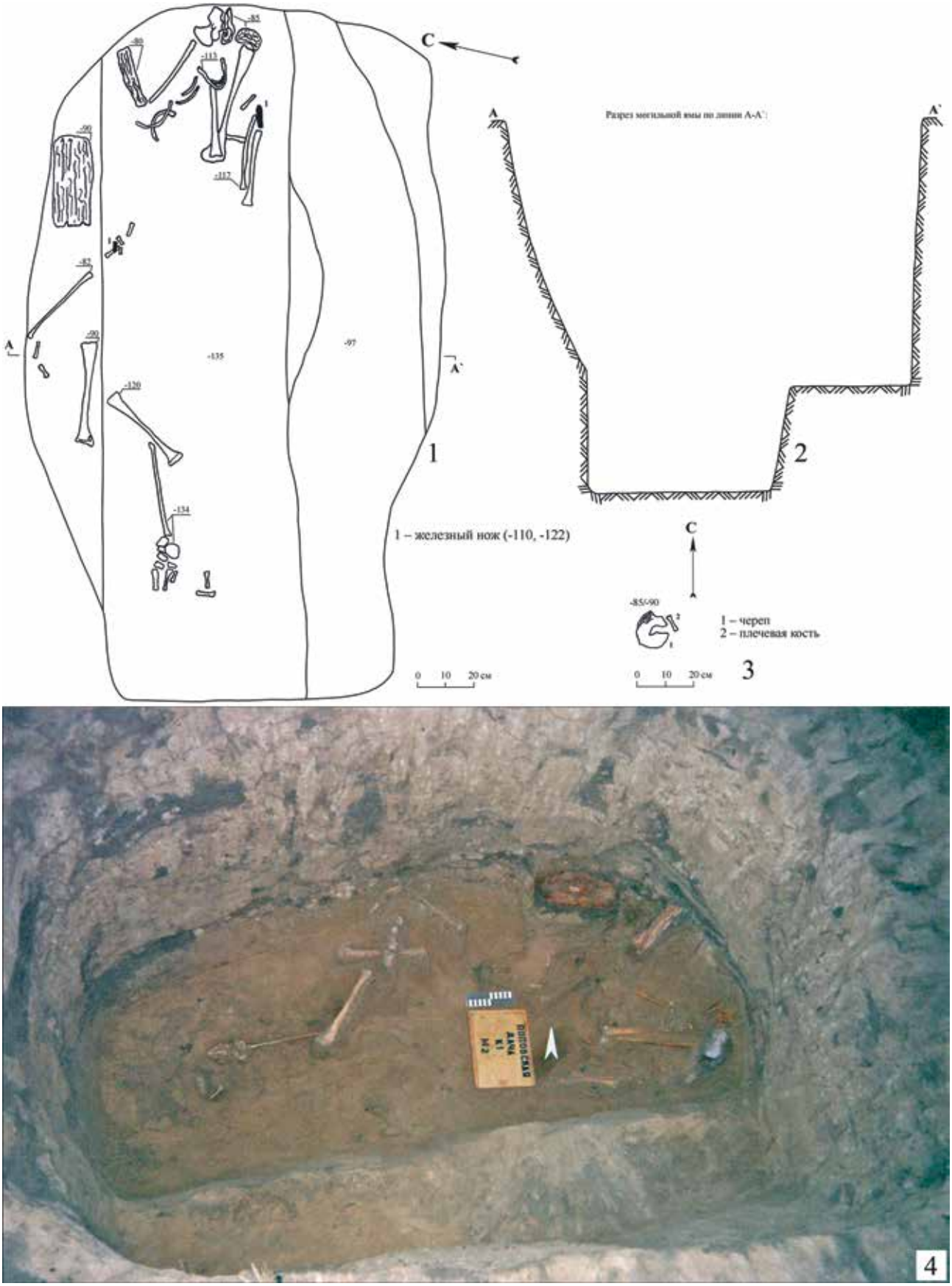


Рис. 56. Поповская Дача:
1–2 – план и разрез могилы-2;
3 – план могилы-3; *4* – останки погребенного в могиле-2

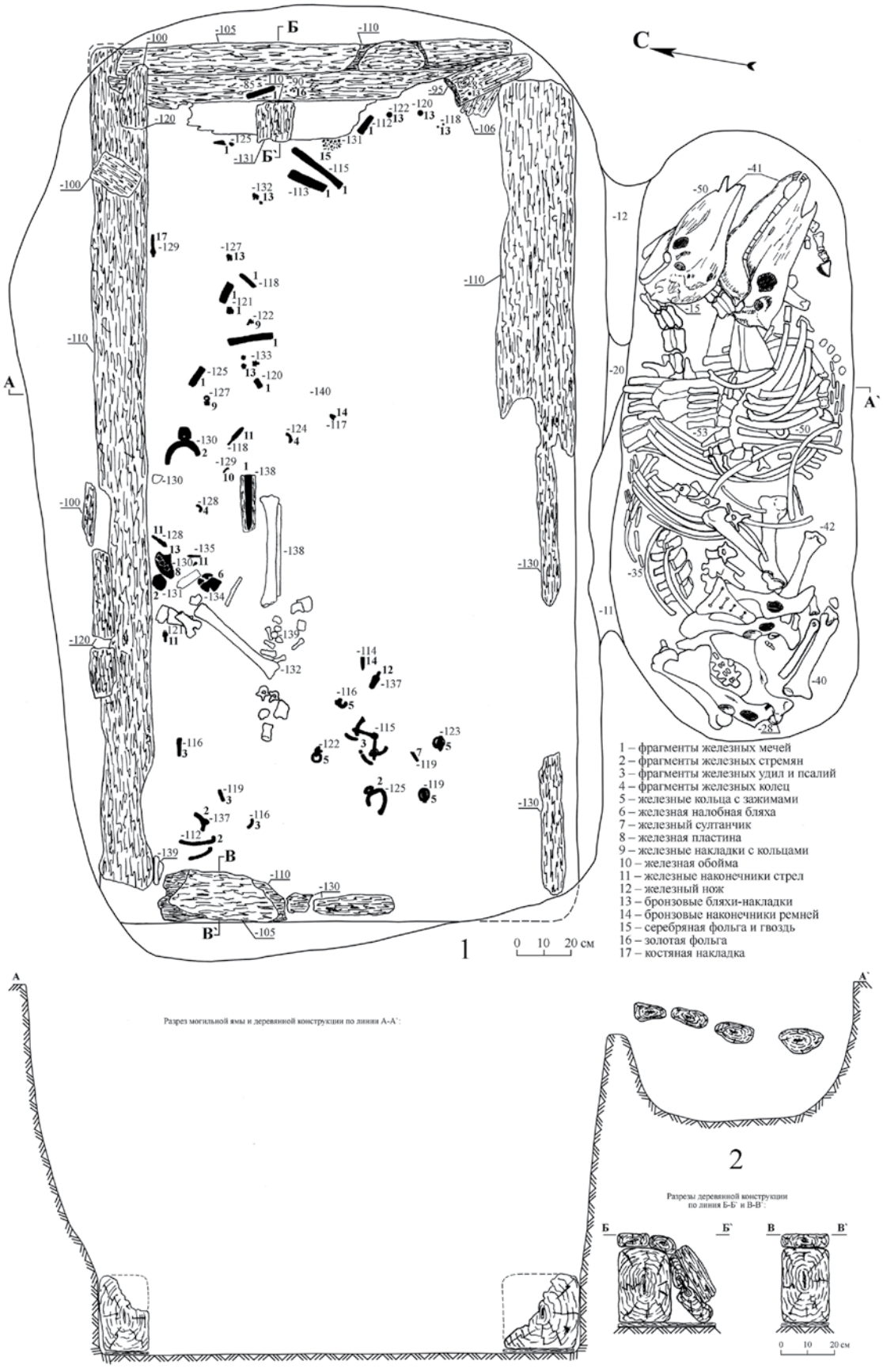


Рис. 57. Поповская Дача, могила-4:
1 – план погребения; *2* – разрез могильной ямы

Рис. 58. Поповская Дача, могила-4:
1 – дно «северной» камеры после зачистки; *2* – скелеты лошадей в «южной» камере;
3 – остатки вещей на полу «северной» камеры

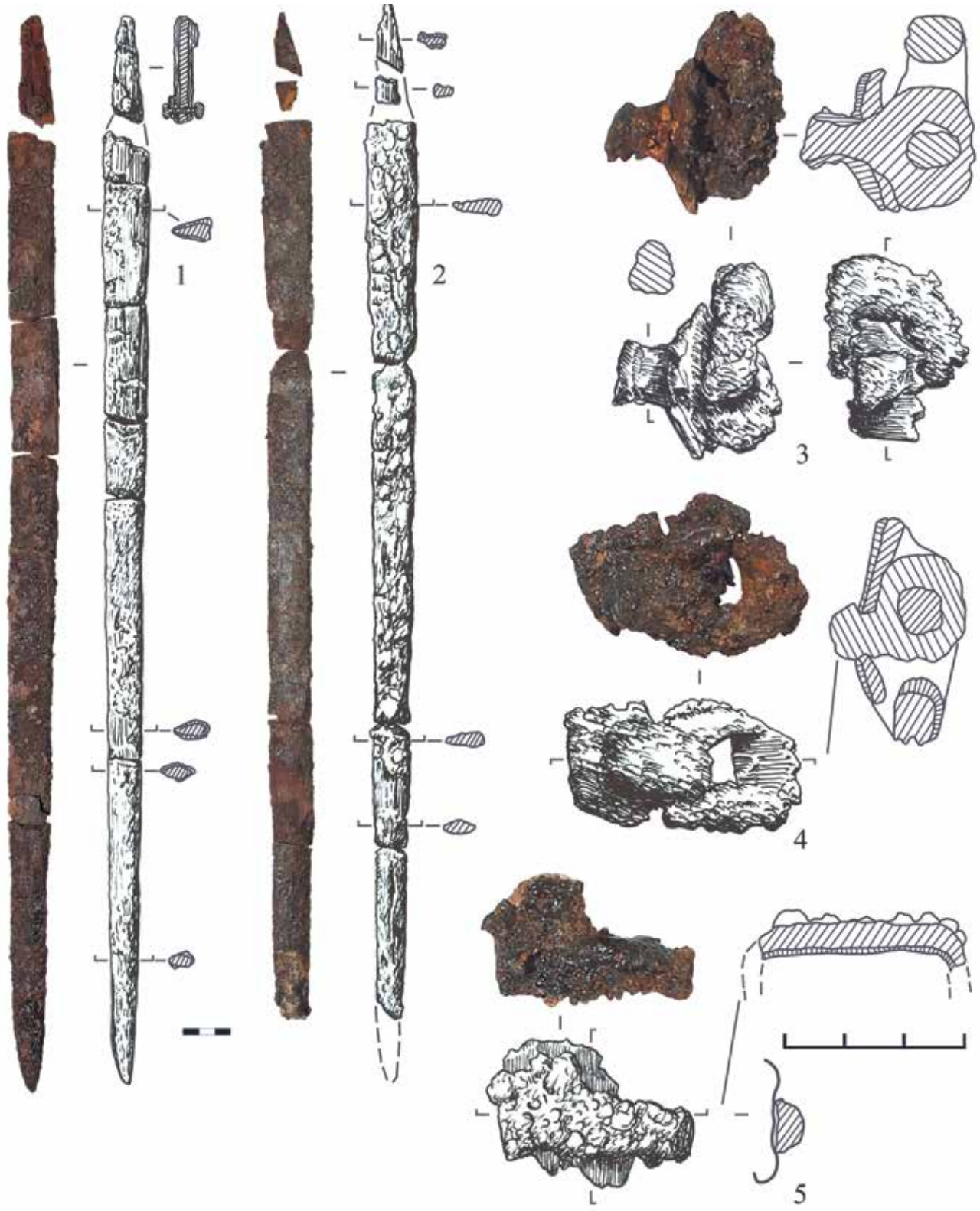


Рис. 59. Поповская Дача, могила-4. Оружие:
1–2 – мечи; *3–5* – детали ножен
(*1–5 – железо, дерево, береста*)

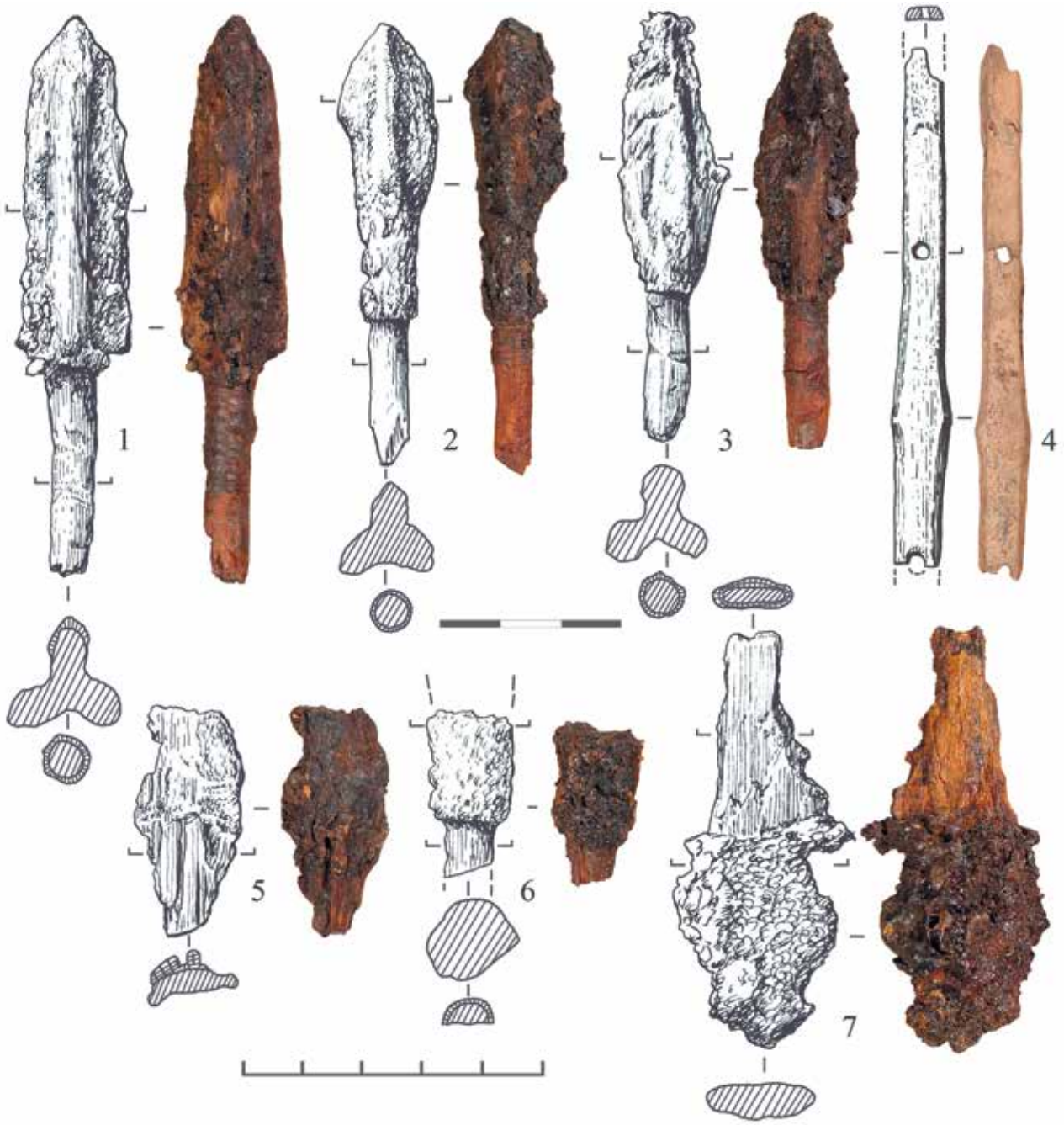


Рис. 60. Поповская Дача, могила-4. Предметный комплекс:
1–3, 5–6 – наконечники стрел; *4* – накладка колчана; *7* – нож
(*1–3, 5–7 – железо, дерево, 4 – кость*)

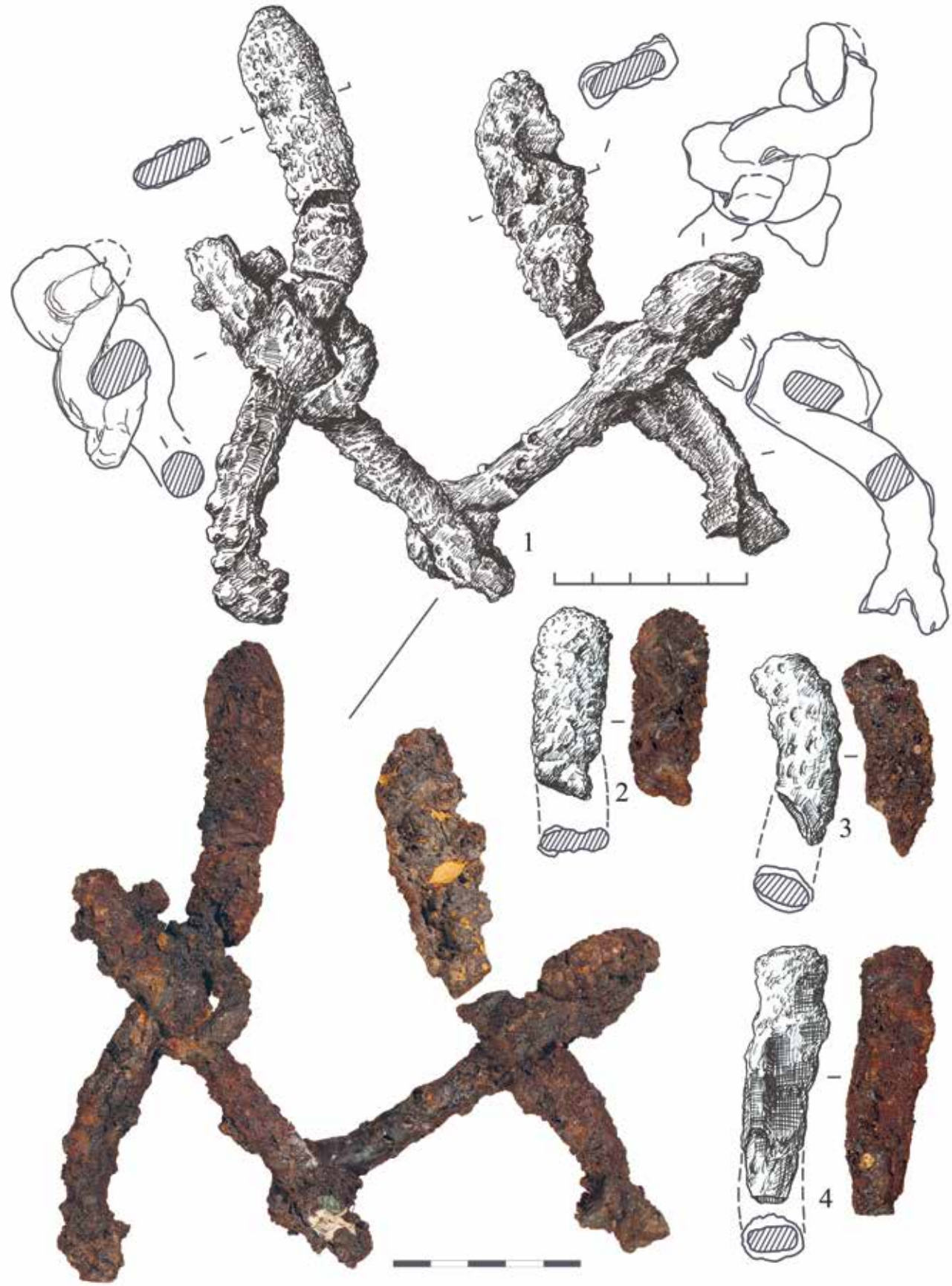


Рис. 61. Поповская Дача, могила-4. Снаряжение коня:
1 – железные удила с псалиями; *2–4* – обломки псалиев
(*1–4 – железо*)

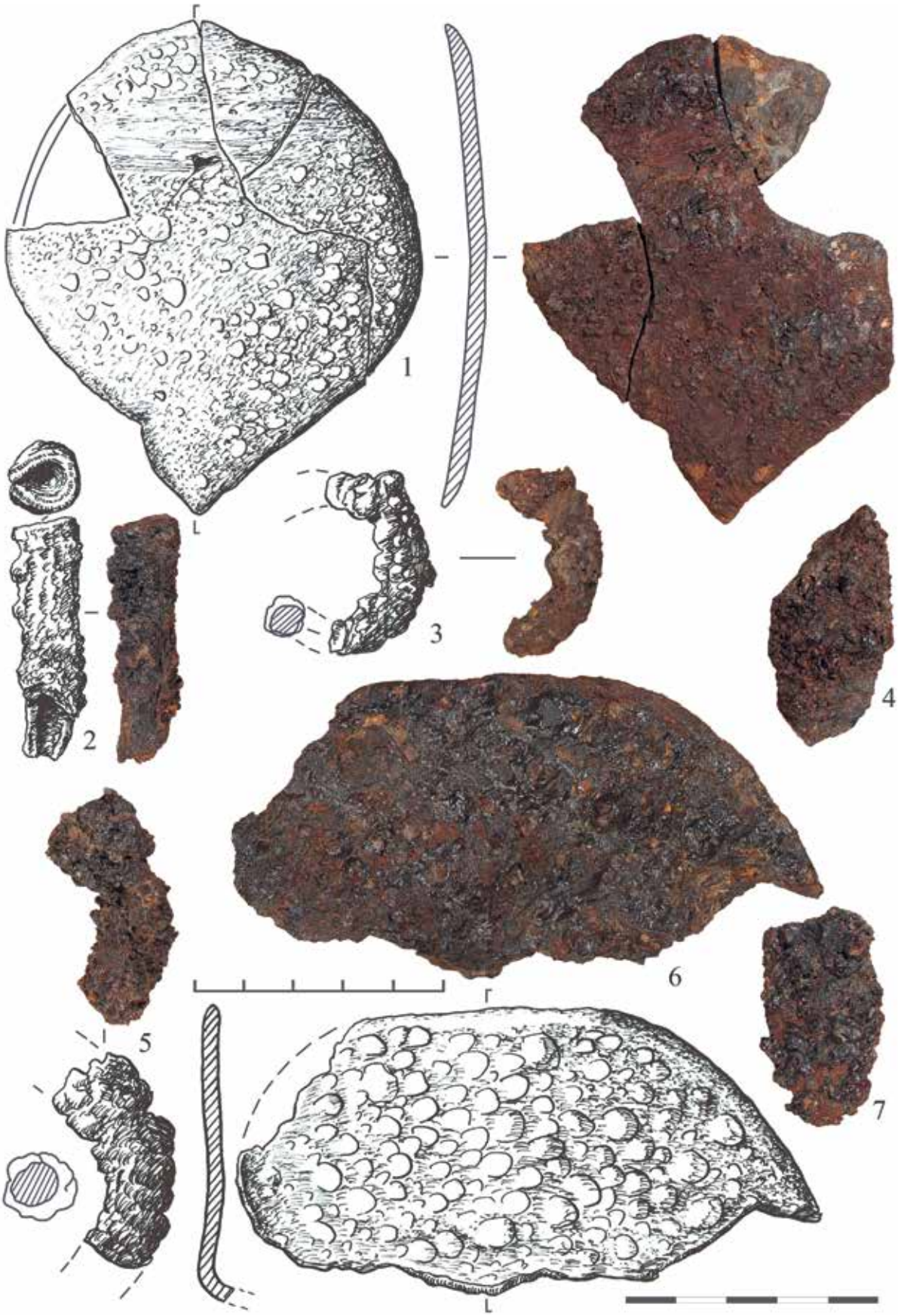


Рис. 62. Поповская Дача, могила-4. Снаряжение коня:
1 – налобная бляха; *2* – втулка султанчика; *3, 5* – распределители ремней;
4, 7 – наконечники ремней; *6* – фрагмент луки от ленчика седла (*1–7 – железо*)

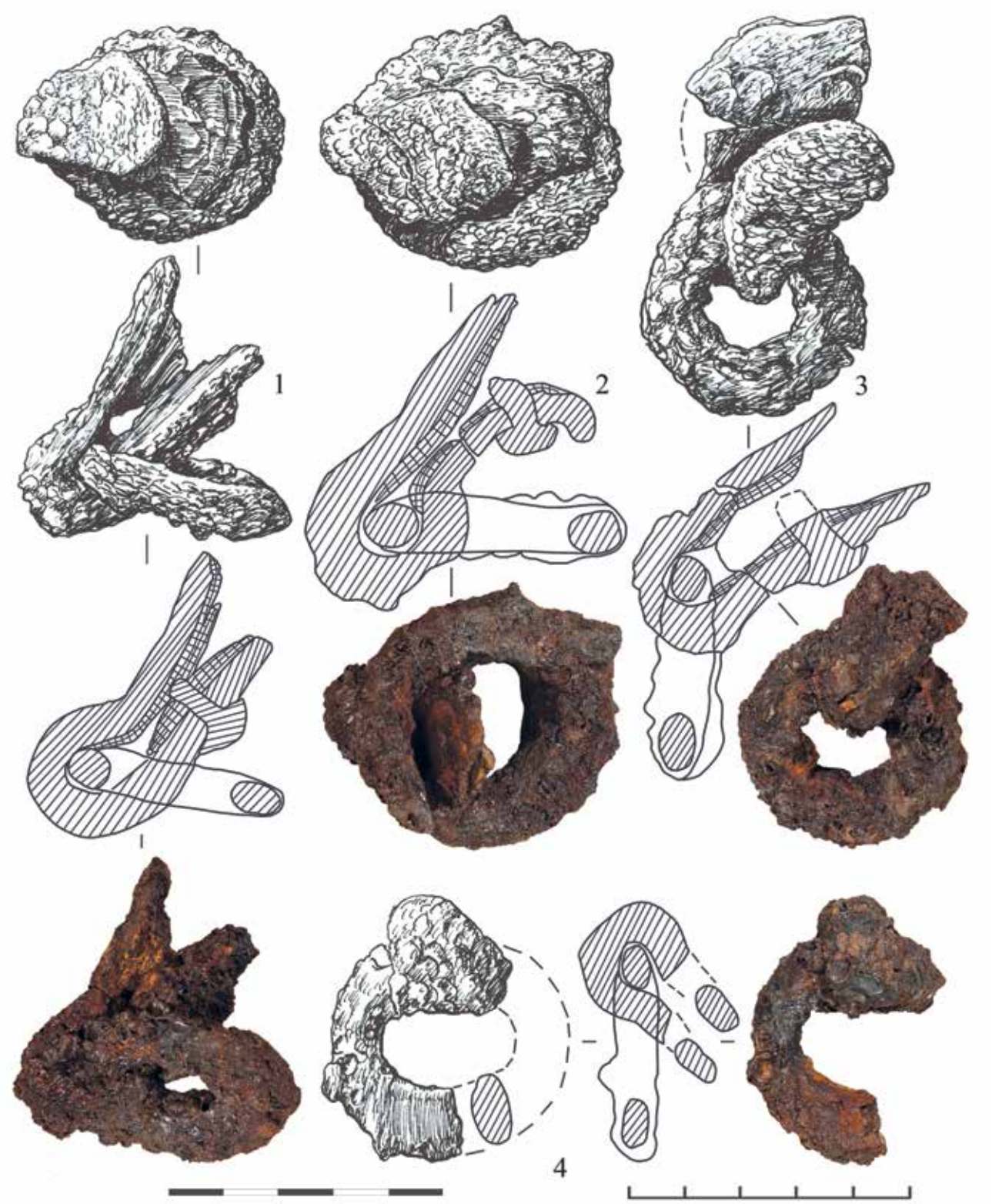


Рис. 63. Поповская Дача, могила-4. Снаряжение коня:
1–4 – распределители ремней с зажимами
(*1–4 – железо, кожа*)

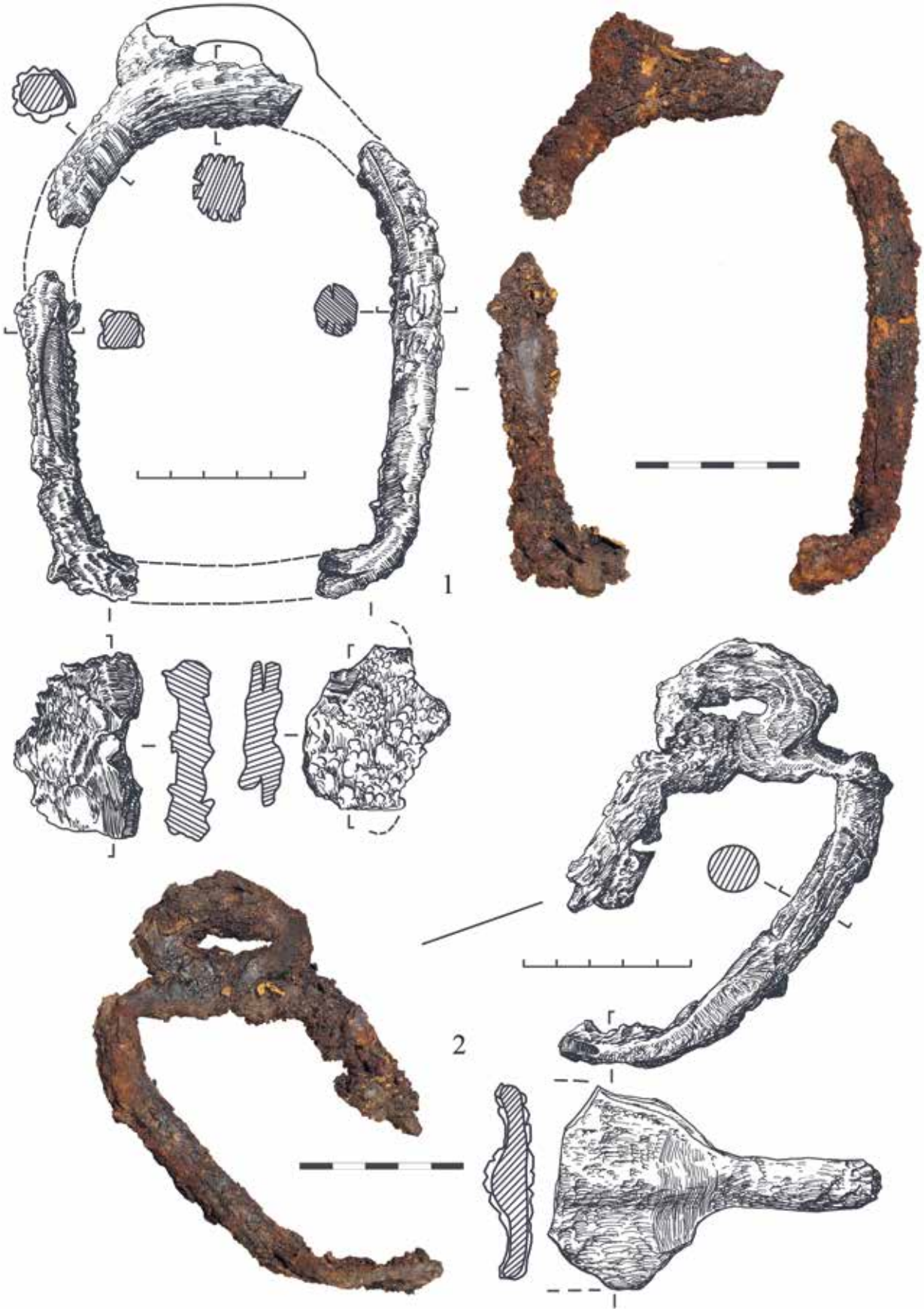


Рис. 64. Поповская Дача, могила-4. Снаряжение коня:
1–2 – железные стремена

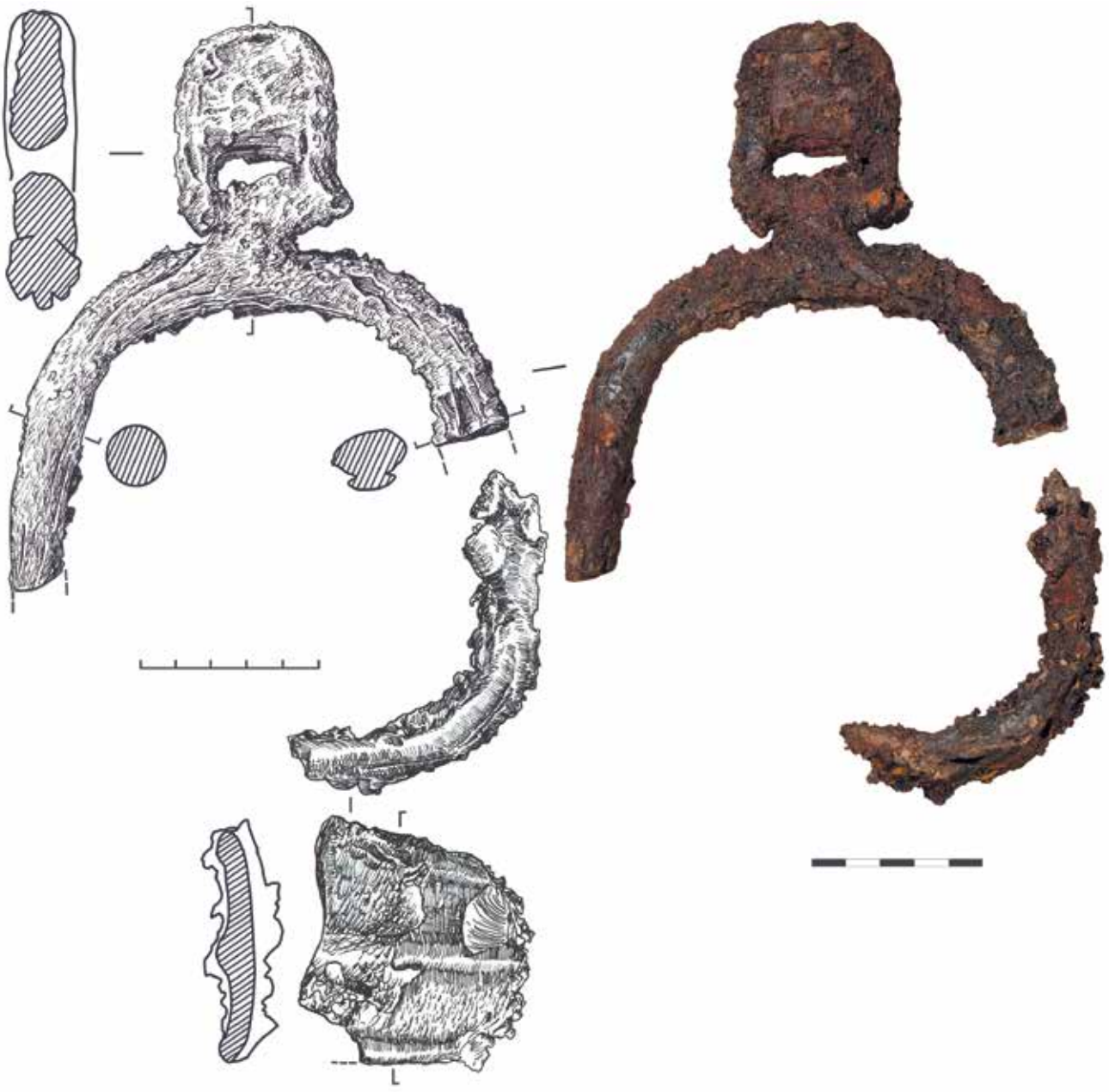


Рис. 65. Поповская Дача, могила-4.
Железное стремя

Рис. 66. Поповская Дача, могила-4. Предметный комплекс:
1–14 – бляхи-накладки; *15–16* – наконечники ремней;
17–24 – кусочки фольги; *25–35* – гвоздики
(*1–10, 15–16 – бронза, кожа, 11–13 – бронза, 14 – бронза с позолотой, 17–35 – серебро*)

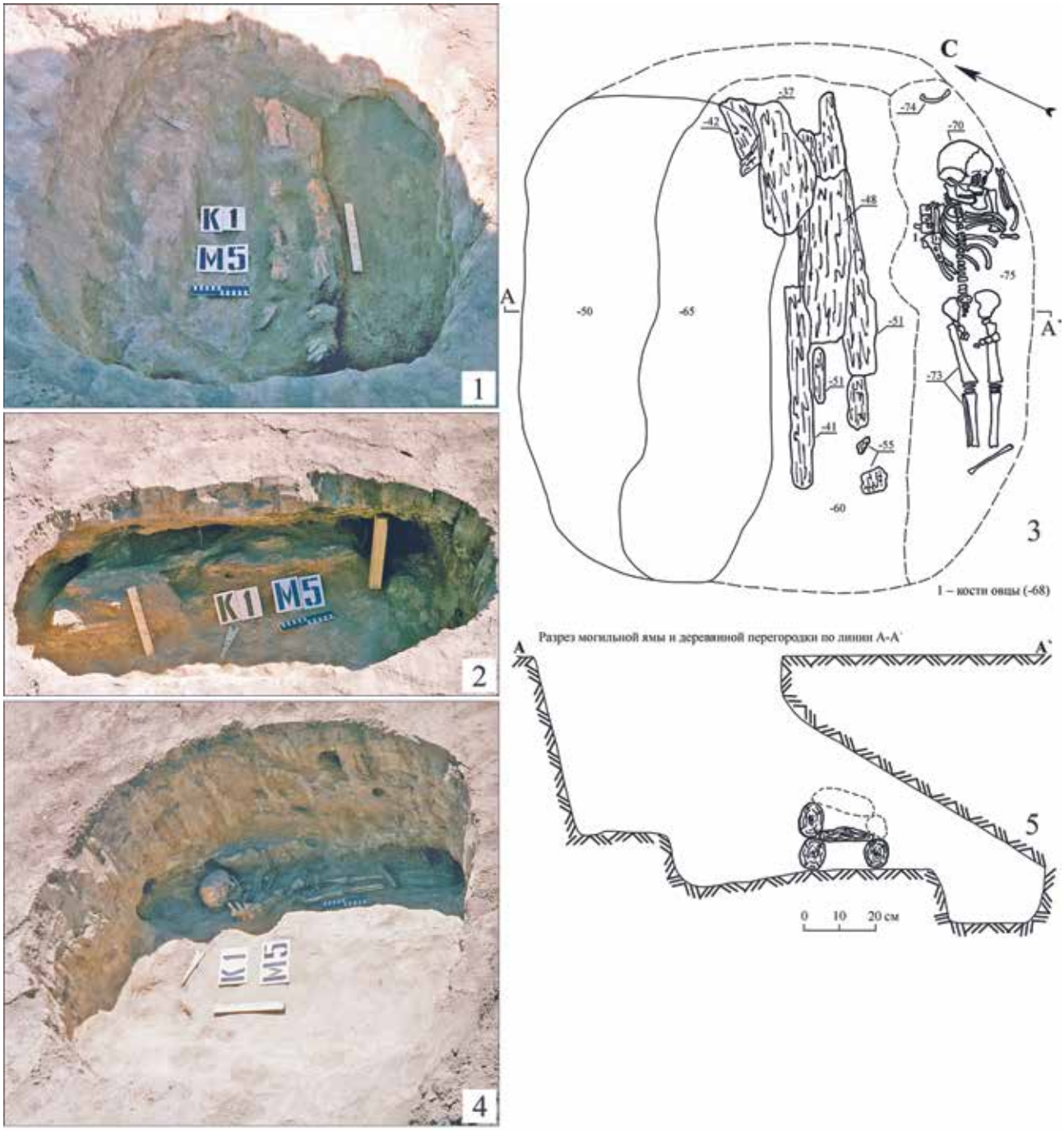


Рис. 67. Поповская Дача, могила-5:
1–2 – деревянная перегородка подбоя; *3* – план погребения;
4 – скелет ребенка в подбое; *5* – разрез могильной ямы

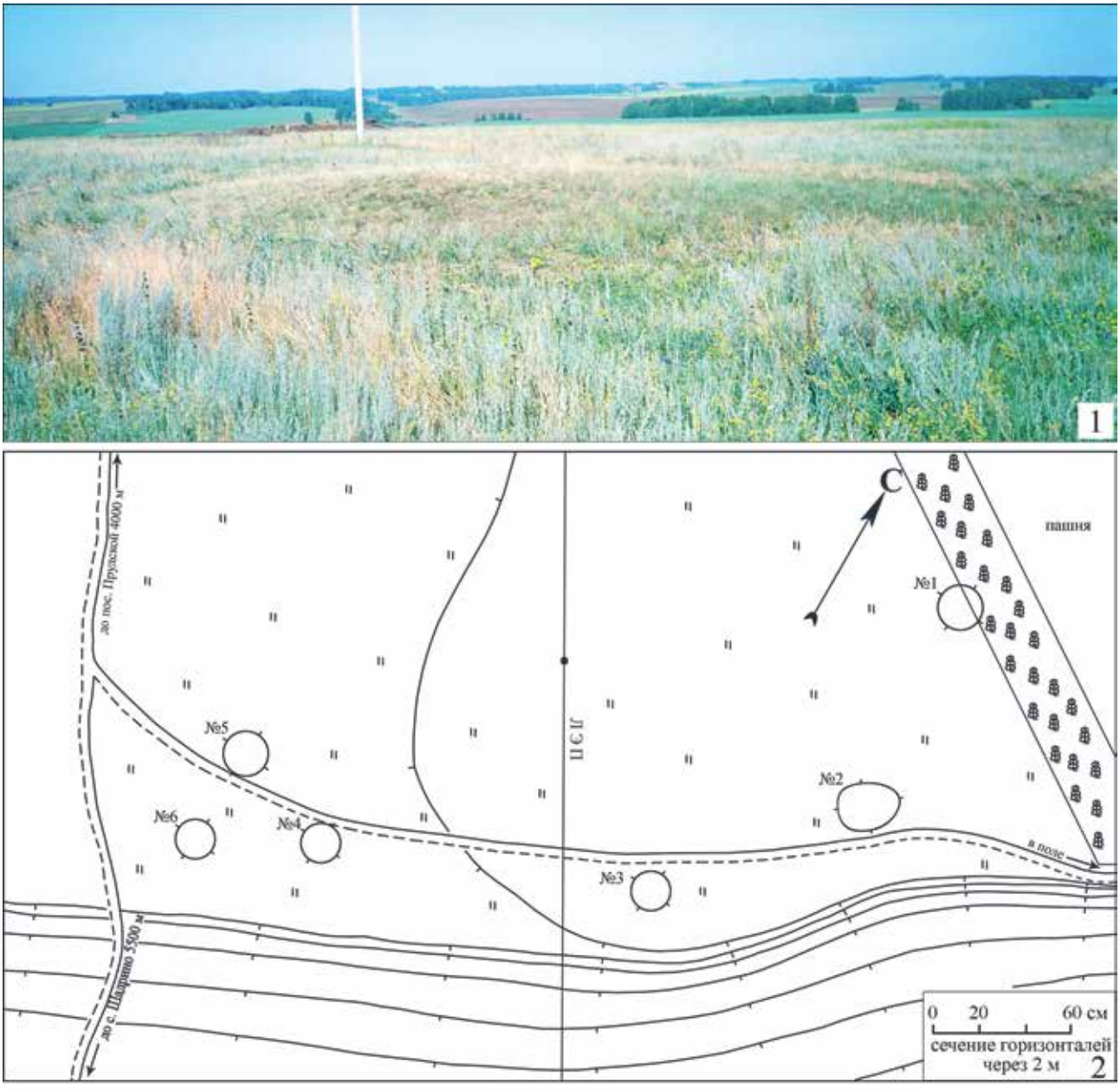


Рис. 68. Прудской:
1 – курганные насыпи до раскопок; *2* – план памятника

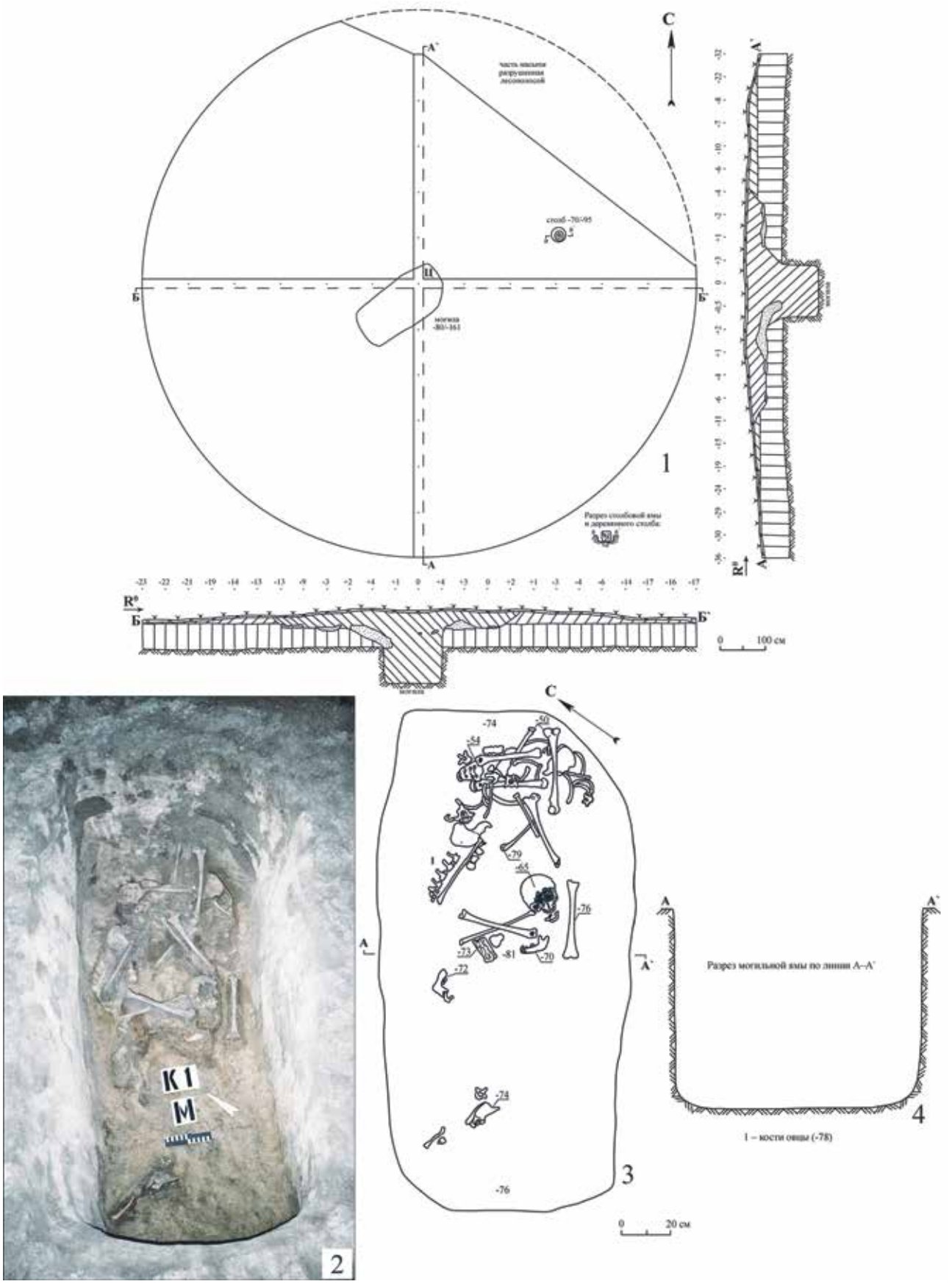


Рис. 69. Прудской, курган №1:
1 – план раскопа и разрезы; *2* – потревоженный скелет человека в могиле;
3 – план погребения; *4* – разрез могильной ямы

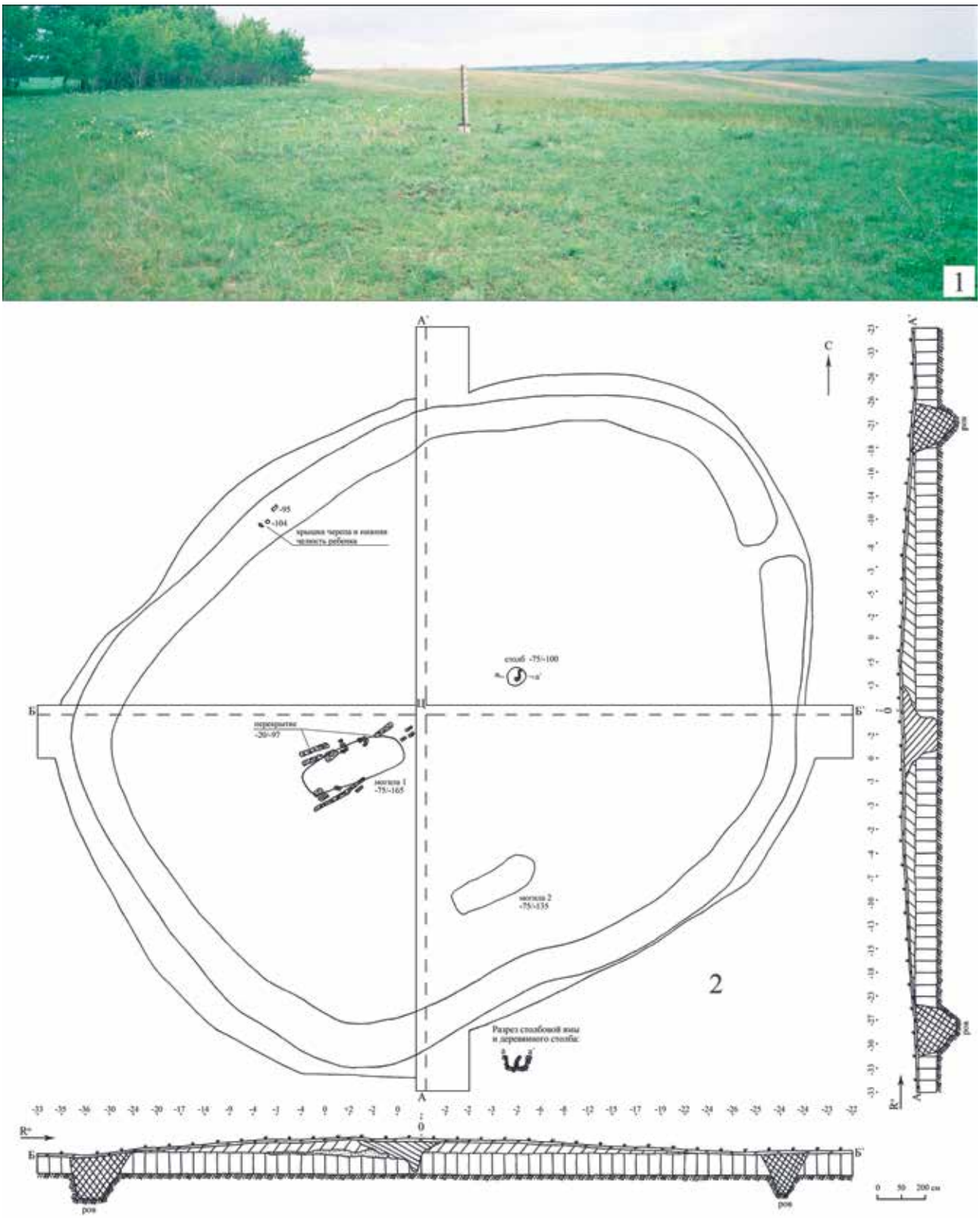
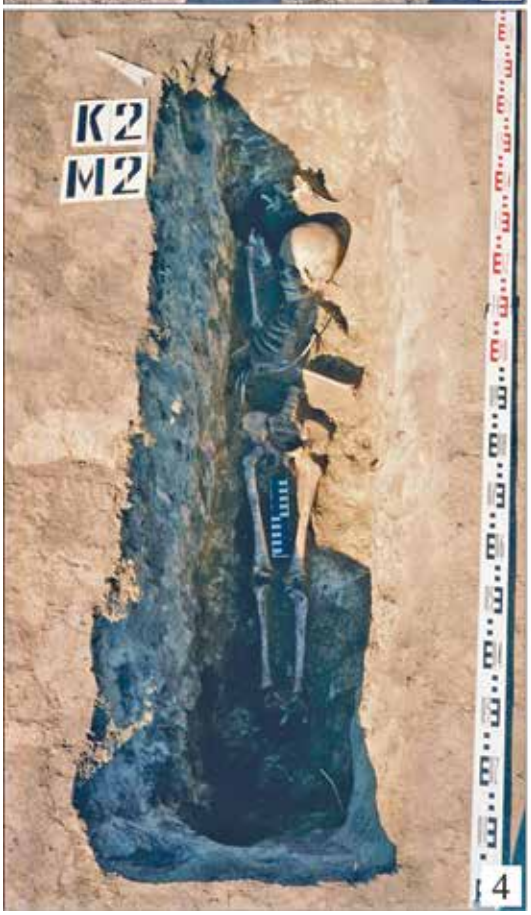
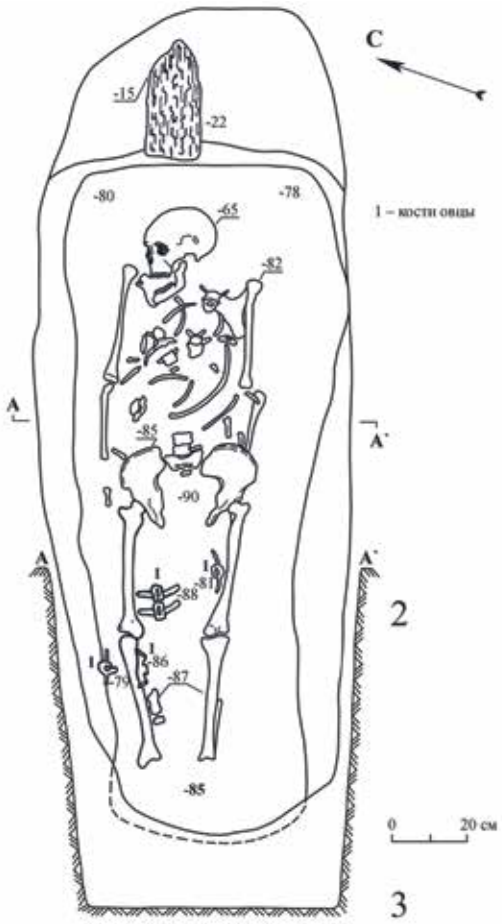


Рис. 70. Прудской, курган №2:
1 – насыпь до раскопок; *2* – план и разрезы кургана

Рис. 71. Прудской, курган №2:
1 – контур рва в районе перемычки;
2 – перекрытие могилы-1; *3* – контур пятна могилы-2





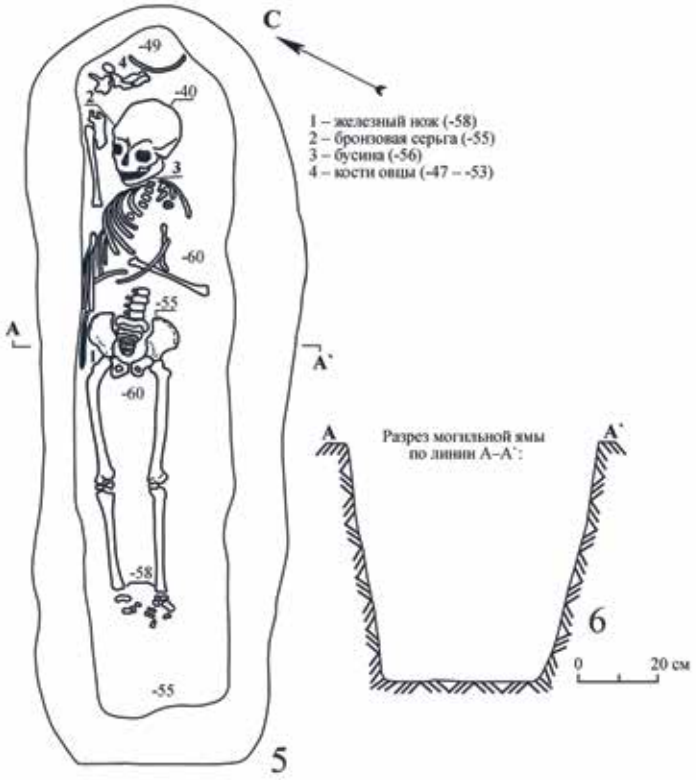


Рис. 72. Прудской, курган №2:
1 – скелет человека в могиле-1; *2–3* – план и разрез могилы-1;
4 – скелет ребенка в могиле-2; *5–6* – план и разрез могилы-2

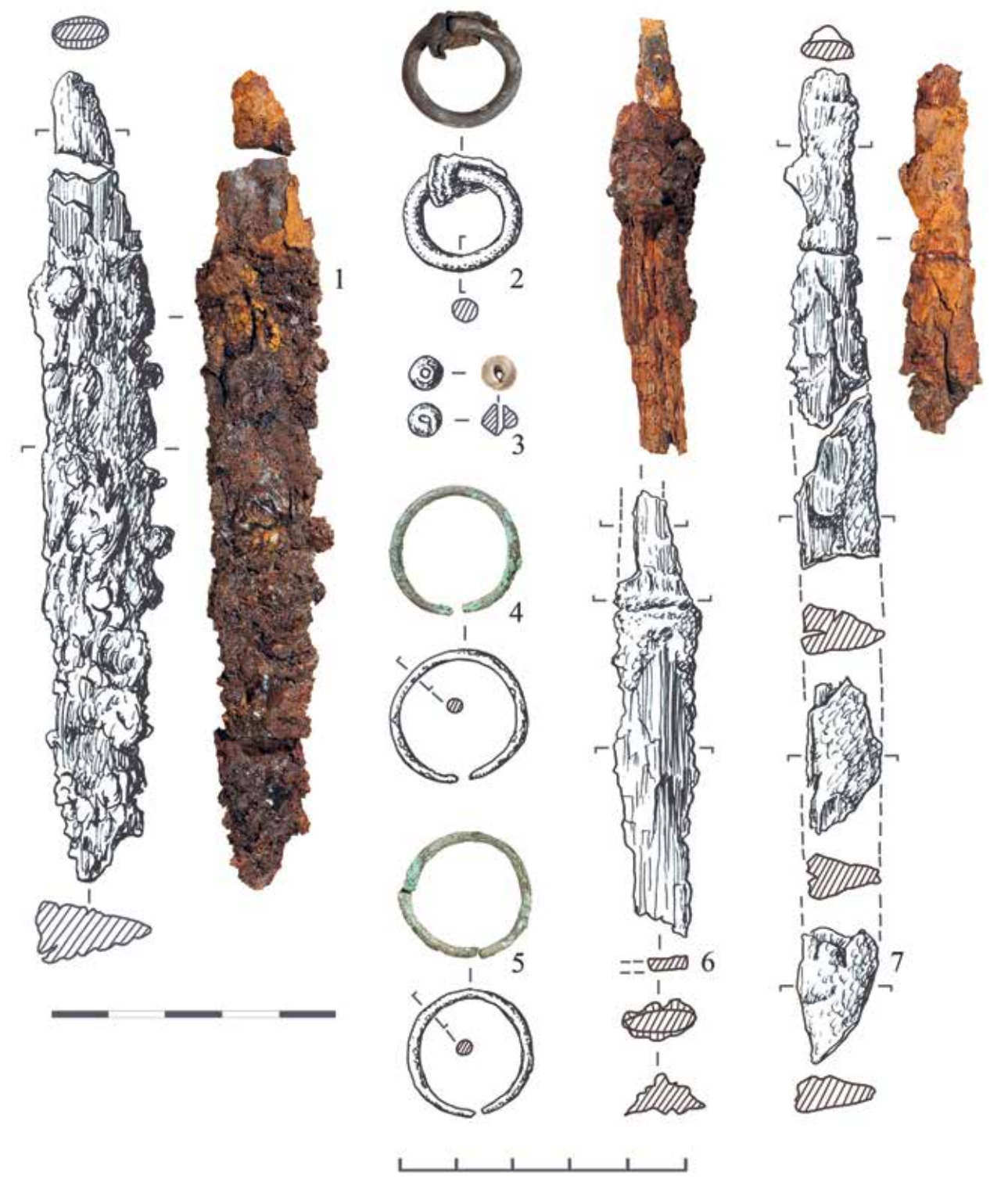


Рис. 73. Прудской. Предметный комплекс:
1, 7 – ножи; *2, 4–5* – серьги; *3* – бусина; *6* – напильник
(*1–3 – курган №2, могила-2, 4–5 – курган №4, могила-1, 6–7 – курган №4, могила-2;*
1, 6–7 – железо, дерево, 2 – серебро, кожа, 3 – стекло, 4–5 – бронза)

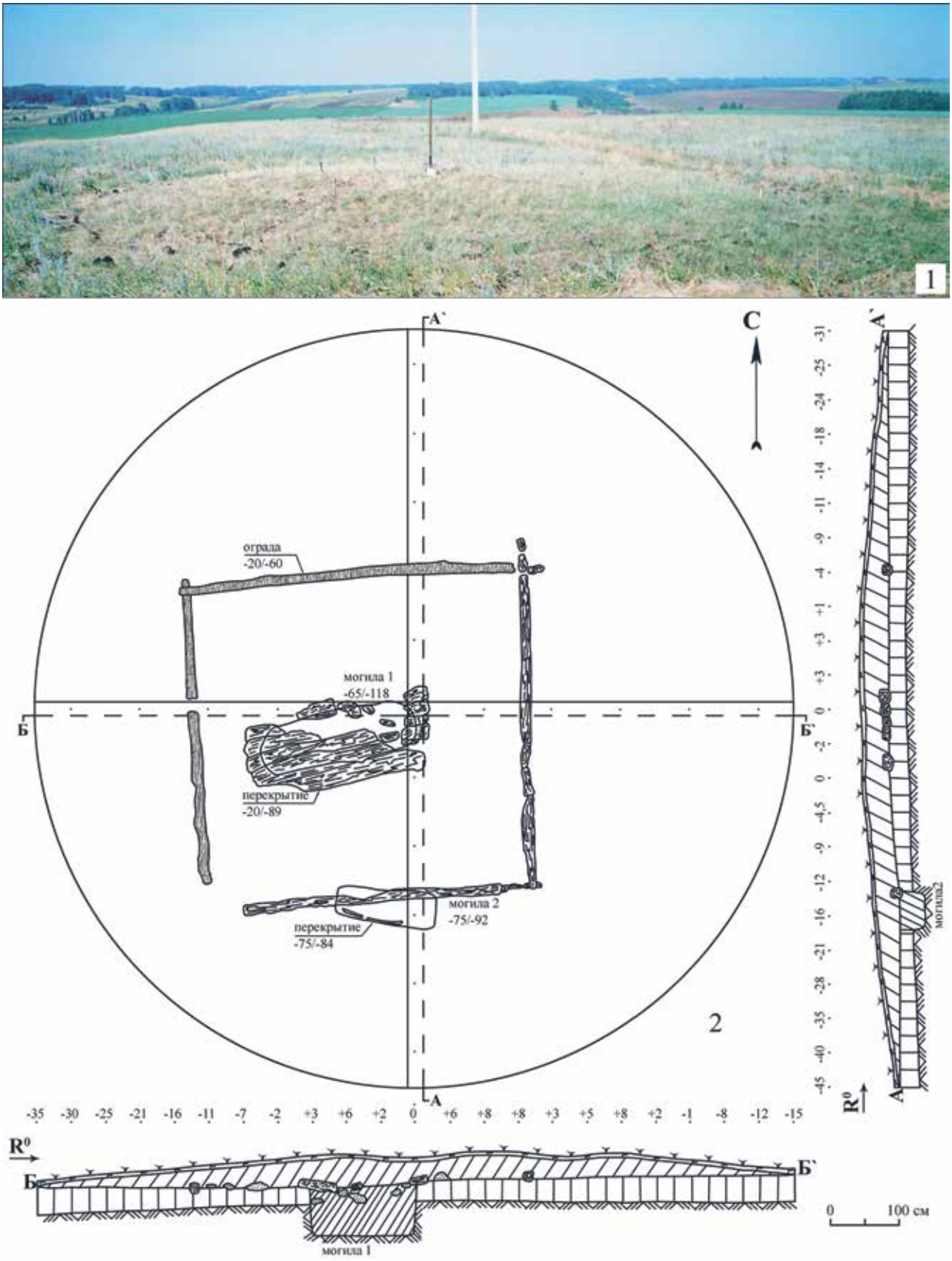


Рис. 74. Прудской, курган №3:
1 – насыпь до раскопок; *2* – план и разрезы кургана

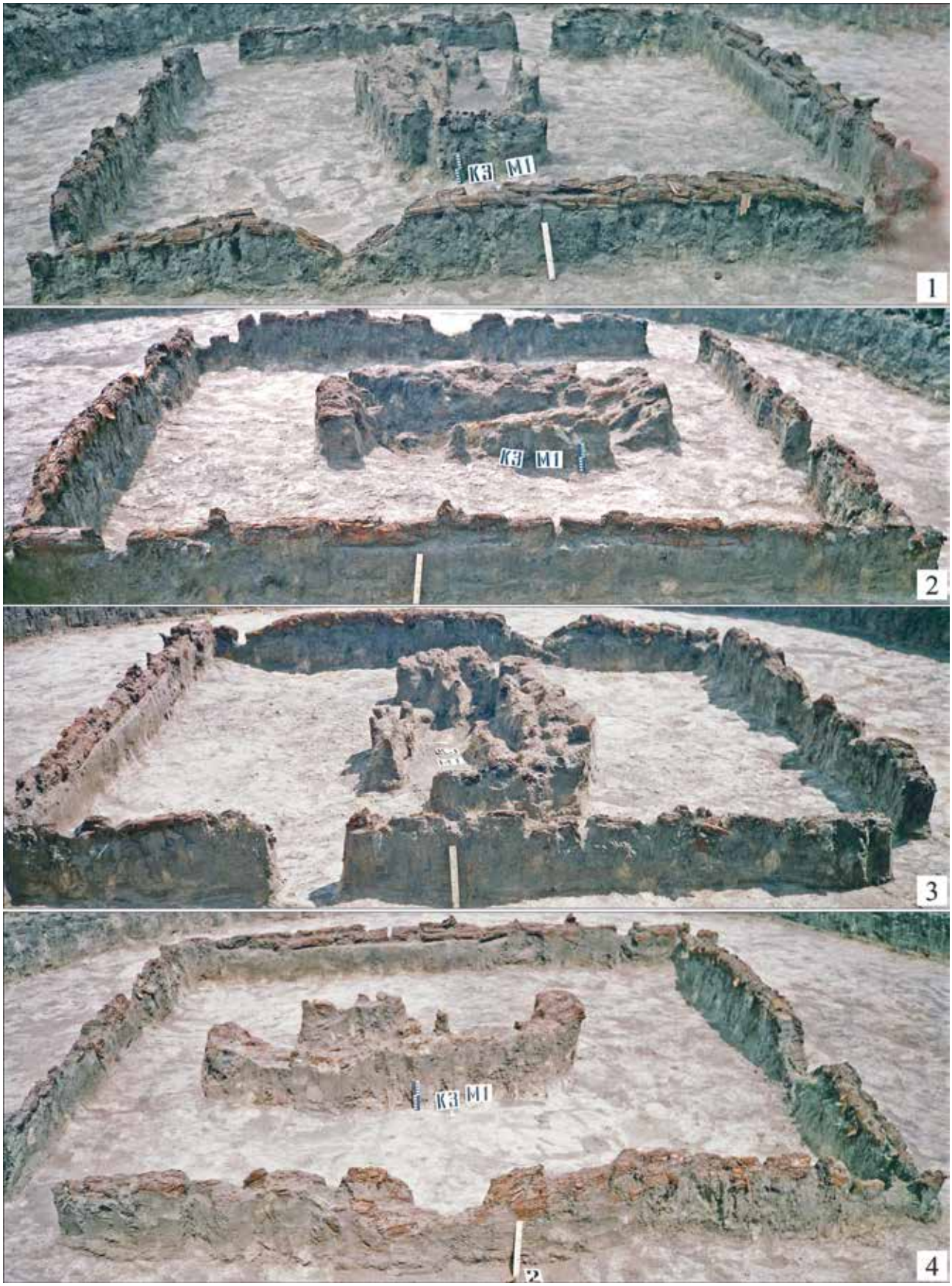


Рис. 75. Прудской, курган №3:
1–4 – деревянная ограда и перекрытие могилы-1

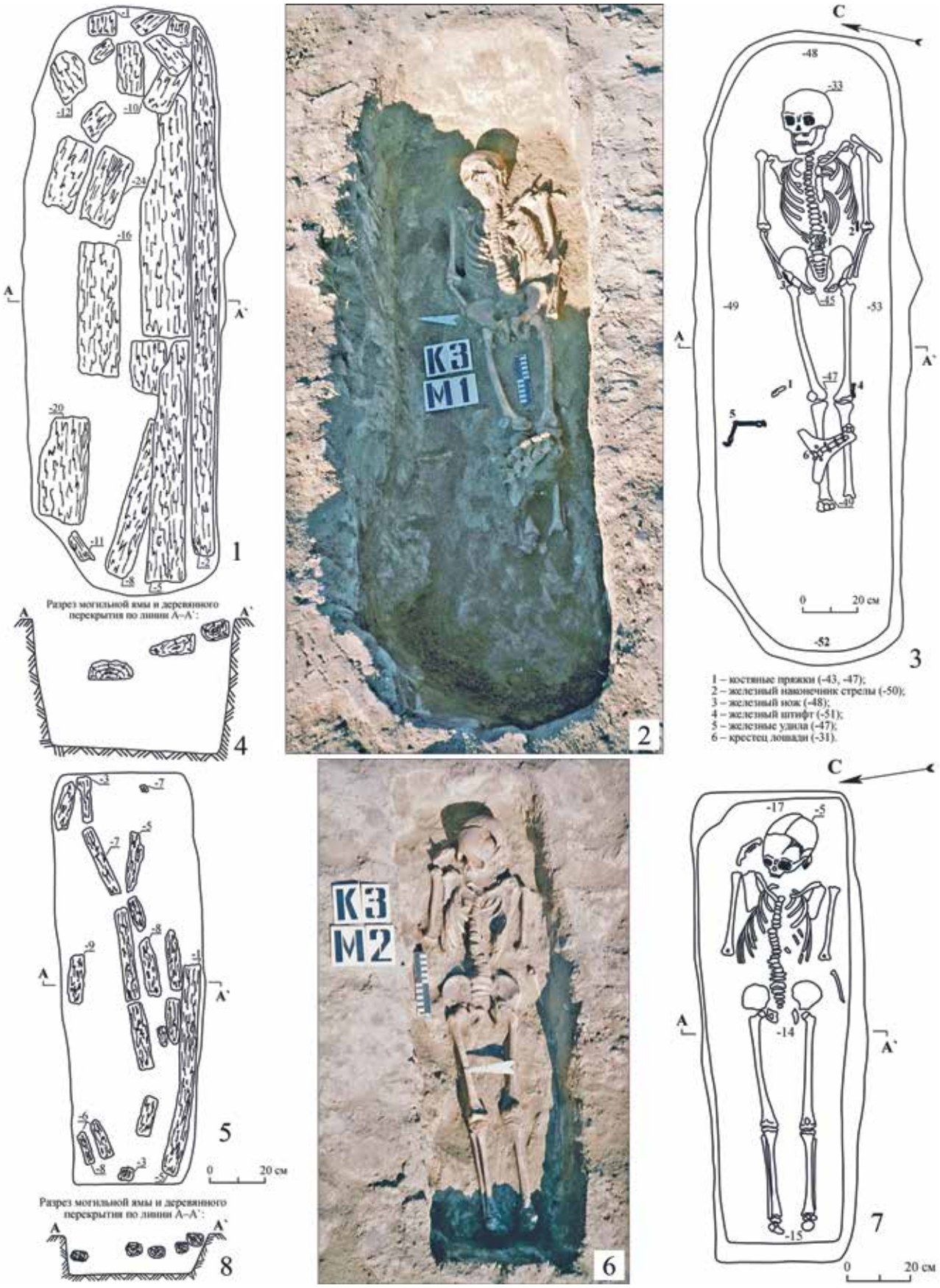


Рис. 76. Прудской, курган №3:
1, 3–4 – планы и разрез могилы-1; *2* – скелет человека в могиле-1;
5, 7–8 – планы и разрез могилы-2; *6* – скелет ребенка в могиле-2

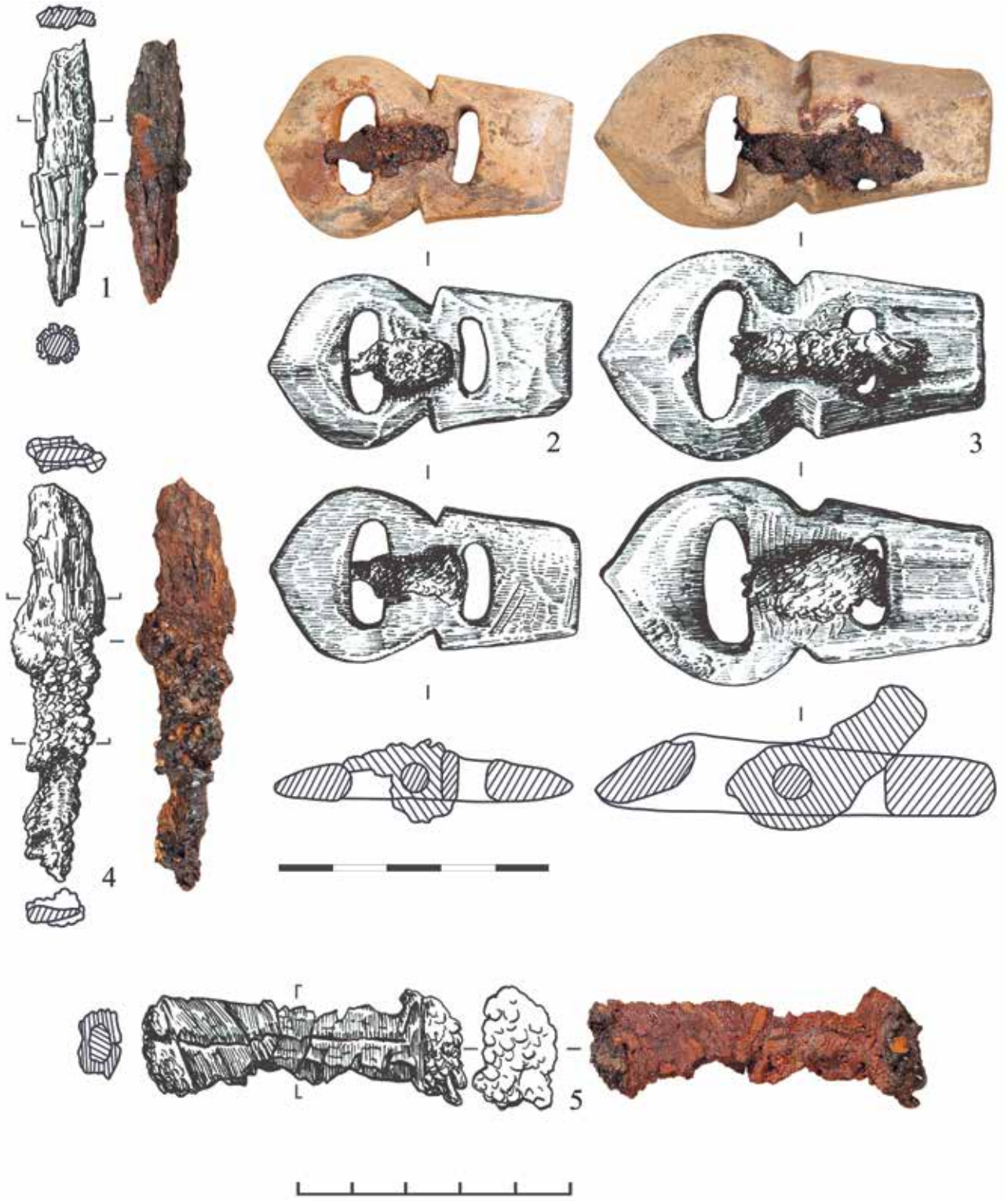


Рис. 77. Прудской, курган №3. Предметный комплекс из могилы-1:
1 – черешок наконечника стрелы; *2–3* – пряжки; *4* – нож; *5* – пробой
(*1, 4–5 – железо, дерево, 2–3 – кость, железо*)

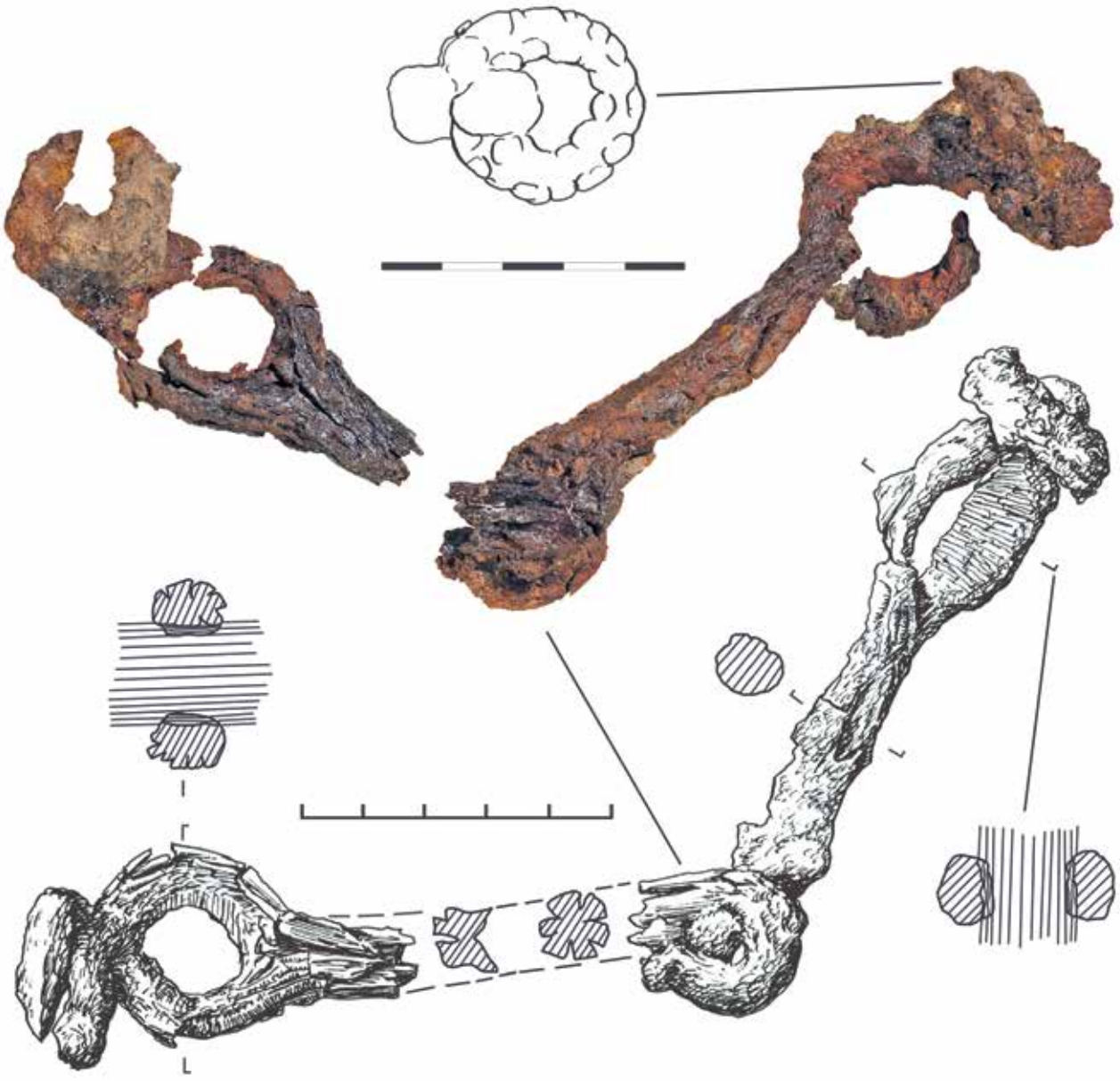


Рис. 78. Прудской, курган №3.
Железные удила с остатками деревянных псалиев из могилы-1

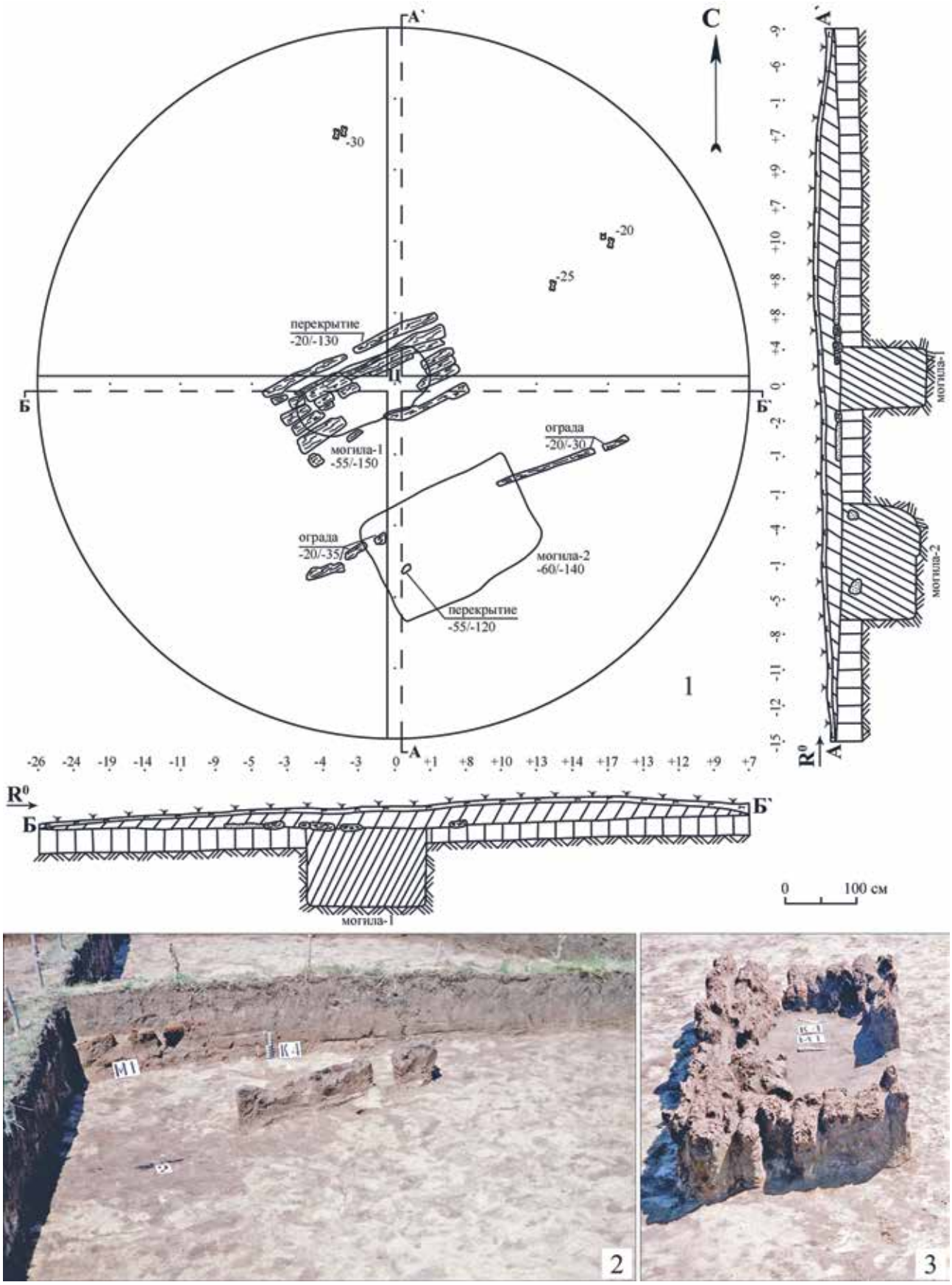


Рис. 79. Прудской, курган №4:
1 – план раскопа и разрезы; *2* – деревянная рама над могилой-2;
3 – перекрытие могилы-1

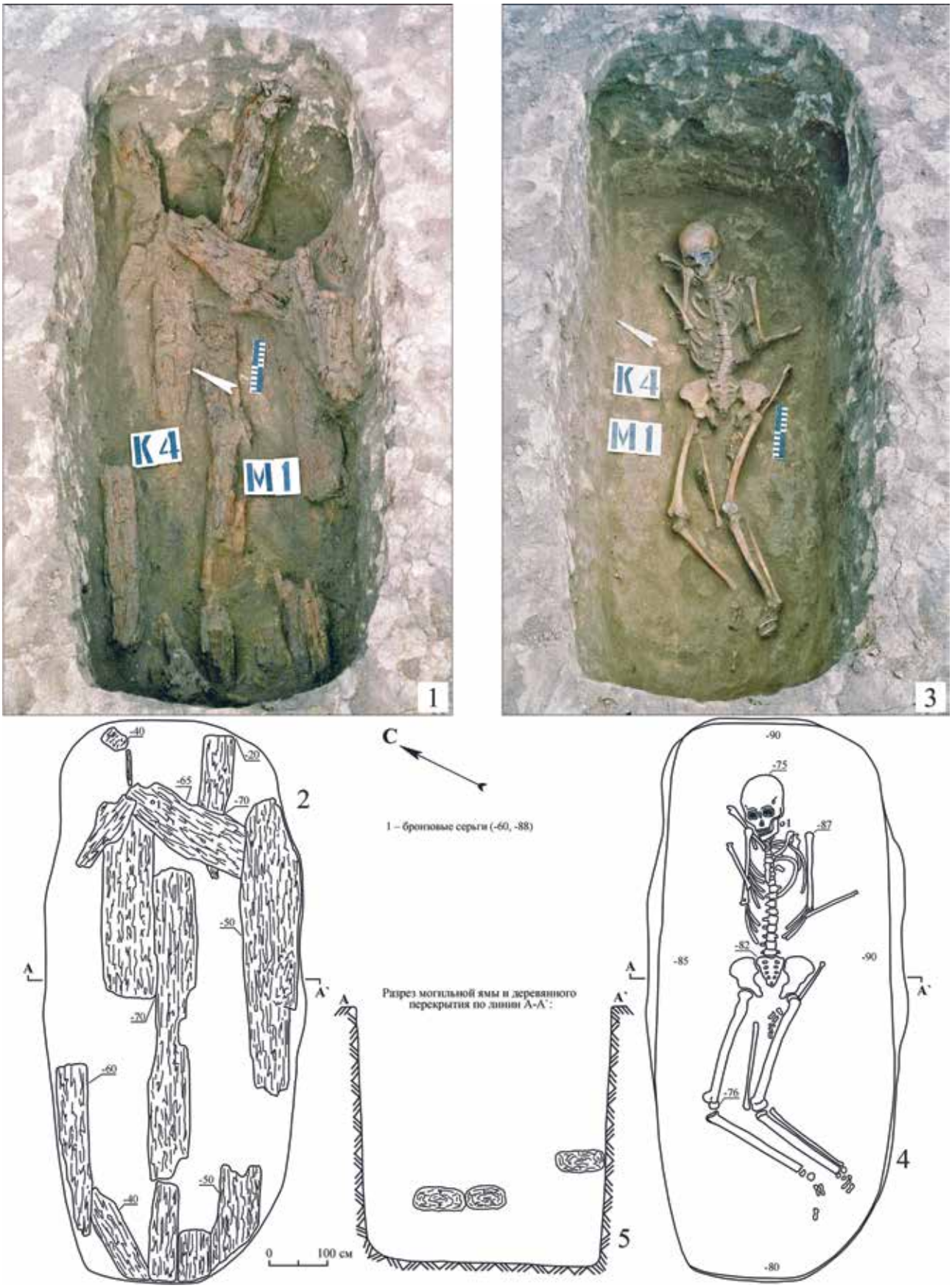


Рис. 80. Прудской, курган №4:
1 – просевшее перекрытие могилы-1;
2, 4–5 – план и разрез могилы-1; *3* – скелет человека в могиле-1

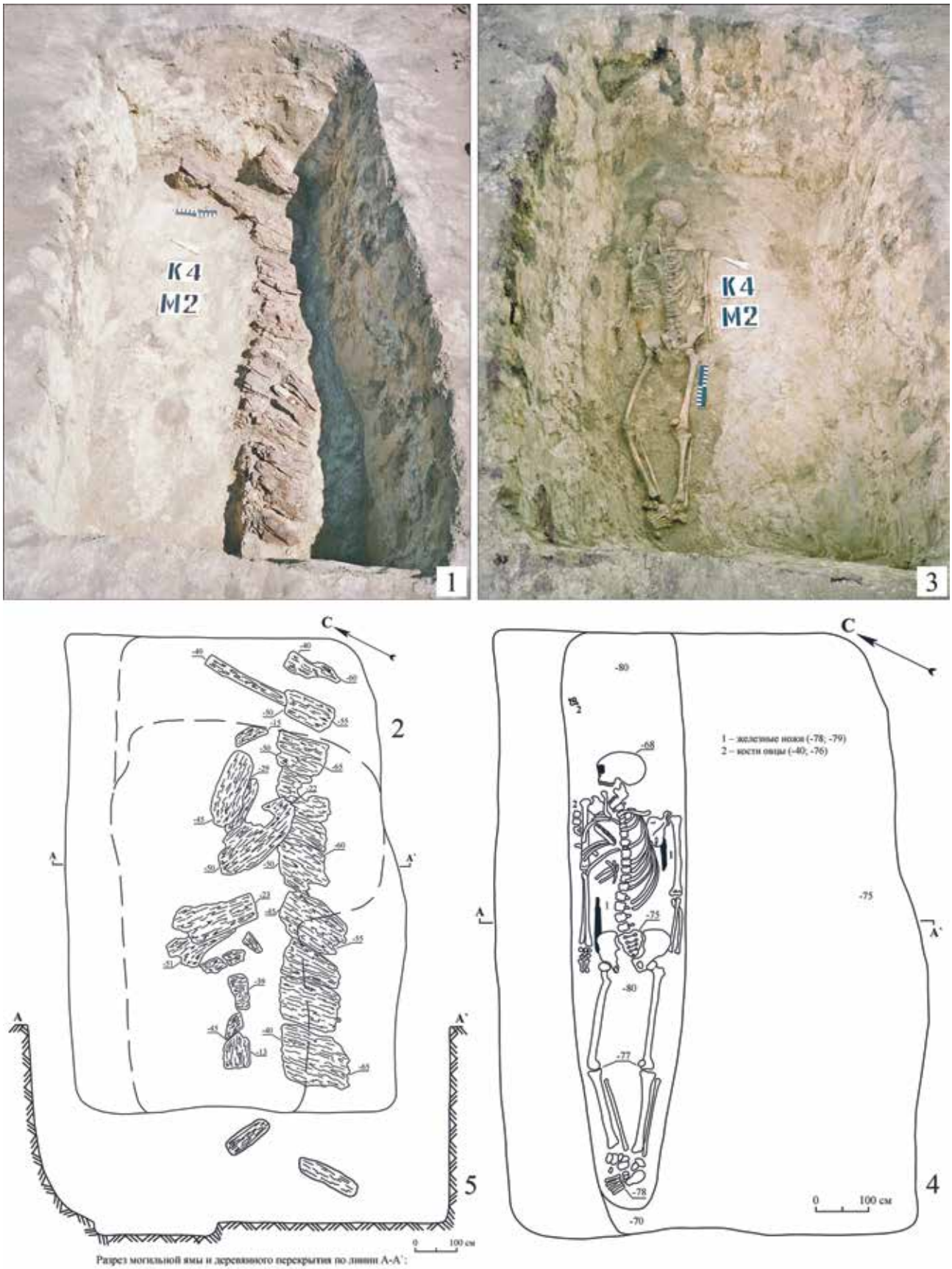


Рис. 81. Прудской, курган №4:
1 – перекрытие в могиле-2; *2, 4–5* – план и разрез могилы-2;
3 – скелет человека в могиле-2

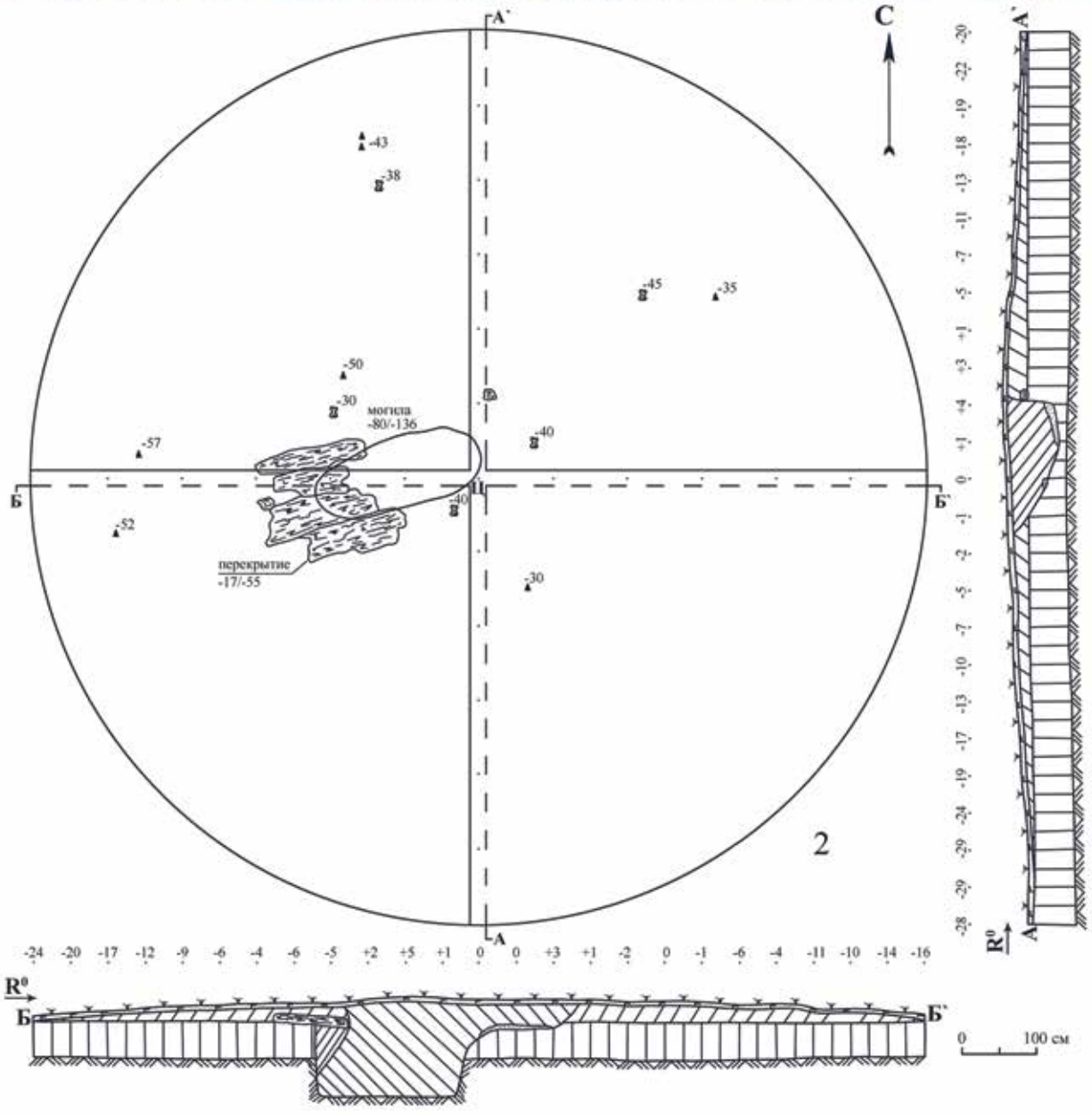


Рис. 82. Прудской, курган №5:
1 – насыпь после разметки раскопа; *2* – план и разрезы кургана

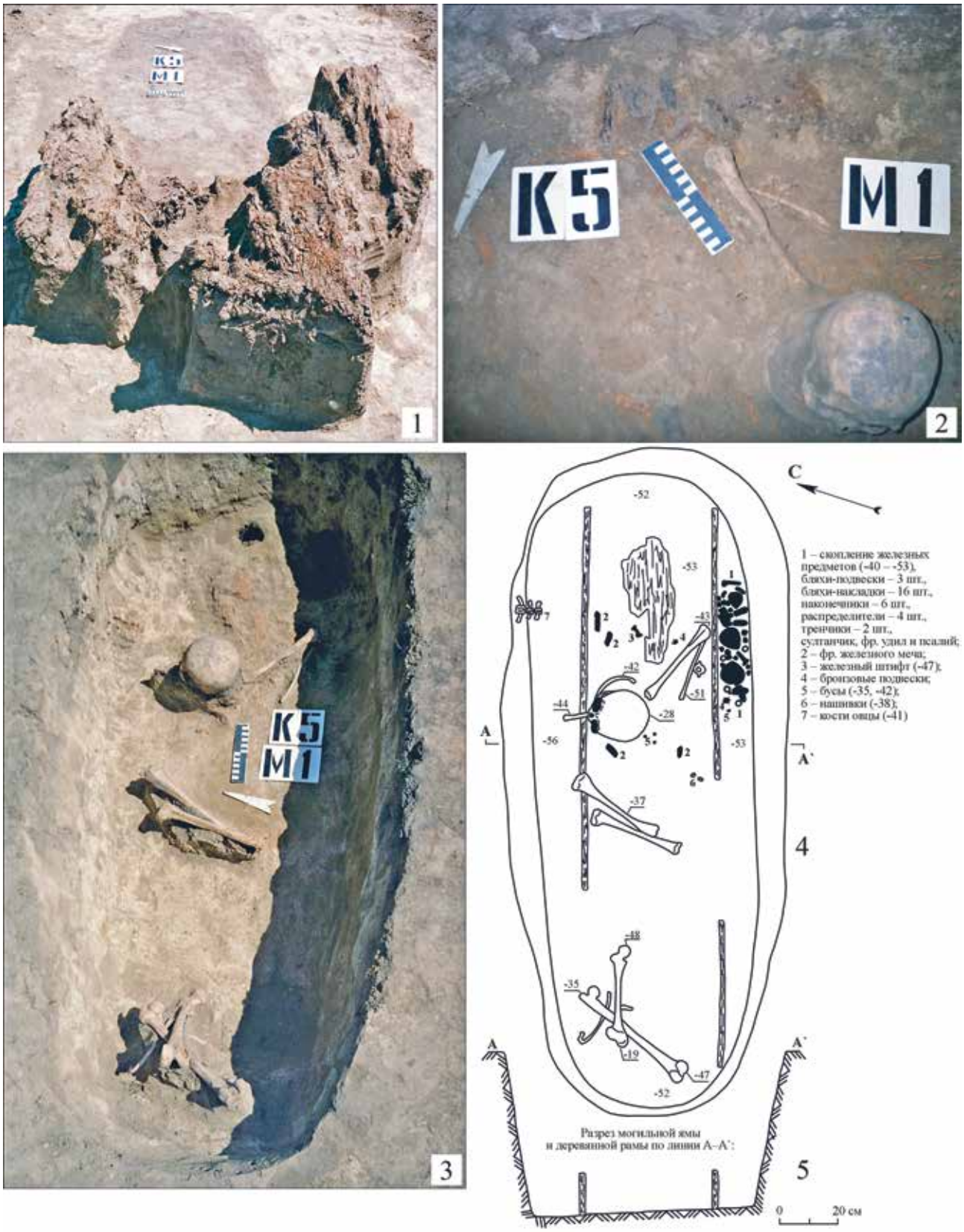


Рис. 83. Прудской, курган №5:
1 – перекрытие над могилой; *2* – скопление железной гарнитуры от узды; *3* – потревоженный скелет человека; *4–5* – план и разрез могилы

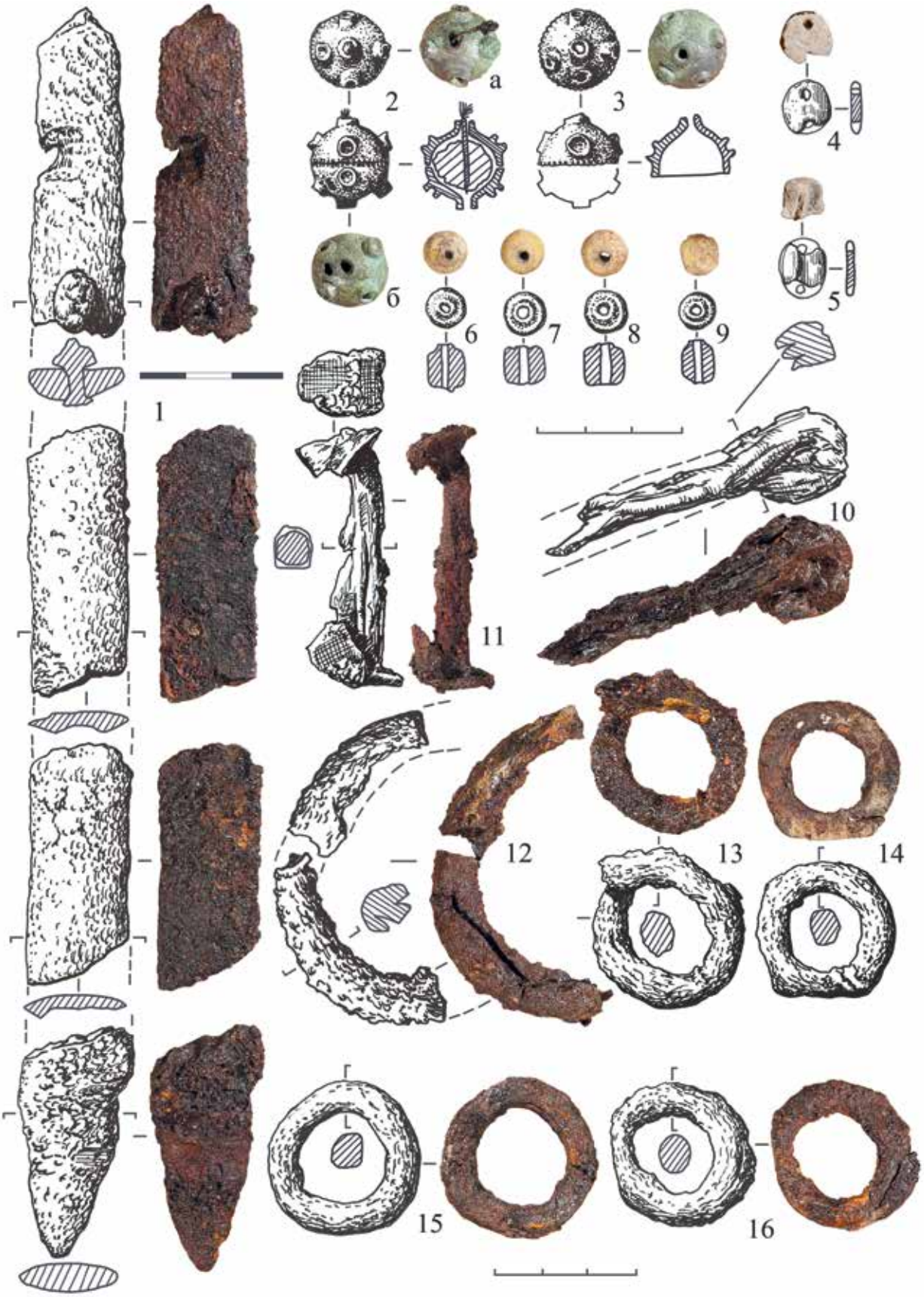


Рис. 84. Прудской, курган №5. Предметный комплекс:
1 – меч; *2–3* – подвески серег; *4–5* – нашивки; *6–9* – бусы; *10* – звено удил;
11 – пробой; *12* – псалий; *13–16* – распределители ремней (*1, 10–12 – железо,*
2 – бронза, органика, волос, 3 – бронза, 4–5 – перламутр, 6–9 – стекло, 13–16 – железо, кожа)

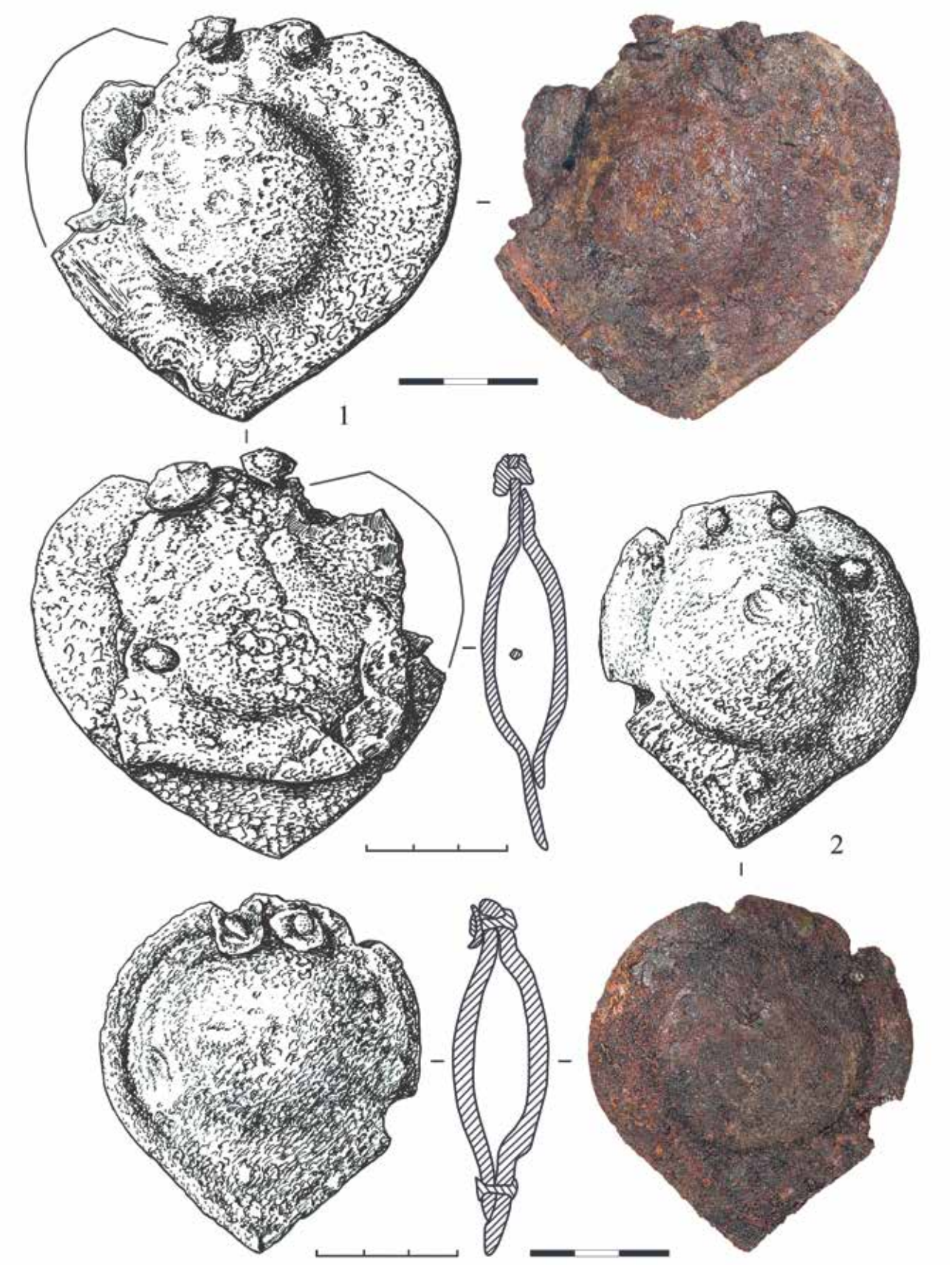


Рис. 85. Прудской, курган №5. Снаряжение коня:
1–3 – железные налобные бляхи

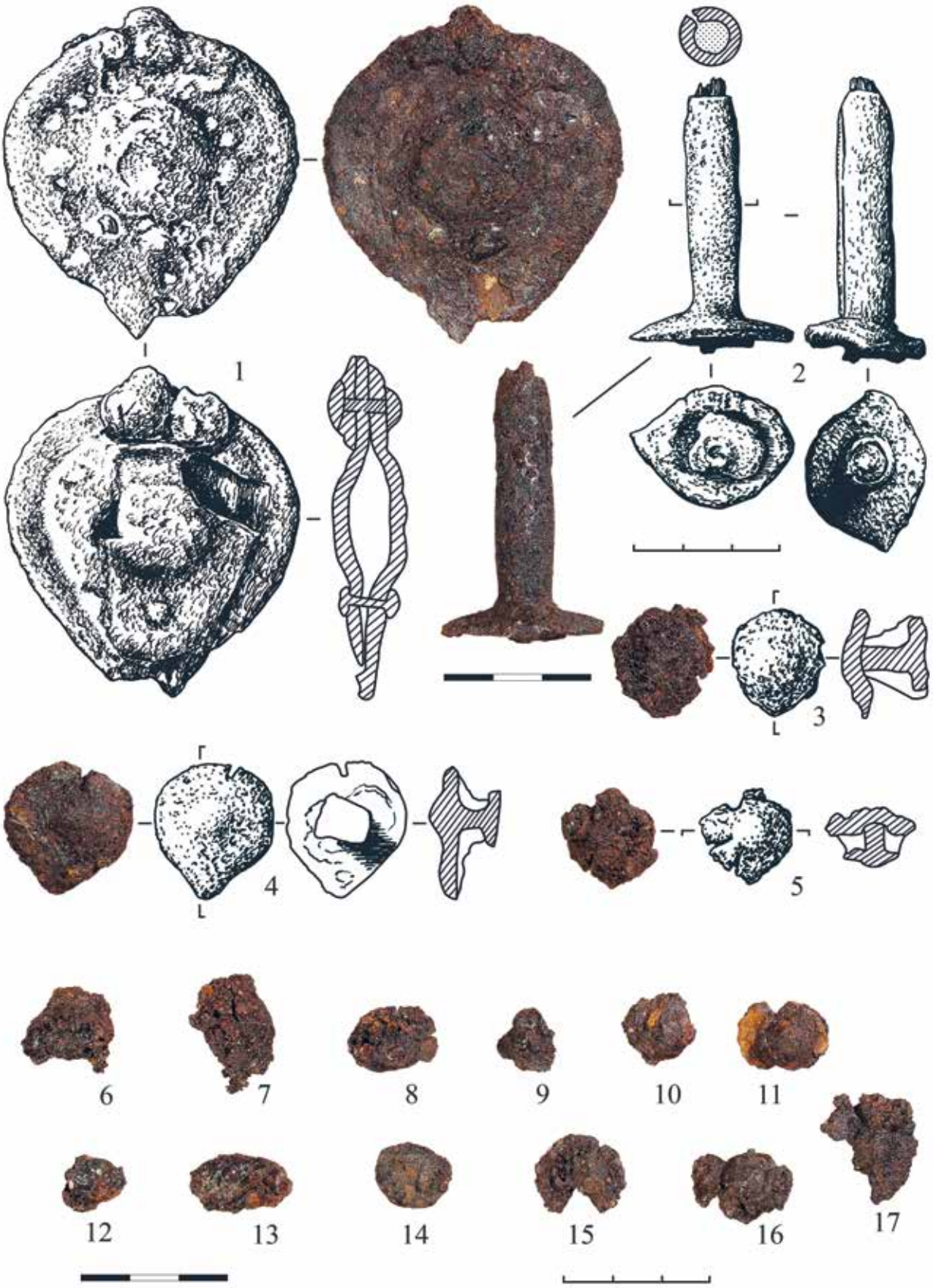


Рис. 86. Прудской, курган №5. Снаряжение коня:
1 – налобная бляха; *2* – султанчик; *3–17* – бляхи-накладки
(*1 – железо, 2 – железо, кожа, волос, 3–17 – железо, кожа*)

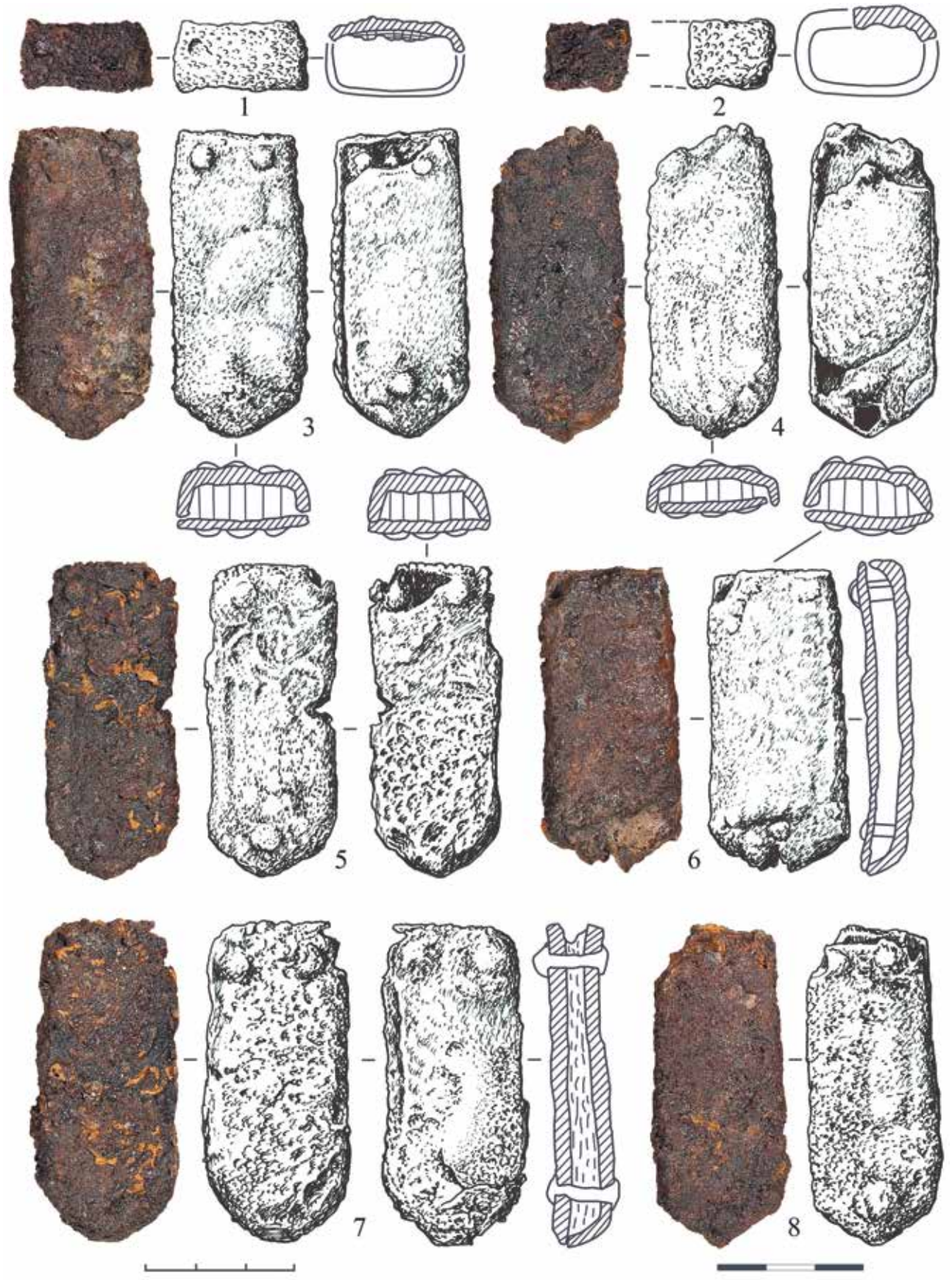


Рис. 87. Прудской, курган №5. Снаряжение коня:
1–2 – тренчики; *3–8* – наконечники ремней
(*1–8 – железо, кожа*)

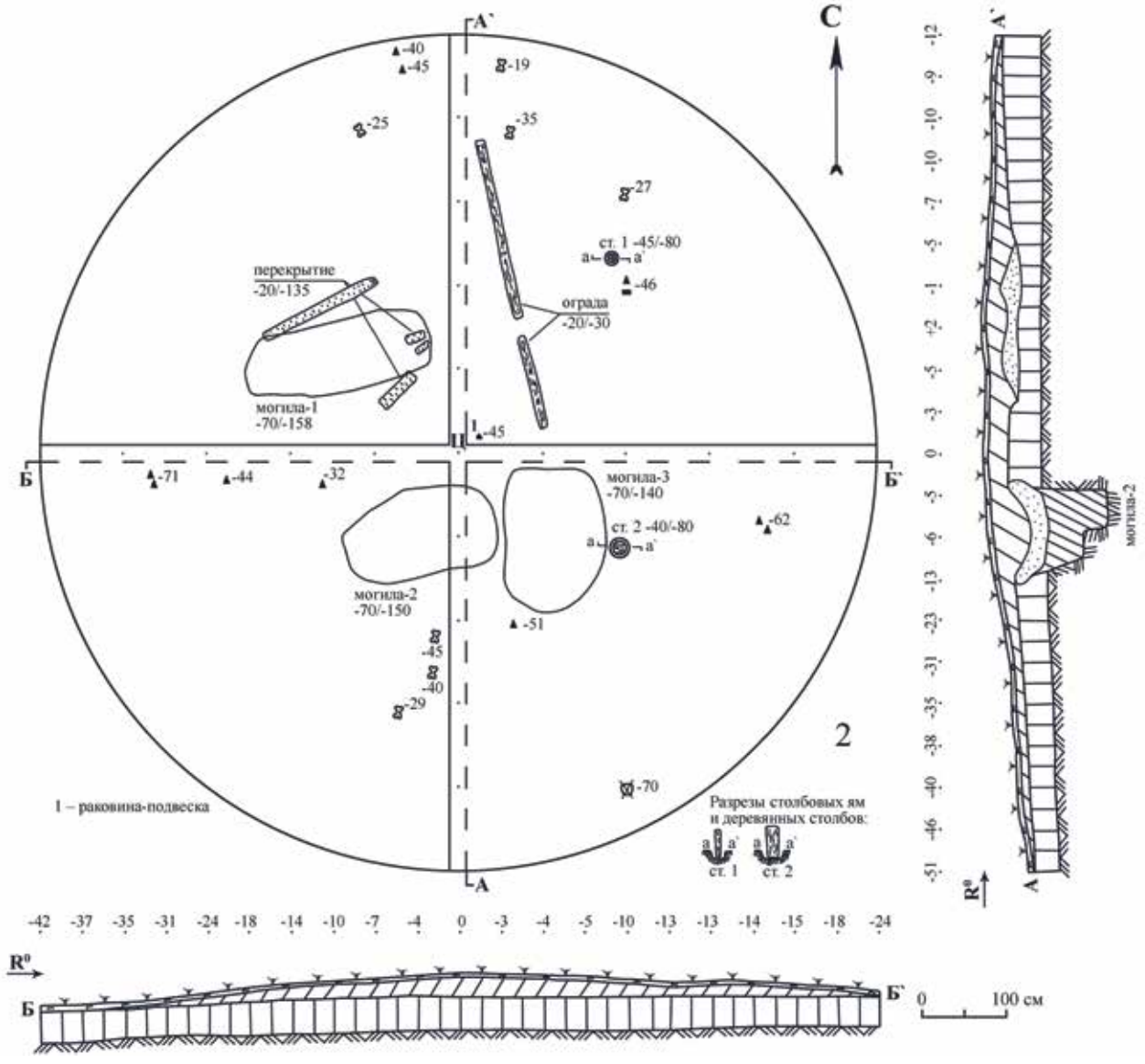


Рис. 88. Прудской, курган №6:
1 – насыпь после разметки раскопа; *2* – план и разрезы кургана

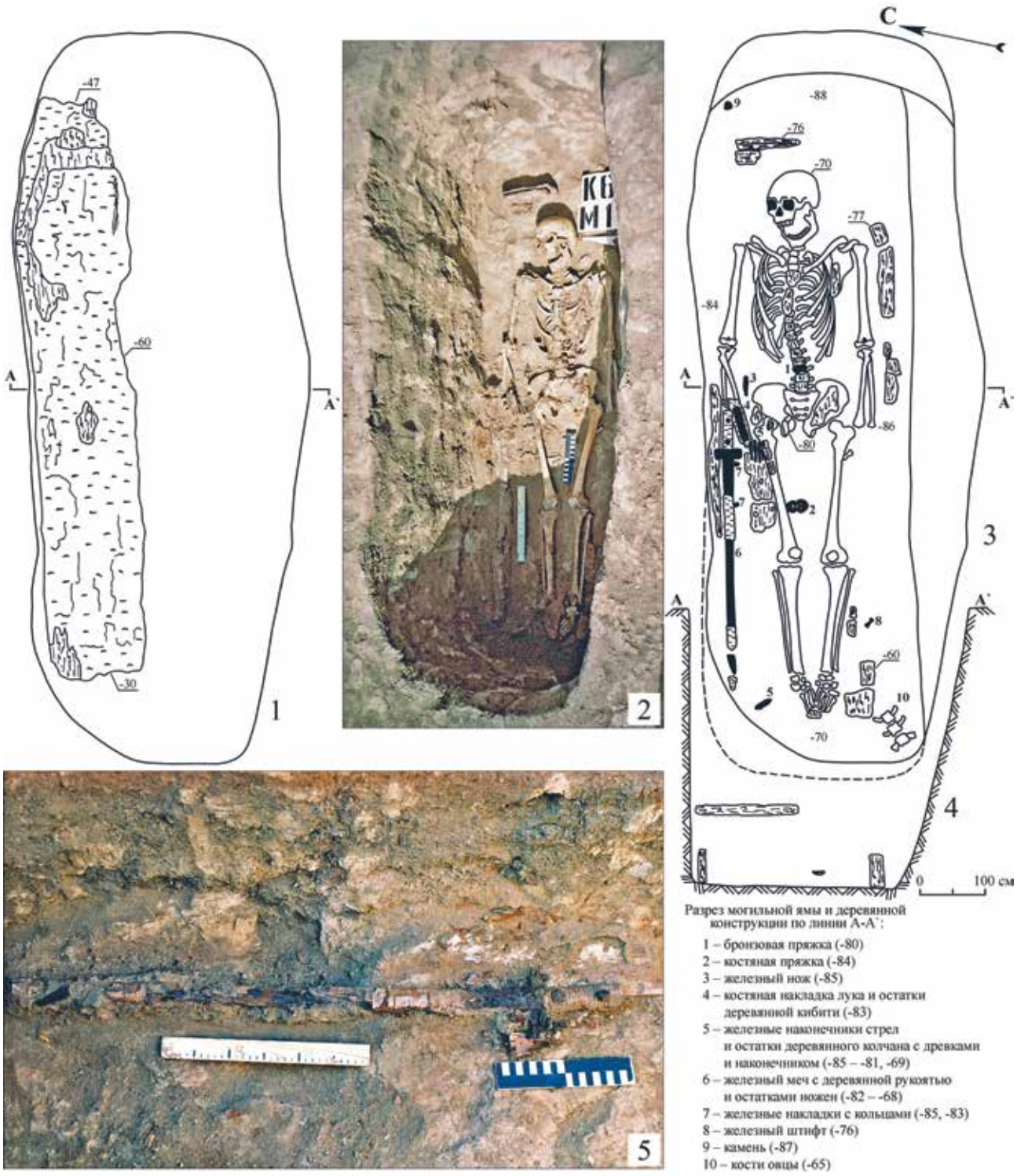


Рис. 89. Прудской, курган №6:
1, 3–4 – планы и разрез могилы-1;
2 – скелет человека в могиле-1; *5* – меч в могиле-1

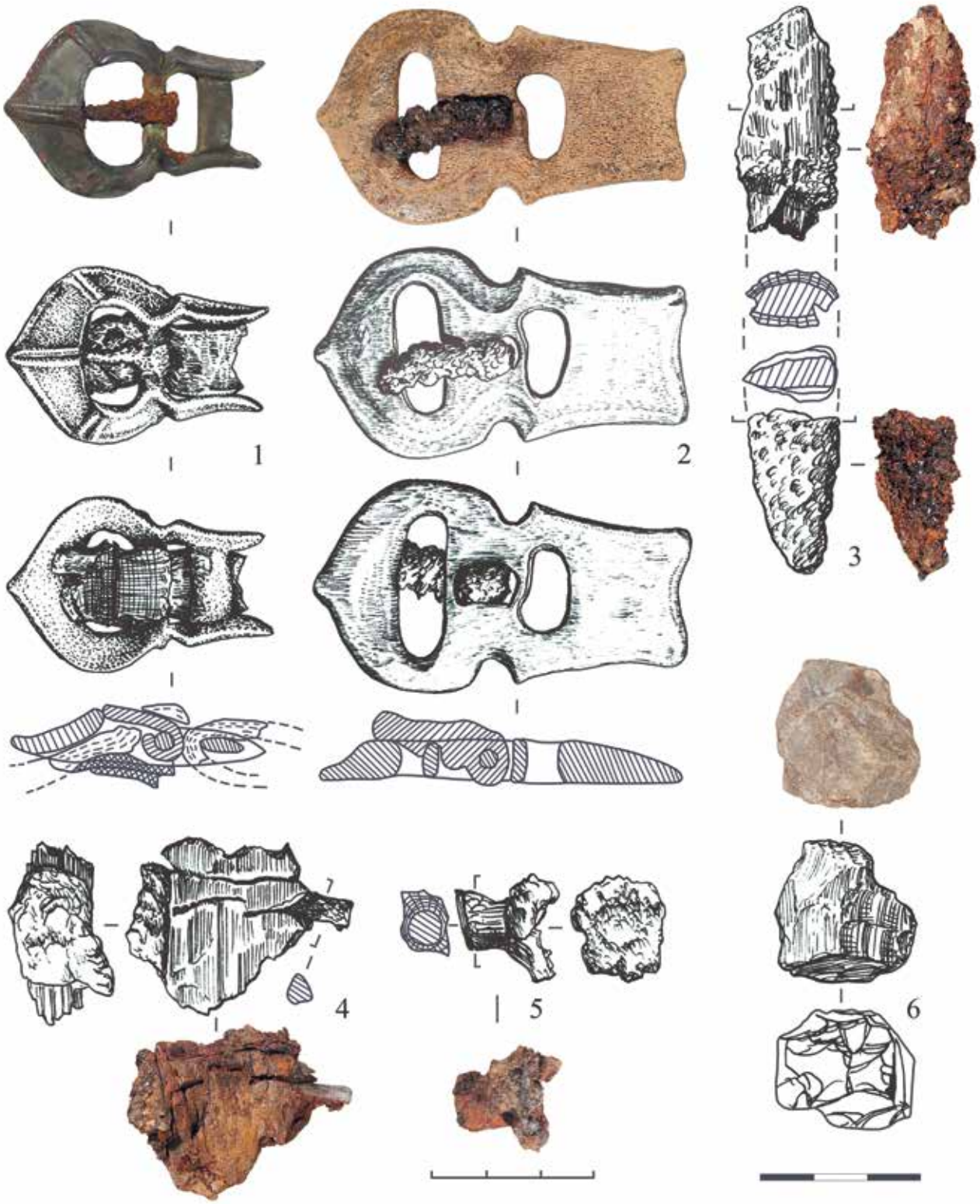


Рис. 90. Прудской, курган №6. Предметный комплекс из могилы-1:
1–2 – пряжки; *3* – нож; *4–5* – пробой; *6* – кресальный камень
(*1 – бронза, железо, 2 – кость, железо, 3–5 – железо, дерево, 6 – кремень*)

Рис. 91. Прудской, курган №6. Оружие из могилы-1:
1 – меч; *2–4* – детали ножен (*1–4 – железо, дерево, береста*)

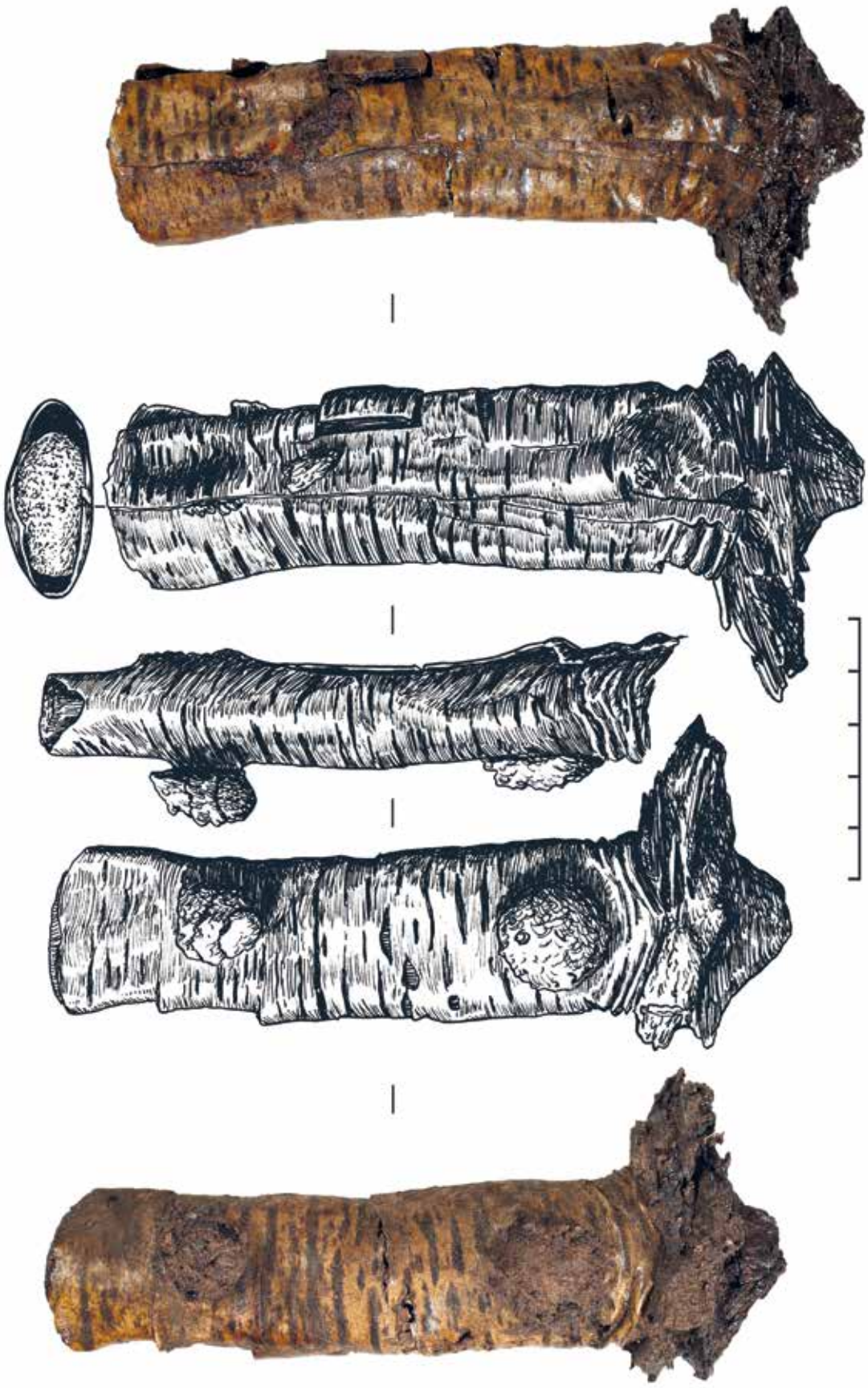


Рис. 92. Прудской, курган №6.
Рукоять меча из могилы-1
(*железо, дерево, береста*)

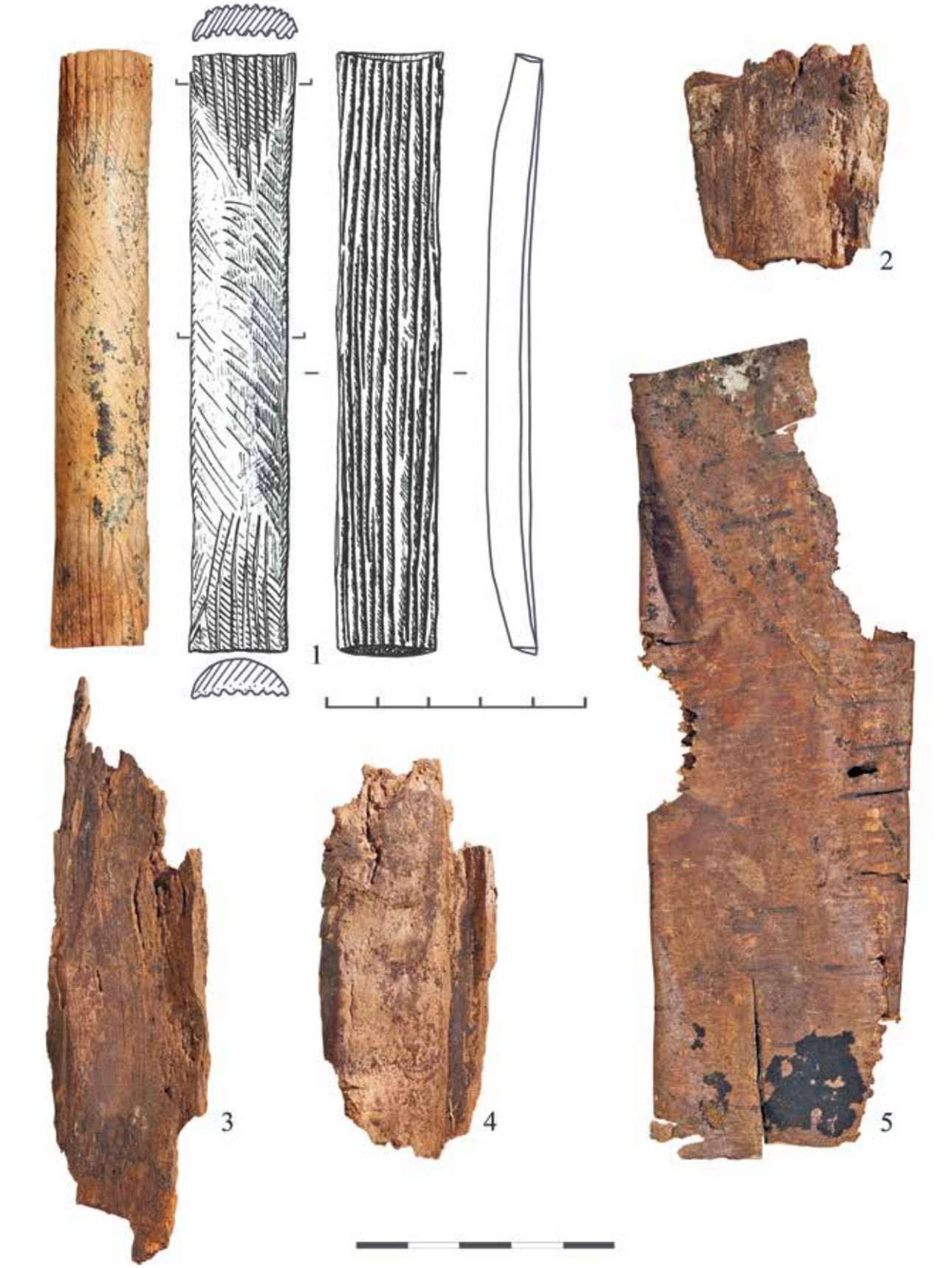


Рис. 93. Прудской, курган №6. Оружие из могилы-1:
1 – накладка лука; *2* – фрагмент кибити лука;
3 – обмотка плеча лука; *4–5* – фрагменты колчана
(*1 – кость, 2, 4–5 – дерево, 3 – береста*)

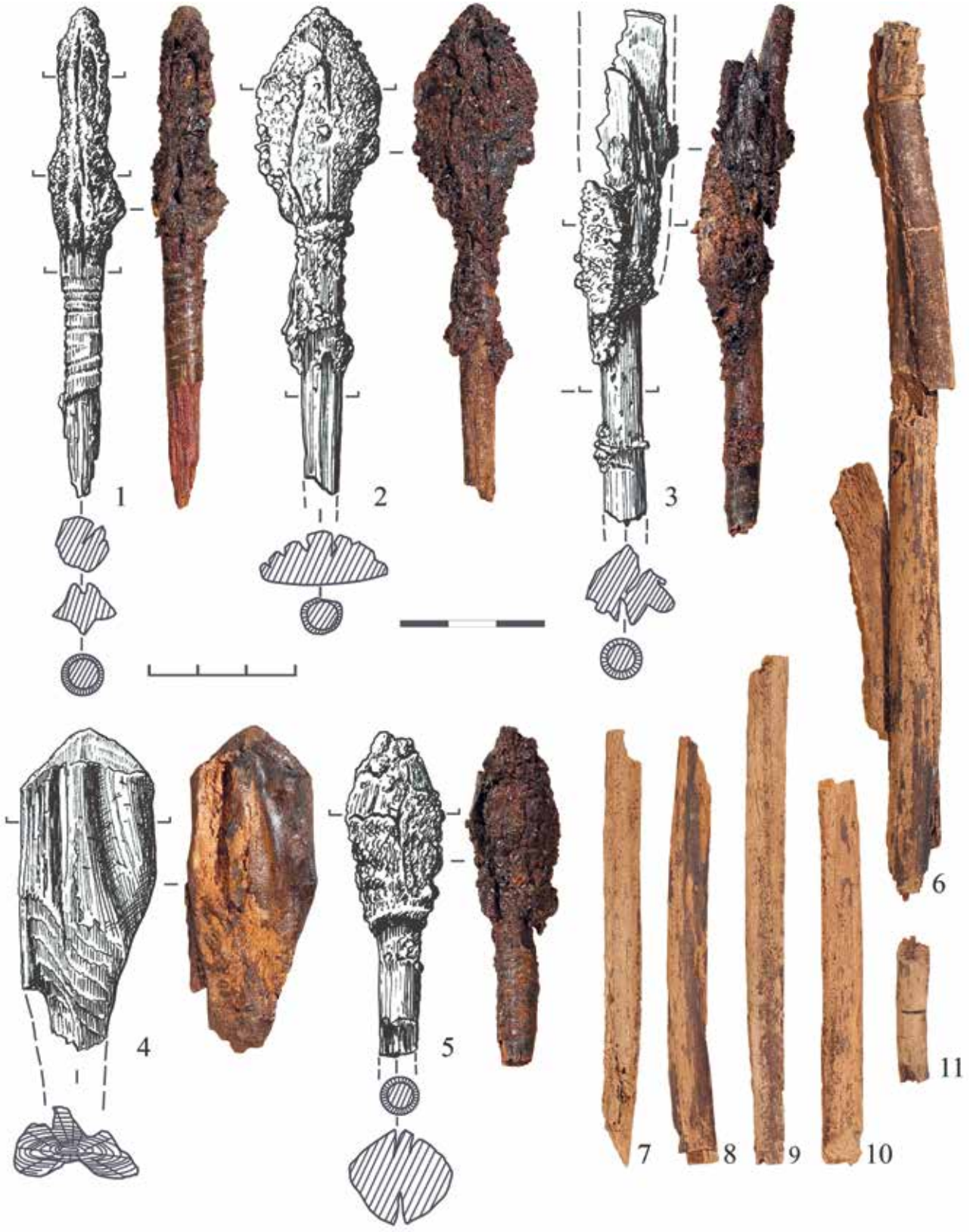


Рис. 94. Прудской, курган №6. Оружие из могилы-1:
1–5 – наконечники стрел; *6–11* – древки стрел
(*1–3, 5 – железо, дерево, 4, 6–11 – дерево*)

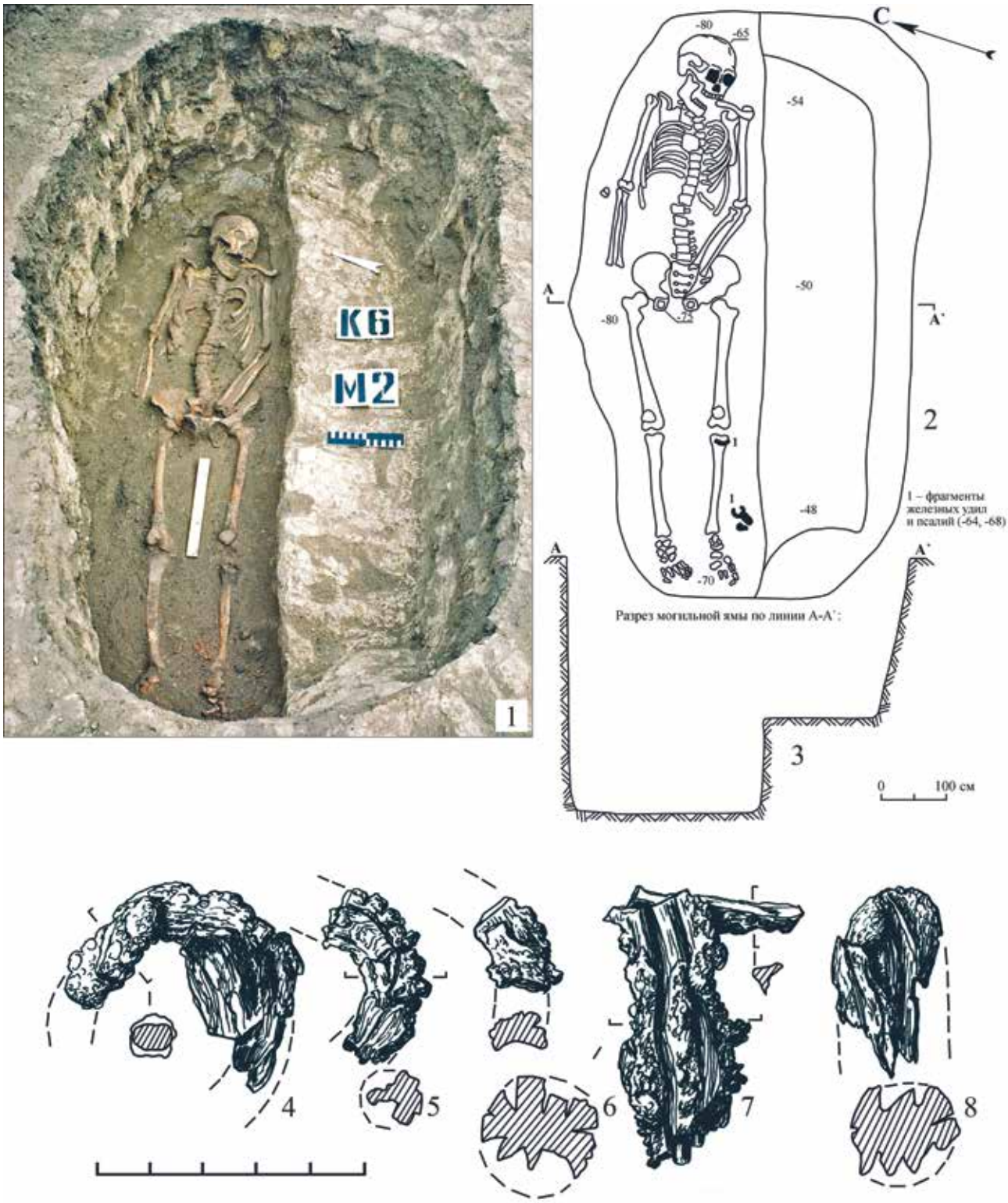


Рис. 95. Прудской, курган №6:
1 – скелет человека в могиле-2; *2–3* – план и разрез могилы-2;
4–8 – фрагменты железных удил и псалий

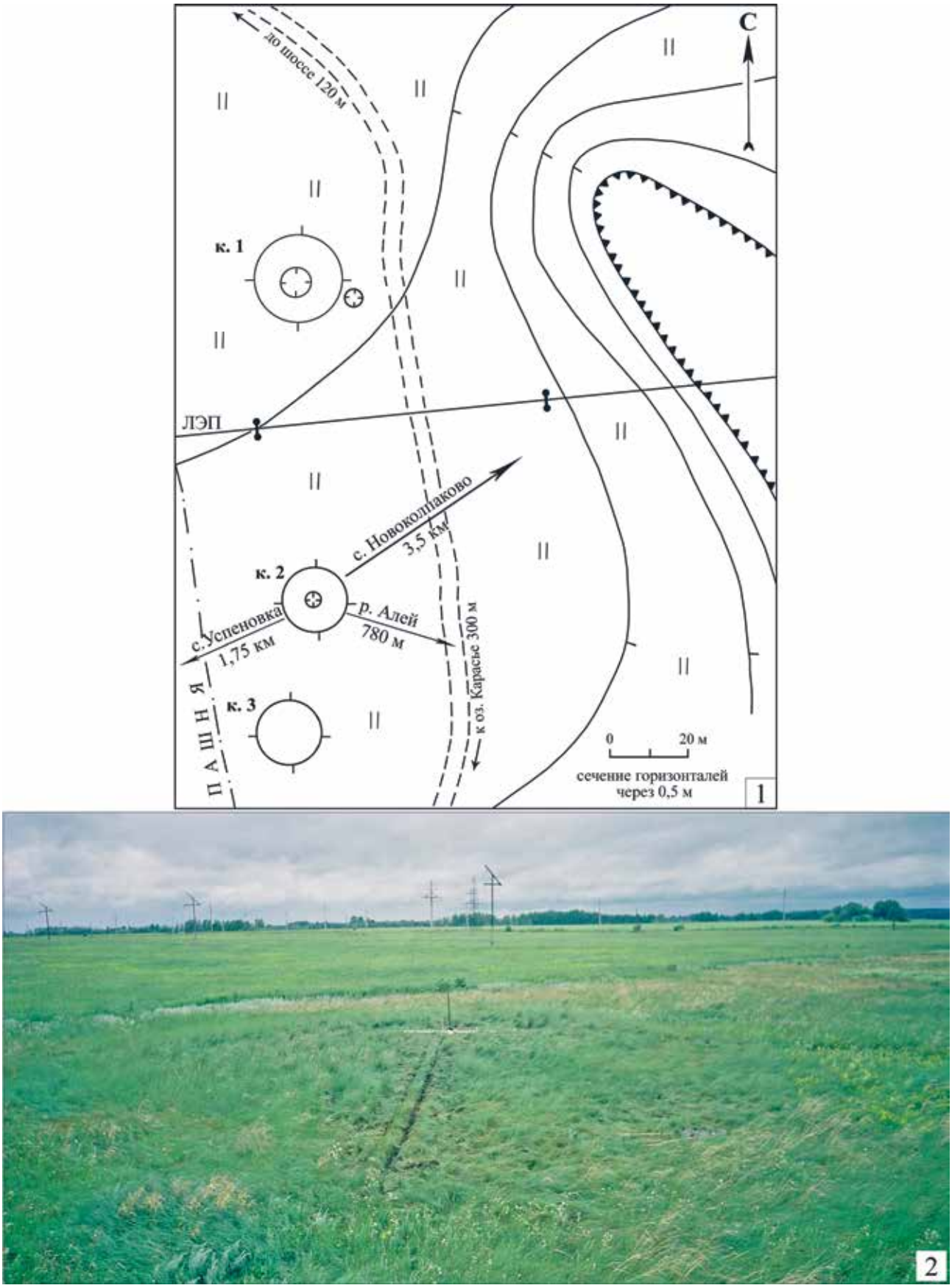


Рис. 96. Успеновка-II:
1 – план памятника; *2* – насыпь кургана №3 после разметки раскопа

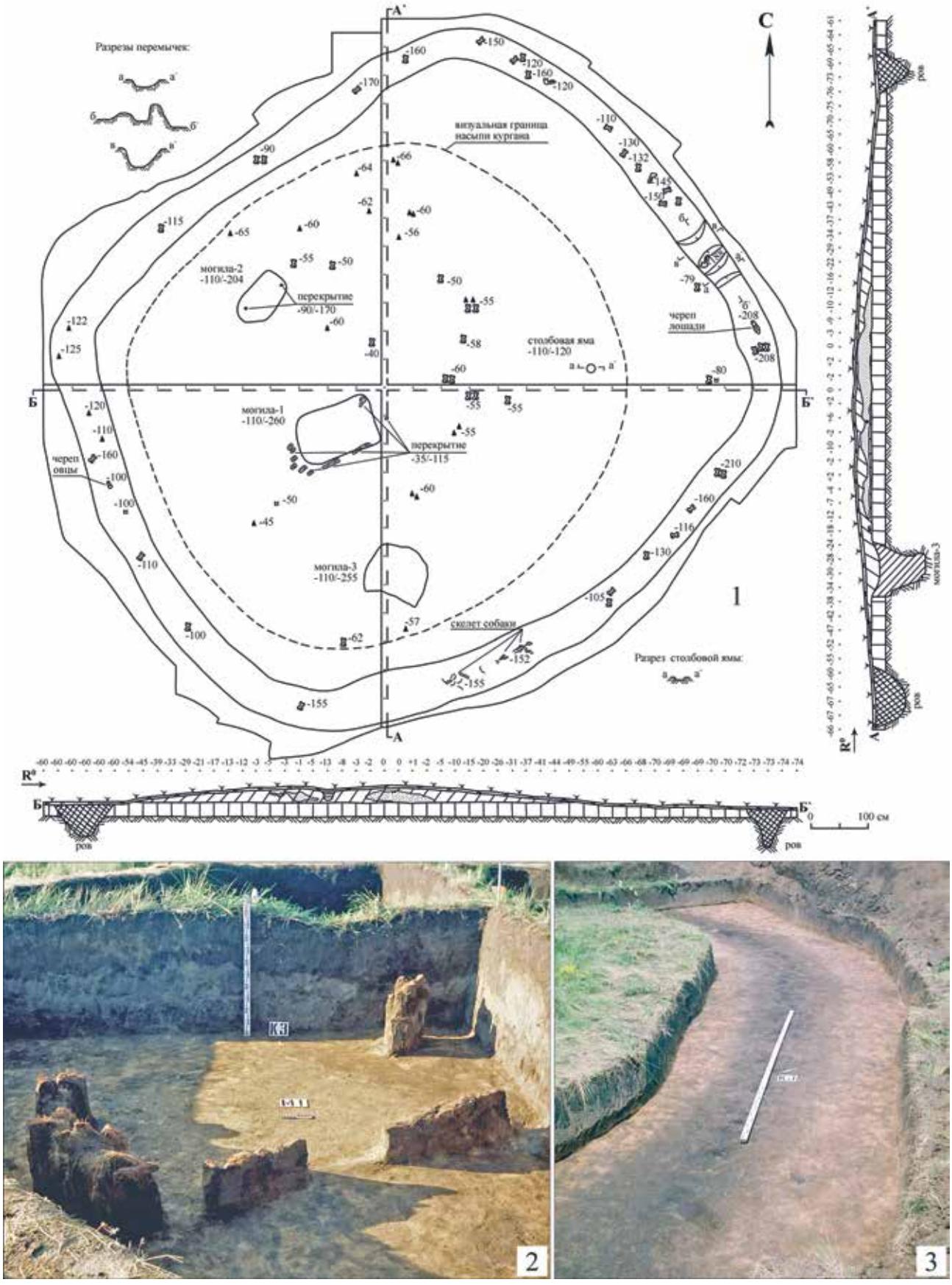


Рис. 97. Успеновка-II, курган №3:
1 – план раскопа и разрезы; *2* – перекрытие могилы-1; *3* – контур участка рва

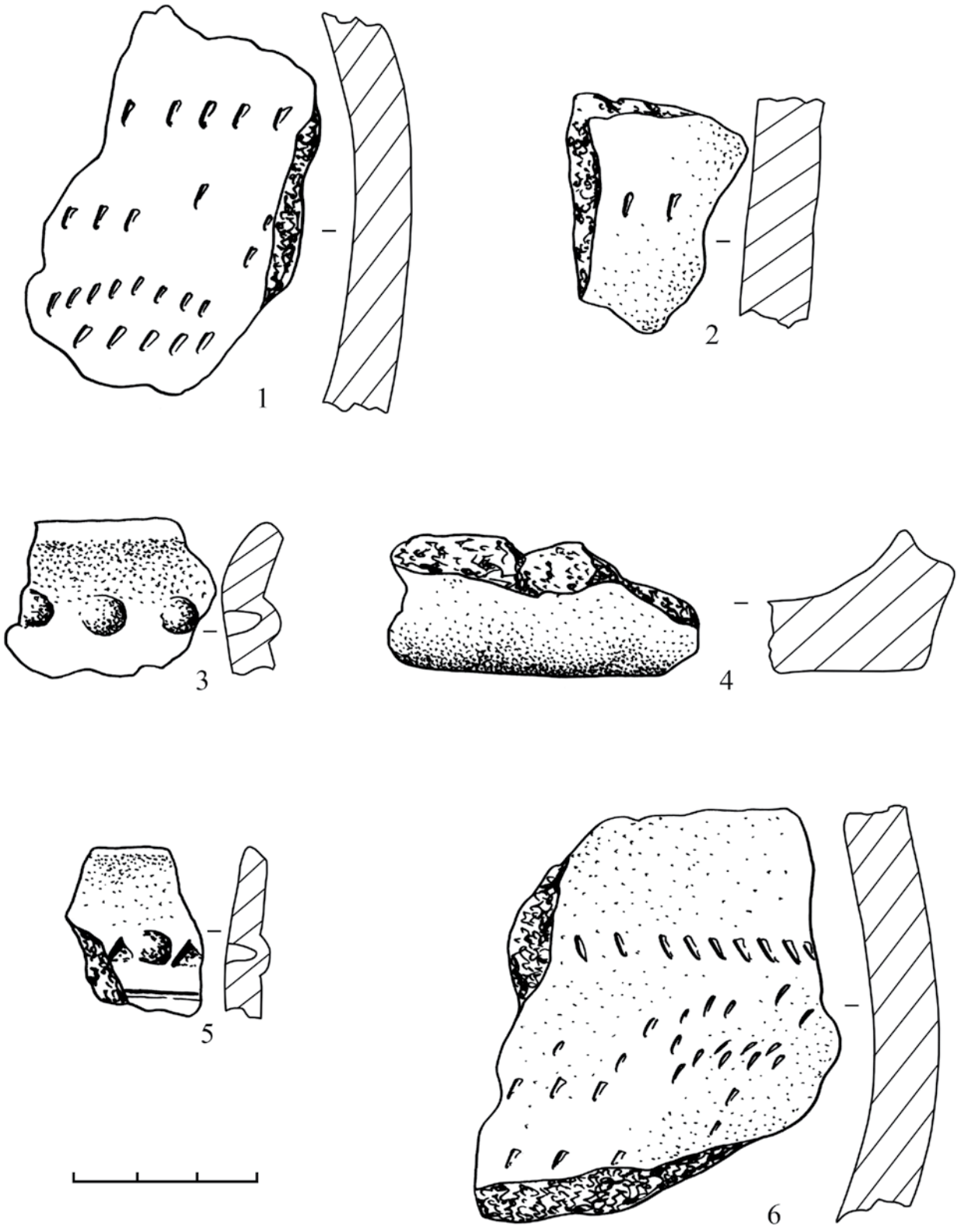


Рис. 98. Успеновка-II, курган №3. Керамика из насыпи:
1–2, 6 – стенки; *3, 5* – венчики; *4* – донце

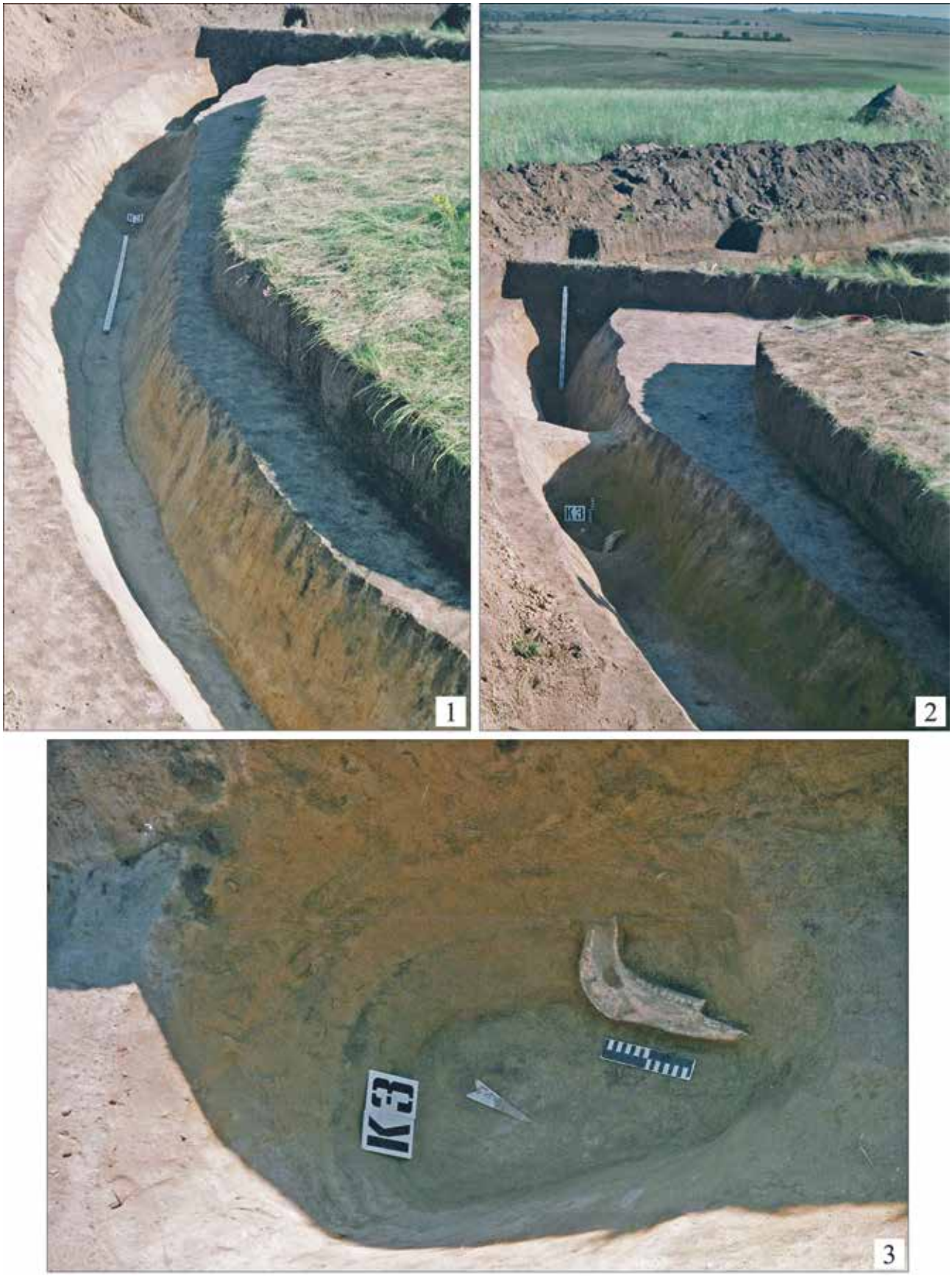


Рис. 99. Успеновка-II, курган №3:
1 – участок рва с перемычками; *2* – челюсть лошади между перемычками;
3 – челюсть лошади на дне рва

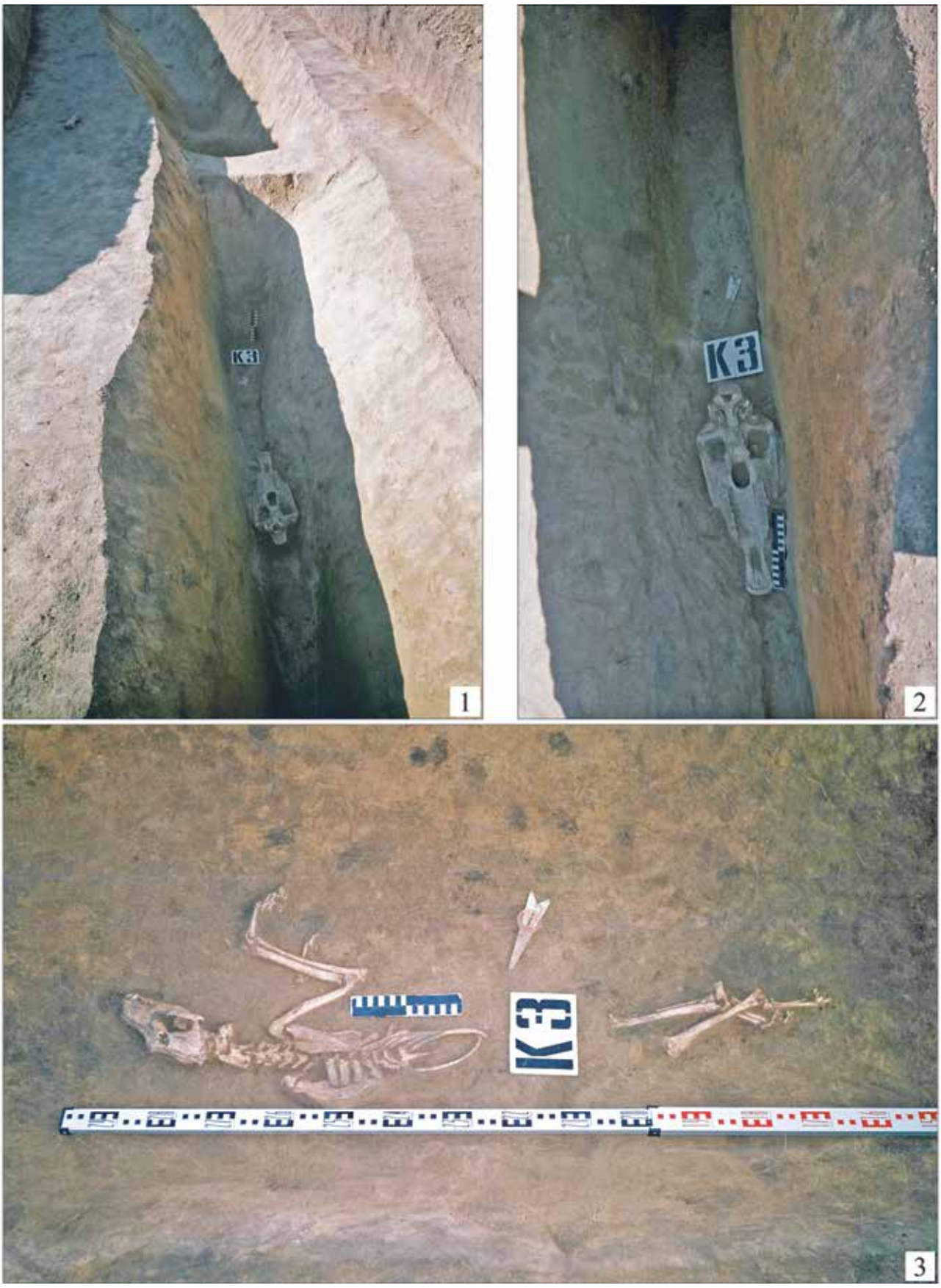


Рис. 100. Успеновка-II, курган №3:
1 – перемычка и череп лошади;
2 – череп лошади на дне рва; *3* – скелет собаки во рву

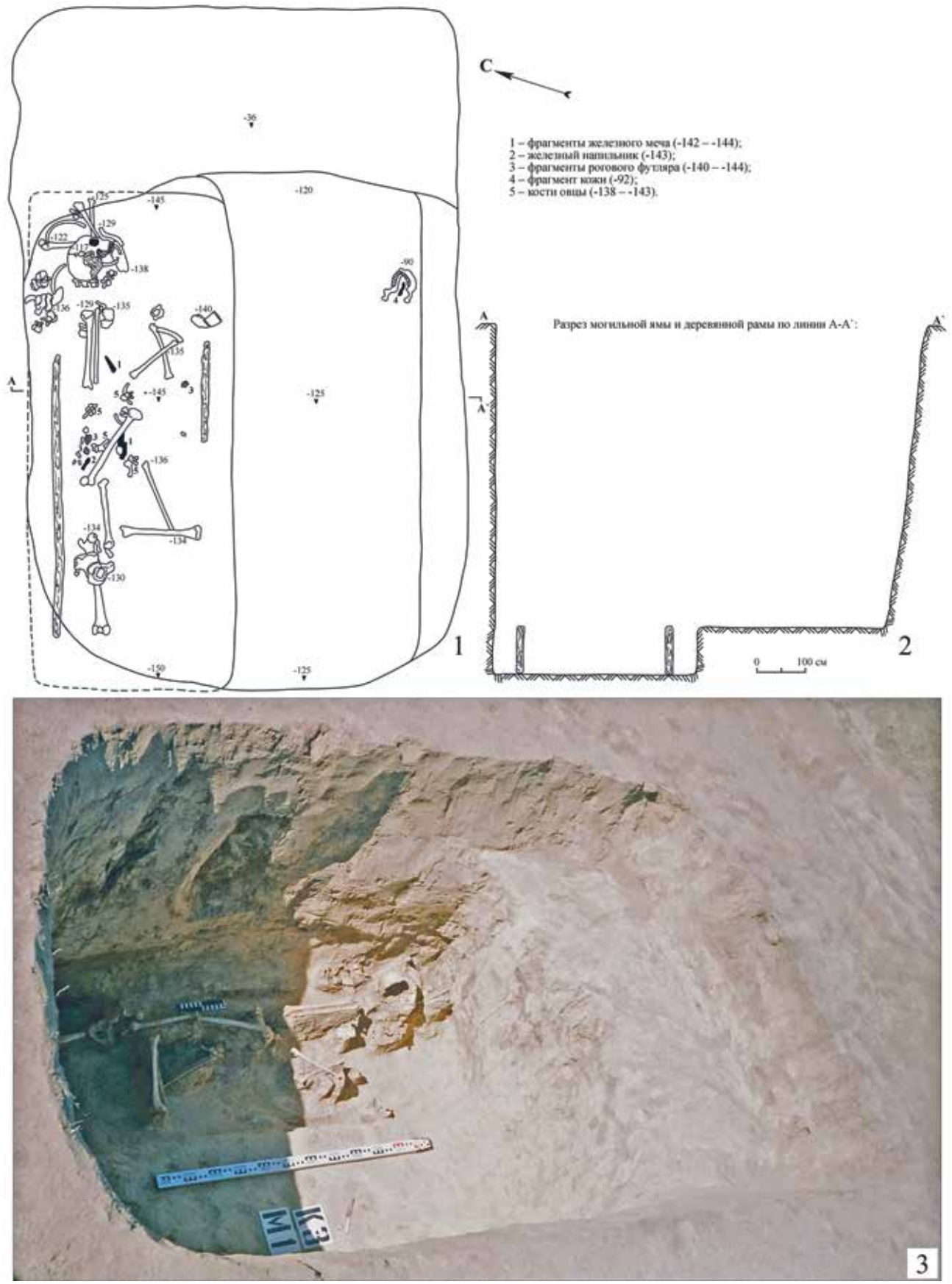


Рис. 101. Успеновка-II, курган №3:
1–2 – план и разрез могилы-1;
3 – потревоженный скелет человека в могиле-1

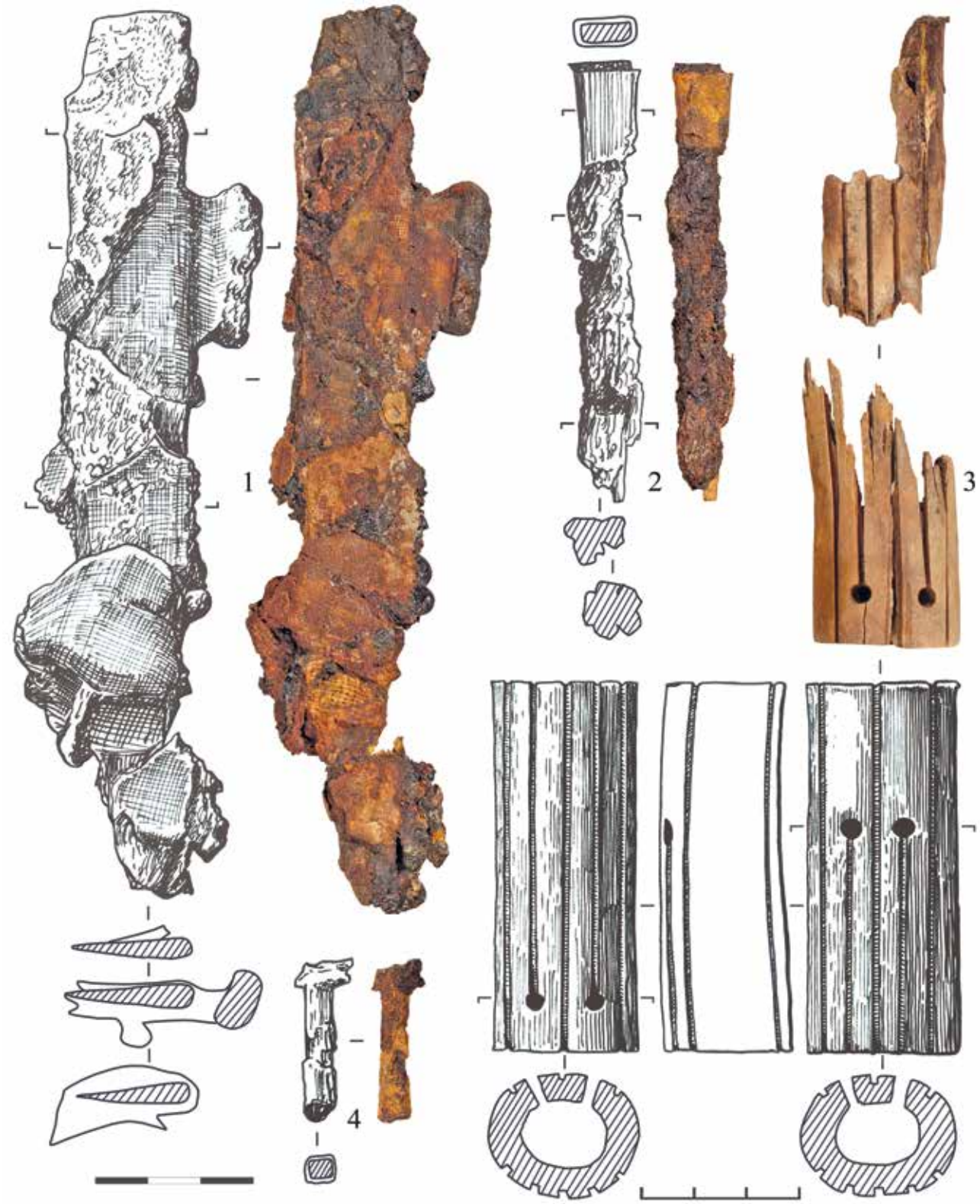


Рис. 102. Успеновка-II, курган №3. Предметный комплекс из могилы-1:
1 – клинок меча; *2* – напильник; *3* – игольник; *4* – шило
(*1 – железо, дерево, ткань, 2 – железо, дерево, 3 – кость (рог), 4 – железо*)

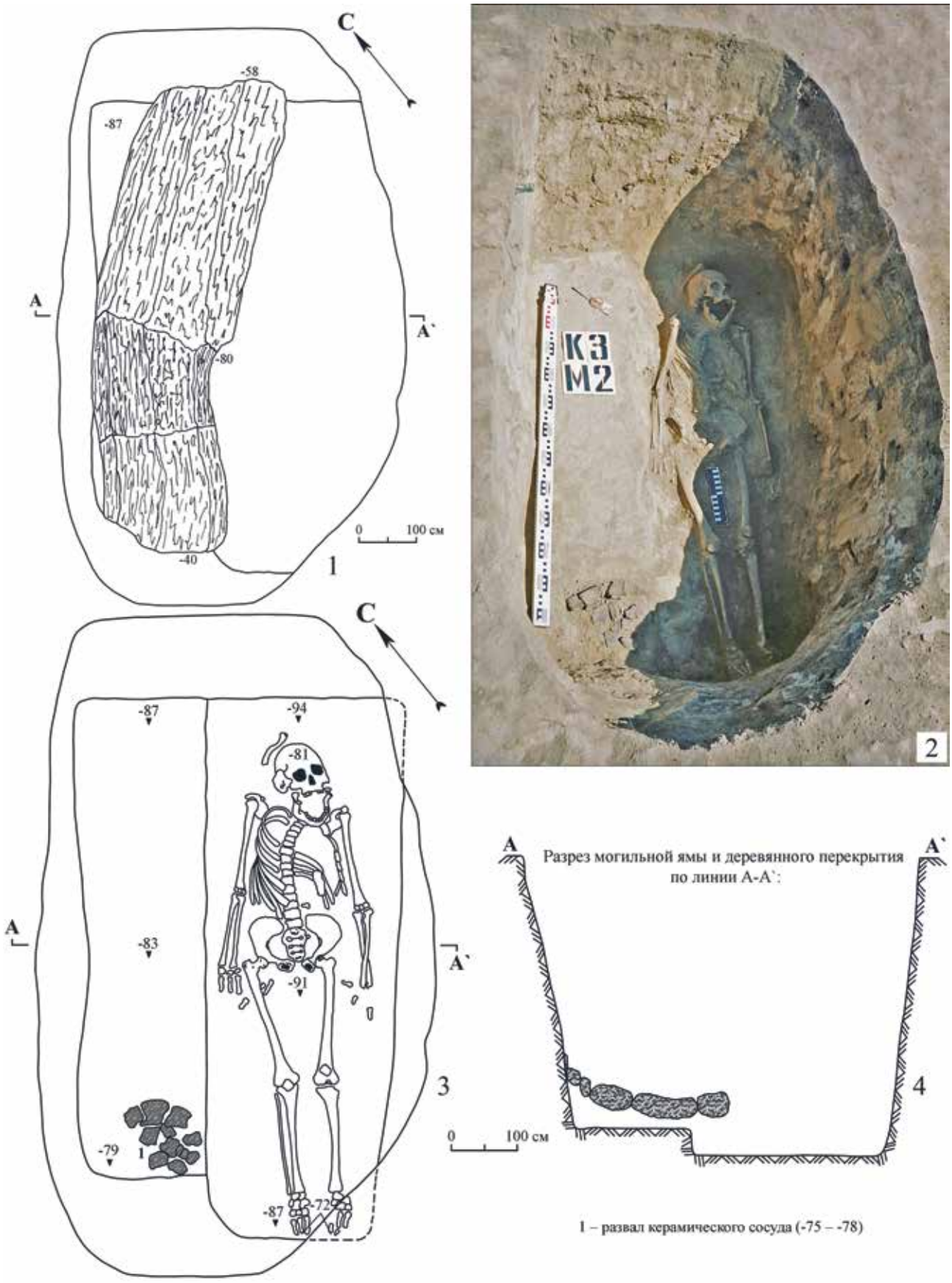


Рис. 103. Успеновка-II, курган №3:
1, 3–4 – планы и разрез могилы-2; *2* – скелет человека в могиле-2

Рис. 104. Успеновка-II, курган №3.
Керамический сосуд из могилы-2

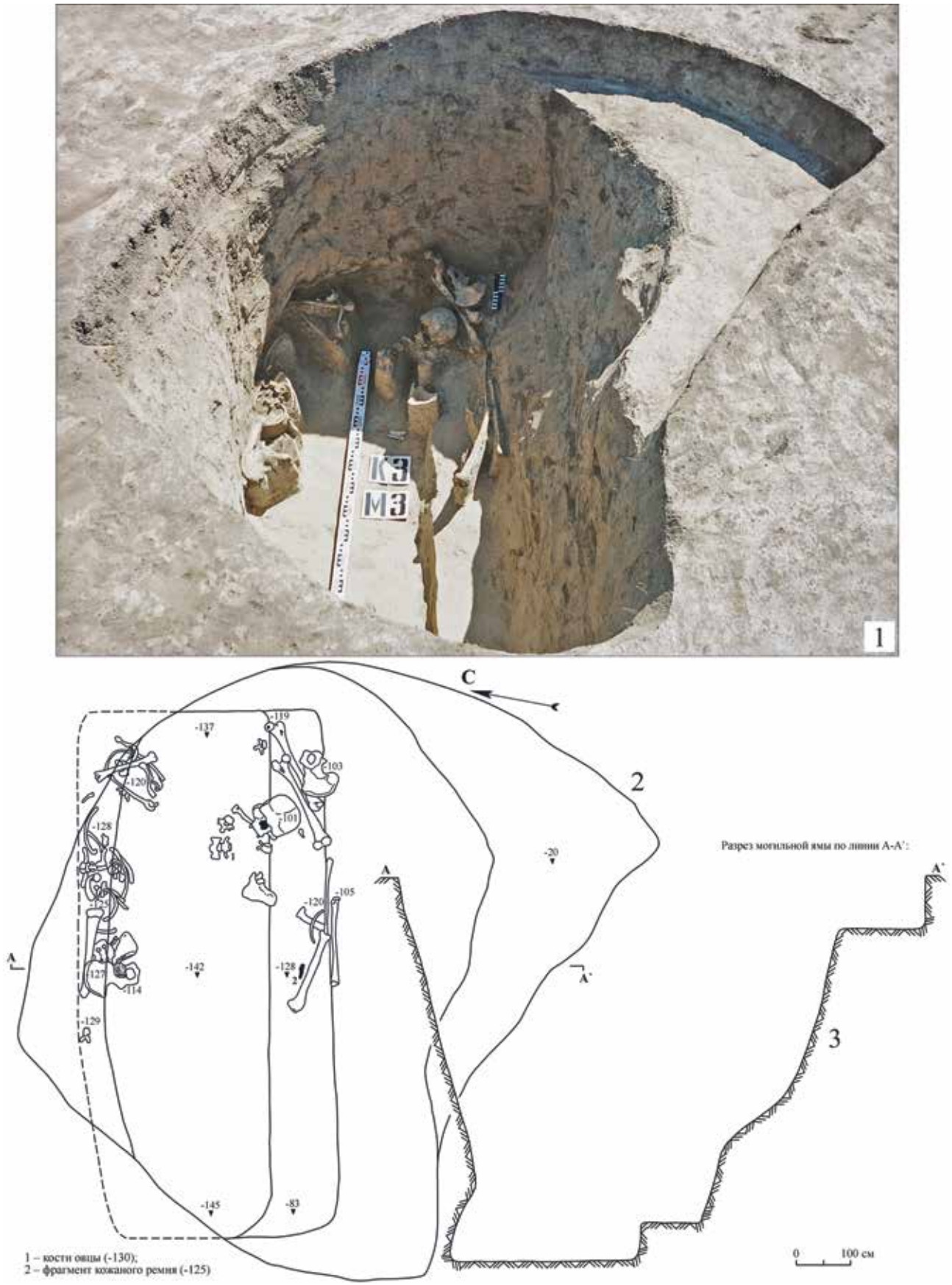


Рис. 105. Успеновка-II, курган №3:
1 – потревоженный скелет человека в могиле-3;
2–3 – план и разрез могилы-3

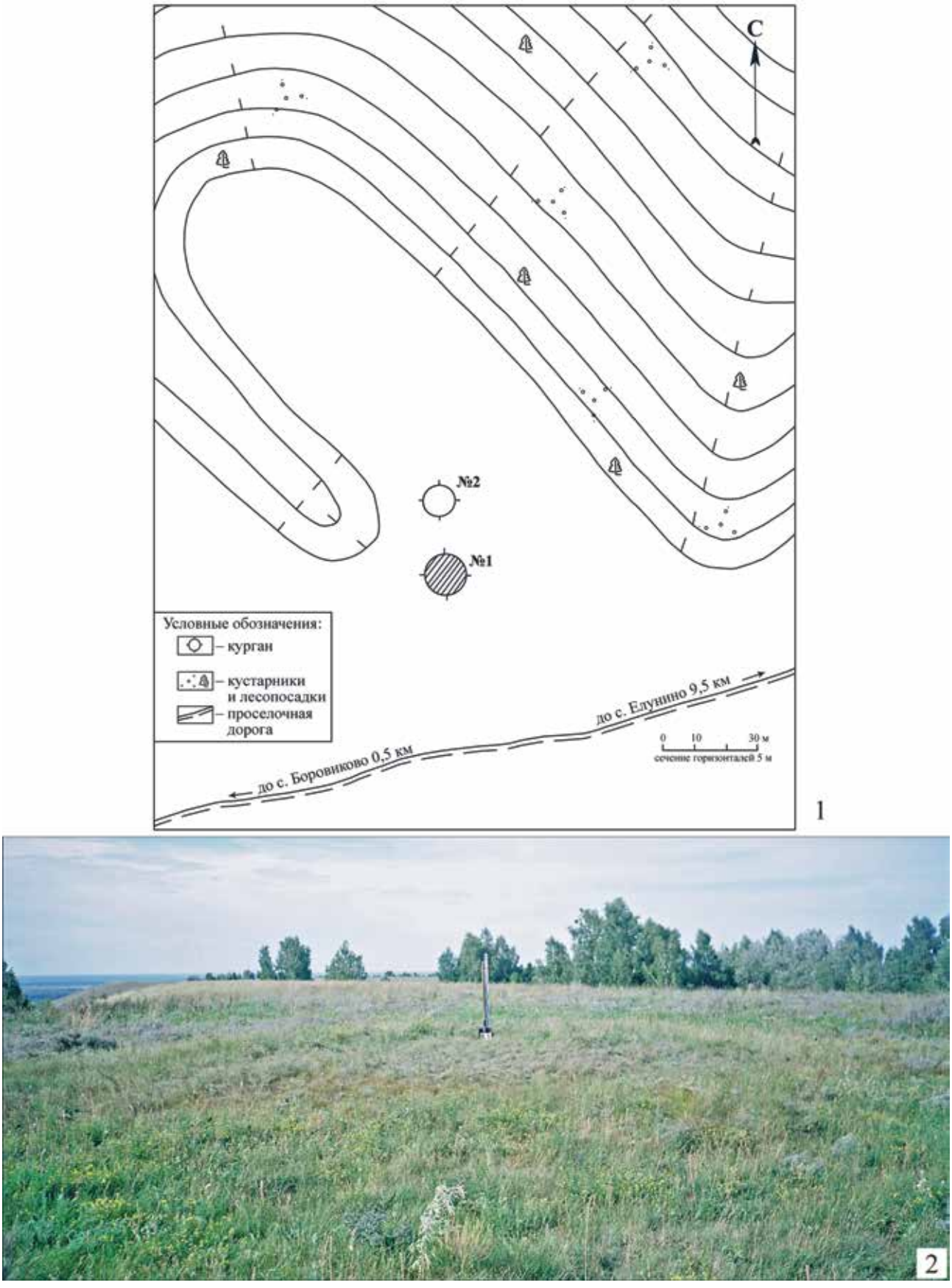


Рис. 106. Боровиково-IV:
1 – план памятника; *2* – насыпь кургана №1 до раскопок

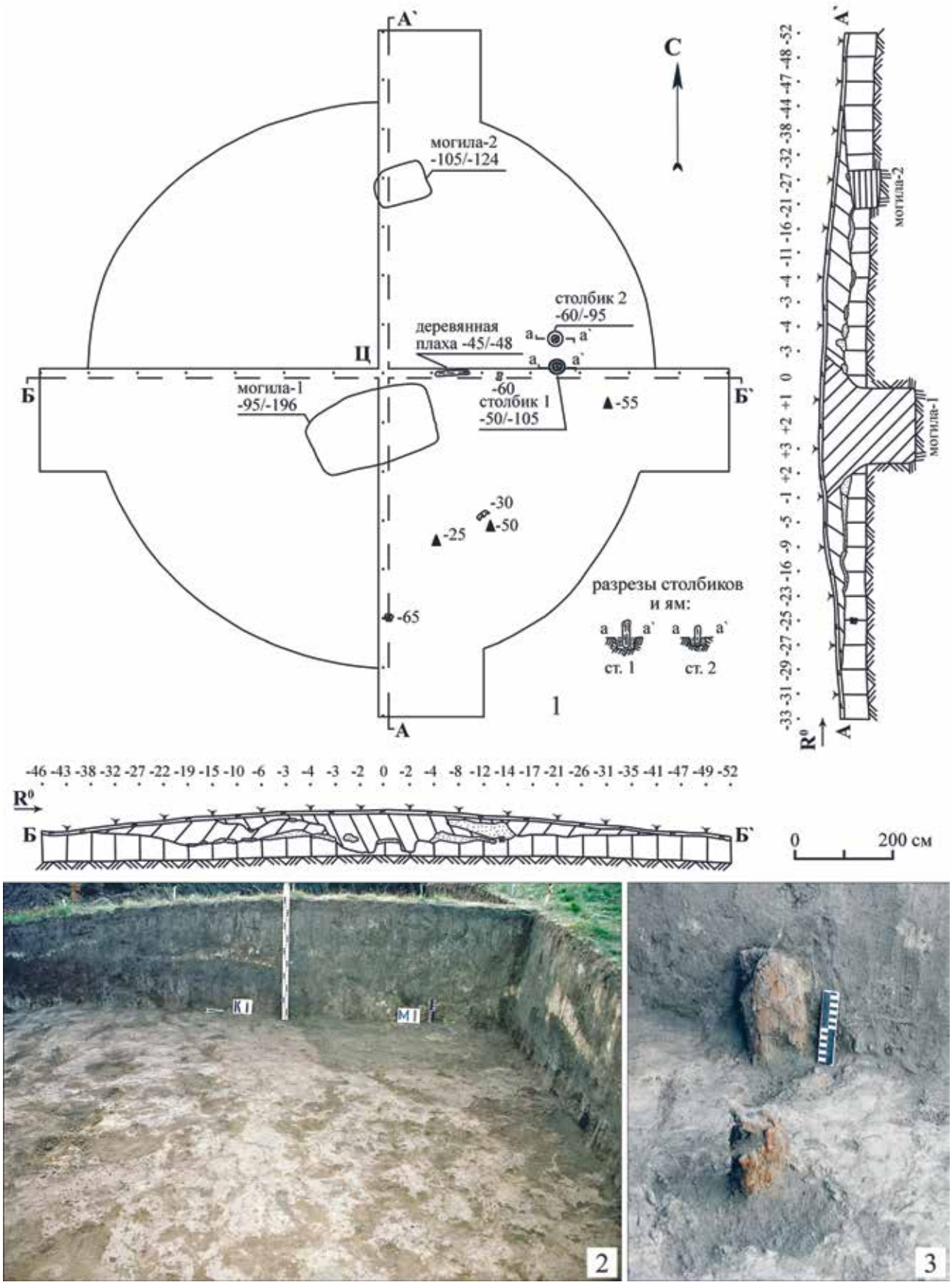


Рис. 107. Боровиково-IV, курган №1:
1 – план раскопа и разрезы; *2* – контур могилы-1 в юго-восточном секторе; *3* – деревянные столбы

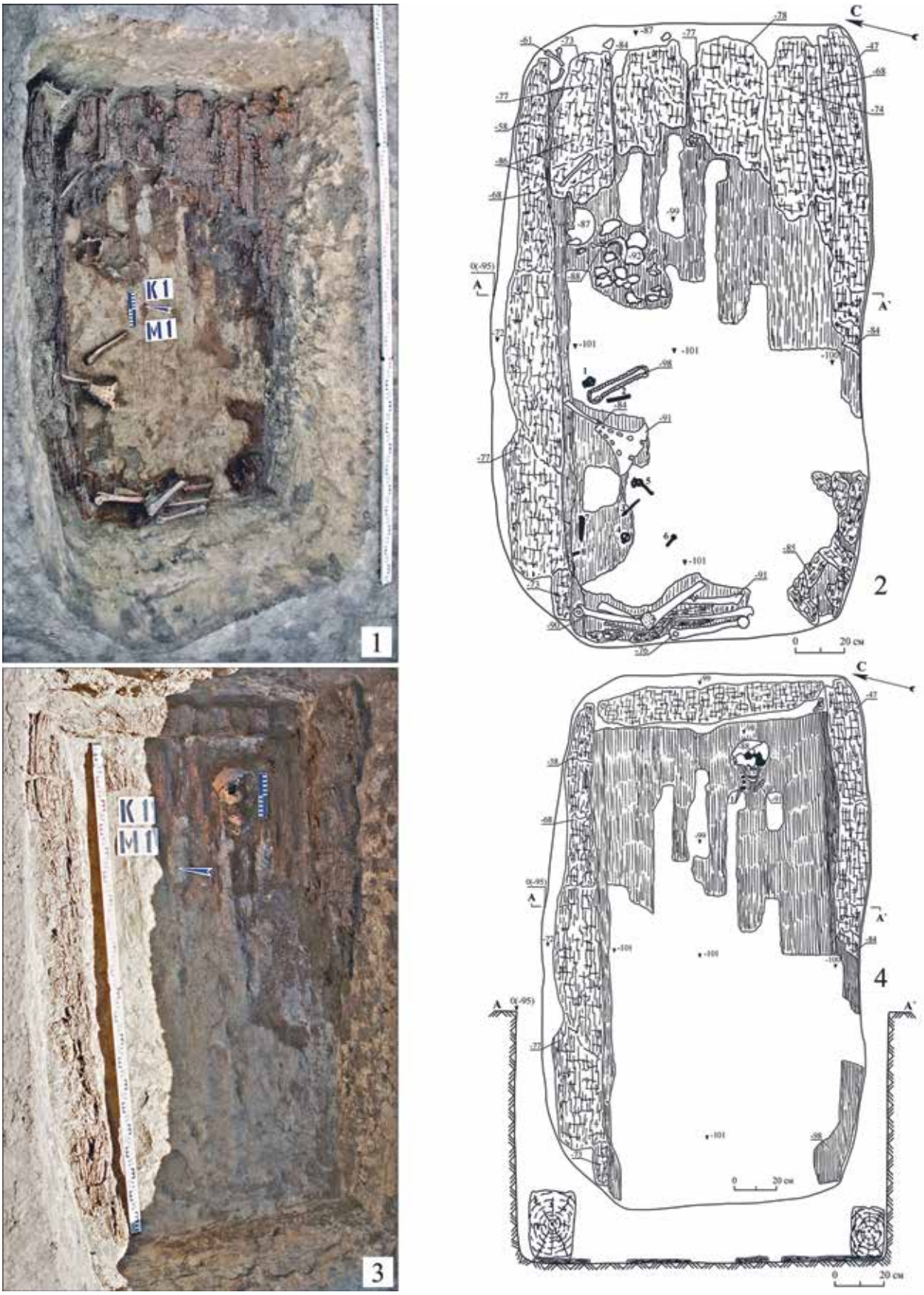


Рис. 108. Боровиково-IV, курган №1:
1 – разрушенная могила-1 на уровне перекрытия;
2, 4 – планы и разрез могилы-1; *3* – рама и дно могилы-1

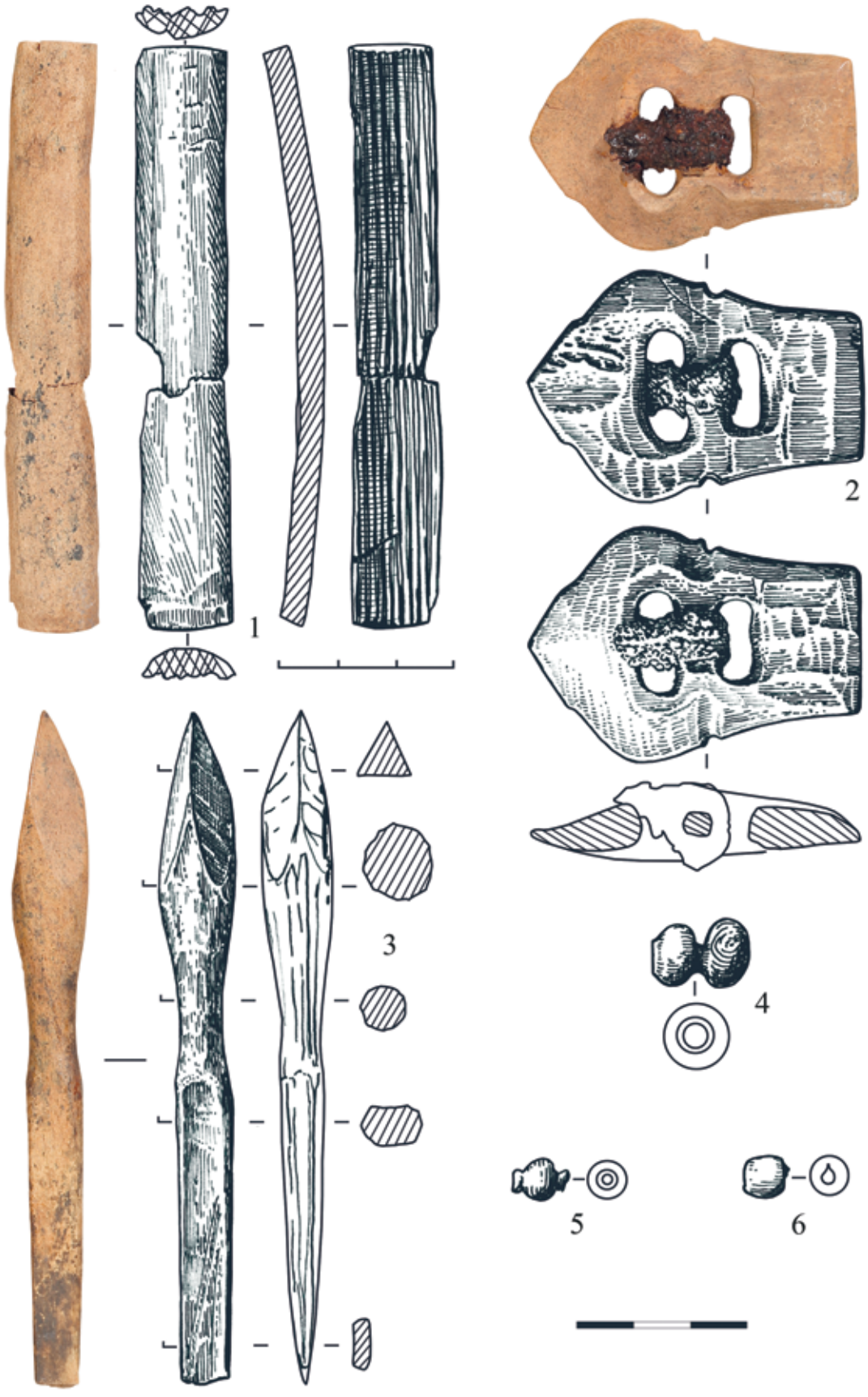


Рис. 109. Боровиково-IV, курган №1: Предметный комплекс из могилы-1:
1 – накладка лука; *2* – пряжка; *3* – наконечник стрелы; *4–6* – бусы
(*1, 3 – кость, 2 – кость, железо, 4–6 – стекло*)

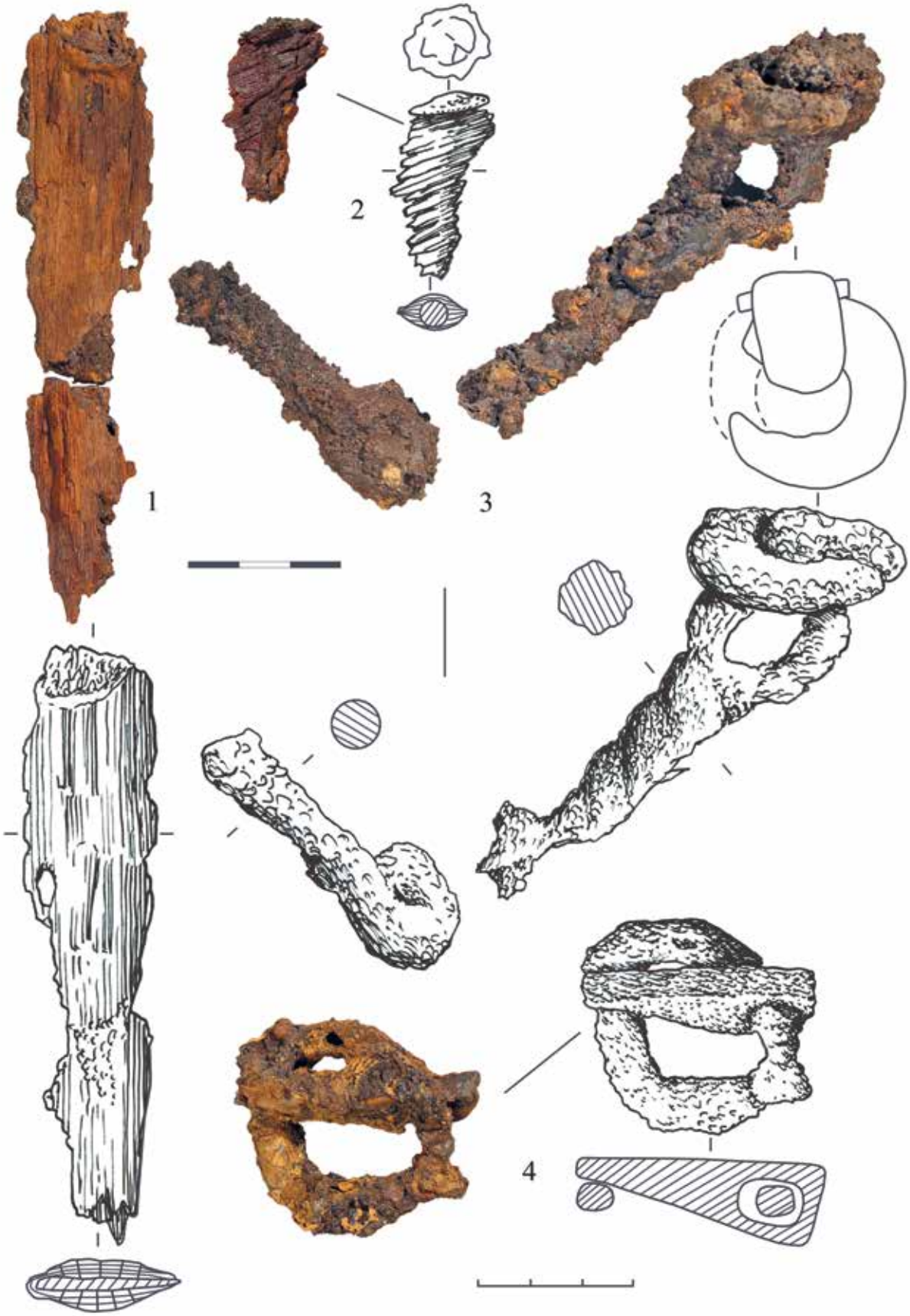


Рис. 110. Боровиково-IV, курган №1. Предметный комплекс из могилы-1:
1 – нож; *2* – пробой; *3* – удила; *4* – пряжка
(*1–2 – железо, дерево, 3–4 – железо*)

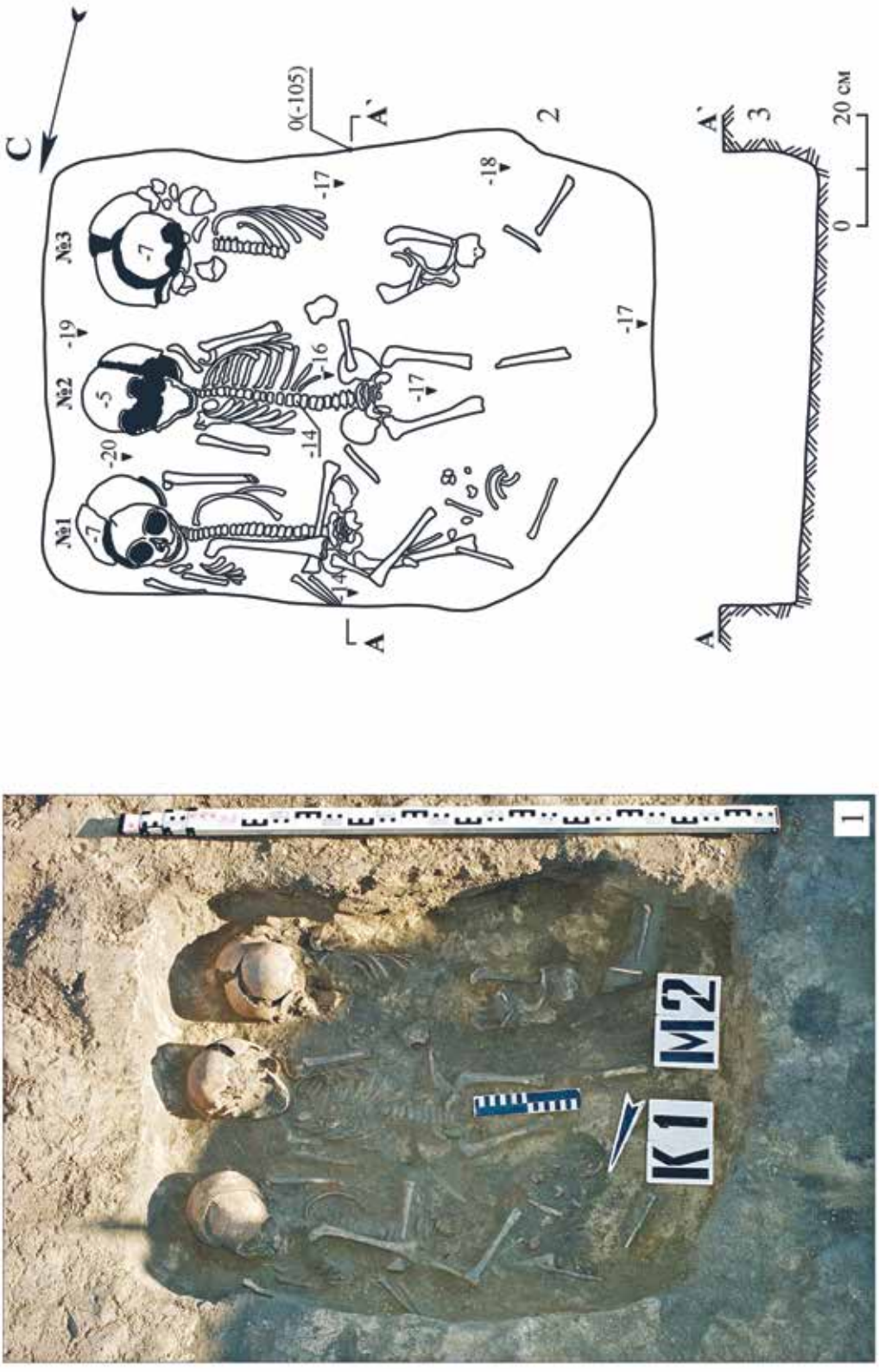


Рис. 111. Боровиково-IV, курган №1:
1 – скелеты детей в могиле-2; *2–3* – план и разрез могилы-2

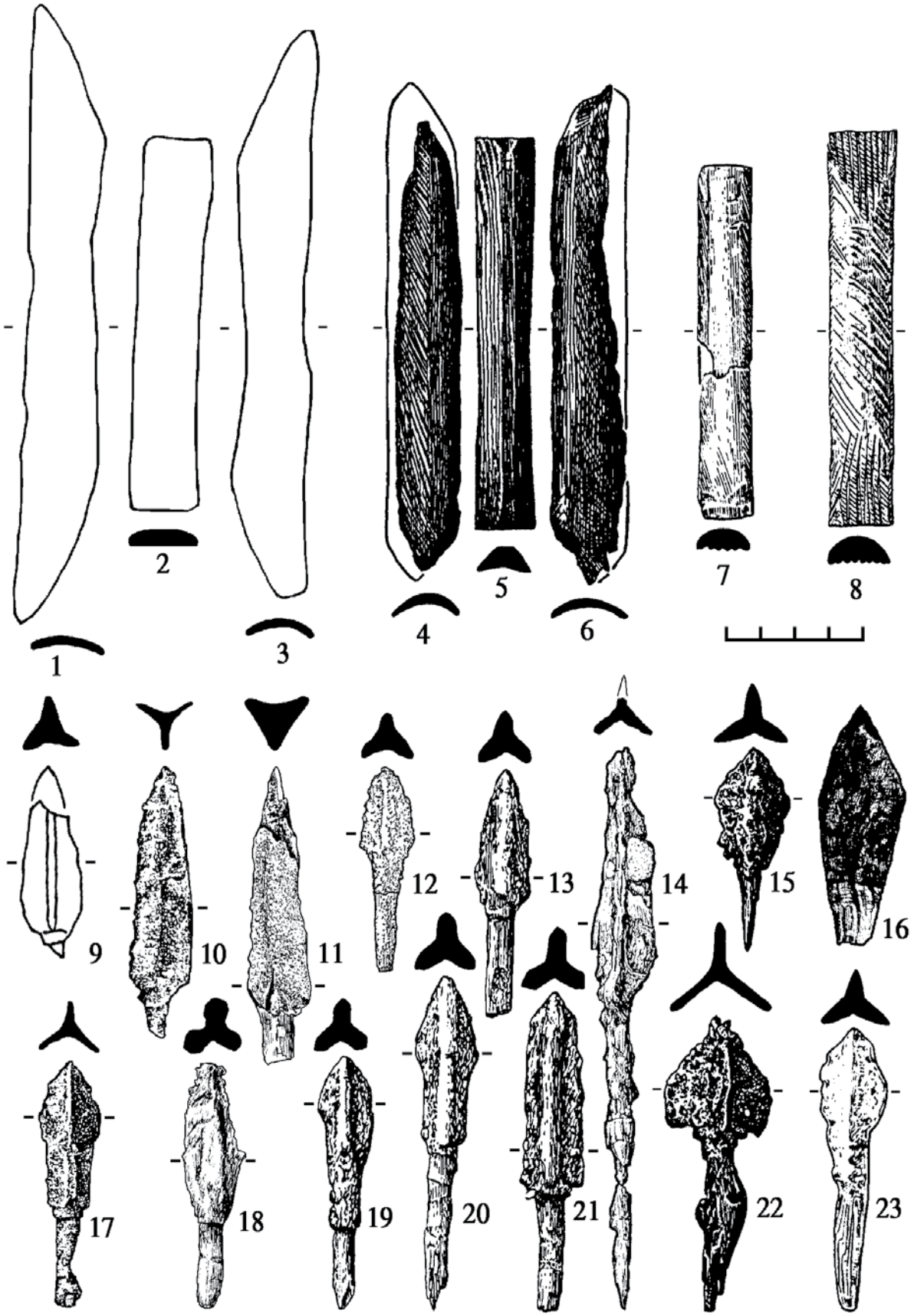


Рис. 112. Оружие дальнего боя: накладки на лук (1–8) и наконечники стрел (9–23):
1–3, 9 – Камень-II; *4–6, 15, 22* – Быково-IV; *7* – Боровиково-IV; *8* – Прудской;
10, 17 – Коловый Мыс; *11* – Хабазино-4; *12* – Кучук-I; *13, 20* – Филин-I;
14 – Ильинка; *16* – Гоньба; *18–19, 21* – Поповская Дача; *23* – Грязново-IV

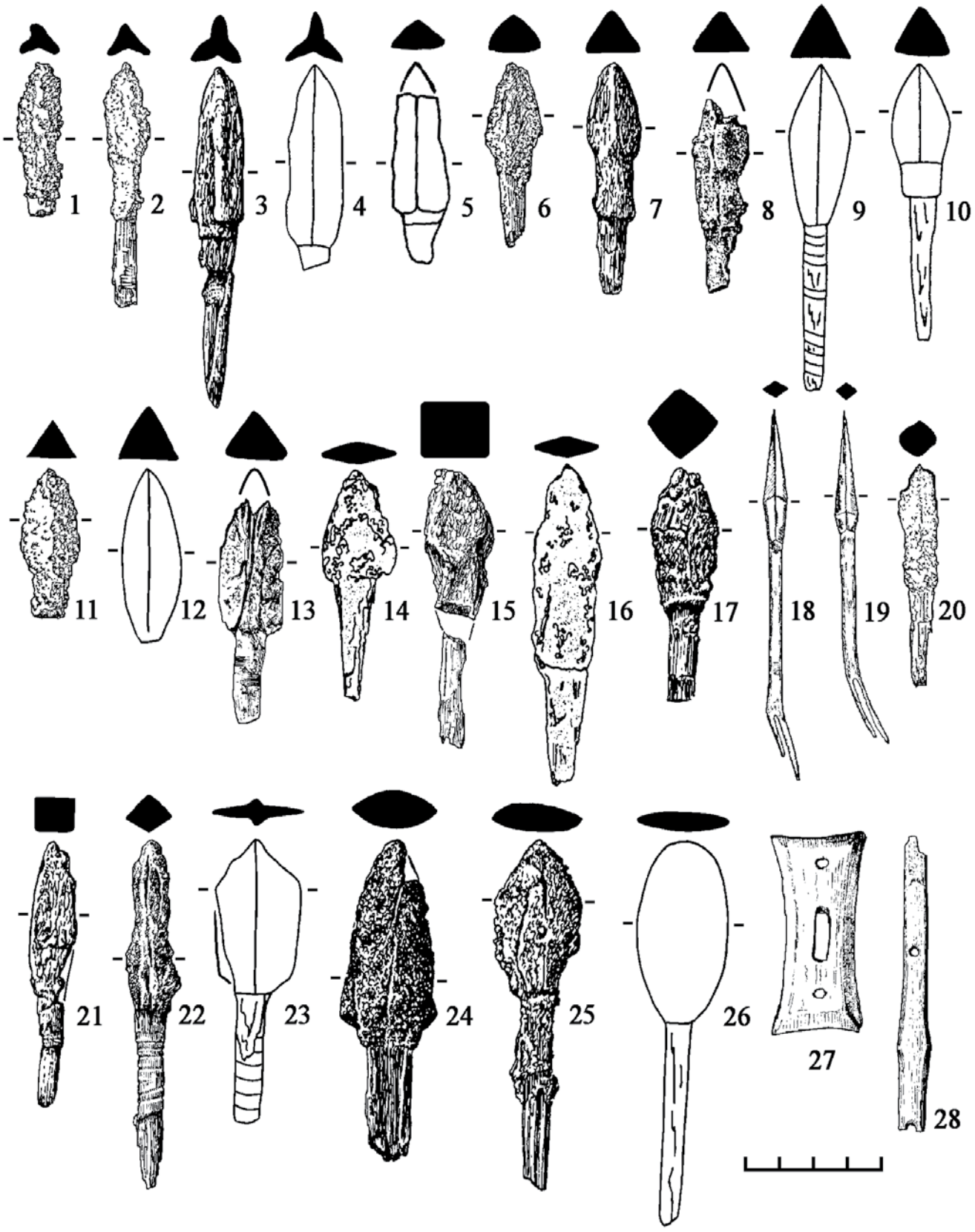


Рис. 113. Оружие дальнего боя: наконечники стрел (1–26) и накладки на колчан (27–28):
1–2, 6, 11, 20 – Кучук-I; *3, 21* – Филин-I; *4, 9–10, 12, 23, 26* – Барчиха; *5* – Камень-II;
7, 15 – Грань; *8* – Коловый Мыс; *13* – Хабазино-4; *14* – Грязново-III;
16 – Грязново-II; *17, 22, 25* – Прудской; *18–19* – Нечунаевский Елбан-2;
24 – Яровское-V; *27* – Гоньба; *28* – Поповская Дача

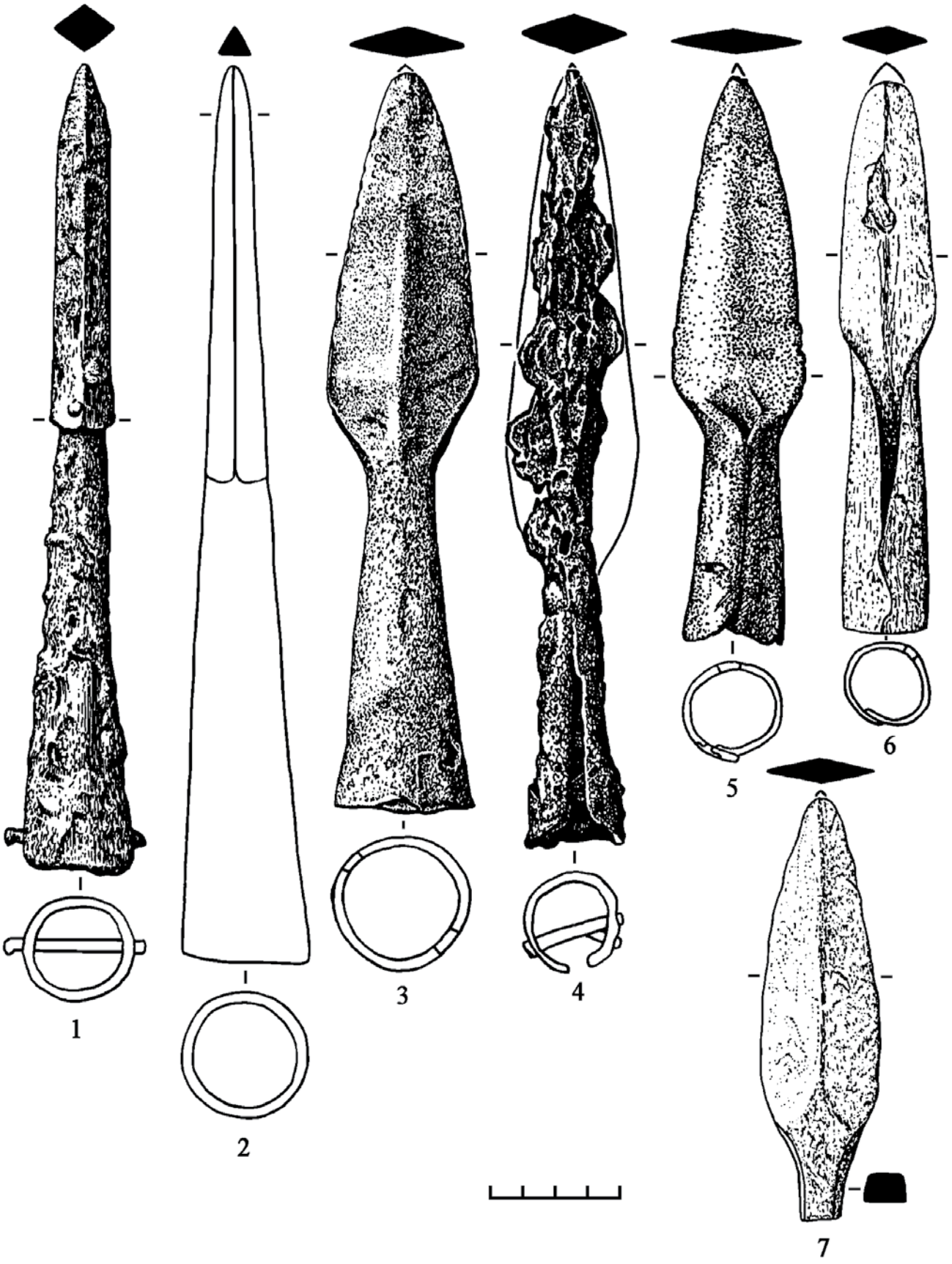


Рис. 114. Наконечники копий:
1 – Грань; *2* – Барчиха; *3* – Ильинка; *4* – Быково-IV;
5 – Верх-Кучук; *6* – Суслово; *7* – Черная Курья-VI

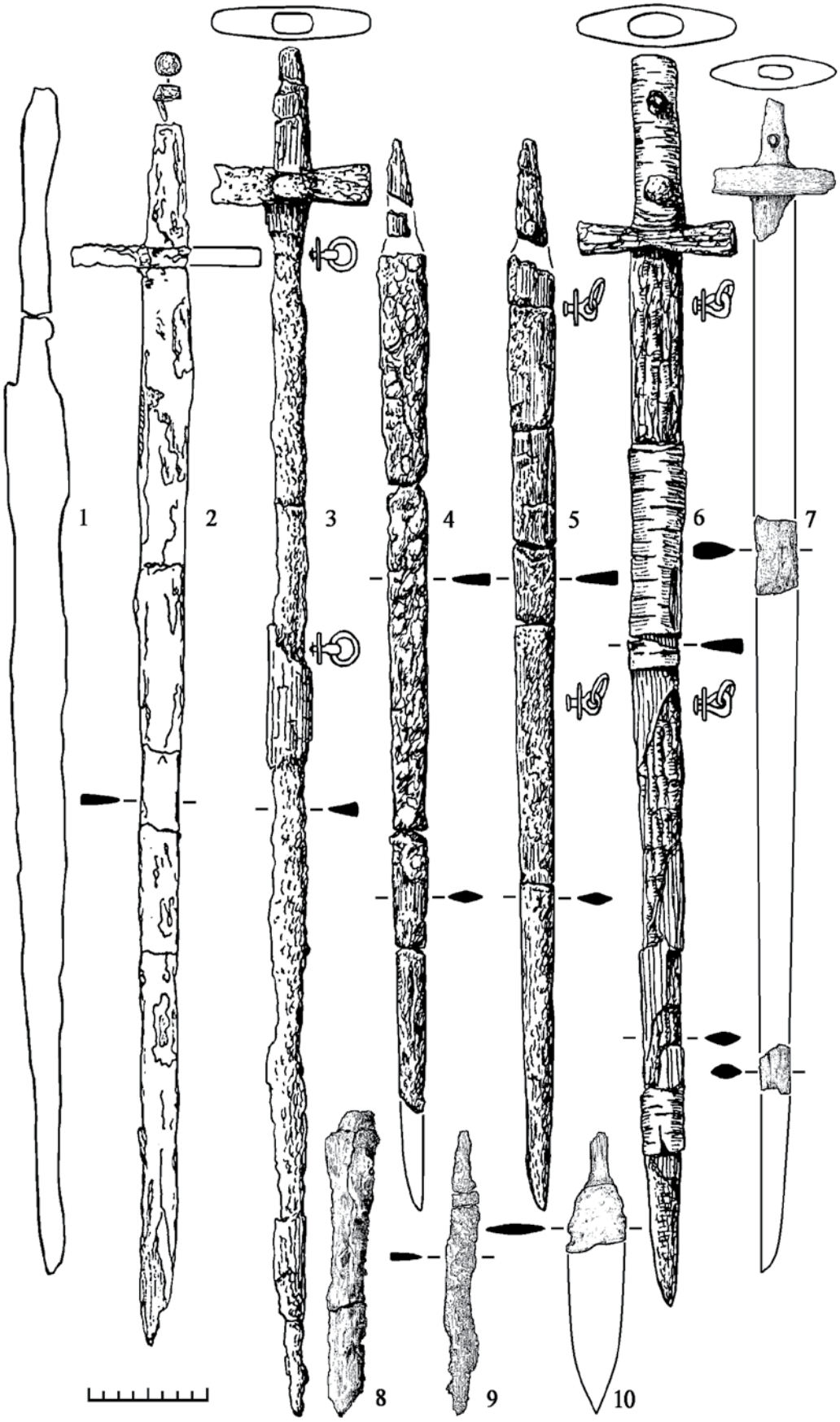


Рис. 115. Оружие ближнего боя: мечи (1–7), ножи (8–9) и кинжал (10):
1 – Камень-II; *2* – Грязново-II; *3* – Филин-I; *4–5* – Поповская Дача;
6 – Прудской; *7* – Рогозиха-1; *8* – Гоньба; *9* – Кучук-I; *10* – Грязново-III

Рис. 116. Реконструкция способа крепления меча в ножнах к поясу
(по материалам мужского погребения в кургане №1 на памятнике Филин-I)

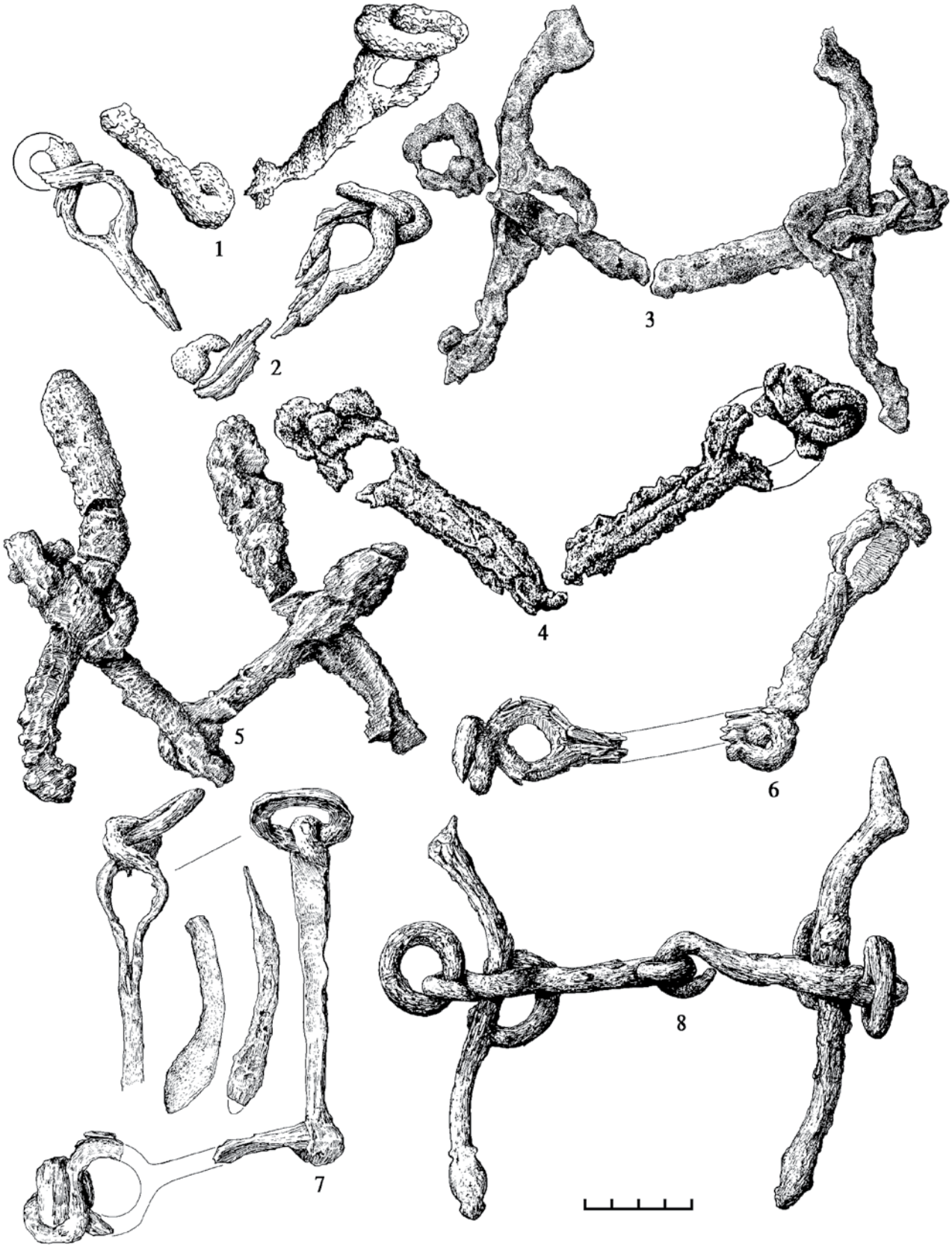


Рис. 117. Двукольчатые удила и псалии:
1 – Боровиково-IV; *2* – Боровиково-V; 3 – Быково-IV; *4* – Коловый Мыс;
5 – Поповская Дача; *6* – Прудской; *7* – Рогозиха-1; *8* – Филин-I

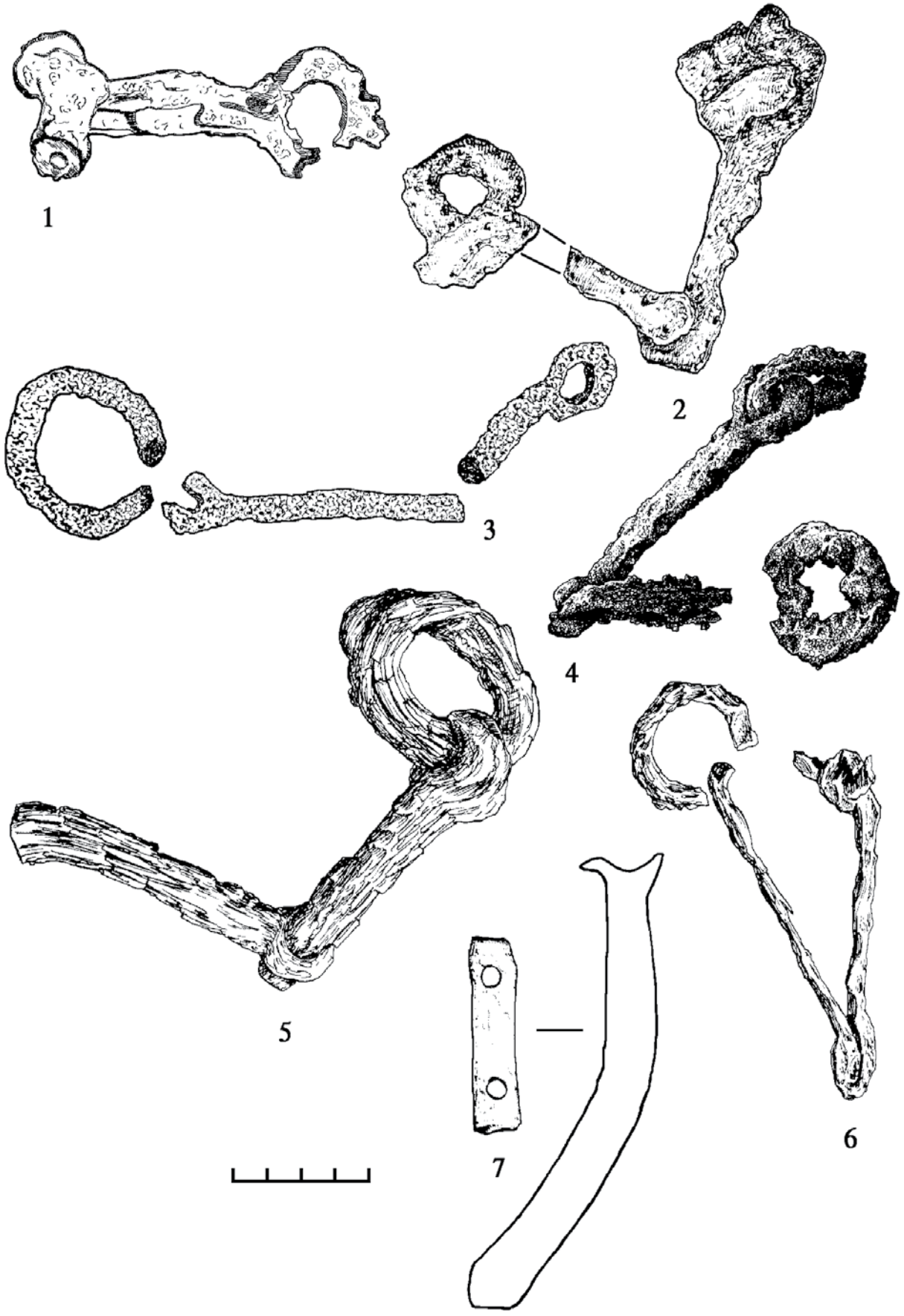


Рис. 118. Однокольчатые удила и псалии:
1, 7 – Грязново-II; *2* – Грязново-IV; *3* – Поспелихинский; *4* – Яровское-V; *5–6* – Ильинка

Рис. 119. Уздечная гарнитура: пряжка (1), наконечники ремней (2–11), тренчики (12–13), распределители (14–15) и бляхи-накладки (16–41): *1, 5, 12, 24, 26, 31, 34, 40–41* – Филин-I; *2, 16, 36* – Плотниково; *3, 7* – Рогозиха-1; *4, 30* – Грязново-II; *6, 15* – Поповская Дача; *8, 20–21, 28–29, 38* – Грань; *9, 19* – Заковряшино; *10, 22, 33* – Поспелихинский; *11, 13–14* – Прудской; *17, 35* – Мало-Панюшово; *18* – Быково; *23, 39* – Кучук-1; *25, 32* – Ильинка; *25* – Кипринский Борок-7; *37* – Объездное-2

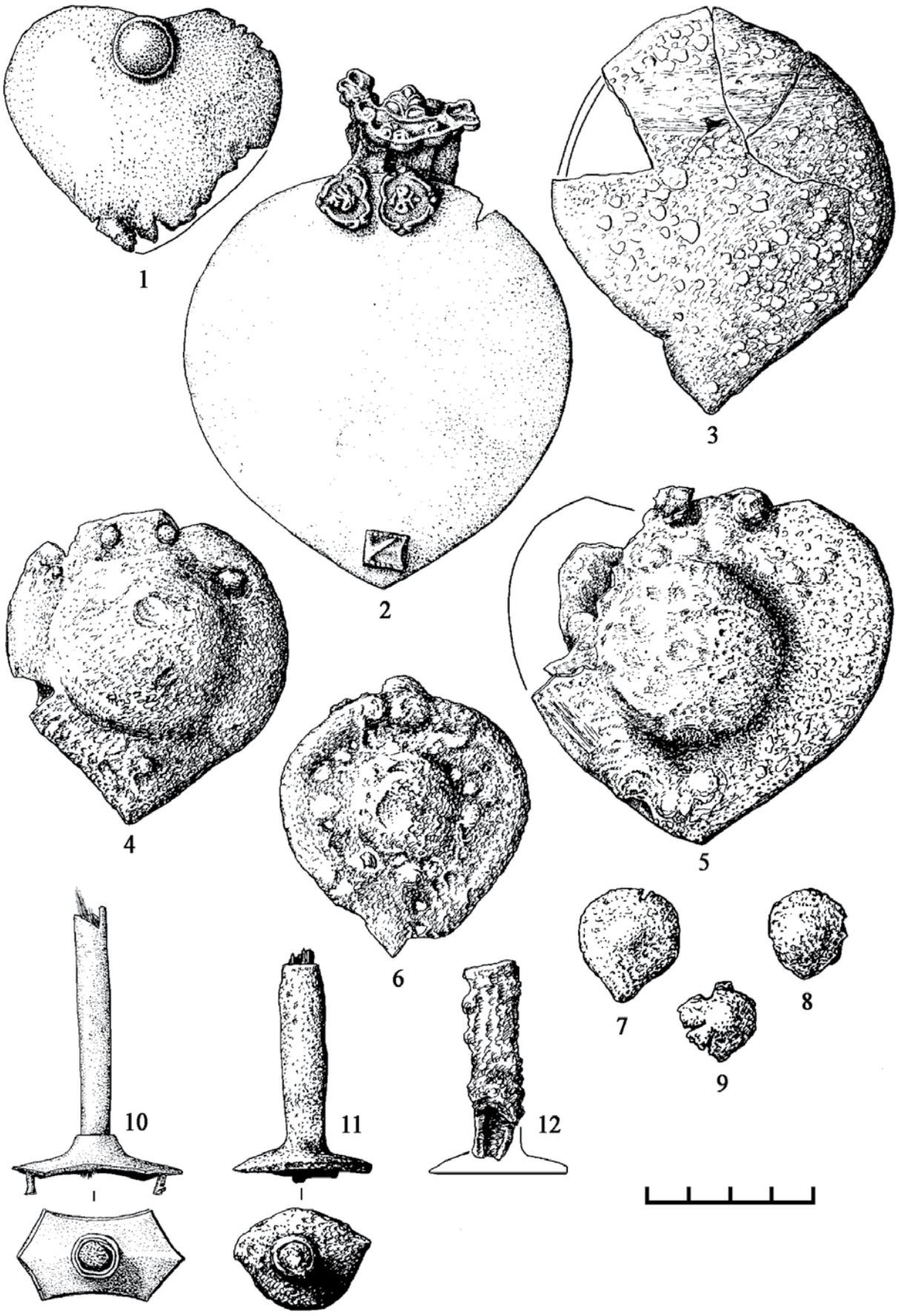


Рис. 120. Уздечные бляхи-накладки (1–9) и султанчики (10–12):
1–2 – Филин-I; *3, 12* – Поповская Дача; *4–9, 11* – Прудской; *10* – Рогозиха-1

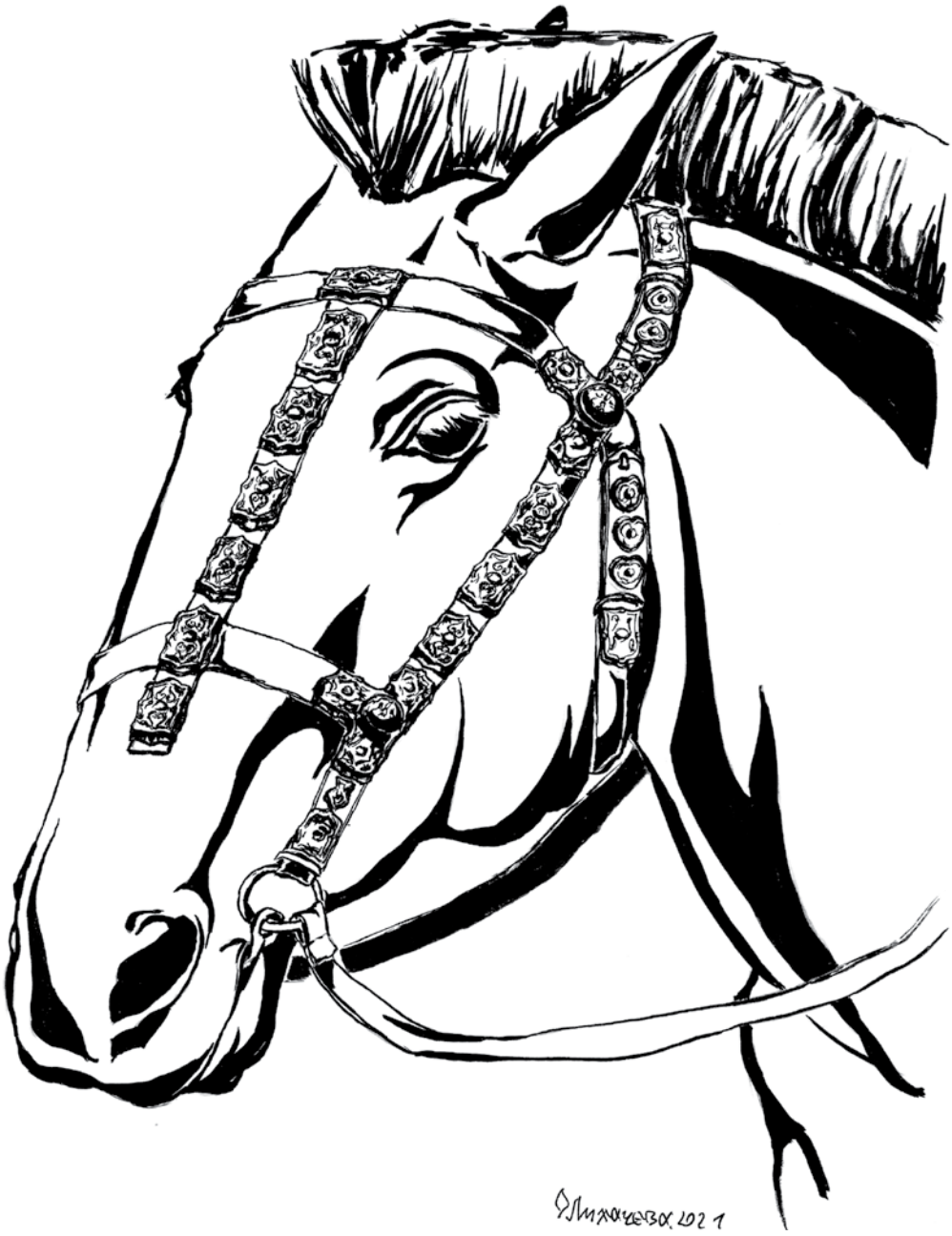


Рис. 121. Реконструкция наборной узды
из захоронения лошади на могильнике Объездное-2

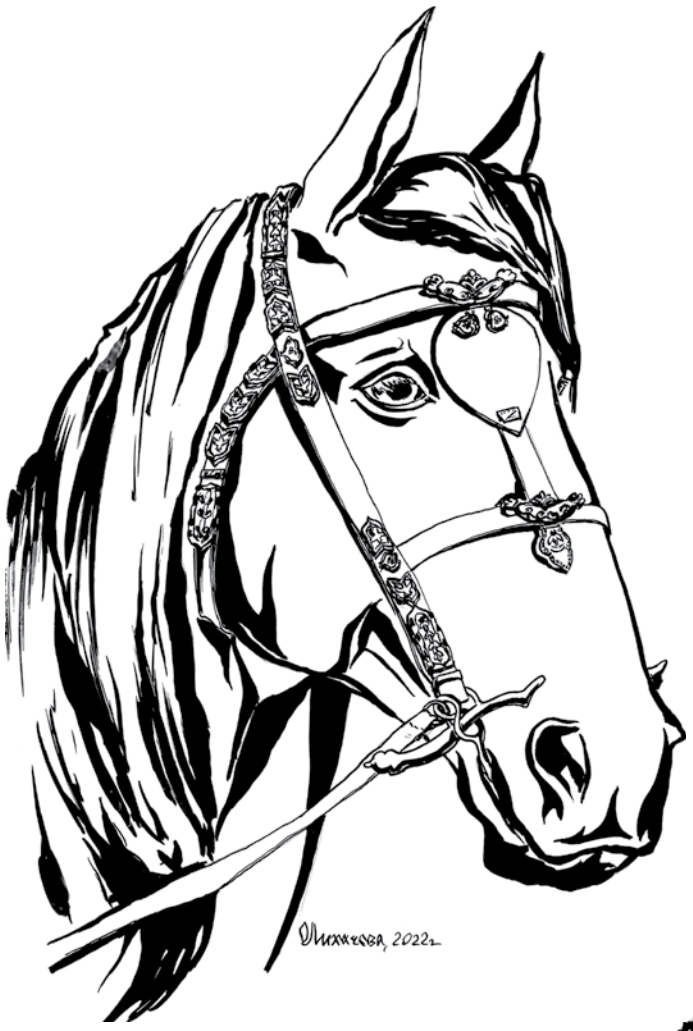


Рис. 122. Реконструкция наборной узды из кургана №1 на памятнике Филин-I

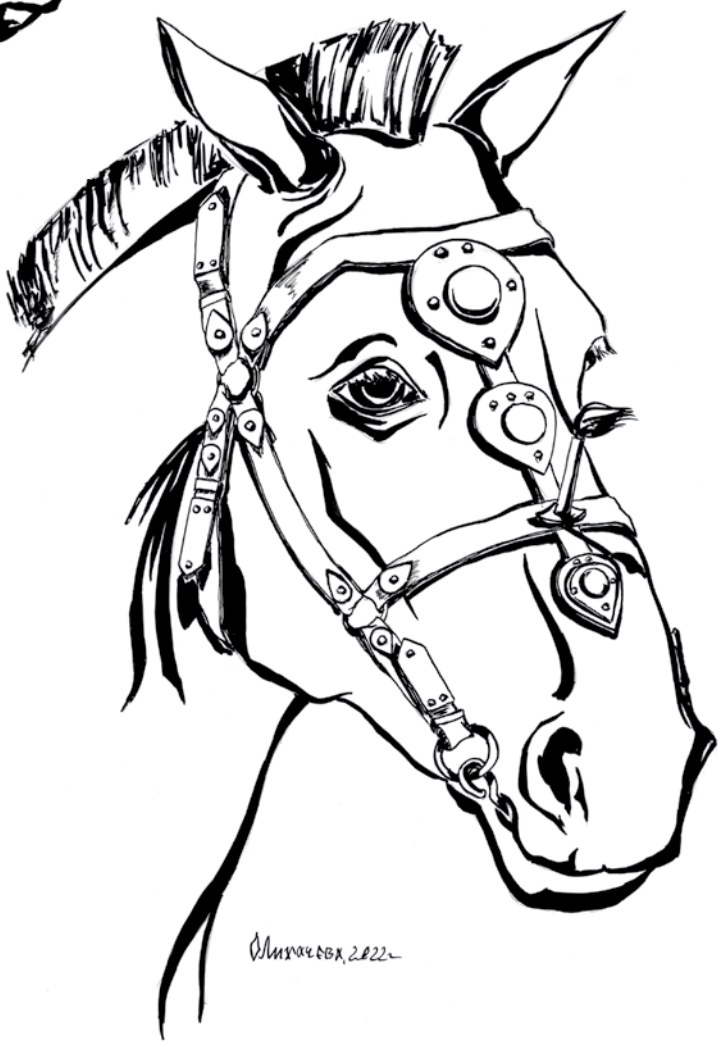


Рис. 123. Реконструкция наборной узды из погребения в кургане №5 памятника Прудской

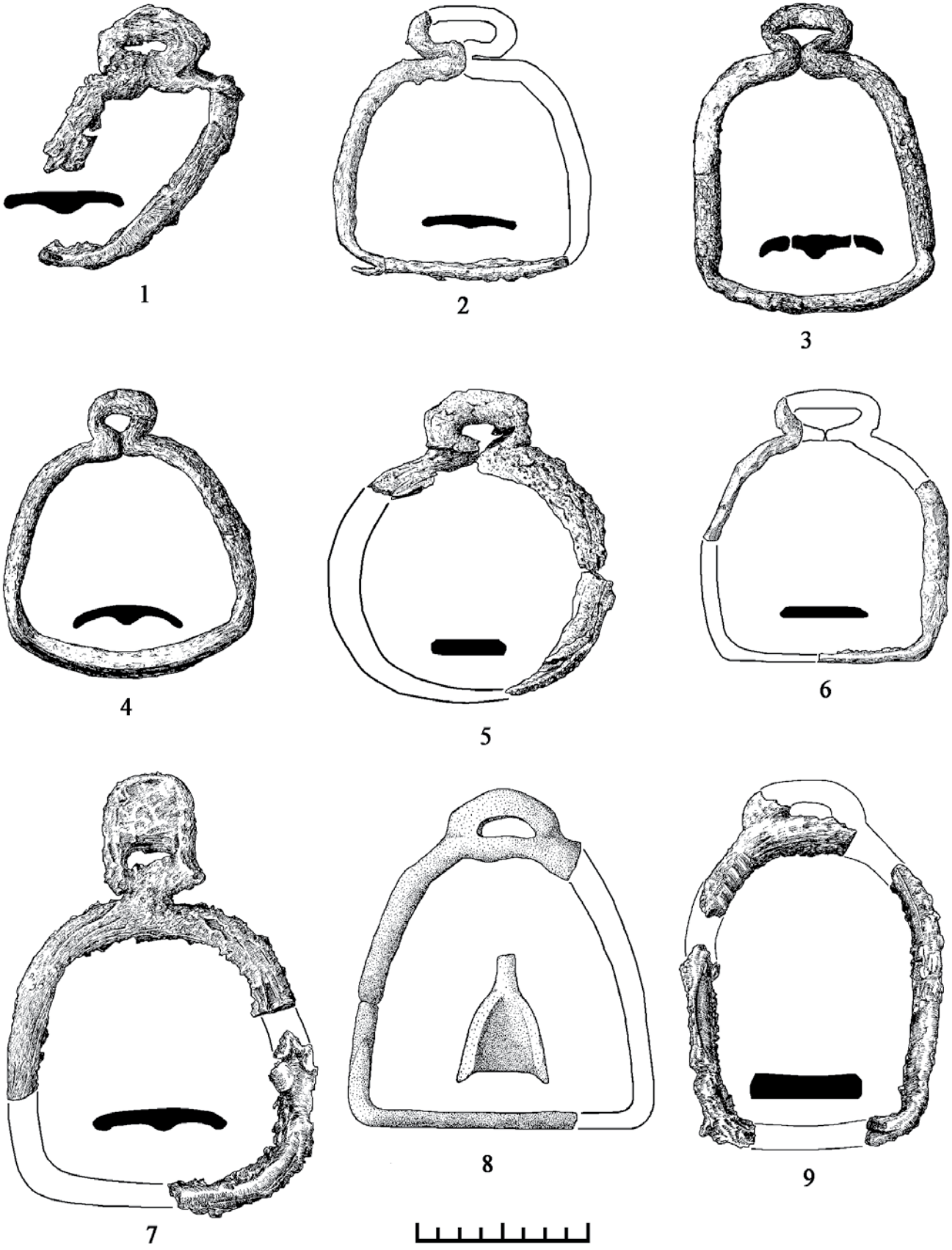


Рис. 124. Стремена:
1, 7, 9 – Поповская Дача; *2, 6* – Рогозиха-1;
3–4 – Филин-I; *5* – Хабазино-4; *8* – Объездное-2

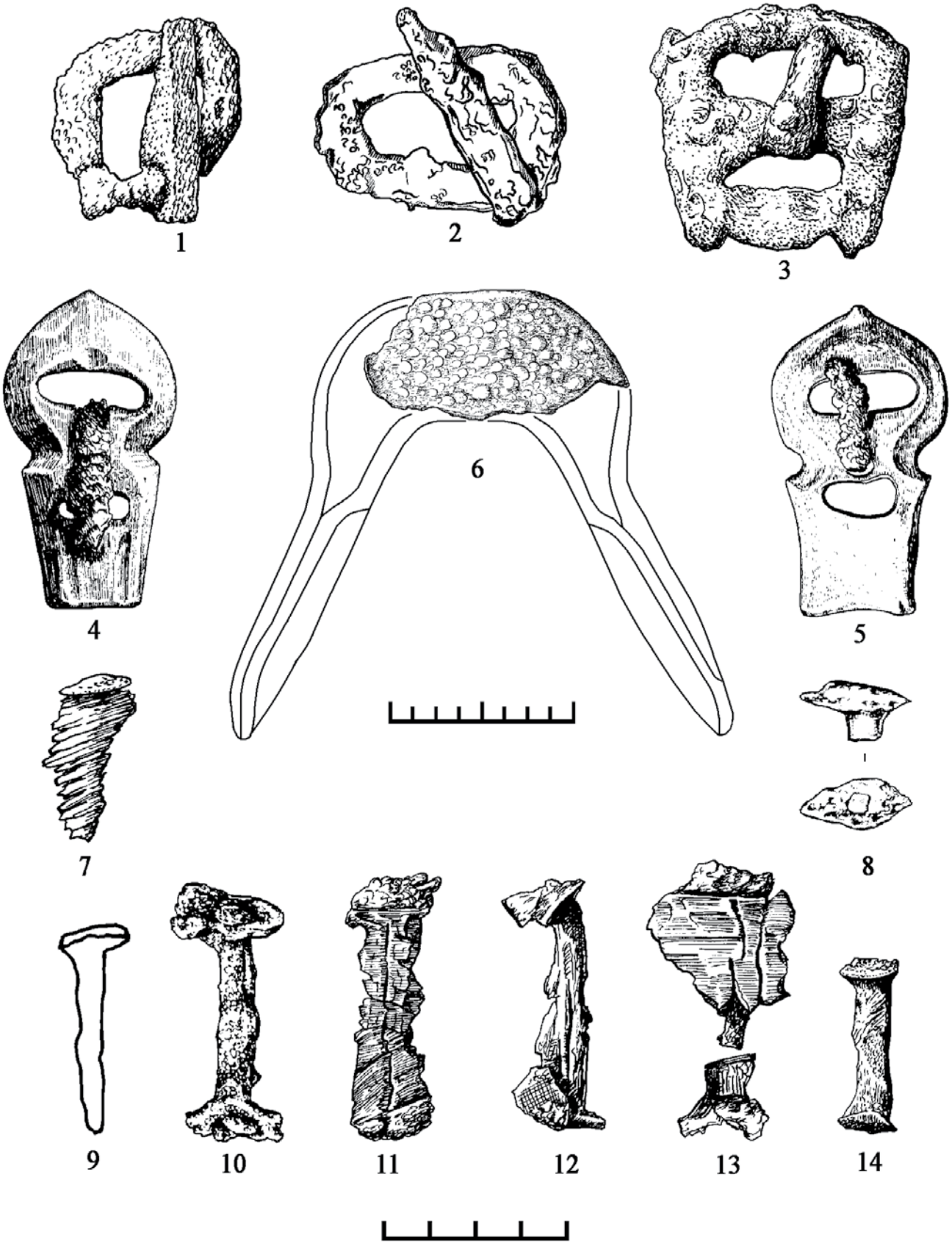


Рис. 125. Седельные принадлежности: подпружные пряжки (1–5), передняя лука (6) и пробои (7–14): *1, 7* – Боровиково-IV; *2* – Грязново-II; *3* – Грань; *4–5, 11–13* – Прудской; *6* – Поповская Дача; *8* – Грязново-II; *9* – Камень-II; *10* – Коловый Мыс; *14* – Филин-I

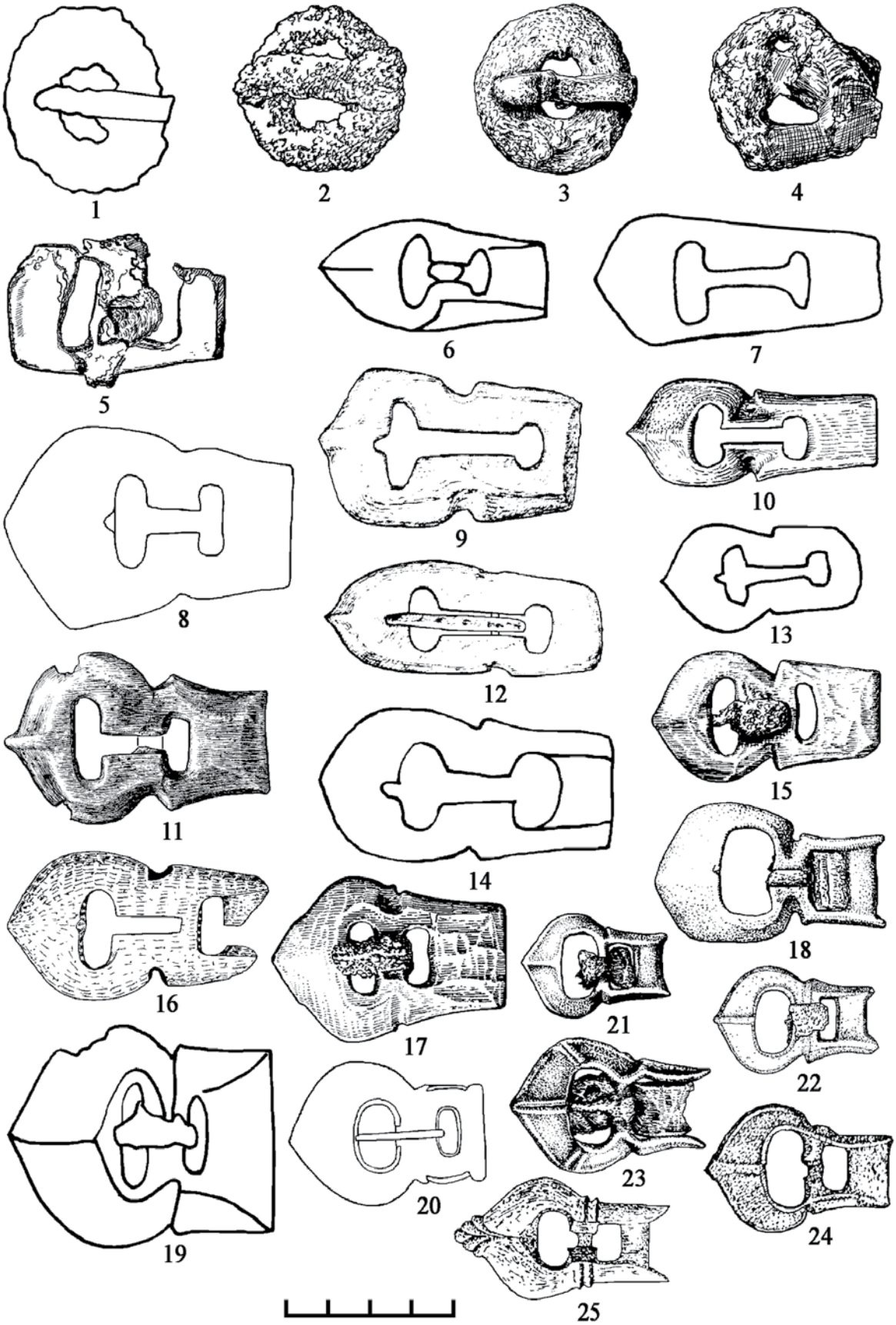


Рис. 126. Поясные пряжки: *1* – Камень-II; *2* – Кучук-1; *3–4, 21* – Филин-I; *5, 9* – Грязново-II; *6–7, 13–14, 19* – Камень-II; *8, 20* – Барчиха; *10* – Боровиково-V; *11* – Быково-IV; *12* – Грязново-IV; *15, 23* – Прудской; *16, 22* – Шелаболиха-3; *17* – Боровиково-IV; *18* – Грань; *24* – Кучук-1; *25* – Заковряшино

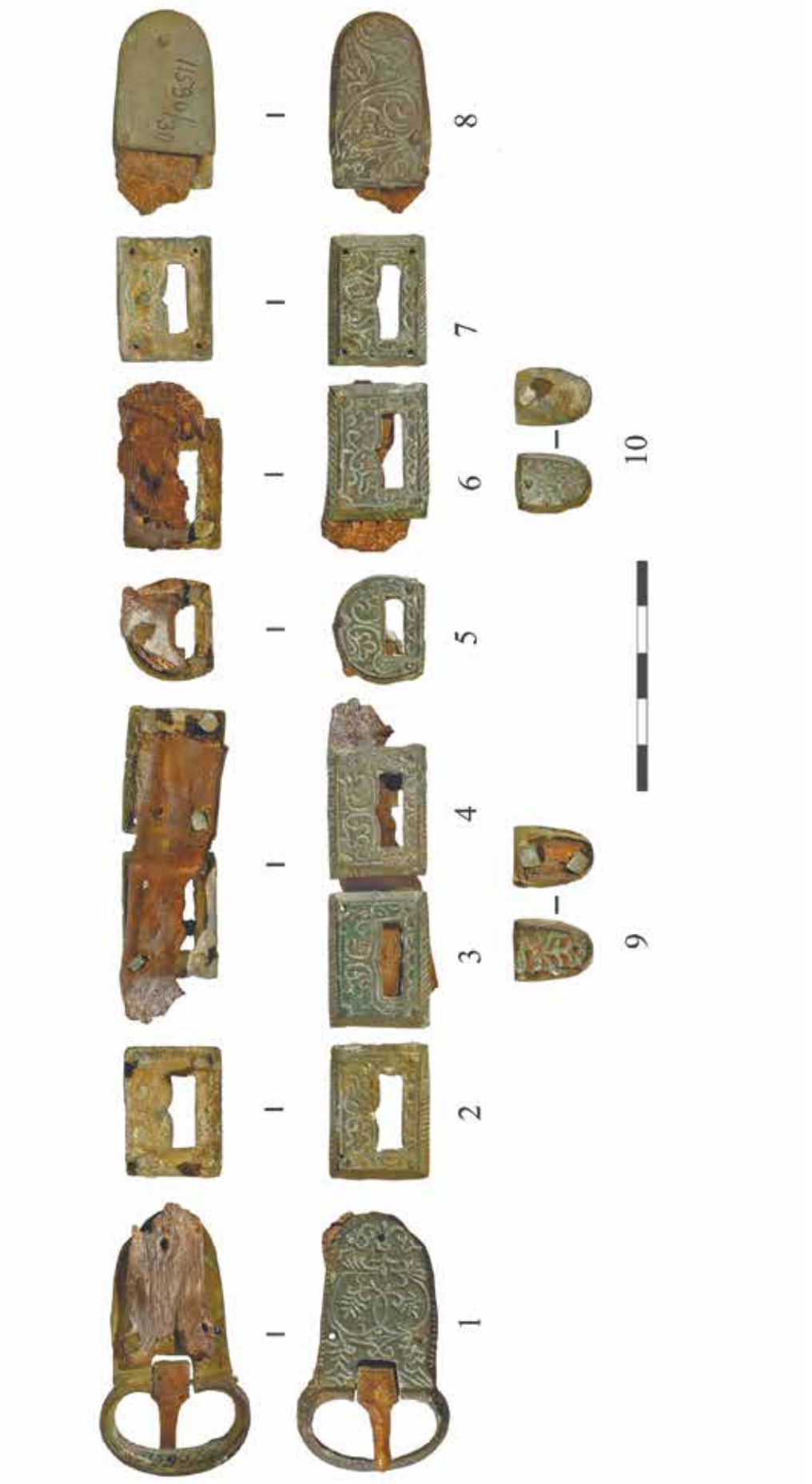


Рис. 127. Наборный пояс из могилы-1 памятника Нечунаевский Елбан-2:
1 – пряжка; *2–7* – бляхи-накладки; *8–10* – наконечники ремней
(*бронза, кость, кожа, ткань*)

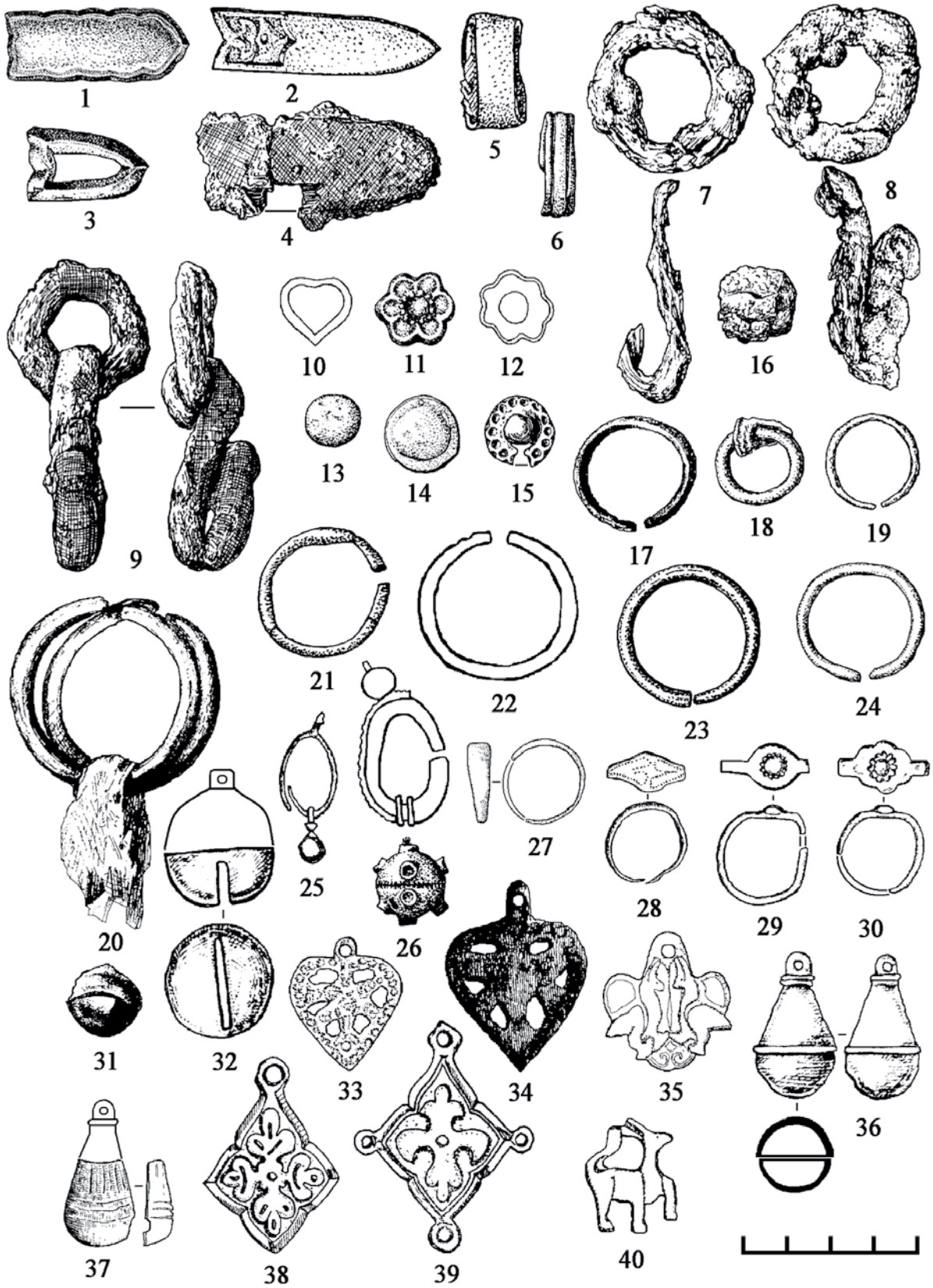


Рис. 128. Поясная гарнитура и украшения: наконечники ремней (1–4), тренчики (5–6), распределители с крюками (7–9), бляхи-накладки (10–16), серьги (17–26), перстни (27–30) и подвески (31–40): *1, 27* – Быково-IV; *2, 5, 21* – Кучук-1; *3, 11, 13, 23* – Поповская Дача; *4, 6, 9, 16* – Филин-I; *7–8* – Ильинка; *10, 12* – Барчиха; *14, 24* – Рогозиха-I; *15* – Грань; *17, 20, 31, 34* – Гоньба; *18–19, 26* – Прудской; *22* – Нечунаево-3; *25* – Нечунаевский Елбан-2; *28, 37* – Кипринский Борок-7; *29–30, 33, 35, 38–40* – Мало-Панюшово; *32, 36* – Грязново-III

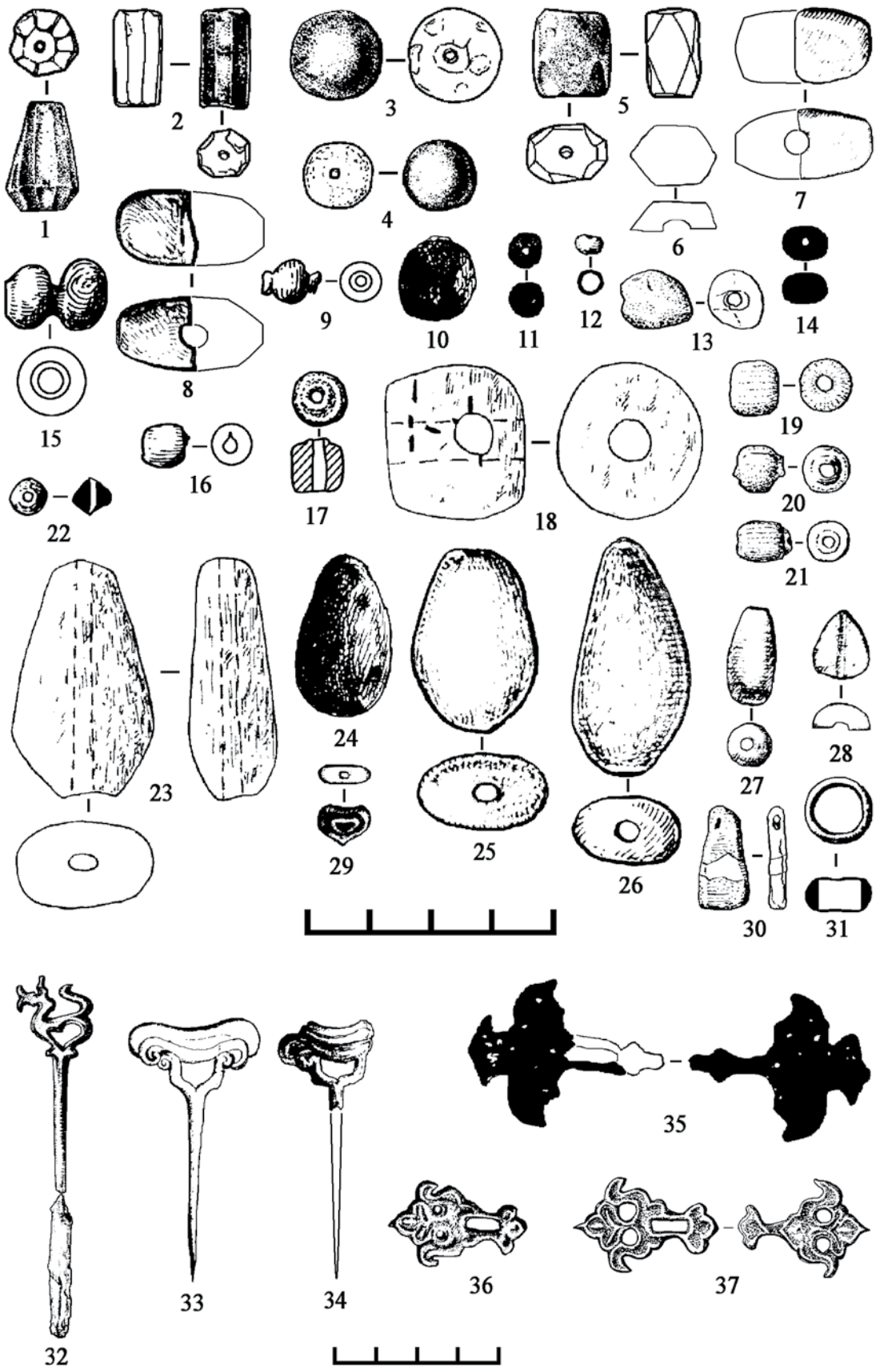


Рис. 129. Принадлежности костюма: бусы (1–31), заколки (32–34) и застежки (35–37): *1–5* – Яровское-III; *6–8, 25–29, 31–32, 36* – Грязново-III; *9, 15–16* – Боровиково-IV; *10, 24, 33–34* – Гоньба; *11, 14* – Нечунаевский Елбан-2; *12* – Ильинка; *13, 19–21, 30* – Рогозиха-1; *17, 22* – Прудской; *18, 23* – Заковряшино; *35* – Нечунаево-3; *37* – Поповская Дача

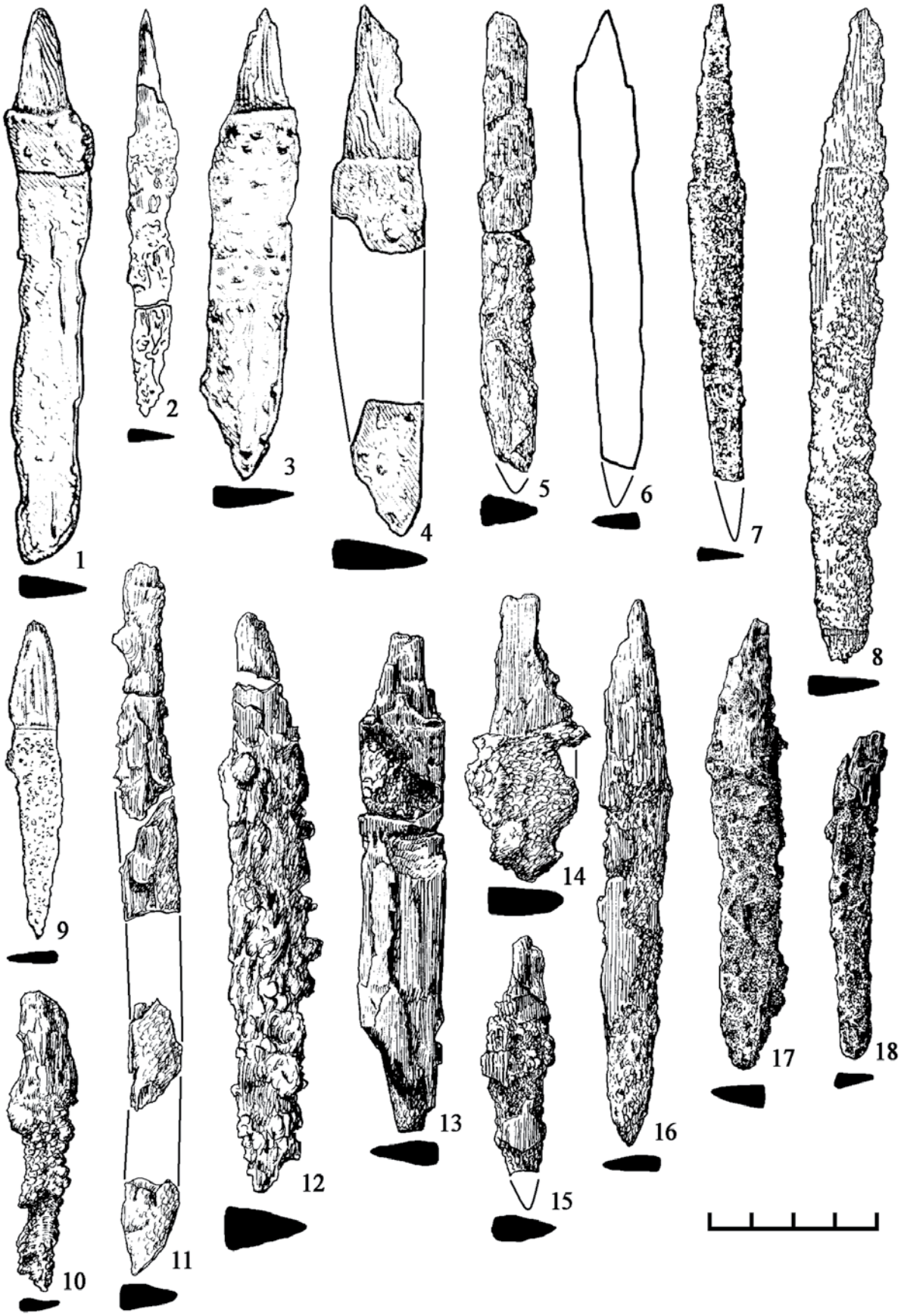


Рис. 130. Хозяйственные ножи: *1* – Грязново-I; *2* – Грязново-II; *3* – Грязново-III; *4* – Грязново-IV; *5* – Ильинка; *6* – Камень-II; *7* – Коловый Мыс; *8* – Кучук-1; *9* – Нечунаевский Елбан-2; *10–12* – Прудской; *13–14* – Поповская Дача; *15–16* – Филин-I; *17–18* – Яровское-V

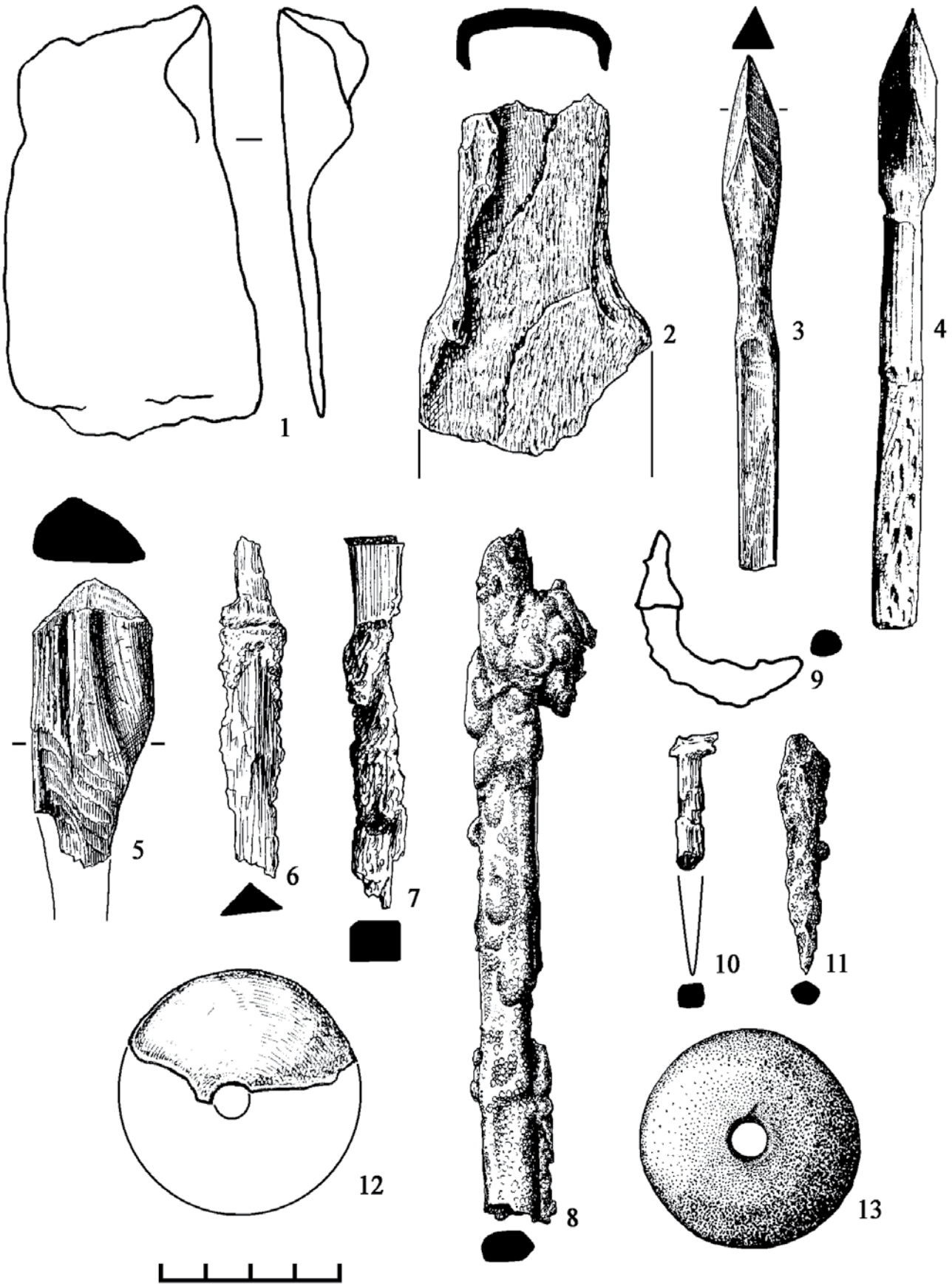


Рис. 131. Орудия труда: тесла (1–2), наконечники стрел (3–5), напильники (6–8), шилья (9–11) и пряслица (12–13); *1, 9* – Камень-II; *2* – Ильинка; *3* – Боровиково-IV; *4* – Гоньба; *5–6* – Прудской; *7, 10* – Успеновка-II; *8* – Яровское-III; *11, 13* – Яровское-V; *12* – Грязново-I

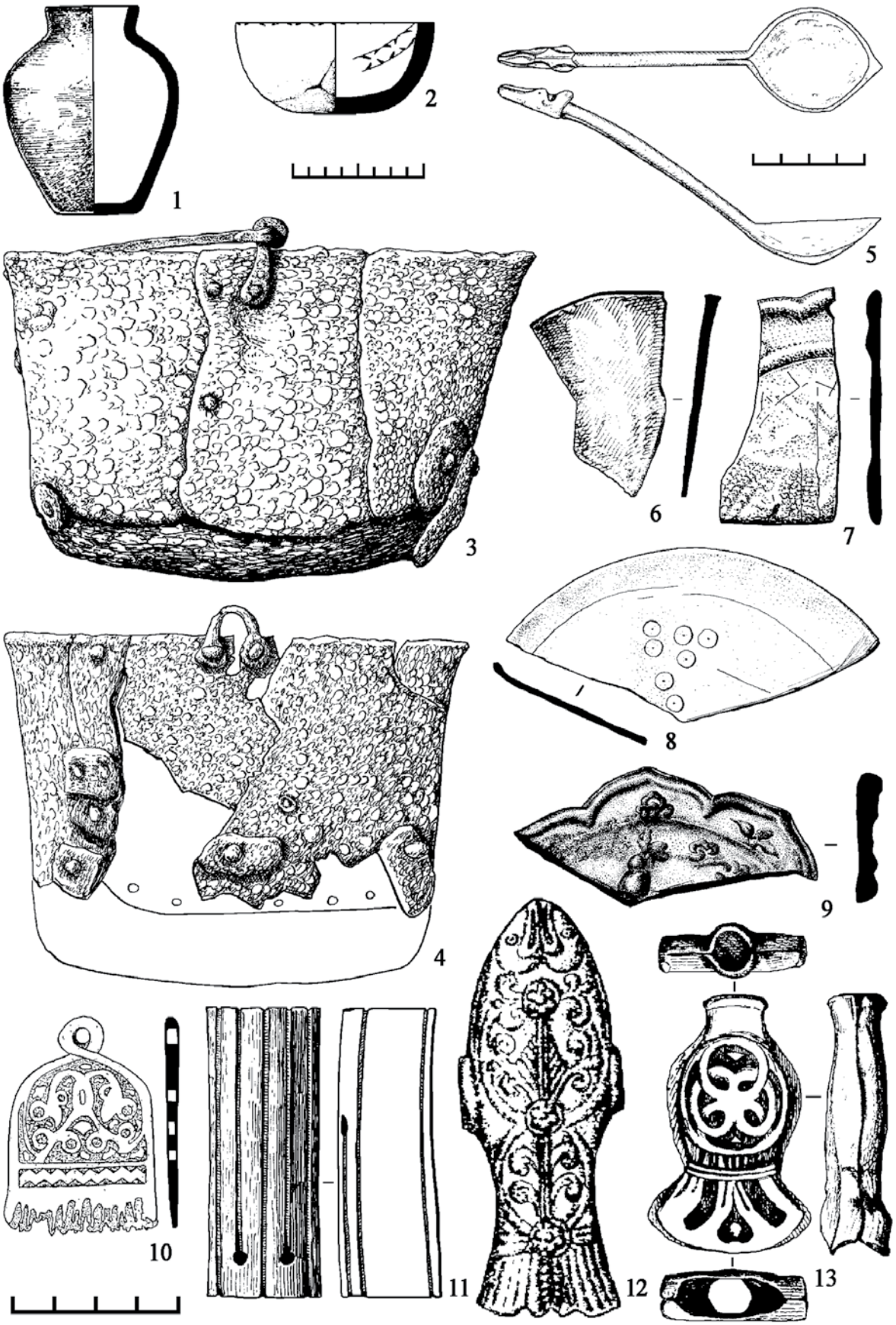


Рис. 132. Предметы быта: посуда (1–5), зеркала (6–9), гребень (10) и игольники (11–13): *1, 6* – Грязново-III; *2, 11* – Успеновка-II; *3–4* – Филин-I; *5, 10, 12* – Мало-Панюшово; *7* – Поповская Дача; *8* – Рогозиха-1; *9* – Яровское-III; *13* – Гоньба

Рис. 133. «Тюркский вождь». Реконструкция
по материалам мужского погребения из кургана №1 могильника Филин-I

Рис. 134. «Самодийские старейшины». Реконструкция
по материалам захоронений в курганах №5 и 6 могильника Прудской

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Таблица 1

Предметы наступательного вооружения из погребальных памятников сросткинской культуры на Приобском плато

№	Название памятника № объекта	Оружие дальнего боя			Оружие таранного удара	Оружие ближнего боя			
		луки	стрелы	колчаны	копья	мечи и сабли	ножны	боевые ножи	кинжалы
1	Барчиха								
1	курган, могила-1		?			1			1
2	курган, могила-2		6		1	1			
2	Боровиково-IV								
3	курган №1, могила-1	1							
3	Быково-IV								
4	курган №5, могила	1	9		1				
4	Гоньба (Казачий Взвоз)								
5	курган №2, могила-1			1	1				
6	курган №2, могила-2		1					1	
7	курган №3, могила-2				1				
5	Грань								
8	курган, могила		2		1	1			
6	Грязново-II								
9	курган №2, могила-2		1						
10	курган №5, могила		1			1			
7	Грязново-III								
11	курган №2, могила-2								1
12	курган №3, могила-1		1						
8	Грязново-IV								
13	курган №1, могила		3						
9	Ильинка								
14	могила-3		1						
14а	сборы				1				
10	Камень-II								
15	курган №13, могила-3		5	1		1			
16	курган №13, могила-4	1							
11	Коловый Мыс								
17	курган №1, могила		6						
12	Кучук-1								
18	курган №6, могила-1		7						
19	курган №7, могила-1							1	
13	Нечунаевский Елбан-2								
20	могила-1		1						
21	могила-2		1						
14	Объездное-I								
22	курган №15, могила-1		?						
15	Объездное-2								
23	курган №2, могила		1						
16	Поповская Дача								
24	курган, могила-4		5	1		2	1		

Окончание таблицы 1

№	Название памятника № объекта	Оружие дальнего боя			Оружие таранного удара	Оружие ближнего боя			
		луки	стрелы	колчаны	копья	мечи и сабли	ножны	боевые ножи	кинжалы
17	Прудской								
25	курган №3, могила-1		1						
26	курган №5, могила					1			
27	курган №6, могила-1	1	4	1		1	1		
18	Рогозиха-1								
28	курган №10, могила-1		1						
29	курган №10, могила-3					1			
19	Успеновка-II								
30	курган №3, могила-1					1			
20	Филин-I								
31	курган №1, могила		7	1		1	1		
32	курган №2, могила						1		
21	Хабазино-4								
33	могила		6	1					
22	Яровское-III								
34	курган, могила					1			
23	Яровское-V								
35	курган №4, могила		2						

Таблица 2

Предметы конского снаряжения из погребальных памятников сросткинской культуры на Приобском плато

№	Название памятника № объекта	Узда							Седло			
		удила и псалии	пряжки	наконечники	тренчики	распределители	бляхи-накладки	султанчики	стремена	подпружные пряжки	лука ленчика	пробои
1	Барчиха											
1	курган, могила-1	1										
2	Боровиково-IV											
2	курган №1, могила-1	1								1		1
3	Боровиково-V											
3	могила	1										
4	Быково											
4	курган, могила						4					
5	Быково-IV											
5	курган №5, могила	1										
6	Грань											
6	курган, могила	1		2			6			1		
7	Грязново-II											
7	курган №3, могила	1										1
8	курган №5, могила	1		3			2			1		1

Окончание таблицы 2

№	Название памятника № объекта	Узда							Седло			
		удила и псалии	пряжки	наконечники	тренчики	распределители	бляхи-накладки	султанчики	стремена	подпружные пряжки	лука ленчика	пробои
8	Грязново-IV											
9	курган №1, могила	1										
9	Заковряшино											
10	курган, могила			1			1					
10	Ильинка											
11	могила-3	2										
11а	сборы						2					
11	Камень-II											
12	курган №13, могила-4											1
12	Кипринский Борок-7											
13	могила?						2					
13	Коловый Мыс											
14	курган №1, могила	1										1
14	Кучук-1											
15	курган №6, могила-1						1					
16	курган №7, могила-1						1					
15	Мало-Панюшово											
17	могила						2					
16	Нечунаево-3											
18	курган №1, могила-2	1										
17	Объездное-I											
19	курган №15, могила-1			?			?					
18	Объездное-2											
20	курган №2, могила	1	4	6	5		28		2			
19	Плотниково											
21	могила?			1			6					
20	Поповская Дача											
22	курган, могила-4	2		3		6	1	1	3		1	
21	Поспелихинский											
23	курган, могила	1		1			3					
22	Прудской											
24	курган №3, могила-1	1								1		1
25	курган №5, могила	1		6	2	4	18	1				1
26	курган №6, могила-1									1		1
27	курган №6, могила-2	1										
23	Рогозиха-1											
28	курган №10, могила-3			1				1	2			
29	курган №15, могила	1		1								
24	Филин-I											
30	курган №1, могила	2		6	1		26		3			
31	курган №2, могила		2				2					1
25	Хабазино-4											
32	могила								1			
26	Яровское-V											
33	курган №3, могила	1										

Таблица 3

Предметы костюма человека из погребальных памятников сросткинской культуры на Приобском плато

№	Название памятника № объекта	Пояса					Украшения и одежда						
		пряжки	наконечники	тренчики	распределители	бляхи-накладки	серьги	перстни	подвески и нашивки	бусы	булавки	застежки	текстиль, кожа
1	Барчиха												
1	курган, могила-1	1				2							
2	курган, могила-2	1				?							
2	Боровиково-IV												
3	курган №1, могила-1	1								3			
3	Боровиково-V												
4	могила	1											
4	Быково-IV												
5	курган №5, могила	1	1					1					
5	Гоньба (Казачий Взвоз)												
6	курган №1, могила-2								1	3			+
7	курган №1, могила-3								2		1		
8	курган №4, могила						2						+
9	курган №5, могила	1											
10	курган №6, могила	1											
11	курган №8, могила								1				+
6	Грань												
12	курган, могила	1				1			2				
7	Грязново-II												
13	курган №1, могила	1											
14	курган №5, могила	1											
8	Грязново-III												
15	курган №1, могила								2	2			
16	курган №2, могила-1									10			
17	курган №2, могила-2									5	1	1	+
18	курган №3, могила-2									2			
9	Грязново-IV												
19	курган №1, могила	1											
10	Заковряшино												
20	курган, могила	1								2			
11	Ильинка												
21	могила-3				4					8			
12	Камень-II												
22	курган №13, могила-2	1											
23	курган №13, могила-3	5		1	1	70							
24	курган №13, могила-4	2											
13	Кипринский Борок-7												
25	могила?							1	1				
14	Кучук-1												
26	курган №6, могила-1	2	1	1			1						

Окончание таблицы 3

№	Название памятника № объекта	Пояса					Украшения и одежда						
		пряжки	наконечники	трензчики	распределители	бляхи-накладки	серьги	перстни	подвески и нашивки	бусы	булавки	застежки	текстиль, кожа
15	Мало-Панюшово												
27	могила							2	10				
16	Нечунаево-3												
28	курган №1, могила-2						2					2	
17	Нечунаевский Елбан-2												
29	могила-1	1	3			6	1			7			
30	могила-2								3				
18	Объездное-I												
31	курган №15, могила-2						2						
19	Поповская Дача												
32	курган, могила-1						2					3	+
33	курган, могила-4		1			14			2				
20	Прудской												
34	курган №2, могила-2						1			1			
35	курган №3, могила-1	1											
36	курган №4, могила-1						2						
37	курган №5, могила						2		2	4			
38	курган №6, могила-1	1											
21	Рогозиха-1												
39	курган №10, могила-2						2			5			
40	курган №10, могила-3					2							
22	Успеновка-II												
41	курган №3, могила-1												+
23	Филин-I												
42	курган №1, могила	3	2	1	2	4							+
24	Шелаболиха-3												
43	курган №7, могила-2	2											
25	Яровское-III												
44	курган, могила								3	5			+
26	Яровское-V												
45	курган №1, могила-1												+

Таблица 4

Орудия труда и предметы быта из погребальных памятников сросткинской культуры на Приобском плато

№	Название памятника № объекта	Орудия труда						Предметы быта					
		ножи	тесла	охотничьи стрелы	оселки и напильники	шилья	пряслица	посуда	зеркала	гребни	игольники	кресала	сумка
1	Барчиха												
1	курган, могила-1	1											
2	курган, могила-2	1						1					
2	Боровиково-IV												
3	курган №1, могила-1	1		1									
3	Боровиково-V												
4	могила	1											
4	Быково-IV												
5	курган №5, могила	1											
5	Гоньба (Казачий Взвоз)												
6	курган №1, могила-2										1		
7	курган №2, могила-2			1									
8	курган №3, могила-2							1					
9	курган №5, могила	1											
10	курган №6, могила	1											
11	курган №7, могила						1						
6	Грань												
12	курган, могила				2								
7	Грязново-I												
13	курган №1, могила-1	1					1						
14	курган №1, могила-2	1											
15	курган №1, могила-3	1											
8	Грязново-II												
16	курган №1, могила	1											
17	курган №3, могила	1			1								
18	курган №5, могила	1											
9	Грязново-III												
19	курган №1, могила	1											
20	курган №2, могила-1	1						1	1				
10	Грязново-IV												
21	курган №1, могила	1											
22	курган №2, могила				1								
11	Ильинка												
23	могила-3	1	1										
12	Камень-II												
24	курган №13, могила-1	1	1										
25	курган №13, могила-3					1							
13	Коловый Мыс												
26	курган №1, могила	1						1					
14	Кучук-1												
27	курган №6, могила-1	1											
28	курган №7, могила-2	1											

Окончание таблицы 4

№	Название памятника № объекта	Орудия труда						Предметы быта					
		ножи	тесла	охотничьи стрелы	оселки и напильники	шилья	пряслица	посуда	зеркала	гребни	игольники	кресала	сумка
15	Мало-Панюшово												
29	могила							2		1	1		
16	Нечунаево-3												
30	курган №1, могила-2	1											
17	Нечунаевский Елбан-2												
31	могила-1	1											
32	могила-2	1											
18	Объездное-2												
33	курган №2, могила		1					1					
19	Поповская Дача												
34	курган, могила-1	1							1				
35	курган, могила-2	1											
36	курган, могила-4	1											23
20	Поспелихинский												
37	курган, могила	1											
21	Прудской												
38	курган №2, могила-2	1											
39	курган №3, могила-1	1											
40	курган №4, могила-2	1			1								
41	курган №6, могила-1	1		1								1	
22	Рогозиха-1												
42	курган №10, могила-1	1											
43	курган №10, могила-2								1				
23	Успеновка-II												
44	курган №3, могила-1				1	1					1		
45	курган №3, могила-2							1					
24	Филин-I												
46	курган №1, могила	3						2					
25	Шелаболиха-3												
47	курган №7, могила-2	1											
26	Яровское-III												
48	курган, могила				1				1				1
27	Яровское-V												
49	курган №1, могила-1	1						1					
50	курган №2, могила-2											1	
51	курган №3, могила	1										1	
52	курган №4, могила	1				1	1						
28	Быково												
53	курган, могила							1					

Таблица 5

Данные о погребальных объектах сросткинской культуры на Приобском плато

№	Название памятника № объекта	Размеры кургана (м)		Размеры могильной ямы (м)		Конструкция могилы				Курганные сооружения			Люди		Животные		
		диаметр насыпи	высота насыпи	длина и ширина	глубина	простая яма	сложная яма	наземное перекрытие	внутреннее сооружение	ров	рама-ограда	столб	пол	возраст	лошадь	шкура лошади	собака
1	Барчиха																
1	курган	32	?							+							
1	могила-1			?	?	+		+	+				М	зрел		1	
2	могила-2 (центральная)			?	?	+							М	зрел		1	
2	Боровиково-IV																
2	курган №1	11,5	0,5									2					
3	могила-1 (центральная)			2,53×1,52	1,01	+		+	+				М Ж	ст.55 14–18			
4	могила-2			1,1×0,81	0,2	+							Р Р Р	3,5–4,5 3–4 2–2,5			
3	Боровиково-V																
5	могила			2,05×1	0,57	+		+					М	30–35			
4	Быково																
3	курган	15×10	1														
6	могила			?	1,3	+							?	?	?		
5	Быково-IV																
4	курган №5	12	0,25									1					
7	могила			2,83×2,2	1,59		С	+					М	?	1		
6	Гоньба (Казачий Взвоз)																
5	курган №1	5,66	0,71														
8	могила-1			?	1,55	+			+				В	?			
9	могила-2 (центральная)			?	1,55	+			+				Ж	?			
10	могила-3			?	1,51	+			+				Р	4–5			
11	могила-4			?	1,51	+			+				Р	2–3			
6	курган №2	4,98	0,71														

Продолжение таблицы 5

№	Название памятника № объекта	Размеры кургана (м)		Размеры могильной ямы (м)		Конструкция могилы				Курганные сооружения			Люди		Животные			
		диаметр насыпи	высота насыпи	длина и ширина	глубина	простая яма	сложная яма	наземное перекрытие	внутреннее сооружение	ров	рама-ограда	столб	пол	возраст	лошадь	шкура лошади	собака	
12	могила-1 (центральная)			?	1,02	+			+				М	?				
13	могила-2			?	1,16	+			+				М	?				
7	курган №3	10,67	0,71															
14	могила-1			?	1,16	+			+				Р	2–3				
15	могила-2 (центральная)			?	1,38	+			+				М	?				
16	могила-3			?	1,51	+			+				В	?				
8	курган №4	5,69	0,71															
17	могила			?	1,87	+			+				Ж	пож.				
9	курган №5	4	0,35															
18	могила			2×1	1	+			+				М	?				
10	курган №6	4	0,35															
19	могила			2×1	1	+			+				М	?				
11	курган №7	6	0,35															
20	могила			2×1	1	+			+				2В	?				
12	курган №8	6	0,35															
21	могила			2×1,7	1	+			+				2В	?				
7	Грань																	
13	курган	28,5×24	0,7							+		1						
22	могила			3,32×1,97	1,32	+		+	+				М	20–25	3			
8	Грязново-I																	
14	курган №1	13,2×11,2	0,85															
23	могила-1 (центральная)			2,35×1	0,7	+			+				Ж	35–40				
24	могила-2			2,3×0,85	0,85	+		+					Ж	30–35				
25	могила-3			2,13×1,15	1,2	+		+					М Ж	35–40 25				
15	курган №2	12,2×11	0,65							+		2						
26	могила			1,85×1,65	0,92	+		+					М	40–45				

Продолжение таблицы 5

№	Название памятника № объекта	Размеры кургана (м)		Размеры могильной ямы (м)		Конструкция могилы				Курганные сооружения			Люди		Животные		
		диаметр насыпи	высота насыпи	длина и ширина	глубина	простая яма	сложная яма	наземное перекрытие	внутреннее сооружение	ров	рама-ограда	столб	пол	возраст	лошадь	шкура лошади	собака
9	Грязново-II																
16	курган №1	9×8,4	0,6									3					
27	могила			2,25×1,95	1,15	+		+					М 2Р	40–50 6–7			
17	курган №2	9,2×8,5	0,5									2					
28	могила-1			1,6×0,75	1,5	+			+				М	16–18			
29	могила-2 (центральная)			2×1,3	1,6	+							М Ж	35–40 25–35			
18	курган №3	9,5×9	0,5							+							
30	могила			1,94×1,18	1,3	+		+					М	50–60			
19	курган №4	10	0,8														
31	могила			2,2×1,3	1,57	+							В	?			1
20	курган №5	10	0,6														
32	могила			2×0,9	0,85	+							кен.				
10	Грязново-III																
21	курган №1	12×11	0,5														
33	могила			2,3×1,22	1,7	+							Ж Р	35 1			
22	курган №2	11,6×9,4	0,4														
34	могила-1 (центральная)			2,4×1,2	1,25	+			+				Ж Р	25 1			
35	могила-2			2,3×1,2	1,35	+			+				Ж Ж М	30–35 ? ?			
23	курган №3	9	0,55														
36	могила-1 (центральная)			2,2×0,9	1,2	+			+				М	?	1		
37	могила-2			2,15×0,85	1,7	+							Ж	?			

Продолжение таблицы 5

№	Название памятника № объекта	Размеры кургана (м)		Размеры могильной ямы (м)		Конструкция могилы				Курганные сооружения			Люди		Животные		
		диаметр насыпи	высота насыпи	длина и ширина	глубина	простая яма	сложная яма	наземное перекрытие	внутреннее сооружение	ров	рама-ограда	столб	пол	возраст	лошадь	шкура лошади	собака
11	Грязново-IV																
24	курган №1	17×13	1							+		1					
38	могила			1,9×1,15	0,9	+			+				М	25–30			
25	курган №2	6,6×6	0,18									2					
39	могила			1,5×1,18	1,35	+							М Ж	50 30–35			
12	Заковряшино																
26	курган	?	?														
40	могила			?	?								М	?	1		
13	Ильинка																
41	могила-2			2,1×1,2	1	+			+				М	25–30	1		
42	могила-3			?	?	+							2М М Р Р	25–30 35–40 5–6 6–10			
14	Камень-I																
27	курган №1	12,8×9,5	0,4									1					
43	могила			2,2×1,4	наземное			+					В	?			
15	Камень-II																
28	курган №13	20×18	0,3							+							
44	могила-1			2,1×0,72	1,7	+			+				М	?			
45	могила-2			1,3×0,7	1,56		П		+				Р	10–12			
46	могила-3			1,9×0,75	1,9	+		+					М	?			
47	могила-4 (центральная)			3,1×1,95	2,45	+			+				2М	?	1		
16	Кипринский Борок-7																
48	могила			?	?								?	?			
17	Коловый Мыс																
29	курган №1	9	0,12														
49	могила			1,6×1,2	0,35–1,6		2К		+				М	?	1		

Продолжение таблицы 5

№	Название памятника № объекта	Размеры кургана (м)		Размеры могильной ямы (м)		Конструкция могилы					Курганные сооружения			Люди		Животные		
		диаметр насыпи	высота насыпи	длина и ширина	глубина	простая яма	сложная яма	наземное перекрытие	внутреннее сооружение	ров	рама-ограда	столб	пол	возраст	лошадь	шкура лошади	собака
18	Кучук-1																
30	курган №6	19	?							+							
50	могила-1 (центральная)			3×1,9	0,88	+			+				ЗМ	?			
51	могила-2			1,5×0,93	1,25	+			+				В	?			
52	могила-3			2,41×0,92	0,9	+			+				В	?			
31	курган №7	15	?							+							
53	могила-1 (центральная)			2,45×1,55	1,16		С	+					М	?	1		
54	могила-2			2×1,15	1,19	+			+				В	?			
55	могила-3			1,26×0,56	0,95	+							В	?			
19	Мало-Панюшово																
56	могила			?	?	+			+				ЖиР	?			
20	Нечунаево-3																
32	курган №1	12	0,8														
57	могила-1			1,2×0,72	0,8	+			+				Р	?			
58	могила-2 (центральная)			2,4×1,4	1,2	+			+				Ж	40–60			
21	Нечунаевский Елбан-2																
59	могила-1			?	0,8	+							Р	5–6			
60	могила-2			?	?	+							?	?			
22	Объездное-I																
33	курган №15	?	?							+							1
61	могила-1 (центральная)			?	?	+							М	?	1		
62	могила-2			?	?	+							ЖиР	?			
23	Объездное-2																
34	курган №2	35×32	0,55							+		3					
63	могила			3×2,3	1,74	+		+	+				М	?	1		
24	Плотниково																
64	могила			?	?								?	?	?		

Продолжение таблицы 5

№	Название памятника № объекта	Размеры кургана (м)		Размеры могильной ямы (м)		Конструкция могилы				Курганные сооружения			Люди		Животные			
		диаметр насыпи	высота насыпи	длина и ширина	глубина	простая яма	сложная яма	наземное перекрытие	внутреннее сооружение	ров	рама-ограда	столб	пол	возраст	лошадь	шкура лошади	собака
25	Поповская Дача																
35	курган	26×22	0,8							+		5					
65	могила-1			1,85×0,92	1,18	+			+				2Р	?			
66	могила-2			2,52×1,5	0,97–1,35		С	+					Ж	25–30			1
67	могила-3			0,13×0,15	наземное								Р	?			
68	могила-4 (центральная)			3,6×3,16	0,53–1,4		2К	+	+				2МиР	?	2		
69	могила-5			1,54×1,43	0,75		П		+				Р	?			
26	Поспелихинский																
36	курган	15	1							+							
70	могила					+			+				В	?	1		
27	Прудской																
37	курган №1	12	0,35									1					
71	могила			2,06×1,03	0,81	+			+				Ж	20–25			
38	курган №2	12,5×10,5	0,25							+		1					
72	могила-1 (центральная)			2,21×0,83	0,9	+		+					Ж	40–45			
73	могила-2			1,92×0,64	0,6	+							Р	?			
39	курган №3	11	0,25								+						
74	могила-1 (центральная)			2,34×0,8	0,53	+		+					М	45–50			
75	могила-2			1,5×0,52	0,17	+		+					Р	?			
40	курган №4	10	0,2								+						
76	могила-1 (центральная)			1,98×0,89	0,9	+		+					Ж	25–30			
77	могила-2			2,32×1,61	0,8	+		+					М	55–60			
41	курган №5	12	0,3														
78	могила			2,3×0,97	0,56	+		+	+				Ж?	50–55			
42	курган №6	10	0,35								+	2					
79	могила-1 (центральная)			2,26×0,86	0,88	+		+	+				М	35–40			
80	могила-2			1,83×1,06	0,5–0,8		С						М	30–35			

Продолжение таблицы 5

№	Название памятника № объекта	Размеры кургана (м)		Размеры могильной ямы (м)		Конструкция могилы				Курганные сооружения			Люди		Животные		
		диаметр насыпи	высота насыпи	длина и ширина	глубина	простая яма	сложная яма	наземное перекрытие	внутреннее сооружение	ров	рама-ограда	столб	пол	возраст	лошадь	шкура лошади	собака
28	Рогозиха-1																
43	курган №9	15	0,15							+		1					
81	могила			1,3×1,2	наземное			+					МиР	?			
44	курган №10	18,5×17	0,4							+							
82	могила-1			1,8×0,9	1,27	+			+				М	?			
83	могила-2			2,1×1,9	2,2	+			+				Ж	?			
84	могила-3 (центральная)			2×1,05	1,1	+		+					М	?	1		
45	курган №11	20	0,3							+							
85	могила-1			2,56×1,31	1,65	+			+				В	?			
86	могила-2 (центральная)			3×1,65	3	+			+				В	?			
46	курган №15	25	0,7							+							
87	могила			2,8×1,9	2,55	+			+				В	?	1		
29	Успеновка-II																
47	курган №3	17,1×16	0,7							+		1					1
88	могила-1 (центральная)			2,82×1,8	1,25–1,5		С	+	+				Ж?	25–30			
89	могила-2			2×1,22	0,83–0,94		С	+					Ж	50–55			
90	могила-3			2,2×1,85	1,28–1,45		С						Ж	18–19			
30	Филин-I																
48	курган №1	24,5×22	0,6							+							
91	могила			2,75×2,35	0,65–0,85		2К	+	+				М Ж Р	25–30 45–50 ?	2		
49	курган №2	24,5×22	0,5							+		1					
92	могила			2,6×1,24	0,86	+		+	+				М	45–50	1		
31	Хабазино-4																
93	могила	?	?	?	?	+			+				М	?	1		
32	Шелаболиха-3																
50	курган №6	18	0,3							+		3					

Окончание таблицы 5

№	Название памятника № объекта	Размеры кургана (м)		Размеры могильной ямы (м)		Конструкция могилы				Курганные сооружения			Люди		Животные		
		диаметр насыпи	высота насыпи	длина и ширина	глубина	простая яма	сложная яма	наземное перекрытие	внутреннее сооружение	ров	рама-ограда	столб	пол	возраст	лошадь	шкура лошади	собака
94	могила-1			0,8×0,4	0,1	+			+				Р	мл.			
95	могила-2			1,7×0,5	0,2	+			+				В	?			
96	могила-3			1,95×0,72	0,2	+		+					В	?			
97	могила-4 (центральная)			2,3×1	0,35	+			+				В	?			
98	могила-5			2,3×0,75	0,2	+			+				В	?			
51	курган №7	16	0,2									1					
99	могила-1			1,85×1	0,4	+							Ж	мол.			
100	могила-2 (центральная)			3,05×1,35	0,4	+			+				М	?	1		
33	Яровское-III																
52	курган	20	0,35														
101	могила			2,6×2,16	2,2	+			+				М Ж	35–45 30–40			
34	Яровское-V																
53	курган №1	12	0,35									1					
102	могила-1 (центральная)			1,94×0,63	0,88	+			+				Ж	40–45			
103	могила-2			0,95×0,5	0,2	+			+				Р	?			
104	могила-3			1,1×0,43	0,45	+							Р	3			
54	курган №2	9	0,2									1					
105	могила-1 (центральная)			1,75×1,22	0,75	+							Ж Р	? 6–7			
106	могила-2			1,94×0,85	0,72		С		+				М	30–35			
55	курган №3	9	0,25									1					
107	могила			1,88×0,73	0,62	+							М	50–55			
56	курган №4	8	0,35									1					
108	могила			2,5×1,1	0,4	+		+	+				М	45–50			

Сокращения: П – подбой; 2К – две камеры; С – ступенька; М – мужчина; Ж – женщина; Р – ребенок; В – взрослый; кен. – кенотаф.

Таблица 6

Распределение сопроводительного инвентаря в погребениях сросткинской культуры на Приобском плато

№	Название памятника № объекта	Оружие				Конское снаряжение			Костюм					Орудия труда			Предметы быта				Драгоценные металлы
		стрелковое	таранное	длинно-клинковое	коротко-клинковое	простая узда	наборная узда	седло	простой пояс	наборный пояс	украшения	крепления	одежда	охотничьи	универсальные	специальные	органическая посуда	металлическая посуда	вспомогательные	туалетные	
1	Барчиха																				
1	курган, могила-1	1		1	1	1				2					1						
2	курган, могила-2	1	1	1						2					1			1			
2	Боровиково-IV																				
3	курган №1, могила-1	1				1		2	1		1			1	1						
4	курган №1, могила-2	без инвентаря																			
3	Боровиково-V																				
5	могила					1			1						1						
4	Быково																				
6	курган, могила						1										1				
5	Быково-IV																				
7	курган №5, могила	2	1			1			2		1				1						
6	Гоньба (Казачий Взвоз)																				
8	курган №1, могила-1	без инвентаря																			
9	курган №1, могила-2										2		+			1			1		
10	курган №1, могила-3										1	1									
11	курган №1, могила-4	без инвентаря																			
12	курган №2, могила-1	1	1																		
13	курган №2, могила-2	1			1									1							
14	курган №3, могила-1	без инвентаря																			
15	курган №3, могила-2		1														1				
16	курган №3, могила-3	без инвентаря																			
17	курган №4, могила										1		+								
18	курган №5, могила								1						1						
19	курган №6, могила								1						1						
20	курган №7, могила															1					
21	курган №8, могила										1		+								
7	Грань																				
22	курган, могила	1	1	1			3	1		2	1				1						ЗиС
8	Грязново-I																				
23	курган №1, могила-1														1	2					
24	курган №1, могила-2														1						
25	курган №1, могила-3														1						
26	курган №2, могила	без инвентаря																			
9	Грязново-II																				

Продолжение таблицы 6

№	Название памятника № объекта	Оружие				Конское снаряжение			Костюм					Орудия труда			Предметы быта				Драгоценные металлы
		стрелковое	таранное	длинно-клинковое	коротко-клинковое	простая узда	наборная узда	седло	простой пояс	наборный пояс	украшения	крепления	одежда	охотничьи	универсальные	специальные	органическая посуда	металлическая посуда	вспомогательные	туалетные	
27	курган №1, могила								1						1						
28	курган №2, могила-1	без инвентаря																			
29	курган №2, могила-2	1																			
30	курган №3, могила					1		1							2						
31	курган №4, могила	без инвентаря																			
32	курган №5, могила	1		1			3	2	1						1						
10	Грязново-III																				
33	курган №1, могила										2				1						
34	курган №2, могила-1										1				1		1			1	
35	курган №2, могила-2				1						1	2	+								
36	курган №3, могила-1	1																			
37	курган №3, могила-2										1										
11	Грязново-IV																				
38	курган №1, могила	1				1			1						1	1					
39	курган №2, могила														1						
12	Заковряшино																				
40	курган, могила						2		1		1										З
13	Ильинка																				
41	могила-2	без инвентаря																			
42	могила-3	1				1			1		1				1	1					
14	Камень-I																				
43	курган №1, могила	без инвентаря																			
15	Камень-II																				
44	курган №13, могила-1														1	1					
45	курган №13, могила-2								1												
46	курган №13, могила-3	2		1						4						1					
47	курган №13, могила-4	1						1	1												
16	Кипринский Борок-7																				
48	могила?						1				2										
17	Коловый Мыс																				
49	курган №1, могила	1				1		1							1		1				
18	Кучук-1																				
50	курган №6, могила-1	1					1		3		1				1						
51	курган №6, могила-2	без инвентаря																			
52	курган №6, могила-3	без инвентаря																			
53	курган №7, могила-1				1		1														
54	курган №7, могила-2														1						
55	курган №7, могила-3	без инвентаря																			
19	Мало-Панюшово																				
56	могила						1				2						1	1	1	1	З

Продолжение таблицы 6

№	Название памятника № объекта	Оружие				Конское снаряжение			Костюм					Орудия труда			Предметы быта				Драгоценные металлы
		стрелковое	таранное	длинно-клинковое	коротко-клинковое	простая узда	наборная узда	седло	простой пояс	наборный пояс	украшения	крепления	одежда	охотничьи	универсальные	специальные	органическая посуда	металлическая посуда	вспомогательные	туалетные	
20	Нечунаево-3																				
57	курган №1, могила-1	без инвентаря																			
58	курган №1, могила-2					1					1	1			1						
21	Нечунаевский Елбан-2																				
59	могила-1	1								3	2				1						
60	могила-2	1									1				1						С
22	Объездное-I																				
61	курган №15, могила-1	1					2														З
62	курган №15, могила-2										1										
23	Объездное-2																				
63	курган №2, могила	1					5	1								1		1			З
24	Плотниково																				
64	могила?						2														З
25	Поповская Дача																				
65	курган, могила-1										1	1	+		1					1	ЗиС
66	курган, могила-2														1						
67	курган, могила-3	без инвентаря																			
68	курган, могила-4	2		2		3	5	2		2	1				1				2		ЗиС
69	курган, могила-5	без инвентаря																			
26	Поспелихинский																				
70	курган, могила						3								1						
27	Прудской																				
71	курган №1, могила	без инвентаря																			
72	курган №2, могила-1	без инвентаря																			
73	курган №2, могила-2										2				1						
74	курган №3, могила-1	1				1		2	1						1						
75	курган №3, могила-2	без инвентаря																			
76	курган №4, могила-1										2										
77	курган №4, могила-2														2						
78	курган №5, могила			1			6	1			3										
79	курган №6, могила-1	3		2				2	1					1	1				1		
80	курган №6, могила-2					1															
28	Рогозиха-1																				
81	курган №9, могила	без инвентаря																			
82	курган №10, могила-1	1													1						
83	курган №10, могила-2										2									1	
84	курган №10, могила-3			1			2	1		1											
85	курган №11, могила-1	без инвентаря																			
86	курган №11, могила-2	без инвентаря																			
87	курган №15, могила						2														З

Окончание таблицы 6

№	Название памятника № объекта	Оружие				Конское снаряжение			Костюм					Орудия труда			Предметы быта				Драгоценные металлы
		стрелковое	таранное	длинно-клинковое	коротко-клинковое	простая узда	наборная узда	седло	простой пояс	наборный пояс	украшения	крепления	одежда	охотничьи	универсальные	специальные	органическая посуда	металлическая посуда	вспомогательные	туалетные	
29	Успеновка-II																				
88	курган №3, могила-1			1									+		1	1			1		
89	курган №3, могила-2																1				
90	курган №3, могила-3	без инвентаря																			
30	Филин-I																				
91	курган №1, могила	2		2		1	4	1	2	5			+		1			1			
92	курган №2, могила			1			2	1													
31	Хабазино-4																				
93	могила	2						1													
32	Шелаболиха-3																				
94	курган №6, могила-1	без инвентаря																			
95	курган №6, могила-2	без инвентаря																			
96	курган №6, могила-3	без инвентаря																			
97	курган №6, могила-4	без инвентаря																			
98	курган №6, могила-5	без инвентаря																			
99	курган №7, могила-1	без инвентаря																			
100	курган №7, могила-2								1						1						
33	Яровское-III																				
101	курган, могила			1							2		+		1				1	1	С
34	Яровское-V																				
102	курган №1, могила-1												+		1		1				
103	курган №1, могила-2	без инвентаря																			
104	курган №1, могила-3	без инвентаря																			
105	курган №2, могила-1	без инвентаря																			
106	курган №2, могила-2																		1		
107	курган №3, могила					1									1				1		
108	курган №4, могила	1													1	1			1		

Красным цветом отмечены грабленые или разрушенные могилы, зеленым – нерабленые; цифры в столбцах указывают количество видов предметов в одной позиции. З – золото, С – серебро.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

А.А. Тишкин

РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ НАХОДОК ИЗ ПАМЯТНИКОВ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ИССЛЕДОВАННЫХ ЭКСПЕДИЦИЯМИ АГУ НА ПРИОБСКОМ ПЛАТО В 1997–2004 ГГ.

Изучению изделий из цветных металлов, обнаруженных в ходе раскопок памятников сросткинской культуры, уже посвящено существенное количество публикаций, в том числе монографического характера [Король, 2008; Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009; Тишкин, Серегин, 2011; и др.]. Особое внимание уделялось художественному металлу: даны определения химического состава разных находок, отражены особенности технологий изготовления, рассмотрены варианты декора и т.д.

В подготовленной монографии вводятся в научный оборот серия предметов торевтики и другие артефакты, которые исследовались с помощью рентгенофлюоресцентного анализа. Некоторые результаты полученных заключений уже нашли отражение в предварительных сообщениях и статьях (см., например: [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2005, 2007; Тишкин, Горбунов, 2022]), другие тестировались специально для этого издания. По разным причинам часть определений пришлось сделать дополнительно.

Публикуемые данные получены с помощью портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США, в комплекте с карманным переносным компьютером и испытательным стендом). Они дополняют сбор сведений, которые позволят осуществлять изучение археологических материалов на репрезентативном уровне. Указанный прибор, находящийся в Центре коллективного пользования «Материаловедение» Алтайского государственного университета, предназначен для количественного неразрушающего определения содержания химических элементов методом рентгенофлюоресцентной спектрометрии в изделиях из цветных металлов и сплавов, а также для выявления состава жидких и порошковых проб, руд и шлаков. Для фиксации результатов применялась компьютерная программа с режимом «Аналитический», адаптированная для изучения соответствующих археологических находок и предусматривающая время измерения 30 секунд. Тестирования публикуемых материалов осуществлялись указанным прибором в разное время, но основной массив заключений был получен в 2020–2022 гг., в период выполнения гранта РФФИ (проект №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования»).

Проанализированные предметы хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия). Процедура тестирования и отражение полученных результатов выполнялись в рамках подходов, выработанных автором при проведении многочисленных рентгенофлюоресцентных анализов. Показатели не сводились в таблицу, потому что такой формальный вариант подачи поэлементных рядов не отражает особенности осуществленной работы с каждым конкретным предметом, имеющим свою специфику. К тому же не всегда можно сделать серию заключений по одному заданному алгоритму, так как, например, у находок разная сохранность или сложная комплектация. Хотя для некоторых категорий изделий вполне применима схема изучения, имеющая вполне конкретный стандарт. Один из таких вариантов, например, будет ниже продемонстрирован при исследовании идентичных блях-накладок. Однако часто требуется неоднократное тестирование в разных местах или для проверки полученных показателей.

Осуществляемый рентгенофлюоресцентный анализ – это процесс, который должны понимать другие исследователи. Дело в том, что приводимые данные в определенной мере носят предварительный (первичный) характер и необходимо дальнейшее более углубленное изучение результатов и самих изделий. Есть другие методы и приборы, которые постоянно совершенствуются. Предстоит еще неоднократное повторное обращение к ранее изученным предметам, так как не все необходимые показатели удается фиксировать, не всего из полученных данных достаточно для технологических и других реконструкций. Например, используемый мною прибор не может определить наличие ртути при фиксируемом амальгамировании. Для этого пришлось проводить отдельные исследования на стационарном комплексе Х-Арт М [Тишкин, 2017], который при указанном преимуществе тоже не лишен недостатков.

Имеется масса специфических моментов и нюансов у рентгенофлюоресцентного анализа (настройка прибора, используемые эталоны, площадь тестирования, количество сделанных определений и др.). Даже угол и расстояние расположения артефакта имеют значение. Эти и другие моменты отражены в литературе (см., например: [Цветные…, 2006, с. 114–120]). Нет смысла на них останавливаться. Важно понимать, что результаты анализов не стоит абсолютизировать. Это касается и нижеприводимых данных. Главным является понимание тех тенденций и соотношений, которые действительно имеют место. Пока для археологов аналитика осуществляется на уровне химических и металлургических групп. Этого вполне хватает для первичного понимания и сравнения составов сплавов. Но когда начинается изучение технологии производства и рассмотрение других аспектов (например, выявление рудных источников), то требуется уже привлечение расширенного варианта данных, которые можно получить с помощью разных современных приборов и методов.

На мой взгляд, обязательным является тестирование поверхности изделия из цветного металла, покрытой окислами. С одной стороны, мы имеем своеобразный «фоновый срез», а с другой – выявляем целый ряд элементов, на которые необходимо обратить внимание для решения обозначающихся вопросов (наличие рудных примесей, влияние окружавшей среды, уровень загрязнения и др.). Обязательным является получение результатов анализа на участках, освобожденных от окислов. Механическое снятие их, как правило, осуществляется с обратной стороны изделия или в малоприметном месте и только на одном участке. Музейные хранители не позволяют это делать в разных точках, хотя при реставрации обязательным условием является удаление всех окислов с поверхности. Поэтому тестирование лучше осуществлять в нескольких местах до сдачи находок в музей, до реставрации или во время нее. Получение необходимого участка, освобожденного от окислов, у исследуемых находок, которые публикуются в данной монографии, происходило с помощью ювелирных инструментов и приспособлений. В основном использовались мини электрические дрели (со специальными мягкими насадками и разным режимом работы), которые весьма эффективны, если изделия хорошо сохранились. При этом весь процесс осуществлялся аккуратно и без повреждений. Если предмет был хрупкий, то удаление окислов не выполнялось, а демонстрируемые результаты могут рассматриваться только лишь на качественном уровне, о чем отдельно будет указано. В некоторых случаях производилось только легкое снятие загрязнений. Вообще подготовительный этап имеет важное значение для исследований. От него зависит дальнейший фиксируемый результат, который затем используется при интерпретации, сравнении и формулировке заключений.

На мой взгляд, стоит в публикации давать краткое описание осуществленных действий при рентгенофлюоресцентном анализе. В какой-то мере именно данное обстоятельство повлияло на оформление специального приложения с текстом-пояснением. На этой основе потом можно делать и таблицы, и графики, и диаграммы. Основная же задача приложения II заключается в том, чтобы в нем полностью представить полученные результаты. Более детальное изучение лучше проводить по сериям изделий. Для этого и для дальнейших обобщений потребуется другая работа.

Все показатели состава сплавов, имеющиеся к настоящему времени, обобщены в порядке представления памятников для удобного соотнесения с иллюстративным рядом, оформленном в приложении I.

На памятнике ***Яровское-III*** найден фрагмент металлического зеркала (рис. 5.-*9*; кол. 164/1). Эта находка и результаты рентгенофлюоресцентного анализа уже ранее рассматривались [Тишкин, Серегин, 2011, с. 58, 84–85, табл. XXXIII]. Однако был смысл сделать повторные исследования, так как после выхода указанной монографии прибор прошел поверку и дополнительную настройку (автор благодарен П.В. Хворову, научному сотруднику Института минералогии УрО РАН (г. Миасс), за помощь в этом деле).

Сначала по центру тестировалась окисленная лицевая поверхность и получены следующие показатели: Cu (медь) – 51,21%; Sn (олово) – 39,49%; Pb (свинец) – 6,4%; Sb (сурьма) – 1,25%; As (мышьяк) – 1,11%; Fe (железо) – 0,33%; Ni – 0,21%. Затем определения делались с обратной стороны: Cu – 53,86%; Sn – 39,77%; Pb – 3,87%; Sb – 1,2%; As – 0,71%; Fe – 0,36%; Ni (никель) – 0,23%. Три поэлементных ряда получены при тестировании участка у слома, на котором удалялись окислы:

– Cu – 64,51%; Sn – 26,96%; Pb – 6,35%; Sb – 0,93%; As – 0,71%; Fe – 0,37%; Ni – 0,17%;

– Cu – 65,13%; Sn – 26,41%; Pb – 6,29%; Sb – 0,94%; As – 0,72%; Fe – 0,3%; Ni – 0,21%;

– Cu – 66,47%; Sn – 25,31%; Pb – 6,56%; Sb – 0,72%; As – 0,52%; Fe – 0,28%; Ni – 0,14%.

Кроме этого, дважды исследовался участок на самом сломе, где раньше уже делался анализ, но при этом осуществлялось дополнительное снятие окислов:

– Cu – 60,99%; Sn – 29,91%; Pb – 6,9%; Sb – 0,89%; As – 0,82%; Fe – 0,28%; Ni – 0,21%;

– Cu – 61,75%; Sn – 29,49%; Pb – 6,7%; Sb – 0,93%; As – 0,75%; Fe – 0,21%; Ni – 0,17%.

Приведенные схожие результаты указывают на то, что изделие бронзовое. Оно было изготовлено из медно-оловянно-свинцового сплава (Cu+Sn+Pb). Заметное наличие сурьмы (Sb) и мышьяка (As) может отражать присутствие таких рудных примесей в меди. Наличие железа (Fe) и никеля (Ni), вероятнее всего, указывает на проникновение окислов от поверхности в глубь находки.

При раскопках курганов памятника ***Яровское-V*** предметы из цветного металла не обнаружены.

Исследование одиночного кургана ***Грань***, несмотря на почти тотальное ограбление, позволило получить ряд находок из цветного металла. Их рассмотрение начнем с полосок, обозначенных как оковки деревянной рамы (рис. 25.-*5–7*, кол. 166/24).

Сначала тестировалась окисленная поверхность малого фрагмента (рис. 25.-*5*): Ag (серебро) – 87,21%; Cu – 9,14%; Zn (цинк) – 1,22%; Pb – 0,94%; Fe – 0,96%; Bi (висмут) – 0,3%; As – 0,24%. Затем исследовался участок с обратной стороны, на котором удалялись лишь загрязнения: Ag – 91,12%; Cu – 6,05%; Zn – 1,04%; Pb – 0,92%; Fe – 0,66%; Bi – 0,21%.

Аналогичным образом изучалась более длинная полоса (рис. 25.-*6*). Последовательно зафиксированы следующие показатели:

– Ag – 89,06%; Cu – 8,04%; Zn – 0,9%; Pb – 0,83%; Fe – 0,65%; Bi – 0,48%; Ni – 0,05%;

– Ag – 88,78%; Cu – 8,16%; Zn – 1,12%; Pb – 0,85%; Fe – 0,76%; Bi – 0,34%.

Полученные данные свидетельствуют, что основой сплава является серебро (Ag). В связи с этим не стоит исключать другое предназначение обнаруженных пластин.

Найденную пряжку (рис. 26.-*4*; кол. 166/8) сотрудники музея пытались освободить от коррозии и загрязнений с помощью раствора лимонной кислоты. Однако за прошедшее время стал формироваться новый слой поверхностных окислов. На это указывают следующие результаты рентгенофлюоресцентного анализа лицевой стороны: Cu – 92,77%; Pb – 4,96%; Sn – 1,56%; Zn – 0,23%.

С обратной стороны изделия был зачищен довольно большой участок для тестирования прибором в двух разных местах:

– Cu – 95,06%; Pb – 2,84%; Sn – 1,21%; Zn – 0,39%; Fe – 0,05%;
– Cu – 95,25%; Pb – 2,8%; Sn – 1,11%; Zn – 0,4%; Fe – 0,06%.

Аналогичные результаты дважды были получены при исследовании перемычки для закрепления железного язычка, что было обусловлено цветовым отличием поверхности:
– Cu – 91,7%; Pb – 6,58%; Sn – 1,2%; Zn – 0,4%; Fe – 0,12%;
– Cu – 89,26%; Pb – 9,13%; Sn – 1,11%; Zn – 0,38%; Fe – 0,12%.

Зафиксирован медно-свинцово-оловянный сплав (Cu+Pb+Sn). Наличие цинка (Zn) может свидетельствовать о рудной примеси, а присутствие железа (Fe) – об остатках окислов. Повышенное содержание свинца на перемычке стало причиной небольшого изменения цветовой гаммы.

Бляха-накладка (рис. 26.-*5*; кол. 166/17) имела небольшие дефекты и цвет, позволяющий предполагать наличие на лицевой поверхности золота, что и было подтверждено осуществленным анализом: Au (золото) – 40,24%; Ag – 25,4%; Cu – 23,56%; Sn – 6,17%; Pb – 4,07%; Zn – 0,32%; As – 0,24%. Обратная сторона отличалась другим видом. Тестирование участка у слома, где частично были удалены поверхностные окислы, показало следующие результаты: Cu – 48,89%; Ag – 37,26%; Sn – 6,74%; Pb – 5,82%; Zn – 1,01%; Fe – 0,28%. Близкие данные были получены при повторном исследовании другого места со снятием коррозии: Cu – 46,46%; Ag – 40,78%; Sn – 7,16%; Pb – 4,62%; Zn – 0,69%; Fe – 0,28%.

Судя по представленным данным, бляха-накладка была изготовлена из сложного сплава, в котором преобладали медь (Cu) и серебро (Ag). При этом лицевая сторона была позолочена.

Найденный обрывок фольги (рис. 26.-*6*) сначала исследовался без удаления темных окислов: Ag – 98,11%; Cu – 1,18%; Pb – 0,51%; Fe – 0,2%. Затем на обратной стороне осуществлялось снятие загрязнений, что несколько уточнило сплав на серебряной основе: Ag – 98,04%; Cu – 1,57%; Pb – 0,38%. Другой аналогичный фрагмент (рис. 26.-*7*) тестировался только однажды и в окисленную поверхность желтоватого цвета: Ag – 97,79%; Cu – 1,24%; Fe – 0,5%; Pb – 0,48%. Зафиксированные результаты изучения обеих находок указывают на использование серебряной фольги. Однако определить ее предназначение затруднительно.

Стоит указать, что фрагмент своеобразной бляхи-накладки (рис. 28.-*2*) не исследовался, так как он не был выявлен в хранящейся коллекции.

Сердцевидная бляха-накладка (рис. 28.-*3*; кол. 166/14) на лицевой стороне имела позолоту, которая местами стерлась. Осуществлялось тестирование в центре изделия, где имелись поверхностные окислы. Получены такие показатели химического состава: Cu – 63,49%; Au – 26,33%; Sn – 4,94%; Pb – 2,59%; Ag – 1,08%; Fe – 0,77%; Sb – 0,56%; As – 0,24%. Дополнительно исследовался бортик, который, судя по полученным результатам, тоже был позолочен: Cu – 74,07%; Au – 15,72%; Sn – 4,3%; Pb – 3,37%; Fe – 2,53%. Осуществить анализ внутренней стороны изделия не представлялось возможным из-за наличия остатков кожаного ремня.

Аналогичная сердцевидная позолоченная бляха-накладка (рис. 28.-*4*; кол. 166/15) изучалась следующим образом. Сначала тестировалась по центру лицевая сторона со следами коррозии: Cu – 69,24%; Au – 21,54%; Sn – 4,73%; Pb – 2,81%; Ag – 0,81%; As – 0,54%; Fe – 0,29%. Затем дважды в разных местах исследовался участок основания, не закрытый сохранившейся кожей, где были удалены окислы, но внутри они остались:
– Cu – 90,87%; Sn – 4,84%; Pb – 3,83%; Fe – 0,46%;
– Cu – 90,4%; Sn – 4,65%; Pb – 4,04%; Fe – 0,91%.

Кроме этого, изучался бортик бляхи-накладки (без удаления окислов), который также оказался позолоченным: Cu – 58,17%; Au – 31,99%; Sn – 6,12%; Pb – 2,01%; Ag – 0,93%; As – 0,39%; Fe – 0,38%.

Судя по результатам исследования двух одинаковых блях-накладок сердцевидной формы, бронзовое изделие (медно-оловянно-свинцовый сплав) было покрыто тонкой

пленкой золота на лицевой стороне и на бортиках [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 68]. В окислах фиксируются элементы (Ag и As), которые могли быть рудными примесями, соответственно, в золоте и меди. Существенное наличие железа, вероятнее всего, указывает на загрязнение и окислы.

Следующая бляха-накладка, но другой формы, также позолочена (рис. 28.-*5*, кол. 166/18), о чем свидетельствует тестирование лицевой стороны изделия без удаления следов коррозии: Au – 52,2%; Cu – 29,12%; Ag – 17,42%; Sn – 0,75%; Pb – 0,37%; Fe – 0,14%. На обратной стороне исследовался в двух разных местах небольшой зачищенный участок одного из углов изделия:

– Cu – 56,99%; Ag – 41,56%; Pb – 1,45%;

– Cu – 54,01%; Ag – 43,51%; Pb – 1,65%; Sn – 0,76%; Ni – 0,07%.

Приведенные данные указывают, что основу сплава бляхи-накладки составляли медь (Cu) и серебро (Ag) при наличии других выявленных элементов. Затем изделие дополнительно покрывалось позолотой [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 68–69].

Лицевая сторона подпрямоугольной бляхи-накладки (рис. 28.-*6*; кол. 166/19) имела такой же цвет, как у трех предыдущих находок. Ее тестирование осуществлялось по центру без снятия окислов: Cu – 62,24%; Au – 28,72%; Sn – 6,59%; Pb – 1,15%; Ag – 0,63%; As – 0,41%; Fe – 0,26%. Эти данные подтверждают наличие золочения. Для выявления основного состава сплава с обратной стороны защищался участок одного из углов, где рядом остались следы загрязнений: Cu – 92,29%; Sn – 4,9%; Pb – 2,5%; Fe – 0,31%.

В данном случае можно констатировать, что бронзовое изделие (медно-оловянно-свинцовый сплав) имело покрытие в виде тонкой золотой пленки [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 68]. Данное обстоятельство может отражать технологию амальгамирования [Горбунова, Тишкина, Хаврин, 2008], что требует дополнительного анализа, о чем уже ранее было сказано. Такое покрытие, несомненно, выполняло прежде всего декоративную функцию, а также позитивно влияло на сохранность поверхности изделия.

Стоит отметить, что на данном этапе уже фиксируются отличающиеся основные сплавы у блях-накладок из одного комплекса: (Cu+Pb+Sn); (Cu+Sn+Pb); (Cu+Ag+Sn +Pb); (Cu+Ag+Pb+Sn).

У наконечника ремня (рис. 28.-*7*; кол. 166/21) сначала изучалась лицевая поверхность без удаления окислов. Получен такой поэлементный ряд: Cu – 55,06%; Au – 36,77%; Sn – 4,56%; Pb – 1,44%; Ag – 0,79%; Sb – 0,72%; As – 0,35%; Fe – 0,32%. Эти данные свидетельствуют о наличии позолоты (местами стерлась), а также о нескольких рудных примесях, которые сопровождали медь (Sb, As) и золото (Ag). Исследование участка на обратной стороне, где были сняты поверхностные окислы, производилось дважды в разных местах. Получены схожие результаты, которые свидетельствуют о медно-оловянно-свинцовом сплаве основы изделия:

– Cu – 94,28%; Sn – 3,26%; Pb – 2,36%; Fe – 0,1%;

– Cu – 94,23%; Sn – 3,18%; Pb – 2,25%; Ni – 0,18%; Fe – 0,16%.

Бляха-накладка, похожая на ранее представленные сердцевидные изделия, имеет несколько отличную конфигурацию и орнамент (рис. 28.-*9*; кол. 166/16). Несмотря на то, что позолота изрядно стерлась, тестирование лицевой стороны подтверждает ее наличие: Cu – 64,48%; Au – 23,11%; Sn – 9,15%; Pb – 1,71%; Ag – 0,65%; Fe – 0,57%; Zn – 0,32%. Снятие окислов осуществлялось с другой стороны. Полученный участок исследовался дважды в разных местах:

– Cu – 90,6%; Sn – 6,41%; Pb – 2,28%; Zn – 0,32%; Fe – 0,32%;

– Cu – 90,46%; Sn – 6,64%; Pb – 2,14%; Zn – 0,43%; Fe – 0,32%.

Перечисленные схожие результаты указывают на медно-оловянно-свинцовый сплав. В нем заметно присутствие цинка (Zn), который вполне мог быть рудной примесью. Изготовленная бронзовая бляха-накладка украшалась золотым покрытием.

Еще один наконечник (рис. 28.-*10*; кол. 166/20) практически идентичен предыдущему [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 67]. Он тоже позолочен: Cu – 71,77%;

Au – 19,61%; Pb – 2,83%; Sn – 1,73%; Ag – 1,57%; Fe – 1,21%; Zn – 0,63%; Sb – 0,64%. Однако тестирование обратной стороны, на которой осуществлялось удаление окислов, показало другой набор показателей. Подготовленный участок трижды исследовался в разных местах:

– Cu – 91,3%; Pb – 3,83%; Sn – 1,41%; Ag – 1,17%; Fe – 1,51%; Zn – 0,79%;

– Cu – 91,66%; Pb – 3,56%; Sn – 1,42%; Fe – 1,42%; Ag – 1,11%; Zn – 0,77%; Ni – 0,06%;

– Cu – 91,23%; Pb – 3,88%; Fe – 1,51%; Sn – 1,44%; Ag – 1,1%; Zn – 0,84%.

Во всех представленных результатах аномально много железа. Данное обстоятельство, возможно, обусловлено проникновением окислов в тонкую прослойку из цветного металла, которая отражает набор основных (Cu+Pb+Sn) и дополнительных (Ag, Zn) элементов.

Следующая серия находок происходит из курганного комплекса ***Филин-I***. В кургане №1 обнаружена налобная бляха (рис. 37.-*1а*; кол. 168/27–28), на которой закреплены другие изделия уздечной гарнитуры. Сначала тестировался центр лицевой стороны бляхи, покрытой коррозией характерного цвета: Cu – 79,88%; Sn – 12,01%; Pb – 5,73%; Ag – 0,64%; As – 1,07%; Fe – 0,52%; Ni – 0,16%. Затем на обратной стороне дважды в разных местах исследовался участок, освобожденный от поверхностных окислов:

– Cu – 98,13%; Pb – 1,09%; As – 0,67%; Ni – 0,11%;

– Cu – 98,11%; Pb – 1,03%; As – 0,7%; Ni – 0,16%.

Эти полученные показатели свидетельствуют, что основой сплава была медь (Cu) в сопровождении других элементов, которые могли являться рудными примесями, несмотря на заметное содержание некоторых из них.

Качелеобразная бляха-накладка располагалась на коже (рис. 37.-*1б, д*), которая крепилась к налобной бляхе. Тестирование лицевой поверхности, покрытой окислами, выявило такой химический состав: Cu – 64,35%; Sn – 25,78%; Pb – 8,4%; As – 0,8%; Fe – 0,18%; Ag – следы. Зачистка внутри одной из лопастей позволила получить небольшой участок, который исследовался дважды в разных местах:

– Cu – 95,09%; Sn – 2,34%; Pb – 1,46%; As – 0,79%; Fe – 0,23%; Ni – 0,1%;

– Cu – 94,29%; Sn – 2,87%; Pb – 1,61%; As – 0,74%; Fe – 0,49.

Зафиксированные схожие поэлементные ряды свидетельствуют о медно-оловянно-свинцовом сплаве и лужении. Наличие мышьяка (As) стоит считать рудной примесью, которая является, в свою очередь, одним из индикаторов использовавшейся медной руды. Остальные элементы отражают окислы, попавшие в зону тестирования.

Следующие две сердцевидные бляхи (рис. 37.-*1в, г*), закрепленные на налобной бляхе, изучались прибором только по одному разу на лицевой поверхности, покрытой окислами:

– Cu – 76,23%; Sn – 16,24%; Pb – 6,13%; Ag – 0,68%; As – 0,38%; Fe – 0,33%;

– Cu – 69,21%; Sn – 21,59%; Pb – 7,16%; As – 0,78%; Fe – 0,79%; Ag – следы.

Основой их, по всей видимости, являются медно-оловянно-свинцовый сплав и лужение декорированной стороны [Горбунова, 2007; Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 60].

Еще одна деталь на налобной бляхе представлена в виде заклепки со шпеньком для крепления кожаного ремня (рис. 37.-*1е*). Снятие окислов не производилось. В двух разных местах получены результаты, которые могут характеризовать только качественный уровень состава сплава (Cu+Sn+Pb+Zn):

– Cu – 57,17%; Sn – 31,14%; Pb – 7,79%; Zn – 2,86%; Fe – 0,63%; As – 0,41%; Ag – следы;

– Cu – 58,3%; Sn – 29,95%; Pb – 7,51%; Zn – 2,62%; As – 0,56%; Fe – 0,63%; Ag – следы.

Крупная бляха-накладка условно сердцевидной формы (рис. 37.-*2*) исследовалась с лицевой поверхности, покрытой окислами: Cu – 65,19%; Sn – 27,63%; Pb – 6,01%;

As – 0,59%; Ag – 0,58%. Затем на обратной стороне изучался зачищенный участок: Cu – 96,09%; Sn – 2,1%; Pb – 1,12%; As – 0,61%; Ni – 0,09%. Полученные показатели существенно отличаются количественными данными от предыдущего результата и демонстрируют медно-оловянно-свинцовый сплав. В данном случае не стоит исключать лужение.

Прямоугольная бляха-накладка (рис. 37.-*3*). Лицевая поверхность, покрытая коррозией, тестировалась по центру: Cu – 68,96%; Sn – 24,2%; Pb – 5,43%; As – 0,66%; Fe – 0,29%. Затем исследовался участок на бортике, где были удалены окислы: Cu – 95,19%; Sn – 2,47%; Pb – 1,45%; As – 0,78%; Fe – 0,11%. В данном случае также наблюдается тенденция, отмеченная в предыдущем случае и демонстрирующая существенную разницу в количественном отражении каждого выявленного элемента аналогичного ряда. Основной сплав можно характеризовать как медно-оловянно-свинцовый. Не стоит исключать наличия лужения.

Обнаруженный тренчик (рис. 37.-*4*) оказался обломанным. Тестирование лицевой стороны, покрытой коррозией, выявило следующий набор показателей: Cu – 91,13%; Sn – 5,43%; Pb – 2,68%; As – 0,46%; Fe – 0,2%; Ni – 0,1%. Участок на обратной стороне, освобожденный от окислов, исследовался дважды в разных местах:

– Cu – 97,47%; Pb – 1,08%; Sb – 0,48%; As – 0,48%; Ni – 0,11%; Fe – 0,06%;

– Cu – 97,79%; Pb – 1,08%; As – 0,5%; Sb – 0,43%; Ni – 0,11%; Fe – 0,08%.

Полученные результаты свидетельствуют о некоторой схожести с налобной бляхой. Как показывает практика, для подобных тренчиков или обойм использовались полосы от медного листа.

Уздечный набор «северного» коня из кургана №1 включал бляхи-накладки, наконечники и остатки кожаного ремня (рис. 38; кол. 168). Сначала изучались три бляхи-накладки, расположенные на одном кожаном ремне и орнаментированные в виде летящей утки (рис. 38.-*1–3*). Все такие аналогичные изделия тестировались по одной и той же схеме. Сначала исследовалась лицевая поверхность, покрытая коррозией и загрязнениями. Затем прибором изучался участок на бортике, освобожденный от окислов. Эти два результата в соответствующем порядке будут ниже даны для каждой из перечисленных блях-накладок.

Первая бляха-накладка (рис. 38.-1):

– Cu – 50,24%; Sn – 37,8%; Pb – 10,91%; As – 0,75%; Fe – 0,24%; Ni – 0,06%;

– Cu – 93,63%; Sn – 3,66%; Pb – 1,83%; As – 0,73%; Fe – 0,08%; Ni – 0,07%.

Вторая бляха-накладка (рис. 38.-2):

– Cu – 60,76%; Sn – 29,7%; Pb – 8,04%; As – 0,7%; Fe – 0,29%; Ni – 0,08%;

– Cu – 85,09%; Sn – 10,42%; Pb – 3,41%; As – 0,77%; Fe – 0,25%; Ni – 0,06%.

Третья бляха-накладка (рис. 38.-3):

– Cu – 54,12%; Sn – 35,51%; Pb – 9,18%; As – 0,91%; Fe – 0,27%;

– Cu – 93,94%; Sn – 3,19%; Pb – 1,88%; As – 0,72%; Fe – 0,21%; Ni – 0,07%.

Четвертая бляха-накладка (рис. 38.-4):

– Cu – 68,4%; Sn – 24,09%; Pb – 5,69%; As – 1,03%; Ag – 0,56%; Fe – 0,23%;

– Cu – 94,44%; Sn – 3,34%; Pb – 1,86%; Fe – 0,27%; Ni – 0,09%.

Пятая бляха-накладка (рис. 38.-5):

– Cu – 66,72%; Sn – 24,72%; Pb – 6,57%; As – 0,74%; Fe – 0,69%; Ni – 0,07%;

– Cu – 93,62%; Sn – 3,44%; Pb – 1,71%; As – 0,73%; Fe – 0,21%; Ni – 0,29%.

Шестая бляха-накладка (рис. 38.-6):

– Cu – 71,46%; Sn – 20,72%; Pb – 4,85%; As – 1,02%; Sb – 0,72%; Fe – 0,68%; Ag – 0,55%;

– Cu – 94,12%; Sn – 3,11%; Pb – 2,53%; Fe – 0,24%.

Седьмая бляха-накладка (рис. 38.-7):

– Cu – 59,4%; Sn – 34,39%; Pb – 3,6%; As – 0,71%; Fe – 0,69%; Sb – 0,65%; Ag – 0,57%;

– Cu – 94,27%; Sn – 3,08%; Pb – 1,79%; As – 0,62%; Fe – 0,15%; Ni – 0,09%.

Восьмая бляха-накладка (рис. 38.-8):

Cu – 61,53%; Sn – 28,52%; Pb – 8,34%; As – 0,73%; Ag – 0,55%; Fe – 0,33%;

– Cu – 93,8%; Sn – 3,8%; Pb – 2,11%; Fe – 0,21%; Ni – 0,08%.

Девятая бляха-накладка (рис. 38.-9):

– Cu – 80,6%; Sn – 14,23%; Pb – 3,48%; As – 0,82%; Ag – 0,57%; Fe – 0,31%;

– Cu – 93,85%; Sn – 3,23%; Pb – 1,95%; As – 0,68%; Fe – 0,16%; Ni – 0,13%.

Десятая бляха-накладка (рис. 38-13):

– Cu – 70,38%; Sn – 21,05%; Pb – 6,02%; As – 0,8%; Sb – 0,62%; Ag – 0,52%; Fe – 0,5%;

– Cu – 94,72%; Sn – 2,96%; Pb – 1,38%; As – 0,61%; Fe – 0,24%; Ni – 0,1%.

Одиннадцатая бляха-накладка (рис. 38.-14):

– Cu – 70,4%; Sn – 22,43%; Pb – 5,46%; As – 0,69%; Fe – 0,53%; Ni – 0,06%;

– Cu – 93,89%; Sn – 3,32%; Pb – 1,74%; As – 0,7%; Fe – 0,23%; Ni – 0,12%.

Двенадцатая бляха-накладка (рис. 38.-15):

– Cu – 76,04%; Sn – 18,74%; Pb – 2,84%; Sb – 0,63%; Ag – 0,59%; As – 0,63%; Fe – 0,52%;

– Cu – 95,49%; Sn – 2,33%; Pb – 1,25%; As – 0,62%; Fe – 0,23%; Ni – 0,08%.

Тринадцатая бляха-накладка (рис. 38.-16):

– Cu – 74,03%; Sn – 20,0%; Pb – 4,24%; As – 0,77%; Fe – 0,49%;

– Cu – 96,21%; Sn – 2,3%; Pb – 1,37%; Ni – 0,12%.

Четырнадцатая бляха-накладка (рис. 38.-17):

– Cu – 60,08%; Sn – 27,41%; Pb – 10,57%; Sb – 0,7%; As – 0,7%; Ni – 0,07%;

– Cu – 94,72%; Sn – 3,26%; Pb – 1,95%; Ni – 0,07%.

Пятнадцатая бляха-накладка (рис. 38.-18):

– Cu – 66,41%; Sn – 24,16%; Pb – 8,03%; As – 0,82%; Ag – 0,51%; Ni – 0,06%;

– Cu – 91,16%; Sn – 2,9%; Pb – 1,87%; Fe – 0,23%; Ni – 0,1%.

Все вышеперечисленные результаты свидетельствуют о том, что бляхи-накладки сделаны из схожего медно-оловянно-свинцового сплава. Лицевая поверхность дополнительно декорировалась лужением, о чем уже было отмечено [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 61]. Возможно, они изготовлены одновременно в одной мастерской при формировании конкретной уздечной гарнитуры. Устойчивое наличие мышьяка (As) следует рассматривать в качестве рудной примеси, а присутствие железа и никеля – остатками окислов, которые проникли глубже исследованных поверхностей. Стоит также отметить такой момент. Шпенек отливался вместе с самой бляхой. Попытки получить адекватные результаты анализа шпеньков, к сожалению, не увенчались успехом, так как прибор реагировал либо на кожу, либо на фоновые окислы. Для примера стоит отразить один из результатов: Cu – 87,44%; Sn – 5,47%; Pb – 4,08%; As – 0,88%; Fe – 4,13%. Приведенный поэлементный ряд косвенным образом подтверждает сделанный вывод о соответствии сплава бляхи и шпенька.

Следующая категория найденных изделий обозначена как наконечники ремней. Но такие предметы могли использоваться и в качестве блях-накладок. Они тестировались по схожему алгоритму. Сначала исследовалась лицевая сторона, покрытая коррозией. Такое действие направлено не только на вышеуказанные обстоятельства, но

и является проверкой на наличие или отсутствие амальгамирования. Затем на обратной стороне осуществлялось удаление поверхностных окислов, и прибором изучался этот участок. Полученные результаты в такой же последовательности представлены ниже в соответствии с условной нумерацией и ссылками на конкретную иллюстрацию.

Наконечник ремня №1 (рис. 38.-10):

– Cu – 55,68%; Sn – 33,84%; Pb – 8,59%; As – 0,76%; Fe – 0,65%; Ni – 0,07%;
– Cu – 96,62%; Sn – 1,59%; Pb – 0,97%; As – 0,74%; Ni – 0,07%.

Наконечник ремня №2 (рис. 38.-11):

– Cu – 55,08%; Sn – 33,53%; Pb – 10,22%; As – 0,54%; Fe – 0,15%;
– Cu – 94,97%; Sn – 2,78%; Pb – 1,5%; As – 0,66%; Ni – 0,09%.

Наконечник ремня №3 (рис. 38.-12):

– Cu – 55,39%; Sn – 32,95%; Pb – 9,88%; As – 0,75%; Fe – 0,57%;
– Cu – 96,58%; Sn – 1,78%; Pb – 0,92%; As – 0,64%; Ni – 0,09%.

Наконечник ремня №4 (рис. 38.-19):

– Cu – 62,24%; Sn – 25,7%; Pb – 9,56%; As – 1,04%; Sb – 0,71%, Ag – 0,64%; Fe – 0,12%;
– Cu – 96,9%; Sn – 1,38%; Pb – 0,93%; As – 0,72%; Ni – 0,07%.

Наконечник ремня №5 (рис. 38.-20):

– Cu – 71,97%; Sn – 20,91%; Pb – 5,5%; As – 0,9%; Fe – 0,24%;
– Cu – 94,84%; Sn – 2,92%; Pb – 1,44%; As – 0,73%; Ni – 0,08%.

Примерно одинаковые показатели свидетельствуют об изготовлении серии представленных предметов из медно-оловянно-свинцового сплава. Наличие высокого содержания олова (Sn) в окислах лицевой поверхности может указывать на специальное лужение [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 60] для придания соответствующего цвета. Участки, освобожденные от коррозии на обратной стороне, демонстрируют иную картину, что свидетельствует об исходной основе.

Аналогичным образом исследовались две найденные сердцевидные бляхи-накладки: сначала тестировалась окисленная лицевая поверхность, а затем – участок бортика, на котором удалялись окислы.

Сердцевидная бляха-накладка №1 (рис. 38.-21):

– Cu – 74,01%; Sn – 18,54%; Pb – 4,7%; Sb – 0,68%; As – 0,63%; Ag – 0,78%; Fe – 0,28%; Zn – 0,2%; Ni – 0,08%;
– Cu – 90,45%; Sn – 6,37%; Pb – 2,23%; Ni – 0,81%; Fe – 0,14%.

Сердцевидная бляха-накладка №2 (рис. 38.-22):

– Cu – 69,98%; Sn – 22,69%; Pb – 4,93%; Ag – 0,88%; Sb – 0,64%; As – 0,53%; Fe – 0,35%;
– Cu – 75,13%; Sn – 17,24%; Pb – 6,1%; Ni – 1,21%; Fe – 0,3%.

В приведенных результатах повышенное содержание олова и свинца на зачищенных участках связано с попаданием в зону тестирования окислов других сторон небольшого изделия. В целом, сплав также может быть охарактеризован как медно-оловянно-свинцовый с дополнительным лужением изделий.

Следующая группа предметов происходит из «северной» камеры кургана №1. Изделия из цветного металла представлены малой пряжкой и тренчиком.

Сначала исследовалась лицевая поверхность пряжки (рис. 42.-*4*), покрытая патиной и коррозией: Cu – 70,51%; Pb – 12,34%; Sn – 13,43%; Ag – 2,18%; As – 0,55%; Fe – 0,56%; Zn – 0,37%; Ni – 0,07%. Затем осуществлялось снятие окислов на щитке с обратной стороны. Тестирование этой зоны позволило выявить такой поэлементный

ряд: Cu – 84,46%; Sn – 7,45%; Pb – 5,99%; Ag – 1,2%; Fe – 0,46%; Zn – 0,36%; Ni – 0,08%. Кроме этого, прибором дважды исследовался участок у носика, механически освобожденный от поверхностных окислов:

– Cu – 83,4%; Sn – 8,08%; Pb – 6,41%; Ag – 1,26%; Zn – 0,42%; Fe – 0,37%; Ni – 0,07%;

– Cu – 84,22%; Sn – 7,72%; Pb – 5,95%; As – 1,2%; Fe – 0,44%; Zn – 0,41%; Ni – 0,06%.

Полученный набор схожих данных позволяет так характеризовать использовавшийся сплав: медно-оловянно-свинцово-серебряный. На наш взгляд, наличие серебра стоит рассматривать в качестве специальной добавки, в отличие от цинка, который отражает рудную примесь. Однако стоит заметить, что серебро вполне могло быть и в медной руде. Такой спецификой обладают месторождения так называемой змеиногорской зоны Алтая [Чекалин, 1999].

Найденный тренчик (рис. 42.-*5*) оказался целым. Тестировалась лицевая поверхность, покрытая патиной и местами коррозией: Cu – 80,0%; Sn – 9,68%; Pb – 8,92%; Zn – 0,66%; As – 0,48%; Fe – 0,27%. Дважды в разных местах исследовался участок, освобожденный от поверхностных окислов:

– Cu – 84,34%; Sn – 8,16%; Pb – 6,48%; Zn – 0,83%; Fe – 0,19%;

– Cu – 83,97%; Sn – 8,43%; Pb – 6,51%; Zn – 0,85%; Fe – 0,19%; Ni – 0,07%.

Представленные данные свидетельствуют о медно-оловянно-свинцовом сплаве и проникновении окислов в глубь изделия.

В кургане №2 памятника Филин-I зафиксированы налобная бляха и уздечные пряжки.

При тестировании центра лицевой поверхности налобной бляхи с повреждениями краями и коррозией (рис. 48.-*1а*) получен такой поэлементный ряд: Cu – 97,13%; Sn – 1,33%; Pb – 1,04%; Sb – 0,49%. Затем дважды в разных местах исследовался участок на обратной стороне, где были удалены окислы:

– Cu – 98,48%; Pb – 0,95%; Sb – 0,57%;

– Cu – 98,51%; Pb – 0,87%; Sb – 0,62%.

Эти данные указывают на сплав, основу которого составляет медь с рудными примесями. Подобная ситуация отмечена и при изучении аналогичной налобной бляхи из кургана №1 памятника Филин-I.

На лицевой стороне налобной бляхи сохранилась бляха-накладка (рис. 48.-*1б*). Исследование ее лицевой поверхности при частичном удалении загрязнений и коррозии осуществлялось дважды в разных местах:

– Cu – 79,72%; Sn – 17, 79%; Pb – 2,28%; Ni – 0,13%; Fe – 0,08%;

– Cu – 78,37%; Sn – 19,1%; Pb – 2,17%; As – 0,24%; Ni – 0,12%.

Эти данные свидетельствуют о медно-оловянно-свинцовом сплаве с рудными примесями и окислами, а также о наличии лужения.

Одна из найденных уздечных пряжек оказалась светлее (рис. 48.-*2*), чем другая. Сначала тестировалась лицевая поверхность щитка, покрытая коррозией: Cu – 62,58%; Sn – 34,0%; Pb – 1,71%; Fe – 1,28%; As – 0,37%; Ni – 0,06%. Затем исследовалась лицевая часть рамки, также покрытая окислами, в том числе от железного язычка: Cu – 52,7%; Sn – 43,71%; Pb – 2,59%; As – 0,4%; Fe – 0,6%. Снятие поверхностных окислов осуществлялось на бортике щитка. Полученный участок дважды исследовался в разных местах:

– Cu – 83,82%; Sn – 14,82%; Pb – 0,94%; Fe – 0,42%;

– Cu – 75,56%; Sn – 22,58%; Pb – 1,34%; As – 0,28%; Fe – 0,22%.

Затем было подготовлено место с обратной стороны рамки, которое тестировалось также дважды:

– Cu – 81,96%; Sn – 16,73%; Pb – 1,12%; Fe – 0,19%;

– Cu – 81,92%; Sn – 16,74%; Pb – 1,01%; Fe – 0,33%.

Исходя из полученных данных можно констатировать медно-оловянно-свинцовый сплав. Не стоит исключать лужение лицевой стороны изделия.

Вторая аналогичная уздечная пряжка (рис. 48.-*3*) анализировалась по схожему алгоритму. Сначала дважды тестировались поверхности, покрытые коррозией:

– Cu – 71,99%; Sn – 25%; Pb – 2,16%; As – 0,56%; Fe – 0,29%:

– Cu – 50,08%; Sn – 44,12%; Pb – 3,74%; Fe – 1,53%; As – 0,48%; Ni – 0,05%.

Затем трижды исследовались участки после снятия окислов на бортике и на внутренней стороне изделия:

– Cu – 86,21%; Sn – 12,85%; Pb – 0,94%;

– Cu – 83,2%; Sn – 15,67%; Pb – 1,13%;

– Cu – 83,93%; Sn – 14,86%; Pb – 1,21%.

Судя по зафиксированным показателям, использовался медно-оловянно-свинцовый сплав, близкий к тому, что отмечен у предыдущего изделия. Лицевая поверхность второй пряжки также дополнительно покрывалась с помощью лужения.

Под насыпью крупного одиночного кургана ***Поповская Дача*** исследовано несколько могил. Рассмотрение полученных материалов начнем с уникальной ткани (рис. 53), которая имеет золотные нити (все металлические нити, где присутствуют золото или серебро называются золотными). В настоящее время эта находка реставрирована. Такая работа осуществлялась во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре им. академика И.Э. Грабаря (Москва) прекрасным специалистом Н.П. Синицыной. Там же проводилось исследование металлических проб двумя методами: микроскопия в отраженном свете и рентгенофлюоресцентный анализ. Заключения подготовлены экспертом по технико-технологической экспертизе музейных предметов I категории А.Я. Мазиной. Прежде чем их представить, важно дать информацию о спектрометре «Фокус», изготовленном в ООО «Институт физической оптики» (Москва) и предназначенном для измерения интенсивностей аналитических линий путем их пересчета при определении массовой концентрации элементов от алюминия (13) до урана (92). Он сделан с использованием капиллярной линзы и применяется для анализа участков образцов малых размеров (от 50 до 150 мкм). В состав прибора входят SDD детектор с термоэлектрической системой охлаждения – AMPTEK super X-123 SDD; рентгеновская трубка – OXFORD Модель 511; молибденовой анод (напряжение 5–50 кВ, ток трубки 30–500 мА); высоковольтный источник питания с генератором SPELLMAN.

Образцы исследовались в измерительной камере прибора по стандартной методике, а концентрация элементов определялась по методу фундаментальных параметров. Получены следующие результаты:

«Проба №1. Золотная нить. Проба представляла собой маленькие желтые частички. Металл – золото (~ 100%). Толщина металлической пластинки 25–40 мкм.

Проба №2. Золотная нить. Проба представляла собой маленькие частички металлического слоя, покрытые тонкими темными наслоениями. Состав: сплав серебра (~ 90%), меди (~ 5%) и золота (~ 4%).

Проба №3. Пластина, металл белый. Проба представляла собой маленькие темные частички металлического слоя, покрытые плотными темными наслоениями. Состав: сплав серебра (~ 90%), меди (~ 5%) и золота (~ 4%); в спектре присутствуют полосы брома.

Проба №4. Золотная нить. Проба представляла собой маленькие темные частички, с одной стороны на которых находится желтый металлический слой. При микроскопическом исследовании видно, что желтый металлический слой лежит на более толстом темном слое. Состав: сплав золота (~ 98%) и меди (~ 2%). Толщина металлической пластинки 25–40 мкм. В состав темного слоя входят вещества, имеющие органическое происхождение».

Кроме этого, автором этого приложения производился рентгенофлюоресцентный анализ с помощью указанного портативного спектрометра. Эти результаты можно лишь рассматривать как качественные (неколичественные) определения состава, так как в зону тестирования попадал не только металл, но и окрашенная ткань. Сначала тестировались нити из золота:

– Au – 93,77%; Fe – 3,21%; Ag – 2,29%. Pb – 0,73%;

– Au – 86,06%; Fe – 11,19%; Pb – 1,7%; Cu – 1,05%.

Затем в разных местах исследовалась поверхность серебряных деталей ткани, покрытых окислами:

– Ag – 67,87%; Au – 22,82%; Fe – 5,85%; Cu – 2,46%; Pb – 1,0%;

– Ag – 53,02%; Au – 28,43%; Fe – 12,78%; Cu – 3,92%; Pb – 1,01%; Bi – 0,84%;

– Ag – 55,2%; Au – 30,06%; Fe – 10,05%; Cu – 3,13%; Pb – 0,94%; Bi – 0,62%.

Представленные данные подтверждают использование золота и серебра при декорировании обнаруженного фрагмента ткани, сложной по технике изготовления. Этой находке планируется посвятить отдельную публикацию, так как продолжается работа над ее детальным изучением.

Фрагмент зеркала из могилы-1 (рис. 55.-*1*) уже был опубликован, в том числе с результатами рентгенофлюоресцентного анализа [Тишкин, Серегин, 2011, с. 53, 81, табл. XXVIII]. Здесь представляем новые данные, которые уточняют ранее полученные показатели. Сначала тестировались обе окисленные поверхности по центру:

– Cu – 61,38%; Sn – 32,73%; Pb – 3,31%; Sb – 1,03%; Fe – 0,67%; Ni – 0,15%;

– Cu – 60,33%; Sn – 31,92%; Pb – 5,82%; Sb – 0,97%; Fe – 0,78%; Ni – 0,17%.

Снятие окислов на двух участках, в том числе по слому, позволило зафиксировать следующие результаты:

– Cu – 69,44%; Sn – 21,14%; Pb – 8,8%; Fe – 0,49%; Ni – 0,11%;

– Cu – 68,87%; Sn – 25%; Pb – 7,47%; Fe – 0,55%; Ni – 0,11%.

Эти схожие данные демонстрируют медно-оловянно-свинцовый сплав с окислами, проникшими глубже от поверхности.

Следующие два практически идентичных изделия также происходят из могилы-1 (рис. 55.-*2–3*).

Сначала исследовалась поверхность условно первой серьги (рис. 55.-*2*, кол. 167/66) без удаления окислов: Ag – 82,38%; Au – 14,7%; Cu – 2,74%; Pb – 0,18%.

Затем дважды в разных местах осуществлялось тестирование участка, где были удалены окислы:

– Ag – 82,93%; Au – 13,88%; Cu – 3,02%; Pb – 0,17%;

– Ag – 82,69%; Au – 14,08%; Cu – 3,0%; Pb – 0,23%.

Вторая серьга (рис. 55.-*3*, кол. 167/67) изучалась по вышеуказанному алгоритму. Последовательно получены такие результаты анализа:

– Ag – 76,75%; Au – 20,5%; Cu – 2,54%; Pb – 0,21%;

– Ag – 81,41%; Au – 13,69%; Cu – 3,35%; Sn – 1,34%; Pb – 0,21%;

– Ag – 82,91%; Au – 13,42%; Cu – 3,4%; Pb – 0,27%.

Обе серьги имеют схожие результаты анализов. Это свидетельствует о том, что их сделали из одной заготовки в виде толстой проволоки. Серебро является основой сплава, в котором высока доля золота. Это придает изделиям своеобразный цвет.

Результаты следующей группы находок из могилы-1 уже публиковались [Тишкин, Горбунов, 2022]. Они представляют собой застежки, характерные для сросткинской культуры.

Сначала тестировалась лицевая поверхность части застежки с рамкой (рис. 55.-*4*), покрытой окислами и благородной патиной. Получены такие результаты в двух разных местах: 1) Cu – 59,17%; Sn – 33,42%; Pb – 7,41%; 2) Cu – 61,58%; Sn – 29,08%; Pb – 9,25%; Fe – 0,09%. Данные показатели позволяли предполагать наличие лужения. Однако механическое снятие поверхностных окислов на участке оборотной стороны изделия и полученные показатели его тестирования указывают в пользу изначального повышенного содержания олова в рецептуре: 3) Cu – 62,22%; Sn – 28,94%; Pb – 8,84%; 4) Cu – 60,29%; Sn – 30,44%; Pb – 9,27%; 5) Cu – 61,42%; Sn – 29,72%; Pb – 8,86%. Эти поэлементные ряды свидетельствуют о медно-оловянно-свинцовом (бронзовом) сплаве (Cu+ Sn+Pb).

Следующие тестирования осуществлялись аналогичным образом при исследовании парного изделия с язычком (рис. 55.-*5*): окисленная лицевая сторона – 1) Cu – 67,75%; Sn – 28,67%; Pb – 2,77%; Zn – 0,69%; Ni – 0,12%; участок без поверхностных окислов – 2) Cu – 68,01%; Sn – 27,66%; Pb – 3,57%; Zn – 0,67%; Ni – 0,09%; 3) Cu – 70,79%; Sn – 23,28%; Pb – 5,05%; Zn – 0,8%; Ni – 0,08%; 4) Cu – 71,05%; Sn – 22,81%; Pb – 5,29%; Zn – 0,85%; 5) Cu – 70,79%; Sn – 23,16%; Pb – 5,16%; Zn – 0,83%; Ni – 0,06%. Представленный набор показателей отличается от предыдущего заметным наличием цинка.

Указанный алгоритм, но без дополнительного тестирования окисленной поверхности, был реализован при исследовании двух непарных застежек с рамками (рис. 55.-*6*–*7*). По одной из них (рис. 55.-*6*) получены такие результаты: 1) Cu – 70,98%; Sn – 22,88%; Pb – 4,87%; Zn – 1,19%; Ni – 0,08%; 2) Cu – 70,91%; Sn – 22,83%; Pb – 4,97%; Zn – 1,19%; Ni – 0,1%; 3) Cu – 70,59%; Sn – 23,03%; Pb – 5,07%; Zn – 1,23%; Ni – 0,08%. Эти данные соответствуют предыдущему перечню показателей рентгенофлюоресцентного анализа. Подобный многокомпонентный сплав (Cu+Sn+Pb+Zn) известен под наименованием «потин». Он с древности использовался для отливки монет и украшений, имеет серо-серебристый цвет.

Оставшееся изделие (рис. 55.-*7*) также тестировалось в разных местах на участке, освобожденном от поверхностных окислов: 1) Cu – 77%; Sn – 17,96%; Pb – 4,71%; Zn – 0,33%; 2) Cu – 71,01%; Sn – 22,28%; Pb – 5,81%; Zn – 0,83%; Ni – 0,07%; 3) Cu – 70,8%; Sn – 22,58%; Pb – 5,77%; Zn – 0,77%%; Ni – 0,08%; 4) Cu – 70,47%; Sn – 22,78%; Pb – 5,81%; Zn – 0,88%; Ni – 0,06%.

Перечисленные поэлементные ряды трех деталей с рамками обнаруживают системные сходства. Полученные результаты позволяют заключить, что эти части застежек с рамкой были выполнены примерно из одного сплава. Не исключено, что они делались одновременно, о чем свидетельствуют уже отмеченные размеры и оформление изделий. Сплав части застежки с язычком немного отличается, что может быть связано с другой процедурой изготовления. Зафиксированные показатели демонстрируют возможности мастера использовать легирующие добавки для решения задач функционального и эстетического плана [Тишкин, Горбунов, 2022].

Следующая группа изученных находок происходит из могилы-4 памятника Поповская Дача (рис. 66; кол. 167/47–57, 61–62). Найденные бляхи-накладки тестировались по уже ранее указанному алгоритму. Сначала по центру исследовалась лицевая поверхность, а затем на бортике осуществлялось удаление окислов разного масштаба, в зависимости от имеющихся возможностей. Именно в такой последовательности и представлены полученные результаты. Стоит отметить, что шпенек также отливался вместе с основной частью изделия.

Бляха-накладка №1 (рис. 66.-1):

– Cu – 56,8%; Ag – 33,11%; Sn – 4,3%; Fe – 2,58%; Pb – 1,74%; Zn – 1,47%;
– Cu – 54,71%; Ag – 35,24%; Sn – 4,68%; Zn – 2,82%; Pb – 2,08%; Fe – 0,48%.

Бляха-накладка №2 (рис. 66.-2):

– Cu – 56,05%; Fe – 28,44%; Ag – 11,84%; Sn – 2,35%; Zn – 0,73%; Pb – 0,59%;
– Cu – 58,57%; Ag – 30,37%; Sn – 5,23%; Zn – 3,5%; Pb – 2,33%.

Бляха-накладка №3 (рис. 66.-3):

– Cu – 51,36%; Ag – 43,34%; Sn – 2,0%; Zn – 1,7%; Pb – 1,38%; Fe – 0,21%;
– Cu – 38,58%; Ag – 55,09%; Zn – 2,53%; Sn – 2,43%; Pb – 1,37%.

Бляха-накладка №4 (рис. 66.-4):

– Cu – 50,12%; Ag – 40,31%; Sn – 6,1%; Pb – 2,17%; Zn – 0,76%; Fe – 0,22%; As – 0,16%; Bi – 0,14%;
– Cu – 55,88%; Ag – 34,8%; Sn – 4,59%; Zn – 2,43%; Pb – 2,09%; Fe – 0,2%.

Бляха-накладка №5 (рис. 66.-5):

– Cu – 71,97%; Sn – 24,55%; Pb – 2,21%; Ag – 0,64%; As – 0,44%; Fe – 0,12%; Ni – 0,07%;

– Cu – 88,57%; Sn – 8,94%; Pb – 2,39%; Ni – 0,1%.

Несмотря на то, что бляхи-накладки имеют одинаковый орнамент в виде шестилепесткового цветка, рецептура сплавов отличается. Первые четыре изготовлены на основе сложной комбинации элементов (Cu+Ag+Sn+ Zn+Pb), а пятая сделана из «традиционного» медно-оловянно-свинцового сплава.

Три малые округлые бляхи-накладки тестировались только один раз на участке с легким поверхностным удалением коррозии. Для их закрепления на кожаном ремне использовался шпенек, на который дополнительно надевался фиксатор, вырезанный из медной полоски металла.

Бляха-накладка №6 (рис. 66.-6):

– Cu – 69,52%; Sn – 16,5%; Pb – 10,88%; Ag – 2,09%; Zn – 0,9%; Fe – 0,1%.

Бляха-накладка №7 (рис. 66.-7):

– Cu – 87,07%; Pb – 5,28%; Sn – 3,41%; Ag – 3,03%; Zn – 1,01%; Fe – 0,12%; Ni – 0,08%.

Бляха-накладка №8 (рис. 66.-8):

– Cu – 68,02%; Pb – 15,62%; Sn – 12,75%; Ag – 2,03%; Zn – 1,36%; Fe – 0,22%.

Бляха-накладка №9 с остатками кожи (рис. 66.-*9*) традиционно сначала тестировалась в лицевую поверхность, покрытую коррозией: Cu – 61,08%; Sn – 25,5%; Pb – 9,74%; Ag – 1,36%; Zn – 1,16%; As – 0,52%; Fe – 0,64%. Затем эта же сторона дважды тестировалась на участке, частично освобожденном от окислов:

– Cu – 83,74%; Sn – 8,85%; Zn – 3,32%; Pb – 2,52%; Ag – 0,92%; Fe – 0,56%; Ni – 0,1%;

– Cu – 84,02%; Sn – 9,09%; Zn – 3,43%; Pb – 1,94%; Ag – 0,88%; Fe – 0,57%; Ni – 0,07%.

Аналогичным образом исследовалась ***бляха-накладка №10*** (рис. 66.-*10*):

– Cu – 71,03%; Sn – 21,25%; Pb – 4,84%; Ag – 1,21%; Zn – 0,93%; Fe – 0,49%; As – 0,25%;

– Cu – 83,42%; Sn – 9,54%; Zn – 3,11%; Pb – 2,62%; Ag – 0,8%; Fe – 0,44%; Ni – 0,07%;

– Cu – 81,91%; Sn – 10,12%; Pb – 3,67%; Zn – 3,06%; Ag – 0,73%; Fe – 0,45%; Ni – 0,07%.

Судя по зафиксированным результатам, все перечисленные изделия сделаны из схожего сплава на основе меди с добавлением олова, свинца, серебра и цинка.

Еще одной группе находок было уделено больше внимания, так как они представляли единичные экземпляры.

Бляха в виде крылатого животного (рис. 66.-*11*) традиционно тестировалась в коррозированную лицевую поверхность: Cu – 43,47%; Sn – 44,69%; Pb – 11,17%; Fe – 0,61%; Ni – 0,06%. Затем дважды в разных местах исследовался участок на обратной стороне, где производилось механическое удаление окислов:

– Cu – 82,87%; Sn – 9,14%; Pb – 7,9%; Ni – 0,09%;

– Cu – 81,83%; Sn – 9,87%; Pb – 8,22%; Ni – 0,09%.

Зафиксирован медно-оловянно-свинцовый сплав.

У двух фрагментов от неустановленных изделий (рис. 66.-*12–13*) в первом случае тестировался участок с легким снятием поверхностных окислов (Cu – 88,73%; Sn – 7,04%; Ag – 1,93%; Pb – 1,61%; As – 0,47%; Fe – 0,16%; Ni – 0,05%), а во втором случае без их удаления (Cu – 89,03%; Pb – 5,31%; Sn – 4,71%; Zn – 0,32%; Fe – 0,46%; Ni – 0,17%). Эти данные немного отличаются друг от друга на качественном уровне

из-за присутствия в первом сплаве серебра. Количественные показатели нет смысла сравнивать.

Детально исследовалась фигурная бляха-накладка (рис. 66.-*14*, кол. 167/58), имеющая позолоту. Тестирование лицевой поверхности в центре определило такой поэлементный ряд: Ag – 50,34%; Au – 26,91%; Cu – 20,79%; Sn – 1,17%; Pb – 0,67%; Fe – 0,13%. Аналогичное исследование проведено в другом месте: Ag – 49,72%; Au – 31,13%; Cu – 17,39%; Sn – 1,06%; Pb – 0,7%. Оба результата подтвердили наличие золота на фоне других элементов основного сплава, который фиксировался четырежды в разных местах участков с удаленными окислами:

– Ag – 69,75%; Cu – 29,26%; Pb – 0,98%;

– Ag – 57,35%; Cu – 41,11%; Sn – 0,82%; Pb – 0,72%;

– Ag – 56,04%; Cu – 42,24%; Sn – 0,93%; Pb – 0,79%;

– Ag – 54,49%; Cu – 44,83%; Pb – 0,68%.

Продемонстрированная серия показателей в очередной раз отражает ситуацию, когда основной сплав сделан на основе серебра и меди, а затем такое изделие еще было позолочено, по всей видимости, при использовании технологии амальгамирования.

Необычный наконечник ремня обнаружен с остатками кожаного ремня (рис. 66.-*15*). Его тестирование осуществлялось по неоднократно используемой схеме. Сначала тестировалась лицевая поверхность, покрытая коррозией: Cu – 85,8%; Sn – 8,55%; Pb – 3,04%; Ag – 1,94%; As – 0,58%; Ni – 0,08%. Затем дважды в разных местах исследовался участок, освобожденный от окислов на одной из граней:

– Cu – 90,4%; Sn – 5,8%; Pb – 2,35%; Ag – 1,33%; Ni – 0,12%;

– Cu – 90,38%; Sn – 5,4%; Pb – 2,69%; Ag – 1,4%; Fe – 0,07%; Ni – 0,07%.

В данном случае зафиксирован уже ранее отмеченный медно-оловянно-свинцово-серебряный сплав.

Узкий орнаментированный наконечник также обнаружен с остатками кожаного ремня (рис. 66.-*16*). При тестировании лицевой поверхности, покрытой коррозией, получен следующий результат: Cu – 68,51%; Sn – 22,18%; Pb – 4,79%; Zn – 1,98%; Ag – 1,39%; Fe – 0,81%; As – 0,34%. На участке у основания бортика осуществлялось снятие окислов. Зафиксированы такие поэлементные ряды:

– Cu – 84,56%; Sn – 8,79%; Zn – 3,42%; Pb – 2,71%; Fe – 0,44%; Ni – 0,08%;

– Cu – 82,89%; Sn – 10,04%; Zn – 3,22%; Pb – 2,38%; Ag – 0,95%; Fe – 0,45%; Ni – 0,08%;

– Cu – 83,38%; Sn – 10,3%; Zn – 3,2%; Pb – 2,61%; Fe – 0,43%; Ni – 0,07%.

Эти данные, с учетом попавших загрязнений, указывают на медно-оловянно-цинково-свинцовый сплав. Отмеченное присутствие серебра, возможно, связано с серией следующих проанализированных находок без удаления окислов.

Фрагмент серебряной фольги (обкладки ?) №1 (рис. 66.-*17*): Ag – 98,46%; Cu – 0,87%; Pb – 0,4%; Bi – 0,15%; Fe – 0,12%.

Фрагмент серебряной фольги №2 (рис. 66.-*18*): Ag – 98,77%; Cu – 0,6%; Pb – 0,37%; Bi – 0,15%; Fe – 0,1%.

Фрагмент серебряной фольги №3 (рис. 66.-*19*): Ag – 97,9%; Cu – 0,75%; Sn – 0,9%; Pb – 0,33%; Bi – 0,12%.

Фрагмент серебряной фольги №4 (рис. 66.-*20*): Ag – 98,72%; Cu – 0,8%; Pb – 0,33%; Bi – 0,15%.

Фрагмент серебряной фольги №5 (рис. 66.-*21*): Ag – 97,61%; Sn – 0,93%; Cu – 0,8%; Pb – 0,37%; Bi – 0,16%; Fe – 0,13%.

Фрагмент серебряной фольги с остатками отверстий №6 (рис. 66.-*22*): Ag – 97,44%; Sn – 1,18%; Cu – 0,88%; Pb – 0,35%; Bi – 0,15%.

Фрагмент серебряной фольги с остатками отверстий №7 (рис. 66.-*23*): Ag – 98,57%; Cu – 0,89%; Pb – 0,4%; Bi – 0,14%.

Самый крупный фрагмент серебряной фольги №8 (рис. 66.-*24*): Ag – 98,52%; Cu – 0,89%; Pb – 0,34%; Bi – 0,13%; Fe – 0,12%.

Также без удалений окислов исследовались серебряные гвоздики-штифты:

№1 (рис. 66.-*25*): Ag – 97,38%; Cu – 1,76%; Pb – 0,53%; Fe – 0,33%.

№2 (рис. 66.-*26*): Ag – 97,73%; Cu – 1,39%; Pb – 0,57%; Fe – 0,3%.

№3 (рис. 66.-*27*): Ag – 97,82%; Cu – 1,89%; Pb – 0,29%.

№4 (рис. 66.-*28*): Ag – 98,42%; Cu – 1,05%; Pb – 0,53%.

№5 (рис. 66.-*29*) Ag – 98,26%; Cu – 1,07%; Fe – 0,4%; Pb – 0,27%.

№6 (рис. 66.-*30*): Ag – 98,41%; Cu – 0,93%; Fe – 0,34%; Pb – 0,32%.

№7 (рис. 66.-*31*): Ag – 98,36%; Cu – 1,13%; Pb – 0,51%.

№8 (рис. 66.-*32*): Ag – 98,34%; Cu – 0,94%; Fe – 0,4%; Pb – 0,32%.

№9 (рис. 66.-*33*): Ag – 97,9%; Cu – 1,47%; Fe – 0,4%; Pb – 0,24%.

№10 (рис. 66.-*34*): Ag – 98,62%; Cu – 1,09%; Pb – 0,29%.

№11 (рис. 66.-*35*): Ag – 97,98%; Cu – 1,22%; Pb – 0,44%; Fe – 0,36%.

Кроме перечисленного, изучен маленький фрагмент от разрушенного изделия, который не представлен на иллюстрациях: Ag – 97,45%; Cu – 2,02%; Fe – 0,26%; Bi – 0,16%; Pb – 0,11%. Исследован также ненарисованный фрагмент металла с отверстием и желтоватым оттенком: Ag – 97,41%; Sn – 1,06%; Cu – 0,71%; Pb – 0,44%; Bi – 0,19%; Fe – 0,18%. Они также оказались серебряными.

Три серьги были обнаружены на могильнике ***Прудской*** (рис. 73.-*2–5*, кол. 169/77–79). Первая серьга оказалась с остатком уха (рис. 73.-*2*). Она происходит из могилы-2 кургана №2. Сначала тестировалась поверхность, покрытая окислами: Ag – 66,24%; Cu – 19,24%; Sn – 9,44%; Pb – 4,05%; Zn – 1,03%. Затем была осуществлена зачистка небольшого участка, где исследовались два разных места:

– Cu – 55,48%; Ag – 33,6%; Sn – 5,14%; Pb – 3,64%; Zn – 2,13%;

– Cu – 55,68%; Ag – 33,67%; Sn – 4,9%; Pb – 3,65%; Zn – 2,09%.

В результате зафиксирован сплав уже известной рецептуры: Cu+Ag+Sn+Pb+Zn.

Две серьги найдены в могиле-1 кургана №4. Целая серьга (рис. 73.-*4*) исследовалась таким же образом, как и предыдущая:

– Cu – 87,44%; Sn – 11,01%; Pb – 1,55% (в окислы);

– Cu – 97,58%; Pb – 1,36%; Sn – 0,92%; Ni – 0,14%;

– Cu – 97,07%; Pb – 1,26%; Sn – 0,65%; Ni – 0,12%.

Вторая аналогичная серьга оказалась сломана (рис. 73.-*5*). Она тестировалась по такому же алгоритму:

– Cu – 94,03%; Pb – 3,26%; Sn – 1,7%; Ni – 0,11% (в окислы);

– Cu – 97,99%; Pb – 1,9%; Ni – 0,11%;

– Cu – 97,71%; Pb – 2,13%; Ni – 0,16%.

Судя по приведенным данным, серьги сделаны из разной бронзовой проволоки.

В кургане №5 памятника Прудской были обнаружены своеобразные и хорошо узнаваемые подвески серег, сделанные из двух половинок. Все эти половинки изучались по схожей схеме.

Первое изделие (рис. 84.-*2а*; кол. 169/58):

– окисленная лицевая сторона: Cu – 64,27%; Sn – 23,01%; Pb – 11,32%; Zn – 1,04%; Fe – 0,29%; Ni – 0,07%;

– снятие окислов на основании и внутри изделия трижды в разных местах: 1) Cu – 59,09%; Sn – 24,33%; Pb – 13,79%; Zn – 2,29%; Fe – 0,39%; Ni – 0,12%; 2) Cu – 53,73%; Sn – 26,07%; Pb – 17,23%; Zn – 2,49%; Fe – 0,36%; Ni – 0,12%; Cu – 62,08%; Sn – 23,81%; Pb – 11,21%; Zn – 2,34%; Fe – 0,45%; Ni – 0,12%.

Второе изделие с отверстием сверху (рис. 84.-*2б*; кол. 169/59):

– окисленная лицевая сторона: Cu – 66,79%; Sn – 19,6%; Pb – 12,55%; Zn – 0,81%; Fe – 0,21%; Ni – 0,05%;

– снятие окислов на основании и внутри изделия дважды в разных местах: 1) Cu – 58,77%; Sn – 23,65%; Pb – 14,42%; Zn – 2,66%; Fe – 0,39%; Ni – 0,11%; 2) Cu – 62,17%; Sn – 22,31%; Pb – 12,24%; Zn – 2,73%; Fe – 0,42%; Ni – 0,13%.

Третье изделие (рис. 84.-*3*; кол. 169/60):

– окисленная лицевая сторона: Cu – 61,63%; Pb – 25,35%; Sn – 12,6%; Zn – 0,24%; Fe – 0,48%;

– снятие окислов на основании и внутри изделия трижды в разных местах: 1) Cu – 62,6%; Sn – 23,49%; Pb – 10,77%; Zn – 2,56%; Fe – 0,44%; Ni – 0,13%; 2) Cu – 61,62%; Sn – 23,91%; Pb – 11,48%; Zn – 2,53%; Fe – 0,38%; Ni – 0,08%; 3) Cu – 64,26%; Sn – 22,09%; Pb – 10,55%; Zn – 2,58%; Fe – 0,41%; Ni – 0,11%.

Все три изделия изготовлены практически из идентичного медно-оловянно-свинцово-цинкового сплава, о котором речь шла выше.

В могиле-1 кургана №6 на памятнике Прудской найдена характерная пряжка из цветного металла с железным языком (рис. 90.-*1*; кол. 109/6). Сначала тестировалась лицевая сторона, покрытая патиной и окислами. Cu – 59,06%; Pb – 19,34%; Sn – 17,29%; Ag – 1,59%; As – 1,01%; Sb – 0,65%; Zn – 0,76%; Fe – 0,23%; Ni – 0,07%.

Затем дважды исследовался зачищенный участок с внутренней стороны рамки: 1) Cu – 76,73%; Pb – 11,59%; Sn – 9,75%; Ag – 0,94%; Zn – 0,89%; Ni – 0,09%; 2) Cu – 76,93%; Pb – 11,4%; Sn – 9,8%; Ag – 0,91%; Zn – 0,89%; Ni – 0,07%.

Кроме этого, дополнительно прибором дважды в разных местах изучался щиток, освобожденный от окислов с обратной стороны: 1) Cu – 76,23%; Pb – 11,43%; Sn – 10,28%; Ag – 0,95%; Zn – 0,86%; Fe – 0,14%; Ni – 0,18%; 2) Cu – 76,42%; Pb – 11,03%; Sn – 10,52%; Ag – 0,96%; Zn – 0,82%; Fe – 0,13%; Ni – 0,11%.

Все перечисленные показатели имеют близкие результаты, которые свидетельствуют о сплаве на основе меди с добавлением других элементов (свинец, олово, серебро, цинк). При этом вполне возможно, что пряжку сделали из переплавленного лома, в результате чего количество серебра и цинка могло уменьшиться.

При раскопках курганов на памятниках ***Успеновка-II*** и ***Боровиково-IV*** изделий из цветного металла не обнаружено.

Представленные определения отражают решение основной задачи данного приложения III. С помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра был установлен химический состав изделий, изготовленных из цветных металлов. Даже небольшие серии находок показывают разнообразие использовавшихся рецептур при получении сплавов, а также использование таких технологий, как лужение и амальгамирование. Имеющие различия могут быть обусловлены хронологическими показателями, а также другими факторами. Осмысление всех полученных данных еще предстоит сделать на основе уже осуществленных исследований [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М.Т. Материалы эпохи средневековья из северных предгорий Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 180–193.

Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 243–252.

Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. 7: Археология. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959. С. 32–58.

Адамов А.А. О назначении парных крючков из погребений первой половины II тыс. н.э. лесостепного Приобья // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 1991. С. 164–168.

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.

Алехин Ю.П. Енисейские кыргызы на Юго-Западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск: СО АН СССР, 1990. С. 62–75.

Алехин Ю.П. Некоторые результаты охранных работ 1988 г. в Курьинском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. VIII. С. 133–136.

Алехин Ю.П. Мировые религии и мировоззрение народов Южной Сибири в VIII–X вв. (по материалам из Рудного Алтая) // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998а. Т. 1. С. 12–20.

Алехин Ю.П. Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998б. Вып. IX. С. 201–203.

Алтай в зеркале веков: Из собрания историко-краеведческого музея Барнаульского государственного педагогического университета: фотоальбом. Барнаул: Изд-во Барн. гос. пед. ун-та, 2001. 92 с.

Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1968. С. 98–111.

Арсланова Ф.Х. Женские погребения IX–X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М.: Fылым, 1998. С. 97–110.

Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука, 1973. С. 306–315.

Артюх Е.А. Алтайский период в научной деятельности В.В. Радлова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 295 с.

Артюх Е.А., Кунгуров А.Л. Первые археологические раскопки на территории г. Барнаула // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. V. С. 137–146.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. 280 с.

Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин и др. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.

Басандайка: сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1948. 219 с.

Беликова О.Б. Курган №53 Змеинкинского могильника на Чулыме // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1988. С. 116–135.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.

Бобров В.В. Курган могильника Промышленная-1 // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 108–116.

Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово: ИНТ, 2010. 276 с.

Боровков А.С. Набор украшений верхового коня эпохи раннего средневековья из северо-западных предгорий Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 3–9.

Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Раннесредневековые находки с Борковских Елбанов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Барн. гос. пед. ун-т, 1995. Вып. V, ч. II. С. 153–160.

Бородкин Ю.М. Курганы у села Тарасово // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1977. С. 139–147.

Быков Н.И., Малышева Н.В., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Дендрохронологический анализ древесины из памятников сросткинской культуры // Вестник алтайской науки. 2013. №1. С. 208–212.

Васютин А.С. Некоторые вопросы относительной хронологии комплексов со стременами и удилами кудыргинского и катандинского типов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 55–68.

Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI в. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово: ОФСЕТ, 2012. 213 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Глушкова Т.Н. Традиции ткачества и шелкового импорта на Алтае в древности // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: БГПУ, 2001. Вып. 4. С. 72–73.

Горбунов В.В. Случайная находка наконечника копья IX–X вв. н.э. из с. Верх-Кучук // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 47–49.

Горбунов В.В. Погребение IX–X вв. н.э. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. С. 86–87.

Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 80–90.

Горбунов В.В. Грунтовый могильник Троицкий Елбан-I (новые материалы) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Барн. гос. пед. ун-т, 1995. Вып. V, ч. II. С. 148–152.

Горбунов В.В. Курганы сросткинской культуры у с. Шелаболиха // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 162–166.

Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003а. Кн. I. С. 37–42.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003б. 174 с.

Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории Лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 92–95.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Военное искусство алтайских тюрок в раннем средневековье // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 85–98.

Горбунов В.В. Сросткинская культура Алтая: картографический анализ и его историческая интерпретация // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд; Томск: Б.и., 2009а. Т. II. С. 33–35.

Горбунов В.В. Комплексное изучение поясных наборов сросткинской культуры // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009б. С. 264–268.

Горбунов В.В. Поясные бляхи-накладки сросткинской культуры // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009в. Вып. 5. С. 120–130.

Горбунов В.В. Тюрко-самодийское взаимодействие в VIII–IX вв. на юге Западной Сибири (по материалам могильника Иня-1) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. II. С. 19–21.

Горбунов В.В. Сросткинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН, 2012. Кн. 2. С. 549–554.

Горбунов В.В. Погребение сросткинской культуры у с. Хабазино // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 98–101.

Горбунов В.В. Сложносоставные луки сросткинской культуры (VIII–XII вв. н.э.) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014а. Т. III. С. 505–510.

Горбунов В.В. Длинноклинковое оружие тюркской конницы // Война и оружие. Новые исследования и материалы: тр. Пятой Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014б. Ч. I. С. 385–401.

Горбунов В.В. Мечи и сабли кимаков Восточного Казахстана // Война и оружие. Новые исследования и материалы: тр. Седьмой Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. Ч. II. С. 131–147.

Горбунов В.В. Культурно-исторические процессы на территории Лесостепного Алтая в I тыс. н.э. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 272–273.

Горбунов В.В. Сопроводительные захоронения животных на могильнике Иня-1 в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020а. Вып. XXVI. С. 30–36.

Горбунов В.В. Кимаки, кыпчаки и сросткинская культура: общее и особенное // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара: СПГУ, 2020б. Т. II. С. 333–335.

Горбунов В.В. Использование доспехов в погребальной практике населения Западной Сибири эпохи Средневековья // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2021а. №74. С. 183–190.

Горбунов В.В. Курганы сросткинской культуры Лесостепного Алтая с деревянной рамой // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021б. Вып. XXVII. С. 168–175.

Горбунов В.В., Гельмель Ю.И. Руническая надпись из погребения сросткинской культуры в Кулундинской степи // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 69–77.

Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Исследование памятников средневековья на Алтае // Археологические открытия 2004 года. М.: Наука, 2005а. С. 420–423.

Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Взаимодействие средневековых кочевников в северо-западной части Горного Алтая (по материалам памятника Чинета-II) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005б. С. 145–147.

Горбунов В.В., Кирюшин К.Ю. Случайные находки средневековых предметов в Павловском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. Вып. XX. С. 76–80.

Горбунов В.В., Кондрашов А.В. Аварийные раскопки погребения сросткинской культуры у с. Боровиково // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 39–44.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Раскопки курганов на Алтае // Археологические открытия 2000 года. М.: Наука, 2001. С. 212–214.

Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Барн. гос. пед. ун-т, 2003. Вып. XIII. С. 52–57.

Горбунов В.В., Ситников С.М. Исследование аварийного кургана сросткинской культуры на памятнике Кайгородка-V // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 9–16.

Горбунов В.В., Ситников С.М. Средневековый поясной набор с Гилевского водохранилища // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2008 г.: археология, этнография, устная история. Барнаул: АлтГПА, 2009. Вып. 5. С. 18–22.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник сросткинской культуры Филин-I – аварийный памятник археологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 137–141.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сросткинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. VII. С. 281–287.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник Сростки-I: история изучения и современные исследования // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4/2 (84). С. 54–67.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Накладки сложносоставных луков из могильника Сростки-I (материалы раскопок 2012–2014 и 2016 гг.) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3 (15). С. 7–19.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Результаты изучения эпонимного памятника Сростки-I на Алтае: возвращение к истокам и новые материалы // Археология Евразийских степей. 2018а. №6. С. 73–80.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. «Элитные» курганы сросткинской культуры рубежа I/II тыс. н.э. на Приобском плато // Археология Евразийских степей. 2018б. №6. С. 81–88.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Металлические бляхи в виде воинов-всадников из памятника Сростки-I: история изучения, новые сведения и рентгенофлюоресцентный анализ // Теория и практика археологических исследований. 2019. №2 (26). С. 179–187.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Кунгуров А.Л. Поселения сросткинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2016. №4 (92). С. 218–229.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Семибратов В.П. Воинский комплекс сросткинской культуры из пос. Горный в северных предгорьях Алтая // Археология Евразийских степей. 2020. №6. С. 234–247.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В. Редкое погребение одинцовской культуры на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: мат. междунар. конф., посвящ. 80-летнему юбилею Л.А. Чиндиной. Томск: Д'Принт, 2017. С. 106–110.

Горбунов В.В., Фролов Я.В. Крюшино-2 – новый памятник сросткинской культуры в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 107–116.

Горбунова Т.Г. Лужение как способ декорирования украшений конского снаряжения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 156–158.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование спектрального анализа при изучении украшений конского снаряжения из средневековых памятников Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 151–157.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование благородных металлов в изготовлении украшений конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 199–202.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Золотое амальгамирование в оформлении художественного металла сросткинской культуры // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 168–172.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009. 144 с.

Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем-III как источник по средневековой истории Тувы). М.: Фундамента-Пресс, 1998. 84 с.

Григоров Е.В. Распределители ремней Южной Сибири VII–X вв. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 152–158.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая. Материалы по изучению Сибири. Новосибирск: Общество изучения Сибири, 1930. Вып. 2. 11 с.

Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // КСИИМК. 1949. Вып. XXVI. С. 110–119.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 162 с. (МИА. №48).

Грязнов М.П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960. С. 22–24.

Гуревич Д.Я., Рогалев Г.Т. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. М.: Росагропромиздат, 1991. 240 с.

Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб.: ЭлекСис, 2013. 232 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. 110 с.

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 77–80.

Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 276 с.

Зиняков Н.М. Железообрабатывающее производство Томского Приобья в XI–XIV вв. // Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. Прил. 3. С. 146–164.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2000. 160 с.

Иванов Г.Е. Средневековые наконечники копий из мамонтовского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. Вып. XII. С. 165–168.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.

Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 119 с.

Илюшин А.М. Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск: КузГТУ, 1998. С. 54–78.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: КузГТУ, 1999а. 160 с.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово: КузГТУ, 1999б. 208 с.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: КузГТУ, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово: КузГТУ, 2012. 188 с.

Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура. Кемерово: КузГТУ, 2014. 216 с.

Илюшин А.М. Средневековые курганы в долине Касьмы. Кемерово: КузГТУ, 2021. 195 с.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. 206 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1990. 128 с.

История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. 392 с.

Казаков А.А. Раскопки кургана в Крутихинском районе (по материалам Государственного Эрмитажа) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: БГПУ, 1995. Вып. V, ч. II. С. 161–165.

Казаков А.А., Горбунов В.В. Охранные раскопки курганного могильника Хлеборобный Елбан-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Вып. IV, ч. II. С. 244–247.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Погребение сросткинской культуры на могильнике Восход-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 198–200.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Алехин Ю.П. Курган сросткинской культуры могильника Быково-IV // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул: Барн. гос. пед. ун-т, 1999. С. 174–181.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая (Известия лаборатории археологии). Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175.

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В. Материалы двух погребений конца I тыс. н.э. с Верхнего Приобья // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 137–142.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Нехведавичюс Г.Л. Музей археологии Алтая как учебно-научное и культурно-образовательное подразделение Алтайского государственного университета // Культурное наследие Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 99–114.

Комиссаров С.А., Худяков Ю.С. Еще раз о происхождении стремян: сяньбийский фактор // История и культура Улуса Джучи: ежегодник. 2006. Казань: Фэн, 2007. С. 246–266.

Коников Б.А. Омское Прииртышье в эпоху средневековья. Омск: Наука, 2005. 244 с.

Коников Б.А. «Тюркская триада» (вооружение, поясная гарнитура, конское снаряжение) как один из компонентов культур раннего и развитого Средневековья Омского Прииртышья // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 35–47.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.

Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: ТАУС, 2008. 176 с.

Кубарев Г.В. К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрок Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. №3. С. 190–197.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кузнецов Н.А. Курганный могильник Шестаки-I // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2004. Вып. 6. С. 41–68.

Куйбышев А.В., Медникова Э.М., Могильников В.А., Неверов С.В., Суразаков А.С., Уманский А.П. Работы Алтайской экспедиции // АО 1976. М.: Наука, 1977. С. 211–212.

Кунгуров А.Л. Реконструкция погребального обряда и предметов материальной культуры грунтового могильника монгольского времени у с. Усть-Алейка // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1991. С. 161–168.

Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т. Археологические памятники города Барнаула. Барнаул: Азбука, 2006. 125 с.

Кызласов И.Л. Булавки древних хакасов // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1977. С. 87–104.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири, X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с. (САИ, Е3-18).

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. 155 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 163 с.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. №2. С. 115–129.

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Митько О.А. Средневековые игольники // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1991. С. 101–109.

Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981а. С. 45–46.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981б. С. 190–193.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.

Могильников В.А. Находка китайского зеркала в Кулундинской степи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 158–162.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М.: Пущинский научный центр РАН, 1997. 195 с.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. 1982. №2. С. 113–134.

Могильников В.А., Неверов С.В., Уманский А.П., Шемякина А.С. Курганы у деревни Грязново // Древняя история Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 106–130.

Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Камень-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 184–187.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 184 с.

Неверов С.В. История изучения памятников сросткинской культуры Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 93–105.

Неверов С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М. Сергеева) // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 100–121.

Неверов С.В. Костяные пряжки сросткинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 192–206.

Неверов С.В. История племен сросткинской культуры в VIII–XII вв. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. 19 с.

Неверов С.В. Курганы конца I тыс. н.э. могильника Рогозиха-1 на Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990а. С. 112–116.

Неверов С.В. Этнокультурные особенности сросткинской культуры // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990б. С. 170–174.

Неверов С.В. Хронология и периодизация сросткинской культуры Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 180–182.

Неверов С.В. Удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: БГПИ, 1992. С. 141–154.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 127–151.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 176–178.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Вост. лит-ра, 2000. 224 с.

Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // ТТКАЭЭ 1959–1960. Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 108–142.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Овчинникова Б.Б., Длужневская Г.В. «Дружинное захоронение» енисейских кыргызов в центре Тувы (по материалам могильника Аймырлыг-2). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. 50 с.

Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул: Б.и., 1990. 132 с.

Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. 256 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 134 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М.: Наука, 1974. 200 с. (САИ Е4-2).

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 288 с.

Плотников Ю.А. Скульптурные изображения рыб в памятниках сросткинской культуры // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1987. С. 110–120.

Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. 136 с.

Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука. Главная редакция вост. литры, 1989. 749 с.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 139 с.

Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 94–104.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 215 с.

Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 16–20.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино-I (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 77–99.

Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки Н.М. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. №3. С. 175–190.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже веков (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 424 с.

Самашев З. Памятники средневековых кочевников верховий р. Каракаба в Казахском Алтае // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. С. 379–409.

Серегин Н.Н., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №2 (26). С. 15–34.

Скобелев С.Г. Курган №7 могильника Койбалы – уникальный памятник древнетюркской культуры с территории Западного Присаянья // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1999. С. 129–149.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск: ГАГУ, 2015. 248 с.

Степанова Н.Ф., Горбунов В.В. Находки эпохи средневековья с поселений Малый Дуган и Узнезя-I // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1994. С. 82–85.

Суворова Г.И., Ткачев А.А. Кимакские погребения могильника Ахмирово-1 // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 253–266.

Телегин А.Н. Аварийные раскопки курганной группы Барчиха // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 182–183.

Телегин А.Н. Раскопки курганной группы Объездное-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 143–145.

Телегин А.Н. Раскопки курганной группы Объездное-2 // Археологические открытия 1998 года. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 340–341.

Телегин А.Н. Раскопки курганной группы Объездное-I // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука, 2004. С. 473.

Тишкин А.А. Некоторые итоги археологических исследований курганов северо-западных предгорий Алтая // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 16–19.

Тишкин А.А. Курганный могильник Белый Камень – новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993а. С. 232–247.

Тишкин А.А. Аварийные археологические раскопки курганного могильника Щепчиха-1 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993б. С. 90–99.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

Тишкин А.А. Использование золота при изготовлении предметов торевтики в период раннего средневековья (по материалам исследований археологических памятников на юге Западной Сибири и результатам рентгенофлюоресцентных анализов) // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 256–259.

Тишкин А.А. Фрагменты тканей из древних и средневековых памятников (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета) // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция. М.; Оппенхайм-на-Рейне: Nünnerich–Asmus Verlag & Media GmbH, 2019. С. 142–154.

Тишкин А.А., Быков Н.И., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Радиоуглеродное датирование погребальных комплексов сросткинской культуры Лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. XXII. С. 191–196.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курган сросткинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 194–198.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Археологические памятники эпохи средневековья в Павловском районе // Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул; Павловск: Барн. гос. пед. ун-т, 2000а. С. 54–63.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Результаты исследования курганов сросткинской культуры на Приобском Плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и со-

предельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006б. Т. VI. С. 405–410.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002а. Т. VIII. С. 456–461.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002б. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения кулайской культуры на памятнике Кармацкий в Барнаульском Приобье // Игорь Геннадьевич Глушков. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2012. Ч. 3. С. 102–109.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Алтай в сяньбийское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2020. №3. С. 33–46.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Двухсоставные застежки в сросткинской культуре // Российская археология. 2022. №3. С. 94–106.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К. Исследования в Лесостепном и Горном Алтае // Археологические открытия 2002 года. М.: Наука, 2003. С. 415–418.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X, ч. I. С. 410–415.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Новые объекты эпохи средневековья на Чинетинском археологическом комплексе в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI, ч. I. С. 476–479.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.

Тишкин А.А., Позднякова О.А. Новые материалы андроновской культуры с территории Лесостепного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. VII. С. 460–464.

Тишкин А.А., Семкина Т.П., Черепанова Т.М. Коллекция раннесредневековых изделий в Шелаболихинском районном музее // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. XXI. С. 251–257.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.

Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Аварийные археологические раскопки памятника Черный Камень в Рубцовском районе Алтайского края // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 123–126.

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул: Азбука, 2010. 288 с.

Трифонов Ю.И., Илюшин А.М., Алехин Ю.П. Новые археологические материалы по истории кыпчаков Казахстана // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск: КузГТУ, 1998. С. 220–233.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Средневековый могильник у села Чингис // Средневековые древности Западной Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 138–153.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Уманский А.П. Археологические памятники у села Иня // Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1970. Вып. 11. С. 45–74.

Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 136–149.

Уманский А.П. Три находки кыргызского времени в Алтайском крае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 128–137.

Уманский А.П. Курганы железного века в Родинском районе // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 202–219.

Уманский А.П. Аварийные раскопки у села Нечунаево // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. VIII. С. 153–156.

Уманский А.П., Караваев А.В. Аварийные раскопки у села Ильинка в 1972 году // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. С. 84–85.

Уманский А.П., Неверов С.В. Находки из погребений IX–X вв. в долине р. Алея на Алтае // СА. 1982. №2. С. 176–183.

Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения первой половины II тыс. н.э. на могильнике Ильинка в Алтайском крае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 146–161.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Всадники эпохи Тюркских каганатов на Северном Алтае (по материалам могильника Чумыш-Перекат) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сб. науч. ст., посвящ. 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова. Сер.: Труды ИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2021. Т. LVII. С. 339–354.

Фролов Я.В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: очерки истории и культуры. Барнаул; Усть-Пристань: КОМБИ-ПРИНТ, 1999. С. 6–29.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 336 с.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. 1996. №3. С. 46–53.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 292 с.

Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья // А.А. Коновалов, Н.В. Ениосова, Р.А. Митоян, Т.Г. Сарачева. М.: Вост. лит., 2008. 192 с. : ил.

Чекалин В.М. Роль Змеиногорского месторождения золото-серебро-барито-полиметаллических руд в истории основания и развития города Змеиногорска // Серебряный венец России: очерки истории Змеиногорска. Барнаул: Б.и., 1999. С. 6–16.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 191 с.

Шамшин А.Б., Лузин С.Ю., Неверов С.В., Изоткин С.Л. Раскопки курганного могильника Кучук-1 // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. С. 71–73.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Шмидт А.В. Разведочные работы в районе протоки Заломная // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 127–131.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Горбунов В.В. Отчет об археологических раскопках отрядов Алтайского государственного университета летом 2001 г. в Шелаболихинском, Калманском и Алейском районах Алтайского края. Барнаул, 2002. 255 с. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №186).

Горбунов В.В. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Успеновка-II в Алейском районе Алтайского края летом 2002 г. Барнаул, 2003. 76 с. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №187).

Горбунов В.В. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Боровиково-IV в Павловском районе Алтайского края летом 2004 г. Барнаул, 2005. 50 с. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №208).

Могильников В.А., Куйбышев А.В. Отчет о работах в зоне строительства Кулундинского магистрального канала и Кулундинской оросительной системы в 1976 г. М., 1977. (Архив Института археологии РАН. №Р-I 6474).

Кунгуров А.Л. Отчет об археологических раскопках Алейского и Шелаболихинского отрядов Алтайского государственного университета осенью 2000 г. в Алейском и Шелаболихинском районах Алтайского края. Барнаул, 2001. 205 с. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №155).

Тишкин А.А. Отчет об археологических исследованиях в Алтайском крае и Республике Алтай. Барнаул, 2002. 235 с. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №159).

SUMMARY

Vadim V. Gorbunov, Alexey A. Tishkin. The Kurgans of the Srostkinskaya Culture on the Priobskoe Plateau: A Monograph. – Barnaul : Publishing House of Altai State University, 2022. – 320 p. (Archeological Sites of Altai. Vyp. 6).

The sites of the Srostkinskaya archaeological culture were left by a large association of tribes that lived in the south of Western Siberia in the late Early and Early Middle Ages. Throughout the 2nd half of the 8th – 12th centuries this population played an important role in military-political and ethno-cultural processes on the border with different regions of Central Asia. To a large extent, the beginning of active Turkization of the forest-steppe regions of the West Siberian Plain is also connected with it.

At the present stage of the study of the Srostkinskaya culture, the main direction is the complete publication of the studied archaeological objects. Of particular importance is the publication of consolidated monographs on large areas of the distribution area of the Srostki sites. The main purpose of this study is to summarize, analyze and interpret scientific information about the burial sites of the Srostki culture located on the territory of the Priobskoe Plateau.

An important place in the monograph is taken by the publication of the results of excavations of the Srostkinsky kurgan burial mounds and solitary kurgans by expeditions of Altai State University in 1997–2004 in various places on the Priobskoe Plateau. Thanks to this, in addition to the usual barrow mounds, it was possible to investigate a series of "elite" objects.

The history of the study of the Srostki burial grounds in the region under consideration has allowed designating three periods. The first one (1860s – 1910s) is characterized by the beginning of the episodic excavations, which created the certain ground for further works. The second period (1960s – 1980s), in spite of dominance of the rescue character of excavations, led to considerable growth of the source base and inclusion of the Priobskoe plateau territory in the area of already allocated Srostkinskaya culture. The third period (1990s – 2000s), apart from the protection works, is marked by purposeful excavations of the Srostki burials and more active publication of them.

The typology of the inventory showed that the items from the burial mounds of the Priobskoe Plateau are close to the items from other areas of the Srostkinskaya culture. They are also close to the products from the archaeological sites of the Kimaks and Kypchaks, and form with them an almost single material complex, the development of which was based on the Turkic tradition. Much fewer connections were found with the Kyrgyz complex.

The typological analysis allowed determining the date of most of the objects, and their correlation made it possible to date burials and burial mounds. All of them were distributed within the framework of the already developed periodization of the Srostkinskaya culture:

1. Inskoi stage, 2nd half of the 8th – 1st half of the 9th centuries, three sites (Kiprinsky Borok-7, Malo-Panyushovo, Plotnikovo).

2. Gryaznovsky stage, 2nd half of the 9th – 1st half of the 10th cc., 13 sites (Bykovo, Bykovo-IV, Gryaznovo-I–IV, Kamen-II, Nechunaevo-3, Nechunaevsky Elban-2, Ob'ezdnoe-2, Uspenovka-II, Khabazino-4, Yarovskoe-III).

3. Shadrintsevsky stage, 2nd half of the 10th - 1st half of the 11th cc, 14 sites (Gon'ba, Gran', Zakoryashino, Kamen'-I, Kolovy Mys, Kuchuk-1, Ob'ezdnoe-I, Popovskaya Dacha, Pospelikhinsky, Prudsky, Rogozikha-1, Filin-I, Shelabolikha-3, Yarovskoe-V).

4. Zmeevsky stage, 2nd half of the 11th – 12th centuries, four sites (Barchikha, Borovikovo-IV–V, Ilyinka).

The systematization of the elements of funeral rites has identified the stable features characteristic of the sites of the Srostkinskaya culture: mound or less often ground necropolis; row arrangement of burials with a central burial; ditches or frame-fences; pillars at the "head of the grave"; ground ceilings of the burial pits; inner grave frames with overlap and floor; elongated position of dead with an orientation to the eastern sector.

Examining the origin of the kurgan, grave constructions, and the types of burials, we can distinguish four conventional ethnic components in the composition of the Srostki society: Turkic, Samoyedic, Kypchak and Ugrian.

Comparative analysis of the inventory of grave sets with the elements of funeral rites revealed different levels of stratification of the Srostki society. Four social groups were distinguished. The "ruling elite" consisted of the representatives of the Turks and the Kypchaks, the "tribal aristocracy" included the representatives of the Turkic and Samoyedic ethnoses, dominated by the latter; the "common people" comprised the Samoyedics and small number of the Turks and the Ugric, and the "dependent population" was based on the Samoyedics only.

The social organization of the population of the Srostkinskaya culture on the Priobskoe Plateau was a model of the society, providing domination of the new Turkic ethnos over a more numerous autochthonous Samoyedic ethnos. At the same time the local nobility maintained self-government and was partially integrated into the tribal structure of the ruling ethnos. This model also remained open to the participation of other ethnic groups.

During the existence of the Srostki association, especially during its blossoming period in the 2nd half of the 9th – 1st half of the 11th centuries, the Priobskoe plateau was a geographical centre of the whole area of the culture. As excavations show, it is there that the largest and "richest" barrows are located. This allows us to consider the Priobskoe plateau to be the political centre of the Srostki association as well.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию (Республика Алтай).

АлтГПУ (АлтГПА) – Алтайский государственный педагогический университет.

АлтГУ (АГУ) – Алтайский государственный университет.

АН – Академия наук.

АО – Археологические открытия.

БГПУ (БГПИ) – Барнаульский государственный педагогический университет.

Б.и. – без издательства.

ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт.

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

ИА – Институт археологии.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

ИИМО – Институт истории и международных отношений.

ИИФиФ – Институт истории, философии и филологии.

ИФ – Исторический факультет.

КазССР – Казахская Советская Социалистическая Республика.

КемГУ – Кемеровский государственный университет.

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры.

КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачёва.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

НПЦ – Научно-производственный центр.

ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.

ОмГУ – Омский государственный университет.

РАН – Российская академия наук.

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

СО – Сибирское отделение.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

ТГУ (ТомГУ) – Томский государственный университет.

ТТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.

ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ... **3**

Глава I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИОБСКОГО ПЛАТО ... **6**

1.1. Исследования 1860–1910-х гг. ... 6

1.2. Исследования 1960–1980-х гг. ... 10

1.3. Исследования 1990-х – начала 2000-х гг. ... 18

Глава II. РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК СРОСТКИНСКИХ КУРГАНОВ ЭКСПЕДИЦИЯМИ АГУ В 1997–2004 ГГ. ... **23**

2.1. Одиночный курган Яровское-III ... 23

2.2. Курганная группа Яровское-V ... 24

2.3. Одиночный курган Грань ... 28

2.4. Курганная группа Филин-I ... 30

2.5. Одиночный курган Поповская Дача ... 35

2.6. Курганная группа Прудской ... 40

2.7. Курганная группа Успеновка-II ... 46

2.8. Курганная группа Боровиково-IV ... 49

Глава III. ИНВЕНТАРЬ И ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ... **53**

3.1. Вооружение ... 53

3.2. Снаряжение верхового коня ... 63

3.3. Костюм ... 80

3.4. Орудия труда и предметы быта ... 94

3.5. Датировка и периодизация ... 101

Глава IV. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВА ... **107**

4.1. Курганные сооружения ... 108

4.2. Конструкция могил ... 112

4.3. Захоронения людей и животных ... 115

4.4. Этнокультурные компоненты ... 117

4.5. Социальная структура ... 120

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **127**

ПРИЛОЖЕНИЕ I. ИЛЛЮСТРАЦИИ **131**

ПРИЛОЖЕНИЕ II. ТАБЛИЦЫ **265**

ПРИЛОЖЕНИЕ III. РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ НАХОДОК ИЗ ПАМЯТНИКОВ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ИССЛЕДОВАННЫХ ЭКСПЕДИЦИЯМИ АГУ НА ПРИОБСКОМ ПЛАТО В 1997–2004 ГГ. **285**

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК **303**

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ **314**

SUMMARY **315**

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ **317**

Научное издание

Серия «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ»
Выпуск 6

Редакционная коллегия серии:
А. П. Бородовский, В. В. Горбунов, С. П. Грушин, П. К. Дашковский,
М. А. Дёмин, Ю. Ф. Кирюшин, А. И. Кривошапкин, А. Л. Кунгуров,
Л. С. Марсадолов, В. И. Соёнов, А. А. Тишкин (председатель)

Горбунов Вадим Владимирович
Тишкин Алексей Алексеевич

КУРГАНЫ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИОБСКОМ ПЛАТО

Монография

Для оформления обложки использованы фотоснимки металлических застежек и фрагмента ткани, найденных при раскопках могилы-1 памятника Поповская Дача

Редактор: Н. Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: М. Ю. Кузеванова
Перевод текста на английский язык: Е. А. Россинская

Подписано в печать 14.12.2022. Печать офсетная.
Шрифт Bookman Old Style. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 37,2.
Тираж 500 экз. Заказ 04.
Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»:
656099, Барнаул, пр-т Красноармейский, 98а /ул. Мерзликина, 10.
Тел. 8 (3852) 629103, 627725
E-mail: azbuka@mail.ru
Дата выхода 30.12.2022